

Андрей
Платонов

Котлован

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

Андрей ПЛАТОНОВ

КОТЛОВАН

ТЕКСТ,
МАТЕРИАЛЫ ТВОРЧЕСКОЙ ИСТОРИИ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
«НАУКА»
2000

УДК 82/821

ББК 83.31 (2Рос=Рус)

П 39

Редакционная коллегия:

Н. А. ГРОЗНОВА, Т. М. ВАХИТОВА, В. П. МУРОМСКИЙ,
М. А. ПЛАТОНОВА

Оригинал-макет подготовлен А. Н. Целовальниковым

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
проект № 99-04-16044д*

ТП-99-II-229

ISBN 5-02-028425-4

© Издательство «Наука», 2000

От редакции

Подготовка и издание неискаженных, тщательно выверенных платоновских текстов является важнейшей задачей литературной науки и одновременно необходимой предпосылкой для дальнейшего успешного развития платоноведения.

Академическое издание повести А. Платонова «Котлован», подготовленное коллективом сотрудников ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН, преследует цель восстановить подлинный текст повести, без тех наслоений и деформаций, которым он подвергся при прежних его публикациях — как зарубежных, так и российских. Издание осуществлено с учетом последней правки машинописи на основе авторской черновой рукописи «Котлована» (фонд ИРЛИ), сверенной с другими машинописными копиями повести, хранящимися в РГАЛИ и домашнем архиве писателя. В книге публикуется динамическая транскрипция рукописи, позволяющая заглянуть в творческую лабораторию автора «Котлована».

В процессе подготовки издания выявлен и атрибутирован ряд материалов, проливающих свет на творческую историю «Котлована»: киносценарий «Машиниста» и сопроводительное письмо А. Платонова в сценарный отдел фабрики «Совкино», очерк «В поисках будущего (Путешествие на Каменскую бумажную фабрику)». Их тесная связь с «Котлованом» обосновывается в сопутствующих исследовательских статьях.

Особенность данной публикации «Котлована» состоит в том, что читателю предоставляется возможность получить сведения о реальных источниках текста и проследить его изменение на всех этапах работы автора над повестью.

Издание сопровождается вступительной статьей и комментариями.

Редакция выражает признательность сотрудникам Пушкинского Дома, других научных учреждений, оказавшим конкретную и полезную помощь в подготовке настоящего издания повести А. Платонова «Котлован», в частности Е. И. Колесниковой и К. А. Баршту.

Повесть «Котлован» в контексте творчества Андрея Платонова

Творчество А. Платонова (1899–1951) соткано из парадоксов. В нем переплелись удивительная простота и интеллектуальная изысканность, «косноязычие» и глубина смысла, жажда личной свободы и стремление к идеалу коллективизма, внимание к насущным проблемам дня и потребность решать «извечные вопросы» человечества. А. Платонов мог назвать себя политическим писателем в полном смысле этого слова и в то же время всегда оставался художником-философом. Он был утопистом и постоянно сомневался в своей утопии. Он корнями был связан с народной культурой, однако в его произведениях внимательный читатель способен увидеть целые пласты чисто литературных подтекстов. Новатор и традиционалист, он создал стиль, которому невозможно подражать и одновременно стиль, влияние которого на русскую культуру неоспоримо. Платонов сочетал в себе самые разнообразные качества: «слово и дело» слились для него в одно — профессию инженера и мелиоратора («строителя родины») он ставил выше литературы, однако жить без искусства не мог.

Творчество А. Платонова принадлежит сразу двум эпохам. Главные произведения писателя, повести «Чевенгур» и «Котлован», написанные на переломе 20–30-х годов, несмотря на страстное желание автора, так и не были опубликованы при его жизни. Обстоятельства, помешавшие этому, вряд ли могут быть восстановлены во всей точности и полноте деталей. Однако главная причина очевидна. Она кроется в своеобразии мышления и языка художника, не позволившем ему обрести хоть сколько-нибудь устойчивое положение в идеологической конструкции советского общества. Противоречия и сомнения, свойственные личности Платонова, слишком искренне воплотились в литературных текстах. В своем творчестве Платонов вольно или невольно разрывал круг тотальной убежденности в правоте провозглашаемых эпохой истин.

В силу тех же причин платоновские книги стали фактом интеллектуальной истории конца XX в. Ощущаемая ныне парадоксальность Платонова несет в себе нечто большее, чем необычность найденной художником литературной формы. В ее основе лежит драматическая связь с абсурдностью самого времени, с видимой алогичностью процессов, сопровождавших крушение старой и рождение новой России. Современному восприятию революционной эпохи как будто потребовалась призма именно такого увеличения, именно такой погрешности, какую отшлифовал в своем творчестве автор «Чевенгура» и «Котлована». Его произведения не случайно становятся

столь благодатной почвой для исследований философов, историков культуры и вряд ли когда-нибудь будут достоянием только узкого круга специалистов по литературе советского периода.

Крайне важно учитывать эту глубинную сопряженность творчества Платонова со своим временем, выразившуюся в яркой философско-исторической представительности его текстов. Она затенена и порой очень негромко о себе заявляет. Стиль Платонова словно провоцирует пройти мимо нее, хотя только на ней и зиждется. Платоновские тексты требуют соотнесения с реальностью и не терпят безоглядного отлета в область вневременных, внепространственных идей. Последние обретают свой статус в творчестве Платонова лишь благодаря укорененности в русской жизни XX столетия.

Повесть «Котлован» была написана в начале 30-х годов. Ровесники века, автор «Котлована» и главный герой повести, также перешагнули порог тридцатилетия. К этому времени Платонов был уже вполне сложившимся художником, с немалым багажом жизненного и литературного опыта. Позади остались детство и юность, проведенные в Воронеже, забота о большой семье, в которой Андрей был старшим ребенком, церковно-приходская школа, четырехклассное училище, очень недолгое пребывание на историко-филологическом факультете Воронежского университета, учеба в железнодорожном политехникуме, краткое участие в гражданской войне (железнодорожные войска, помощник машиниста), работа инженером и мелиоратором, жизнь в Москве и Тамбове, бурное начало литературной деятельности в провинции и постоянные неудачи в отношениях с критикой — центральной — в дальнейшем. Платонов подходил к вершине творческого пути. Все, что было накоплено, переплавлено предстоило выплеснуться на рубеже десятилетий в новое произведение, которым стал «Котлован».

Наследие Платонова обладает свойством особой целостности. Все им написанное может и даже должно читаться как один текст. «Мои идеалы однообразны и постоянны»,¹ — эта хрестоматийная фраза, самооценка, данная в 1926 году, полностью подтвердилась художественной практикой. Речь, конечно, идет не о том, что творчество Платонова лишено всякой эволюции. Но о единстве некоторого ядра присутствующих ему когнитивных и эстетических принципов можно говорить с уверенностью. Постоянство Платонова ощущалось всегда: современниками, которые упрекали писателя в извечной, набившей оскомину убогости героев и пристрастии к маргинальным темам; исследователями более позднего времени, в чьих работах на первый план выдвигается проблема «навязчивых», повторяющихся мотивов и переходящих из текста в текст «образов-категорий». Каждое последующее платоновское произведение, пусть иного жанра, пусть его внешний сюжет посвящен совершенно иным событиям, есть продолжение разговора о проблемах, поставленных ранее, подчас очень давно. «Котлован» в этом смысле не исключение.

Начало литературной деятельности Платонова относится к 20-м годам и было очень активным. Платонов сотрудничает в воронежских газетах, пишет публицистические статьи, выпускает брошюру «Электрофикация» (1921) и тогда же — сборник стихотворений «Голубая глубина» (1922). Диапазон интересов молодого Платонова поражает: от техники до лирики. И в каждой из областей интересов свои противоречия. Книга «Голубая глубина», например, содержит произведения, по стилю отстоящие друг от друга настолько же, насколько разнятся между собой железная эстетика

¹ «...Живя главной жизнью» // Волга. 1975. № 9. С. 165.

«Кузницы» и мягкое звучание стихов крестьянских поэтов. Впрочем, видимая ученическая эклектичность очень скоро обернется иной стороной — «художественной энциклопедичностью», при которой разность тенденций и влияний уравнивается устойчивостью внутренних авторских интенций, позволяющей писателю превращать «чужое» в «свое», выстраивать совершенно новую и в то же время обращенную к разным традициям собственную концепцию мира.

Для ранней публицистики Платонова прежде всего характерна крайняя революционность, вполне отвечающая чаяниям времени и настроению молодого поколения пролетарских писателей, которому Февраль и Октябрь 17-го года позволили подняться над данным от рождения общественным положением. Подобная революционность включала в себя не только социальный аспект переустройства общества, но и онтологический, подразумевающий преобразование вселенной вообще. Разумеется, публицистика начинающего литератора создавалась под воздействием доминирующих идеологических настроений и лозунгов, но это не значит, что все в ней ограничивалось лишь марксистско-ленинской теорией. А. Богданов, А. Гастев, Ф. Ницше, Ф. Достоевский, А. Луначарский, Л. Фейербах, Вл. Соловьев, О. Вейнингер, К. Тимирязев — вот лишь немногие имена мыслителей, чьи идеи отразились в размышлениях А. Платонова. Часто решительно отвергаемые им, они все же продолжали жить в его сознании, создавая фонд идеологических блоков, которые занимали свое место в понятийной системе языка писателя на правах своеобразных «максилексем». Органичность, присущая его языку, снимала всякую эклектику.

Стиль Платонова-публициста, при всей его внешней «лозунговости», отнюдь не догматичен. Это стиль незавершенного размышления (вот показательное завершение статьи «О науке»: «...о конечной победе над своими врагами — природой и смертью, я напишу в другой раз, как обдумаю»)¹ своего рода неоконченная неортодоксальная эссегаза по отношению к выдвигаемым эпохой и историей воззрениям. Любая догма, принадлежащая ли новому марксистскому взгляду на мир или отбрасываемому в прошлое религиозному (а писатель, безусловно, питался богатейшим опытом человечества, собранным в Библии), оказываясь в поле зрения Платонова, становилась материалом для построения глубоко индивидуальных мировоззренческой и художественной систем.

Уже в ранних статьях Платонова («Ремонт земли» (1920), «Да святится имя твое» (1920) и др.) звучит мысль о победе над смертью, понятая в отличном от христианской традиции ключе. Возникнув на волне общего увлечения проблематикой бессмертия в революционные годы, она стала одним из центров притяжения и для него. Надежды Н. Федорова, нашедшие отклик в душах многих его младших современников, обретшие силу в трудах К. Э. Циолковского, И.И. Мечникова, практике А. А. Богданова, чаяниях Л. Б. Красина, не оставили равнодушным писателя.² Более того, переосмысленная, сопряженная с идеей коллективизма, верой в возможности позитивного знания, христианская идея воскрешения, а вместе с ней целый

¹ Платонов А. П. О науке // Платонов А. П. Чутье правды. М., 1990. С. 53.

² Тема «Н. Федоров и А. Платонов» разработана довольно подробно (Семенова С. «В усилия к будущему времени...»: (Философия Андрея Платонова) // Литературная Грузия. 1979. № 11; Полтавцева Н. Г. Философская проза Андрея Платонова. Ростов. 1981; Толстая-Сегал Е. Идеологические контексты Платонова // Russian Literature. 1981. Vol. 9, No. 2; Любушкина Ш. Идея бессмертия у раннего Платонова // Russian Literature Vol. 23 No. 4.; Teskey A. Platonov and Fyodorov: The Influence of Christian Philosophy on a Soviet Writer. Amsterdam, 1982; Seifrid T. Andrei Platonov, uncertainties of spirit. Cambridge, 1992).

комплекс федоровских мотивов, будут жить в произведениях Платонова дольше, чем общее увлечение, очень скоро пресеченное властью мировоззренческой диктатуры. Трудно судить, какие особенности психологического склада художника позволили ей удержаться в ряду непреходящих устремлений – нужно ли рассматривать причины психоаналитического порядка, нужно ли вспоминать те моменты биографии, которые могли ее усилить.¹ В любом случае придется считаться с тем, что федоровская линия заявляла о себе — то приглушенно, то настойчиво — в творчестве Платонова вплоть до конца 40-х годов.² Без обращения к этой линии в произведениях писателя сложно увидеть те коннотативные смыслы, которые делают его отношение к миру трагическим, но не безнадежным.

Принципиальная незавершенность поисков истинного знания, лишь намеком обозначенная в публицистике, резко подчеркнута в научно-фантастических произведениях Платонова первой половины 20-х годов («Маркун» (1921), «Потомки солнца» (1922), «Лунная бомба» (1926) и др.), самой их поэтикой — открытостью финалов³ и явленной таким способом неудовлетворенностью автора решением поставленных вопросов. Вопросы же опять-таки были связаны в первую очередь с революцией — с возможностью качественного преобразования природы, с размышлениями о средствах достижения этой цели. В фантастике впервые красноречиво заявляет о себе ассоциирующееся с нищезанской проблематикой неразрешимое для Платонова противоречие между «ближним» и «дальним», необходимостью жертвовать первым ради достижения второго. Именно в фантастике обнаруживаются начальные попытки прикосновения к новому стилю, обретшему вершинное воплощение в 30-е годы.

Пока еще «анормативность» письма ощущается лишь на уровне сюжета. Фантастические произведения Платонова удивляют странным развитием фабулы, основанном во многом на трудно постижимых, нарочито загадочных и не сводимых к психологическим (если иметь в виду психологизм реалистической литературы) мотивировкам поведения героев. Лишь в миниатюрах, подобных рассказу «Маркун», где сюжетный ход необходимым образом укладывается в рамки фразы, подобного рода «странность» заполняет уровень микропоэтики. Еще мала причастность к «новоязу», газетному штампу, железной логике «радиоречей», использование которых в качестве темы и материала позволит Платонову выработать тот неподражаемый и уникальный по смысловой насыщенности стиль, который характерен для зрелого творчества писателя.

¹ Среди последних необходимо отметить гибель в раннем возрасте брата и сестры А. Платонова, отзвуки которой неоднократно звучали в текстах Платонова, соседствуя с мыслью о воскрешении. Герои повести «Строители страны», Гратов и Дванов, стоя над могилой умершего двухлетнего брата Дванова, клянутся отомстить природе за смерть детей, «работать, учиться и изобретать с таким усердием, чтобы к концу своей жизни сделать всю природу совершенно пластичной и покорной рецузу разума человека. Тогда мертвые будут воскрешены» (Из творческого наследия русских писателей XX века: М. Шолохов, А. Платонов, Л. Леонов. СПб., 1995. С. 358–359). Гораздо позже в 1940 году в одной из записей Платонова встречаем: «Если бы мой брат Митя или Надя — через 21 год после своей смерти вышли бы из могилы подростками, как они умерли...» (Цит. по: *Корниенко Н. В.* «...я прожил жизнь»: Хроника жизни и творчества А. П. Платонова // Платонов А. П. Взыскание погибших. М., 1995. С. 636).

² *Вьюгин В. Ю.* Поздний Платонов и Федоров: Возвращение к изученному // *Russian Literature*. 1999. Vol. 46-2.

³ См.: *Фоменко Л. П.* Своеобразие финалов повестей А. П. Платонова: (К проблеме изучения стиля прозы А. П. Платонова 20-30-х годов) // *Жанрово-стилевые проблемы в советской литературе: Межвуз. темат. сб.* / Калинин. гос. ун-т Калинин, 1978. С.37–49.

История стала для А. Платонова тематическим полюсом, противопоставленным обращенной в будущее научной фантастике. В 1927 году вышла его повесть «Епифанские шлюзы» о задуманном Петром I преобразовательном проекте создания «сплошного судоходного хода меж Доном и Окою». В центре повести оказывается символическое столкновение рационального — в лице представителя западной цивилизации инженера Бертрана Перри — и иррационального — природа, русский народ, Петр — начал. Развитие конфликта происходит в нескольких плоскостях. С одной стороны, это рассказ о попытке человека, опирающегося на силу своего разума, преодолеть естественные стихии, с другой — разговор о способности русского национального сознания к восприятию предлагаемых цивилизацией новшеств; наконец, это разговор о взаимоотношениях между наделенным неограниченной властью реформатором и человеком, исполняющим его волю. Если рассматривать «Епифанские шлюзы» с точки зрения общей проблемы переустройства жизни, то опыт истории, как это показывает Платонов, неутешителен: решительная реформация приводит к гибели того, кто призван ее осуществить, а цель реформатора остается или недостижимой, или же подвергается извращению.

Нарастающий скепсис по отношению к тем же, но обращенным к современности вопросам проявился в «Городе Градове» (1927). Предельная обобщенность центрального топонимического образа, незатененная связь с щедринской сатирической традицией, антибюрократическая направленность платоновских произведений дали повод критике обвинить автора в анархизме.¹ И не без оснований. Конечно, Платонов не был «партийным» анархистом, однако в целом ряде моментов (хотя бы в самом пафосе свободы, в преодолении любых оков, сдерживающих стремление к главной цели) его взгляды соприкасались с анархическими, усложняя отношения как с идеологией, так и с практикой пореволюционной диктатуры. Реальность оказалась более консервативной, чем ожидал Платонов. Надежды на воплощение «постоянных идеалов» прихотилось отодвигать в будущее.

На всем протяжении творческого пути Платонов был занят поиском героя своего времени — того, кто смог бы, восприняв несовершенство и «грязь» жизни как данное, всецело посвятить себя их преодолению. В ряду таких людей оказываются не только сверхчеловеческие натуры фантастических произведений, но и образы, созданные на основе реальных и во многом биографических впечатлений. Такое нисхождение к реальности, порождавшее простонародных персонажей, подобных Фоме Пухову из повести «Сокровенный человек» (1926), одновременно оказывалось благодатной почвой для выработки почти неотличимого к речи героев повествовательного стиля, где «авторское» знание почти неотлично от знания персонажей, где книжное органично уживается с фольклорным, где ограниченность одного начала снимается вторым, и наоборот.

Процесс рождения стиля отчетливо прослеживается в истории создания повести «Чевенгур» (1926–1928). Этапным для нее можно считать момент, когда Платонов

¹ «Анархическая антигосударственность, неизбежно рождающаяся из “гуманитарного” ячества, из любвеобильной заботливости о человеческом, пожираемом идеей, из отставания “вместо истинных потребностей, потребности в истине, вместо интересов пролетариата — интересов сущности человека, человека, не принадлежащего ни к какому классу и существующего поэтому не в действительности, а в небесных туманностях философской фантазии” (Маркс – Энгельс) — вот на какой основе вырастают произведения, подобные платоновскому “Усомнившемуся Макару”, — писал Л. Авербах (Андрей Платонов. Воспоминания современников. Материалы к биографии. М., 1994. С. 263).

оставил первую редакцию произведения, известную под названием «Строители страны» (1925), и начал писать его как бы заново, существенно исправляя ранний текст. В самом общем смысле суть стиливых изменений определяется как стремление к редукции, свертыванию эксплицитных идеологических построений, пронизывавших первую редакцию. Цепи умозаключений (героев и повествователя) сводятся в ряды понятий, связки между которыми должен восстанавливать сам читатель — за косноязычностью и речевой разорванностью ему приходится искать объединяющее авторское начало. Писателю же таким образом удается, избежав статики, во многом навязываемой эпохой, сохранить свое пребывание в стихии истинного художественно-философского поиска. Со-мнение как знак платоновского творчества обретает новую силу.

Финал «Чевенгура», озаменованный сценами гибели героев и построенного ими мира коммунизма, трагичен. Однако нельзя не видеть его двойственности. В нем отсутствует отрицание идеи коммунизма как таковой.¹ Нет ее и в других произведениях Платонова конца 20-х годов. Даже такие вещи, как «Усомнившийся Макар» (1929) и «Впрок» (1931), демонстрирующие глобальное неприятие существующего положения вещей, все же, по выражению Т. Лангерака, «кончатся мажорно».² Современная Платонову критика игнорировала это обстоятельство, но для более точного понимания позиции писателя его необходимо учитывать.

Время действия «Чевенгура» охватывает довольно длительный и не вполне определенный период истории России: предреволюционные годы, воссоздаваемые памятью некоторых персонажей, революция и гражданская война, нэп, середина 20-х. Время работы над ним совпадает с завершением этапа революционной экспансии,³ с приходом к власти нового политического деятеля, резко и скоро изменившего лицо страны. Вольно или невольно «Чевенгур» оказался итоговым размышлением о первых двух десятилетиях века. «Котлован» же приурочен к новой эпохе, сталинской.

Статья Сталина 1929 года «Год великого перелома» озаменовала переход к новой стратегии борьбы за социализм. Борьба со «спецами» и саботажем, «великие» стройки, трудовые армии, жесточайшие удары по крестьянской России, «двадцатипятидесятники», «пятидесятитысячники», растущая авторитетность генеральной линии — «Котлован» об этой жизни. Судьба «Котлована» (как и «Чевенгура»), при всей своей фантазмагоричности с убийственной точностью воспроизводящего изнаночную сторону эпохи, представляется закономерной. Трудно представить, чтобы

¹ В рукописи произведения есть авторское примечание, относящееся к фрагменту, где описывается жизнь «Чевенгура»: «Здесь описываются некоторые образы первоначального коммунизма в Чевенгуре, восторжествовавшего там позднее, посредством более прочных и органических причин. А. П.» (РО ИРЛИ, ф. 780, ед. кр. 34, л. 262). Уместно вспомнить и письмо А. Платонова М. Горькому по поводу «Чевенгура»: «Говорят, что революция в романе изображена неправильно, что все произведение поймут даже как контрреволюционное. Я же работал совсем с другими чувствами...» (Литературное наследство. М., 1963. Т. 70. С. 313–314).

² Выражение Т. Лангерака (*Лангерак Т. Андрей Платонов. Материалы для биографии. 1899–1929 гг. С. 171*).

³ В книге Вл. Паперного «Культура два» противопоставляются как полярные два циклически сменяющихся этапа развития русского общества XX столетия: «Культура 1 и 2 противоположны: одна устремлена в будущее и “сжигает за собой свой путь”, для другой будущее превращается в вечность, в взгляд оборачивается в прошлое...» (*Паперный Вл. Культурв два. М., 1996. С. 59*). Кажется, творчество Платонова на границе второго и третьего десятилетия психологически отразило кризис перехода из одного времени в другое.

выход такого произведения мог быть хотя бы приблизительно совмещен по времени с взятым на вооружение критикой постановлением ЦК ВКП(б) «О политике партии в области художественной литературы» (1925) и окончательно расставившем все точки над *i* постановлением ЦК ВКП(б) «О перестройке литературно-художественных организаций» (1932). Слишком тотальной централизации и цензуре подверглась сфера культуры. Журналы, хотя и рожденные революцией, но не отвечавшие более ее требованиям, закрывались («Красная нива», «Книга и революция», «Красная панорама»). Обновлялись редакторские кадры. И даже, казалось бы, достойно исполнявшие донные роль цербера оказывались не у дел (в 1931 году освобожден от должности начальник Главлита П. И. Лебедев-Полянский, определенно знавший — судя по судьбе прошедших через его руки и не увидевших свет повести «Собачье сердце» М. Булгакова и сборнику стихов А. Ахматовой — разницу между «пролетарской» и «иной» литературой).¹

Впрочем, нельзя не отметить и следующее. Сомнительно, чтобы подобная книга могла найти широкое понимание среди простых людей, которым А. Платонов, казалось бы, стремился служить своим творчеством. Она не подходила ни по одному критерию к «образцу» вкуса 20-х годов, восстанавливаемому на основании отзывов массового читателя и предьявляемому, в частности, следующие требования к художественному слову: книга должна учить, должна содержать практические советы, ясную авторскую оценку событий, должна воспитывать, создавать картину будущей «хорошей» жизни, быть оптимистичной...² Каково бы ни было происхождение подобного свода читательских требований, явно укладывающихся в общее русло литературной политики партии, именно они в условиях жесточайшего контроля над журналистикой, книгоизданием и библиотеками определяли не только реальное поле чтения в России, но и во многом читательские интересы.

Вниманию же к Платонову со стороны профессиональной критики было вполне определенным. Статья В. Стрельниковой ««Разоблачители» социализма» (1929) о книге «Епифанские шлюзы», Л. Авербаха «О целостных масштабах и частных Макарах» (1929), посвященная «Усомнившемуся Макару», отзыв Р. Мессер в статье «Попутчики второго призыва» (1930), наконец, написанная после разговора у Сталина статья А. Фадеева «Об одной кулацкой хронике» (1930) — о повести «Впрок», и «В чем “сомневается” Андрей Платонов» А. Селивановского (1931) содержали убийственный для писателя приговор: «Ряд персонажей по-разному выражают его (Платонова. — В. В.) основную мысль: “ориентация коммунистической партии, строящей в СССР социализм, на пролетариат и трудовое крестьянство — ориентация вздорная”»,³ «это — образчик самой подлой и омерзительной клеветы»,⁴ «он усомнился в главном и основном для борющегося пролетариата».⁵ Если бы неопубликованный «Котлован» мог фигурировать в критических разборах, реакция на эту повесть была бы не менее жесткой.

¹ *Перхин В. В.* Русская литературная критика 1930-х годов: Критика и общественное сознание эпохи. СПб., 1997. С. 8 и далее.

² *Добренько Е.* Формовка советского читателя. СПб., 1997. С. 116–117.

³ *Стрельникова В.* «Разоблачители» социализма // Андрей Платонов. Воспоминания современников. Материалы к биографии. М., 1994. С. 248.

⁴ *Фадеев А.* Об одной кулацкой хронике // Андрей Платонов. Воспоминания современников. Материалы к биографии. М., 1994. С. 277.

⁵ *Авербах Л.* О целостных масштабах и частных Макарах // Андрей Платонов. Воспоминания современников. Материалы к биографии. С. 265.

О личной жизни писателя в те годы известно немного. В 1929 году умерла мать, и Платонов тяжело переживал утрату. Отзвуки этого события обнаруживаются в незавершенном произведении «Дар жизни». К концу 20-х относится знакомство с М. Шолоховым, принявшим участие в его сложной судьбе. «1929 год, — как констатирует Н. В. Корниенко, — проходит в постоянных разъездах по колхозам и совхозам страны (не от Союза писателей, где в это время создаются коллективные писательские бригады, а от Наркомата земледелия РСФСР)».¹ Платонова интересуют мельчайшие детали жизни. Он в курсе свершающихся трагических перемен. Тогда же он пишет киносценарий «Машинист», почти непосредственно соотносящийся с повестью «Котлован», с ее «деревенской» частью.

В основу фабулы «Котлована» положена история создания нового общепролетарского дома. Идея, ставшая символом революционных преобразований и оптимизма, включается в ткань произведения, в котором нулевой цикл строительства оказывается самодовлеющим и единственно завершенным. Тематический вектор, начерченный Платоновым, имеет совершенно иное направление, чем то, которому следовали архитекторы «великого перелома».

Сама по себе мысль о новом типе пролетарского жилища восходит к первым пореволюционным годам (если не считать, разумеется, утопических проектов, подобных дому Чернышевского из четвертого сна Веры Павловны). А. Луначарский еще осенью 1918 года, апеллируя к мнению путиловских рабочих, говорил о потребности последних «иметь свой дом», о необходимости «создать грандиозный мировой рабочий дом».² Удовлетворению такой потребности на протяжении 20–30-х годов служили многочисленные конкурсы проектов, деятельность таких архитекторов, как Н. А. Троцкий, И. А. Фомин, А. И. Гегелло, Д. Л. Кричевский, А. И. Дмитриев, С. И. Овсянников, И. А. Голосов. Наиболее известным и грандиозным среди этих мероприятий стал конкурс проектов Дворца Советов в Москве, объявленный в 1931 году. Неосуществленная судьба Дворца Советов опять-таки напоминает ситуацию строительства общепролетарского дома в «Котловане». В этом смысле повесть Платонова явилась своеобразной «упреждающей» метафорой.

Ориентация на современное состояние архитектурного и монументального искусства была характерна для Платонова не только во время работы над «Котлованом». Например, идея придуманного Двановым памятника революции («лежачая восьмерка означает вечность времени, а стоячая двухконечная стрела — бесконечность пространства») несомненно отсылает к опыту представителей новой архитектуры, таких как В. Е. Татлин с его проектом памятника в честь Октябрьской революции (1920), Н.А. Ладовский с его рационалистическими представлениями о новом искусстве. А Дом воспоминаний из «Эфирного тракта», с одной стороны навеянный символикой учения Н. Н. Федорова, с другой — напоминает проекты зданий крематория в Ленинграде, конкурс которых проводился в 1919 году и получил широкую огласку (победителем стал И. А. Фомин, принимал участие Н. А. Троцкий, чей замысел, кажется, наиболее показателен для сравнения).

Тематически повесть А. Платонова может быть поставлена в один ряд с произведениями жанра производственного романа, начавшего бурно развиваться в середине 20-х годов, — таких как «Доменная печь» Н. Ляшко (1925), «У станков»

¹ Корниенко Н. В. История текста и биография А. П. Платонова (1926–1946) // Здесь и Теперь. 1993. № 1. С. 119, 131.

² Из истории советской архитектуры. 1917–1925 гг. Документы и материалы. М., 1963. С. 216.

А. Филиппова (1924), «Домна» П. Ярового (1925) и «Стройка» А. Пучкова (1925), «Цемент» Ф. Гладкова (1925), его же «Энергия» (начат в 1932), «Гидроцентральный» М. Шагинян (1931). Рассматриваемая в том же ракурсе она может быть соотнесена с произведениями, сюжет которых основан на изображении событий, связанных с социальным переустройством деревни под влиянием «прогрессивных» представителей города — «Лесозаводом» А. Караваева (1927), «Сотью» Л. Леонова (1930), панферовскими «Брусками» (1928, 1932) и, конечно же, шолоховской «Поднятой целиной» (1932).

Однако очевидно, что ни в каком другом отношении повесть А. Платонова в парадигму производственного романа и произведений о перестройке в деревне не укладывается. Стилевая и мировоззренческая «инаковость» Платонова, неизменно проявляющаяся даже при воплощении «заказных» тем, возводит его тексты на уровень экзистенциальной рефлексии, когда проблемы социального и классового порядка трансформируются в проблемы противостояния человека как личности безличию мира, в вопрос о способности человека противостоять своему собственному естеству.

Повесть Платонова биографична. Настолько, насколько биографичны многие, если не все, крупные произведения писателя. Важно, что главный герой «Котлована» — Вошев первоначально носил фамилию Климентов. В этой паре имен фиксируется переходящая из одного рукописного платоновского текста в другой ситуация разрыва связи между автором и его героем. Писатель, вначале подчеркивающий предельную близость между собой и литературным образом, вдруг резко увеличивает установленную дистанцию. Такой «прием» может рассматриваться как характерная для платоновского творчества тенденция, предполагающая движение от личного внутреннего опыта к опыту человека как некоей обобщенной ипостаси. Подобно смене фамилий в «Котловане» в рукописи «Чевенгура» обнаруживаются фрагменты, биографическое звучание которых, явное в первоначальной редакции, также устраняется Платоновым во время дальнейшей работы: в эпизодах, посвященных командировке в Новохоперск, например, повествование от первого лица Платонов заменяет сторонним взглядом на события, происходящие с Александром Двановым.¹ Поставленная в этот же ряд замена предельно индивидуализированного и обращенного к личности писателя «Климента» на соотносимого по звучанию со словом «вообще» «Вошева» представляется вполне оправданной и наделенной конкретным смыслом.

И напротив, по мере того как увеличивается отстраненность главного героя от его создателя, система персонажей лишается той строгой иерархии, которая позволяет делить включенные в нее образы на более или менее близкие автору. Все персонажи являют собой единую сущность — ту обобщенную (но в то же время принадлежащую конкретному пространству и времени) ипостась человека, на которую устремлен взгляд художника. Отсюда особое восприятие героев Платонова: читатель действительно вправе видеть не в каком-нибудь одном, но в каждом из них рупор авторских идей.

В сюжетном отношении — что также сближает «Котлован» со многими другими произведениями Платонова — повесть может рассматриваться как хроника путешествий героя. Трудно сказать, насколько данное обстоятельство позволяет связывать его с европейским романом-путешествием или древнерусской житийной литературой,

¹ РО ИРЛИ, ф. 780, ед. хр. 34, л. 46.

с «хождениями», «Повестью временных лет», с русским фольклором. Несомненно лишь то, что само понимание Платоновым жанра повести глубоко специфично. Хроника у Платонова неотделима от рефлексии по поводу фиксируемых событий, причем рефлексии, поднимающей событие на высокий уровень абстракции. Это прежде всего хроника «духовных» (всеобщих) состояний, свойственных времени. Угадываемое же за художественным, даже фантазмагорическим, образом реальное событие сравнимо с тем якорем, который удерживает воздушный шар («рефлексию») над поверхностью земли — каким бы длинным ни был канат, шар не может оторваться от конкретного пункта. Принципиальной в решении вопроса о жанре «Котлована» оказывается открытость платоновской повести, соотносимой с онтологической открытостью самого времени. Хроника не может быть завершена в силу незавершаемости времени. Даже гибель хроникера (как и любого другого человека) ничего не решает. История продолжается.

Разумеется, подобный исторический оптимизм, не прошедший мимо взгляда современной критики¹ и совершенно не воспринятый критикой прижизненной (Платонова как раз обвиняли в излишнем человеколюбии),² в нравственном отношении напоминает тот пролетарский гуманизм и коллективистскую мораль, которые нашли отражение в сталинском «лес рубят щепки летят» или богдановском пафосе личной жертвы во имя коллектива (так ярко проявившейся в утопии «Инженер Мэнни»). Сходство, однако, становится весьма отдаленным, если «открытое» произведение писателя рассматривать не изолированно, а в контексте его творчества, обращая при этом особое внимание на развитие в нем мотива жертвы.

Жертвенность необходимым образом входит в идеологию нигилиста-революционера. В. Засулич и Е. Сазонов, безусловно, рассматривали свою миссию и итог своей жизни именно в таком ракурсе. Фраза «Мы жертвою пали в борьбе роковой» была воплощением одного из гештальтов эпохи, которые впитал Платонов, адаптировав к своему глубоко специфическому восприятию мира.

Уже в самых ранних статьях Платонова метафора жертвы играет довольно заметную роль. Так Ленин «в непрерывной жертве и самоотречении... забыл про себя» («Ленин», 1920).³ Так Христос, «великий пророк гнева и надежды», «пошел на крест» ради «гнева» и «любви», ради «единственной силы, творящей жизнь», изменяющей ее («Христос и мы», 1920).⁴ И точно так же пожертвовали собой тридцать красных польских солдат, по поводу гибели которых Платонов восклицает: «Привет же погибающим и погибшим, привет смерти, рождающей новую высшую жизнь» («Тридцать красных», 1920).⁵

¹ См., напр.: *Мальгина Н. М.* «Котлован» А. Платонова и общественно-литературная ситуация на рубеже 20–30-х годов.

² Л. Авербах писал о Платонове: «И мы видим, как наш гуманист стал пессимистом, как примиряется он с окружающим, как начинает он ненавидеть “этих будущих”, как ощущает он право думать только о себе и для себя, как возмущается он тем, что кто-то разрывает “единый круг”, как переходит он к скептической насмешке по адресу тех, кто еще не примирился с этим миром, где все “благодно и ценно”. И вот наш гуманист становится законченным нигилистом, толстовствующим “хлюпиком”, неврастеническим интеллигентом, расслабленным и сентиментальным нытиком...» (*Авербах Л.* О целостных масштабах и частных Макарах // Андрей Платонов. Воспоминания современников. Материалы к биографии. С. 264).

³ *Платонов А. П.* Ленин // Чутье правды. М., 1990. С. 44.

⁴ *Платонов А. П.* Христос и мы // Там же. С. 51.

⁵ *Платонов А. П.* Тридцать красных // Там же. С. 60.

Тема жертвы переходит в художественные произведения Платонова: матрос Концов в «Чевенгуре» специально стреляет из поезда по окнам деревенских домов, чтобы «заранее приобрести себе чувство обязанности воевать за пострадавших от его руки».¹ Причем сам факт жертвоприношения подчас отрывается от телеологической мотивировки («смерть ради будущего»), превращаясь в некую фатальную необходимость, без которой невозможно никакое действие вообще: инженер Крейцкопф в «Лунной бомбе» начинает свой путь к звездам с жертвоприношения, «случайно» сбивая мальчика на дороге. Под знаком невольного жертвования и самопожертвования живут все герои «Котлована».

Читатель «Котлована» сталкивается с людьми, ясно осознающими свою ненужность в новой жизни. И это в первую очередь относится не к Вошеву, чья очевидная бесполезность обусловлена философской «задумчивостью», а к людям-деятелям, отыгравшим в истории революции отведенную им роль, к «огаркам», как назвал их персонаж «Чевенгура» Шумилин. Именно такие люди — урод Жачев, рабочий Чиклин, — отдающие себя и других на заклятие истории, оказываются в центре повествования. Ни одному из платоновских «строителей страны», уравненных в этом смысле с «буржуями», нет места в будущей жизни, но они упорно и невзирая ни на что продолжают свое дело.

Сомнение в человечности «закона жертвы» и в «Котловане», и в других произведениях выражено отчетливо:

— Не убывают ли люди в чувстве своей жизни, когда прибывают постройки? — не решался верить Вошев. — Дом человек построит, а сам расстроится. Кто жить тогда будет? — задумчиво сомневался Вошев на своем ходу. («Котлован» (наст. изд. С. 26)).

— Ты говоришь: коммунизм настанет в конце концов! — с медленностью произнес Яков Титыч. — Стало быть, на самом коротке: где близко конец — там коротко! Стало быть, вся долгота жизни будет проходить без коммунизма, а зачем тогда нам хотеть его всем туловищем? Лучше жить на ошибке, раз она длинная, а правда короткая! Ты человека имей в виду! («Чевенгур»)².

И тем не менее мысль о неизбежности этого закона сохраняет свое присутствие в качестве одной из доминант созданного Платоновым художественного мира.

Да, читателя ужасает действительность, изображенная Платоновым: казарменный быт рабочих, смерть «буржуйки», голод и заготовка гробов в деревне, «лошадина» коллективизация, сплав кулаков по реке, — все то, что само по себе должно говорить о безнадежности сложившейся ситуации. Но нельзя забывать, что Платонов всегда осознавал несовершенство мира. Собственно, с этой установки начиналась его эстетика. В 1920 году в «Ответе редакции “Трудовой армии” по поводу моего рассказа “Чульдик и Епишка”» писатель скажет:

Я уверен, что приход пролетарского искусства будет безобразен. Мы растем из земли, из всех ее нечистот, и все, что есть на земле, есть и на нас.³

¹ Платонов А. П. Чевенгур. М.: Художественная литература, 1988. С. 89.

² Там же. С. 332.

³ Платонов А. П. Ответ редакции «Трудовой армии» по поводу моего рассказа «Чульдик и Епишка» // Платонов А. П. Чуть правды. С. 88.

Писатель будет следовать такой же установке и в середине 20-х, нарочито надея героям «Строителей страны», физиологически непривлекательными чертами (у Софьи Александровны пахнет изо рта, у Чепурного — грязный, провалившийся от сифилиса нос), а героев «Чевенгура» — «способностью облить спящего Захар Павловича своей мочой», «могилы на кладбище специально обгадить». Но такое уродство лишь контрастно подчеркивает присутствие в человеческой натуре другого начала:

Но не бойтесь, мы очистимся — мы ненавидим свое убожество, мы упорно идем из грязи. В этом наш смысл. Из нашего уродства вырастет душа мира.

Вы видите только наши заблуждения, а не можете понять, что не блуждаем мы, а ищем.

Человек вышел из червя. Гений рождается из дурачка. («Ответ редакции “Трудовой армии” по поводу моего рассказа “Чульдик и Епишка”»¹).

Он (Захар Павлович. — *В. В.*) знал, что есть машины и сложные мощные изделия, и по ним ценил благородство человека, а не по случайному хамству. И в самом деле, утром Захар Павлович видел, как старший сын столяра ловко и серьезно делал топорище, значит — главное в нем не моча, а ручная умелость («Чевенгур»²).

Это уродство — истинное отношение к красоте, и как раз поэтому не может быть явлено открыто в современной, ужасной жизни. Условием преображения мира оказывается его несовершенство, или, если мыслить в гегелевских терминах, реальность есть лишь ступень развития, логически предшествующая действительности.

Многое может быть оправдано, если человек способен преобразить мир, ведь «мы растем из земли, из всех ее нечистот, и все, что есть на земле, есть и на нас». Но именно на вопрос о способности человека к преображению, то есть на вопрос о возможности революции, реальность, окружающая Платонова, предлагала отнюдь не утешительные ответы. Мысль о бесполезности и безрезультатности страданий проходит через весь «Котлован». И, конечно, главным здесь оказывается образ Насти — ребенка, ради которого, казалось бы, герои повести терпят невыносимое существование, для которого строят дом и новую жизнь. Гибель девочки Насти в «Котловане», как и гибель ребенка в «Чевенгуре», показывают неистинность существующего и организованного человеком положения вещей.

Стиль «Котлована» очень сложно охарактеризовать. Традиционное, метафорически точное и столь же расплывчатое в терминологическом плане определение «косноязычный», вряд ли удовлетворит даже самого нетребовательного лингвиста. В платоновском стиле сосуществуют многие стихии: лексикон новояза и особенности диалектной речи уживаются в рамках языковых конструкций, крайне похожих на синтагмы, характерные для древнерусской литературы,³ речь повествователя постоянно

¹ Платонов А. П. Ответ редакции «Трудовой армии» по поводу моего рассказа «Чульдик и Епишка» // Чутье правды. М., 1990. С. 88.

² Платонов А. П. Чевенгур. С. 33.

³ Колесова Д. В. Фраза и синтагма в структуре текста Андрея Платонова // Вестн. Ленингр. ун-та. Сер. 2. История. Языкознание. Литературоведение. Вып. 3. 1991. С. 94–97.

перетекает в речь героев, смешивая самые разные точки зрения; даже самая мелкая единица повествования может приобрести символическую объемность, что заставляет относиться к тексту почти как к поэтическому. Микропоэтический и надсюжетный уровень платоновского произведения скрывает оттенки смыслов, без надлежащего внимания к которым концептуальные поиски писателя могут или потерять свою многоплановость и глубину, или же, наоборот, лишиться вполне определенных самими писателем границ. Последнее обстоятельство заявляет о себе особенно явственно в финальных, связанных с судьбой Насти, ее смертью и погребением сценах «Котлована».

Смерть Насти — безусловная трагедия. Однако трагедийность в данном случае не является эквивалентом безнадёжности. Трудно не заметить, с каким тщанием герои «Котлована» стремятся сохранить не только память о героине, но ее саму:

В полдень Чиклин начал копать для Насти специальную могилу. Он рыл ее пятнадцать часов подряд, чтоб она была глубока и в нее не сумел бы проникнуть ни червь, ни корень растения, ни тепло, ни холод, и чтоб ребенка никогда не побеспокоил шум жизни с поверхности земли. Гробовое ложе Чиклин выдолбил в вечном камне и приготовил еще особую, в виде крышки, гранитную плиту, дабы на девочку не лег громадный вес могильного праха.

Стремление сохранить умершего в целостности свойственно многим героям Платонова. (В Доме воспоминаний «Эфирного тракта» сохраняются тела погибших людей, в том числе и героев предшествующих произведений, в «Чевенгуре» Захар Павлович хочет «сохранить Александра в... гробу, — если не живым, то целым для памяти и любви»...). Свойственно многим из них почти инстинктивное пристрастие к собиранию «праха» — любых напоминаний о прежней, умершей жизни (Воцев). И то, и другое, конечно же, восходит к вполне определенному литературному источнику — к федоровскому «общему делу» с его идеей памяти об умерших, идеей воскрешения. Эта предельно утопическая линия воплощена и в имени героини «Котлована» («Анастасия — воскресшая»), и в самом способе ее захоронения. В конечном счете котлован, ставший ее каменной могилой, может быть уподоблен зеркальному отражению уже возведенного к концу 20-х годов каменному мавзолею: и в основе платоновского и в основе красинского (изначально) проекта лежит одна мысль, одна надежда.

Финал «Котлована», если учитывать имплицитно заданную тему воскрешения, оказывается столь же открытым, как и финалы многих предшествующих произведений писателя. Вопрос о достижении истинного состояния жизни переносится в будущее. Проблема оправдания жертвы увязывается с конкретными действиями человека по достижению бессмертия и воскрешению мертвых (вспомним в том же «Чевенгуре»: «Делай что-нибудь в Чевенгуре: зачем же мы будем мертвыми лежать...»).¹ Оптимистичность, свойственная трагедии, приобретает совсем иной смысл, чем та, которая была заявлена, например, Вс. Вишневским. Она основана на изначальном, экзистенциальном чаянии человека — на мысли о бессмертии. Нужна особая сила, чтобы в столь безучастное к личности время хотя бы мечтать об этом.

Уникальная способность видеть и открывать другим людям извечную парадоксальность жизни действительно ставит Платонова в один ряд с такими писателями,

¹ Платонов А. П. Чевенгур. С. 248.

как Кафка, Пруст, Джойс... Идя своим и только своим путем, Платонов вольно или невольно участвовал в становлении нового искусства, рожденного XX столетием. Эта «исконность» платоновского творчества, не принятая современниками, теперь, спустя годы, ощущается многими русскими художниками. Ненавязчиво, но вполне ощутимо атмосфера платоновского творчества проникает в книги наших современников, продолжая в них свое существование.

В. Ю. Вьюгин

АНДРЕЙ ПЛАТОНОВ

КОТЛОВАН

В день тридцатилетия личной жизни Вощеву¹ дали расчет с небольшого механического завода,² где он добывал средства для своего существования. В увольнительном документе ему написали, что он устраняется с производства вследствие роста слабосильности в нем и задумчивости среди общего темпа труда.

Вощев взял на квартире вещи в мешок и вышел наружу, чтобы на воздухе лучше понять свое будущее. Но воздух был пуст, неподвижные деревья бережно держали жару в листьях, и скучно лежала пыль на безлюдной дороге — в природе было тихое положение. Вощев не знал, куда его влечет, и облокотился в конце города на низкую ограду одной усадьбы, в которой приучали бессемейных детей к труду и пользе.³ Дальше город прекращался — там была лишь пивная для отходников⁴ и низкооплачиваемых категорий,⁵ стоявшая, как учреждение, без всякого двора, а за пивной возвышался глиняный бугор, и старое дерево росло на нем, одно среди светлой погоды. Вощев добред до пивной и вошел туда на искренние человеческие голоса. Здесь были невыдержанные люди, предававшиеся забвению своего несчастья, и Вощеву стало глуше и легче среди них. Он присутствовал в пивной до вечера, пока не зашумел ветер меняющейся погоды; тогда Вощев подошел к открытому окну, чтобы заметить начало ночи, и увидел дерево на глинистом бугре — оно качалось от невзгоды, и с тайным стыдом заворачивались его листья. Где-то, наверно в саду сотворгслужащих, томился духовой оркестр; однообразная, несбывающаяся музыка⁶ уносилась ветром в природу через приовражную пустошь. Вощев слушал музыку с наслаждением надежды, потому что ему редко полагалась радость, но ничего не мог совершить равнозначного музыке и проводил свое вечернее время неподвижно. После ветра опять настала тишина, и ее покрыл еще более тихий мрак. Вощев сел у окна, чтобы наблюдать нежную тьму ночи, слушать разные грустные звуки и мучиться сердцем, окруженным жесткими каменистыми костями.

— Эй, пищевой!⁷ — раздалось в уже смолкшем заведении. — Дай нам пару кружечек — в полость налить!

Вощев давно обнаружил, что люди в пивную всегда приходили парами, как женихи и невесты, а иногда — целыми дружными свадьбами.

Пищевой служащий на этот раз пива не подал, и двое пришедших кровельщиков вытерли фартуками жаждущие рты.

— Тебе, бюрократ, рабочий человек одним пальцем должен приказывать, а ты гордишься!

Но пищевой берег свои силы от служебного износа для личной жизни и не вступал в разногласия.

— Учреждение, граждане, закрыто. Займитесь чем-нибудь на своей квартире.

Кровельщики взяли с блюдечка в рот по соленой сушке и вышли прочь. Вощев остался один в пивной.

— Гражданин! Вы требовали только одну кружку, а сидите здесь бессрочно! Вы платили за напиток, а не за помещение!

Вощев захватил свой мешок и отправился в ночь. Вопрошающее небо светило над Вощевым мучительной силою звезд,⁸ но в городе уже были потушены огни, и кто имел возможность, тот спал, наевшись ужином. Вощев спустился по крошкам земли в овраг и лег там животом вниз, чтобы уснуть и расстаться с собою. Но для сна нужен был покой ума, доверчивость его к жизни, прощение прожитого горя, а Вощев лежал в сухом напряжении сознательности и не знал — полез ли он в мире или все без него благополучно обойдется?⁹ Из неизвестного места подул ветер, чтобы люди не задохнулись, и слабым голосом сомнения дала знать о своей службе пригородная собака.

— Скучно собаке; она живет благодаря одному рождению, как и я.

Тело Вощева побледнело от усталости, он почувствовал холод на веках и закрыл ими теплые глаза.

Пивник уже освежал свое заведение, уже волновались кругом ветры и травы от солнца, когда Вощев с сожалением открыл налившиеся влажной силой глаза. Ему снова предстояло жить и питаться, поэтому он пошел в завком — защищать свой ненужный труд.¹⁰

— Администрация говорит, что ты стоял и думал среди производства, — сказали в завкоме. — О чем ты думал, товарищ Вощев?

— О плане жизни.¹¹

— Завод работает по готовому плану треста.¹² А план личной жизни ты мог бы прорабатывать в клубе или красном уголке.¹³

— Я думал о плане общей жизни. Своей жизни я не боюсь, она мне не загадка.

— Ну и что ж ты бы мог сделать?

— Я мог бы выдумать что-нибудь, вроде счастья,¹⁴ а от душевного смысла улучшилась бы производительность.

— Счастье произойдет от материализма, товарищ Вощев, а не от смысла. Мы тебя отстоять не можем, ты человек несознательный, а мы не желаем очутиться в хвосте масс.

Вощев хотел попросить какой-нибудь самой слабой работы, чтоб хватило на пропитание, — думать же он будет во внеурочное время; но для просьбы нужно иметь уважение к людям, а Вощев не видел от них чувства к себе.

— Вы боитесь быть в хвосте — он конечность — и сели на шею!

— Тебе, Вощев, государство дало лишний час¹⁵ на твою задумчивость — работал восемь, теперь семь, — ты бы и жил-молчал! Если все мы сразу задумаемся, то кто действовать будет?

— Без думы люди действуют бессмысленно! — произнес Вощев в размышлении.

Он ушел из завкома без помощи. Его пеший путь лежал среди лета, по сторонам строили дома и техническое благоустройство — в тех домах будут безмолвно существовать донныне неприютные массы. Тело Вощева было равнодушно к удобству, он мог жить, не изнемогая, в открытом месте и томился своим несчастьем во время сытости, в дни покоя на прошлой квартире. Ему еще раз пришлось миновать пригородную пивную, еще раз он посмотрел на место своего ночлега — там осталось что-то общее с его жизнью, и Вощев очутился в пространстве, где был перед ним лишь горизонт и ощущение ветра в склонившееся лицо.

Но вскоре он почувствовал сомнение в своей жизни и слабость тела без истины, — он не мог долго ступать по дороге и сел на край канавы, не зная точного устройства всего мира и того, куда надо стремиться. Истомившись скудным размышлением, Вощев склонился и лег в пыльные, проезжие травы; было жарко, дул дневной ветер, и где-то кричали петухи на деревне, — все предавалось безответному существованию, один Вощев отделился и молчал. Умерший, палый лист лежал рядом с головою Вощева, его принес ветер с дальнего дерева, и теперь этому листу предстояло смирение в земле. Вощев подобрал отсохший лист и спрятал его в тайное отделение мешка, где он сберегал всякие предметы несчастья и безвестности.¹⁶ «Ты не имел смысла житья, — со скупостью сочувствия полагал Вощев, — лежи здесь, я узнаю, за что ты жил и погиб. Раз ты никому не нужен и валяешься среди всего мира, то я тебя буду хранить и помнить».

— Все живет и терпит на свете, ничего не сознавая, — сказал Вощев близ дороги и встал, чтоб идти, окруженный всеобщим терпеливым

существованием. — Как будто кто-то один или несколько немногих извлекли из нас убежденное чувство и взяли его себе!

Он шел по дороге до изнеможения; изнемогал же Воцев скоро, как только его душа вспоминала, что истину она перестала знать.

Но уже был виден город вдаль, дымились его кооперативные пекарни, и вечернее солнце освещало пыль над домами от движения населения. Тот город начинался кузницей, и в ней во время прохода Воцева чинили автомобиль от бездорожной езды. Жирный калека стоял подле коновязи и обращался к кузнецу:

— Миш, насыпь табачку: опять замок ночью сорву!

Кузнец не отвечал из-под автомобиля. Тогда увечный толкнул его костылем в зад:

— Миш, лучше брось работать — насыпь: убытков наделаю!

Воцев приостановился около калеки, потому что по улице двинулся из глубины города строй детей-пионеров¹⁷ с уставшей музыкой впереди.

— Я ж вчера тебе целый рубль дал, — сказал кузнец. — Дай мне покой хоть на неделю! А то я терплю-терплю — и костыли твои пожгу!

— Жги, — согласился инвалид. — Меня ребята на тележке доставят — крышу с кузни сорву!

Кузнец отвлекся видом детей и, добрея, насыпал увечному табаку в кисет:

— Грабь, саранча!

Воцев обратил внимание, что у калеки не было ног — одной совсем, а вместо другой находилась деревянная приставка; держался изувеченный опорой костылей и подсобным напряжением деревянного отростка правой отсеченной ноги. Зубов у инвалида не было никаких, он их сработал начисто на пищу, зато наел громадное лицо и тучный остаток туловища; его коричневые, скупно отверстые глаза наблюдали посторонний для них мир с жадностью обездоленности, с тоской скопившейся страсти, а во рту его терлись дёсна, произнося неслышные мысли безногого.

Оркестр пионеров, отдалившись, заиграл музыку молодого похода. Мимо кузницы, с сознанием важности своего будущего, ступали точным маршем босые девочки; их слабые, мужающие тела были одеты в матроски, на задумчивых, внимательных головах вольно возлежали красные береты, и их ноги были покрыты пухом юности. Каждая девочка, двигаясь в меру общего строя, улыбалась от чувства своего значения, от сознания серьезности сжимающейся в ней жизни, необходимой для непрерывности строя и силы похода. Любая из этих пионерок родилась в то время, когда в полях лежали мертвые лошади социальной войны, и не все пионеры имели кожу в час своего происхождения, потому что их матери питались лишь запасами собственного тела; поэтому на лице каждой пионерки осталась трудность немоги ранней жизни, скудость тела и красоты выраженья. Но счастье детской дружбы, осуществленье будущего мира в игре юности

и достоинство своей строгой свободы обозначили на детских лицах важную радость, заменившую им красоту и домашнюю упитанность.

Воцев стоял с робостью перед глазами шестивия этих неизвестных ему, взволнованных детей; он стыдился, что пионеры, наверное, знают и чувствуют больше его, потому что дети — это время, созревающее в свежем теле, а он, Воцев, устраняется спешащей, действующей молодостью в тишину безвестности, как тщетная попытка жизни добиться своей цели. И Воцев почувствовал стыд и энергию — он захотел немедленно открыть всеобщий, долгий смысл жизни, чтобы жить впереди детей, быстрее их смуглых ног, наполненных твердой нежностью.

Одна пионерка выбежала из рядов в прилегающую к кузнице ржаную ниву и там сорвала потребное себе растение. Во время своего действия маленькая женщина нагнулась, обнажив родинку на опухающем теле, и с легкостью неощутимой силы исчезла мимо, оставляя сожаление в двух зрителях — Воцеве и калеке. Воцев, ища себе для облегчения равенства, поглядел на инвалида; у того надулось лицо безвыходной кровью, он простонал звук и пошевелил рукою в глубине кармана. Воцев наблюдал настроение могучего увечного, но был рад, что уроду империализма¹⁸ никогда не достанутся социалистические дети. Однако калека не оставлял взора с конца пионерского шествия, и Воцев побоялся за целость и непорочность маленьких людей.

— Ты бы глядел глазами куда-нибудь прочь, — сказал он инвалиду. — Ты бы лучше закурил!

— Марш в сторону, указчик! — произнес безногий.

Воцев смиренно не двигался.

— Кому я говорю? — напомнил калека. — Получить от меня захотел?!

— Нет, — ответил Воцев. — Я испугался, что ты на ту девочку свое слово скажешь или подействуешь как-нибудь.

Инвалид в привычном мучении наклонил свою большую голову к земле.

— Чего ж я скажу ребенку, стервец? Я гляжу на детей для памяти, потому что скоро помру.

— Это, наверно, на капиталистском сражении тебя повредили, — тихо проговорил Воцев. — Хотя калеки тоже стариками бывают, я их видел.

Увечный человек обратил свои глаза на Воцева, в которых сейчас было зверство превосходящего ума; увечный вначале даже помолчал от обозления на прохожего, а потом сказал с медленностью ожесточения:

— Старики такие бывают, а вот калечных таких, как ты, — нету.

— Я на войне настоящей не был, — сказал Воцев. — Тогда б и я вернулся оттуда не полностью весь.

— Вижу, что ты не был: откуда же ты дурак! Когда мужик войны не видал, то он вроде нерожавшей бабы — идиотом живет: тебя же сквозь скорлупу всего заметно!

— Эх! — жалобно произнес кузнец. — Гляжу на детей, а самому так и хочется крикнуть: да здравствует Первое мая!

Музыка пионеров отдохнула и заиграла вдали марш движения. Вощев продолжал томиться и пошел в этот город жить.

До самого вечера молча ходил Вощев по городу, словно в ожидании, когда мир станет общеизвестен. Однако ему по-прежнему было неясно на свете, и он ощущал в темноте своего тела тихое место, где ничего не было, но ничто ничему не препятствовало начаться. Как заочно живущий, Вощев делал свое гулянье мимо людей, чувствуя нарастающую силу горящего ума и все более уединяясь в тесноте своей печали.

Только теперь он увидел середину города и строящиеся устройства его. Вечернее электричество уже было зажжено на построечных лесах, но полевой свет тишины и вянувший запах сна приблизились сюда из общего пространства и стояли нетронутыми в воздухе. Отдельно от природы в светлом месте электричества с желанием трудились люди, возводя кирпичные огорожи, шагая с ношей груза в тесовом бреду лесов. Вощев долго наблюдал строительство неизвестной ему башни; он видел, что рабочие шевелились равномерно, без резкой силы, но что-то уже прибыло в постройке для ее завершения.

— Дом человек построит, а сам расстроится. Кто жить тогда будет?¹⁹ — задумчиво сомневался Вощев на своем ходу.

Он отошел из середины города на конец его. Пока он двигался туда, наступила безлюдная ночь; лишь вода и ветер населяли вдали этот мрак и природу, и одни птицы сумели воспеть грусть этого великого вещества,²⁰ потому что они летали сверху и им было легче.

Вощев забрел в пустырь и обнаружил теплую яму для ночлега; снизившись в эту земную впадину, он положил под голову мешок, куда собирал для памяти и отмщения²¹ всякую безвестность, опечалился и с тем уснул. Но какой-то человек вошел на пустырь с косой в руках и начал сечь травяные рощи, росшие здесь спокон века. К полночи косарь дошел до Вощева и определил ему встать и уйти с площади.

— Чего тебе! — неохотно говорил Вощев. — Какая тут площадь, это лишнее место.

— А теперь будет площадь, теперь здесь положено быть каменному делу. Ты утром приходи поглядеть на это место, а то оно скоро скроется навеки под устройством.

— А где же мне быть?

— Ты смело можешь в бараке доспать. Ступай туда и спи до утра, а утром ты выяснишься.²²

Вощев пошел по рассказу косаря и вскоре заметил дощатый сарай на бывшем огороде. Внутри сарая спали на спине семнадцать или двадцать человек и припотушенная лампа освещала бессознательные человеческие лица. Все спящие были худы, как умершие, тесное место меж кожей и костями у каждого было занято жилами, и по толщине жил было видно, как много крови они должны пропускать во время напряжения труда. Ситец рубах с точностью передавал медленную освежающую работу сердца — оно билось вблизи, во тьме опустошенного тела каждого уснувшего. Вощев всмотрелся в лицо ближнего спящего — не выражает ли оно безответного счастья удовлетворенного человека. Но спящий лежал замертво, глубоко и печально скрылись его глаза, и охладевшие ноги беспомощно вытянулись в старых рабочих штанах. Кроме дыханья, в бараке не было звука, никто не видел снов и не разговаривал с воспоминаньями, — каждый существовал без всякого излишка жизни, и во время сна оставалось живым только сердце, берегущее человека. Вощев почувствовал холод усталости и лег для тепла среди двух тел спящих мастеровых. Он уснул, незнакомый этим людям, закрывшим свои глаза, и довольный, что около них ночует, — и так спал, не чувствуя истины, до светлого утра.

Утром Вощеву ударил какой-то инстинкт в голову, он проснулся и слушал чужие слова, не открывая глаз.

— Он слаб!

— Он несознательный.

— Ничего: капитализм из нашей породы делал дураков, и этот — тоже остаток мрака.

— Лишь бы он по сословию подходил: тогда — годится.

— Видя по его телу, класс его бедный.

Вощев в сомнении открыл глаза на свет наступившего дня. Вчерашние спящие живыми стояли над ним и наблюдали его немощное положение.

— Вы уж, наверно, все знаете? — с робостью слабой надежды спросил их Вощев.

— А как же иначе? Мы же всем организациям существованье даем! — ответил низкий человек из своего высохшего рта, около которого от измождения слабо росла борода.

В это время отворился дверной вход, и Вощев увидел ночного косаря с артельным чайником: кипяток уже поспел на плите, которая топилась

на дворе барака; время пробуждения миновало, наступила пора питаться для дневного труда.

Сельские часы висели на деревянной стене и терпеливо шли силой тяжести мертвого груза; розовый цветок был изображен на обличье механизма, чтобы утешать всякого, кто видит время. Мастеровые сели в ряд по длине стола, косарь, ведавший женским делом в бараке, нарезал хлеб и дал каждому человеку ломоть, а в прибавок еще по куску вчерашней холодной говядины. Мастеровые начали серьезно есть,²³ принимая в себя пищу как должное, но не наслаждаясь ею.

— Иди с нами кушать! — позвали Вощева евские.

Вощев встал и, еще не имея полной веры в общую необходимость мира, пошел есть, стесняясь и тоскуя.

Покушав пищи, мастеровые вышли наружу с лопатами в руках, и Вощев направился за ними вслед.

На выкошенном пустыре пахло умершей травой и сыростью обнаженных мест, отчего яснее чувствовалась общая грусть жизни и тоска тщетности. Вощеву дали лопату, и он с жестокостью отчаяния своей жизни сжал ее руками, точно хотел добыть истину из середины земного праха; обездоленный, Вощев согласен был и не иметь смысла существования, но желал хотя бы наблюдать его в веществе тела другого, ближнего человека, — и, чтобы находиться вблизи того человека, мог пожертвовать на труд все свое слабое тело, истомленное мыслью и бессмысленностью.

Среди пустыря стоял инженер — нестарый, но седой от счета природы человек. Весь мир он представлял мертвым телом — он судил его по тем частям, какие уже были им обращены в сооружения: мир всюду поддавался его внимательному и воображающему уму, ограниченному лишь сознанием косности природы; матерьял всегда сдавался точности и терпению, значит — он был мертв и пустынен. Но человек был жив и достоин среди всего унылого вещества, поэтому инженер сейчас вежливо улыбался навстречу партии мастеровых. Вощев видел, что щеки у инженера были розовые, но не от упитанности, а от излишнего сердцебиения, и Вощеву понравилось, что у этого человека волнуется и бьется сердце.

Инженер сказал Чиклину, что он уже разбил земляные работы и разметил котлован, — и показал на вбитые колышки: теперь можно начинать. Чиклин слушал инженера и добавочно проверял его разбивку своим умом и опытом — он во время земляных работ был старшим в артели, грунтовый труд был его лучшей профессией; когда же настанет пора бутовой кладки,²⁴ то Чиклин подчинится Сафронову.

— Мало рук, — сказал Чиклин инженеру, — это измор, а не работа — время всю пользу съест.

— Биржа обещала прислать пятьдесят человек, а я просил сто,²⁵ — ответил инженер. — Но отвечать будем за все работы в материке только вы и я: вы — ведущая бригада.

— Мы вести не будем, а будем равнять всех с собой. Лишь бы люди явились.

И, сказав то, Чиклин вонзил лопату в верхнюю мякоть земли, сосредоточив вниз равнодушно-задумчивое лицо. Вощев тоже начал рыть почву вглубь, пуская всю силу в лопату; он теперь допускал возможность, что детство вырастет, радость делается мыслью и будущий человек найдет себе покой в этом прочном доме, чтобы глядеть из высоких окон в простертый, ждущий его мир. Уже тысячи былинки, корешков и мелких почвенных приютов усердной твари он уничтожил навсегда и работал в теснинах тоскливой глины. Но Чиклин его опередил — он давно оставил лопату и взял лом, чтобы крошить нижние сжатые породы. Упраздня старинное природное устройство, Чиклин не мог его понять:

— Зачем-то под почвой была супесь,²⁶ а здесь пошла глина, а скоро будет известняк!.. Просто себе — происходило что можно: не тронь землю железом, так бы дурой она и лежала. Горе!

От чуждости глины и сознания малочисленности своей артели Чиклин спешно ломал вековой грунт, обращая всю жизнь своего тела в удары по мертвым местам. Сердце его привычно билось, терпеливая спина истощалась потом, никакого предохраняющего сала у Чиклина под кожей не было — его старые жилы и внутренности близко подходили наружу, он ощущал окружающее без расчета и сознания, но с точностью. Когда-то он был моложе и его любили девушки — из жадности к его мощному, бредущему куда попало телу, которое не хранило себя и было предано всем. В Чиклине тогда многие нуждались, как в укрытье и покое среди его верного тепла, но он хотел укрывать слишком многих, чтобы и самому было чего чувствовать, тогда женщины и товарищи из ревности покидали его, а Чиклин, тоскуя по ночам, выходил на базарную площадь и опрокидывал торговые будки или вовсе уносил их куда-нибудь прочь, за что томился затем в тюрьме и пел оттуда песни в летние вишневые вечера.

К полудню усердие Вощева давало все меньше и меньше земли, он начал уже раздражаться от рытья и отстал от артели; лишь один худой мастеровой работал тише его. Этот задний был угрюм и ничтожен всем телом, пот слабости капал в глину с его мутного однообразного лица, обросшего по округности редкими волосами; при подъеме земли на урез котлована он кашлял и вынуждал из себя мокроту, а потом, успокоившись, закрывал глаза, словно желая сна.

— Козлов! — крикнул ему Сафронов. — Тебе опять неможется?

— Опять, — ответил Козлов своим бедным голосом ребенка.

— Наслаждаешься конфликтами много, — произнес Сафронов, — вот и слабеешь!

Козлов поглядел на Сафронова красными сырыми глазами и промолчал от равнодушного утомления.

Вошев осмотрел этих людей и решил кое-как жить, раз они терпят и живут: он вместе с ними произошел и умрет в свое время неразлучно с людьми.

— Козлов, ложись вниз лицом — отдышись! — сказал Чиклин. — Кашляет, вздыхает, молчит, горюет — так могилы роют, а не дома.

Но Козлов не уважал чужой жалости к себе — он сам незаметно погладил за пазухой свою глухую ветхую грудь и продолжал рыть связный грунт. Он еще верил в наступление жизни после постройки больших домов и боялся, что в ту жизнь его не примут, если он представится туда жалобным нетрудовым элементом. Лишь одно чувство трогало Козлова по утрам — его сердце затруднялось биться, но все же он надеялся жить в будущем хотя бы маленьким остатком сердца; однако по слабости груди ему приходилось во время работы гладить себя изредка по верху костей и уговаривать шепотом терпеть.

Уже прошел полдень, а биржа не прислала землекопов. Ночной косарь травы выспался, сварил картошек, полил их жидкостью яиц, смочил маслом, подбавил вчерашней каши, посыпал сверху для роскоши укропом и принес в котле эту сборную пищу для развития павших сил артели.

Ели в тишине, не глядя друг на друга и без жадности, не признавая за пищей цены, точно сила человека происходит из одного сознания. Козлов иногда кашлял нечаянно в котел, и видны были крошки в воздухе из его рта, но никто из евших не защитил чистоты пищи желудка против Козлова, и Вошев, видя то, подгробал своей ложкой как раз те места пищи, куда кашлял Козлов, чтобы лучше сочувствовать ему.

Инженер обошел своим ежедневным обходом разные непременно учреждения и явился на котлован. Он постоял в стороне, пока люди съели все из котла, и тогда сказал:

— В понедельник будут еще сорок человек. А сегодня — суббота: вам уже пора кончать.

— Как так кончать? — спросил Чиклин. — Мы еще куб или полтора выбросим, раньше кончать не к чему.

— А надо кончать, — возразил производитель работ. — Вы уже работаете больше шести часов, и есть закон.

— Тот закон для одних усталых элементов, — воспрепятствовал Чиклин, — а у меня еще малость силы осталось до сна. Кто как думает? — спросил он у всех.

— До вечера долго, — сообщил Сафронов, — чего жизни зря пропадать, лучше сделаем вещь. Мы ведь не животные, мы можем жить ради энтузиазма!²⁷

— Может, природа нам что-нибудь покажет внизу, — сказал Вошев.

— И то! — произнес неизвестно кто из мастеровых.

Инженер наклонил голову, он боялся пустого домашнего времени, он не знал, как ему жить одному.

— Тогда и я пойду почерчу немного и свайные гнезда посчитаю опять.

— А то что ж: ступай, почерчи и посчитай! — согласился Чиклин. — Все равно земля вскопана, кругом скучно — отделаемся, тогда назначим жизнь и отдохнем.

Производитель работ медленно отошел. Он вспомнил свое детство, когда под праздники прислуга мыла полы, мать убирала горницы, а по улице текла неприятная вода и он, мальчик, не знал, куда ему деться, и ему было тоскливо и задумчиво. Сейчас тоже погода пропала, над равниной пошли медленные сумрачные облака, и во всей России теперь моют полы под праздник социализма, — наслаждаться как-то еще рано и не к чему; лучше сесть, задуматься и чертить части будущего дома.

Козлов от сытости почувствовал радость, и ум его увеличился.

— Всему свету, как говорится, хозяева, а жрать любят, — сообщил Козлов. — Хозяин бы себе враз дом построил, а вы помрете на порожней земле.

— Козлов, ты скот! — определил Сафронов. — На что тебе пролетариат в доме, когда ты одной его наружной организованностью радоваться можешь!

— Пускай радуюсь! — ответил Козлов. — А кто меня любил хоть раз? Терпи, говорят, пока старик капитализм помрет, — теперь он кончился, а я опять живу один под одеялом, и мне ведь грустно!

Вощев заволновался от дружбы к Козлову.

— Грусть — это ничего, товарищ Козлов, — сказал он, — это значит, наш класс весь мир чувствует, а счастье все равно буржуазное дело... От счастья только стыд начнется!

В следующее время Вощев и другие с ним опять встали на работу. Еще высоко было солнце, и жалобно пели птицы в освещенном воздухе, не торжествуя, а ища пищи в пространстве; ласточки низко мчались над склоненными роющими людьми, они смолкали крыльями от усталости, и под их пухом и перьями был пот нужды — они летали с самой зари, не переставая мучить себя для сытости птенцов и подруг. Вощев поднял однажды мгновенно умершую в воздухе птицу и павшую вниз: она была вся в поту; а когда ее Вощев ощипал, чтобы увидеть тело, то в его руках осталось скудное печальное существо, погибшее от утомления своего труда. И нынче Вощев не жалел себя на уничтожение сросшегося грунта: здесь будет дом, в нем будут храниться люди от невзгоды и бросать крошки из окон живущим снаружи птицам.

Чиклин, не видя ни птиц, ни неба, не чувствуя мысли, грузно разрушал землю ломом, и его плоть истощалась в глинистой выемке, но он не тосковал от усталости, зная, что в ночном сне его тело наполнится вновь.

Истомленный Козлов сел на землю и рубил топором обнажившийся известняк; он работал, не помня времени и места, спуская остатки своей теплой силы в камень, который он рассекал, — камень нагревался, а Козлов

постепенно холодел. Он мог бы так весь незаметно скончаться, и разрушенный камень был бы его бедным наследством будущим растущим людям. Штаны Козлова от движения заголились, сквозь кожу обтягивались кри-вые острые кости голеней, как ножи с зубуринами. Вощев почувствовал от тех незащитных костей тоскливую нервность, ожидая, что кости прорвут непрочную кожу и выйдут наружу; он попробовал свои ноги в тех же костных местах и сказал всем:

— Пора пошабашить! А то вы уморитесь, умрете, и кто тогда будет людьми?

Вощев не услышал себе слова в ответ. Уже наставал вечер; вдалеке подымалась синяя ночь, обещая сон и прохладное дыхание, и — точно грусть — стояла мертвая высота над землей. Козлов по-прежнему уничтожал камень в земле, ни на что не отлучаясь взглядом, и, наверно, скучно билось его ослабевшее сердце.

Производитель работ общепролетарского дома вышел из своей чертежной конторы во время ночной тьмы. Яма котлована была пуста, артель мастеровых заснула в бараке тесным рядом туловищ, и лишь огонь ночной припотушенной лампы проникал оттуда сквозь щели теса, держа свет на всякий несчастный случай или для того, кто внезапно захочет пить. Инженер Прушевский подошел к бараку и поглядел внутрь через отверстие бывшего сучка; около стены спал Чиклин, его опухшая от силы рука лежала на животе, и все тело шумело в питающей работе сна; босой Козлов спал с открытым ртом, горло его клокотало, будто воздух дыхания проходил сквозь тяжелую темную кровь, а из полуоткрытых бледных глаз выходили редкие слезы — от сновидения или неизвестной тоски.

Прушевский отнял голову от досок и подумал. Вдалеке светилась электричеством ночная постройка завода, но Прушевский знал, что там нет ничего, кроме мертвого строительного матерьяла и усталых, недумающих людей. Вот он выдумал единственный общепролетарский дом, вместо старого города, где и посейчас живут люди дворовым огороженным способом; через год весь местный класс пролетариата выйдет из мелкоимущественного города и займет для жизни монументальный новый дом. Через десять или двадцать лет другой инженер построит в середине мира башню, куда войдут на вечное, счастливое поселение трудящиеся всего земного шара. Прушевский мог бы уже теперь предвидеть, какое произведение статической механики, в смысле искусства и целесообразности, следует поместить в центре мира, но не мог предчувствовать устройства

души поселенцев общего дома среди этой равнины и тем более вообразить жителей будущей башни посреди всемирной земли. Какое тогда будет тело у юности и от какой волнующей силы начнет биться сердце и думать ум? ²⁸

Прушевский хотел это знать уже теперь, чтобы не напрасно строились стены его зодчества: дом должен быть населен людьми, а люди наполнены той излишней теплотою жизни, которая названа однажды душой. Он боялся воздвигать пустые здания — те, в каких люди живут лишь из-за непогоды.

Прушевский остыл от ночи и спустился в начатую яму котлована, где было затишье. Некоторое время он посидел в глубине; под ним находился камень, сбоку возвышалось сечение грунта, и видно было, как на урезе глины, не происходя из нее, лежала почва. Изо всякой ли базы образуется надстройка? Каждое ли производство жизненного матерьяла дает добавочным продуктом душу в человека? А если производство улучшить до точной экономии — то будут ли происходить из него косвенные, неожиданные продукты?

Инженер Прушевский уже с двадцати пяти лет почувствовал стеснение своего сознания и конец дальнейшему понятию жизни, будто темная стена предстала в упор перед его ощущающим умом. И с тех пор он мучился, шевелясь у своей стены, и успокаивался, что, в сущности, самое срединное, истинное устройство вещества, из которого скомбинирован мир и люди, им постигнуто, вся насущная наука расположена еще до стены его сознания, а за стеною находится лишь скучное место, куда можно и не стремиться. Но все же интересно было — не вылез ли кто-нибудь за стену вперед. Прушевский еще раз подошел к стене барака и поглядел, согнувшись, по ту сторону на ближнего спящего, чтобы заметить на нем что-нибудь неизвестное в жизни; но там мало было видно, потому что в ночной лампе иссякал керосин, и слышалось одно медленное, западающее дыхание. Прушевский оставил барак и отправился бриться в парикмахерскую ночных смен; он любил, чтобы во время тоски его касались чьи-нибудь руки.

После полуночи Прушевский пришел на свою квартиру — флигель во фруктовом саду, открыл окно в темноту и сел посидеть. Слабый местный ветер начинал иногда шевелить листья, но вскоре опять наступала тишина. Позади сада кто-то шел и пел свою песню; то был, наверно, счетовод с вечерних занятий или просто человек, которому скучно спать.

Вдалеке, на весу и без спасения, светила неясная звезда, и ближе она никогда не станет. Прушевский глядел на нее сквозь мутный воздух, время шло, и он сомневался:

— Либо мне погибнуть?

Прушевский не видел, кому бы он настолько требовался, чтоб непременно поддерживать себя до еще далекой смерти. Вместо надежды ему

осталось лишь терпение, и где-то за чередой ночей, за опавшими, расцветшими и вновь погибшими садами, за встреченными и минувшими людьми существует его срок, когда придется лечь на койку, повернуться лицом к стене и скончаться, не сумев заплакать. На свете будет жить только его сестра, но она родит ребенка, и жалость к нему станет сильнее грусти по мертвому, разрушенному брату.

— Лучше я умру, — подумал Прушевский. — Мною пользуются, но мне никто не рад. Завтра я напишу последнее письмо сестре, надо купить марку с утра.

И решив скончаться, он лег в кровать и заснул со счастьем равнодушия к жизни. Не успев еще почувствовать всего счастья, он от него проснулся в три часа пополуночи и, осветив квартиру, сидел среди света и тишины, окруженный близкими яблонями, до самого рассвета, и тогда открыл окно, чтобы слышать птиц и шаги пешеходов.

После общего пробуждения в ночлежный барак землекопов пришел посторонний человек. Изю всех мастеровых его знал один только Козлов благодаря своим прошлым конфликтам. Это был товарищ Пашкин, председатель окрпрофсовета.²⁹ Он имел уже пожилое лицо и согбенный корпус тела — не столько от числа годов, сколько от социальной нагрузки; от этих данных он говорил отечески и почти все знал или предвидел.

«Ну — что ж, — говорил он обычно во время трудности, — все равно счастье наступит исторически». И с покорностью наклонял унылую голову, которой уже нечего было думать.

Близ начатого котлована Пашкин постоял лицом к земле, как ко всякому производству.

— Темп тих,³⁰ — произнес он мастеровым. — Зачем вы жалуете подымать производительность? Социализм обойдется и без вас, а вы без него проживете зря и помрете.

— Мы, товарищ Пашкин, как говорится, стараемся, — сказал Козлов.

— Где ж стараетесь?! Одну кучу только выкопали!

Стесненные упреком Пашкина, мастеровые промолчали в ответ. Они стояли и видели: верно говорит человек — скорей надо рыть землю и ставить дом, а то умрешь и не поспеешь. Пусть сейчас жизнь уходит, как течение дыханья, но зато посредством устройства дома ее можно организовать впрок — для будущего неподвижного счастья и для детства.

Пашкин глянул в даль — в равнины и овраги; где-нибудь там ветры начинаются, происходят холодные тучи, разводятся разная комариная мелочь и болезни, размышляют кулаки и спит сельская отсталость, а про-

летариат живет один, как сукин сын, в этой скучной пустоте и обязан за всех все выдумать и сделать вручную вещь долгой жизни. И жалко стало Пашкину все свои профсоюзы, и он познал в себе доброту к трудящимся.

— Я вам, товарищи, определяю по профсоюзной линии какие-нибудь льготы, — сказал Пашкин.

— А откуда же ты льготы возьмешь? — спросил Сафронов. — Мы их вперед должны сделать и тебе передать, а ты нам.

Пашкин посмотрел на Сафронова своими уныло-предвидящими глазами и пошел внутрь города на службу. За ним вслед отправился Козлов и сказал ему, отдалившись:

— Товарищ Пашкин, вон у нас Воцев зачислился, а у него путевки с биржи труда нет, вы его, как говорится, должны отчислить назад...

— Не вижу здесь никакого конфликта: в пролетариате сейчас убыток,³¹ — дал заключение Пашкин и оставил Козлова без утешения. А Козлов тотчас же начал падать пролетарской верой и захотел уйти внутрь города, чтобы писать там опорочивающие заявления и налаживать различные конфликты с целью организационных достижений.

До самого полудня время шло благополучно; никто не приходил на котлован из организующего или технического персонала, но земля все же углублялась под лопатами, считаясь лишь с силой и терпением землекопов. Воцев иногда наклонялся и подымал камешек, а также другой слипшийся прах, и клал его на хранение в свои штаны. Его радовало и беспокойло почти вечное пребывание камешка в среде глины, в скоплении тьмы: значит, ему есть расчет там находиться, тем более следует человеку жить. Но все же горе всеобщего состояния опять начинало мучить Воцева, он чувствовал иногда всю наружную жизнь как свою внутренность и по временам хрипел горлом, открывая рот для сообщения.

После полудня Козлов уже не мог надыхаться — он старался вздыхать серьезно и глубоко, но воздух не проникал, как прежде, вплоть до живота, а действовал лишь поверхностно. Козлов сел в обнаженный грунт и пригрюнился руками к костяному своему лицу.

— Расстроился? — спросил его Сафронов. — Тебе для прочности надо бы в физкультуру записаться,³² а ты уважаешь конфликт: ты мыслишь отстало.

Чиклин без спуска и промежутка громил ломом плиту самородного камня, не останавливаясь для мысли или настроения; он не знал, для чего ему жить иначе — еще вором станешь или тронешь революцию.

— Козлов опять ослаб! — сказал Чиклину Сафронов. — Не переживет он социализма — какой-то функции в нем не хватает!

Чиклин перестал трудиться и заметил Козлова, уже ласкавшего самого себя обеими руками. Здесь Чиклин сразу начал думать, потому что его

жизни некуда было деваться, раз исход ее в землю прекратился; он прислонился влажной спиной к отвесу выемки, глянул в даль и вообразил воспоминания — больше он ничего думать не мог. В ближнем к котловану овраге сейчас росли понемногу травы и замертво лежал ничтожный песок; неотлучное солнце безрасчетно расточало свое тело на каждую мелочь здешней, низкой жизни, и оно же, посредством теплых ливней, вырыло в старину овраг, но туда еще не помещено никакой пролетарской пользы. Проверая свой ум, Чиклин пошел в овраг и обмерил его привычным шагом, равномерно дыша для счета. Овраг был полностью нужен для котлована, следовало только спланировать откосы и врезать глубину в водопор.

— Козлов пускай поболестся, — сказал Чиклин, прибыв обратно. — Мы тут рыть далее не будем стараться, а погрузим дом в овраг и оттуда наладим его вверх: Козлов успеет дожить.

Услышав Чиклина, многие прекратили копать грунт и сели вздохнуть. Но Козлов уже отошел от своей усталости и хотел идти к Прушевскому сказать, что землю больше не роют — и надо предпринимать существенную дисциплину. Собираясь совершить такую организационную пользу, Козлов заранее радовался и выздоравливал. Однако Сафронов оставил его на месте, лишь только он тронулся.

— Ты что, Козлов, — курс на интеллигенцию взял? Вон она сама спускается в нашу массу.

Прушевский шел на котлован впереди неизвестных людей. Письмо сестре он отправил и хотел теперь упорно действовать, беспокоиться о текущих предметах и строить любое здание в чужой прок, лишь бы не тревожить своего сознания, в котором он установил особое нежное равнодушие, согласованное со смертью и с чувством сиротства к остающимся людям. С особой трогательностью он относился к тем людям, которых ранее почему-либо не любил, — теперь он чувствовал в них почти главную загадку своей жизни и пристально вглядывался в чуждые и знакомые, глупые лица, волнуясь и не понимая.

Неизвестные люди оказались новыми рабочими, что прислал Пашкин для обеспечения государственного темпа. Но рабочими прибывшие не были: Чиклин сразу, без пристальности обнаружил в них переученных наоборот городских служащих, разных степных отшельников и людей, привыкших идти тихим шагом позади трудящейся лошади; в их теле не замечалось никакого пролетарского таланта труда, они более способны были лежать навзничь или покоиться как-либо иначе.

Прушевский определил Чиклину расставить свежих рабочих по котловану и дать им выучку, потому что надо уметь жить и работать с теми людьми, которые есть на свете.

— Нам это ничто, — высказался Сафронов. — Мы ихнюю отсталость сразу в активность вышибем.

— Вот-вот, — произнес Прушевский, доверяя, и пошел позади Чиклина на овраг.

Чиклин сказал, что овраг — это более чем пополам готовый котлован и посредством оврага можно сберечь слабых людей для будущего. Прушевский согласился с тем, потому что он все равно умрет раньше, чем кончится здание.

— А во мне пошевельнулось научное сомнение, — сморщив свое вежливо-сознательное лицо, сказал Сафронов. И все к нему прислушались. А Сафронов глядел на окружающих с улыбкой загадочного разума.

— Откуда это у товарища Чиклина мировое представление получилось? — произносил постепенно Сафронов. — Иль он особое лобзание в малолетстве имел, что лучше ученого предпочитает овраг! Отчего ты, товарищ Чиклин, думаешь, а я с товарищем Прушевским хожу, как мелочь между классов, и не вижу себе улучшения!..

Чиклин был слишком угрюм для хитрости и ответил приблизительно: — Некуда жить, вот и думаешь в голову.

Прушевский посмотрел на Чиклина, как на бесцельного мученика, а затем попросил произвести разведочное бурение в овраге и ушел в свою канцелярию. Там он начал тщательно работать над выдуманными частями общепролетарского дома, чтобы ощущать предметы и позабыть людей в своих воспоминаниях. Часа через два Воцев принес ему образцы грунта из разведочных скважин.

Прушевский взял в руку образец овражного грунта и сосредоточился на нем — он хотел остаться только с этим темным комком земли. Воцев отступил за дверь и скрылся за нею, шепча про себя свою грусть.

Инженер рассмотрел грунт и долго, по инерции самодействующего разума, свободного от надежды и желания удовлетворения, рассчитывал тот грунт на сжатие и деформацию. Прежде, во время чувственной жизни и видимости счастья, Прушевский посчитал бы надежность грунта менее точно, — теперь же ему хотелось беспрерывно заботиться о предметах и устройствах, чтобы иметь их в своем уме и пустом сердце вместо дружбы и привязанности к людям. Занятие техникой покоя будущего здания обеспечивало Прушевскому равнодушие ясной мысли, близкое к наслаждению, — и детали сооружения возбуждали интерес, лучший и более прочный, чем товарищеское волнение с единомышленниками. Вечное вещество, не нуждавшееся ни в движении, ни в жизни, ни в исчезновении, заменяло Прушевскому что-то забытое и необходимое, как существо утраченной подруги.

Окончив счисление своих величин, Прушевский обеспечил несокрушимость будущего общепролетарского жилища и почувствовал утешение от надежности матерьяла, предназначенного охранять людей, живших доселе снаружи. И ему стало легко и неслышно внутри, точно он жил

не предсмертную, равнодушную жизнь, а ту самую, про которую ему шептала некогда мать своими устами, но он ее утратил даже в воспоминании.

Не нарушая своего покоя и удивления, Прушевский оставил канцелярию земляных работ. В природе отходил в вечер опустошенный летний день; все постепенно кончалось вблизи и вдали: прятались птицы, ложились люди, смиренно курился дым из отдаленных полевых жилищ, где безвестный усталый человек сидел у котелка, ожидая ужина, решив терпеть свою жизнь до конца. На котловане было пусто, землекопы перешли трудиться на овраг, и там сейчас происходило их движение. Прушевскому захотелось вдруг побыть в далеком центральном городе, где люди долго не спят, думают и спорят, где по вечерам открыты гастрономические магазины и оттуда пахнет вином и кондитерскими изделиями, где можно встретить незнакомую женщину и побеседовать с ней всю ночь, испытывая таинственное счастье дружбы, когда хочется жить вечно в этой тревоге; утром же, простившись под потушенным газовым фонарем, разойтись в пустоте рассвета без обещанья встречи.

Прушевский сел на лавочку у канцелярии. Так же он сидел когда-то у дома отца — летние вечера не изменились с тех пор, — и он любил тогда следить за прохожими мимо — иные ему нравились, и он жалел, что не все люди знакомы между собой. Одно же чувство было живо и печально в нем до сих пор: когда-то, в такой же вечер, мимо дома его детства прошла девушка, и он не мог вспомнить ни ее лица, ни года того события, но с тех пор всматривался во все женские лица и ни в одном из них не узнавал той, которая, исчезнув, все же была его единственной подругой и так близко прошла, не остановившись.³³

Во время революции по всей России день и ночь брехали собаки, но теперь они умолкли: настал труд и трудящиеся спали в тишине. Милиция охраняла снаружи безмолвие рабочих жилищ, чтобы сон был глубок и питателен для утреннего труда. Не спали только ночные смены строителей да тот безногий инвалид, которого встретил Воцев при своем пришествии в этот город. Сегодня он ехал на низкой тележке к товарищу Пашкину, дабы получить от него свою долю жизни, за которой он приезжал раз в неделю.

Пашкин жил в основательном доме из кирпича, чтоб невозможно было сгореть, и открытые окна его жилища выходили в культурный сад, где даже ночью светились цветы. Урод проехал мимо окна кухни, которая шумела, как котельная, производя ужин, и остановился против кабинета

Пашкина. Хозяин сидел неподвижно за столом, глубоко вдумавшись во что-то невидимое для инвалида. На его столе находились различные жидкости и баночки для укрепления здоровья и развития активности, — Пашкин много приобрел себе классового сознания, он состоял в авангарде, накопил уже достаточно достижений и потому научно хранил свое тело — не только для личной радости существованья, но и для ближних рабочих масс. Инвалид обождал время, пока Пашкин, поднявшись от занятия мыслью, проделал всеми членами беглую гимнастику и, доведя себя до свежести, снова сел. Урод хотел произнести свое слово в окно, но Пашкин взял пузырек и после трех медленных вздохов выпил оттуда каплю.

— Долго я тебя буду дожидаться? — спросил инвалид, не сознававший ни цены жизни, ни здоровья. — Опять хочешь от меня кой-чего заработать?

Пашкин нечаянно заволновался, но напряжением ума успокоился — он никогда не желал тратить нервности своего тела.

— Ты что, товарищ Жачев: чем не обеспечен, чего возбуждаешься?

Жачев ответил ему прямо по факту:

— Ты что ж, буржуй, иль забыл, за что я тебя терплю? Тяжесть хочешь получить в слепую кишку? Имей в виду — любой кодекс для меня слаб!

Здесь инвалид вырвал из земли ряд роз, бывших под рукой, и, не пользуясь, бросил их прочь.

— Товарищ Жачев, — ответил Пашкин, — я тебя вовсе не понимаю: ведь тебе идет пенсия по первой категории, — как же так? Я уж и так, чем мог, всегда тебе шел навстречу.

— Врешь ты, классовый излишек, — это я тебе навстречу попадался, а не ты шел!

В кабинет Пашкина вошла его супруга — с красными губами, жрущими мясо.

— Левочка, ты опять волнуешься? — сказала она. — Я ему сейчас сверток вынесу: это прямо стало невыносимым, с этими людьми какие угодно нервы испортишь!

Она ушла обратно, волнуясь всем невозможным телом.

— Ишь, как жену, стервец, расхарчевал! — произносил из сада Жачев. — На холостом ходу всеми клапанами работает, — значит, ты можешь заведовать сукой!

Пашкин был слишком опытен в руководстве отсталыми, чтобы раздражаться.

— Ты бы и сам, товарищ Жачев, вполне мог содержать для себя подругу: в пенсии учитываются все минимальные потребности.

— Ого, гадина тактичная какая! — определил Жачев из мрака. — Моей пенсии и на пшено не хватает — на просо только. А я хочу жиру и что-нибудь молочного. Скажи своей мерзавке, чтоб она мне в бутылку сливок погуще налила!

Жена Пашкина вошла в комнату мужа со свертком.

— Оля, он еще сливок требует, — обратился Пашкин.

— Ну вот еще! Может ему крепдешину еще купить на штаны? Ты ведь выдумашь!

— Она хочет, чтоб я ей юбку на улице разрезал, — сказал с клумбы Жачев. — Иль окно спальни прошиб — до самого пудренного столика, где она свою рожу уснащивает, — она от меня хочет заработать!..

Жена Пашкина помнила, как Жачев послал в ОблКК³⁴ заявление на ее мужа и целый месяц шло расследование, — даже к имени придирались: почему и Лев и Ильич?³⁵ — уж что-нибудь одно! Поэтому она немедленно вынесла инвалиду бутылку кооперативных сливок, и Жачев, получив через окно сверток и бутылку, отбыл из усадебного сада.

— А качество продуктов я дома проверю, — сообщил он, остановив свой экипаж у калитки. — Если опять порченный кусок говядины или просто объедок попадется — надейтесь на кирпич в живот: по человечеству я лучше вас — мне нужна достойная пища!

Оставшись с супругой, Пашкин до самой полночи не мог превозмочь в себе тревоги от уroda. Жена Пашкина умела думать от скуки, и она выдумала мысль во время семейного молчания:

— Знаешь что, Левочка?.. Ты бы организовал как-нибудь этого Жачева, а потом взял и продвинул его на должность — пусть бы хоть увечными он руководил! Ведь каждому человеку нужно иметь хоть маленькое господствующее значение, тогда он спокоен и приличен... Какой ты все-таки, Левочка, доверчивый и нелепый!

Пашкин, услышав жену, почувствовал любовь и спокойствие, — к нему снова возвращалась основная жизнь.

— Ольгуша, лягушечка, ведь ты гигантски чуешь массы! Дай я к тебе за это приорганизуюсь!

Он приложил свою голову к телу жены и затих в наслаждении счастьем и теплотой. Ночь продолжалась в саду, вдалеке скрипела тележка Жачева, — по этому скрипящему признаку все мелкие жители города хорошо знали, что сливочного масла нет, ибо Жачев всегда смазывал свою повозку именно сливочным маслом, получаемым в свертках от достаточных лиц; он нарочно стравлял продукт, чтобы лишняя сила не прибавлялась в буржуазное тело, а сам не желал питаться этим зажиточным веществом. В последние два дня Жачев почему-то почувствовал аппетит увидеть Никиту Чиклина и направил движение своей тележки на земляной котлован.

— Никит! — позвал он у ночлежного барака.

После звука еще более стала заметна ночь, тишина и общая грусть слабой жизни во тьме. Из барака не раздалось ответа Жачеву, лишь слышалось жалкое дыхание. «Без сна рабочий человек давно бы кончился», —

подумал Жачев и без шума поехал дальше. Но из оврага вышли двое людей с фонарем, так что Жачев стал им виден.

— Ты кто — такой низкий? — спросил голос Сафронова.

— Это я, — сказал Жачев, — потому что меня капитал пополам сократил. А нет ли между вами двумя — одного Никиты?

— Это не животное, а прямо человек! — отозвался тот же Сафронов. — Скажи ему, Чиклин, мнение про себя.

Чиклин осветил фонарем лицо и все краткое тело Жачева, а затем в смущении отвел фонарь в темную сторону.

— Ты что, Жачев? — тихо произнес Чиклин. — Кашу приехал есть? Пойдем — у нас она осталась, а то к завтраму прокиснет, все равно мы ее вышвыриваем.

Чиклин боялся, чтобы Жачев не обижался на помощь и ел кашу с тем сознанием, что она уже ничья и ее все равно вышвырнут. Жачев и прежде, когда Чиклин работал на прочистке реки от карчи,³⁶ посещал его, дабы кормиться от рабочего класса; но среди лета он переменял курс и стал питаться от максимального класса, чем рассчитывал принести пользу всему неимущему движению в дальнейшее счастье.

— Я по тебе соскучился, — сообщил Жачев. — Меня находенье сволочи мучает, и я хочу спросить у тебя, когда вы состроите свою чушь, чтоб город сжечь!

— Вот сделай знак из такого лопуха! — сказал Сафронов про урода. — Мы все свое тело выдавливаем для общего здания, а он дает лозунг, что наше состояние — чушь и нигде нету момента чувства ума!

Сафронов знал, что социализм — это дело научное, и произносил слова так же логично и научно, давая им для прочности два смысла — основной и запасный, как всякому матерьялу. Все трое уже достигли барака и вошли в него. Вошев достал из угла чугуна каши, закутанный для сохранения тепла в ватный пиджак, и дал пришедшим есть. Чиклин и Сафронов сильно остыли и были в глине и сырости; они ходили в котлован раскапывать водяной подземный источник, чтобы перехватить его мертвую глиняным замком.

Жачев не развернул своего свертка, а съел общую кашу, пользуясь ею и для сытости и для подтверждения своего равенства с двумя евшими людьми. После пищи Чиклин и Сафронов вышли наружу — вздохнуть перед сном и поглядеть вокруг. И так они стояли там свое время. Звездная точная ночь не соответствовала овражной, трудной земле и сбивающемуся дыханию спящих землекопов. Если глядеть лишь по низу, в сухую мелочь почвы и в травы, живущие в гуще и бедности, то в жизни не было надежды; общая всемирная невзрачность, а также людская некультурная унылость озадачивали Сафронова и расшатывали в нем идеологическую установку. Он даже начинал сомневаться в счастье будущего, которое представлял

в виде синего лета, освещенного неподвижным солнцем, — слишком смутно и тщетно было днем и ночью вокруг.

— Чиклин, что же ты так молча живешь? Ты бы сказал или сделал мне что-нибудь для радости!

— Что ж мне: обнимать тебя, что ли, — ответил Чиклин. — Вот выроем котлован, и ладно... Ты вот тех, кого нам биржа прислала, уговори, а то они свое тело на работе жалеют, будто они в нем имеют что!

— Могу, — ответил Сафронов, — смело могу! Я этих пастухов и писцов враз в рабочий класс обращу — они у меня так копать начнут, что у них весь смертный элемент выйдет на лицо... А отчего, Никит, поле так скучно лежит? Неужели внутри всего света тоска, а только в нас одних пятилетний план?

Чиклин имел маленькую, каменистую голову, густо обросшую волосами, потому что всю жизнь либо бил балдой, либо рыл лопатой, а думать не успевал, и не объяснил Сафронову его сомнения.

Они вздохнули среди наставшей тишины и пошли спать. Жачев уже согнулся на своей тележке, уснув как мог, а Воцев лежал навзничь и глядел глазами с терпением любопытства.

— Говорили, что все на свете знаете, — сказал Воцев, — а сами только землю роете и спите! Лучше я от вас уйду — буду ходить по колхозам побираться: все равно мне без истины стыдно жить.

Сафронов сделал на своем лице определенное выражение превосходства и прошелся мимо ног спящих легкой, руководящей походкой.

— Э-э, скажите, пожалуйста, товарищ, в каком виде вам желательно получить этот продукт — в круглом или жидком?

— Не трожь его, — определил Чиклин, — мы все живем на пустом свете — разве у тебя спокойно на душе?

Сафронов, любивший красоту жизни и вежливость ума, стоял с почтением к участи Воцева, хотя в то же время глубоко волновался: не есть ли истина лишь классовый враг? — ведь он теперь даже в форме сна и воображенья может предстать!

— Ты, товарищ Чиклин, пока воздержись от своей декларации, — с полной значительностью обратился Сафронов. — Вопрос встал принципиально, и надо его класть обратно по всей теории чувств и массового психоза...

— Довольно тебе, Сафронов, как говорится, зарплату мне снижать, — сказал пробужденный Козлов. — Перестань брать слово, когда мне спится, а то я на тебя заявление подам! Не беспокойся — сон ведь тоже как зарплата считается, там тебе укажут...

Сафронов произнес во рту какой-то нравоучительный звук и сказал своим вящим голосом:

— Извольте, гражданин Козлов, спать нормально — что это за класс нервной интеллигенции здесь присутствует, если звук сразу в бюрократизм

растет?.. А если ты, Козлов, умственную начинку имеешь и в авангарде лежишь, то привстань на локоть и сообщи: почему это товарищу Вощеву буржуазия не оставила ведомости всемирного мертвого инвентаря и он живет в убытке и в такой смехотворности?..

Но Козлов уже спал и чувствовал лишь глубину своего тела. Вощев же лег вниз лицом и стал жаловаться шепотом самому себе на таинственную жизнь, в которой он безжалостно родился.

Все последние бодрствующие легли и успокоились; ночь замерла перед рассветом — и только одно маленькое животное кричало где-то на светлеющем степном горизонте, тоскуя или радуясь. Чиклин сидел среди спящих и молча переживал свою жизнь; он любил иногда сидеть в тишине и наблюдать все, что было видно. Думать он мог с трудом и сильно тужил об этом, — поневоле ему приходилось лишь чувствовать и безмолвно волноваться. И чем больше он сидел, тем гуще в нем от неподвижности скапливалась печаль, — так что Чиклин встал и уперся руками в стену барака, лишь бы давить и двигаться во что-нибудь. Спать ему никак не хотелось — наоборот, он бы пошел сейчас в поле и поплясал с разными девушками и людьми под веточками, как делал в старое время, когда работал на кафельно-изразцовом заводе. Там дочь хозяина его однажды моментально поцеловала: он шел в глиномялку по лестнице в июне месяце, а она ему шла навстречу и, приподнявшись на скрытых под платьем ногах, схватила его за плечи и поцеловала своими опухшими, молчаливыми губами в шерсть на щеке. Чиклин теперь уже не помнит ни лица ее, ни характера, но тогда она ему не понравилась, точно была постыдным животным, — и так он прошел в то время мимо нее, не остановившись, а она, может быть, и плакала потом, благородное существо.

Надев свой ватный, желто-тифозного цвета пиджак, который у Чиклина был единственным со времен покорения буржуазии, обосновавшись на ночь, как на зиму, он собрался пойти походить по дороге и, совершив что-нибудь, уснуть затем в утренней росе.

Неизвестный вначале человек вошел в ночлежное помещение и стал в темноте входа.

— Вы еще не спите, товарищ Чиклин! — сказал Прушевский. — Я тоже хожу и никак не усну: все мне кажется, что я кого-то утратил и никак не могу встретить...

Чиклин, уважавший ум инженера, не умел ему сочувственно ответить и со стеснением молчал.

Прушевский сел на скамью и поник головой; решив исчезнуть со света, он больше не стыдился людей и сам пришел к ним.

— Вы меня извините, товарищ Чиклин, но я все время беспокоюсь один на квартире. Можно, я просижу здесь до утра?

— А отчего ж нельзя? — сказал Чиклин. — Среди нас ты будешь отдыхать спокойно, — ложись на мое место, а я где-нибудь пристроюсь.

— Нет, я лучше так посижу. Мне дома стало грустно и страшно, я не знаю, что мне делать. Вы, пожалуйста, не думайте только что-нибудь про меня неправильно.

Чиклин и не думал ничего.

— Не уходи отсюда никуда, — произнес он. — Мы тебя никому не дадим тронуть, ты теперь не бойся.

Прушевский сидел все в том же своем настроении; лампа освещала его серьезное, чуждое счастливого самочувствия лицо, но он уже жалел, что поступил несознательно, прибыв сюда: все равно ему уже не так долго осталось терпеть до смерти и до ликвидации всего.

Сафронов приоткрыл от разговорного шума один глаз и думал, какую бы ему наиболее благополучную линию принять в отношении сидящего представителя интеллигенции. Сообразив, он сказал:

— Вы, товарищ Прушевский, насколько я имею сведения, свою кровь портили, чтобы выдумать по всем условиям общепролетарскую жилплощадь. А теперь, я наблюдаю, вы явились ночью в пролетарскую массу, как будто сзади вас ярость какая находится! Но раз курс на спецов есть,³⁷ то ложитесь против меня, чтоб вы постоянно видели мое лицо и смело спали...

Жачев тоже проснулся на тележке.

— Может, он кушать хочет? — спросил он для Прушевского. — А то у меня есть буржуйская пища.

— Какая такая буржуйская и сколько в ней питательности, товарищ? — поражаясь, произнес Сафронов. — Где это вам представился буржуазный персонал?

— Стихны, темная мелочь! — ответил Жачев. — Твое дело целым остаться в этой жизни, а мое — погнубить, чтоб очистить место!

— Ты не бойся, — говорил Чиклин Прушевскому, — ложись и закрывай глаза. Я буду недалеко, — как испугаешься, так кричи меня.

Прушевский пошел, пригнувшись, чтоб не шуметь, на место Чиклина и там лег в одежде. Чиклин снял с себя ватный пиджак и бросил ему на ноги одеваться.

— Я четыре месяца взносов в профсоюз не платил, — тихо сказал Прушевский, сразу озябнув внизу и укрываясь. — Все думал, что успею.

— Теперь вы механически выбывший человек: факт! — сообщил со своего места Сафронов.

— Спице молча! — сказал Чиклин всем и вышел наружу, чтобы пожить одному среди скучной ночи.

Утром Козлов долго стоял над спящим телом Прушевского; он мучился, что это руководящее умное лицо спит, как ничтожный гражданин, среди лежащих масс и теперь потеряет свой авторитет. Козлову пришлось глубоко соображать над таким недоуменным обстоятельством, — он не хотел и был не в силах допустить вред для всего государства от несоответствующей линии прораба, он даже заволновался и поспешно умылся, чтобы быть наготове. В такие минуты жизни, минуты грозящей опасности, Козлов чувствовал внутри себя горячую социальную радость и эту радость хотел применить на подвиг и умереть с энтузиазмом, дабы весь класс его узнал и заплакал над ним. Здесь Козлов даже продрог от восторга, забыв о летнем времени. Он с сознанием подошел к Прушевскому и разбудил его ото сна.

— Уходите на свою квартиру, товарищ прораб, — хладнокровно сказал он. — Наши рабочие еще не подтянулись до всего понятия, и вам будет некрасиво нести должность.

— Не ваше дело, — ответил Прушевский.

— Нет, извините, — возразил Козлов, — каждый, как говорится, гражданин обязан нести данную ему директиву, а вы свою бросаете вниз и равняетесь на отсталость. Это никуда не годится, я пойду в инстанцию, вы нашу линию портите, вы против темпа и руководства — вот что такое!

Жачев ел деснами и молчал, предпочитая ударить сегодня же, но попозднее, Козлова в живот, как рвущуюся вперед сволоочь. А Воцев, слышав эти слова и возгласы, лежал без звука, по-прежнему не постигая жизни. «Лучше б я комаром родился: у него судьба быстротечна», — полагал он.

Прушевский, не говоря ничего Козлову, встал с ложа, посмотрел на знакомого ему Воцева и сосредоточился далее взглядом на спящих людях; он хотел произнести томящее его слово или просьбу, но чувство грусти, как усталость, прошло по лицу Прушевского, и он стал уходить. Шедший со стороны рассвета Чиклин сказал Прушевскому: если вечером ему опять покажется страшно, то пусть приходит снова ночевать, и если чего-нибудь хочет, пусть лучше говорит.

Но Прушевский не ответил, и они молча продолжали вдвоем свою дорогу. Уныло и жарко начинался долгий день; солнце, как слепота, находилось равнодушно над низовой бедностью земли; но другого места для жизни не было дано.

— Однажды, давно — почти еще в детстве, — сказал Прушевский, — я заметил, товарищ Чиклин, проходящую мимо меня женщину, такую же молодую, как я тогда. Дело было, наверное, в июне или июле, и с тех пор я почувствовал тоску и стал все помнить и понимать, а ее не видел и хочу еще раз посмотреть на нее. А больше уж ничего не хочу.

— В какой местности ты ее заметил? — спросил Чиклин.

— В этом же городе.

— Так она, должно быть, дочь кафельщика! — догадался Чиклин.

— Почему? — произнес Прушевский. — Не понимаю!

— А я ее тоже встречал в июне месяце — и тогда же отказался смотреть на нее. А потом, спустя срок, у меня нагрелось к ней что-то в груди, одинаково с тобой. У нас с тобой был один и тот же женский человек.

Прушевский скромно улыбнулся:

— Но почему же?

— Потому что я к тебе ее приведу, и ты ее увидишь: лишь бы она жила сейчас на свете!

Чиклин с точностью воображал себе горе Прушевского, потому что и он сам, хотя и более забывчиво, грустил когда-то тем же горем — по худому, чужеродному, легкому человеку, молча поцеловавшему его в левый бок лица. Значит, один и тот же редкий, прелестный предмет действовал вблизи и вдали на них обоих.

— Небось уж она пожилой теперь стала, — сказал вскоре Чиклин. — Наверно, измучилась вся, и кожа на ней стала бурая или кухарочная.

— Наверно, — подтвердил Прушевский. — Времени прошло много, и если жива еще она, то вся обуглилась.

Они остановились на краю овражного котлована; надо бы гораздо раньше начать рыть такую пропасть под общий дом, тогда бы и то существо, которое понадобилось Прушевскому, пребывало здесь в целости.

— А скорей всего она теперь сознательница, — произнес Чиклин, — и действует для нашего блага: у кого в молодых годах было несчастное чувство, у того потом ум является.

Прушевский осмотрел пустой район ближайшей природы, и ему жалко стало, что его потерянная подруга и многие нужные люди обязаны жить и теряться на этой смертной земле, на которой еще не устроено уюта, — и он сказал Чиклину одно огорчающее соображение:

— Но ведь я не знаю ее лица! Как же нам быть, товарищ Чиклин, когда она придет?

Чиклин ответил ему:

— Ты ее почувствуешь — и узнаешь, — мало ли забытых на свете! Ты вспомнишь ее по одной своей печали!

Прушевский понял, что это правда, и, побоявшись не угодить чем-нибудь Чиклину, вынул часы, чтобы показать свою заботу о близком дневном труде.

Сафронов, делая интеллигентную походку и задумчивое лицо, приблизился к Чиклину.

— Я слышал, товарищи, вы свои тенденции здесь бросали, так я вас попрошу стать попассивнее, а то время производству настает! А тебе,

товарищ Чиклин, надо бы установку на Козлова взять — он на саботаж линию берет.

Козлов в то время ел завтрак в тоскующем настроении: он считал свои революционные заслуги недостаточными, а ежедневно приносимую общественную пользу — малой. Сегодня он проснулся после полуночи и до утра внимательно томился — о том, что главное организационное строительство идет помимо его участия, а он действует лишь в овраге, но не в гигантском руководящем масштабе.³⁸ К утру Козлов постановил для себя перейти на инвалидную пенсию, чтобы целиком отдаться наибольшей общественной пользе, — так в нем с мучением высказывалась пролетарская совесть.

Сафронов, услышав от Козлова эту мысль, счел его паразитом и прознес:

— Ты, Козлов, свой прынцип заимел и покидаешь рабочую массу, а сам вылезаеть в даль: значит, ты чужая вша, которая свою линию всегда наружу держит.

— Ты, как говорится, лучше молчи! — сказал Козлов. — А то живо на заметку попадешь!.. Помнишь, как ты подговорил одного бедняка, во время самого курса на коллективизацию, петуха зарезать и съесть! Помнишь? Мы знаем, кто коллективизацию хотел ослабить! Мы знаем, какой ты четкий!

Сафронов, в котором идея находилась в окружении житейских страстей, оставил весь резон Козлова без ответа и отошел от него прочь своей свободомыслящей походкой. Он не уважал, чтобы на него подавались заявления.

Чиклин подошел к Козлову и спросил у него про все.

— Я сегодня в соцстрах пойду становиться на пенсию, — сообщил Козлов. — Хочу за всем следить против социального вреда и мелкобуржуазного бунта.

— Рабочий класс — не царь, — сказал Чиклин, — он бунтов не боится.

— Пускай не боится, — согласился Козлов. — Но все-таки лучше будет, как говорится, его постеречь.

Жачев уже был вблизи на тележке — и, откатившись назад, он разогнался вперед и ударил Козлова со всей скорости молчаливой головой в живот. Козлов упал назад от ужаса, потеряв на минуту желание наибольшей общественной пользы. Чиклин, согнувшись, поднял Жачева вместе с экипажем на воздух и зашвырнул прочь в пространство. Жачев, уравнив движение, успел сообщить с линии полета свои слова: «За что, Никит? Я хотел, чтоб он первый разряд пенсии получил!» — и раздробил повозку между телом и землей благодаря падению.

— Ступай, Козлов! — сказал Чиклин лежащему человеку. — Мы все, должно быть, по очереди туда уйдем. Тебе уж пора отдышаться.

Козлов, опомнившись, заявил, что он видит в ночных снах начальника Цустреха³⁹ товарища Романова и разное общество чисто одетых людей, так что волнуется всю эту неделю.

Вскоре Козлов оделся в пиджак, и Чиклин, совместно с другими, очистил его одежду от земли и приставшего сора. Сафронов управился принести Жачева и, свалив его изнемогшее тело в угол барака, сказал:

— Пускай это пролетарское вещество здесь полежит — из него какой-нибудь принцип вырастет.

Козлов дал всем свою руку и пошел становиться на пенсию.

— Прощай, — сказал ему Сафронов, — ты теперь как передовой ангел от рабочего состава, ввиду вознесения его в служебные учреждения...

Козлов и сам умел думать мысли, поэтому безмолвно отошел в вышнюю, общепользную жизнь, взяв в руку свой имущественный сундучок.

В ту минуту за оврагом, по полю мчался один человек, которого еще нельзя было разглядеть и остановить; его тело отошало внутри одежды и штаны колебались на нем, как порошни. Человек добежал до людей и сел отдельно на земляную кучу, как всем чужой. Один глаз он закрыл, а другим глядел на всех, ожидая худого, но не собираясь жаловаться; глаз его был хуторского, желтого цвета, оценивающий всю видимость со скорбью экономии.

Вскоре человек вздохнул и лег дремать на животе. Ему никто не возражал здесь находиться, потому что мало ли кто еще живет без участия в строительстве — и уже настало время труда в овраге.

Разные сны представляются трудящемуся по ночам — одни выражают исполненную надежду, другие предчувствуют собственный гроб в глинистой могиле; но дневное время проживается одинаковым, сгорбленным способом, — терпеньем тела, роющего землю, чтобы посадить в свежую пропасть вечный, каменный корень неразрушимого зодчества.

Новые землекопы постепенно обжились и привыкли работать. Каждый из них придумал себе идею будущего спасения отсюда — один желал нарастить стаж и уйти учиться, второй ожидал момента для переквалификации, третий же предпочитал пройти в партию и скрыться в руководящем аппарате, — и каждый с усердием рыл землю, постоянно помня эту свою идею спасения.

Пашкин посещал котлован через день и по-прежнему находил темп тихим. Обыкновенно он приезжал верхом на коне, так как экипаж продал в эпоху режима экономии,⁴⁰ и теперь наблюдал со спины животного

великое рытье. Однако Жачев присутствовал тут же и сумел, во время пеших отлучек Пашкина в глубь котлована, опоить лошадь, так что Пашкин стал беречься ездить всадником и прибывал на автомобиле.

Воцев, как и раньше, не чувствовал истины жизни, но смирился от истощения тяжелым грунтом — и только собирал в выходные дни всякую несчастную мелочь природы, как документы беспланового создания мира, как факты меланхолии любого живущего дыхания.

И по вечерам, которые теперь были темнее и дольше, стало скучно жить в бараке. Мужик с желтыми глазами, что прибежал откуда-то из полевой страны, жил также среди артели; он находился там безмолвно, но искупал свое существование женской работой по общему хозяйству, вплоть до прилежного ремонта истертой одежды. Сафронов уже рассуждал про себя: не пора ли проводить этого мужика в союз, как обслуживающую силу, но не знал, сколько скотины у него в деревне на дворе и отсутствуют ли батраки, поэтому задерживал свое намеренье.

По вечерам Воцев лежал с открытыми глазами и тосковал о будущем, когда все станет общеизвестным и помещенным в скупое чувство счастья. Жачев убеждал Воцева, что его желанье безумное, потому что вражья имущая сила вновь происходит и загораживает свет жизни, — надо лишь сберечь детей, как нежность революции, и оставить им наказ.

— А что, товарищи, — сказал однажды Сафронов, — не поставить ли нам радио ⁴¹ — для заслушанья достижений и директив! У нас есть здесь отсталые массы, которым полезна бы была культурная революция и всякий музыкальный звук, чтоб они не скопляли в себе темное настроенье!

— Лучше девочку-сиротку привести за ручку, чем твое радио, — возразил Жачев.

— А какие, товарищ Жачев, заслуги или поученье в твоей девочке? Чем она мучается для воздвижения всего строительства?

— Она сейчас сахару не ест для твоего строительства, вот чем она служит, единогласная душа из тебя вон! — ответил Жачев.

— Ага, — вынес мнение Сафронов, — тогда, товарищ Жачев, доставь нам на своем транспорте эту жалобную девочку, — мы от ее мелодичного вида начнем более согласованно жить.

И Сафронов остановился перед всеми в положении вождя ликбеза и просвещения, а затем прошелся убежденной походкой и сделал активно-мыслящее лицо.

— Нам, товарищи, необходимо здесь иметь, в форме детства, лидера будущего пролетарского света: в этом товарищ Жачев оправдал то положение, что у него голова цела, а ног нету.

Жачев хотел сказать Сафронову ответ, но предпочел притянуть к себе за штанину ближнего хуторского мужика и дать ему развитой рукой два удара в бок, как наличному виноватому буржую. Желтые глаза мужика

только зажмурились от муки, но сам он не сделал себе никакой защиты и молча стоял на земле.

— Ишь ты, железный инвентарь какой — стоит и не боится, — рассердился Жачев и снова ударил мужика с навеса длинной рукой. — Значит, ему, ехидному, где-то еще больней было, а у нас прелесть: чуй, чья власть, коровий супруг!

Мужик сел вниз для отдышки. Он уже привык получать от Жачева удары за свою собственность в деревне и неслышно перевозмогал боль.

— Вот еще надлежало бы и товарищу Вощеву приобрести от Жачева карающий удар, — сказал Сафронов. — А то он один среди пролетарьята не знает, для чего ему жить.

— А для чего, товарищ Сафронов? — прислушался Вощев издали сарая. — Я хочу истину для производительности труда.

Сафронов изобразил рукой жест нравоучения, и на лице его получилась морщинистая мысль жалости к отсталому человеку.

— Пролетарьят живет для энтузиазма, товарищ Вощев! Пора бы тебе получить эту тенденцию. У каждого члена союза от этого лозунга должно тело гореть!

Чиклина не было, он ходил по местности вокруг кафельного завода. Все находилось в прежнем виде, только приобрело ветхость отживающего мира; уличные деревья рассыхались от старости и стояли давно без листьев, но кто-то существовал еще, притаившись за двойными рамами в маленьких домах, живя прочней дерева. В молодости Чиклина здесь пахло пекарней, ездили угольщики и громко пропагандировалось молоко с деревенских телег. Солнце детства нагревало тогда пыль дорог, и своя жизнь была вечностью среди синей, смутной земли, которой Чиклин лишь начинал касаться босыми ногами. Теперь же воздух ветхости и прощальной памяти стоял над потухшей пекарней и постаревшими яблочными садами.

Непрерывно действующее чувство жизни Чиклина доводило его до печали, тем более что он увидел один забор, у которого сидел и радовался в детстве, а сейчас тот забор заиндевел мхом, наклонился и давние гвозди торчали из него, освобождаемые из тесноты древесины силой времени; это было грустно и таинственно, что Чиклин мужал, забывчиво тратил чувство, ходил по далеким местам и разнообразно трудился, а старик забор стоял неподвижно и, помня о нем, все же дождался часа, когда Чиклин прошел мимо него и погладил забвенные всеми тесины отвыкшей от счастья рукой.

Кафельный завод был в травянистом переулке, по которому насквозь никто не проходил, потому что он упирался в глухую стену кладбища. Здание завода теперь стало ниже, ибо постепенно вращало в землю, и безлюдно было на его дворе. Но один неизвестный старичок еще находился здесь — он сидел под навесом для сырья и чинил лапти, видно собираясь отправляться в них обратно в старину.

— Что ж тут такое есть? — спросил у него Чиклин.

— Тут, дорогой человек, констервация, — советская власть сильна, а здешняя машина тщедушна — она и не угождает. Да мне теперь почти что все равно: уж самую малость осталось дышать.

Чиклин сказал ему:

— Изо всего света тебе одни лапти пришлись! Подожди меня здесь на одном месте — я тебе что-нибудь доставлю из одежды или питанья.

— А ты сам-то кто же будешь? — спросил старик, складывая для внимательного выраженья свое чтущее лицо. — Жулик, что ль, или просто хозяин-буржуй?

— Да я из пролетариата, — нехотя сообщил Чиклин.

— Ага, стало быть, ты нынешний царь: тогда я тебя обожду.

С силой стыда и грусти Чиклин вошел в старое здание завода; вскоре он нашел и ту деревянную лесенку, на которой некогда его поцеловала хозяйская дочь, — лесенка так обветшала, что обвалилась от веса Чиклина куда-то в нижнюю темноту, и он мог на последнее прощанье только пощупать ее истомленный прах. Постояв в темноте, Чиклин увидел в ней неподвижный, чуть живущий свет и куда-то ведущую дверь. За тою дверью находилось забытое или не внесенное в план помещение без окон, и там горела на полу керосиновая лампа. Чиклину было неизвестно, какое существо притаилось для своей сохранности в этом безвестном убежище, и он стал на месте посреди.

Около лампы лежала женщина на земле, — солома уже истерлась под ее телом, а сама женщина была почти не покрытая одеждой; глаза ее глубоко смежились, точно она томилась или спала, — и девочка, которая сидела у ее головы, тоже дремала, но все время водила по губам матери коркой лимона, не забывая об этом. Очнувшись, девочка заметила, что мать успокоилась, потому что нижняя челюсть ее отвалилась от слабости и разверзла беззубый темный рот; девочка испугалась своей матери и, чтобы не бояться, подвязала ей рот веревочкой через темя, так что уста женщины вновь сомкнулись. Тогда девочка прилегла к лицу матери, желая чувствовать ее и спать. Но мать легко пробудилась и сказала:

— Зачем же ты спишь? Мажь мне лимоном по губам, ты видишь, как мне трудно!

Девочка опять начала водить лимонной коркой по губам матери. Женщина на время замерла, ощущая свое питание из лимонного остатка.

— А ты не заснешь и не уйдешь от меня? — спросила она у дочери.

— Нет, я уж спать теперь расхотела. Я только глаза закрою, а думать все время буду о тебе: ты же моя мама ведь!

Мать приоткрыла свои глаза, они были подозрительные, готовые ко всякой беде жизни, уже побелевшие от равнодушия, — и она произнесла для своей защиты:

— Мне теперь стало тебя не жалко и никого не нужно, я стала как каменная, — потуши лампу и поверни меня на бок, я хочу умереть.

Девочка сознательно молчала, по-прежнему смачивая материнский рот лимонной шкуркой.

— Туши свет, — сказала старая женщина, — а то я все вижу тебя и живу. Только не уходи никуда — когда я умру, тогда пойдешь.

Девочка дунула в лампу и прекратила свет. Чиклин сел на землю, боясь шуметь.

— Мама, ты жива еще или уже тебя нет? — спросила девочка в темноте.

— Немножко, — ответила мать. — Когда будешь уходить от меня, не говори, что я мертвая здесь осталась. Никому не рассказывай, что ты родилась от меня, а то тебя заморят. Уйди далеко-далеко отсюда и там сама позабудься, тогда ты будешь жива...

— Мама, а отчего ты умираешь — оттого, что буржуйка или от смерти?..

— Мне стало скучно, я умиралась, — сказала мать.

— Потому что ты родилась давно-давно, а я нет, — говорила девочка. — Как ты только умрешь, то я никому не скажу, и никто не узнает, была ты или нет. Только я одна буду жить и помнить тебя в своей голове... Знаешь что, — помолчала она, — я сейчас засну на одну только каплю, даже на полкапли, а ты лежи и думай, чтоб не умереть.

— Сними с меня твою веревочку, — сказала мать, — она меня задушит.

Но девочка уже неслышно спала, и стало вовсе тихо; до Чиклина не доходило даже их дыхания. Ни одна тварь, видно, не жила в этом помещении — ни крыса, ни червь, ничто, — не раздавалось никакого шума. Только раз был непонятный гул, — упал ли то старый кирпич в соседнем забенном убежище или грунт перестал терпеть вечность и развалился в мелочь уничтожения.

— Подойдите ко мне кто-нибудь!

Чиклин вслушался в воздух и пополз осторожно во мрак, стараясь не раздавить девочку на ходу. Двигаться Чиклину пришлось долго, потому что ему мешал какой-то матерьял, попадавшийся по пути. Ощупав голову девочки, Чиклин дошел затем рукой до лица матери и наклонился к ее устам, чтобы узнать — та ли это бывшая девушка, которая целовала его однажды в этой же усадьбе, или нет. Поцеловав, он узнал по сухому вкусу губ и ничтожному остатку нежности в их спекшихся трещинах, что она — та самая.

— Зачем мне нужно? — понятно сказала женщина. — Я буду всегда теперь одна. — И, повернувшись, умерла вниз лицом.

— Надо лампу зажечь, — громко произнес Чиклин и, потрудившись в темноте, осветил помещение.

Девочка спала, положив голову на живот матери; она сжалась от прохладного подземного воздуха и согревалась в тесноте своих членов. Чиклин, желая отдыха ребенку, стал ждать его пробуждения; а чтобы девочка не тратила свое тепло на остывающую мать, он взял ее к себе на руки и так сохранил до утра, как последний жалкий остаток погибшей женщины.

В начале осени Воцев почувствовал долготу времени и сидел в жилище, окруженный темнотой усталых вечеров.

Другие люди тоже либо лежали, либо сидели, — общая лампа освещала их лица, и все они молчали. Товарищ Пашкин бдительно снабдил жилище землекопов радиорупором, чтобы во время отдыха каждый мог приобрести смысл массовой жизни из трубы.

— Товарищи, мы должны мобилизовать крапиву на фронт социалистического строительства! Крапива есть не что иное, как предмет нужды заграницы...

— Товарищи, мы должны, — ежеминутно произносила требование труба, — обрезать хвосты и гривы у лошадей! Каждые восемьдесят тысяч лошадей дадут нам тридцать тракторов!..

Сафронов слушал и торжествовал, жалея лишь, что он не может говорить обратно в трубу, дабы там слышно было об его чувстве активности, готовности на стрижку лошадей и о счастье. Жачеву же, и наравне с ним Воцеву, становилось беспричинно стыдно от долгих речей по радио; им ничего не казалось против говорящего и наставляющего, а только все более ощущался личный позор. Иногда Жачев не мог стерпеть от радио своего угнетенного отчаянья души, и он кричал среди шума сознания, льющегося из рупора:

— Остановите этот звук! Дайте мне ответить на него!..

Сафронов сейчас же выступал вперед своей изящной походкой.

— Вам, товарищ Жачев, я полагаю, уже достаточно бросать свои выраженья и пора всецело подчиниться производству руководства.

— Оставь, Сафронов, в покое человека, — говорил Воцев, — нам и так скучно жить.

Но социалист Сафронов боялся забыть про обязанность радости и отвечал всем и навсегда верховным голосом могущества:

— У кого в штанах лежит билет партии, тому надо непрерывно заботиться, чтоб в теле был энтузиазм. Вызываю вас, товарищ Вошев, соревноваться⁴² на высшее счастье настроенья!

Труба радио все время работала, как вьюга, а затем еще раз провозгласила, что каждый трудящийся должен помочь скоплению снега на коллективных полях, и здесь радио смолкло; наверно, лопнула сила науки, дотеле равнодушно мчавшая по природе всем необходимые слова.

Сафронов, заметив пассивное молчание, стал действовать вместо радио:

— Поставим вопрос: откуда взялся русский народ? И ответим: из буржуазной мелочи! Он бы и еще откуда-нибудь родился, да больше места не было. А потому мы должны бросить каждого в рассол социализма, чтоб с него слезла шкура капитализма и сердце обратило внимание на жар жизни вокруг костра классовой борьбы и произошел бы энтузиазм!..

Не имея исхода для силы своего ума, Сафронов пускал ее в слова и долго их говорил. Опершись головами на руки, иные его слушали, чтоб наполнять этими звуками пустую тоску в голове, иные же однообразно горевали, не слыша слов и живя в своей личной тишине. Прушевский сидел на самом пороге барака и смотрел в поздний вечер мира. Он видел темные деревья и слышал иногда дальнюю музыку, волнующую воздух. Прушевский ничему не возражал своим чувством. Ему казалась жизнь хорошей, когда счастье недостижимо и о нем лишь шелестят деревья и поет духовая музыка в профсоюзном саду.

Вскоре вся артель, смирившись общим утомлением, уснула, как жила: в дневных рубашках и верхних штанах, чтобы не трудиться над расстегиванием пуговиц, а хранить силы для производства.

Один Сафронов остался без сна. Он глядел на лежащих людей и с горестью высказывался:

— Эх ты, масса, масса! Трудно организовать из тебя кулеш коммунизма! И что тебе надо, стерве такой? Ты весь авангард, гадина, замучила!

И четко сознавая бедную отсталость масс, Сафронов прильнул к какому-то уставшему и забылся в глуши сна.

А утром он, не вставая с ложа, приветствовал девочку, пришедшую с Чиклиным, как элемент будущего, и затем снова задремал.

Девочка осторожно села на скамью, разглядела среди стенных лозунгов карту СССР и спросила у Чиклина про черты меридианов:

— Дядя, это что такое — загородки от буржуев?

— Загородки, дочка, чтоб они к нам не перелезали, — объяснил Чиклин, желая дать ей революционный ум.

— А моя мама через загородку не перелезала, а все равно умерла!

— Ну-к что ж, — сказал Чиклин. — Буржуйки все теперь умирают.

— Пускай умирают, — произнесла девочка. — Ведь все равно я ее помню и во сне буду видеть. Только живота ее нету, мне спать не на чем головой.

— Ничего, ты будешь спать на моем животе, — обещал Чиклин.

— А что лучше — ледокол «Красин»⁴³ или Кремль?

— Я этого, маленькая, не знаю: я же — ничто! — сказал Чиклин и подумал о своей голове, которая одна во всем теле не могла чувствовать, а если бы могла, то он весь свет объяснил бы ребенку, чтоб он умел без-опасно жить.

Девочка обошла новое место своей жизни и пересчитала все предметы и всех людей, желая сразу же распределить, кого она любит и кого не любит, с кем водится и с кем нет; после этого дела она уже привыкла к деревянному сараю и захотела есть.

— Кушать дайте! Эй, Юлия, угроблю!

Чиклин поднес ей кашу и накрыл детское брюшко чистым полотенцем.

— Что ж кашу холодную даешь, эх ты, Юлия!

— Какая я тебе Юлия?

— А когда мою маму Юлей звали, когда она еще глазами смотрела и дышала все время, то женилась на Мартыныче, потому что он был проле-тарский, а Мартыныч как приходит, так и говорит маме: эй, Юлия, угроблю! А мама молчит и все равно с ним водится.

Прушевский слушал и наблюдал девочку; он уже давно не спал, встрево-женный явившимся ребенком, и вместе с тем опечаленный, что этому существу, наполненному, точно морозом, свежей жизнью, надлежит му-читься сложнее и дольше его.

— Я нашел твою девушку, — сказал Чиклин Прушевскому. — Пойдем смотреть ее, она еще цела.

Прушевский встал и пошел, потому что ему было все равно — лежать или двигаться вперед.

На дворе кафельного завода старик доделал свои лапти, но боялся идти по свету в такой обузе.

— Вы не знаете, товарищи, что — заарестуют меня в лаптях иль не тронут? — спросил старик. — Нынче ведь каждый последний и тот в кожаных голенищах ходит; бабы — сроду в юбках наголо ходили, а теперь тоже у каждой под юбкой цветочные штаны надеты — ишь ты, как ведь стало интересно!

— Кому ты нужен! — сказал Чиклин. — Шагай себе молча.

— Это я и слова не скажу! Я вот чего боюсь: ага, скажут, ты в лаптях идешь, значит — бедняк! А ежли бедняк, то почему один живешь и с другими бедными не скопляешься!.. Я вот чего боюсь! А то сы я давно ушел.

— Подумай, старик, — посоветовал Чиклин.

— Да думать-то уж нечем.

— Ты жил долго: можешь одной памятью работать.

— А я все уж позабыл, хоть сызнава живи.

Спустившись в убежище женщины, Чиклин наклонился и поцеловал ее вновь.

— Она же мертвая! — удивился Прушевский.

— Ну и что ж! — сказал Чиклин. — Каждый человек мертвым бывает, если его замучивают. Она ведь тебе нужна не для житья, а для одного воспоминанья.

Став на колени, Прушевский коснулся мертвых, огорченных губ женщины и, почувствовав их, не узнал ни радости, ни нежности.

— Это не та, которую я видел в молодости, — произнес он. И, поднявшись над погибшей, сказал еще: — А может быть, и та, — после близких ощущений я всегда не узнавал своих любимых, а вдалеке томился о них.

Чиклин молчал. Он и в чужом, и в мертвом человеке чувствовал кое-что остаточное-теплое и родственное, когда ему приходилось целовать его или еще глубже как-либо приникать к нему.

Прушевский не мог отойти от покойной. Легкая и горячая, она некогда прошла мимо него, — он захотел тогда себе смерти, увидя ее уходящей с опущенными глазами, ее колеблющееся, грустное тело. И затем слушал ветер в унылом мире и тосковал о ней. Побоявшись однажды настигнуть эту женщину, это счастье в его юности, он, может быть, оставил ее беззащитной на всю жизнь, и она, уморившись мучиться, спряталась сюда, чтобы погибнуть от голода и печали. Она лежала сейчас навзничь — так ее повернул Чиклин для своего поцелуя, — веревочка через темя и подбородок держала ее уста сомкнутыми, длинные обнаженные ноги были покрыты густым пухом, почти шерстью, выросшей от болезней и бесприютности, — какая-то древняя, ожившая сила превращала мертвую еще при ее жизни в обрастающее шкурой животное.

— Ну, достаточно, — сказал Чиклин. — Пусть хранят ее здесь разные мертвые предметы. Мертвых ведь тоже много, как и живых, им нескучно меж собой.

И Чиклин погладил стенные кирпичи, поднял неизвестную устарелую вещь, положил ее рядом со скончавшейся, и оба человека вышли. Женщина осталась лежать в том вечном возрасте, в котором умерла: 32-х лет и 3-х месяцев.

Пройдя двор, Чиклин возвратился назад и завалил дверь, ведущую к мертвой, битым кирпичом, старыми каменными глыбами и прочим тяжелым веществом. Прушевский не помогал ему и спросил потом:

— Зачем ты стараешься?

— Как зачем? — удивился Чиклин. — Мертвые тоже люди.

— Но ей ничего не нужно.

— Ей — нет, но она мне нужна. Пусть сэкономится что-нибудь от человека — мне так и чувствуется, когда я вижу горе мертвых или их кости, зачем мне жить!

Старик, делавший лапти, ушел со двора — одни опорки, как память о скрывшемся навсегда, валялись на его месте.

Солнце уже высоко взошло, и давно настал момент труда. Поэтому Чиклин и Прушевский спешно пошли на котлован по земляным, немощным улицам, осыпанным листьями, под которыми были укрыты и согревались семена будущего лета.

Вечером того же дня землекопы не пустили в действие громкоговорящий рупор, а, наевшись, сели глядеть на девочку, срывая тем профсоюзную культработу по радио. Жачев еще с утра решил, что как только эта девочка и ей подобные дети мало-мало возмужают, то он кончит всех больших жителей своей местности; он один знал, что СССР населен сплошными врагами социализма, эгоистами и ехиднами будущего света, и втайне утешался тем, что убьет когда-нибудь вскоре всю их массу, оставив в живых лишь пролетарское младенчество и чистое сиротство.

— Ты кто ж такая будешь, девочка? — спросил Сафронов. — Чем у тебя папаша-мамаша занимались?

— Я никто, — сказала девочка.

— Отчего ж ты никто? Какой-нибудь принцип женского рода угодил тебе, что ты родилась при советской власти?

— А я сама не хотела рожаться, я боялась — мать буржуйкой будет.

— Так как же ты организовалась?

Девочка в стеснении и в боязни опустила голову и начала щипать свою рубашку; она ведь знала, что присутствует в пролетариате и сторожила сама себя, как давно и долго говорила ей мать.

— А я знаю, кто главный!

— Кто ж? — прислушался Сафронов.

— Главный — Сталин, а второй — Буденный.⁴⁴ Когда их не было, а жили одни буржуи, то я и не рожалась, потому что не хотела! А теперь как стал Сталин, так и я стала!

— Ну, девка, — смог проговорить Сафронов, — сознательная женщина — твоя мать! И глубока наша советская власть, раз даже дети, не помня матери, уже чуют товарища Сталина!

Безвестный мужик с желтыми глазами скулил в углу барака про одно и то же свое горе, только не говорил, отчего оно, а старался побольше всем угождать. Его тоскливому уму представлялась деревня во ржи, над нею носился ветер и тихо крутил деревянную мельницу, размалывающую насущный, мирный хлеб. Он жил там в недавнее время, чувствуя сытость в желудке и семейное счастье в душе; и сколько годов он ни смотрел из деревни в даль и в будущее, он видел на конце равнины лишь слияние неба с землею, а над собою имел достаточный свет солнца и звезд. Чтоб не думать дальше, мужик ложился вниз и как можно скорее плакал льющимися неотложными слезами.

— Будет тебе, мещанин, сокрушаться-то! — останавливал его Сафронов. — Ведь здесь ребенок теперь живет, — иль ты не знаешь, что скорбь у нас аннулирована!

— Я, товарищ Сафронов, уж обсох, — заявил издали мужик. — Это я по отсталости растрогался.

Девочка вышла с места и оперлась головой о деревянную стену. Ей стало скучно по матери, ей страшна была новая одинокая ночь, и еще она думала, как грустно и долго лежать матери в ожидании, когда будет старенькой и умрет ее девочка.

— Где же живот-то? — спросила она, обернувшись на глядящих на нее. — На чем же я спать буду?

Чиклин сейчас же лег и приготовился.

— А кушать! — сказала девочка. — Сидят все, как Юлии какие, а мне есть нечего!

Жачев подкатился к ней на тележке и предложил фруктовой пастилы, реквизированной еще с утра у заведующего продмагом.

— Ешь, бедная! Из тебя еще неизвестно что будет, а из нас — уж известно.

Девочка съела и легла лицом на живот Чиклина. Она побледнела от усталости и, позабывшись, обхватила Чиклина рукой, как привычную мать.

Сафронов, Воцев и все другие землекопы долго наблюдали сон этого малого существа, которое будет господствовать над их могилами и жить на успокоенной земле, набитой их костями.

— Товарищи! — начал определять Сафронов всеобщее чувство. — Пред нами лежит без сознания фактический социализм. Из радио и прочего культурного матерьяла мы слышим лишь линию, а щупать нечего. А тут покоится вещество создання и целевая установка партии — маленький человек, предназначенный состоять всемирным элементом! Ради того нам необходимо как можно внезапней закончить котлован, чтобы скорей произошел дом и детский персонал огражден был от ветра и простуды каменной стеной!

Воцев попробовал девочку за руку и рассмотрел ее всю, как в детстве он глядел на ангела на церковной стене; это слабое тело, покинутое без родства среди людей, почувствует когда-нибудь согревающий поток смысла жизни, и ум ее увидит время, подобное первому исконному дню.⁴⁵

И здесь решено было начать завтра рыть землю на час раньше, дабы приблизить срок бутовой кладки фундамента и остального зодчества.

— Как урод, я только приветствую ваше мнение, а помочь не могу! — сказал Жачев. — Вам ведь так и так все равно погибать — у вас же в сердце не лежит ничто — лучше любите что-нибудь маленькое живое и стравливайте себя трудом! Существойте, стервецы, пока что!

Ввиду прохладного времени Жачев заставил мужика снять армяк ⁴⁶ и оделся им на ночь; мужик же всю свою жизнь копил капитализм — ему, значит, было время греться.

Дни своего отдыха Прушевский проводил в наблюдениях либо писал письма сестре. Момент, когда он наклеивал марку и опускал письмо в ящик, всегда давал ему спокойное счастье, точно он чувствовал чью-то нужду по себе, влекущую его оставаться в жизни и тщательно действовать для общей пользы. Сестра ему ничего не писала, она была многодетная и изможденная и жила как в беспамятстве. Лишь раз в год, на Пасху, она присылала брату открытку, где сообщала: «Христос воскрес, дорогой брат! Мы живем по-старому, я стряпаю, дети растут, мужу прибавили на один разряд, теперь он приносит 48 руб. Приезжай к нам гостить. Твоя сестра Аня».

Прушевский подолгу носил эту открытку в кармане и, перечитывая ее, иногда плакал.

В свои прогулки он уходил далеко в пространство и одиночество. Однажды он остановился на холме, в стороне от города и дороги. День был мутный, неопределенный, будто время не продолжалось дальше, — в такие дни дремлют растения и животные, а люди поминают родителей. Прушевский тихо глядел на всю туманную старость природы и видел на конце ее белые спокойные здания, светящиеся больше, чем было света в воздухе. Он не знал имени тому законченному строительству и назначения его, хотя можно было понять, что те дальние здания устроены не только для пользы, но и для радости. Прушевский с удивлением привыкшего к печали человека наблюдал точную нежность и охлажденную, сомкнутую силу отдаленных монументов. Он еще не видел такой веры и свободы в сложенных камнях и не знал самосветящегося закона для серого цвета своей родины. Как остров, стоял среди остального новостроящегося мира этот белый сюжет сооружений и успокоенно светился. Но не все было бело в тех зданиях, — в иных местах они имели синий, желтый и зеленый цвета, что придавало им нарочную красоту детского изображения. «Когда же это выстроено?» — с огорчением сказал Прушевский. Ему уютней было чувствовать скорбь на земной потухшей звезде; чужое и дальнее счастье возбуждало в нем стыд и тревогу — он бы хотел, не сознавая, чтобы вечно строящийся и недостроенный мир был похож на его разрушенную жизнь.

Он еще раз пристально посмотрел на тот новый город, не желая ни забыть его, ни ошибиться, но здания стояли по-прежнему ясными, точно вокруг них была не муть русского воздуха, а прохладная прозрачность.

Возвращаясь назад, Прушевский заметил много женщин на городских улицах. Женщины ходили медленно, несмотря на свою молодость, — они, наверно, гуляли и ожидали звездного вечера; их ноги ступали с силой жадности, а телесные корпуса расширились и округлились, как резервуары будущего, — значит, будет еще будущее, значит, настоящее несчастно, и — далеко до конца. Вид этих тревожных женщин доставил Прушевскому терпение на свое дальнейшее неизъяснимое существование, вплоть до ближайшей сознательной гибели. Явившись в техническую канцелярию работ, Прушевский сел за составление проекта своей смерти, чтобы скорее и надежней обеспечить ее себе. После окончания проекта Прушевский устал и спокойно уснул на диване. На завтра ему осталось поставить лишь объяснительную записку к проекту, а затем найти достаточно прелестную женщину для однократной любви с ней; после удовлетворения любви к Прушевскому всегда приходило нормальное желание скончаться, и такой же точный расчет он сделал и теперь.⁴⁷

На рассвете в контору пришел Чиклин с неизвестным человеком, одетым в одни штаны.

— Вот к тебе, Прушевский, — сказал Чиклин. — Он просит отдать гробы ихней деревне.

— Какие гробы?

Громадный, опухший от ветра и горя голый человек сказал не сразу свое слово, он сначала опустил голову и напряженно сообразил. Должно быть, он постоянно забывал помнить про самого себя и про свои заботы: то ли он утомился, или же умирал по мелким частям на ходу жизни.

— Гробы! — сообщил он горячим, шерстяным голосом. — Гробы тесовые мы в пещеру сложили впрок, а вы копаете всю балку. Отдай гробы!

Чиклин сказал, что вчера вечером близ северного пикета, на самом деле, было открыто сто пустых гробов; два из них он забрал для девочки — в одном гробу сделал ей постель на будущее время, когда она станет спать без его живота, а другой подарил ей для игрушек и всякого детского хозяйства: пусть она тоже имеет свой красный уголок.

— Отдайте мужику остальные гробы, — ответил Прушевский.

— Все отдавай, — сказал человек из себя, как из мусора. — Нам не хватает мертвого инвентаря, народ свое имущество ждет. Мы те гробы по самообложению заготовили,⁴⁸ не отымай нажитого!

— Нет, — произнес Чиклин. — Два гроба ты оставь нашему ребенку, они для вас все равно маломерные.

Неизвестный человек постоял, что-то почувствовал и не согласился.

— Нельзя! Куда ж мы своих ребят класть будем! Мы по росту готовили гробы: на них метины есть — кому куда влезать. У нас каждый и живет

оттого, что гроб свой имеет: он нам теперь цельное хозяйство! Мы те гробы облеживали,⁴⁹ как в пещеру зарыть.

Давно живущий на котловане мужик с желтыми глазами вошел тут, поспешая, в контору.

— Елисей, — сказал он полуголому. — Я их тесемками в один обоз связал, пойдем волоком тащить, пока сушь стоит!

— Не устерег двух гробов, — высказался Елисей. — Во что теперь сам ляжешь?

— А я, Елисей Саввич, под кленом дубравным у себя на дворе, под могучее дерево лягу. Я уж там и ямку под корнем себе уготовил, — умру, пойдет моя кровь соком по стволу, высоко взойдет! Иль, скажешь, моя кровь жидка стала, дереву не вкусна?

Полуголый стоял без всякого впечатления и ничего не ответил. Не замечая дорожных камней и остужающего ветра зари, он пошел с мужиком брать гробы. За ними отправился Чиклин, наблюдая спину Елисея, покрытую целой почвой нечистот и уже обрастающую защитной шерстью.⁵⁰ Елисей изредка останавливался на месте и оглядывал пространство сонными, опустевшими глазами, будто вспоминая забытое или ища укромной доли для угрюмого покоя. Но родина ему стала безвестной, и он опустил вниз затихшие глаза.

Гробы стояли длинной чередой на сухой высоте над краем котлована. Мужик, прибежавший прежде в барак, был рад, что гробы нашлись и что Елисей явился; он уже управился пробурить в гробовых изголовьях и подножьях отверстия и связать гробы в общую супрягу. Взявши конец веревки с переднего гроба на плечо, Елисей уперся и поволок, как бурлак, эти тесовые предметы по сухому морю житейскому. Чиклин и вся артель стояли без препятствий Елисею и смотрели на след, который межевали пустые гробы по земле.

— Дядя, это буржуи были? — заинтересовалась девочка, державшаяся за Чиклина.

— Нет, дочка, — ответил Чиклин. — Они живут в соломенных избушках, сеют хлеб и едят с нами пополам.

Девочка поглядела наверх, на все старые лица людей.

— А зачем им тогда гробы? Умирать должны одни буржуи, а бедные нет!

Землекопы промолчали, еще не сознавая данных, чтобы говорить.

— И один был голый! — произнесла девочка. — Одежду всегда отбирают, когда людей не жалко, — чтоб она осталась. Моя мама тоже голая лежит.

— Ты права, дочка, на все сто процентов, — решил Сафронов. — Два кулака от нас сейчас удалились.

— Убей их пойдя! — сказала девочка.

— Не разрешается, дочка: две личности это не класс...

— Это один да еще один, — сочла девочка.

— А в целости их было мало, — пожалел Сафронов. — Мы же, согласно пленума, обязаны их ликвидировать⁵¹ не меньше как класс, лишь бы весь пролетариат и батрачье сословье осиротели от врагов!

— А с кем останетесь?

— С задачами, с твердой линией дальнейших мероприятий — понимаешь что?

— Да, — ответила девочка. — Это значит плохих людей всех убивать, а то хороших очень мало.

— Ты вполне классовое поколение, — обрадовался Сафронов, — ты с четкостью осознаешь все отношения, хотя сама еще малолеток. Это монархизму люди без разбору требовались для войны, а нам только один класс дорог, да мы и класс свой будем скоро чистить от несознательного элемента!

— От сволочи, — с легкостью догадалась девочка. — Тогда будут только самые-самые главные люди! Моя мама тоже себя сволочью называла, что жила, а теперь умерла и хорошая стала — правда ведь?

— Правда, — сказал Чиклин.

Девочка, вспомнив, что мать ее находится одна в темноте, молча отошла, ни с кем не считаясь, и села играть в песок. Но она не играла, а только трогала кое-что равнодушной рукой и думала.

Землекопы приблизились к ней и, пригнувшись, спросили:

— Ты что?

— Так, — сказала девочка, не обращая внимания. — Мне у вас стало скучно, вы меня не любите, — как ночью заснете, так я вас изобью.

Мастеровые с гордостью поглядели друг на друга, и каждому из них захотелось взять ребенка на руки и помять его в своих объятиях, чтобы почувствовать то теплое место, откуда исходит этот разум и прелесть малой жизни.

Один Вошев стоял слабым и безрадостным, механически наблюдая даль; он по-прежнему не знал, есть ли что особенное в общем существовании, — ему никто не мог прочесть на память всемирного устава, события же на поверхности земли его не прельщали. Отдалившись несколько, Вошев тихим шагом скрылся в поле и там прилег полежать, не видимый никем, довольный, что он больше не участник безумных обстоятельств.

Позже он нашел след гробов, увлеченных двумя мужиками за горизонт — в свой край согбенных плетней, заросших лопухами. Быть может, там была тишина дворовых теплых царств или стояло на ветру дорог бедняцкое колхозное сиротство, с кучей мертвого инвентаря посреди. Вошев пошел туда походкой механически выбывшего человека, не сознавая, что лишь слабость культурботы на котловане заставляет его не жалеть о строительстве будущего дома. Несмотря на достаточно яркое солнце, было как-то безвозмездно на душе, тем более что в поле простирался мутный чад

дыханья и запаха трав, и Воцев шел в этом нагретом облаке тужащейся жизни, потеющей в труде своего роста. Он осмотрелся вокруг — всюду над пространством стоял пар живого дыханья, создавая сонную, душную незримость; устало длилось терпение на свете, точно все живущее находилось где-то посредине времени и своего движения: начало его всеми забыто и конец неизвестен, осталось лишь направление во все стороны. И Воцев скрылся в одну открытую дорогу.

Козлов прибыл на котлован пассажиром в автомобиле, которым управлял сам Пашкин. Козлов был одет в светло-серую тройку, имел пополневшее от какой-то постоянной радости лицо и стал сильно любить пролетарскую массу. Всякий свой ответ трудящемуся человеку он начинал некими самодовлеющими словами: «ну хорошо, ну прекрасно» — и продолжал. Про себя же любил произносить: «где вы теперь, ничтожная фашистка!» или — «прелестна вы, как Ленина завет!» и многие другие краткие лозунги-песни.

Сегодня утром Козлов ликвидировал как чувство свою любовь к одной средней даме. Она тщетно писала ему письма о своем обожании, он же, преодолевая общественную нагрузку, молчал, заранее отказываясь от конфискации ее ласк, потому что искал женщину более благородного, активного типа. Прочитав же в газете о загруженности почты⁵² и нечеткости ее работы, он решил укрепить этот сектор социалистического строительства путем прекращения дамских писем к себе. И он написал грустящей даме последнюю, итоговую открытку, складывая с себя ответственность любви:

«Где раньше стол был яств,
Теперь там гроб стоит!»⁵³

Козлов».

Этот стих он только что прочитал и спешил его не забыть. Каждый день, просыпаясь, он вообще читал в постели книги, и, запомнив формулировки, лозунги, стихи, заветы, всякие слова мудрости, тезисы различных актов, резолюции, строфы песен и прочее, он шел в обход органов и организаций, где его знали и уважали как активную общественную силу, — и там Козлов пугал и так уже напуганных служащих своей научностью, кругозором и подкованностью. Дополнительно к пенсии по 1-й категории он обеспечил себе и натурное продовольствие. Зашед однажды в кооператив, он подозвал к себе, не трогаясь с места, заведующего и сказал ему:

— Ну хорошо, ну прекрасно, но у вас кооператив, как говорится, рочдэльского вида,⁵⁴ а не советского! Значит, вы не столб со столбовой дороги в социализм?!⁵⁵

— Я вас не сознаю, гражданин, — скромно ответил заведующий.

— Так, значит, опять: просил он, пассивный, не счастья у неба, а хлеба, насущного черного хлеба?!⁵⁶ Ну хорошо, ну — прекрасно! — сказал Козлов и вышел в полном оскорблении, а через одну декаду стал председателем лавкома⁵⁷ этого кооператива. Он так и не узнал, что эту должность получил по ходатайству самого заведующего, который учитывал не только ярость масс, но и качество яростных.

И теперь Пашкин гордился Козловым — он верил в тот близкий день, когда весь пролетариат примет образ авангарда своего: это и будет социализм. Поэтому Пашкин всюду показывал Козлова как образцовый элемент активиста, зарожденного в массах умелым профсоюзным руководством. Благодаря наличию Козлова Пашкин уж не смущался более Жачева: он знал, что Жачеву надо дать лишь должность, хотя бы сборщика членских взносов, и он перестанет требовать масло у ответственных лиц, ибо сам будет накануне питания жирами.

Спустившись с автомобиля, Козлов с видом ума прошел на поприще строительства и стал на краю его, чтобы иметь общий взгляд на весь темп труда. Что касается ближних землекопов, то он сказал им:

— Не будьте оппортунистами на практике!⁵⁸

Во время обеденного перерыва товарищ Пашкин сообщил мастеровым, что бедняцкий слой деревни печально заскучал по колхозу и нужно туда бросить что-нибудь особенное из рабочего класса,⁵⁹ дабы начать классовую борьбу против деревенских пней капитализма.

— Давно пора кончать зажиточных паразитов! — высказался Сафронов. — Мы уж не чувствуем жара от костра классовой борьбы, а огонь должен быть: где ж тогда греться активному персоналу!

И после того артель назначила Сафронова и Козлова идти в ближнюю деревню, чтобы бедняк не остался при социализме круглой сиротой или частным мошенником в своем убежище.

Жачев подъехал к Пашкину с девочкой на тележке и сказал ему:

— Заметь этот социализм в босом теле. Наклонись, стервец, к ее костям, откуда ты сало съел!

— Факт! — произнесла девочка.

Здесь и Сафронов определил свое мнение:

— Зафиксируй, товарищ Пашкин, Настю — это ж наш будущий радостный предмет!

Пашкин вынул записную книжку и поставил в ней точку; уже много точек было изображено в книжке Пашкина, и каждая точка знаменовала какое-либо внимание к массам.

В тот вечер Настя постелила Сафронову отдельную постель и села с ним посидеть. Сафронов сам попросил девочку поскучать о нем, потому что она одна здесь сердечная женщина. И Настя тихо находилась при нем весь вечер, стараясь думать, как уйдет Сафронов туда, где бедные люди тоскуют в избушках, и как он станет вшивым среди чужих.

Позже Настя легла в постель Сафронова, согрела ее и ушла спать на живот Чиклина. Она давным-давно привыкла согреть постель своей матери, перед тем как туда ложился спать неродной отец.

Маточное место для дома будущей жизни было готово; теперь предназначалось класть в котловане бут. Но Пашкин постоянно думал светлые думы, и он доложил главному революционеру в городе, что масштаб дома узок, ибо социалистические женщины будут исполнены свежести и полнокровия и вся поверхность земли покроется семенящим детством; неужели же детям придется жить снаружи, среди неорганизованной погоды?⁶⁰

— Нет, — ответил главный революционер,⁶¹ сталкивая нечаянным движением сытный бутерброд со стола. — Разroyте маточный котлован четверо больше.

Пашкин согнулся и возвратил бутерброд снизу на стол.

— Не стоило нагибаться, — сказал революционер. — На будущий год мы запроектировали сельхозпродукции по округу на полмиллиарда.⁶²

Тогда Пашкин положил бутерброд обратно в корзину для бумаг, боясь, что его сочтут за человека, живущего темпами эпохи режима экономии.

Прушевский ожидал Пашкина вблизи здания — для немедленной передачи распоряжения на работы. Пашкин же, пока шел по вестибюлю, обдумал увеличить котлован не четверо, а в шесть раз, дабы угодить наверняка и забежать вперед партийной линии, чтобы впоследствии радостно встретить ее на чистом месте, — и тогда линия увидит его и он запечатлеется в ней вечной точкой.

— В шесть раз больше, — указал он Прушевскому. — Я говорил, что темп тих!

Прушевский обрадовался и улыбнулся. Пашкин, заметив счастье инженера, тоже стал доволен, потому что почувствовал настроенье инженерно-технической секции своего союза. Но Прушевский узнал удовлетворенье не от масштаба, а от того, что землекопы так же быстро истомят жизнь в котловане, как он сам умрет; ему лучше было иметь друзей мертвыми, чем живыми, чтобы затерять свои кости в общих костях и не оставить на

дневной поверхности земли ни памяти, ни свидетелей, — пусть будущее будет чуждым и пустым, а прошлое покоится в могилах — в тесноте некогда обнимавшихся костей, в прахе сотлевших любимых и забытых тел.

Прушевский пошел к Чиклину, чтобы наметить расширение котлована. Еще не доходя, он увидел собрание землекопов и крестьянскую подводу среди молчащих людей. Чиклин вынес из барака пустой гроб и положил его на телегу; затем он принес еще и второй гроб, а Настя стремилась за ним вслед, обрывая с гроба свои картинки. Чтоб девочка не сердилась, Чиклин взял ее под мышку и, прижав к себе, нес другой рукой гроб.

— Они все равно умерли, зачем им гробы! — негодовала Настя. — Мне некуда будет вещи складать!

— Так уж надо, — отвечал Чиклин. — Все мертвые — это люди особенные.

— Важные какие! — удивлялась Настя. — Отчего ж тогда все живут? Лучше б умерли и стали важными!

— Живут для того, чтоб буржуев не было, — сказал Чиклин и положил последний гроб на телегу. На телеге сидели двое — Воцев и ушедший когда-то с Елисеем подкулацкий мужик.

— Кому отправляете гробы? — спросил Прушевский.

— Это Сафронов и Козлов умерли в избушке, а им теперь мои гробы отдали: ну что ты будешь делать?! — с подробностью сообщила Настя. И она прислонилась к телеге, озабоченная упущением.

Воцев, прибывший на подводе из неизвестных мест, тронул лошадь, чтобы ехать обратно в то пространство, где он был. Оставив блюсти девочку Жачеву, Чиклин пошел шагом за удалившейся телегой.

До самой глубины лунной ночи он шел в даль. Изредка, в боковой овражной стороне, горели укромные огни неизвестных жилищ, и там же заунывно брехали собаки — может быть, они скучали, а может быть, замечали каких-нибудь въезжавших командированных людей и пугались их. Впереди Чиклина все время ехала подвода с гробами, и он не отрывался от нее.

Воцев, опершись о гробы спиной, глядел с телеги вверх — на звездное собрание и в мертвую массовую муть Млечного Пути. Он ожидал, когда же там будет вынесена резолюция о прекращении вечности времени, об искуплении томительности жизни. Не надеясь, он задремал и проснулся от остановки.

Чиклин дошел до подводы через несколько минут и стал смотреть вокруг. Вблизи была старая деревня; всеобщая ветхость бедности покрывала ее — и старческие, терпеливые плетни, и придорожные, склонившиеся в тишине деревья имели одинаковый вид грусти. Во всех избах деревни был свет, но снаружи их никто не находился. Чиклин подступился к первой избе и зажег спичку, чтобы прочитать белую бумажку на двери.

В той бумажке было указано, что это обобществленный двор №7 колхоза имени Генеральной Линии ⁶³ и что здесь живет активист общественных работ по выполнению государственных постановлений и любых кампаний, проводимых на селе.

— Пусти! — постучал Чиклин в дверь.

Активист вышел и впустил его. Затем он составил приемочный акт на гробы и велел Вощеву идти в сельсовет и стоять всю ночь в почетном карауле у двух тел павших товарищей.

— Я пойду сам, — определил Чиклин.

— Ступай, — ответил активист. — Только скажи мне свои данные, я тебя в мобилизованный кадр зачислю.

Чиклин ему начал говорить, и активист занес его в кадр в течение часа; Вощеву же он дал другую нагрузку — перещупать в ночь всех кур и тем определить к утру наличие свежеснесенных яиц.

— У меня рука велика, я не справлюсь, — произнес Вощев.

— Ты что — по узкому месту равняешься? — сокрушительно удивился активист. — Кто есть на свете: партия или ты?

— Его нет, — ответил про Вощева мужик с желтыми глазами; дотеле он стоял молча, а теперь испугался.

Вощев попробовал себя руками за тело и решил: надо мне перестать думать, пускай живет что-то общее; чего ради мучиться для одного своего корпуса — велик он, что ли?

Согнувшись для меньшего размера и бесчувствия, Вощев скрылся на куриное дело. Активист наклонился к своим бумагам, прощупывая тщательными глазами все точные тезисы и задания; он с жадностью собственности, без памяти о домашнем счастье строил необходимое будущее, готовя для себя в нем вечность, — и потому он сейчас запустел, опух от забот и оброс редкими волосами по толстому лицу, похожему на женскую наружность. Лампа горела перед его подозрительным взглядом, умственно и фактически наблюдающим кулацкую сволочь.

Всю ночь сидел активист при непогашенной лампе, слушая — не скачет ли по темной дороге верховой из района, чтобы спустить директиву на село. Каждую новую директиву он читал с любопытством будущего наслаждения, точно подглядывал в страстные тайны взрослых, центральных людей. Редко проходила ночь, чтобы не появлялась директива, — и до утра изучал ее активист, накапливая к рассвету энтузиазм несокрушимого действия. И только изредка он словно замирал на мгновение от тоски жизни — тогда он жалобно глядел на любого человека, находящегося перед его взором; это он чувствовал воспоминание, что он — головоотяп и упущенец — так его называли иногда в бумагах из района. «Не пойти ли мне в массу, не забыться ли в общей, руководимой жизни?» — решал активист про себя в те минуты, но быстро опоминался, потому что не

хотел быть членом общего сиротства и боялся долгого томления по социализму, пока каждый пастух не очутится среди радости, ибо уже сейчас можно быть подручным авангарда и немедленно иметь всю пользу будущего времени. Особенно долго активист рассматривал подписи на бумагах: эти буквы выводила горячая рука революционера, а рука есть часть целого тела, живущего в довольстве славы на глазах преданных, убежденных масс. Даже слезы показывались на глазах активиста, когда он любовался четкостью ручных подписей и изображениями земных шаров на штемпелях;⁶⁴ ведь весь земной шар, вся его мякоть, скоро достанется в четкие, железные руки, — неужели он останется без влияния на всемирное тело земли? И со скупостью обеспеченного счастья активист гладил свою истощенную нагрузками грудь.

— Чего стоишь без движения? — сказал он Чиклину. — Ступай сторожить политические трупы от зажиточного бесчестия: видишь, как падает наш героический брат!

Через тьму колхозной ночи Чиклин дошел до пустынной залы сельсовета. Там покоились в вечном состоянии его два товарища. Самая большая лампа, назначенная для освещения заседаний, горела над мертвецами. Они лежали рядом на столе президиума, покрытые знаменем до подбородков, чтобы не были заметны их гибельные увечья и живые не побоялись бы так же умереть.

Чиклин встал у подножия скончавшихся и спокойно засмотрелся в их молчаливые лица. Уж ничего не скажет теперь Сафронов из своего ума, и Козлов не поболит душой за все организационное строительство и не будет получать полагающуюся ему пенсию.

Текущее время тихо шло в полночном мраке колхоза; ничто не нарушало обобществленного имущества и тишины коллективного сознания. Чиклин закурил, приблизился к лицам мертвых и потрогал их рукой.

— Что, Козлов, скучно тебе?

Козлов продолжал лежать умолкшим образом, будучи убитым; Сафронов тоже был спокоен, как довольный человек, и рыжие усы его, нависшие над ослабевшим, полуоткрытым ртом, росли даже из губ, потому что его не целовали при жизни. Вокруг глаз Козлова и Сафронова виднелась засохшая соль бывших слез, так что Чиклину пришлось стереть ее и подумать — отчего же это плакали в конце жизни Сафронов и Козлов. Наверно, оттого, что растрогались от воображенья музыки, которая по ним заиграет после скончания.

— Ты что ж, Сафронов, совсем улегся иль думаешь встать все-таки?

Сафронов не мог ответить, потому что сердце его лежало в разрушенной груди и не имело чувства.

Чиклин прислушался к начавшемуся дождю на дворе, к его долгому скорбющему звуку, поющему в листве, в плетнях и в мирной кровле

деревни; безучастно, как в пустоте, проливалась свежая влага, и только тоска хотя бы одного человека, слушающего дождь, могла бы вознаградить это истощение природы. Изредка вскрикивали куры, которых щупал Вощев в огороженных захолустьях, но их Чиклин уже не слушал и лег спать под общее знамя между Козловым и Сафроновым, потому что мертвые — это тоже люди. Сельсоветская лампа безрасчетно горела над ними до утра, когда в помещении явился Елисей и тоже не потушил огня: ему было все равно, что свет, что тьма. Он без пользы постоял некоторое время и вышел так же, как пришел.

Прислонившись грудью к воткнутой для флага жердине, Елисей устал в мутную сырость порожного места. На том месте собрались грачи для отлета в теплую даль, хотя время их расставания со здешней землей еще не наступило; но, наверно, грачи пожелали отбыть заблаговременно, дабы пережить в солнечном районе организационную колхозную осень и возвратиться потом к всеобщему учрежденному затишью. Еще ранее отлета грачей Елисей видел исчезновение ласточек, и тогда он хотел было стать легким, малосознательным телом птицы, но теперь он уже не думал, чтобы обратиться в грача, потому что думать не мог. Он жил и глядел глазами лишь оттого, что имел документы середняка и его сердце билось по закону.

Из сельсовета раздалась какие-то звуки, и Елисей подошел к окну и прислонился к стеклу; он постоянно прислушивался ко всяким звукам, исходящим из масс или природы, потому что ему никто не говорил слов и не давал понятия, так что приходилось чувствовать даже отдаленное звучание.

Елисей увидел Чиклина, сидящего между двумя лежачими навзничь. Чиклин курил и равнодушно утешал умерших своими словами.

— Ты кончился, Сафронов! Ну и что ж? Все равно я ведь остался, буду теперь, как ты: стану уметь, начну выступать с точкой зрения, увижу всю твою тенденцию — ты вполне можешь не существовать...

Елисей не мог понимать и слушал одни звуки сквозь чистое стекло.

— А ты, Козлов, тоже не заботься жить. Я сам себя забуду, но тебя начну иметь постоянно. Всю твою погибшую жизнь, все твои задачи спрячу в себя и не брошу их никуда, так что ты считай себя живым. Буду день и ночь активным, всю организационность на заметку возьму, на пенсию стану — лежи спокойно, товарищ Козлов!

Елисей надышал на стекло туман и видел Чиклина слабо, но все равно смотрел, раз глядеть ему было некуда. Чиклин помолчал и, чувствуя, что Сафронов и Козлов теперь рады, сказал им:

— Пускай хоть весь класс умрет — так я один за него останусь и сделаю всю его задачу на свете! Все равно жить для самого себя я не знаю как!.. Чья это там морда уставилась на нас? Войди сюда, чужой человек!

Елисей сейчас же вошел в сельсовет и стал, не соображая, что штаны спустились с его живота, хотя вчера вполне еще держались. Елисей не имел аппетита к питанию и поэтому худел в каждые истекшие сутки.

— Это ты убил их? — спросил Чиклин.

Елисей поднял кверху штаны и уж больше не упустил их, ничего не отвечая, наставя на Чиклина свои бледные пустые глаза.

— А кто же? Пойди приведи мне кого-нибудь, кто убивает нашу массу.

Мужик тронулся и пошел через порожнее сырое место, где находилось последнее сборище грачей; грачи ему дали дорогу, и Елисей увидел того мужика, который был с желтыми глазами; он приставил гроб к плетню и писал на нем свою фамилию печатными буквами, доставая изобразительным пальцем какую-то гущу из бутылки.

— Ты что, Елисей? Аль узнал какое распоряжение?

— Так себе, — сказал Елисей.

— Тогда — ничего, — покойно произнес пишуший мужик. — А мертвых не обмывали еще в совете? Пугаюсь, как бы казенный инвалид не приехал на тележке, он меня рукой тронет, что я жив, а двое умерли.

Мужик пошел помыть мертвых, чтобы обнаружить тем свое участие и сочувствие. Елисей тоже побрел ему вслед, не зная, где ему лучше всего находиться.

Чиклин не возражал, пока мужик снимал с погибших одежду и носил их поочередно в голом состоянии окунать в пруд, а потом, вытерев насухо овчинной шерстью, снова одел и положил оба тела на стол.

— Ну прекрасно, — сказал тогда Чиклин. — А кто ж их убил?

— Нам, товарищ Чиклин, неизвестно — мы сами живем нечаянно.

— Нечаянно! — произнес Чиклин и сделал мужику удар в лицо, чтоб он стал жить сознательно. Мужик было упал, но побоялся далеко уклоняться, дабы Чиклин не подумал про него чего-нибудь зажиточного, и еще ближе предстал перед ним, желая посильнее изувечиться, а затем исходатайствовать себе, посредством мученья, право жизни бедняка. Чиклин, видя пред собою такое существо, двинул ему механически в живот, и мужик опрокинулся, закрыв свои желтые глаза.

Елисей, стоявший тихо в стороне, сказал вскоре Чиклину, что мужик кончился.

— А тебе жалко его? — спросил Чиклин.

— Нет, — ответил Елисей.

— Положь его в середку между моими товарищами.

Елисей поволок мужика к столу и, подняв его изо всех сил, свалил поперек прежних мертвых, а уж потом приновил как следует, уложив его тесно, близ боков Сафронова и Козлова. Когда Елисей отошел обратно, то мужик открыл свои желтые глаза, но уж не мог их закрыть и так остался глядеть.

— Баба-то есть у него? — спросил Чиклин Елисея.

— Один находился, — ответил Елисей.

— Зачем же он был?

— Не быть он боялся.

Вощев пришел в дверь и сказал Чиклину, чтоб он шел — его требует актив.

— На тебе рубль, — дал поскорее деньги Елисею Чиклин. — Ступай на котлован и погляди — жива ли там девочка Настя, и купи ей конфет. У меня сердце по ней заболело.

Активист сидел с тремя своими помощниками, похудевшими от беспрерывного геройства и вполне бедными людьми, но лица их изображали одно и то же твердое чувство — усердную беззаветность. Активист дал знать Чиклину и Вощеву, что директивой товарища Пашкина они должны приурочить все свои скрытые силы на угождение колхозному разворачиванию.

— А истина полагается пролетариату? — спросил Вощев.

— Пролетариату полагается движение, — произнес справку активист, — а что навстречу попадет, то все его: будь там истина, будь кулацкая награбленная кофта — все пойдет в организованный котел, ты ничего не узнаешь! А курей ты проверил?

— Всю ночь шупал — ни в одной птице нету яйца.

Активист сосредоточился; его помощники тоже соответственно задумались: неужели птица — подкулачница?

— Надо заготовить всех кур, сделать их мертвыми — и съесть, — продумав мысль, заявил один из активного состава.

— А петухов ты заметил? — спросил активист.

— Их нету, — сказал Вощев. — Один человек лежал на дворе и мне говорил, что ты последнего съел, когда шел по колхозу и вдруг почувствовал голод.

— Нам важно выяснить, кто съел первого петуха, а не последнего, — объявил активист.

— А может, первый сам издох! — дал догадку помощник активиста.

— Как же он сам издохнет? — удивился активист. — Разве он сознательный вредитель, что ль, что сам будет в такой момент умирать? Пойдем сквозной допрос делать: тут другая база лежит.

И все встали и пошли искать того вредного едока, который истребил ради своего питания первого петуха. Вощев и Чиклин тоже двигались вслед активу.

— Дело сурьезное, — говорил Чиклин, — без яиц дети отощавают и своего возраста не возьмут!

— Конечно, — подтвердил Вощев, а сам томился, потому что был согласен жить до смерти без куриного яйца, лишь бы знать основное устройство всего мира.

Миновал с точным допросом, давшим лишь пассивные результаты, дворов десять, актив устал и прислонился к одной избе подумать — как быть дальше. К активу уже успели присоединиться еще человек сто, и вся эта масса явно горевала о съеденном каким-то неизвестным ртом первом петухе, отчего погиб и последний. Чтоб куры не скучали, их взяли на руки и носили с собой, лаская ладонью по перу. Куры разгнездились в руках, но были довольны.

Вскоре весь колхоз был на глазах активиста благодаря тому дисциплинарному расчету, что лучше тыща человек сделает сто шагов, чем один пройдет пять верст.

— Где ж петух, товарищи? — почти что равнодушно обратился активист ко всем прильнувшим к нему. — Откуда ж у нас яйцо выйдет, если наша птичья масса не имеет в своей среде продуктивного руководства?!

Население колхоза, скрывая мысль, молча стояло близ своего актива и грустно опустило свое общее лицо; одна же баба начала тихо обмокать слезами, а потом так разошлась и расстрадалась, что вся опустилась и ее пришлось устранить в чулан.

Грачи, бывшие невдалеке отсюда, поднялись и улетели в другие края; некоторые мужики поглядели на грачей, но иные не стали глядеть, так как грачи все равно вернуться, сколько они ни ищут чего-то вдалеке, а мужикам же неподвижно хорошо.

— Где ж петух, граждане?.. — заунывно пытал активист. — Значит, вы так угождаете советской власти? А знаете ли вы, что такое расколхозиванье? Имейте ж в виду, что это вам будет не раскулачиванье, когда каждый неимущий рад! Я и неимущего расколхозю: бедноты на нас хватит и без вас!

Весь класс стоял и не мог ответить на один вопрос. Бесплодные куры начали тихо стенать в руках; из дальней природы пришел остуженный ветер и пошевелил остаточную листву на местном дереве.

— А ведь петуха-то нету! — скорбно сказал активист.

— И-их, не-ту! — произнесла ближняя пригорюнившаяся баба.

Активист очнулся от влияния окружения и быстро пошел в канцелярию, а за ним управились уйти и все другие, организационно-действующие люди. Остался один Чиклин, который не хотел, чтоб в колхозе получилась отставание в развитии из-за одного петуха.

— Да что ж это на самом деле: долго у вас петуха не будет?! — сказал он.

Один участник колхоза пошевелился в массе, что-то проговорил там, но от бессознательности или тесноты вновь замер.

— Кто там двинулся — выйди ко мне! — позвал Чиклин.

Вышел небольшой, но старый уже человек, в шапке и штанах, а рубашка его сохла после стирки где-то на плетне. Он держал на ладони птицу, вроде обгаженного коровой цыпленка, и подавал ее Чиклину.

— Вот, товарищ, ублюбочек у нас родился, — и уж тому года четыре, как он потихоньку растет!

— Что ж это такое: петух, что ль?

— Да можно считать, что почти что!

— Ну тогда пускай он трудится! — заключил Чиклин и отправился на сельсовет.

Из дома, где жил актив, выносили знамена; сам же активист шел позади, ибо он не хотел спешить на вечное расставание с мертвыми товарищами. Ему не стало удивительно, когда Чиклин донес сведения об открытом петухе; активист знал и так, что под его руководством совершится всякий передовой факт и петух тоже будет.

Близ мертвых в сельсовете активист опечалился вначале, но затем, вспомнив новостроящееся будущее, бодро улыбнулся и приказал окружающим мобилизовать колхоз на похоронное шествие, чтобы все почувствовали торжественность смерти во время развивающегося светлого момента обобществленья имущества.

Левая рука Козлова свесилась вниз, и весь погибший корпус его накренился со стола, готовый бессознательно упасть. Чиклин поправил Козлова и заметил, что мертвым стало совершенно тесно лежать: их уж было четверо вместо троих. Четвертого Чиклин не помнил и обратился к активисту за освещением несчастья, хотя четвертый был не пролетарий, а какой-то скучный мужик, покоившийся на боку с замолкшим дыханием. Активист представил Чиклину, что этот дворовый элемент есть смертельный вредитель Сафронова и Козлова, но теперь он заметил свою скорбь от организованного движения на него и сам пришел сюда, лег на стол между покойными и лично умер.

— Все равно бы я его обнаружил через полчаса, — сказал активист. — У нас стихии сейчас нет ни капли, деться никому некуда! А кто-то еще один лишний лежит!

— Того я закончил, — объяснил Чиклин. — Думал, что стервец явился и просит удара. Я ему дал, а он ослаб.

— И правильно: в районе мне и не поверят, чтоб был один убиец, а двое — это уж вполне кулацкий класс и организация!

После похорон в стороне от колхоза зашло солнце, и стало сразу пустынно и чуждо на свете; из-за утреннего края района выходила густая подземная туча, к полночи она должна дойти до здешних угодий и пролить на них всю тяжесть холодной воды. Глядя туда, колхозники начинали зябнуть, а куры уже давно квохтали в своих закутах, предчувствуя долготу времени осенней ночи. Вскоре на земле наступила сплошная тьма, усиленная чернотой почвы, растоптанной бродящими массами; но верх был еще светел — среди сырости, неслышного ветра и высоты там стояло желтое сияние достигавшего туда солнца и отражалось на последней

листве склонившихся в тишине садов. Люди не желали быть внутри изб — там на них нападали думы и настроения, — они ходили по всем открытым местам деревни и старались постоянно видеть друг друга; кроме того, они чутко слушали — не раздастся ли издали по влажному воздуху какого-либо звука, чтобы услышать утешение в таком трудном пространстве. Активист еще давно пустил устную директиву о соблюдении санитарности в народной жизни,⁶⁵ для чего люди должны все время находиться на улице, а не задыхаться в семейных избах. От этого заседавшему активисту было легче наблюдать массы из окна и вести их все время дальше.

Активист тоже успел заметить эту вечернюю желтую зарю, похожую на свет погребения, и решил завтра же с утра назначить звездный поход колхозных пешеходов в окрестные, жмущиеся к единоличию деревни, а затем объявить народные игры.

Председатель сельсовета, середняцкий старичок, подошел было к активисту за каким-нибудь распоряжением, потому что боялся бездействовать, но активист отстранил его от себя рукой, сказав только, чтобы сельсовет укреплял задние завоевания актива и сторожил господствующих бедняков от кулацких хищников. Старичок председатель с благодарностью успокоился и пошел делать себе сторожевую колотушку.

Вощев боялся ночей, он в них лежал без сна и сомневался; его основное чувство жизни стремилось к чему-либо надлежащему на свете, и тайная надежда мысли обещала ему далекое спасение от безвестности всеобщего существования. Он шел на ночлег рядом с Чиклиным и беспокоился, что тот сейчас ляжет и заснет, а он будет один смотреть глазами во мрак над колхозом.

— Ты сегодня, Чиклин, не спи, а то я чего-то боюсь.

— Не бойся. Ты скажи, кто тебе страшен — я его убью.

— Мне страшна сердечная озадаченность, товарищ Чиклин, — я и сам не знаю что. Мне все кажется, что вдалеке есть что-то особенное или роскошный несбыточный предмет, и я печально живу.

— А мы его добудем. Ты, Вощев, как говорится, не горюй.

— Когда, товарищ Чиклин?

— А ты считай, что уж добыли: видишь, нам все теперь стало ничто...

На краю колхоза стоял Организационный Двор, в котором активист и другие ведущие бедняки производили воодушевление масс; здесь же проживали недоказанные кулаки и разные проштрафившиеся члены коллектива, — одни из них находились на дворе за то, что впали в мелкое настроение сомнения, другие — что плакали во время бодрости и целовали колья на своем дворе, отходящие в обобществление, третьи — за что-нибудь прочее, и, наконец, один был старичок, явившийся на Организационный Двор самотеком,⁶⁶ — это был сторож с кафельного завода: он шел куда-то сквозь, а его здесь приостановили, потому что у него имелось выражение чуждости на лице.

Воцев и Чиклин сели на камень среди Двора, предполагая вскоре уснуть под здешним навесом. Старик с кафельного завода вспомнил Чиклина и дошел до него, — дотоле он сидел в ближайшей траве и сухим способом стирал грязь со своего тела под рубашкой.

— Ты зачем здесь? — спросил его Чиклин.

— Да я шел, а мне приказали остаться: может, говорят, ты зря живешь, дай посмотрим. Я было пошел молча мимо, а меня назад окорачивают: стой, кричат, кулашник! С тех пор я здесь и проживаю на картошных харчах.

— Тебе же все равно где жить, — сказал Чиклин, — лишь бы не умереть.

— Это-то ты верно говоришь! Я к чему хочешь привыкну, только сначала томлюсь. Здесь уж меня и буквам научили и число заставляют знать: будешь, говорят, уместным классовым старичком. Да то что же, я и буду!..

Старик бы всю ночь проговорил, но Елисей возвратился с котлована и принес Чиклину письмо от Прушевского. Под фонарем, освещавшим вывеску Организационного Двора, Чиклин прочитал, что Настя жива и Жачев начал возить ее ежедневно в детский сад, где она полюбила советское государство и собирает для него утильсырье; сам же Прушевский сильно скучает о том, что Козлов и Сафронов погибли, а Жачев по ним плакал громадными слезами.

«Мне довольно трудно, — писал товарищ Прушевский, — и я боюсь, что полюблю какую-нибудь одну женщину и женюсь, так как не имею общественного значения. Котлован закончен, и весной будем его бутить. Настя, оказывается, умеет писать печатными буквами, посылаю тебе ее бумажку».

Настя писала Чиклину:

«Ликвидируй кулака как класс. Да здравствует Сталин, Козлов и Сафронов! Дядя Чиклин, Сталин только на одну каплю хуже Ленина, а Буденный на две. Привет бедному колхозу, а кулакам нет».

Чиклин долго шептал эти написанные слова и весь глубоко растрогался, не умея морщить свое лицо для печали и плача; потом он направился спать.

В большом доме Организационного Двора была одна громадная горница, и там все спали на полу благодаря холоду. Сорок или пятьдесят человек народа открыли рты и дышали вверх, а под низким потолком висела лампа в тумане вздохов, и она тихо качалась от какого-то сотрясения земли. Среди пола лежал и Елисей; его спящие глаза были почти полностью открыты и глядели, не моргая, на горящую лампу. Нашедши Воцева, Чиклин лег рядом с ним и успокоился до более светлого утра.

Утром колхозные босые пешеходы выстроились в ряд на Оргдворе. Каждый из них имел флаг с лозунгом в руках и сумку с пищей за спиной. Они ожидали активиста, как первоначального человека в колхозе, чтобы узнать от него, зачем им идти в чужие места.

Активист пришел на Двор совместно с передовым персоналом и, расставив пешеходов в виде пятикратной звезды, стал посреди всех и произнес свое слово, указывающее пешеходам идти в среду окружающего беднячества и показать ему свойство колхоза путем призвания к социалистическому порядку, ибо все равно дальнейшее будет плохо. Елисей держал в руке самый длинный флаг и, покорно выслушав активиста, тронулся привычным шагом вперед, не зная, где ему надо остановиться.

В то утро была сырость и дул холод с дальних пустопорожных мест. Такое обстоятельство тоже не было упущено активом.

— Дезорганизация! — с унылостью сказал активист про этот остужающий ветер природы.

Бедные и средние странники пошли в свой путь и скрылись вдалеке, в постороннем пространстве. Чиклин глядел вслед ушедшей босой коллективизации, не зная, что нужно дальше предполагать, а Вощев молчал без мысли. Из большого облака, остановившегося над глухими дальними пашнями, стеной пошел дождь и укрыл ушедших в среде влаги.

— И куда они пошли? — сказал один подкулачник, уединенный от населения на Оргдворе за свой вред. Активист запретил ему выходить далее плетня, и подкулачник выражался через него. — У нас одной обувки на десять годов хватит, а они куда лезут?

— Дай ему! — сказал Чиклин Вощеву.

Вощев подошел к подкулачнику и сделал удар в его лицо. Подкулачник больше не отзывался.

Вощев приблизился к Чиклину с обыкновенным недоумением об окружающей жизни.

— Смотри, Чиклин, как колхоз идет на свете — скучно и босой.

— Они потому и идут, что босые, — сказал Чиклин. — А радоваться им нечего — колхоз ведь житейское дело.

— Иисус Христос тоже, наверно, ходил скучно, и в природе был ничтожный дождь.

— В тебе ум бедняк, — ответил Чиклин. — Христос ходил один — неизвестно из-за чего, а тут двигаются целые кучи ради существования.

Активист находился здесь же на Оргдворе; прошедшая ночь прошла для него задаром — директива не спустилась на колхоз, и он пустил теченье

мысли в собственной голове; но мысль несла ему страх упущений. Он боялся, что зажиточность скопится на единоличных дворах и он упустит ее из виду. Одновременно он опасался и переусердия, — поэтому обобществил лишь конское поголовье, мучаясь за одиноких коров, овец и птицу, потому что в руках стихийного единоличника и козел есть рычаг капитализма.

Сдерживая силу своей инициативы, неподвижно стоял активист среди всеобщей тишины колхоза, и его подручные товарищи глядели на его смолкшие уста, не зная, куда им двинуться. Чиклин и Воцев вышли с Оргдвора и отправились искать мертвый инвентарь, чтобы увидеть его годность.

Пройдя несколько расстояния, они остановились на пути, потому что с правой стороны улицы без труда человека открылись одни ворота, и через них стали выходить спокойные лошади. Ровным шагом, не опуская голов к растущей пище на земле, лошади сплоченной массой миновали улицу и спустились в овраг, в котором содержалась вода. Напившись в норму, лошади вошли в воду и постояли в ней некоторое время для своей чистоты, а затем выбрались на береговую сушу и тронулись обратно, не теряя строя и сплочения между собой. Но у первых же дворов лошади разбрелись — одна остановилась у соломенной крыши и начала дергать солому из нее, другая, нагнувшись, подбирала в пасть остаточные пучки тощего сена, более же угрюмые лошади вошли на усадьбы и там взяли на знакомых, родных местах по снопу и вынесли его во рту на улицу. Каждое животное взяло посильную долю пищи и бережно несло ее в направлении тех ворот, откуда вышли до того все лошади. Прежде пришедшие лошади остановились у общих ворот и подождали всю остальную конскую массу, а уж когда все совместно собрались, то передняя лошадь толкнула головой ворота нараспашку и весь конский строй ушел с кормом на двор. На дворе лошади открыли рты, пища упала из них в одну среднюю кучу, и тогда обобществленный скот стал вокруг и начал медленно есть, организованно смирившись без заботы человека.⁶⁷

Воцев в испуге глядел на животных через скважину ворот; его удивляло душевное спокойствие жующего скота, будто все лошади с точностью убедились в колхозном смысле жизни, а он один живет и мучается хуже лошади.

Далее лошадного двора находилась чья-то неимущая изба, которая стояла без усадьбы и огорожи на голом земном месте. Чиклин и Воцев вошли в избу и заметили в ней мужика, лежавшего на лавке вниз лицом. Его баба прибирала пол и, увидев гостей, утерла нос концом платка, отчего у ней сейчас же потекли привычные слезы.

— Ты чего? — спросил ее Чиклин.

— И-й, касатики! — произнесла женщина и еще гуще заплакала.

— Обсыхай скорей и говори! — образумил ее Чиклин.

— Мужик-то который день уткнулся и лежит... Баба, говорит, посуй мне пищу в нутрё, а то я весь пустой лежу, душа ушла изо всей плоти, улететь боюсь, — клади, кричит, какой-нибудь груз на рубашку. Как вечер, так я ему самовар к животу привязываю. Когда ж что-нибудь настанет-то?..

Чиклин подошел к крестьянину и повернул его навзничь — он был действительно легок и худ, и бледные, окаменевшие глаза его не выражали даже робости. Чиклин близко склонился к нему.

— Ты что — дышишь?

— Как вспомню, так вздохну, — слабо ответил человек.

— А если забудешь дышать?

— Тогда помру.

— Может, ты смысла жизни не чувствуешь, так потерпи чуть-чуть, — сказал Вощев лежачему.

Жена хозяина исподволь, но с точностью разглядывала пришедших, и от едкости глаз у нее нечувствительно высохли слезы.

— Он все чуял, товарищи, все до чиста душевно видел! А как лошадь взяла в организацию, так он лег и перестал. Я-то хоть поплачу, а он нет.

— Пусть лучше плачет, ему милее будет, — посоветовал Вощев.

— Я и то ему говорила. Разве ж можно молча лежать — власть будет пугаться. Я-то нарочно, вот правда истинная — вы люди, видать, хорошие, — я-то как выйду на улицу, так и зальюсь вся слезами. А товарищ активист видит меня — ведь он всюду глядит, он все щепки сосчитал, — как увидит меня, так и приказывает: плачь, баба, плачь сильней — это солнце новой жизни взошло и свет режет ваши темные глаза. А голос-то у него ровный, и я вижу, что мне ничего не будет, и плачу со всем желаньем...

— Стало быть, твой мужик только недавно существует без душевной прилежности? — обратился Вощев.

— Да как вот перестал меня женой знать, так и почитай, что с тех пор.

— У него душа — лошадь, — сказал Чиклин. — Пускай он теперь порожняком поживет, а его ветер продует.

Баба открыла рот, но осталась без звука, потому что Вощев и Чиклин ушли в дверь.

Другая изба стояла на большой усадьбе, огороженной плетнями, внутри же избы мужик лежал в пустом гробу и при любом шуме закрывал глаза, как скончавшийся. Над головой полуусопшего уже несколько недель горела лампада, и сам лежащий в гробу подливал в нее масло из бутылки время от времени. Вощев прислонил свою руку ко лбу покойного и почувствовал, что человек теплый. Мужик слышал то и вовсе затих дыханием, желая побольше остыть снаружи. Он сжал зубы и не пропускал воздуха в свою гробину.

— А теперь он похолодал, — сказал Вощев.

Мужик изо всех темных своих сил останавливал внутреннее биение жизни, а жизнь от долголетнего разгона не могла в нем прекратиться. «Ишь ты какая, чтущая меня сила, — между делом думал лежащий, — все равно я тебя затомлю, лучше сама кончись».

— Как будто опять потеплел, — обнаруживал Вощев по течению времени.

— Значит, не боится еще, подкулацкая сила, — произнес Чиклин.

Сердце мужика самостоятельно поднялось в душу, в горловую тесноту и там жглось, отпуская из себя жар опасной жизни в верхнюю кожу. Мужик тронулся ногами, чтобы помочь своему сердцу вздрогнуть, но сердце замучилось без воздуха и не могло трудиться. Мужик разинул рот и закричал от горя смерти, жалея свои целые кости от сотления в прах, свою кровавую силу тела от гниения в гное, глаза от скрывающегося белого света и двор от вечного сиротства.

— Мертвые не шумят, — сказал Вощев мужику.

— Не буду, — согласно ответил лежащий и замер, счастливый, что угодил власти.

— Остывает, — пощупал Вощев шею мужика.

— Туши лампаду, — сказал Чиклин. — Над ним огонь горит, а он глаза зажмурил — вот где нет никакой скупости на революцию.

Вышедши на свежий воздух, Чиклин и Вощев встретили активиста — он шел в изба-читальню по делам культурной революции.⁶⁸ После того он обязан был еще обойти всех средних единоличников, оставшихся без колхоза, чтобы убедить их в неразумности огороженного дворового капитализма.

В избе-читальне стояли, заранее организованные, колхозные женщины и девушки.

— Здравствуй, товарищ актив! — сказали они все сразу.

— Привет кадру! — ответил задумчиво активист и постоял в молчаливом созерцании. — А теперь мы повторим букву «а», слушайте мои сообщения и пишите...

Женщины прилегли к полу, потому что вся изба-читальня была порожняя, и стали писать кусками штукатурки на досках. Чиклин и Вощев тоже сели вниз, желая укрепить свое знание в азбуке.⁶⁹

— Какие слова начинаются на «а»? — спросил активист.

Одна счастливая девушка привстала на колени и ответила со всей быстротой и бодростью своего разума:

— Авангард, актив, аллилуйщик,⁷⁰ аванс, архилевый, антифашист! Твердый знак везде нужен, а архилевому не надо!

— Правильно, Макаровна, — оценил активист. — Пишите систематично эти слова.

Женщины и девушки прилежно прилегли к полу и начали настойчиво рисовать буквы, пользуясь корябающей штукатуркой. Активист тем

временем засмотрелся в окно, размышляя о каком-то дальнейшем пути или, может быть, томясь от своей одинокой сознательности.

— Зачем они твердый знак пишут? — сказал Воцев.

Активист оглянулся.

— Потому что из слов обозначаются линии и лозунги и твердый знак нам полезней мягкого. Это мягкий нужно отменить, а твердый нам неизбежен: он делает жесткость и четкость формулировок. Всем понятно?

— Всем, — сказали все.

— Пишите далее понятия на «б». Говори, Макаровна!

Макаровна приподнялась и с доверчивостью перед наукой заговорила:

— Большевик, буржуй, бугор, бессменный председатель, колхоз есть благо бедняка, браво-браво ленинцы! Твердые знаки ставить на бугре и большевике и еще на конце колхоза, а там везде мягкие места!

— Бюрократизм забыла, — определил активист. — Ну, пишите. А ты, Макаровна, сбегай мне в церковь — трубку прикури.

— Давай я схожу, — сказал Чиклин. — Не отрывай народ от ума.

Активист втолок в трубку лопушиные крошки, и Чиклин пошел зажигать ее от огня. Церковь стояла на краю деревни, а за ней уж начиналась пустыньность осени и вечное примиренчество природы. Чиклин поглядел на эту нищую тишину, на дальние лозины, стынущие в глинистом поле, но ничем пока не мог возразить.

Близ церкви росла старая, забвенная трава и не было тропинок или прочих человеческих проходных следов, — значит, люди давно не молились в храме. Чиклин прошел к церкви по гуще лебеды и лопухов, а затем вступил на паперть. Никого не было в прохладном притворе, только воробей, сжавшись, жил в углу; но и он не испугался Чиклина, а лишь молча поглядел на человека, собираясь, видно, вскоре умереть в темноте осени.

В храме горели многие свечи; свет молчаливого, печального воска делал достаточно определенной всю внутренность помещения до самого подспудья купола, и чистоплотные лица святых с выраженьем равнодушия глядели в мертвый воздух, как жители того, спокойного света, — но храм был пуст.⁷¹

Чиклин раскурил трубку от ближней свечи и увидел, что впереди на амвоне еще кто-то курит. Так и было — на ступени амвона сидел человек и курил. Чиклин подошел к нему.

— От товарища активиста пришли? — спросил курящий.

— А тебе что?

— Все равно я по трубке вижу.

— А ты кто?

— Я был поп, а теперь отмежевался от своей души⁷² и острижен под фокстрот. Ты погляди!

Поп снял шапку и показал Чиклину голову, обработанную как на де-вушке.

— Ничего ведь?.. Да все равно мне не верят — говорят, я тайно верю и явный стервец для бедноты. Приходится стаж зарабатывать, чтоб в кружок безбожия приняли.⁷³

— Чем же ты его зарабатываешь, поганый такой? — спросил Чиклин.

Поп сложил горечь себе в сердце и охотно ответил:

— А я свечки народу продаю — ты видишь, вся зала горит! Средства же скопляются в кружку и идут активисту для трактора.⁷⁴

— Не бреши: где же тут богомольный народ?

— Народу тут быть не может, — сообщил поп. — Народ только свечку покупает и ставит ее богу, как сироту, вместо своей молитвы, а сам сейчас же скрывается вон.

Чиклин яростно вздохнул и спросил еще:

— А отчего ж народ не крестится здесь, сволочь ты такая?!

Поп встал пред ним на ноги для уважения, собираясь с точностью сообщить.

— Креститься, товарищ, не допускается: того я записываю скорописью в поминальный листок...⁷⁵

— Говори скорей и дальше! — указал Чиклин.

— А я не прекращаю своего слова, товарищ бригадный, только я тем-пом слаб, уж вы стерпите меня... А те листки с обозначеньем человека, осенившего себя рукодействующим крестом, либо склонившего свое тело пред небесной силой, либо совершившего другой акт почитания подку-лацких святителей, — те листки я каждую полуночь лично сопровождаю к товарищу активисту.

— Подойди ко мне вплоть, — сказал Чиклин.

Поп готовно спустился с порожек амвона.

— Зажмурься, паскудный.

Поп закрыл глаза и выразил на лице умильную любезность. Чиклин, не колебнувшись корпусом, сделал попу сознательный удар в скуло. Поп открыл глаза и снова зажмурил их, но упасть не мог, чтобы не давать Чиклину понятия о своем неподчинении.

— Хочешь жить? — спросил Чиклин.

— Мне, товарищ, жить бесполезно, — разумно ответил поп. — Я не чувствую больше прелести творения — я остался без бога, а бог без чело-века...

Сказав последние слова, поп склонился на землю и стал молиться сво-ему ангелу-хранителю, касаясь пола фокстротной головой.

В деревне раздался долгий свисток, и после него заржали лошади.

Поп остановил молящуюся руку и сообразил значение сигнала.

— Собрание учредителей, — сказал он со смирением.

Чиклин вышел из церкви в траву. По траве шла баба к церкви, выправляя позади себя помятую лебеду, но, увидев Чиклина, она обомлела на месте и от испуга протянула ему пятак за свечку.

Организационный Двор покрылся сплошным народом; присутствовали организованные члены и неорганизованные единоличники, кто еще был маломочен по сознанию или имел подкулацкую долю жизни и не вступал в колхоз.

Активист находился на высоком крыльце и с молчаливой грустью наблюдал движение жизненной массы на сырой, вечерней земле; он безмолвно любил бедноту, которая, поев простого хлеба, желательно рвалась вперед в невидимое будущее, ибо все равно земля для них была пуста и тревожна; он втайне дарил городские конфеты ребятишкам неимущих и с наступлением коммунизма в сельском хозяйстве решил взять установку на женитьбу, тем более что тогда лучше выявятся женщины. И сейчас чей-то малый ребенок стоял около активиста и глядел на его лицо.

— Ты чего взарился? — спросил активист. — На тебе конфетку.

Мальчик взял конфету, но одной пищи ему было мало.

— Дядь, отчего ты самый умный, а картуза у тебя нету?

Активист без ответа погладил голову мальчика; ребенок с удивлением разгрыз сплошную каменистую конфету — она блестела, как рассеченный лед, и внутри ее ничего не было, кроме твердости. Мальчик отдал половину конфеты обратно активисту.

— Сам доедай, у ней в середке вареньев нету: это сплошная коллективизация, нам радости мало!

Активист улыбнулся с проницательным сознанием — он ведь почувствовал, что этот ребенок в зрелости своей жизни вспомнит о нем среди горящего света социализма, добытого сосредоточенной силой актива из плетневых дворов деревень.

Вощев и еще три убежденных мужика носили бревна к воротам Оргдвора и складывали их в штабель — им заранее активист дал указание на этот труд. Чиклин тоже пошел за трудящимися и, взяв бревно около оврага, понес его к Оргдвору: пусть идет больше пользы в общий котел, чтоб не было так печально вокруг.

— Ну как же будем, граждане? — произнес активист в вещество народа, находившееся пред ним. — Вы что ж, опять капитализм сеять собираетесь или опомнились?..

Организованные сели на землю и курили, с удовлетворительным чувством поглаживая свои бородки, которые за последние полгода что-то стали

реже расти; неорганизованные же стояли на ногах, преодолевая свою тщетную душу, но один сподручный актива научил их, что души в них нет, а есть лишь одно имущественное настроенье, и они теперь вовсе не знали, как им станется, раз не будет имущества. Иные, склонившись, стучали себе в грудь и слушали свою мысль оттуда, но сердце билось легко и грустно, как порожнее, и ничего не отвечало. Стоявшие люди ни на мгновение не упускали из вида активиста; ближние же ко крыльцу глядели на руководящего человека со всем желаньем в неморгающих глазах, чтобы он видел их готовное настроенье.

Чиклин и Воцев к тому времени уже управились с доставкой бревен и стали их затесывать в лапу⁷⁶ со всех концов, стараясь устроить большой предмет. Солнца не было в природе ни вчера, ни нынче, и унылый вечер рано наступил над сырыми полями; тишина распространялась сейчас по всему видимому свету, только топор Чиклина звучал среди нее и отзывался ветхим скрипом на близкой мельнице и в плетнях.

— Ну что же! — терпеливо сказал активист сверху. — Иль вы так и будете стоять между капитализмом и коммунизмом: ведь уж пора тронуться — у нас в районе четырнадцатый пленум идет!

— Дозволь, товарищ актив, еще малость средноте постоять, — попросили задние мужики. — Может, мы обвыкнемся: нам главное дело привычка, а то мы все стерпим!

— Ну стойте, пока беднота сидит, — разрешил активист. — Все равно товарищ Чиклин еще не успел сколотить бревна в один блок.

— А к чему ж те бревна-то гадят, товарищ актив? — спросил задний середняк.

— А это для ликвидации класса организуется плот, чтоб завтрашний день кулацкий сектор ехал по речке в море и далее...⁷⁷

Вынув поминальные листки и классово-расслоечную ведомость,⁷⁸ активист стал метить знаки по бумагам; а карандаш у него был разноцветный, и он применял то синий, то красный цвет, а то просто вздыхал и думал, не кладя знаков до своего решения. Стоячие мужики открыли рты и глядели на карандаш с томлением слабой души, которая появилась у них из последних остатков имущества, потому что стала мучиться. Чиклин и Воцев тесали в два топора сразу, и бревна у них складывались одно к другому вплоть, основывая сверху просторное место.

Ближний середняк прислонился головой к крыльцу и стоял в таком покое некоторое время.

— Товарищ актив, а товарищ!..

— Говори ясно, — предложил середняку активист между своим делом.

— Дозволь нам горе горевать в остатную ночь, а уж тогда мы век с тобой будем радоваться!

Активист кратко подумал.

— Ночь — это долго. Кругом нас темпы по округу идут — горюйте, пока плот не готов.

— Ну, хоть до плота, и то радость, — сказал средний мужик и заплакал, не теряя времени последнего горя. Бабы, стоявшие за плетнем Оргдвора, враз взвыли во все задушевные свои голоса, так что Чиклин и Вошев перестали рубить дерево топорами. Организованная, членская беднота поднялась с земли, довольная, что ей горевать не приходится, и ушла смотреть на свое общее, насущное имущество деревни.

— Отвернись и ты от нас на краткое время, — попросили активиста два средняка. — Дай нам тебя не видеть.

Активист отстранился с крыльца и ушел в дом, где с жадностью начал писать рапорт о точном исполнении мероприятия по сплошной коллективизации и о ликвидации, посредством сплава на плоту, кулака как класса; при этом активист не мог поставить после слова «кулака» запятую, так как и в директиве ее не было.⁷⁹ Дальше он попросил себе из района новую боевую кампанию, чтоб местный актив работал бесперебойно и четко чертил дорожную генеральную линию вперед. Активист желал бы еще, чтобы район объявил его в своем постановлении самым идеологичным во всей районной надстройке, но это желание утихло в нем без последствий, потому что он вспомнил, как после хлебозаготовок⁸⁰ ему пришлось заявить о себе, что он умнейший человек на данном этапе села и, услышав его, один мужик объявил себя бабой.

Дверь дома отворилась, и в нее раздался шум мученья из деревни; вошедший человек стер мокроту с одежды, а потом сказал:

— Товарищ актив, там снег пошел и холод дует.

— Пускай идет, нам-то что?

— Нам — ничего, нам хоть что ни случись — мы управимся! — вполне согласился явившийся пожилой бедняк. Он был постоянно удивлен, что еще жив на свете, потому что ничего не имел, кроме овощей с дворового огорода и бедняцкой льготы, и не мог никак добиться высшей, довольной жизни.

— Ты мне, товарищ главный, скажи на утеху: писаться мне в колхоз на покой иль обождать?

— Пишись, конечно, а то в океан пошлю!

— Бедняку нигде не страшно; я б давно записался, только Зою сеять боюсь!

— Какую Зою? — если сою, то она ведь официальный знак!

— Ее, стерву.

— Ну, не сей — я учту твою психологию.

— Учти, пожалуйста.

Записав бедняка в колхоз, активист вынужден был дать ему квитанцию в приеме в членство и в том, что в колхозе не будет Зои, и выдумал

здесь же надлежащую форму для этой квитанции, так как бедняк нипочем не уходил без нее.

Снаружи в то время все гуще падал холодный снег; земля от снега стала смирней, но звуки середняцкого настроения мешали наступить сплошной тишине. Старый пахарь Иван Семенович Крестинин целовал молодые деревья в своем саду и с корнем сокрушал их прочь из почвы, а его баба причитала над голыми ветками.

— Не плачь, старуха, — говорил Крестинин. — Ты в колхозе мужиковской давалкой станешь.⁸¹ А деревья эти — моя плоть, и пускай она теперь мучается, ей же скучно обобществляться в плен!

Баба, услышав мужние слова, так и покатилась по земле, а другая женщина — не то старая девка, не то вдовуха — сначала бежала по улице и голосила таким агитирующим, монашьям голосом, что Чиклину захотелось в нее стрелять, а потом она увидела, как крестининская баба катится понизу, и тоже бросилась навзничь и забила ногами в суконных чулках.

Ночь покрыла весь деревенский масштаб, снег сделал воздух непроходимым и тесным, в котором задыхалась грудь, но все же бабы вскрикивали повсеместно и, привыкая к горю, держали постоянный вой. Собаки и другие мелкие нервные животные тоже поддерживали эти томительные звуки, и в колхозе было шумно и тревожно, как в предбаннике; средние же и высшие мужики молча работали по дворам и закутам, охраняемые бабьим плачем у раскрытых настежь ворот. Остаточные, необобществленные лошади грустно спали в станках, привязанные к ним так надежно, чтобы они никогда не упали, потому что иные лошади уже стояли мертвыми; в ожидании колхоза беззубые мужики содержали лошадей без пищи, чтоб обобществиться лишь одним своим телом, а животных не вести за собою в скорбь.

— Жива ли ты, кормилица?..

Лошадь дремала в стойле, опустив навеки чуткую голову, — один глаз у нее был слабо прикрыт, а на другой не хватило силы — и он остался глядеть в тьму. Сарай остыл без лошадиного дыхания, снег западал в него, ложился на голову кобылы и не таял. Хозяин потушил спичку, обнял лошадь за шею и стоял в своем сиротстве, нюхая по памяти пот кобылы, как на пахоте.

— Значит, ты умерла? Ну ничего — я тоже скоро помру, нам будет тихо.

Собака, не видя человека, вошла в сарай и понюхала заднюю ногу лошади. Потом она зарычала, впилась пастью в мясо и вырвала себе говядину. Оба глаза лошади забелели в темноте, она поглядела ими обоими и переступила ногами шаг вперед, не забыв еще от чувства боли жить.

— Может, ты в колхоз пойдешь? Ступай тогда, а я подожду, — сказал хозяин двора.

Он взял клок сена из угла и поднес лошади ко рту. Глазные места у кобылы стали темными, она уже смежила последнее зрение, но еще чуяла запах травы, потому что ноздри ее шевельнулись и рот распался надвое, хотя жевать не мог. Жизнь ее уменьшалась все дальше, сумев дважды возвратиться на боль и еду; затем ноздри ее уже не повелись от сена, и две новые собаки равнодушно отъедали ногу позади, но жизнь лошади еще была цела — она лишь беднела в дальней нищете, делилась все более мелко и не могла утомиться.

Снег падал на холодную землю, собираясь остаться в зиму; мирный покров застелил на сон грядущий всю видимую землю, только вокруг хлебов снег растаял и земля была черна, потому что теплая кровь коров и овец вышла из-под огорож наружу и летние места оголились. Ликвидировав весь последний дышащий живой инвентарь, мужики стали есть говядину и всем домашним также наказали ее кушать; говядину в то краткое время ели, как причастие, — есть никто не хотел, но надо было спрятать плоть родной убоины в свое тело и сберечь ее там от обобществления.⁸² Иные расчетливые мужики давно опухли от мясной еды и ходили тяжело, какдвигающиеся сараи; других же рвало беспрерывно, но они не могли расстаться со скотиной и уничтожали ее до костей, не ожидая пользы желудка. Кто вперед успел поесть свою живность или кто отпустил ее в колхозное заключение, тот лежал в пустом гробу и жил в нем, как на тесном дворе, чувствуя огороженный покой.

Чиклин оставил заготовку плота в такую ночь. Вощев тоже настолько ослабел телом без идеологии, что не мог поднять топора и лег в снег: все равно истины нет на свете или, быть может, она и была в каком-нибудь растении или в героической твари, но шел дорожный нищий и съел то растение или растоптал гнетущуюся низом тварь, а сам умер затем в осеннем овраге, и тело его выдул ветер в ничто.

Активист видел с Оргдвора, что плот не готов; однако он должен был завтрашним утром отправить в район пакет с итоговим отчетом, поэтому дал немедленный свисток к общему учредительному собранию. Народ выступил со дворов на этот звук и всем неорганизованным еще составом явился на площадь Оргдвора. Бабы уже не плакали и высохли лицом, мужики тоже держались самозабвенно, готовые организовать навеки. Приблизившись друг к другу, люди стали без слова всей середняцкой гущей и загляделись на крыльцо, на котором находился активист с фонарем в руке, — от этого собственного света он не видел разной мелочи на лицах людей, но зато его самого наблюдали все с ясностью.

— Готовы, что ль? — спросил активист.

— Подожди, — сказал Чиклин активисту. — Пусть они попрощаются до будущей жизни.

Мужики было приготовились к чему-то, но один из них произнес в тишине:

— Дай нам еще одно мгновение времени!

И сказав последние слова, мужик обнял соседа, поцеловал его трижды и попрощался с ним.

— Прощай, Егор Семеныч!

— Не в чем, Никанор Петрович: ты меня тоже прости.

Каждый начал целоваться со всею очередью людей, обнимая чужое доселе тело, и все уста грустно и дружелюбно целовали каждого.

— Прощай, тетка Дарья; не обижайся, что я твою ригу сжег.

— Бог простит, Алеша, — теперь рига все одно не моя.

Многие, прикоснувшись взаимными губами, стояли в таком чувстве некоторое время, чтобы навсегда запомнить новую родню, потому что до этой поры они жили без памяти друг о друге и без жалости.

— Ну, давай, Степан, побратаемся.

— Прощай, Егор, — жили мы люто, а кончаемся по совести.

После целованья люди поклонились в землю — каждый всем — и встали на ноги, свободные и пустые сердцем.

— Теперь мы, товарищ актив, готовы — пиши нас всех в одну графу, а кулаков мы сами тебе покажем.

Но активист еще прежде обозначил всех жителей — кого в колхоз, а кого на плот.

— Иль сознательность в вас заговорила? — сказал он. — Значит, отозвалась массовая работа актива! Вот она — четкая линия в будущий свет!

Чиклин здесь вышел на высокое крыльцо и потушил фонарь активиста — ночь и без керосина была светла от свежего снега.

— Хорошо вам теперь, товарищи? — спросил Чиклин.

— Хорошо, — сказали со всего Оргдвора. — Мы ничего теперь не чуем, в нас один прах остался.

Воцев лежал в стороне и никак не мог заснуть без покоя истины внутри своей жизни, — тогда он встал со снега и вошел в среду людей.

— Здравствуйте! — сказал он колхозу, обрадовавшись. — Вы стали теперь, как я, — я тоже ничто.

— Здравствуй! — обрадовался весь колхоз одному человеку.

Чиклин тоже не мог стерпеть быть отдельно на крыльце, когда люди стояли вместе внизу; он опустился на землю, разжег костер из плетневого матерьяла, и все начали согреваться от огня.

Уже было поздно, ночь стояла смутно над людьми, и больше никто не произносил слова, только слышалось, как по-старинному брехала собака на чужой деревне, точно она существовала в постоянной вечности.

Очнулся Чиклин первым, потому что вспомнил что-то насущное, но, открыв глаза, все забыл. Перед ним стоял Елисей и держал Настю на руках. Он уже держал девочку часа два, пугаясь разбудить Чиклина, а девочка спокойно спала, греясь на его теплой, сердечной груди.

— Не замучил ребенка-то? — спросил Чиклин.

— Я не смею, — сказал Елисей.

Настя открыла глаза на Чиклина и заплакала по нем; она думала, что в мире все есть взаправду и навсегда, — и если ушел Чиклин, то она уже больше нигде не найдет его на свете. В бараке Настя часто видела Чиклина во сне и даже не хотела спать, чтобы не мучиться наутро, когда оно настанет без него.

Чиклин взял девочку на руки.

— Тебе ничего было?

— Ничего, — сказала Настя. — А ты здесь колхоз Сталину сделал? Покажи мне колхоз!

Поднявшись с земли, Чиклин приложил голову Насти к своей шее и пошел раскулачивать.

— Жачев-то не обижал тебя?

— Как же он обидит меня, когда я в социализм останусь, а он скоро помрет!

— Да пожалуй, что и не обидит! — сказал Чиклин и обратил внимание на многолюдство. Посторонний, пришлый народ расположился кучами и малыми массами по Оргдвору, тогда как колхоз еще спал общим скоплением близ ночного, померкшего костра. По колхозной улице также находились нездешние люди; они молча стояли в ожидании той радости, за которой их привели сюда Елисей и другие колхозные пешеходы. Некоторые странники обступили Елисея и спрашивали его:

— Где же колхозное благо — иль мы даром шли? Долго ль нам бродить без остановки?

— Раз вас привели, то актив знает, — ответил Елисей.

— А твой актив спит, должно быть?

— Актив спать не может, — сказал Елисей.

Активист вышел на крыльцо со своими сподручными, и рядом с ним был Прушевский, а Жачев полз позади всех. Прушевского послал в колхоз товарищ Пашкин, потому что Елисей проходил вчера мимо котлована и ел кашу у Жачева, но от отсутствия своего ума не мог сказать ни одного слова. Узнав про то, Пашкин решил во весь темп бросить Прушевского на колхоз как кадр культурной революции, ибо без ума организованные люди жить не должны, а Жачев отправился по своему желанию,

как урод, — и поэтому они явились втроем с Настей на руках, не считая еще тех подорожных мужиков, которым Елисей велел идти вслед за собой, чтобы ликовать в колхозе.

— Ступайте скорее плот кончайте, — сказал Чиклин Прушевскому, — а я скоро обратно к вам поспею.

Елисей пошел вместе с Чиклиным, чтобы указать ему самого угнетенного батрака, который почти спокон века работал даром на имущих дворах, а теперь трудится молотобойцем в колхозной кузне и получает пищу и приварок, как кузнец второй руки; однако этот молотобоец не числился членом колхоза, а считался наемным лицом, и профсоюзная линия, получая сообщения об этом официальном батраке, одном во всем районе, глубоко тревожилась. Пашкин же и вовсе грустил о неизвестном, последнем пролетарии района и хотел как можно скорее избавить его от угнетения.

Около кузницы стоял автомобиль и жег бензин на одном месте. С него только что сошел прибывший вместе с супругой Пашкин, чтобы с активной жадностью обнаружить здесь остаточного батрака и, снабдив его лучшей долей жизни, распустить затем райком союза за халатность обслуживания членской массы. Но еще Чиклин и Елисей не дошли до кузни, как товарищ Пашкин уже вышел из помещения и отбыл на машине обратно, опустив только голову в кузов, будто не зная — как ему теперь быть. Супруга товарища Пашкина из машины не выходила вовсе: она лишь берегла своего любимого человека от встречных женщин, обожающих власть ее мужа и принимавших твердость его руководства за силу любви, которую он может им дать.

Чиклин с Настей на руках вошел в кузню; Елисей же остался постоять снаружи. Кузнец качал мехом воздух в горн, а медведь бил человечески молотом⁸³ по раскаленной железной полосе на наковальне.

— Скорее, Миш, а то мы с тобой ударная бригада! — сказал кузнец.

Но медведь и без того настолько усердно старался, что пахло его пальной шерстью, сгорающей от искр металла, а медведь, ради пользы, этого не чувствовал.

— Ну, теперь — будя! — определил кузнец.

Медведь перестал колотить и, отошедши, выпил от жажды полведра воды. Утерев затем свое утомленно-пролетарское лицо, медведь плюнул в лапу и снова приступил к труду молотобойца. Сейчас ему кузнец положил ковать подкову для одного единоличника из окрестностей колхоза.

— Миш, это надо кончить поживей: вечером хозяин придет — жидкость будет! — и кузнец показал на свою шею, как на трубу для водки. Медведь, поняв будущее наслаждение, с пущей охотой начал делать подкову. — А ты, человек, зачем пришел? — спросил кузнец у Чиклина.

— Отпусти молотобойца кулаков показать: говорят, у него пролетарский стаж велик.

Кузнец поразмышлял немного о чем-то и сказал:

— А ты согласовал с активом вопрос? Ведь в кузне есть промфинплан, а ты его срываешь!

— Согласовал вполне, — ответил Чиклин. — А если план твой сорвется, так я сам приду к тебе его подымать... Ты слыхал про араратскую гору — так я ее наверняк бы насыпал, если б клал землю своей лопатой в одно место!

— Нехай тогда идет, — выразился кузнец про медведя. — Ступай на Оргдвор и вдарь в колокол, чтоб Мишка обеденное время услышал, а то он не тронется — он у нас дисциплину обожает.

Пока Елисей равнодушно ходил на Оргдвор, медведь сделал четыре подковы и просил еще трудиться. Но кузнец послал его за дровами, чтобы нажечь из них потом углей, и медведь принес целый подходящий плетень. Настя, глядя на почерневшего, обгорелого медведя, радовалась, что он за нас, а не за буржуев.

— Он ведь тоже мучается — он, значит, за Сталина, правда ведь? — говорила Настя.

— А то как же! — отвечал Чиклин.

— Звери тоже чувят! — сообщила Настя.

Раздался гул колокола, и медведь мгновенно оставил без внимания свой труд — до того он ломал плетень на мелкие части, а теперь сразу выпрямился и надежно вздохнул: шабаш, дескать. Опустив лапы в ведро с водой, чтоб отмочить на них чистоту, он затем вышел вон для получения еды. Кузнец ему указал на Чиклина, и медведь спокойно пошел за человеком, привычно держась впрямую, на одних задних лапах. Настя тронула медведя за плечо, а он тоже коснулся слегка ее лапой и зевнул всем ртом, откуда запахло прошлой пищей.

— Смотри, Чиклин, он весь седой!

— Жил с людьми, вот и поседел от горя.

Медведь обождал, пока девочка вновь посмотрит на него, и, дождавшись, зажмурил для нее один глаз; Настя засмеялась, а молотобоец ударил себе по животу, так что у него там что-то забурчало, отчего Настя засмеялась еще лучше, медведь же не обратил на малолетнюю внимания.

Около одних дворов идти было так же прохладно, как и по полю, а около других чувствовалась теплота. Коровы и лошади лежали в усадьбах с разверстыми тлеющими туловищами — и долголетний, скопленный под солнцем жар жизни еще выходил из них в воздух, в общее зимнее пространство. Уже много дворов миновали Чиклин и молотобоец, а кулачества что-то нигде не ликвидировали.

Снег, изредка опускавшийся дотоле с верхних мест, теперь пошел чаще и жестче, — какой-то набредший ветер начал производить вьюгу, что бывает, когда устанавливается зима. Но Чиклин и медведь шли сквозь

снежную, секущую частоту прямым уличным порядком, потому что Чиклину невозможно было считаться с настроением природы; только Настю Чиклин спрятал от холода за пазуху, оставив снаружи лишь ее голову, чтоб она не скучала в темном тепле. Девочка все время следила за медведем — ей было хорошо, что животное тоже есть рабочий класс, — а молотобоец глядел на нее как на забытую сестру, с которой он жировал у материнского живота в летнем лесу своего детства. Желая обрадовать Настю, медведь посмотрел вокруг — чего бы это схватить или выломать ей для подарка? Но никакого мало-мальски счастливого предмета не было вблизи, кроме глиносоломенных жилищ и плетней. Тогда молотобоец вгляделся в снежный ветер и быстро выхватил из него что-то маленькое, а затем поднес сжатую лапу к Настиному лицу. Настя выбрала из его лапы муху, зная, что мух теперь тоже нету — они умерли еще в конце лета. Медведь начал гоняться за мухами по всей улице, — мухи летели целыми тучами, перемежаясь с несущимся снегом.

— Отчего бывают мухи, когда зима? — спросила Настя.

— От кулаков, дочка! — сказал Чиклин.

Настя задушила в руке жирную кулацкую муху, подаренную ей медведем, и сказала еще:

— А ты убей их как класс! А то мухи зимой будут, а летом нет: птицам нечего есть станет.

Медведь вдруг зарычал около прочной, чистой избы и не хотел идти дальше, забыв про мух и девочку. Бабье лицо уставилось в стекло окна, и по стеклу поползла жидкость слез, будто баба их держала все время наготове. Медведь открыл пасть на видимую бабу и взревел еще яростней, так что баба отскочила внутрь жилища.

— Кулачество! — сказал Чиклин и, вошедши на двор, открыл изнутри ворота. Медведь тоже шагнул через черту владенья на усадьбу.

Чиклин и молотобоец освидетельствовали вначале хозяйственные укроменные места. В сарае, засыпанные мякиной, лежали четыре или больше мертвых мясных овцы. Когда медведь тронул одну овцу ногой, из нее поднялись мухи: они жили себе жирующим способом в горячих, говяжьих щелях овечьего тела и, усердно питаясь, сыто летали среди снега, нисколько не остужаясь от него. Из сарая наружу выходил дух теплоты — в трупных скважинах убины, наверно, было жарко, как летом в тлеющей торфяной земле, и мухи жили там вполне нормально. Чиклину стало тяжело в большом сарае, ему казалось, что здесь топят банные печи, а Настя зажмурилась от вони глаза и думала, почему в колхозе зимой тепло и нету четырех времен года, про какие ей рассказывал Прушевский на котловане, когда на пустых осенних полях прекратилось пение птиц.

Молотобоец пошел из сарая в избу и, заревев в сенях враждебным голосом, выбросил через крыльцо вековой громадный сундук, откуда посыпались швейные катушки.

Чиклин застал в избе одну бабу и еще мальчишку; мальчишка дулся на горшке, а мать его, присев, разгнездилась среди горницы, будто все вещество из нее опустилось вниз; она уж не кричала, а только открыла рот и старалась дышать.

— Мужик, а мужик! — начала звать она, не двигаясь от немоги горя.

— Чего? — отозвался голос с печки; потом там закрипел разошедшийся гроб и вылез хозяин.

— Цари пришли, — сказывала постепенно баба, — иди встречай... Головушка моя горькая!

— Прочь! — приказал Чиклин всему семейству.

Молотобоец попробовал мальчишку за ухо, и тот вскочил с горшка, а медведь, не зная, что это такое, сам сел для пробы на низкую посуду.

Мальчик стоял в одной рубашке и, соображая, глядел на сидящего медведя.

— Дядь, отдай какашку! — попросил он; но молотобоец тихо зарычал на него, тужась от неудобного положения.

— Прочь! — произнес Чиклин кулацкому населению.

Медведь, не трогаясь с горшка, дал из пасти звук — и зажиточный ответил:

— Не шумите, хозяйева, мы сами уйдем.

Молотобоец вспомнил, как в старинные года он корчевал пни на угодьях этого мужика и ел траву от безмолвного голода, потому что мужик давал ему пищу только вечером — что оставалось от свиной, а свиной ложились в корыта и съедали медвежью порцию во сне. Вспомнив такое, медведь поднялся с посуды, обнял поудобней тело мужика и, сжав его с силой, что из человека вышло нажитое сало и пот, закричал ему в голову на разные голоса — от злобы и наслышки молотобоец мог почти разговаривать.

Зажиточный, обождав, пока медведь отдастся от него, вышел, как есть, на улицу и уже прошел мимо окна снаружи, — только тогда баба помчалась за ним, а мальчик остался в избе без родных. Постояв в скучном недоумении, он схватил горшок с пола и побежал с ним за отцом-матерью.

— Он очень хитрый! — сказала Настя про этого мальчишку, унесшего свой горшок.

Дальше кулак встречался гуще. Уже через три двора медведь зарычал снова, обозначая присутствие здесь своего классового врага. Чиклин отдал Настю молотобойцу и вошел в избу один.

— Ты чего, милый, явился? — спросил ласковый, спокойный мужик.

— Уходи прочь! — ответил Чиклин.

— А что, ай я чем не угодил?

— Нам колхоз нужен, не разлагай его!

Мужик не спеша подумал, словно находился в душевной беседе.

— Колхоз вам не годится...

— Прочь, гада!

— Ну что ж, вы сделаете изо всей республики колхоз, а вся республика-то будет единоличным хозяйством!..

У Чиклина захватило дыхание, он бросился к двери и открыл ее, чтоб видна была свобода, — он так же когда-то ударился в замкнувшуюся дверь тюрьмы, не понимая плена, и закричал от скрежещущей силы сердца. Он отвернулся от рассудительного мужика, чтобы тот не участвовал в его преходящей скорби, которая касается лишь одного рабочего класса.

— Не твое дело, стервец! Мы можем царя назначить, когда нам полезно будет, и можем сшибить его одним вздохом... А ты — исчезни!

Здесь Чиклин перехватил мужика поперек и вынес его наружу, где бросил в снег; мужик от жадности не был женатым, расходуя всю свою плоть в скопление имущества, в счастье надёжности существованья, и теперь не знал, что ему чувствовать.

— Ликвидировали?! — сказал он из снега. — Смотрите, нынче меня нету, а завтра вас не будет. Так и выйдет, что в социализм придет один ваш главный человек!

Через четыре двора молотобоец опять ненавистно заревел. Из дома выскочил бедный житель с блином в руках. Но медведь знал, что этот хозяин бил его древесным корнем, когда он переставал от усталости водить жернов за бревно. Этот мужичишка заставил на мельнице работать вместо ветра медведя, чтобы не платить налога, а сам скулил всегда по-батрацки и ел с бабой под одеялом. Когда его жена тяжелела, то мельник своими руками совершал ей выкидыш, любя лишь одного большого сына, которого он давно определил в городские коммунисты.

— Покушай, Миша! — подарил мужик блин молотобойцу.

Медведь обернул блином лапу и ударил через эту печеную прокладку кулака по уху, так что мужик вякнул ртом и повалился.

— Опорожняй батрацкое имущество! — сказал Чиклин лежащему. — Прочь с колхоза и не смей более жить на свете!

Зажиточный полежал вначале, а потом опомнился.

— А ты покажь мне бумажку, что ты действительно лицо!

— Какое я тебе лицо? — сказал Чиклин. — Я никто; у нас партия — вот лицо!

— Покажи тогда хоть партию, хочу рассмотреть.

Чиклин скудно улыбнулся.

— В лицо ты ее не узнаешь, я сам ее еле чувствую. Являйся нынче на плот, капитализм сволочь!

— Пусть он едет по морям: нынче здесь, а завтра там,⁸⁴ — правда ведь? — произнесла Настя. — Со сволочью нам скучно будет!

Дальше Чиклин и молотобоец освободили еще шесть изб, нажитых батрацкой плотью, и возвратились на Оргдвор, где стояли в ожидании чего-то очищенные от кулачества массы.

Сверив прибывший кулацкий класс со своей расслоечной ведомостью, активист нашел полную точность и обрадовался действию Чиклина и кузнечного молотобойца. Чиклин также одобрил активиста.

— Ты сознательный молодец, — сказал он, — ты чуешь классы, как животное.

Медведь не мог выразиться и, постояв отдельно, пошел на кузню сквозь падающий снег, в котором жужжали мухи; одна только Настя смотрела ему вслед и жалела этого старого, обгорелого человека.

Прушевский уже справился с доделкой из бревен плота, а сейчас глядел на всех с готовностью.

— Гадость ты, — говорил ему Жачев. — Чего глядишь, как оторвавшийся? Живи храбрее — жми друг дружку, а деньги в кружку! Ты думаешь, это люди существуют? — ого! Это одна наружная кожа, до людей нам далеко идти, вот чего мне жалко!

По слову активиста кулаки согнулись и стали двигать плот в упор на речную долину. Жачев же пополз за кулачеством, чтобы обеспечить ему надежное отплытие в море по течению и сильнее успокоиться в том, что социализм будет, что Настя получит его в свое девичье приданое, а он, Жачев, скорее погибнет, как уставший предрассудок.

Ликвидировав кулаков в даль, Жачев не успокоился, ему стало даже труднее, хотя неизвестно отчего. Он долго наблюдал, как систематически уплывал плот по снежной текущей реке, как вечерний ветер шевелил темную, мертвую воду, льющуюся среди охладелых угодий в свою отдаленную пропасть, и ему делалось скучно, печально в груди. Ведь слой грустных уродов не нужен социализму, и его вскоре также ликвидируют в далекую тишину.

Кулачество глядело с плота в одну сторону — на Жачева; люди хотели навсегда заметить свою родину и последнего, счастливого человека на ней.

Вот уже кулацкий речной эшелон начал заходить на повороте за береговой кустарник, и Жачев начал терять видимость классового врага.⁸⁵

— Эй, паразиты, прощай! — закричал Жачев по реке.

— Про-ща-ай! — отозвались уплывающие в море кулаки.

С Оргдвора заиграла призывающая вперед музыка; Жачев поспешно полез по глинистой круче на торжество колхоза, хотя и знал, что там ликуют одни бывшие участники империализма, не считая Насти и прочего детства.

Активист выставил на крыльцо Оргдома рупор радио, и оттуда звучал марш великого похода, а весь колхоз, вместе с окрестными пешими гостями, радостно топтался на месте. Колхозные мужики были светлы лицом, как вымытые, им стало теперь ничего не жалко, безвестно и прохладно в душевной пустоте. Елисей, когда сменилась музыка, вышел на среднее место, вдарил подошвой и затанцевал по земле, ничуть при этом не сгибаясь и не моргая белыми глазами; он ходил как стержень — один среди стоячих, — четко работая костями и туловищем. Постепенно мужики распелись и начали охаживать вокруг друг друга, а бабы весело подняли руки и пошли двигать ногами под юбками. Гости скинули сумки, кликнули к себе местных девушек и понеслись понизу, бодро шевелиясь, а для своего угощения целовали подружек-колхозниц. Радиомузыка все более тревожила жизнь; пассивные мужики кричали возгласы довольства, более передовые всесторонне развивали дальнейший темп праздника, и даже обобщественные лошади, услышав гул человеческого счастья, пришли поодиночке на Оргдвор и стали ржать.

Снежный ветер утих; неясная луна выявилась на дальнем небе, опорожненном от вихрей и туч, — на небе, которое было так пустынно, что допускало вечную свободу, и так жутко, что для свободы нужна была дружба.

Под этим небом, на чистом снегу, уже засиженном кое-где мясными мухами, весь народ товарищески торжествовал. Давно живущие на свете люди — и те стронулись и топтались, не помня себя.

— Эх ты, эсесерша наша мать! — кричал в радости один забвенный мужик, показывая ухватку и хлопая себя по пузу, щекам и по рту. — Охаживай, ребята, наше царство-государство: она незамужняя!

— Она — девка иль вдова? — спросил на ходу танца окрестный гость.

— Девка! — объяснилдвигающийся мужик. — Аль не видишь, как мудрит?!

— Пускай ей помудрится! — согласился тот же пришлый гость. — Пускай пособничает! А потом мы из нее сделаем смирную бабу: добро будет!

Настя сошла с рук Чиклина и тоже топталась около мчавшихся мужиков, потому что ей хотелось. Жачев ползал между всеми, подсекая под ноги тех, которые ему мешали, а гостевому мужику, желавшему девочку-эсесершу выдать замуж единоличнику, Жачев дал в бок, чтоб он не наделся.

— Не смей думать что попало! Иль хочешь речной самотек заработать? Живо сядешь на плот!

Гость уж испугался, что он явился сюда.

— Боле, товарищ калека, ничто не подумаю — я теперь шептать буду.

Чиклин долго глядел в ликующую гущу народа и чувствовал покой добра в своей груди; с высоты крыльца он видел лунную чистоту далекого

масштаба, печальность замершего света и покорный сон всего мира, на устройство которого пошло столько труда и мученья, что всеми забыто, чтобы не знать страха жить дальше.

— Настя, ты не стынь долго, иди ко мне, — позвал Чиклин.

— Я ничуть не озябла, тут ведь дышат, — сказала Настя, бегая от ласково ревущего Жачева.

— Ты три руки, а то очоченеешь: воздух большой, а ты маленькая!

— Я уже их терела — сиди молчи!

Радио вдруг среди мотива перестало играть. Народ же остановиться не мог, пока активист не сказал:

— Стой до очередного звука!

Прушевский сумел в краткое время поправить радио, но оттуда послышалась не музыка, а лишь человек:

— Слушайте наши сообщения: заготовляйте ивовое корье!..⁸⁶

И здесь радио опять прекратилось. Активист, услышав сообщение, задумался для памяти, — чтобы не забыть об ивово-корьевой кампании и не прослыть на весь район упущенцем, как с ним совершилось в прошлый раз, когда он забыл про организацию дня кустарника, а теперь весь колхоз сидит без прутьев. Прушевский снова начал чинить радио, — и прошло время, пока инженер охладевшими руками тщательно слаживал механизм; но ему не давалась работа, потому что он не был уверен — предоставит ли радио бедноте утешение и прозвучит ли для него самого откуда-нибудь милый голос.

Активист боялся меж тем упустить вниз настроение колхоза; чтобы того не случилось, он заиграл музыку своими губами, и, все равно, колхоз затанцевал под эти звуки рта. Елисей, замерший было в наставшей тишине, вновь двинулся топтаться и плясать, и весь сплоченный на дворе народ по-прежнему зашумел от своего, нечувствительного еще, но уже необходимого счастья.

Когда активист уже захрипел от долгой губной игры, а люди все не утихали и двигались туловищами, Чиклин крикнул в колхоз:

— Чуете ли вы что?

— Чуем, — ответил колхоз.

— А чего ж вы чуете?

— Мы всё чуем, только себя — нет.

Чиклин поглядел на эти мненья и мечты и сошел с крыльца вниз, чтобы тоже поплясать, как он плясал когда-то в молодости с девушками под веточками.

— Играй, актив, сурьезней, чтоб нам радость была с жалостью пополам!

Активист заиграл громче и заставил Прушевского тоже петь губами — себе на помощь.

Чиклин, очутившись в густоте людей, забыл про все остатки своей жизни и так часто заработал ногами, что снег под ним исчез, а сырая земля высохла. Елисей приблизился к Чиклину и старался не отстать от него в усердии счастья, но не управлялся. Чиклин же все более смотрел на Елисея и терял силу танца, пока не стал на месте вовсе. Елисей, не замечая, топтался дальше и не моргал остывшими глазами. Чиклин тогда схватил его, не зная, как остановить человека, и Елисей повалился на него, невольный и обмерший. Чиклин опустил Елисея к земле; Елисей молча и редко дышал, глядя таким пустым взглядом, точно сквозь его тело прошел ветер и унес теплое чувство жизни.

— Тебе гадко? — спросил Чиклин.

— Мне — никак, — мог сказать Елисей.

Чиклин прикрыл ему своей шапкой глаза, чтоб Елисей никуда не глядел и забыл сам про себя. Активист дал еще несколько звуков, а потом смолк, ибо у него опухли губы и, главное, заболело сознание от напряженного дыхания. Но народ не остановил своего всеобщего танца — он уже так привык к постоянному темпу радости, что топтался по памяти. «Пускай поликуют!» — подумал Чиклин, прошептав эти слова.

Он отошел к Жачеву, который приютился под плетнем и прижал к себе Настю, согревая ее животом и грудью; увечный даже поднял кверху свою рубашку, дабы ребенок полностью пользовался его телесным теплом. Девочка уже глубоко спала, а Жачев был доволен, что он бережет и греет не задумчивую идею, которую забываешь во сне, а будущего, неизвестного человека, дышащего вблизи него.

— А где Воцев? — спросил Чиклин, наклонившись к уроду от шума безмолвно пляшущего колхоза.

— Спит, должно, где-нибудь, — сказал Жачев. — Такая сволочь не скоро издохнет.

— Нет, ему давно не спится, — произнес Чиклин.

— Знает, что живет зря, вот и не спит, — объяснил инвалид.

Полночь, наверно, была уже близка; луна высоко находилась над плетнями и над смиренной старческой деревней, и мертвые лопухи блестели, покрытые мелким, смерзшимся снегом. Одна заблудившаяся муха попробовала было сесть на ледяной лопух, но сразу оторвалась и полетела, зажуравив в высоте лунного света, как жаворонок под солнцем.

Колхоз, не прекращая топчущейся, тяжелой пляски, тоже постепенно запел слабым голосом. Слов в этой песне понять было нельзя, но все же в них слышалось жалобное счастье и напев бредущего человека.

— Жачев! — сказал Чиклин. — Ступай прекрати движенье — умерли они, что ль, от радости: пляшут и пляшут.

Жачев уполз с Настей в Оргдом и, устроив ее там лежать, выбрался обратно.

— Эй, организованные, достаточно вам танцевать: обрадовались, сволочи!

Но увлеченный колхоз не принял жачевского слова и веско топтался, покрывая себя песней.

— Заработать от меня захотели? Сейчас получите!

Жачев сполз с крыльца, внедрился среди суetyащихся ног и начал спроста брать людей за нижние концы и опрокидывать для отдыха на землю. Люди валились, как порожние штаны, — Жачев даже сожалел, что они, наверно, не чувствуют его рук и враз замолкают.

Уложив весь колхоз спать, Жачев проследил еще, чтоб никто не двигался более, а одному колебнувшемуся сделал для успокоения удар в голову окомелком ноги, отчего колебнувшийся уснул. Лошади, видя такое, стали пятиться с Оргдвора, а на улице бросились вскачь в свою общую загородку.

— Где ж Вощев? — беспокоился Чиклин. — Чего он ищет вдалеке, мелкий пролетарий?

Не дождавшись Вощева, Чиклин пошел его искать после полуночи. Он миновал всю пустынную улицу деревни до самого конца — и нигде не было заметно человека, лишь медведь храпел в кузне на всю лунную окрестность да изредка покашливал кузнец.

Тихо было кругом и прекрасно. Чиклин остановился в недоуменном помышлении. По-прежнему покорно храпел медведь, собирая силы для завтрашней работы и для нового чувства жизни. Он больше не увидит мучившего его кулачества и обрадуется своему существованью. Теперь, наверно, молотобоец будет бить по подковам и шинному железу с еще большим сердечным усердием, раз есть на свете неведомая сила, которая оставила в деревне только тех средних людей, какие ему нравятся, какие молча делают полезное вещество и чувствуют частичное счастье; весь же точный смысл жизни и всемирная круглая радость должны томиться в груди роющего землю пролетарского класса, чтобы сердце молотобойца и Чиклина лишь надеялось и дышало, чтоб их трудящаяся рука была верна и терпелива.

Чиклин в заботе закрыл чьи-то распахнутые ворота, потом осмотрел уличный порядок — цело ли все — и, заметив пропадающий на дороге армяк, поднял его и снес в сени ближней избы: пусть хранится для трудового блага.

Склонившись корпусом от доверчивой надежды, Чиклин пошел по дворовым задам — посмотреть Вощева дальше. Он перелезал через плетневые устройства, проходил мимо глиняных стен жилищ, укреплял накренившиеся колья и постоянно видел, как от тощих загоронок сразу начиналась бесконечная порожняя зима. Настя смело может застынуть в таком чужом мире, потому что земля состоит не для зябнувшего детства, — только

медведь мог вытерпеть здесь свою жизнь, и то поседел от угнетения. «Я еще не рожался, а ты уж лежала, бедная неподвижная моя! — сказал вблизи голос Вощева, человека. — Значит, ты давно терпишь: иди греться!»

Чиклин повернул голову вкось и заметил, что Вощев нагнулся за деревом и кладет что-то в мешок, который был уже полон.

— Ты чего, Вощев?

— Так, — сказал тот и, завязав мешку горло, положил себе на спину этот груз.

Они пошли вдвоем ночевать на Оргдвор. Луна склонилась уже далеко ниже, деревня стояла в черных тенях, все глухо смолкло, лишь одна сгустившаяся от холода река шевелилась в обжитых сельских берегах.

Колхоз непоколебимо спал на Оргдворе; члены как свалились, уложенные Жачевым, так и находились без удобства. Лицо Елисея по-прежнему было покрыто шапкой Чиклина, и сам Чиклин забыл про этот убор. В Оргдоме горел огонь безопасности — одна лампа на всю потухшую деревню; у лампы сидел активист за умственным трудом, он чертил графы ведомости, куда хотел занести все данные бедняцко-средняцкого благоустройства, чтоб уж была вечная, формальная картина и опыт, как основа.

— Запиши и мое добро! — попросил Вощев, распаковывая мешок.

Он собрал по деревне все нищие, отвергнутые предметы, всю мелочь безвестности и всякое беспамятовство — для социалистического отмщения. Эта истершаяся терпеливая ветхость некогда касалась батрацкой, кровной плоти, в этих вещах запечатлена навеки тягость согбенной жизни, истраченной без сознательного смысла и погибшей без славы где-нибудь под соломенной рожью земли. Вощев, не полностью соображая, со скупостью скопил в мешок вещественные остатки потерянных людей, живших, подобно ему, без истины и которые скончались ранее победного конца. Сейчас он предъявлял тех ликвидированных тружеников к лицу власти и будущего, чтобы посредством организации вечного смысла людей добиться отмщения — за тех, что тихо лежат в земной глубине.

Активист стал записывать прибывшие с Вощевым вещи, организовав особую боковую графу, под названием «Перечень ликвидированного насмерть кулаком как классом пролетариата, согласно имущественно-выморочного остатка». Вместо людей активист записывал признаки существования: лапоть прошедшего века, оловянную серьгу от пастушьего уха, штанину из рядна и разное другое снаряжение трудящегося, но немущего тела.

К тому времени Жачев, спавший с Настей на полу, сумел нечаянно разбудить девочку.

— Отверни рот: ты зубы, дурак, не чистишь, — сказала Настя загордившему ее от дверного холода инвалиду. — И так у тебя буржуи ноги отрезали, ты хочешь, чтоб и зубы попадали?

Жачев с испугом закрыл рот и начал гонять воздух носом. Девочка потянулась,правила теплый платок на голове, в котором она спала, но заснуть не могла, потому что разгулялась.

— Это утильсырье принесли? — спросила она про мешок Вощева.

— Нет, — сказал Чиклин, — это тебе игрушки собрали. Вставай выбирать.

Настя встала в свой рост, потопталась для развития и, опустившись на место, обхватила раздвинутыми ногами зарегистрированную кучу предметов. Чиклин составил ей лампу со стола на пол, чтоб девочка лучше видела то, что ей понравится, — активист же и в темноте писал без ошибки.

Через некоторое время активист спустил на пол ведомость, дабы ребенок пометил, что он получил сполна все нажитое имущество безродно умерших батраков и будет пользоваться им впрок. Настя медленно нарисовала на бумаге серп и молот и отдала ведомость назад.

Чиклин снял с себя стеганую ватную кофту, разулся и ходил по полу в чулках, довольный и мирный, что некому теперь отнять у Насти ее долю жизни на свете, что течение рек идет лишь в пучины морские и уплывшие на плоту не вернутся мучить молотобойца — Михаила; те же безымянные люди, от которых остались только лапти и оловянные серьги, не должны вечно тосковать в земле, но и подняться они не могут.

— Прушевский! — обратился Чиклин.

— Я, — ответил инженер; он сидел в углу, опершись туда спиной, и равнодушно дремал. Сестра ему давно ничего не писала, — если она умерла, то он решил уехать стряпать пищу на ее детей, чтобы истомить себя до потери души и скончаться когда-нибудь старым, привыкшим нечувствительно жить человеком — это одинаково, что умереть теперь, но еще грустнее; он может, если поедет жить за сестру, дольше и печальней помнить ту прошедшую в его молодости девушку, сейчас уже едва ли существующую. Прушевский хотел, чтобы еще немного побыла на свете, хотя бы в одном его тайном чувстве, взволнованная юная женщина, — забытая всеми, если погибла, стряпающая детям щи, если жива.

— Прушевский! Сумеют или нет успехи высшей науки воскресить назад сошедших людей?

— Нет, — сказал Прушевский.

— Врешь, — упрекнул Жачев, не открывая глаз. — Марксизм все сумеет. Отчего ж тогда Ленин в Москве целым лежит? Он науку ждет — воскреснуть хочет!

— Пускай, — сказала Настя. — Он встанет и будет жить старичком: Сталин ведь прогнал всех буржуев, Ленину теперь хорошо!

— А я б и Ленину нашел работу, — сообщил Жачев. — Я б ему указал, кто еще добавочно получить должен кое-что! Я почему-то, такое, любую стерву с самого начала вижу!

— Ты дурак потому что, — объяснила Настя, копясь в батрацких остатках. — Ты только видишь, а надо трудиться. Правда ведь, дядя Воцев?

Воцев уже успел покрыться пустым мешком и лежал, прислушиваясь к биению своего бестолкового сердца, которое тянуло все его тело в какую-то нежелательную даль жизни.

— Неизвестно, — ответил Воцев Насте. — Трудись и трудись, а когда дотрудишься до конца, когда узнаешь все, то уморишься и помрешь. Не расти, девочка, — затоскуешь!

Настя осталась недовольна.

— Умирать должны одни кулаки, а ты — дурак. Жачев, сторожи меня опять, я спать захотела.

— Иди, девочка, — отозвался Жачев. — Иди ко мне от подкулачника: он заработать захотел — завтра получит!

Все смолкли, в терпении продолжая ночь, лишь активист немолчно писал, и достижения все более расстилались перед его сознательным умом, так что он уже полагал про себя: «Ущерб приносишь Союзу, пассивный дьявол, — мог бы весь район стравить на коллективизацию, а ты в одном колхозе горюешь; пора уж целыми эшелонами население в социализм отправлять, а ты все узкими масштабами стараешься.⁸⁷ Эх — горе!»

Из лунной чистой тишины в дверь постучала чья-то негромкая рука, и в звуках той руки был еще слышен страх-пережиток.

— Входи: заседанья нету, — сказал активист.

— Да то-то, — ответил оттуда человек, не входя. — А я думал, вы думаете.

— Входи, не раздражай меня, — промолвил Жачев.

Вошел Елисей; он уже выспался на земле, потому что глаза его потемнели от внутренней крови, и окреп от привычки быть организованным.

— Там медведь стучит в кузне и песню рычит — весь колхоз глаза открыл: нам без тебя жутко стало!

— Надо пойти справиться, — решил активист.

— Я сам схожу, — определил Чиклин. — Сиди записывай получше: твое дело — ум.

— Это — пока я дурак! — предупредил активиста Жачев. — Но скоро мы всех разактивим: дай только массам измучиться, дай детям подрасти!

Чиклин пошел в кузню. Велика и прохладна была ночь над ним, бескорыстно светили звезды над снежной чистотой земли и широко раздавались удары молотобойца, точно медведь застыдился спать под этими оживающими звездами и отвечал им, чем мог. «Медведь — правильный пролетарский старик», — мысленно уважал Чиклин. Далее молотобоец удовлетворенно и протяжно начал рычать, сообщая вслух какую-то счастливую песню.

Кузница была открыта в лунную ночь, на всю земную светлую поверхность; в горне горел дующий огонь, который поддерживал сам кузнец, лежа на земле и потягивая веревку мехов. А молотобоец, вполне довольный, ковал горячее шинное железо и пел песню пастью.

— Ну никак заснуть не дает, — пожаловался кузнец. — Встал, разревелся, я ему горно зажег, а он и пошел бузовать... Всегда был покоен, а нынче как с ума сошел!

— Отчего ж такое? — спросил Чиклин.

— Кто его знает. Вчера вернулся с раскулачки, так все топтался и по-хорошему бурчал. Угодили, стало быть, ему. А тут еще приходил один подактивный — взял и материю пришил на плетень. Вот Михаил глядит все туда и соображает чего-то. Кулаков, дескать, нету, а красный лозунг от этого висит. Вижу, входит что-то в его ум и там останавливается...

— Ну, ты спи, а я подую, — сказал Чиклин. Взяв веревку, он стал качать воздух в горн, чтоб медведь готовил шины на колеса для колхозной езды.

Поближе к утренней заре гостевые вчерашние мужики стали расходиться в окрестность. Колхозу же некуда было уйти, и он, поднявшись с Оргдвора, начал двигаться к кузне, откуда слышалась работа молотобойца. Прушевский и Воцев также явились со всеми совместно и глядели, как Чиклин помогает медведю. Около кузни висел на плетне возглас, нарисованный по флагу: «За партию, за верность ей, за ударный труд, пробивающий пролетариату двери в будущее».

Уставая, молотобоец выходил наружу и ел снег для своего охлаждения, а потом опять всаживал молот в мякоть железа, все более увеличивая частоту ударов; петь молотобоец уже вовсе перестал — всю свою яростную безмолвную радость он расходовал в усердие труда, а колхозные мужики постепенно сочувствовали ему и коллективно кричали во время звука кувалды, чтоб шины были прочней и надежней. Елисей, когда присмотрелся, то дал молотобойцу совет:

— Ты, Миш, бей с отжошкой, тогда шина хрустка не будет и не лопнет. А ты лупишь по железу, как по стерве, а оно ведь тоже добро! Так — не дело!

Но медведь открыл на Елисея рот, и Елисей отошел прочь, тоскуя о железе. Однако и другие мужики тоже не могли более терпеть порчи:

— Слабже бей, черт! — загудели они. — Не гадь всеобщего: теперь имущество что сирота, пожалеть некому... Да тише ты, домовой!

— Что ты так содишь по железу?! Что оно — единоличное, что ль?

— Выйди остынь, дьявол! Уморись, идол шерстяной!

— Вычеркнуть его надо из колхоза, и боле ничего. Аль нам убытки терпеть, на самóм-то деле!

Но Чиклин дул воздух в горно, а молотобоец старался поспеть за огнем и крушил железо, как врага жизни, будто, если нет кулачества, так медведь один есть на свете.

— Ведь это же горе! — вздыхали члены колхоза.

— Вот грех-то: все теперь лопнет! Все железо в скважинах будет!

— Наказание господне... А тронуть его нельзя — скажут, бедняк, пролетариат, индустриализация!..

— Это ничего. Вот если кадр, скажут, — тогда нам за него плохо будет.

— Кадр — пустяк. Вот если инструктор приедет, либо сам товарищ Пашкин — тогда нам будет жара!

— А может, ничего не станет? Может — бить?

— Что ты, осатанел, что ль? Он — союзный: намедни товарищ Пашкин специально приезжал — ему ведь тоже скучно без батраков.

А Елисей говорил меньше, но горевал почти что больше всех. Он и двор-то когда имел, так ночей не спал — все следил, как бы что не погисло, как бы лошадь не опилась — не объелась, да корова чтоб настроение имела, а теперь, когда весь колхоз, весь здешний мир, отдан его заботе, потому что на других надеяться он опасался, теперь у него уже загодя болел живот от страха такого имущества.

— Все усохнем! — произнес молча проживший всю революцию середняк. — Раньше за свое семейство боялся, а теперь каждого береги — это нас понос замучает за такое иждивение.

Вощеву грустно стало, что зверь так трудится, будто чует смысл жизни вблизи, а он стоит на покое и не пробивается в дверь будущего: может быть, там, действительно, что-нибудь есть. Чиклин к этому времени уже кончил дуть воздух и занялся с медведем готовить бороньи зубья. Не соизнавая ни наблюдающего народа, ни всего кругозора, двое мастеровых неустанно работали по чувству совести, как и быть должно. Молотобоец ковал зубья, а Чиклин их закаливал, но в точности не знал времени, сколько нужно держать в воде зубья без перекалки.

— А если зуб на камень наскочит?! — стеная, произнес Елисей. — Если он на твердь какую-либо заедет — ведь пополам зубок будет!

— Вынай, дьявол, железку из жидкого! — воскликнул колхоз. — Не мучай матерьял!

Чиклин вынул было из воды перетомленный металл, но Елисей уже лично вошел в кузню, отобрал у Чиклина клещи и начал закаливать зубья своими обеими руками. Другие организованные мужики также бросились внутрь предприятия и с облегченной душой стали трудиться над железными

предметами — с тою тщательной жадностью, когда прок более необходим, чем ущерб. «Эту кузню надо запомнить побелить, — спокойно думал Елисей за трудом. — А то стоит вся черная — разве это хозяйское заведение?»

— Дайте я буду веревку все время дергать, — попросил Воцев у Елисея. — У вас воздух в горно тихо идет.

— Ну, дергай, — согласился Елисей. — Только не шибко — веревка теперь дорога, а к новым мехам тоже с колхозной сумкой не подойдешь!

— Я буду потихоньку, — сказал Воцев и стал тянуть и отпускать веревку, забываясь в терпенье труда.

Приходило утро зимнего дня, и обычный свет сплошь распространялся по всему району. Лампа же все еще горела в Оргдворе, пока Елисей не заметил этого лишнего огня. Заметив же, он сходил туда и потушил лампу, чтоб керосин был цел.

Уже проснулись девушки и подростки, спавшие дотеле в избах; они в общем равнодушно относились к тревоге отцов, им было неинтересно их мученье, и они жили, как чужие в деревне, словно томились любовью к чему-то дальнему. Домашнюю нужду они переносили без внимания, живя за счет своего чувства еще безответного счастья, но которое все равно должно случиться. Почти все девушки и все растущее поколение с утра уходили в избу-читальню и там оставались, не евши, весь день, учась письму и чтению, счету чисел, привыкая к дружбе и что-то воображая в ожидании. Прушевский один остался в стороне, когда колхоз ухватился за кузню, и все время неподвижно был у плетня. Он не знал, зачем его прислали в эту деревню, как ему жить забытым среди массы, — и решил точно назначить день окончания своего пребывания на земле; вынув книжку, он записал в нее поздний вечерний час глухого зимнего дня: пусть все улягутся спать, окоченелая земля смолкнет от шума всякого строительства и он, где бы ни находился, ляжет вверх лицом и перестанет дышать. Ведь никакое сооружение, никакое довольство, ни милый друг, ни завоеванье звезд — не превозмогут его душевного оскудения, он все равно будет сознавать тщетность дружбы, основанной на превосходстве и не на телесной любви, и скуку самых далеких звезд, где в недрах те же медные руды и нужен будет тот же ВСНХ.⁸⁸ Прушевскому казалось, что все чувства его, все влечения и давняя тоска встретились в рассудке и сознали самих себя до самого источника происхождения, до смертельного уничтожения наивности всякой надежды. Но происхождение чувств оставалось волнующим местом жизни; умерев, можно навсегда утратить этот единственно счастливый, истинный район существования, не войдя в него. Что же делать, боже мой, если нет тех самозабвенных впечатлений, откуда волнуется жизнь и, вставая, протягивает руки вперед к своей надежде?

Прушевский закрыл лицо руками в колхозе. Пусть разум есть синтез всех чувств, где смиряются и утихают все потоки тревожных движений,

но откуда тревога и движение? Он этого не знал, он только знал, что страсть рассудка есть влечение к смерти, это единственное его чувство; и тогда он, может быть, замкнет кольцо — он возвратится к происхождению чувств, к вечернему летнему дню своего неповторившегося свиданья.

— Товарищ! Это ты пришел к нам на культурную революцию?

Прушевский опустил руки от глаз. Стороною шли девушки и юношество в избу-читальню. Одна девушка стояла перед ним — в валенках и в бедном платке на доверчивой голове; глаза ее смотрели на инженера с удивленной любовью, потому что ей была непонятна сила знания, скрытая в этом человеке; она бы согласилась преданно и вечно любить его, седого и незнакомого, согласилась бы рожать от него, ежедневно мучить свое тело, лишь бы он научил ее знать весь мир и участвовать в нем. Ничто ей была молодость, ничто свое счастье — она чувствовала вблизи несущейся жизни, но она не могла выговорить слов своей радости и теперь стояла просила научить ее этим словам, этому уменью чувствовать в голове весь свет, чтобы помогать ему светиться. Девушка еще не знала, пойдет ли с нею ученый человек, и неопределенно смотрела, готовая опять учиться с активистом.

— Я сейчас пойду с вами, — сказал Прушевский.

Девушка хотела обрадоваться и вскрикнуть, но не стала, чтобы Прушевский не обиделся.

— Идемте, — произнес Прушевский.

Девушка пошла вперед, указывая дорогу инженеру, хотя заблудиться было невозможно; однако она желала быть благодарной, но не имела ничего для подарка следующему за ней человеку.

Члены колхоза сожгли весь уголь в кузне, истратили все наличное железо на полезные изделия, починили всякий мертвый инвентарь и с тоскою, что кончился труд и как бы теперь колхоз не пошел в убыток, оставили заведение. Молотобоец утомился еще раньше — он вылез недавно поесть снегу от жажды, и, пока снег таял у него во рту, медведь задремал и свалился всем туловищем вниз, на покой.

Вышедши наружу, колхоз сел очередь у плетня и стал сидеть, озирая всю деревню, снег же таял под неподвижными мужиками. Прекратив трудиться, Воцев опять вдруг задумался на одном месте.

— Очнись! — сказал ему Чиклин. — Ляжь с медведем и забудься.

— Истина, товарищ Чиклин, забыться не может...

Чиклин обхватил Вощева поперек и сложил его к спящему молотобойцу.

— Лежи молча, — сказал он над ним. — Медведь дышит, а ты не можешь! Пролетариат терпит, а ты боишься! Ишь ты, сволочь какая!

Вощев приник к молотобойцу, согрелся и заснул.

На улицу вскочил всадник из района на трепещущем коне.

— Где актив? — крикнул он сидящему колхозу, не теряя скорости.

— Скачи прямо! — сообщил путь колхоз. — Только не сворачивай ни направо, ни налево!

— Не буду! — закричал всадник, уже отдалившись, и только сумка с директивами билась на его бедре.

Через несколько минут тот же конный человек пронесся обратно, размахивая в воздухе сдаточной книгой, чтоб ветер сушил чернила активистской расписки. Сытая лошадь, разметав снег и вырвав почву на ходу, срочно скрылась вдаль.

— Какую лошадь портит, бюрократ! — думал колхоз. — Прямо скучно глядеть.

Чиклин взял в кузнице железный прут и понес его ребенку в виде игрушки. Он любил ей молча приносить разные предметы, чтобы девочка безмолвно понимала его радость к ней.

Жачев уже давно проснулся. Настя же, приоткрыв утомленный рот, невольно и грустно продолжала спать. Чиклин внимательно всмотрелся в ребенка — не поврежден ли он в чем со вчерашнего дня, цело ли полностью его тело; но ребенок был весь исправен, только лицо его горело от внутренних младенческих сил. Слеза активиста капнула на директиву, — Чиклин сейчас же обратил на это внимание. Как и вчера вечером, руководящий человек неподвижно сидел за столом. Он с удовлетворением отправил через районного всадника законченную ведомость ликвидации классового врага и в ней же подбил все успехи деятельности; но вот спустилась свежая директива, подписанная почему-то областью, через обе головы — района и округа, и в лежащей директиве отмечались мало-желательные явления перегибщины, забеговщества, переусердщины⁸⁹ и всякого сползания по правому и левому откосу с отточенной остроты четкой линии; кроме того, назначалось обнаружить выпуклую бдительность актива в сторону среднего мужика: раз он попер в колхозы, то не является ли этот генеральный факт таинственным умыслом, исполняемым по наущению подкулацких масс, — дескать, войдем в колхозы всей бушующей пучиной и размоем берега руководства, — на нас, мол, тогда власти не хватит, она уморится.

«По последним матерьялам, имеющимся в руке областного комитета, — значилось в конце директивы, — видно, например, что актив колхоза имени Генеральной Линии уже забежал в левацкое болото правого

оппортунизма. Организатор местного колактива спрашивает вышенаходящуюся организацию: есть ли что после колхоза и коммуны⁹⁰ более высшее и более светлое, дабы немедленно двинуть туда местные бедняцко-средняцкие массы, неудержимо рвущиеся в даль истории, на вершину всемирных невидимых времен. Этот товарищ просит ему прислать примерный устав такой организации, а заодно бланки, ручку с пером и два литра чернил. Он не понимает, насколько он тут спекулирует на искреннем, в основном, здоровом средняцком чувстве тяги в колхозы. Нельзя не согласиться, что такой товарищ есть вредитель партии, объективный враг пролетариата и должен быть немедленно изъят из руководства навсегда».

Здесь у активиста дрогнуло ослабшее сердце, и он заплакал на областную бумагу.

— Что ты, стервец? — спросил его Жачев.

Но активист не ответил ему. Разве он видел радость в последнее время, разве он ел или спал вдосталь или любил хоть одну бедняцкую девушку? Он чувствовал себя как в бреду, его сердце еле билось от нагрузки, он лишь снаружи от себя старался организовать счастье и хотя бы в перспективе заслужить районный пост.

— Отвечай, паразит, а то сейчас получишь! — снова проговорил Жачев. — Наверно, испортил, гад, нашу республику!

Сдернув со стола директиву, Жачев начал лично изучать ее на полу.

— К маме хочу! — сказала Настя, пробуждаясь.

Чиклин нагнулся к заскучавшему ребенку.

— Мама, девочка, умерла, — теперь я остался!

— А зачем ты меня носишь, где четыре времени года? Попробуй, какой у меня страшный жар под кожей! Сними с меня рубашку, а то сгорит, выздоровлю — ходить не в чем будет!

Чиклин попробовал Настю за все места тела, она была горячая, влажная, кости ее жалобно выступали изнутри; насколько окружающий мир должен быть нежен и тих, чтоб она была жива!

— Накрой меня, я спать хочу. Буду ничего не помнить, а то болеть ведь грустно, правда?

Чиклин снял с себя всю верхнюю одежду, кроме того отобрал ватные пиджаки у Жачева и активиста и всем этим теплым веществом закутал Настю. Она закрыла глаза, и ей стало легко в тепле и во сне, будто она полетела среди прохладного воздуха. За текущее время Настя немного подросла и все более походила на мать. Девочка могла бы быть и дочерью Чиклина, мать ее даже хотела, чтоб было так, но все равно ребенок едва ли был бы лучше и разумней; зачал девочку, наверно, такой же, как и Чиклин, мастеровой человек, стало быть, плоть в ребенке из одного классового котла, а если кто и радовался ласкам умершей женщины, то эти ласки не есть квалификация ребенку, это не человечество.

— Я так и знал, что он сволочь, сучья зажимка! — определил Жачев про активиста. — Ну что ты тут будешь делать с этим членом?!

— А что там сообщено? — спросил Чиклин.

— Пишут то, что с ними нельзя не согласиться!

— А ты попробуй не согласишься! — в слезах произнес активный человек.

— Эх, горе мне с революцией, — серьезно опечалился Жачев. — Где же ты, самая пуцая стерва? Иди, дорогая, получить от увечного воина!

Почувствовав мысль и одиночество, не желая безответно тратить средств на государство и будущее поколение, активист снял с Насти свой пиджак: раз его устраниют, пусть массы сами греются. И с пиджаком в руке он стал посреди Оргдома — без дальнейшего прельщения к жизни, весь в крупных текущих слезах и в том сомнении души, что капитализм, пожалуй, может еще явиться.

— Ты зачем ребенка раскрыл? — спросил Чиклин. — Остудить хочешь?

— Плешь с ним, с твоим ребенком! — сказал активист.

Жачев поглядел на Чиклина и посоветовал ему:

— Возьми железку, какую из кузни принес!

— Что ты! — ответил Чиклин. — Я сроду не касался человека мертвым оружием: как же я тогда справедливость почувствую?

Далее Чиклин покойно дал активисту ручной удар в грудь, чтоб дети могли еще уповать, а не зябнуть. Внутри активиста раздался слабый треск костей, и весь человек свалился на пол; Чиклин же с удовлетворением посмотрел на него, будто только что принес необходимую пользу. Пиджак у активиста вырвался из рук и лежал отдельно, никого не покрывая.

— Накрой его! — сказал Чиклин Жачеву. — Пускай ему тепло станет.

Жачев сейчас же одел активиста его собственным пиджаком и одновременно пощупал человека — насколько он цел.

— Живой он? — спросил Чиклин.

— Так себе: средний, — радуясь всему факту, ответил Жачев. — Да это все равно, товарищ Чиклин: твоя рука работает, как партия, ты тут ни при чем.

— А он горячего ребенка не раздевай! — с обидой сказал Чиклин. — Мог чаю скипятить и согреться.

В деревне поднялась снежная метель, хотя бури было не слышно. Открыв на проверку окно, Жачев увидел, что это колхоз метет снег для гигиены; мужикам не нравилось теперь, что снег засижен мухами, они хотели более чистой зимы.

Отделавшись на Оргдворе, члены колхоза далее трудиться не стали и поникли под навесом в недоумении своей дальнейшей жизни. Несмотря на то, что люди уже давно ничего не ели, их и сейчас не тянуло на пищу, потому что желудки были завалены мясным обилием еще с прошлых дней. Пользуясь мирной грустью колхоза, а также невидимостью актива,

старичок кафельного завода и прочие неясные элементы, бывшие до того в заключении на Оргдворе, вышли из задних клетей и разных укрытых препятствий жизни и отправились в даль по своим насущным делам.

Чиклин и Жачев прислонились к Насте с обоих боков, чтобы лучше ее беречь. От своего безвыходного тепла девочка стала вся смуглой и покорной, только ум ее печально думал.

— Я опять к маме хочу! — произнесла она, не открывая глаз.

— Нету твоей матери, — не радуясь, сказал Жачев. — От жизни все умирают — остаются одни кости.

— Хочу ее кости! — попросила Настя. — Ктой-то это плачет в колхозе?

Чиклин готовно прислушался; но все было тихо кругом — никто не плакал, и не от чего было заплакать. День уже дошел до своей середины, высоко светило бледное солнце над округом, какие-то далекие массы двигались по горизонту на неизвестное межселенное собрание, — ничто не могло шуметь. Чиклин вышел на крыльцо. Тихое несознательное стенание пронеслось в безмолвном колхозе и затем повторилось. Звук начинался где-то в стороне, обращаясь в глухое место, и не был рассчитан на жалобу.

— Это кто? — крикнул Чиклин с высоты крыльца во всю деревню, чтоб его услышал тот недовольный.

— Это молотобоец скулит, — ответил колхоз, лежавший под навесом. — А ночью он песни рычал.

Действительно, кроме медведя, заплакать сейчас было некому. Наверно, он уткнулся ртом в землю и выл печально в глушь почвы, не соображая своего горя.

— Там медведь о чем-то тоскует, — сказал Чиклин Насте, вернувшись в горницу.

— Позови его ко мне, я тоже тоскую, — попросила Настя. — Неси меня к маме, мне здесь очень жарко!

— Сейчас, Настя. Жачев, ползи за медведем. Все равно ему работать здесь нечего — матерьяла нету!

Но Жачев, только что исчезнув, уже вернулся назад: медведь сам шел на Оргдвор, совместно с Вошевым; при этом Вошев держал его, как слабого, за верхнюю лапу, а молотобоец двигался рядом с ним грустным шагом.

Войдя в Оргдом, молотобоец обнюхал лежачего активиста и сел равнодушно в углу.

— Взял его в свидетели, что истины нет, — произнес Вошев. — Он ведь только работать может, а как отдохнет, задумается, так скучать начинает. Пусть существует теперь как предмет — на вечную память социализму, — я всех угощу!

— Угощай грядущую сволочь, — согласился Жачев. — Береги для нее жалкий продукт!

Наклонившись, Воцев стал собирать вынутые Настей ветхие вещи, необходимые для будущего отмщения, в свой мешок. Чиклин поднял Настю на руки, и она открыла свои высохшие, как опавшие листья, смолкшие глаза. Через окно девочка засмотрелась на близко приникших друг к другу колхозных мужиков, залегших под навесом в терпеливом забвении.

— Воцев, а медведя ты тоже в утильсырьё понесешь? — озаботилась Настя.

— А то куда же? Я прах и то берегу, а тут ведь бедное существо!

— А их? — Настя протянула свою тонкую, как овечья ножка, занемогшую руку к лежащему на дворе колхозу.

Воцев хозяйственно поглядел на дворовое место и, отвернувшись оттуда, еще более поник своею скучающей по истине головою.

Активист по-прежнему неподвижно молчал на полу, пока задумавшийся Воцев не согнулся над ним и не пошевелил его в чувстве своего любопытства перед всяким ущербом жизни. Но активист, притаясь или умерев, ничем не ответил Воцеву. Тогда Воцев присел близ человека и долго смотрел в его слепое скрытное лицо, унесенное в глубь своего грустного сознания.

Медведь помолчал немного, а потом вновь заскулил, и на его голос весь колхоз пришел с Оргдвора в дом.

— Как же, товарищи активы, нам дальше-то жить? — спросил колхоз. — Вы горюйте об нас, а то нам терпежа нет! Инвентарь у нас исправный, семена чистые, дело теперь зимнее — нам чувствовать нечего. Вы уж постарайтесь!

— Некому горевать, — сказал Чиклин. — Лежит ваш главный горюн.

Колхоз спокойно пригляделся к опрокинутому активисту, не имея к нему жалости, но и не радуясь, потому что говорил активист всегда точно и правильно, вполне по завету, только сам был до того поганный, что когда все общество задумало его однажды женить, дабы убавить его деятельность, то даже самые незначительные на лицо бабы и девки заплакали от печали.

— Он умер, — сообщил всем Воцев, поднимаясь снизу. — Все знал, а тоже кончился.

— А может, дышит еще? — усомнился Жачев. — Ты его попробуй, пожалуйста, а то он от меня ничего еще не заработал: я ему тогда добавлю сейчас!

Воцев снова прилег к телу активиста, некогда действовавшему с таким хищным значением, что вся всемирная истина, весь смысл жизни помещались только в нем и более нигде, а уж Воцеву ничего не досталось, кроме мученья ума, кроме бессознательности в несущемся потоке существования и покорности слепого элемента.

— Ах ты, гад! — прошептал Воцев над этим безмолвным туловищем. — Так вот отчего я смысла не знал! Ты, должно быть, не меня, а весь

класс испил, сухая душа, а мы бродим, как тихая гуща, и не знаем ничего!

И Вошев ударил активиста в лоб — для прочности его гибели и для собственного сознательного счастья.

Почувствовав полный ум, хотя и не умея еще произнести или выдвинуть в действие его первоначальную силу, Вошев встал на ноги и сказал колхозу:

— Теперь я буду за вас горевать!

— Просим!! — единогласно выразился колхоз.

Вошев отворил дверь Оргдома в пространство и узнал желанье жить в эту разгороженную даль, где сердце может биться не только от одного холодного воздуха, но и от истинной радости одоления всего смутного вещества земли.

— Выносите мертвое тело прочь! — указал Вошев.

— А куда? — спросил колхоз. — Его ведь без музыки хоронить никак нельзя! Заведи хоть радио!..

— А вы раскулачьте его по реке в море! — догадался Жачев.

— Можно и так! — согласился колхоз. — Вода еще течет!

И несколько человек подняли тело активиста на высоту и понесли его на берег реки. Чиклин все время держал Настю при себе, собираясь уйти с ней на котлован, но задерживался происходящими условиями.

— Из меня отовсюду сок пошел, — сказала Настя. — Неси меня скорее к маме, пожилой дурак! Мне скучно!

— Сейчас, девочка, тронемся. Я тебя бегом понесу. Елисей, ступай клинки Прушевского — уходим, мол, а Вошев за всех остается, а то ребенок заболел.

Елисей сходил и вернулся один: Прушевский идти не захотел, сказал, что он всю здешнюю юность должен сначала доучить, иначе она может в будущем погибнуть, а ему ее жалко.

— Ну пускай остается, — согласился Чиклин. — Лишь бы сам цел был.

Жачев, как урод, не умел быстро ходить, он только полз; поэтому Чиклин сообразил сделать так, что Настю велел нести Елисею, а сам понес Жачева. И так они, спеша, отправились на котлован по зимнему пути.

— Берегите медведя Мишку! — обернувшись, приказала Настя. — Я к нему скоро в гости приду.

— Будь покойна, барышня! — пообещал колхоз.

К вечернему времени пешеходы увидели вдалеке электрическое освещение города. Жачев уже давно устал сидеть на руках Чиклина и сказал, что надо бы в колхозе лошадь взять.

— Пешие скорей дойдем, — ответил Елисей. — Наши лошади уж и ездить отвыкли: стоят с коих пор! У них и ноги опухли, ведь им только и ходу, что корма воровать.

Когда путники дошли до своего места, то увидели, что весь котлован занесен снегом, а в бараке было пусто и темно. Чиклин, сложив Жачева на землю, стал заботиться над разведением костра для согревания Насти, но она ему сказала:

— Неси мне мамины кости, я хочу их!

Чиклин велел Жачеву и Елисею разжечь огонь, а сам пошел за костями в убежище на кафельном заводе; ведь едва ли кто унес оттуда мертвую женщину.

Спустившись в заводской подвал, куда приходил и Прушевский когда-то, Чиклину долго пришлось отнимать камни от дверного входа, который он сам заваливал для сохранности покойной. Спичек у Чиклина не имелось, и он нашел женщину ощупью; сначала он коснулся ее волос, таких же свежих, как и при жизни, потом протрогал весь скелет до ступней, — она вся была еще цела, только самое тело исчезло и вся влага высохла.⁹¹ Унести скелет целиком было трудно, тем более что скрепляющие хрящи давно завяли; поэтому Чиклину пришлось разломать весь скелет на отдельные кости и сложить их, как в мешок, в свою рубашку. В рубашке, после помещения туда всех костей, еще осталось много места, — настолько женщина была мала после смерти.

Настя сильно обрадовалась материнским костям; она их по очереди прижимала к себе, целовала, вытирала тряпочкой и складывала в порядок на земляном полу.

Чиклин сел против девочки и все время жег костер для света и тепла, а Жачева уснул требовать у кого-нибудь молоко. Елисей долго сидел на пороге барака, наблюдая ближний светлый город, где что-то постоянно шумело и равномерно волновалось во всеобщем гонимом беспокойстве, а потом свалился на бок и заснул, ничего не евши.

Мимо барака проходили многие люди, но никто не пришел проведать заболевшую Настю, потому что каждый нагнул голову и непрерывно думал о сплошной коллективизации.

Иногда вдруг наставала тишина, только слышно было, как Настя шевелила мертвые кости, но затем опять пели вдалеке сирены поездов, протяжно спускали пар свайные копры⁹² и кричали голоса ударных бригад, упершихся во что-то тяжелое, — кругом беспрерывно нагнеталась общественная польза.

— Чиклин, отчего я всегда ум чувствую и никак его не забуду? — удивилась Настя.

— Не знаю, девочка. Наверно, потому что ты ничего хорошего не видела.

— А почему в городе ночью трудятся и не спят?

— Это о тебе заботятся.

— А я лежу вся больная... Чиклин, положи мне ближе мамины кости, я их обниму и начну спать. Мне так скучно стало сейчас!

Чиклин сложил кости к Настинному животу, укрыл ее потеплее двумя пиджаками и сказал на прощанье:

— Спи. Может, ум забудешь.

Ослабевшая Настя вдруг приподнялась и поцеловала склонившегося Чиклина в усы, — как и ее мать, она умела первая, не предупреждая, целовать людей.

Чиклин замер от повторившегося счастья своей жизни и молча дышал над телом ребенка, пока вновь не почувствовал озабоченности к этому маленькому, горячему туловищу. Для охранения Насти от ветра и для общего согревания Чиклин поднял с порога Елисея и положил его сбоку ребенка.

— Лежи тут, — сказал Чиклин ужаснувшемуся во сне Елисею. — Обними девочку рукой и дыши на нее чаще.

Елисей так и поступил, а Чиклин прилег в стороне на локоть и чутко слушал дремлющей головой тревожный шум на городских сооружениях.

Около полуночи явился Жачев; он принес бутылку сливок и два пирожных. Больше ему ничего достать не удалось, так как вся новодействующая буржуазия не присутствовала на квартирах, а шиковала где-то в стороне. Весь исхлопотавшись, Жачев решил в конце концов оштрафовать товарища Пашкина, как самый надежный свой резерв; но и Пашкина дома не было — он, оказывается, присутствовал с супругой в театре. Поэтому Жачеву пришлось появиться на представлении, среди тьмы и внимания к каким-то мучающимся на сцене элементам, и громко потребовать Пашкина в буфет, останавливая действие искусства. Пашкин мгновенно вышел, безмолвно купил для Жачева буфетных продуктов и поспешно удалился в залу представленья, чтобы снова там волноваться.

— Завтра надо опять к Пашкину сходить, — сказал Жачев, успокаиваясь в дальнем углу барака, — пускай печку ставит, а то в этом деревянном эшелоне до социализма не доедешь!..

Рано утром Чиклин проснулся; он озяб и прислушался к Насте. Было чуть светло и тихо, лишь Жачев бурчал во сне свое беспокойство.

— Ты дышишь там, средний черт! — сказал Чиклин к Елисею.

— Дышу, товарищ Чиклин, а как же нет? Всю ночь ребенка теплом обдавал!

— Ну?

— А девочка, товарищ Чиклин, не дышит: захладила с чего-то!

Чиклин медленно поднялся с земли и остановился на месте. Постояв, он пошел туда, где лежал Жачев, посмотрел — не уничтожил ли калека сливки и пирожные, потом нашел веник и очистил весь барак от скопившегося за безлюдное время разного налетевшего сора.

Положив веник на его место, Чиклину захотелось рыть землю; он взломал замок с забытого чулана, где хранился запасный инвентарь, и,

вытащив оттуда лопату, не спеша отправился на котлован. Он начал рыть грунт, но почва уже смерзлась, и Чиклину пришлось сечь землю на глыбы и выворачивать ее прочь целыми мертвыми кусками. Глубже пошло мягче и теплее; Чиклин вонзался туда секущими ударами железной лопаты и скоро скрылся в тишину недр почти во весь свой рост, но и там не мог утомиться и стал громить грунт вбок, разверзая земную тесноту вширь. Попав в самородную каменную плиту, лопата согнулась от мощности удара, — тогда Чиклин зашвырнул ее вместе с рукояткой на дневную поверхность и прислонился головой к обнаженной глине.

В этих действиях он хотел забыть сейчас свой ум, а ум его неподвижно думал, что Настя умерла.

— Пойду за другой лопатой! — сказал Чиклин и вылез из ямы.

В бараке он, чтобы не верить уму, подошел к Насте и попробовал ее голову; потом он прислонил свою руку ко лбу Елисея, проверяя его жизнь по теплу.

— Отчего ж она холодная, а ты горячий? — спросил Чиклин и не слышал ответа, потому что его ум теперь сам забылся.

Далее Чиклин сидел все время на земляном полу, и проснувшийся Жачев тоже находился с ним, храня неподвижно в руках бутылку сливок и два пирожных. А Елисей, всю ночь без сна дышавший на девочку, теперь утомился и уснул рядом с ней и спал, пока не услышал ржущих голосов родных обобществленных лошадей.

В барак пришел Вощев, а за ним медведь и весь колхоз; лошади же остались ожидать снаружи.

— Ты что? — увидел Вощева Жачев. — Ты зачем оставил колхоз, иль хочешь, чтоб умерла вся наша эсерша? Иль заработать от всего пролетариата захотел? Так подходи ко мне — получишь как от класса!

Но Вощев уже вышел к лошадям и не дослушал Жачева. Он привез в подарок Насте мешок специально отобранного утиля, в виде редких, непродającychся игрушек, каждая из которых есть вечная память о забытом человеке. Настя хотя и глядела на Вощева, но ничем не обрадовалась, и Вощев прикоснулся к ней, видя ее открытый, смолкший рот и ее равнодушное, усталое тело. Вощев стоял в недоумении над этим утихшим ребенком, — он уже не знал, где же теперь будет коммунизм на свете, если его нет сначала в детском чувстве и в убежденном впечатленьи? Зачем ему теперь нужен смысл жизни и истина всемирного происхожденья, если нет маленького, верного человека, в котором истина стала бы радостью и движеньем?

Вощев согласился бы снова ничего не знать и жить без надежды в смутном вожделении тщетного ума, лишь бы девочка была целой, готовой на жизнь, хотя бы и замучилась с теченьем времени. Вощев поднял Настю на руки, поцеловал ее в распавшиеся губы и с жадностью счастья прижал ее к себе, найдя больше того, чем искал.

— Зачем колхоз привел? Я тебя спрашиваю вторично! — обратился Жачев, не выпуская из рук ни сливок, ни пирожных.

— Мужики в пролетариат хотя́т зачисляться, — ответил Воцев. — А я их привел для утиля, как ничто.

— Пускай зачисляются, — произнес Чиклин с земли. — Теперь надо еще шире и глубже рыть котлован. Пускай в наш дом влезет всякий человек из барака и глиняной избы. Зовите сюда всю власть и Прушевского, а я рыть пойду.

Чиклин взял лом и новую лопату и медленно ушел на дальний край котлована. Там он снова начал разверзать неподвижную землю, потому что плакать не мог, и рыл, не в силах устать, до ночи и всю ночь, пока не услышал, как трескаются кости в его трудящемся туловище. Тогда он остановился и глянул кругом. Колхоз шел вслед за ним и, не переставая, рыл землю; все бедные и средние мужики работали с таким усердием жизни, будто хотели спастись навеки в пропасти котлована. Лошади также не стояли — на них колхозники, сидя верхом, возили в руках бутовый камень, а медведь таскал этот камень пешком и разевал от натуги пасть.

Только один Жачев ни в чем не участвовал и смотрел на весь роющий труд взором прискорбиа.

— Ты что сидишь, как служащий какой? — спросил его Чиклин, возвратившись в барак. — Взял бы хоть лопаты поточил!

— Не могу, Никит: я теперь в коммунизм не верю! — ответил Жачев в это утро второго дня.

— Почему, стервец?

— Ты же видишь, что я урод империализма, а коммунизм — это детское дело, за то я и Настю любил... Пойду сейчас на прощанье товарища Пашкина убью.

И Жачев уполз в город, более уже никогда не возвратившись на котлован.

В полдень Чиклин начал копать для Насти специальную могилу. Он рыл ее пятнадцать часов подряд, чтоб она была глубока и в нее не сумел бы проникнуть ни червь, ни корень растения, ни тепло, ни холод и чтоб ребенка никогда не побеспокоил шум жизни с поверхности земли. Гробовое ложе Чиклин выдолбил в вечном камне и приготовил еще особую, в виде крышки, гранитную плиту, дабы на девочку не лег громадный вес могильного праха.

Отдохнув, Чиклин взял Настю на руки и бережно понес ее класть в камень и закапывать. Время было ночное, весь колхоз спал в бараке, и только молотобоец, почуввав движение, проснулся, и Чиклин дал ему прикоснуться к Насте на прощанье.

* * *

Погибнет ли эсесерша подобно Насте или вырастет в целого человека, в новое историческое общество? Это тревожное чувство и составляло тему сочинения, когда его писал автор. Автор мог ошибиться, изобразив в виде смерти девочки гибель социалистического поколения, но эта ошибка произошла лишь от излишней тревоги за нечто любимое, потеря чего равносильна разрушению не только всего прошлого, но и будущего.

Источники текста

Первые наброски к «Котловану» появились в записных книжках писателя в 1929 году, позднее — летом 1930-го.¹ Вопрос о более точных датах работы над произведением остается открытым. Период «декабрь 1929 – апрель 1930», указанный самим писателем на одной из машинописей (РГАЛИ, ф. 2124, оп. 1, ед. хр. 71, л. 1) и изначально принятый за время создания, скорее всего был призван подчеркнуть хроникальность повести и относится к времени действия.² Несмотря на сложности с датировкой мы располагаем достаточными материалами, для того чтобы проследить этапы создания и реконструировать основной текст произведения.

Известны четыре основных источника текста повести: рукопись, хранящаяся в РО ИРЛИ (ф. 780, ед. хр. 7), и три экземпляра машинописи, которые были сделаны на ее основании. Один из экземпляров, так же как и рукопись, хранится в Пушкинском Доме (ф. 780, ед. хр. 8). Второй является частью Платоновского фонда РГАЛИ (ф. 2124, оп. 1, ед. хр. 71). Третий находится в домашнем архиве М. А. Платоновой. Помимо упомянутых машинописных копий существовал и еще один экземпляр текста повести — первый, если говорить об очередности закладки бумаги в печатную машинку. Его судьба неизвестна и, судя по всему, роль в творческой истории «Котлована» незначительна.³

Только две из сохранившихся машинописных копий содержат авторскую правку — копии ИРЛИ и РГАЛИ. Правка, обнаруженная на экземпляре из домашнего архива, внесена рукой стороннего лица, хотя необходимо отметить, что именно он был положен в основу всех предшествующих публикаций повести.

После окончания работы над рукописью Платонов, готовя «Котлован» к печати, продолжал вносить изменения в машинописные копии. В первую очередь писатель использовал экземпляр, хранящийся в настоящее время в РО ИРЛИ. Он исправил замеченные ошибки

¹ Создание 2-й и 3-й записных книжек А. Платонова — тех, где «накапливался материал для повести «Впрок» и «Котлован»», Н. В. Корниенко датирует 1929 и 1930 годами. Причем, говоря о 3-й книжке, практически полностью посвященной работе над «Котлованом», исследователь уточняет: «В основном мы относим записи данной книжки к лету 1930 года».

² М. Золотоносов связал этот период с двумя политическими событиями: «Декабрь 1929 года — начало «развернутого наступления на кулака», выступление Сталина на конференции аграрников-марксистов, которое похоронило всякое инакомыслие в области сельскохозяйственной и экономической науки. Апрель 1930 года — появление в «Правде» лицемерной статьи Сталина «Ответ товарищам колхозникам»» («Ложное солнце»: «Чевенгур» и «Котлован» в контексте советской культуры 1920-х годов // Андрей Платонов: Мир творчества. М., 1994. С. 270).

³ О том, что было сделано четыре экземпляра машинописи, свидетельствует помета для машинистки на первом листе рукописи.

и неточности, допущенные машинисткой, провел кардинальную стилистическую правку и изъясил из машинописи несколько страниц общим объемом 0.5 печатных листа.¹ В экземпляре из домашнего архива упомянутые листы сохранились (наряду с опечатками), и данное обстоятельство нашло отражение в прежних публикациях «Котлована».² Затем, вероятно решив, что изменений больше не будет, писатель скопировал результаты своей работы в экземпляр РГАЛИ: за небольшим исключением вся правка, содержащаяся здесь, дублирует машинопись РО ИРЛИ. После неудачных попыток опубликовать «Котлован» Платонов снова возвращается к экземпляру РО ИРЛИ. Не обращая внимания на редакторские пометы, которыми к тому времени уже изобилвала машинопись, он продолжает совершенствовать текст повести.

Таким образом, рукопись и две упомянутых машинописных копии с авторской правкой соответствуют трем этапам работы над «Котлованом». Поскольку машинопись, находящаяся в РО ИРЛИ, фиксирует самый последний слой изменений, сделанных рукой автора, именно она была взята в качестве главного источника при подготовке основного текста для настоящего издания. Эта машинопись была тщательно сверена с рукописью, что позволило устранить множество искажений, возникших при перепечатке. Текст повести был приведен в соответствие с нормами современной орфографии и пунктуации — с детальным учетом особенностей платоновского слово- и формообразования, а также синтаксиса.

Составители книги выражают признательность Марии Андреевне Платоновой за ее содействие в предоставлении материалов из Платоновского фонда РГАЛИ и домашнего архива писателя.

¹ В частности, был устранен эпизод встречи Вощева с надзирателем и его семьей на первых страницах «Котлована» (наст. изд. С. 171), снят вопрос Вощева, являющийся очень важным для философского смысла повести: «Не убывают ли люди в чувстве своей жизни, когда прибывают постройки?» (наст. изд. С. 184), сокращен диалог Вощева с артельщиками о «веществе существования» и смысле жизни (наст. изд. С. 187).

² На основе экземпляра из домашнего архива были осуществлены первые зарубежные публикации повести в английском журнале «Студент» (1969, № 13–14) и немецком — «Грани» (1969, № 70); отдельное издание «Котлована» в США (Ардис, 1973), а также публикация в отечественном журнале «Новый мир» (1987, № 6). Необходимо отметить, что указанный экземпляр содержит правку, внесенную сторонним лицом, — скорее всего, после смерти автора, в 60-е годы, когда появилась надежда на то, что повесть увидит свет в России.

Варианты машинописных текстов

Одна из задач настоящего издания — дать полное представление о всех известных на сегодняшний день источниках текста «Котлована», отражающих основные этапы его творческой истории. В публикуемом ниже текстологическом комментарии к основному тексту сведены все разночтения двух авторизованных машинописей, разнящихся по характеру внесенной в них рукописной правки (места разночтений для удобства выделены курсивом). Это позволяет, не воспроизводя текст целиком, передать в то же время все особенности 2-й («промежуточной») редакции повести, которой соответствует экземпляр машинописи из собрания РГАЛИ.

В текстологическом комментарии применены следующие условные обозначения:

М1 — первоначальный машинописный текст, точно соответствующий верхнему слою рукописи (первая редакция повести).

М2 — экземпляр машинописи с авторской правкой из собрания РГАЛИ (вторая редакция).

М3 — экземпляр машинописи из собрания ИРЛИ (третья, окончательная редакция повести).

В М2 верхняя, титульная, часть первого листа, включавшая имя автора, название произведения, а также обозначение жанра («повесть»), была отрезана. Взамен к машинописи приложен лист, на котором красным карандашом был выведен новый титул: «Андрей Платонов / Котлован / Декабрь 1929 – апрель 1930». Именно отсюда эти даты по недоразумению будут перенесены в архивную графу «крайних дат», а затем разойдутся по многочисленным статьям и публикациям, став, таким образом, традиционным (и ошибочным!) обозначением времени работы писателя над повестью. Смысл произведенной замены очевиден — указание на конкретный временной отрезок призвано ограничить разворачивающуюся в «Котловане» апокалиптическую картину рамками уже завершившихся событий периода «великого перелома», тем самым как бы «переключив» ее в план хроники. (Ср. в этой связи точное указание на время действия в начале «бедняцкой хроники» «Впрок», в сюжете которой обыгрывается появление знаменитой «статьи Сталина о головокружении»). В декабре 1929 года на конференции аграрников-марксистов Сталиным была поставлена задача ускорения коллективизации сельского хозяйства и «ликвидации кулачества как класса». Апрель 1930-го — время публикации в «Правде» сталинской статьи «Ответ товарищам колхозникам» с частичным признанием ошибок,

допущенных в ходе коллективизации, вся ответственность за которые, однако, была возложена на местных «активистов». Можно предположить, что главной причиной, побудившей автора изменить титульный лист, было его стремление опубликовать «Котлован». На втором листе, приложенном к той же машинописи, есть даже указание на конкретное издательство, в которое он был намерен ее адресовать: «Котлован / Андр. Платонов. / В Издательство “Пролетарий”» (запись сделана простым карандашом).¹ В верхнем правом углу того же листа поставлен чернильный штамп: «30908». В правом нижнем углу фиолетовыми чернилами сделана помета: «М/о». Назначение этих помет установить не удалось, неясным также остается и время их появления. Трудно определить, являются ли они редакционными пометами или их происхождение связано с передачей машинописи в Центральный государственный литературный архив, находившийся тогда, как и другие архивы, в ведении Главного архивного управления МВД. Эта, по всей видимости, вынужденная передача части платоновского архива произошла вскоре после смерти писателя (машинопись была оформлена как архивная единица хранения 20 августа 1951 года).

В правом верхнем углу первого листа М3 сохранилась плохо различимая, полустертая надпись зеленым карандашом: «? 7/VIII/2». Надпись, несомненно, старая, но сделана она не рукой Платонова. Если цифра 2 обозначает здесь тридцать второй год, то можно предположить, что эта точно зафиксированная дата (7 августа 1932 года) каким-то образом связана с попытками Платонова опубликовать «Котлован». Так могло быть отмечено, например, время поступления машинописи в редакцию или, напротив, — дата отказа рассматривать ее для публикации или какой-то иной этап прохождения текста через редакционную коллегию. Необходимо вместе с тем отметить, что среди всех многочисленных редакторских помет на полях и в тексте, которыми буквально испещрена машинопись, не встречается больше ни одной, сделанной тем же зеленым карандашом.

К с. 21

Но воздух был пуст, неподвижные деревья бережно держали жару в листьях, и скучно лежала пыль на безлюдной дороге — *в природе было тихое положение.*

В М3 окончание предложения вычеркнуто синими чернилами. Этими же чернилами правлено еще несколько начальных листов машинописи. В одном случае была продублирована авторская правка — обведены границы зачеркнутого Платоновым текста (4-й и 5-й машинописные листы), в другом — восстановлен фрагмент, который ранее был не просто вычеркнут, но и заменен самим автором, в результате чего возникла контаминация двух различных слоев текста (9-й лист; см. примеч. к с. 26). Отсутствие в обоих случаях подобной правки в М2, цвет чернил, не встречающийся более нигде, наконец, сам характер исправлений, их графика — все это позволяет заключить, что данная правка не принадлежит Платонову. В М3 встречаются и другие следы чужой правки, но уже шариковой ручкой и не носившей столь радикального

¹ «Пролетарий» — харьковское кооперативное издательство, имевшее свои представительства в Москве и Ленинграде (по другим источникам представительство было только в Ленинграде); см.: Московские и ленинградские издатели и издательства двадцатых годов: Указатель. М., 1990. Ч. 1. С. 106 (№ 677); Каталоги издательств, книготорговые, библиотечные (1917–1929); Указатель. СПб., 1996. С. 195; Московские и ленинградские книжные магазины двадцатых годов: Указатель. СПб., 1996. С. 253 (№ 652).

характера (исправление опечаток и пунктуации, раскрытие аббревиатур, изменение характера разбивки текста и проч.).

К с. 23

— Я мог бы выдумать что-нибудь <...>

В М1, М2:

— Я мог выдумать что-нибудь <...>

К с. 24

А то я терплю-терплю — и костыли твои пожгу!

В М1, М2:

А то я терплю-терплю и костыли твои пожгу!

К с. 26

— Дом человек построит, а сам расстроится. Кто жить тогда будет? — *задумчиво сомневался Воцев на своем ходу.*

В М1:

— *Не убывают ли люди в чувстве своей жизни, когда прибывают постройки? — не решался верить Воцев.* — Дом человек построит, а сам расстроится. Кто жить тогда будет?

В ходе правки фрагмента Платонов исключил из первоначального текста машинописи (М1) первое предложение и дописал новый — взамен вычеркнутого — вариант авторских слов (аналогичная правка проведена и в М2). Впоследствии в М3 вычеркнутое Платоновым предложение было восстановлено чужой рукой (линия восстанавливающего пунктира проведена — все теми же синими чернилами — не только под строкой, но и на полях слева). В результате возникла конструкция, произвольно объединившая два разных слоя текста:

— *Не убывают ли люди в чувстве своей жизни, когда прибывают постройки? — не решался верить Воцев.* — Дом человек построит, а сам расстроится. Кто жить тогда будет? — *задумчиво сомневался Воцев на своем ходу.*

Аналогичная контаминация присутствует и в экземпляре машинописи из домашнего архива писателя, где к оставшемуся без исправлений первоначальному варианту (М1) был дописан, причем с искажениями, второй вариант авторских слов.

К с. 29

Этот задний был угрюм и ничтожен всем телом <...>

В М1, М2:

Этот задний был угрюм, ничтожен всем телом <...>

К с. 30

Воцев *осмотрел этих людей* и решил <...>

В М1, М2:

Воцев *поглядел на людей* и решил <...>

К с. 31

— На что тебе пролетариат в доме, когда ты одной его наружной организованностью радоваться можешь!

В М1, М2:

— На что тебе пролетариат в доме, когда ты одной его наружной организованностью радоваться можешь?

К с. 34

После общего пробуждения в *ночлежный барак землекопов* пришел посторонний человек.

В М2:

После общего пробуждения в *ночлежный барак* пришел посторонний человек.

В М1:

После общего пробуждения в *барак* пришел посторонний человек.

К с. 35

— Товарищ Пашкин, вон у нас Воцев зачислился, а у него путевки с биржи труда *нет*, вы его, как говорится, должны отчислить назад...

В М2:

— Товарищ Пашкин, вон у нас Воцев зачислился, а у него путевки с биржи труда *нету*, вы его, как говорится, должны отчислить назад...

В М1:

— Товарищ Пашкин, вон у нас Воцев зачислился, а у него *выписка из протокола есть: его, как говорится, смысл жизни заставили организовать, а он землю копает и забыл*, — вы ему скажите...

К с. 39

Она ушла обратно, волнуясь всем *невозможным* телом.

В М2 к слову «невозможным», отмеченному в тексте красным (редакторским?) карандашом, рукой Платонова, над строкой, был вписан другой вариант: «не терпящим отлагательства». Надпись сделана простым карандашом, при этом само слово «невозможным» вычеркнуто не было.

К с. 43

Чиклин теперь уже не помнит ни лица ее, ни характера, но тогда она ему не понравилась, точно была постыдным *животным*, — и так он прошел в то время мимо нее, не остановившись, а она, может быть, и плакала потом, благородное существо.

В М1, М2:

Чиклин теперь уже не помнит ни лица ее, ни характера, но тогда она ему не понравилась, точно была постыдным *существом*, — и так он прошел в то время мимо нее, не остановившись, а она, может быть, и плакала потом, благородное существо.

К с. 51

Мажь мне лимоном по губам, ты видишь, как мне трудно!

В М1, М2:

Мажь мне лимоном по губам, ты видишь, как мне трудно.

К с. 80

В храме горели многие свечи; свет молчаливого, печального воска *делал достаточно определенной* всю внутренность помещения <...>

В М1, М2:

В храме горели многие свечи; свет молчаливого, печального воска *освещал* всю внутренность помещения <...>

К с. 85

Старый пахарь Иван Семенович Крестинин целовал молодые деревья в своем саду и с корнем сокрушал их прочь из почвы, а его баба причитала над голыми ветками.

Этот фрагмент в М3 особо отмечен синим «редакторским» карандашом. К нему же относится и другая редакторская помета на полях: «Кулацкое» (запись сделана простым карандашом).

К с. 90

— Звери тоже чувят! — *сообщила Настя.*

В М1, М2:

— Звери тоже чувят!

Жачев ползал между всеми, подсекая под ноги тех, которые ему мешали, а гостевому мужику, желавшему девочку-эсесершу выдать замуж *единоличнику*, Жачев дал в бок, чтоб он не надеялся.

В М1, М2:

Жачев ползал между всеми, подсекая под ноги тех, которые ему мешали, а гостевому мужику, желавшему девочку-эсесершу выдать замуж *мужику*, Жачев дал в бок, чтоб он не надеялся.

Ведь никакое сооружение, никакое довольство, ни милый друг, ни завоеванье звезд — не превозмогут его душевного оскудения, он все равно будет сознать тщетность дружбы, основанной *на превосходстве и не на телесной любви*, и скуку самых далеких звезд, где в недрах те же медные руды и нужен будет тот же ВСНХ.

В М1:

Ведь никакое сооружение, никакое довольство, ни милый друг, ни завоеванье звезд — не превозмогут его душевного оскудения, он все равно будет сознать тщетность дружбы, основанной *не на превосходстве и не на телесной любви*, и скуку самых далеких звезд, где в недрах те же медные руды и нужен будет тот же ВСНХ.

В ходе правки машинописи Платонов кардинально изменил смысл этого предложения и — как следствие — всего фрагмента в целом. Первоначально предложение целиком строилось как развитие симметричного ряда двойных отрицаний (... никакое сооружение, никакое довольство... ни милый друг, ни завоеванье звезд... не на превосходстве и не на телесной любви...). В окончательном варианте «телесная любовь» и «превосходство» (здесь подразумевается, прежде всего, общая ситуация чуждости и неравенства, основанная на мнимом «превосходстве» ума) разделены и противопоставлены друг другу как части семантической оппозиции. В изменившемся контексте «телесная любовь» — это нечто противоположное «любви к дальнему», «смутному вожделению тщетного ума». Возникшее в результате правки новое смысловое противопоставление включается тем самым в разветвленную систему семантических оппозиций, определяющих смысловое пространство повести: ум-чувство, мыслетело, материя-сознание, близкое-далекое, высшее-низшее, свое-чужое... Правка была внесена в оба экземпляра машинописи (М3, М2) и принадлежит к раннему слою исправлений.

Ничто ей была молодость, ничто свое счастье — она чувствовала вблизи несущееся, горячее движение, у нее поднималось сердце от ветра всеобщей стремящейся жизни, но она не могла выговорить слов своей радости и теперь *стояла просила научить* ее этим словам, этому умению чувствовать в голове весь свет, чтобы помогать ему светиться.

Синтаксические конструкции подобного типа (... *стояла просила научить...*) характерны для платоновского стиля. Ср., например, аналогичное сочетание в «Чевенгуре»: Чепурный *стоял не боялся*, он мучился совестью, что от коммунизма умер самый маленький ребенок в Чевенгуре, и не мог себе сформулировать оправдания.

К с. 116

На последнем листе МЗ (л. 134 в новой, измененной автором пагинации) Платонов вычеркивает слово «Конец», заменяет его на знак раздела (звездочку) и делает помету на полях: «См. стр. 135» (все исправления сделаны простым карандашом). Под этим номером к машинописи был приложен тетрадный лист в клетку большого формата, на котором автор пишет своеобразный постскрипtum к «Котловану» (его текст написан простым карандашом, однако исправления сделаны позже чернилами):

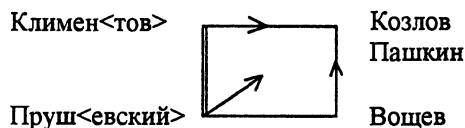
*

Погибнет-ли Эсесерша подобно Насте или вырастет <sic> в целого человека, в новое историческое общество? — это тревожное чувство и составляло тему сочинения, когда его писал автор. Автор мог ошибиться, изобразив в виде смерти девочки гибель социалистического поколения, но эта ошибка произошла лишь от излишней тревоги за нечто любимое, потеря чего равносильна разрушению не только всего [*будущего, но и*] прошлого [.] , но и будущего.

Конец.

Наброски к повести «Котлован» в записных книжках

В «Записных книжках» Платонова (*Платонов А. П. Записные книжки: Материалы к биографии / Сост. Н. В. Корниенко. М., 2000; далее указывается номер записной книжки и страница названного издания*) помимо множества записей, посвященных отдельным героям произведения, сохранилось несколько, относящихся к системе персонажей в целом:

(Зап. кн. № 3. С. 39);

Ген<еральный>План

Климентов
Вощев
Сафронов
Прушевский
Козлов= рабъ + конфликт
Пашкин
Девочка (что лучше,
лед<окол> Красин или Кремль)
Урод.

- 1) Вош<ев>
- 2) Чикл<ин>
- 3) Пруш<евский>
- 4) Настя
- 5) Жач<ев>
- 6) Пашк<ин>
- 7) Акт<ивист>

(Зап. кн. № 3. С. 39–40);

- «1) Чикл<ин>
- 2) Вош<ев>
- 3) Пр<ушевский>
- 4) Настя
- 5) Жач<ев>
- 6) Пашк<ин>
- 7) Ел<исей>
- 8) Акт<ивист>»

(Зап. кн. № 3. С. 43).

Воцев — В «Записных книжках» сохранились несколько кратких замечаний к этому образу:

«Воцев

У) Жизнь сквозь город.

У) [Любовь Воцева во время социального строительства новой жизни.]

У) Город работает сильно, но беден.

У) [Буржуазность]

[Буржуазность]

У) В городе не было любви — все уставали.

У) Все устраивается

У) или устроено,

У) а человек —

нет».

(Зап. кн. № 3. С. 36);

Воцев —

человек-видение.

Его мысли = поступкам

(Зап. кн. № 3. С. 37);

Воцев-видение

гибнет от <нрзб>

все чуял

(Зап. кн. № 3. С. 39);

Воцев — наружная душа, даже голос ее ноет вслух (?)
наружи.

Воцев за экскаватором.

(Зап. кн. № 3. С. 40);

Воцев: я потерял высоту жизни

(Зап. кн. № 3. С. 43);

«Воцев не заметил, как прожил без смысла жизни».

(Зап. кн. № 3. С. 43).

Помимо «Записных книжек» фамилия Воцев появляется и в других материалах, в наброске «Малолетний»:

Малолетний.

Служба кончилась, раздался сигнал особого автоматического колокола, привезенного администратором из Америки в результате командировки. [Вошиков] Воцев мыл руки и волновался. У него были развиты чувства, от этого он имел свежий естественный ум и служил отлично, но после звона американского колокола Воцев начинал бояться и шел домой, весь замирая. Домой он приходил незаметно

и сначала посещал чулан, где переодевался в новый костюм, повязывал мрачный галстук, такой же, что носил в юности, и тер лицо, чтобы внести в него больше силы и жизнерадостности. Затем в этом виде показывался жене, он боялся, что его разлюбит единственная женщина и берег свое тело, свой лучший характер и новый костюм для нее. Жена его встречала как девушка юношу, наряженная в тесное платье с вымытыми руками, в убранной квартире.

Они обедали. Вошев ел мало, не желая показать любимой женщине жадность своего желудка, его достоинство было напряжено, он чувствовал скуку жизни за окном освещенной квартиры и боялся, что жена упразднит его из своего сердца и тогда он останется среди чужих людей, с которыми связан профсоюзом — это будут наиболее близкие ему.

(РГАЛИ, ф. 2124, оп. 1, ед. хр. 49, л. 71. Цит. по: Записные книжки. С. 329–330).

И в эпиграфе к неосуществленному замыслу новеллы «Смысл жизни»:

«Сюжет не нов, / Повторено страданье. Н. Вошиков. 1867»

(РО ИРЛИ, ф. 780, ед. хр. 7, л. 10 об.).

К с. 23

Я мог бы выдумать что-нибудь, вроде счастья... — Ср.:

[Нельзя
одному выдумать
с<мысл> ж<изни>.
Трагед<ийный> факт:
мысль — одиночество]

(Зап. кн. № 3. С. 36).

К с. 25

...уроду империализма... — Ср.:

[Урод
все
порочит]

(Зап. кн. № 3. С. 41).

К с. 26

Дом человек построит, а сам расстроится. Кто жить тогда будет? — Ср.:

[Строя дома, че<лове>к расстраивает себя,
убывает человек.
С построен<ием> человек разрушен.]

(Зап. кн. № 3. С. 37).

Среди пустыря стоял инженер... — В «Записных книжках» упоминание об инженере впервые возникает в следующей записи:

[отдых
ночлег
«озеро»
Инженер — родственник, но не родной.]

(Зап. кн. № 3. С. 37);

Чиклин — Изначально в рукописи «Котлована» вместо фамилии Чиклин использовалась другая — Климентов.

Записи, посвященные Чиклину:

[Смиренность—
Чиклин —
абс<олютное> недоверие к старому и наст<оющему>
миру; пуля ехидны, разоблачающей капитал, мелко-
бурж<уазный> мир деревни.]»

(Зап. кн. № 2. С. 27);

Чиклин — примитив<ный> свеж<ий> чел<овек>

(Зап. кн. № 3. С. 36);

Чиклин — магический.

(Зап. кн. № 3. С. 37);

а) Активист
(народн<ые> игры; звездный скак)
в) Чиклин – Елисей.

(Зап. кн. № 3. С. 42);

[Чиклин – Клим<ентов>]

(Зап. кн. № 3. С. 44).

Климентову, герою, выступающему в повести под фамилией Чиклин, в «Записных книжках» посвящены следующие записи:

Климентов – простота эксплуатируемая
всему верил, не болел, не плакал и умер.
Смысл из пустоты

(Зап. кн. № 3, фрагмент записи. С. 39);

[Работа:

– Найдем момент чувства ума
(Клим<енто>в)
выдавливаниѣ тела.]

(Зап. кн. № 3. С. 40);

Сафронов — Ср.:

Сафронов – предст<авитель> всего <прошлого – нрзб>
(Зап. кн. № 3. С. 39);

«[Сафронов — во все верующий сверх разума и дей-
ствит<ельности>.]»

(Зап. кн. № 3. С. 41).

К с. 29

Козлов — Ср.:

Котлован

Активист сам нарисовал К. Маркса как его понимал:
диктатура антикулачника.

Козлов

(Зап. кн. № 2. С. 33);

[Разговоры:

Зачем же мне жить на свете. Мне скучно.

Козлов:

фраза:]

(Зап. кн. № 3. С. 37);

[Козлов: а любит меня хоть один чел<ове>к.]

Козлов – любитель конфликта

– болезнь, до смешного предан освобожден<ию>

(Зап. кн. № 3. С. 39);

[Пашк<ин> – дело.

Овраг. [Козлов]

Работа. Существованиѣ себе делают.]

(Зап. кн. № 3. С. 40);

Наслаждаешься конфликтами много... — Ср.:

Козлов = рабъ + конфликт

(Зап. кн. № 3, фрагмент записи. С. 40).

См. также примеч. 1.

К с. 30

Тот закон для одних усталых элементов — Ср.:

[Котлован

Котлован

Котлован

Андрей Платонов

Котлов<ан>]

[Закон для отсталых элементов]

(Зап. кн. № 3. С. 37);

А также с близкой другой по расположению записью:

«Закон, чтоб беречь отсталые элементы.

(42 стр.)

Котлован»

(Зап. кн. № 3. С. 36).

И.И. Долгов указывает на соответствие между упомянутой «42 стр.» и пагинацией, представленной в рукописи (см.: наст. изд. С. 194).

К с. 32

Прушевский — Ср.:

Прушевский – человек – [осени.]

У вас и в солнце классовость есть

(Зап. кн. № 3. С. 39);

[Пруш<евский> любит прошедшую 12 лет назад
женщину.]

(Зап. кн. № 3. С. 39);

Сестра умирает,

Прушев<ский> остается

(Зап. кн. № 3. С. 39);

Прушевский все равно не боится смерти и все принимает

(Зап. кн. № 3. С. 40).

К с. 33

Изо всякой ли базы образуется надстройка? — Ср:

Баба – база двора, а мужики – надстройка

(Зап. кн. № 2. С. 34).

К с. 34

Пашкин – Ср.:

Пашкин – буржуй-функционер

(Зап. кн. № 3, фрагмент записи. С.39);

Переугожденцы,
момент забеговщины,
опереженцы,
парт-пашкин-щина, чл<ен> ВСХН,

героическая тварь

(Зап. кн. № 3. С. 40–41);

[Пашк<ин> – дело.

Овраг. [Козлов]

Работа.

Существованье себе делают.]

(Зап. кн. № 3. С. 40).

К с. 38

Во время революции по всей России день и ночь брехали собаки... — Ср.:

[Для Чевенг<ура>

Во время револ<юции> по всей России день и ночь
брехали-лаяли собаки.]

(Зап. кн. № 3. С. 44).

В Чевенгуре такой фразы, где сосуществовали бы мотивы *Россия — революция — брехали собаки* нет. Ср.:

«Соне было легче спать, когда она слышала живущего недалеко человека, и она осторожно, обтирая ноги о постилку, ложилась в свою белеющую холодом постель. Где-то, обращая пастью в тьму степи, брехали верные собаки.

Соня свернулась, чтобы чувствовать свое тело и греться им, и начала засыпать».
(Платонов А. Чевенгур. М., 1988. С. 200);

«Захар Павлович вышел на двор — прохладиться и посмотреть на дождь: окладной он или из временной тучи. Дождь был окладной – на всю ночь либо на сутки; шумели дворовые деревья, обрабатываемые ветром и дождем, и брехали сторожевые собаки на обгороженных дворах» (Там же. С.244).

К с. 39

...с красными губами, жрущими мясо. — Ср.:

[Красные губы жрущие мясо.]

(Зап. кн. № 3. С. 40).

К с. 40

Дай я к тебе за это приорганизуюсь! — Ср.:

[Приорганизовался]

(Зап. кн. № 3. С. 40).

К с. 41

Это не животное, а прямо человек! — Ср.:

[Это не животное, а прямо человек.]

(Зап. кн. № 3. С. 36).

К с. 43

А если ты, Козлов, умственную начинку имеешь... — Ср.:

[2) Прочтет фразу и сейчас же ее говорить – для демонстрации умственности.]

(Зап. кн. № 3, фрагмент записи. С. 44);

...работал на кафельно-изразцовом заводе. — Ср.:

[Кафельно-изразц<овый> завод: человек <нрзб>]

(Зап. кн. № 3. С. 39).

К с. 47

... значит, ты чужая вша, которая свою линию всегда наружу держит — Ср.:

[Чужая вша наружу выползает.]

(Зап. кн. № 3. С. 41).

К с. 49

... не поставить ли нам радио... — Ср.:

«Колхозы живут, возбуждаясь радиомузыкой; сломался
громкоговоритель – конец».

(Зап. кн. № 2. С. 35);

Лучше девочку-сиротку привести за ручку, чем твое радио... — Ср.:

[Либо нам сиротку взять?
Либо песни петь?
Или радио купить?]

(Зап. кн. № 3. С. 41);

Она сейчас сахару не ест для твоего строительства – Ср.:

[Дети не едят сахару, чтобы создать социализм.]

(Зап. кн. № 2. С. 39).

К с. 53

...мы должны мобилизовать крапиву на фронт социалистического строительства! — Ср.:

[Даешь крапиву!
Другая тема:
двое.
парность:
«браки совершаются на земле».]

(Зап. кн. № 3. С. 43).

К с. 54

... загородки от буржуев? — Ср.:

[Загородка от буржуев]

(Зап. кн. № 3. С. 41).

К с. 55

...я же — ничто! — Ср.:

[<...>

б) Я же — ничто.]

(Зап. кн. № 3, фрагмент записи. С. 44);

Эй, Юлия, угроблю! — Ср.:

[Юлия, угроблю!]

(Зап. кн. № 3. С. 44);

... у каждой под юбкой цветочные штаны надеты... — Ср.:

[Все бабы одели штаны под юбки,
а раньше носили юбки на голом месте.]

(Зап. кн. № 3. С. 44).

К с. 56

Женщина осталась лежать в том вечном возрасте, в котором умерла... — Ср.:

Мертвые остаются в том вечном возрасте,
в котором они скончались

(Зап. кн. № 3. С. 41).

К с. 57

...сознательная женщина — твоя мать! — Ср.:

[Созн<ательная> женщ<ина> — ваша мать.]

(Зап. кн. № 3. С. 41).

К с. 63

«Где раньше стол был яств, / Теперь там гроб стоит! / Козлов» — Ср.:

Воронеж

1) Открывает конфорки.

2) Прочтет фразу и сейчас же ее говорить —
для демонстрации умственности.

3) Она пишет любовью — Он:

Где раньше стол был яств,
Теперь там гроб стоит.

(Державин)

4) Церковь полная.

(Мн<ого> свечей и нет молящихся. Мол<я>щиеся
зажигают свечки и сейчас же исчезают, дабы остаться
дальше на службе и в жизни).

5) Привлек ее к «ответственности».

6) Я же — ничто.]

(Зап. кн. № 2. С.44).

К с. 65

*Она давным-давно привыкла согреть постель своей матери, перед тем как
туда ложился спать неродной отец.* — Ср.:

[Она стелила постель отцу и матери.]

(Зап. кн. № 3. С. 45).

К с. 66

... там же заунывно брехали собаки... — См. примеч. к с. 38.

К с. 67

Активист — Ср.:

Котлован

Активист сам нарисовал К. Маркса как его понимал:
диктатура антикулачника

(Зап. кн. № 2. С. 33);

а) Активист

(народн<ые> игры; звездный скок)

(Зап. кн. № 2, фрагмент записи. С. 42).

К с. 71

На тебе рубль <...> жива ли там девочка Настя, и купи ей конфет. — Ср.:

[Деньги за смысл жизни — идут девочке.]

(Зап. кн. № 2. С. 41).

К с. 75

...Настя жива <...> и собирает для него утильсырье... — Ср.:

Настя: утильсырье

(Зап. кн. № 3. С. 44).

К с. 78

...плачь, баба, плачь сильнее — это солнце новой жизни взошло и свет режет ваши темные глаза. <...> мне ничего не будет, и плачу со всем желанием ... — Н. В. Корниенко связывает фрагментом одну из записей:

[Наша темная тоска боится света, она жмурится и у нее — идут слезы горя от пришествия радости.]

(Зап. кн. № С. 34);

У него душа — лошадь <...> Пускай он теперь порожняком поживет, а его ветер продует. — Ср.:

Котл<ован>: отняв имущество, опустошили душу.

(Зап. кн. № 3. С. 36);

А мы думали – отчего у нас душа пропала!.. А это у нас товарищ Активист имущество взял да испортил, и мы испортились»

(Машинист. Наст. изд. С. 309;
см. также Зап. кн. Примеч. С. 329).

К с. 80

В храме горели многие свечи; <...>-но храм был пуст. — Ср.:

4) Церковь полная.

(Мн<ого> свечей и нет молящихся. Мол<я>щиеся зажигают свечки и сейчас же исчезают, дабы остаться дальше на службе и в жизни)

(Зап. кн. № 3, фрагмент записи. С. 44;
см. также примеч. к с. 63).

К с. 81

...лоп склонился <... > касаясь пола фокстротной головой. — Ср.:

[Попа расстригли и сделали, по его просьбе,
под фокстрот.]

(Зап. кн. № 3. С. 34).

К с. 89

...а медведь бил человечески молотом... — Ср.:

[Медведь — кузнец в колхозе;
молотобоец, раскулачивает.]

(Зап. кн. № 2. С. 35).

К с. 91

Тогда молотобоец взгляделся в снежный ветер <... > Настя выбрала из его лапы муху... — Ср.:

«[Мухи в снежной буре. Лошадь.]»

(Зап. кн. № 3. С. 43).

К с. 94

...жми друг дружку, а деньги в кружку! — Ср.:

[Жмут друг дружку, а деньги в кружку.]

(Зап. кн. № 2. С. 35).

К с. 96

...про организацию дня кустарника... — Ср.:

[Очерк
День кустарника]

(Зап. кн. № 2. С. 31).

К с. 107

...есть ли что после колхоза и коммуны более высшее и более светлое... — Ср.:

[Оч<ерк>
— Нет ли чего сверх коммун?]

(Зап. кн. № 2. С. 31);

Нет ли ч<его>-ниб<удь> лучше,
выше комм<уни>зма мы все можем

(Зап. кн. № 3. С. 40).

К с. 113

...как и ее мать, она умела первая, не предупреждая, целовать людей. — Ср.:

[Она, как ее мать, первая умела целовать людей.]

(Зап. кн. № 3. С. 45).

К с. 115

Чиклин взял Настю на руки и бережно понес ее класть в камень и закапывать.
(В рукописи на л. 220: ...Настя была **бережно** опущена, чтоб даже мертвое семя
будущего сохранилось навсегда. (наст. изд. С. 308)) — Ср.:

«Мертвецы в котловане — это семя будущего
в отверстии земли.

Предбанник»

(Зап. кн. № 3. С. 43).

Примечания

Примечания к основному тексту «Котлована» раскрывают связь повести с конкретными реалиями отраженной в ней эпохи и творчеством самого писателя.

«Котлован» явился откликом на реальные события в жизни России, свидетелем и участником, которых был сам автор. Известно, что в тексте повести нашел отражение особый интерес Платонова к газетным публикациям, выступлениям руководства партии и особенно Сталина. Привлечение этого материала позволяет установить, в некоторых случаях вполне определенно, источник того или иного платоновского образа, фразы, фигуры речи.

Несмотря на свою «историчность» «Котлован», вне всяких сомнений, остается художественно-философским произведением и скреплен множеством нитей как с литературным наследием, так и с философской мыслью предшествующей и современной эпох. Обращение к реконструкции подобного рода контекста при всей ее бесспорной необходимости всегда граничит с опасностью необоснованного расширения, когда смешиваются взаимоотношения непосредственные и опосредованные, сходства типологические и семантические параллели действительно генетического характера. Составители руководствовались стремлением избежать комментирования слишком широких или не устоявшихся в критике связей, осознавая, что это в определенной степени обеднит представление читателя о пестроте точек зрения, которая существует в литературе о Платонове.

Уделено внимание «повторяющимся мотивам» в творчестве Платонова, которые создают некое устойчивое начало в подвижной и сложной системе его художественных средств.

¹ *В день тридцатилетия личной жизни Вошеву...* — очевидна соотнесенность возраста Вошева с возрастом самого Платонова: писателю исполнилось тридцать лет в 1929 году, и именно к этому времени относится начало работы над «Котлованом».

Упоминание о тридцатилетии героя, как отмечает ряд исследователей, носит знаковый характер. В Евангелии засвидетельствовано крещение Иисуса Христа в возрасте тридцати лет («Иисус, начинал свое служение, был лет тридцати». Лук. 3, 23). Преодоление данного жизненного рубежа открывает дорогу к сакральному, к истине, и на этом основании герой Платонова, для которого ее утрата и поиск становятся основной мотивировкой поведения, может быть поставлен в один ряд с такими образами культуры, как например центральный персонаж «Божественной комедии»: «Земную жизнь пройдя до половины / Я очутился в сумрачном лесу» (подробнее см.: Харитонов А. А. Архитектоника повести «Котлован» // Творчество Андрея Платонова: Исследования и материалы. Биография. СПб., 1995. С. 70).

В этом культурном ряду необходимо упомянуть и Ивана Карамазова («Братья Карамазовы» Ф. М. Достоевского), который утверждал: «Впрочем, к тридцати годам, наверно, брошу кубок (жизни. — *Сост.*), хоть и не допью всего и отойду... не знаю куда. Но до тридцати моих лет, знаю это твердо, все победит моя молодость — всякое разочарование, всякое отвращение к жизни» (см.: *Абушвили А.* Поэтика «Котлована» А. Платонова и образы русской классики // Вопросы литературы. 2000. № 4. С. 297).

² ... с небольшого механического завода... — Небольшие механические заводы областного значения выпускали продукцию разного профиля: фары, фонари, кронштейны к фонарям и фарам (Киржачский механический завод) или инструменты, автотракторные и слесарно-монтажные (Бежецкий механический завод) (см., напр.: *Машиностроительная промышленность СССР: Справочник заводов, строителей, трестов...* М., 1934. Т.1. С. 185, 187).

³ ... приучали бессемейных детей к труду и пользе. — Мотив сиротства, один из постоянно звучащих в творчестве А. Платонова, достигает своего апогея в романе «Чевенгур», где герой-сирота (Александр Дванов) оказывается той личностью, на которую возлагается надежда на переустройство мира. Такой герой способен поставить интересы общечеловеческого дела выше личных и семейных («... ты сирота, тебе жизнь досталась задаром. Не жалей ее, живи главной жизнью» (*Платонов А.П.* Чевенгур. М.: Художественная литература. 1988. С. 75; далее указывается название произведения и страница)). Причем одним из побудительных мотивов его движения по жизни становится память об умершем отце. Подобное видение «движущих сил истории» в определенной степени созвучно философии «Общего дела» Н. Федорова, в которой память занимает одну из центральных мест.

В «Котловане» этот мотив приобретает несколько иную окраску. С одной стороны, сиротами становятся крестьяне, вступающие в колхоз и теряющие в результате этого свое имущество («... стояло на ветру дорог бедняцкое колхозное сиротство, с кучей мертвого инвентаря посреди», «Хозяин потушил спичку, обнял лошадь за шею и стоял в своем сиротстве...» (наст. изд. С. 85)). С другой стороны, ребенок-сирота является залогом будущего, ради которого строит терпеть тяготы современной жизни и строительства нового мира («“Лучше девочку-сиротку привести за ручку, чем твое радио”, — возразил Жачев»; «Нам, товарищи, необходимо здесь иметь, в форме детства, лидера будущего пролетарского света» (наст. изд. С.49)).

В дальнейшем отношении Платонова к сиротству и семейственности будет претерпевать изменения. Семья окажется важнейшим фактором в становлении общественного человека. «Именно в любви ребенка к своей матери и к своему отцу заложено его будущее чувство общественного человека; <...> возженное, но уже не утоляемое чувство обратится, должно обратиться, на других людей, на более широкий круг их, чем одно семейство. Сиротства человек не терпит, и оно — величайшее горе», — напишет Платонов в 1941 году (*Платонов А. П.* Детские годы Багрова-внука // Платонов А. П. Разговор с читателем. М., 1980. С. 156).

⁴ ... там была лишь пивная для отходников... — Заведение подобного типа красочно описывалось в одном из пропагандистских изданий (*Рубановский И.* За книгу или в пивную? М.; Л., 1928): «опилки на полу», «мраморные столики с липкой поверхностью», «высокая искусственная пальма», «кружки с мутно-желтой влагой», «тучи табачного дыма», «дюжий официант в грязном переднике» и т. д. В романе Л. Леонова «Вор» типичные приметы русской пивной конца 20-х годов обретают иной колорит: «грязные опилки»; «перья фальшивой пальмы и несколько дурных картин»; «нищая кружка пива да нарезанная ломтиками вобла общедоступного сорта *карие глазки*»; «половой <...> —

летучий парень с бельмом, весь пятнистый и захватанный, как его салфетка» (Леонов Л. Собр. соч.: В 10-ти т. М., 1982. Т. 3. С. 20–23).

Отходники — крестьяне, уходившие из деревни на сезонные заработки. Число отходников в конце 20-х годов было внушительным даже по официальным источникам: «Систематически нарастая, сезонный отход крестьянского населения на заработки достиг в 1926/27 3.2 млн чел., в 1927/28 — 4 млн чел., в 1928/29 — 4.3 млн чел.» (БСЭ. Союз Советских Социалистических Республик. М., 1948. С. 1123–1124).

⁵ ... *низкооплачиваемых категорий*... — Единая 17-разрядная тарифная сетка была разработана в 1921–1922 годах по указанию 4-го Всероссийского съезда профсоюзов. Она предусматривала довольно значительную разницу в оплате труда квалифицированных и неквалифицированных кадров. В 1927 и 1928 годах была осуществлена реформа тарифной системы, которая усилила текучесть кадров, очень скоро была признана неудачной и подверглась критике со стороны Сталина за «уравниловку» (Сталин И. В. Новая обстановка — новые задачи хозяйственного строительства: Речь на совещании хозяйственников 23 июня 1931 г. // Сталин И. В. Собр. соч. М., 1951. Т. 13). Новые изменения в оплате труда, предусматривавшие дифференциацию заработной платы в зависимости от квалификации и должности, были произведены в 1931–1932 годах.

Справочник партийного работника за 1930 год дает следующую информацию об оплате труда по категориям: 1-я — до 50 р., 2-я — от 51–90 р., 3-я — 94–145 р., 4-я — свыше 145 р. (Справочник партийного работника. М.; Л., 1930. Вып. 7, ч.2. С. 168).

⁶ ... *однообразная, несбывающаяся музыка*... — Музыка у Платонова — одна из художественных категорий, с помощью которых писатель передает соотношение гармонии и дисгармонии в мире. Человеческая, земная музыка является отражением космической. Человек может услышать звучание космоса в определенные моменты своей жизни. Так, герой «Лунной бомбы» (1926) Крейцкопф убеждается, что «источник земной поэзии» — в космосе, в «звездной симфонии», причем именно симфонии, а не «какофонии» (Платонов А. П. Избранные произведения: В 2-х т. М., 1978. Т. 1. С. 63; далее указывается название издания и страница); герой «Строителей страны» (1925–1926) и «Чевенгура» (1926–1928) Александр Дванов, которому «слышались в воздухе невнятные строфы летней песни», хочет «в них возратить слова» (Платонов А. П. Строители страны // Из творческого наследия советских писателей XX века. СПб., 1995. С. 346).

Музыка связана с надеждой, с будущим, с чем-то главным, что имеет отношение к изменению мира, что не сбылось: Воцев слушает ее с «наслаждением надежды»; в художественном мире «Счастливой Москвы» сочинения Бетховена воспринимаются как ступень, предшествующая строительству «медицинского института для поисков долговечности и бессмертия» (Платонов А. П. Счастливая Москва // Новый мир. 1991. № 9. С. 17).

Платоновская трактовка музыки как средства выражения тайны мира прежде всего заставляет вспомнить творческие искания символистов (о связи с поэтикой символизма см., напр.: Малыгина Н. М. Роман Платонова как мотивная структура // «Страна философов» Андрея Платонова: Проблемы творчества. М., 1999. Вып. 3. С. 212–222).

⁷ *Пищевой* — образовано по типу «половой», т. е. работник пищевой промышленности, пищик.

⁸ *Вопрошающее небо светило над Воцевым мучительной силою звезд*... — Наблюдения звездного неба есть некое отражение глубокой вещественно-онтологической причастности человека к Вселенной. Ср. в «Чевенгуре»: «вещество одинаковое: что я, что звезда...» (Чевенгур. С. 305); в ранней статье «О любви» (1922): «Что поймет человек

вперед — себя или природу — это не важно, это все равно. Почему же это так? Раз человек и вселенная — одно и человек сам та же сила, которая бьется и дышит в звездах и траве...» (Платонов А. П. Чутье правды. М., 1990. С. 182; далее указывается название издания и страница); ср. также строки из поэмы «Мария», отрывок из которой был опубликован в книге «Голубая глубина» (1922), повторно воспроизведенные Платоновым в «Лунной бомбе» (1926):

Я — родня траве, и зверю,
И сгорающей звезде...

(Андрей Платонов. Голубая глубина: Книга стихов. Краснодар, 1922. С. 35).

⁹ *Вощев <...> не знал — полезен ли он в мире или все без него благополучно обойдется?* — Конец 20-х годов, казалось бы, мог стать удачным временем для литературной карьеры писателя. Одна за другой выходят его книги: «Епифанские шлюзы» (1927), «Сокровенный человек» (1928), «Происхождение мастера» (1929). Однако ситуация очень скоро изменилась: начало работы над «Котлованом» пришлось на время крупномасштабной критики платоновского «Усомнившегося Макара» (публикация статьи Л. Авербаха в журнале «Октябрь» (1929. № 11) и в «Правде» (3 дек. 1929)); заверченный и подготовленный к публикации «Чевенгур» не печатают... Учитывая это, можно предположить, что состояние собственной ненужности и бесполезности, переживаемое Вощевым, носило автобиографический характер.

См. также примеч. 1.

¹⁰ *... он пошел в завком — защищать свой ненужный труд.* — Завком — орган профсоюза на предприятии, задача которого, как декларировалось, заключалась в защите экономических интересов рабочих и служащих, удовлетворении их бытовых и культурных нужд, охране труда и участии в обсуждении совместно с заводоуправлением вопросов, касающихся организации производства. Об их организации говорилось в «Положении о фабзавкомах и месткомах», утвержденном ВЦСПС и опубликованном 26 февраля 1925 года.

¹¹ *О плане жизни.* — Размышления героя о плане жизни непосредственно связаны с реалиями времени, а именно с партийными дискуссиями, проходившими накануне принятия первого пятилетнего плана. Он был принят на основе директив XV съезда ВКП(б) (1927) XVI Всесоюзной партийной конференцией (апрель, 1929), утвержден V Всесоюзным съездом Советов (май, 1929). XVI съезд ВКП(б), проходивший в июне 1930 года, поставил задачу добиться выполнения пятилетки в четыре года.

¹² *Завод работает по готовому плану треста.* — Существовало два типа заводских предприятий: автономные, подчиненные непосредственно наркоматам, и предприятия, объединенные в тресты по принципу однородности выпускаемой продукции (СОЮЗСТАЛЬМОСТ, РЕЧСУДОТРЕСТ и т. д.). 29 июня 1927 года ЦИК и СНК СССР утвердили положение о государственных промышленных трестах, в котором говорилось об усилении руководящей плановой роли трестов: тресты действуют на началах коммерческого расчета в соответствии с плановыми заданиями (Собрание законов и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства Союза Советских Социалистических Республик (Бюллетень). М., 1927. № 39. Ст. 390–392).

В Постановлении ЦК ВКП(б) «О реорганизации управления промышленностью» от 5 декабря 1929 года роль трестов расширилась. Они должны были «сосредотачивать свою работу на вопросах технического руководства, рационализации, реконструкции», «ознакомлении предприятий с современными достижениями технической мысли на граничных предприятиях» и т. д. (Справочник партийного работника. М.; Л., 1930. Вып. 7, ч. 2. С. 174–175).

¹³ ... в клубе или красном уголке. — Красный уголок, или ленинский уголок, впервые был организован на Всероссийской сельскохозяйственный и кустарно-промышленной выставке, которая открылась 19 августа 1923 года. В 1924 году после смерти Ленина красные уголки получили повсеместное распространение. Очевидная антитеза красному углу в русской избе.

¹⁴ *Я мог бы выдумать что-нибудь, вроде счастья...* — В художественной гносеологии Платонова существует различие между разными способами познания мира. Среди них выделяются и могут быть противопоставлены друг другу стремление «выдумывать» такие «вещи», как счастье, истина (Дванов в повести «Строители страны»), смысл жизни (Достоевский в «Чевенгуре»), с одной стороны, и желание его вспомнить (развитие темы любви в «Строителях страны»), воспринять новое как уже когда-то существовавшее (лесной надзиратель, размышляющий о происхождении большевиков в «Чевенгуре»), с другой. В образе Вощева две эти познавательные стратегии слились. Он «мог бы выдумать что-нибудь, вроде счастья» и в то же время, как читатель узнает чуть позже, «его душа вспоминала, что истину она перестала знать» (наст. изд. С. 24).

¹⁵ *Тебе, Вощев, государство дало лишний час...* — О необходимости перехода на семичасовой рабочий день было объявлено в «Манифесте ко всем рабочим, крестьянам, трудящимся и красноармейцам СССР. К пролетариям и угнетенным всего мира», принятом на Юбилейной сессии ВЦИК, посвященной 10-летию советской власти. Этот переход осуществлялся постепенно. В октябре 1929 года «Правда» писала: «Таким образом, к концу 1930 г. будет переведено на сокращенный рабочий день около 1 млн рабочих» (Правда. 1929. 4 окт.). Воронежская «Коммуна» — главный орган Центральночерноземной области — в ноябре того же года докладывала: «23 предприятия переходят на семичасовку. ОблСНХ выработал план перевода в текущем году 23 предприятий на 7-часовой рабочий день... К концу года в ЦЧО число рабочих, работающих 7 часов, увеличится с 2000 до 8500» (Коммуна. 1929. 13 ноября).

¹⁶ *Вощев подобрал отсохший лист и спрятал его в тайное отделение мешка, где он сберегал всякие предметы несчастья и безвестности.* — Образ умершего, оторвавшегося от дерева листа не единожды появляется в творчестве Платонова. Он, безусловно, связан с мотивом смерти и в этом смысле как метафора традиционен. Специфичным оказывается его связь с мотивами собирания и памяти об отжившем, отсылающими к философии Н. Федорова, в которой память об умерших и собирание вещественных свидетельств их жизни (Музей) является центральной. Связь с федоровскими идеями, что показывает и данный фрагмент, не прямолинейна. Она опосредуется иным, чем у создателя «Общего дела», отношением к самому понятию жизни, — тем тождеством, которое ощущают и органически воспринимают герои Платонова: для Вощева лист представляет собой живое существо.

См. также примеч. 8.

¹⁷ ... *строй детей-пионеров...* — В августе 1929 года состоялся Первый Всесоюзный слет пионеров. В ЦЧО, как и по всей стране, проводилась активная подготовка к нему — районные и окружные слеты, спартакиады, военные походы. В начале августа 1929 года в Воронеже состоялся Первый Областной слет юных пионеров с участием около 800 детей (Энциклопедический словарь ЦЧО. Воронеж, 1934. Т. 1. С. 634).

Число пионеров в СССР на 1 января 1930 года составляло 2 460 000 чел. (Справочник партийного работника. М.; Л., 1930. Вып. 7, ч. 2. М., 1930. С. 384).

¹⁸ ... *уроду империализма...* — Платоновская трактовка образа Жачева (урода) передана в воспоминаниях Ю. Нагибина:

«Зато я очень хорошо помню другой разговор между Платоновым и Рыкачевым. Перед этим Андрей Платонович дал ему прочесть “Котлован”, разумеется, в рукописи. Отчим спросил, почему так настойчиво обыгрывается, что ноги обрубка Жачева остались “в капитализме”?»

— А где же? — фыркнул Платонов.— Так оно и выходит.

— Но звучит смешно и потому жестоко в отношении калек.

— Да при чем тут калек? — удивился Платонов.— Это Россия все разорвать хотят: низ в капитализме, верх в социализме. Глупость какая. Все ее — при ней. Россия цельная, а капитализм, социализм...— и он махнул рукой» (*Нагибин Ю.* Еще о Платонове // Андрей Платонов. Воспоминания современников. Материалы к биографии. М., 1994. С. 75–76).

¹⁹ *Дом человек построит, а сам расстроится. Кто жить тогда будет?* — Важнейшим элементом образной композиции, связывающим повесть с утопической и одновременно с антиутопической традицией является символ строящегося здания — общепролетарского дома, для которого герои произведения роют котлован.

Образ большого пролетарского дома, возникающий у Платонова, может быть возведен к «архитектурной» полемике между Достоевским и Чернышевским: хрустальный дворец из романа Чернышевского «Что делать?» превращается в Вавилонскую башню в «Легенде о Великом инквизиторе», при этом утрачивая совершенно всякую утопическую привлекательность.

В русской литературе XX в. указанный архитектурный символ не теряет своего значения. Показательно, например, его использование А. Луначарским в книге «Религия и социализм» (1908–1911), А. Гастевым в поэме «Башня» (1918) и Л. Леоновым в легенде «Про неистового Калафата» («Барсуки», 1924). Башня, за возведением которой наблюдает Вожев и появление которой в повествовании как бы предвосхищает основные события сюжета (рытье котлована), оказывается в этом же ряду. Сомнение в утопическом проекте, которое испытывает герой, следя за рабочими, заставляет без видимой фабульной обусловленности зазвучать в данном эпизоде мотив «жертвенности», причем, скорее всего, бессмысленной жертвенности. Его соседство с образом башни, за строительством которой наблюдает герой, позволяет соотносить возникновение данного эпизода в повести Платонова с поэмой А. Гастева, где идея жертвы при создании нового мира, правда — в противоположность платоновской трактовке — вынужденной и необходимой, является ключевой (подробнее см., напр.: *Мальгина Н. М.* «Котлован» А. Платонова и общественно-литературная ситуация на рубеже 20–30-х годов // Андрей Платонов: Исследования и материалы. Воронеж, 1993. С. 55–61; *Гюнтер Х.* Котлован и Вавилонская башня // «Страна философов» Андрея Платонова: Проблемы творчества. М., 1995. Вып. 2. С. 145–152).

Образ строящегося «неимоверного» дома в схожей ситуации (путешествующий герой интересуется происходящим в городе, куда он попал) появляется в «Усомнившемся Макаре»:

— Что здесь строят? — спросил он у прохожего.

— Вечный дом из железа, бетона, стали и светлого стекла! — ответил прохожий.

(*Платонов А. П.* Возвращение. М., 1989. С. 161).

Безусловно, значимую роль в становлении платоновского замысла сыграла и сама архитектурная реальность конца 20-х–начала 30-х годов: те многочисленные проекты по строительству здания, достойного нового человека, пиком в широкомасштабной разработке которых стало объявление в газете «Известия» (1931. 18 июля) конкурса на проект Дворца Советов. В газетах постоянно мелькали заметки о планах строительства больших коммунальных домов. Например, воронежская «Коммуна» (1929. 10 ноября) опубликовала

снимок проекта такого «общепролетарского дома» со словами: «В 1930 г. в Курске начнется постройка большого дома на 55 квартир». Речь шла о квартирах по десять комнат на соответствующее количество семей. В то же время редакция «Правды» получала письма, свидетельствующие о неприятии подобных планов обычными людьми: «Среди рабочих и служащих распространился слух, что советская власть будет отбирать принадлежащие им домишки, хотя бы они были в 1-2 комнаты. У всех создалось подавленное настроение, так как многие в результате долголетних упорных трудов строили себе угол, для того чтобы, когда лишатся трудоспособности, иметь возможность отдохнуть в своем углу.

...Кооперативное строительство всех не удовлетворяет, так как не ждут от него ничего, кроме склок и неприятностей от общих коммунальных кухонь, и т. п.» (Голос народа: Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918–1932 гг. М., 1998. С. 318).

²⁰ ... *грусть этого великого вещества*... — Понятие «вещества» (ср. в «Чевенгуре»: «природное вещество», «материнское сырое вещество», «живое вещество», «мертвое вещество», «вещество любви») как некоего всеобщего начала, в котором обретает тождество и из которого проистекает все разнообразие живого и неживого мира, одно из центральных и постоянных в поэтической онтологии Платонова. Оно соотносимо с идеями В.И. Вернадского о «биосфере», переходящей под влиянием разумной деятельности человека в новое состояние — «ноосферу», в которых понятие о «живом веществе» занимает центральное место. С этими идеями, помимо иных публикаций, Платонов мог познакомиться по изданиям: *Вернадский В. И.* 1) Очерки и речи. Пг., 1922; 2) Биосфера. Л., 1926.

О понятии «вещество» творчестве Платонова см., напр.: *Бочаров С. Г.* Вещество существования: (Мир Андрея Платонова) // Бочаров С. Г. О художественных мирах. М., 1985. С. 249–296.

См. также примеч. 16.

²¹ ... *собирал для памяти и отмщения*... — Мотив отмщения заставляет вспомнить важнейший для Платонова вопрос о сложности отношений между человеком и вселенной. Мщение природе за смерть близких, стремление ее укротить и трансформировать самым радикальным образом отчетливо заявляют о себе и в ранних статьях писателя («Первая вспышка гнева и мести <природе> за нечаянную смерть ребенка или жены — начало бессмертия» (1920; *Платонов А. П.* Да святится имя твое // Чутье правды. С. 61)), и в более поздних произведениях (инженер Скорб из «Лунной бомбы» (1926), мстящий реке за смерть жены и дочери), сосуществуя с попытками героев писателя отыскать тождество между собой и окружающим миром. Немаловажно, что слово «отмщение» возникает в одном ряду с «собранием» и «памятью», указывая на совершенно определенный контекст, в котором эта фраза обретает смысл.

См. также примеч. 16, 20.

²² *Ступай туда и спи до утра, а утром ты выяснишься*. — Имеется в виду выяснение «классового происхождения» нанимаемого на работу. Так, в одном из циркуляров ЦК говорилось: «Поставить на должную высоту дело отбора рабочей силы как с социально-классовой точки зрения, так и с точки зрения пригодности к работе, усилив экспертизу и практические испытания и поставив наряду с этим и медицинский отбор рабочих определенных производств и профессий» («О росте кадров рабочего класса, состоянии безработицы и мероприятиях к ее ослаблению» (Постановление ЦК ВКП (б) от 5 декабря 1929 г. // Справочник партийного работника. М.; Л., 1930. Вып. 7, ч. 2. С. 188)).

²³ *Мастеровые начали серьезно есть...* — В конце 1928–начале 1929 года в связи с недостатком продовольствия в стране была введена карточная система по группам снабжения и категориям, были введены закрытые формы торговли. В начале 30-х годов появились закрытые распределители. Однако начало широкомасштабной коллективизации привело к массовому убою скота и кратковременному переизбытку мясной продукции. См. также примеч. 82.

²⁴ *... настанет пора бутовой кладки...* — Бутовая кладка — кладка из неотесанных камней (бут), связанных раствором (цементным и др.).

²⁵ *Биржа обещала прислать пятьдесят человек, а я просил сто...* — Несмотря на высокий уровень безработицы, проблемы с нехваткой рабочей силы, действительно, были характерны для конца 20-х годов. Однако уже в конце 1930 года безработица практически исчезла. По официальным сведениям в 1929/30 году на 100 предложений труда приходилось 174,7 места (БСЭ. Союз Советских Социалистических Республик. М., 1948. С. 1123). Особенно требовались строители. С октября 1928 по октябрь 1929 года численность этой группы работников сократилась в два раза (Население России в XX веке: В 3-х т. М., 2000. Т. 1. С. 259). В Постановлении ЦК ВКП(б) «О росте кадров рабочего класса, состоянии безработицы и мероприятиях к ее ослаблению» (15 декабря 1929 года) говорилось: «Безработица в СССР является результатом общего роста всего трудоспособного населения. Это подтверждается и составом безработных: из общего числа зарегистрированных на биржах труда на 1 августа 1929 г. — 1 298 тыс. чел. чернорабочих — 60%; в том числе впервые ищущих труда — 33%; лиц интеллектуального труда — 18,2% и индустриальных — всего 16,3%, в основном низшей и средней квалификации» (Справочник партийного работника. М.; Л., 1930. Вып. 7, ч. 2. С. 185). В октябре 1930 года ЦК ВКП(б) принял постановление «О мероприятиях по плануному обеспечению народного хозяйства рабочей силой и о борьбе с текучестью».

Биржа труда прекратила существование в 1930 году.

²⁶ *Супесь* — рыхлая почва, содержащая песок и глину с преобладанием песка (Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1978. С. 717).

²⁷ *... мы можем жить ради энтузиазма...* — Тема энтузиазма звучит в качестве одной из важнейших в статье Сталина «Год великого перелома. К XII годовщине Октября» (1929). В июне 1930 года Сталин уделит ей особое внимание и в «Политическом отчете Центрального Комитета XVI съезду ВКП(б)» (Сталин И. В. Собр. соч. М., 1949. Т. 12).

²⁸ *... от какой волнующей силы начнет биться сердце и думать ум?* — Антитеза «ум–сердце» играет одну из определяющих ролей в художественной гносеологии Платонова, выражая собой столкновение двух путей человеческого знания — пути рассудка и чувства. Позитивистские устремления Платонова, инженера, деятеля, строителя и одновременно осознание им ограниченности механистического подхода к «выяснению» вселенной не могли не отразиться в его творчестве. Наиболее четкое и определенное противопоставление двух начал наблюдается в ранних публицистических статьях писателя, где чувство, страсть зачастую наделяются негативным смыслом: «Кончится наша политическая и экономическая борьба с буржуазией, начнется борьба за господство нашего духа, нашей культуры, ясного солнца нашего существа — сознания над страстью, над черной верой, над страхом и выдуманными тайнами буржуазии (курсив наш. — Сост.)» (Платонов А. П. Луначарский // Чулье правды. С. 17). Та же линия проводится и в научно-фантастических произведениях писателя начала 20-х годов: герой-инженер, человек, способный с помощью разума взорвать и преобразить мир, «сатана мысли» (фантазия

«Сатана мысли», 1922) становится важнейшей фигурой, в то время как интуиция, чувство вообще по крайней мере на первый взгляд вытесняется на периферию.

Однако отношение писателя к чувству не может рассматриваться как простое его отрицание. Те же инженеры Платонова постоянно будут стремиться к непосредственному знанию, а их соприкосновение с тайной мира будет напоминать любовные сцены: «Егор небрежно посмотрел на солнце и сразу горячая волна прошла в его горле и остановилась в голове. Он поднялся и ничего не мог сообразить. Как будто его обняла сзади внезапно утраченная любимая женщина и сразу скрылась. Как в женщину, вонзилось в его сознание сияющая догадка и прополосовала мозг...» (Платонов А. П. Эфирный тракт // Избранные произведения. Т. 1. С. 183). Платонов пытается отыскать некий мост между двумя сторонами антитезы. В этом смысле показателен символический образ сторожа, или «евнуха души» человека, занимающий значимое место в композиции «Чевенгура». Присутствие этого сторожа позволяет персонажу «видеть оба пространства — вспухающее теплое озеро чувств и длинную быстроту мысли» (Чевенгур. С. 162).

²⁹ ... *председатель окрпрофсовета*. — «Профсоюзная» тема в «Котловане», как и ряде других произведений, носит автобиографический характер и связана с конфликтом, развернувшимся в жизни писателя после его возвращения в марте 1927 года из Тамбова в Москву, когда он остался безработным (подробнее см.: Корниенко Н. В. «Страна философов»: Сомнения и откровения Фомы Пухова // Андрей Платонов: Мир творчества. М., 1994. С. 230).

Определенное влияние на развитие этой темы в повести могла оказать политическая реальность второй половины 20-х годов. Тема профсоюзов непосредственным образом соприкасалась с проблемой внутрипартийной борьбы за власть, развернувшейся в это время. VIII Всесоюзный съезд профсоюзов, состоявшийся в 1929 году, проходил под знаком разоблачения правого оппортунизма в профсоюзах, возглавляемых М. П. Томским. После смены руководства (Томского сменил Н. М. Шверник) последовала чистка профсоюзного аппарата от «бюрократических и чуждых элементов».

³⁰ *Темп тих* — Агитационные указания Пашкина соотносятся с партийными документами времени. Так, в одном из циркуляров ЦК говорилось: «Привлечь руководящих работников парторганизаций к систематическому участию в массовой агитации (выступления на митингах, проведение вечеров вопросов и ответов, бесед в цехах, в клубах, в казармах, общежитиях, рабочих поселках, в деревне с компактными массами живущих там рабочих (курсив наш. — Сост.), Эти выступления ответственных партийных работников считать важнейшими и первоочередными партийными заданиями» (Постановление ЦК ВКП(б) «О постановке агитации среди рабочих» от 29 марта 1929 года // Справочник партийного работника. М.; Л., 1930. Вып. 7, ч. 1. С. 438).

³¹ ... *у него путевки с биржи труда нет <... > Не вижу здесь никакого конфликта: в пролетариате сейчас убыток...* — Опасения Козлова имели под собой реальные основания. В октябре 1929 года «Правда» писала: «Во время колдоговорной кампании со всей остротой должны быть поставлены вопросы кадров и вопросы рабочего состава предприятий: кулакам, «бывшим» людям нет места на советском заводе. Рост количества рабочих должен происходить в первую очередь за счет детей и жен рабочих. Лучшие элементы деревни: бедняки, малоимущие середняки; лучшие элементы города: семья рабочего, близкие нам трудовые элементы — должны заполнить ряды растущего пролетариата» (Внимание колдоговорной кампании // Правда. 1929. 2 окт.). В этом эпизоде Пашкин оказывается более практичным — нехватка рабочей силы при довольно высоком уровне безработицы заставляла идти на компромиссы с социально ненадежными элементами.

См. также примеч. 22, 37.

³² Тебе для прочности надо бы в физкультуру записаться... — Физическая культура, рассматриваемая в СССР как средство «сплочения широких рабочих и крестьянских масс вокруг тех или иных партийных, советских или профессиональных организаций, через которые рабоче-крестьянские массы вовлекаются в общественно-политическую жизнь» (Постановление ЦК ВКП(б) от 13 июля 1925 года // Известия ЦК ВКП(б). 1925. 20 июля. № 27 (102)) в 1930 году была признана «делом первостепенной государственной важности» (Постановление Президиума ЦИК СССР от 3 апреля 1930 года // Известия ЦИК СССР и ВЦИК. 1930. 7 апр. № 96 (3943)). В этом же году создается Всесоюзный совет физической культуры при ЦИК СССР, сеть подобных советов распространяется и при органах советской власти на местах. Проведением Всесоюзной спартакиады профсоюзов в Москве ознаменовался 1928 год.

Политизация спорта отразилась в лозунгах эпохи: «Спорт без классового содержания — опасная забава»; «Красный спорт укрепляет классовую солидарность»; «Спорт — не самоцель, а средство в пролетарской классовой борьбе». Спорт непосредственно связывался с воспитанием воли («Физическая культура воспитывает непреклонную волю к победе!») и ростом трудовых успехов («Все физкультурники — в первые ряды бойцов за поднятие производительности труда») (Короновский В. Н. Техника и методика массовой работы по физической культуре. Л., 1929. С.34–36).

³³ ... ни в одной из них не узнавал той, которая, исчезнув, все же была его единственной подругой и так близко прошла, не остановившись — Образ женщины, возлюбленной и недостижимой, занимает особое место в творчестве Платонова. В самом общем смысле он может быть возведен к идее Софии, вечно женственной мудрости, Вл. Соловьева. Еще в ранних статьях писатель декларирует связь между образом невесты и гносеологической категорией «непознанного», того знания и той цели, к которой стремится человек («Всякий человек имеет в мире невесту, и только потому он способен жить. У одного ее имя Мария, у другого приснившийся тайный образ во сне <...> Я знал человека, который заглушал свою нестерпимую любовь хождением по земле и плачем. Он любил невозможное и неизъяснимое...») (Платонов А. П. Заметки // Чутье правды. С. 176)). Женщина, пишет Платонов, «знает, что мир и небо и она — одно, что она родила все, оттого у нее нет личности, оттого она такая неуловимая и непонятная, потому что отдалась всему, приобрела сердцем каждое дыхание. <...> Познав вселенную, она стала душой ее, возлюбленной мира, гордой гранитной надеждой. Она доведет страдающую жизнь до конца пути» (1920; Платонов А. П. Сила сил // Чутье правды. С. 69).

Платонов с постоянным упорством возвращается к символическому образу далекой, неизвестной, непостижимой невесты в своих произведениях («Маркун» (1921), «Рассказ о многих интересных вещах...») (1923)). В качестве идеала в произведениях писателя выступают обычные, земные женщины, расставание с которыми и любовь к которым является величайшим стимулом для героев Платонова в поисках истины, в переустройстве мира («Эфирный тракт» (1927), «Строители страны» (1925), «Чевентур» (1926–1928)).

³⁴ ОблКК — Областная контрольная комиссия — главный орган в области, руководивший «чистой партией», пик которой как раз приходился на 1929 год.

³⁵ ... почему и Лев и Ильич? — В имени действующего лица очевидна контаминация двух имен — Лев Давидович Троцкий и Владимир Ильич Ленин (см.: Харитонова А. А. Система имен персонажей в поэтике повести «Котлован» // «Страна философов» А. Платонова: Проблемы творчества. М., 1995. Вып. 2. С. 162).

Вообще в обыденном сознании имена Ленина и Троцкого нередко объединялись — в ироническом контексте. Об этом свидетельствуют, к примеру, частушки:

Ой, яблочко,
Куда котишься?
Ой, маменька,
Замуж хочется.
Не за Ленина,
Не за Троцкого,
За матросика
Краснофлотского.

(Мурин В. А. Быт и нравы деревенской молодежи. М., 1926. С. 131).

Возможно, у образа Пашкина был и реальный прототип — «оголтелый рапповец», контрольный редактор издательства «Советский писатель» — Лев Ильич Левин. См. о нем: *Крелин Ю.* «Когда опять вспоминается...» // Вопросы литературы. 1999. № 5. С. 242–246.

³⁶ ... *Чиклин работал на прочистке реки от карчи...* — Как известно, сам Платонов в начале 20-х годов в Воронеже активно занимался подобного рода деятельностью (см., напр.: *Ласунский О.* Житель родного города: Воронежские годы Андрея Платонова. Воронеж, 1999. С. 179–180).

³⁷ *Но раз курс на спецов есть...* — После спровоцированного процесса так называемой «Шахтинской вредительской организации» (май–июль 1928) подозрительное отношение к старым интеллигентам-специалистам, и без того сильное, еще более укрепилось. В мае же 1928 года был выдвинут лозунг «Молодежь должна овладеть наукой», связанный именно с этим процессом (*Сталин И. В.* Речь на VIII съезде ВЛКСМ 16 мая 1928 г. // *Сталин И. В.* Собр. соч. М., 1949. Т. 11). И хотя в июле в докладе на пленуме ЦК ВКП(б) Сталин делает оговорку: «Это не значит, что мы отбрасываем прочь тех специалистов, которые мыслят не по-советски или которые не являются коммунистами, но которые согласны сотрудничать с Советской властью. Нет, не значит. Мы всемерно, всеми силами будем и впредь привлекать беспартийных специалистов, беспартийных техников, готовых идти рука об руку с Советской властью в деле строительства нашей промышленности. Мы вовсе не требуем, чтобы они отреклись теперь же от своих социально-политических взглядов или чтобы они изменили их немедленно. Мы требуем только одного — чтобы они честно сотрудничали с Советской властью, раз они согласились на это добровольно» (*Сталин И. В.* Об итогах июльского пленума ЦК ВКП(б) : Доклад на собрании актива ленинградской организации ВКП(б) 13июля 1928 г. // Там же. С. 216), положение мало изменилось. 13 мая 1930 года было принято Постановление ЦИК и СНК СССР «О мерах привлечения на производство инженерно-технического персонала».

³⁸ ... *главное организационное строительство идет помимо его участия, а он действует лишь в овраге, но не в гигантском руководящем масштабе.* — Образ героя-бюрократа (Льва Чумового), действующего в масштабе целого государства, занимает важное место в «Усомнившемся Макаре» (1929), произведении, которое вызвало волну критики. Красноречива в этом смысле статья Л. Авербаха «О целостных масштабах и частных Макарах». Ярчайшее воплощение тема бюрократизма получила в повести «Город Градов» (1928).

³⁹ *Цустрах* — Центральное управление страхования. 28 сентября 1929 года было принято постановление ЦК ВКП(б) «О социальном страховании», в котором отмечалось как серьезный недостаток отсутствие внимания к вопросам рационального расходования страховых средств. Было предложено в дальнейшей работе органов соцстраха проводить

более четко классовую линию в «деле обеспечения пролетарских кадров». Намечено «осуществление ряда мероприятий по переходу от денежных и индивидуальных к трудовым и общественным видам помощи (трудовые виды помощи безработным, инвалидам, натурализация дополнительных видов пособий и т. п.)» (Справочник партийного работника. М.;Л., 1930. Вып. 7, ч. 2. С. 190–192).

⁴⁰ ... в эпоху режима экономии... — Режим экономии — принцип хозяйствования, заключающийся в уменьшении материальных, финансовых и трудовых затрат на единицу изделия; важное условие повышения эффективности производства (Большой экономический словарь. М., 1997. С. 564). В 1926 году вышло обращение ЦК и ЦКК ВКП(б) «О борьбе за режим экономии» (Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. М., 1957. Т.1).

⁴¹ — *А что, товарищи <...> не поставит ли нам радио...* — Первая радиовещательная станция была в открыта СССР в 1922 году, к 1928 году насчитывалось 23 передатчика. Широкое развитие получили трансляционные сети внутри населенных пунктов. Создано в 1924 году акционерное общество «Радиопередача» в 1928 году было заменено Всесоюзным комитетом радиовещания. О начале радиотрансляции в 1928 году писала воронежская «Коммуна»: «Проволочная трансляция имеет ряд преимуществ перед непосредственным приемом радиостанции. Слушатель будет иметь в распоряжении только “уши” или громкоговоритель, а передача транслируется по проволоке с радиопузла. Т. о., слушатель освобождается от необходимости заботиться о питании и настройке приемника... Трансляционный узел будет работать ежедневно по 7 часов, исключая пятниц» (Коммуна. 1929. 2 июля).

⁴² *Вызываю вас, товарищ Воцев, соревноваться...* — 20 января 1929 года в «Правде» была опубликована статья В. И. Ленина «Как организовать соревнование». Чуть позже XVI конференция ВКП(б), проходившая в апреле 1929 года, выступила с призывом об организации соцсоревнования. 9 мая 1929 года вышло постановление ЦК ВКП(б) «О социалистическом соревновании фабрик и заводов», в котором определялись конкретные задачи: «выполнение и повышение промфинпланов, выполнение и превышение намеченных норм, улучшение качества продукции, борьба с прогулами и браком...» (Справочник партийного работника. М.;Л., 1930. Вып. 7, ч. 2. С. 273).

⁴³ ... *ледокол «Красин»*... — Линейный ледокол Арктического флота СССР. В 1928 году участвовал в спасении итальянской экспедиции У. Нобиле.

⁴⁴ *Главный — Сталин, а второй — Буденный...* — Упоминание о С. М. Буденном как о втором после «главного» лице в новом государстве может быть обусловлено той популярностью, которой обладал этот военачальник в Воронежской области. Осенью 1919 года его конная армия разбила корпуса Мамонтова и Шкуро под Воронежем, некоторое время он занимал должность начальника воронежского гарнизона. Именем Буденного был назван город в ЦЧО, десять сел, сахарозавод, три совхоза и около 200 колхозов (Энциклопедический словарь ЦЧО. Воронеж, 1934. Т. 1. С. 231).

Возможно, имя С. М. Буденного возникло в связи с определенной литературной ситуацией. 26 октября 1928 года в «Правде» было опубликовано «Открытое письмо Максиму Горькому» С. Буденного, в котором резкой критике подверглась «Конармия» И. Бабеля. 27 ноября 1928 года в «Правде» был опубликован «Ответ С. Буденному» М. Горького.

⁴⁵ ...и ум ее увидит время, подобное первому исконному дню. — Апокалиптическая тема, связанная у Платонова и с социальной революцией, и с переустройством мира вообще, характерна для самого раннего творчества писателя (ср., напр., стихотворения из книги «Голубая глубина» (1922): «Вечер мира»: «Мы уьем машинами вселенную / Под железом умерла земля <...> / Льем мы новую железную вселенную»; «Богомольцы»: «Богомольцы со штыками / Из России вышли к богу <...> А навстречу дети, дети, / И железо на плечах... / Видно, вновь Христос на свете...» (Андрей Платонов. Голубая глубина: Книга стихов. Краснодар, 1922. С. 17, 21)), так и для зрелого (ср. из «Эфирного тракта»: «Русское овражистое поле в шесть часов октябрьского утра — это апокалиптическое явление, кто читал древнюю книгу — Апокалипсис» (Платонов А. П. Избранные произведения. Т. 1. С. 156)). Не оставит ее и Платонов и в конце жизни («Ноев ковчег», 1951). Важно, что свершение апокалипсиса связано для Платонова с деяниями человека.

⁴⁶ ...Жачев заставил мужика снять армяк... — Армяк — крестьянский кафтан из толстого сукна. Традиционный вид крестьянской одежды.

⁴⁷ ...Прушевский сел за составление проекта своей смерти <...> такой же точный расчет он сделал и теперь. — Тему самоубийства в творчестве А. Платонова нельзя рассматривать без учета особого понимания писателем связи между человеком и природой, без учета темы познания тайны вселенной, в том числе и смерти. Герои Платонова пытаются тем или иным способом освоить природу, приблизиться к ней и даже обрести тождество (рыбак из «Чевенгура» (1926–1928), Крейцкопф из «Лунной бомбы» (1926)). Они уходят из жизни в другой мир по собственной воле или случайно, когда в этом они уже не способны что-либо сделать, уходят на определенном этапе познания мира (герои «Эфирного тракта» (1927)). И даже, кажется, переступив черту, способны вернуться обратно («Московская скрипка» (1936)). Гибель героя Платонов часто изображает, оставляя читателя в сомнении о том, что происходит, — смерть или переход к новой жизни.

Не трудно заметить, что Прушевский в отличие от других героев-инженеров Платонова слишком рано приходит к мысли о самоубийстве, она присуща ему с самого появления в повести. Прушевский, подобно Кириллову из «Бесов», «выводит», «высчитывает» необходимость своего ухода.

⁴⁸ Мы те гробы по самообложению заготовили... — Самообложение, являясь дополнительным и весьма обременительным налогом, декларативно вводилось для удовлетворения местных культурных и хозяйственных нужд, имеющих общественное значение. В самообложении участвовали единоличные крестьянские хозяйства и хозяйства, состоявшие членами товариществ по совместной обработке земли (тозов), в которых не обобществлены рабочий скот и инвентарь. Отдельные хозяйства, состоявшие членами коммунистических артелей и тех тозов, в которых обобществлены рабочий скот и инвентарь, к самообложению не привлекались (см., напр.: Постановление ЦИК и СНК СССР «О самообложении населения» от 16 августа 1930 года, посвященное упорядочиванию этого способа сбора средств (Собрание законов и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства Союза Советских Социалистических Республик. М., 1930. № 4. Ст. 451)). О том, как в действительности осуществлялся этот налоговый сбор, свидетельствуют крестьянские письма: «Есть инструкция, чтобы по самообложению не выше 25% с налогового рубля, а в Омском округе уже свои инструкции — и по 100% дерут и объявляют в 3-дневный срок, а не уплативших в срок описывали имущество и сразу же продавали. Разве это свобода?» («Проклятия крестьян падут на вашу голову...»: Секретные обзоры крестьянских писем в газету «Правда» в 1928–1930-х годах / Публ. Т. М. Вахитовой и В. А. Прокофьева // Новый мир. 1993. № 4. С. 172. Письмо 1929 года).

⁴⁹ *Мы те гробы облеживали...* — Заготовка гробов заранее, лежание в гробу связано с ожиданием конца света старoverами и известно на Руси с очень давних пор. П. Н. Милюков описывает настроение и поведение крестьян в 1669 и 1702 годах, ожидавших Страшного суда: «По старинному поверью кончина мира должна прийти ночью, в полночь; и вот при наступлении ночи ревнителю старого благочестия надевали белые рубахи и саваны, ложились в долбленые из цельного дерева гробы и ждали грубного гласа»; «Вновь явились “гробополагатели”, воспевавшие по ночам в своих колодах заунывную песню:

Древян гроб сосновый,
Ради меня строен,
В нем буду лежати,
Трубна гласа ждати;
Ангелы вострубят —
Из гроба возбудят»

(Милюков П. Н. Очерки по истории русской культуры. М., 1994. Т. 2. С. 58, 60).

⁵⁰ *...спину Елисея, покрытую целой почвой нечистот и уже обрастающую защитной шерстью.* — В образе мужика, обросшего шерстью, в русском фольклоре (особенно в быличках и бывальщинах) появляются представители нечистой силы — лешие и домовые (см., к примеру: Мифологические рассказы русского населения Восточной Сибири. Новосибирск, 1987. № 11, 83. С. 18–19, 61–62).

Мотив «озверения», зарастание шерстью появляется и в других произведениях А. Платонова. См. «Мусорный ветер», «Македонский офицер».

⁵¹ *Мы же, согласно пленума, обязаны их ликвидировать...* — Возможно, имеется в виду Пленум ЦК ВКП(б) «Об итогах и дальнейших задачах колхозного строительства», состоявшийся 17 ноября 1929 года.

Ср. также: «Характерная черта работы нашей партии за последний год состоит в том, что мы, как партия, как Советская власть:

а) развернули наступление по всему фронту против капиталистических элементов деревни;

б) это наступление дало и продолжает давать **положительные** результаты.

Что это значит? Это значит, что от политики **ограничения** эксплуататорских тенденций кулачества мы перешли к политике ликвидации кулачества, как класса» (Сталин И. В. К вопросам аграрной политики в СССР: Речь на конференции аграрников-марксистов 27 декабря 1929 г. // Сталин И. В. Собр. соч. М., 1949. Т. 12. С. 166).

«Теперь у нас имеется, как видите, материальная база для того, чтобы заменить кулацкое производство производством колхозов и совхозов. Именно поэтому наше решительное наступление на кулачество имеет теперь несомненный успех.

Вот как надо наступать на кулачество, если говорить о действительном и решительном наступлении, а не ограничиваться пустопорожней декламацией против кулачества.

Вот почему мы перешли в последнее время от политики **ограничения** эксплуататорских тенденций кулачества к политике **ликвидации кулачества, как класса**» (Там же. С. 169).

В январе 1930 года военно-политическая газета «Красная звезда» опубликовала статью «Ликвидация кулачества, как класса», по поводу которой Сталин выступил с замечаниями (Сталин И. В. Собр. соч. Т. 12. С. 178).

⁵² *Прочитав же в газете о загрузженности почты...* — В Постановлении ЦК ВКП(б) «Об усилении внимания работе почтово-телеграфных предприятий» от 17 октября

1928 года говорилось о передаче Наркомпочтелю всего телеграфного дела и радиофикации. Поэтому роль Наркомпочтеля значительно увеличилась не только в области техники, как отмечалось в постановлении, но и в области политической, а также и в деле проведения культурной революции (Справочник партийного работника. М.; Л., 1930. Вып. 7, ч. 2. С. 382–383).

⁵³ *Где раньше стол был яств, / Теперь там гроб стоит!* — Измененная стихотворная цитата из оды Г. Р. Державина «На смерть князя Мещерского» (1779). Точная цитата: «Где стол был яств, там гроб стоит...». Использована также А. С. Пушкиным в качестве эпиграфа к четвертой главе «Дубровского».

⁵⁴ *... кооператив <...> рочдэльской вида* — В 1844 году в г. Рочдейл (Великобритания) было организовано общество потребителей, названное обществом «справедливых пионеров», утверждавшее добровольность участия в кооперативе, демократический характер управления и контроля (выборность, независимость и подотчетность членам кооператива всех его органов); одинаковые права членов кооператива независимо от паевых взносов (один член — один голос), продажа товаров по среднерыночным ценам и только за наличный расчет, продажа только доброкачественных товаров, чистым весом и точной мерой; отчисление доли прибыли на повышение культурного уровня членов общества (см.: БСЭ. М., 1973. Т. 13. С. 104).

⁵⁵ *... вы не столб со столбовой дороги в социализм?!* — М. Золотоносов отметил переключку между репликой Козлова и статьей И. В. Сталина «Год великого перелома», где несколько раз повторяется выражение «столбовая дорога» в контексте «колхозно-кооперативной» проблематики (Золотоносов М. «Ложное солнце»: «Чевенгур» и «Котлован» в контексте советской культуры 1920-х годов // А. Платонов: Мир творчества. М., 1994. С. 272; в работе подробно рассматривается «диалог со Сталиным», который Платонов ведет в «Котловане»).

Сталин использовал эту фразу в том же контексте и в Политическом отчете Центрального Комитета XVI съезду ВКП(б) 27 июня 1930 года: «Они не хотят признавать, что совхозы и колхозы являются основным средством и “столбовой дорогой” вовлечения основных масс крестьянства в дело построения социализма» (Сталин И. В. Собр. соч. М., 1949. Т. 12. С. 359).

Мотив «столбовой дороги» существует у Платонова в «Мертвых душах в советской бричке» (фельетоне о стервецах) (1921); в «Черноногой девчонке» (1936).

⁵⁶ *Так, значит, опять: просил он, пассивный, не счастья у неба, а хлеба, насущного черного хлеба?!* — Искаженная цитата из стихотворения И. С. Никитина «На пепелище» (1860). Точная цитата:

Просил, безответный, не счастья у неба,
А хлеба насущного, черного хлеба;
Подкралась беда, все метлой подмела, —
У пахаря нет ни двора, ни кола...

(Никитин И. С. Собр. соч.: В 2-х т. М., 1975. Т. 1. С. 327).

⁵⁷ *... стал председателем лавкома...* — Козлов принимает участие в кампании по контролю за работой кооперативной торговли. Воронежская «Коммуна» описывала деятельность этого рода: «Рабочие бригады и лавочные комиссии осуществляют контроль за торговлей. Профорганизации должны обеспечить нарастание его темпа. Смотровые бригады, составленные в значительной части из рабочих от станка, должны суметь

отразить здоровые требования к кооперации всего рабочего коллектива. Это тем более своевременно, что смотр совпадает с кампанией перезаключения колдоговоров, когда наиболее четко ставится задача повышения реальной зарплаты путем снижения цен на продукты первой необходимости и упорядочения рабочего снабжения» (За темп! // Коммуна. 1929. 23 ноября).

⁵⁸ *Не будьте оппортунистами на практике!* — Фраза прозвучала на Объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б), проходившем 17–21 декабря 1930 года. «Пленум рассмотрел отчетный доклад Центросоюза о работе потребкооперации, где, подчеркнув, что потребкооперация не перестроилась применительно к новым задачам реконструктивного периода и указав на недостатки в ее работе (элементы самотека, бюрократизма и оппортунизма на практике, засорения аппарата чуждыми элементами, слабость работы по организации и упорядочению дела общественного питания, слабый контроль со стороны кооперируемых масс и т. д.), пленум наметил ряд конкретных мероприятий по ликвидации этих недостатков». (Экономическая жизнь СССР : Хроника событий и фактов. 1917–1965: В 2-х кн. М., 1967. Кн. 1. С.219).

⁵⁹ *...бедняцкий слой деревни печально заскучал по колхозу и нужно туда бросить что-нибудь особенное из рабочего класса...* — Скорее всего, имеется в виду движение рабочих двадцатипяти тысячников, которых направили в колхозы в начале 1930 года. Поход рабочих с котлована в деревню может рассматриваться как эпизод этого движения.

⁶⁰ *...неужели же детям придется жить снаружи, среди неорганизованной погоды?* — Понятие «организация», часто встречающееся у А. Платонова (в том числе не единожды и в «Котловане»), перекликается с трудом А. Богданова «Всеобщая организационная наука (Тектология)» (1913–1922), одна из основных идей которого состояла в необходимости «организовать» природу, которая сама по себе, впрочем, тоже обладает способностью к организации. Ср. также с идеями Н. Федорова о регуляции природы, климата. Для Платонова, как и для пролеткультовцев, крайне актуально противопоставление освоенного и неосвоенного человеком мира (см., напр.: *Малыгина Н. М.* «Котлован» А. Платонова и общественно-литературная ситуация на рубеже 20–30-х годов // Андрей Платонов: Исследования и материалы. Воронеж, 1993).

⁶¹ *Главный революционер* — В это время должность секретаря обкома ВКП(б) ЦЧО занимал Иосиф Михайлович Варейкис (1894–1939 (?)). «Под его руководством происходило образование области, перестройка всего партийного и советского хозяйственного аппарата... Парторганизация ЦЧО, возглавлявшаяся Варейкисом, на практике социалистического строительства опровергла буржуазные вредительские теории об “оскудевающим краем”, о невозможности создания из ЦЧО индустриально-колхозной области и ведя борьбу на два фронта за генеральную линию партии, добились одного из замечательных превращений “оскудевающего края” в передовую индустриально-колхозную область» (Энциклопедический словарь ЦЧО. Воронеж, 1934. С. 267).

⁶² *На будущий год мы запроектировали сельхозпродукции по округу на полмиллиарда* — В резолюции XVI Всесоюзной партконференции (23–29 апреля 1929 года) сказано: «Индивидуальный сектор сельского хозяйства прекращает свой численный рост вследствие проектируемого увеличения населения, втянутого в общественный сектор, до 20 млн душ, причем в гос. совхозы (старые и новые) от урожая 1932 г. дадут продукцию

не менее 34 млн центнеров товарного хлеба, а колхозы не менее 50 млн центнеров, что составляет 84 млн центнеров, т. е. свыше 500 млн пудов товарного хлеба (Справочник партийного работника. М.;Л., 1930. Вып. 7, ч. 1. С. 237).

⁶³ ... *обобществленный двор №7 колхоза имени Генеральной Линии...* — Генеральная линия — широко употребляемая идиома в 20-30-е годы. Доклад А. В. Луначарского на Первом Всероссийском съезде крестьянских писателей назывался «Крестьянская литературы и генеральная линия партии» (июнь 1929 года).

Н. В. Корниенко высказала предположение о том, что «название колхоза “Генеральная Линия” в “Машинисте” и “Котловане” — это не только социально-политическая, но кинематографическая аллюзия из жизни 1929 года: фильм С. Эйзенштейна “Генеральная Линия”, о котором с конца 1926 года достаточно много сообщала пресса, вышел на экран в 1929 году (под названием «Старое и новое»)» (Андрей Платонов. Воспоминания современников. Материалы к биографии. М., 1994. С.230).

Выражение «генеральная линия» занимает центральное место в речи И. В. Сталина «О правом уклоне в ВКП(б)», произнесенной на пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) в апреле 1929 года и направленной против «группы Бухарина». Раздел I «Одна или две линии» открывался словами: «Существует ли у нас одна общая генеральная линия, или у нас имеются две линии, это основной вопрос, товарищи» (*Сталин И. В. Собр. соч. М., 1949. Т. 12. С. 2.*)

Одно из важнейших расхождений в позициях противоборствующих сторон имело непосредственное отношение к политике партии в области сельского хозяйства. Четко разделяя социальные группировки, из которых состоит крестьянство, Сталин резко критиковал Бухарина за отсутствие в его подходе подобной дифференциации («У него и кулак — не кулак, и середняк — не середняк, а какая-то сплошная нищета в деревне» (Там же. С. 39). Последнее, безусловно, противоречило одному из основных сталинских тезисов — тезису об обострении классово-борьбы при переходе к социализму, допустимости и даже необходимости чрезвычайных мер по отношению к крестьянину (кулаку).

⁶⁴ *Даже слезы показывались на глазах активиста, когда он любовался чёткостью ручных подписей и изображениями земных шаров на штемпелях...* — Почтительное отношение этого героя к «земным шарам на штемпелях» обусловлено в первую очередь тем, что печати и даже почтовые штемпели на разного рода документах являлись своего рода продолжением, материализацией вышестоящих инстанций, обусловленными действующим на то время постановлением ВЦИК и СНК, где, в частности, сказано:

«1. Правом пользования печатями с гос. гербом предоставляется: а) ВЦИК, СНК, Совету Труда и Оборона, Председателю Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета, всем народным комиссариатам, их центральным управлениям (или отделам, равнозначимым этим управлениям), самостоятельным учреждениям при ВЦИКе, Совете Народных Комиссаров и Совете Труда и Оборона, Государственному банку; б) полномочным представительством республик, автономных областей и народных комиссариатов; в) Исполнительным комитетам, областным, губернским и уездным и их самостоятельным отделам;

2. Революционным трибуналам, народным судьям, прокурорам, следователям, судебным исполнителям, почтово-телеграфным конторам, учебным заведениям, пробирным учреждениям, палатам мер и весов, местным отделениям Гос. банка» (Постановление ВЦИК и СНК «О порядке пользования печатями с государственным гербом» от июля 1922 года // Систематический и хронологический указатель постановлений правительства РСФСР. М., 1929. С. 243).

⁶⁵ *Активист еще давно пустил устную директиву о соблюдении санитарности в народной жизни...* — В постановлении ЦК ВКП(б) «О медицинском обслуживании рабочих и крестьян» от 13 декабря 1929 года указывалось: «Ввиду тяжелого санитарного состояния Донбаса, Кузбаса и Урала предложить совнаркомам СССР, РСФСР и УССР провести ряд широких мероприятий по санитарному оздоровлению этих районов» (Справочник партийного работника. М.; Л., 1930. Вып. 7, ч. 2. С. 249).

⁶⁶ *... явившийся <... > самотеком* — Слово «самотек» часто использовалось для характеристики бухаринской идеи «врастания» кулака в социализм. См., напр.: *Сталин И. В. К вопросам аграрной политики в СССР: Речь на конференции аграрников-марксистов 27 декабря 1929 г.* // Сталин И. В. Собр. соч. М., 1949. Т. 12. С. 147.

⁶⁷ *... обобщественный скот стал вокруг <... > организованно смирившись без заботы человека.* — Существует предположение о возможной связи эпизода с организованными лошадьми и поэмой Н. Заболоцкого «Торжество земледелия». Ср.: «Там кони — химии друзья — / Хлебали щи из ста молекул, / Иные, в воздухе вися, / Смотрели, кто с планет приехал» (подробнее см.: *Маркштайн Э. Дом и котлован, или мнимая реализация утопии* // А.Платонов: Мир творчества. М., 1994. С. 300).

⁶⁸ *Вышедши на свежий воздух, Чиклин и Воцев встретили активиста — он шел в избу-читальню по делам культурной революции.* — В Постановлении ЦК ВКП(б) «Об избах-читальнях» от 11 ноября 1929 года предлагалось создать «советы изб-читален в составе курсов представителей отдельных организаций и выборных культуполномоченных от всех населенных пунктов района действия изб-читальни». Подразумевалось «освобождение от совместительства их с административной работой» (Справочник партийного работника. М.; Л., 1930. Вып. 7, ч. 2. С. 270–271).

⁶⁹ *...укрепить свое знание в азбуке.* — 17 мая 1929 года ЦК ВКП(б) принимает специальное постановление «О работе по ликвидации неграмотности». В нем указывалось, что к этой работе привлекаются разные слои населения, организуются новые формы: смотр школ, конференции неграмотных и малограмотных, шефство грамотных над неграмотными, вербовка неграмотных в школы; сочетание ликвидации неграмотности со всеми формами массовой политико-нравственной работы; были оговорены сроки: ликвидация неграмотных индустриальных рабочих — в годичный срок, рабочих совхозов и членов колхозов — в двухгодичный; перестройка работы общества «Долой неграмотность» (Справочник партийного работника. М.; Л., 1930. Вып. 7, ч. 2. С. 269–270). 25 июля 1930 года выходит Постановление ЦК ВКП(б) «О всеобщем обязательном начальном обучении». Регламентировалось сочетать обучение грамоте с политико-просветительской работой, так что «политический урок русского языка», проводимый активистом, типичен (ср., напр., упражнения по грамматике, предлагаемые учащимся в «год великого перелома»: «Составьте предложения к словам: Ленинград, Москва, Волга, Днепр, Дон, Урал, Кавказ, Сибирь, Ленин, Калинин, Рыков, Сталин, Крупская» (Новый орфографический справочник: Пособие для школ и самообразования. М.; Л., 1930. С.180)).

⁷⁰ *аллилуйщик* – «(нов. газет. презр.) человек, неумеренным восхвалением существующего положения вещей прикрывающий отрицательные явления и тем мешающий борьбе с ними. (От церк. славословия: аллилуйя, евр. Halleluja — хвалите бога)» (Толковый словарь русского языка / Под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1935. Т. 1. С. 28).

⁷¹ *В храме горели многие свечи <... > но храм был пуст.* — В начале 30-х годов прокатилась новая волна репрессий против церкви и верующих. 8 апреля 1929 года было

принято Постановление Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров «О религиозных объединениях», внесшее существенные ограничения в деятельность церкви. Как и во время кампании первой половины 20-х годов, вновь было вынесено решение о снятии колоколов (которые были использованы для чеканки мелкой разменной монеты (см.: Русская православная церковь и коммунистическое государство (1917 – 1941): Документы и фотоматериалы. М., 1996. С. 245)), запрещения звона во все колокола, закрытии «лишних» храмов (за 1929 год в СССР, по официальным данным, было закрыто 333 церкви, в дополнение к этому возбуждены дела о закрытии 317 церквей (см.: Ответ русской зарубежной церкви на интервью митрополита Сѳргия от 15 февраля 1930 года // Там же. С. 263)) и т. п.

⁷² *Я был поп, а теперь отмежевался от своей души...* — Об официально закреплённом отношении к служителям культов, снявших с себя сан, свидетельствует следующий документ: «Бывшие служители культов <...>, порвавшие с религией и религиозными организациями, снявшие в связи с этим сан и объявившие об этом публично в местах служения или через ближайшую к месту бывшего служения газету, принимаются на учет Биржи Труда и регистрируются отдельно от остальных безработных. <...> Регистрация на Бирже Труда никаких льгот, как безработным, этим лицам не дает, в частности, не дает права на получение пособия по безработице. <...> Указанные лица направляются только на техническую или физическую работу...» (Выписка из протокола № 42/с. Фракции ВКП(б). Заседание от 30 августа 1930 года // Русская православная церковь и коммунистическое государство (1917–1941): Документы и фотоматериалы. С. 284–285).

⁷³ *... чтоб в кружок безбожия приняли.* — Союз воинствующих безбожников (1925–1947). Количество членов союза резко возросло в начале 30-х годов. Так, в 1928 году насчитывалось 8 928 ячеек и 465 498 членов; в 1930 — около 35 000 ячеек и 2 000 000 членов; на 1 января 1931 года — 50 000 и 3 500 000 (Статистические сведения о «Союзе воинствующих безбожников» в СССР и за границей. 1926–1932 годы // Русская православная церковь и коммунистическое государство (1917–1941): Документы и фотоматериалы. М., 1996. С. 273).

⁷⁴ *А я свечки народу продаю — ты видишь, вся зала горит! Средства же скопляются в кружку и идут активисту для трактора.* — Информация о продаже свечей и расходе полученных средств действительно крайне интересовала власти. Осведомители НКВД должны были сообщать об этом (см.: Русская православная церковь и коммунистическое государство (1917–1941): Документы и фотоматериалы. М., 1996. С. 297).

⁷⁵ *Креститься, товарищ, не допускается: того я записываю скорописью в поминальный листок...* — В 1927 году митрополит Сѳргий заявил: «Нам нужно не на словах, а на деле показать, что верными гражданами Советского Союза, лояльными к Советской власти, могут быть не только равнодушные к православию люди, не только изменники ему, но и самые ревностные приверженцы его...» (Декларация Митрополита Сѳргия 29 июня 1927 года // Русская православная церковь и коммунистическое государство (1917–1941): Документы и фотоматериалы. М., 1996. С. 226). Лояльность попа из «Котлована» вполне укладывается в русло этих стремлений.

⁷⁶ *... затесывать в лапу...* — Лапа — шип в конце бревна (спец.) (Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1978. С. 291).

⁷⁷ *для ликвидации класса организуется плот, чтоб <...> кулацкий сектор ехал по речке в море и далее...* — Сплав раскулаченных крестьян по рекам России был реальным фактом. Вспоминая о периоде коллективизации в родной деревне Овсянка, В. П. Астафьев рассказывал: «В 32-м весной всех выгнанных <«кулаков»> пособирали, поместили на плоты и уплавили в Красноярск, а оттуда в Игарку. Как выселяли, помню — память моя уже была острой. Когда стали грузить на плоты, собралась вся деревня. Плакали: кумовья, сваты уезжали... Кто рукавицы нес, кто булку, кто кусок сахара...» (*Астафьев В. П. Моя земная деревушка // Комсомольская правда. 1988. № 110. 12 мая. С. 4*).

⁷⁸ *Вынув поминальные листки и классово-расслоечную ведомость...* — Вопрос, к какой категории должен быть отнесен тот или иной житель деревни, был регламентирован:

«Кулаки были разделены на три категории: первая — контрреволюционный актив: кулаки, активно противодействующие организации колхозов, бегущие с постоянного места жительства и переходящие на нелегальное положение; вторая — наиболее богатые кулаки, местные кулацкие авторитеты, являющиеся оплотом кулацкого антисоветского актива; третья — остальные кулаки. На практике выселению с конфискацией имущества подвергались не только кулаки, но и так называемые подкулачники, т.е. середняки, бедняки и даже батраки, уличенные в прокулацких и антиколхозных действиях.

Главы кулацких семей первой категории арестовывались, и дела об их действиях передавались на рассмотрение спецтроек в составе представителей ПП ОГПУ, обкомов (крайкомов) ВКП(б) и прокуратуры. Кулаки, отнесенные к третьей категории, как правило, переселялись внутри области или края, т.е. не направлялись на спецпоселение.

Раскулаченные крестьяне второй категории и семьи кулаков первой категории выселялись в отдаленные районы страны на спецпоселение, или трудпоселение (иначе это называлось «кулацкой ссылкой», или «трудовай ссылкой»)» (Население России в XX веке: В 3-х т. М., 2000. Т. 1. С. 277).

⁷⁹ *... активист не мог поставить после слова «кулака» запятую, так как и в директиве ее не было.* — М. Золотоносов указал реальные истоки эпизода со спорной запятой. По мнению исследователя, он связан с историей публикации текстов Сталина: «Речь на конференции аграрников-марксистов 27 декабря 1929 г.», где запятая в обороте «кулака как класса» стояла, и статьи «К вопросу о политике ликвидации кулачества как класса», появившейся в «Красной звезде» 21 января 1930 года, где запятой уже не было (подробнее см.: *Золотоносов М. «Ложное солнце»: «Чевенгур» и «Котлован» в контексте советской культуры 1920-х годов // А. Платонов: Мир творчества. М., 1994. С. 273–274*).

⁸⁰ *... после хлебозаготовок...* — Первые директивы ЦК ВКП(б) о хлебозаготовках были даны в декабре 1927 года. В январе 1928 года последовала еще одна — по оценке самого Сталина, «совершенно исключительная как по своему тону, так и по своим требованиям» (*Сталин И.В. Собр. соч. М., 1949. Т.11. С.11*). Согласно этой директиве, к кулакам следовало применять статью 107 закона против спекуляции, принятого в 1926 году.

⁸¹ *Ты в колхозе мужиковской давалкой станешь.* — Намек на обобществление жен как один из типичных доводов для разжигания противоколхозных настроений в патриархальной крестьянской среде.

⁸² *Ликвидировав весь последний дышащий живой инвентарь, мужики стали есть говядину <...> сберечь ее там от обобществления.* — Описываемые

Платоновым события вполне соответствуют действительности, предшествующей голоду 1931–1932 годов: и сами крестьяне, и рабочие на котловане питаются обильной мясной пищей. Коллективизация вызвала массовый убой скота, следствием которого явился переизбыток мяса на рынках. Газеты писали: «Кулак в ответ на бурное колхозное движение огромных бедняцких и середняцких масс крестьянства развернул бешеную агитацию за истребление скота... Городские рынки буквально завалены свежими тушами мяса, которое часто сбывается за бесценок. В весеннюю посевную кампанию области не хватит для вспашки 110 тыс. лошадей» (Воронеж. 1929. 8 янв. Цит. по: Документы свидетельствуют: Из истории деревни накануне и в ходе коллективизации 1927–1932 гг. М., 1989. С. 304).

В ноябре 1930 года было принято Постановление ЦИК и СНК СССР «О мерах против хищнического убоя скота», предусматривавшее штраф в размере до десятикратной стоимости убитого животного по местным заготовительным ценам, конфискацию всего принадлежащего им скота или части его у кулаков и частных скупщиков, уголовную ответственность сроком до двух лет с выселением или без выселения (Документы свидетельствуют: Из истории деревни накануне и в ходе коллективизации 1927–1932 гг. М., 1989. С. 420).

⁸³ *Кузнец качал мехом воздух в горн, а медведь бил человечески молотом...* — события, связанные с образом медведя, работающего помощником кузнеца, возможно, имели реальные основания. Зафиксированы воспоминания брата писателя Семена Платоновича Климентова о том, что в одной из кузниц Ямской слободы работал молотобойцем медведь (*Ласунский О. Житель родного города. Воронеж, 1999. С. 26*).

В русских народных сказках медведь имеет человеческое имя и отчество (Михайло Иванович), рассказчик, говоря о медведе, нередко называет его «мужик-серячок», медведь часто работает вместе с мужиком, исполняя многие крестьянские обязанности (Русские народные сказки А. Н. Афанасьева: В 3-х т. М., 1957. Т. 1. № 24, 40, 45, 46 и др.).

⁸⁴ *... по морям: нынче здесь, а завтра там...* — Припев русской народной песни, ставшей популярной в конце XIX– начале XX в. Слова песни — переработка неизвестным автором куплетов из драмы Василия Степановича Межевича (1813–1849) «Артур, или Шестнадцать лет спустя» (1838). У Межевича: «Я моряк... хорош собою, / Мне лишь двадцать лет: / Полюби меня душою... / Что ж она в ответ? / По волнам, по морям, — / Нынче здесь, завтра там!» (см.: *Душенко К. В. Словарь современных цитат. М., 1997; Застольные песни. Частушки / Сост. К. и Д. Солердовские. М., 1999 и др.*).

⁸⁵ *Вот уже кулацкий речной эшелон <...> классового врага* — По сведениям ОГПУ за 1930–1931 годы на спецпоселение было отправлено 381 173 семьи общей численностью 1 803 392 человека (Население России в XX веке: В 3-х т. М., 2000. Т. 1. С. 277). В августе 1930 года вышло постановление СНК РСФСР «О мероприятиях по проведению спецколониализации в Северном и Сибирском краях и Уральской области».

⁸⁶ *... заготовляйте ивовое корье!..* — Разного рода кампании по заготовке «природных объектов» были обычным явлением. Например, в ноябре 1929 года воронежская «Коммуна» выдвигала лозунг: «Тину из прудов и озер — на бумажные фабрики! Спящие в прудах и озерах миллионы должны быть разбужены!» (Коммуна. 1929. 10 ноября).

⁸⁷ *пора уж целыми эшелонами население в социализм отправлять, а ты все узкими масштабами стараешься* — Можно предположить переключку со статьей И.В. Сталина «Год великого перелома», в которой говорится о том, что в колхозы «идут крестьяне

не отдельными группами, как это имело место раньше, а целыми селами, волостями, районами, даже округами» (*Сталин И.В. Собр. соч. М., 1949. Т.12. С. 132*).

См. также примеч. 80.

⁸⁸ *ВСНХ* — Высший совет народного хозяйства.

В постановлении ЦК ВКП(б) «О реорганизации управления промышленностью» от 5 декабря 1929 года этому органу приписывались следующие функции: «составление производственно-финансовых планов развития промышленности и ее технической реконструкции, увязка работ отдельных отраслей промышленности, разработка главных директив в области текущего планирования и регулирования промышленностью, контроль за их выполнением, укомплектованием и инструктированием хозорганов» (*Справочник партийного работника. М.; Л., 1930. Вып. 7, ч. 2. С. 175*).

⁸⁹ ...*в лежащей директиве отмечались маложелательные явления перегибщины, забеговщества, переусердщины...* — 2 марта 1930 года в «Правде» была опубликована статья Сталина «Головокружение от успехов», где наряду с утверждением в качестве «основного звена колхозного движения» сельскохозяйственной артели, подразумевающей «обобществление только основных средств производства, главным образом, по зерновому труду» отмечалось:

«Можно ли сказать, что эта установка партии проводится в жизнь без нарушений и искажений? Нет, нельзя этого сказать, к сожалению. Известно, что в ряде районов СССР, где борьба за существование колхозов далеко еще не закончена и где артели еще не закреплены, имеются попытки выскочить из рамок артели и перепрыгнуть сразу к сельскохозяйственной коммуне. Артель еще не закреплена, а они уже “обобществляют” жилые постройки, мелкий скот, домашнюю птицу, причем “обобществление” это вырывается в бумажно-бюрократическое декретирование, ибо нет еще налицо условий, делающих необходимым такое обобществление. <...> Спрашивается, кому нужна эта головокружающая “работа” по сваливанию в одну кучу различных форм колхозного движения? Кому нужно это глупое и вредное для дела забегание вперед. <...>

Один из таких ретивых “обобществителей” доходит даже до того, что дает приказ по артели, где он предписывает “учесть в трехдневный срок все поголовье домашней птицы каждого хозяйства”, установить должность специальных “командиров по учету и наблюдению”, “занять в артели командные высоты”, “командовать социалистическим боем, не покидая постов” и — ясное дело — зажать всю артель в кулак. <...>

Я уже не говорю о тех, с позволения сказать, “революционерах”, которые дело организации артели начинают со снятия с церквей колоколов. Снять колокола, — подумаешь какая ррреволюционность!<...>

Чтобы выправить линию нашей работы в области колхозного строительства, надо положить конец этим настроениям» (*Сталин И. В. Собр. соч. М., 1949. Т. 12. С. 198–199*).

⁹⁰ ...*есть ли что после колхоза и коммуны...* — Вопрос о переходе к колхозу и затем к коммуне получил особое освещение в «Ответе товарищам колхозникам» И. В. Сталина, опубликованном в «Правде» 26 апреля 1930 года, последовавшем за статьей «Головокружение от успехов» (2 марта 1930 года) и Постановлением ЦК ВКП(б) «О борьбе с искривлениями партлинии в колхозном движении» (появилось в «Правде» 15 марта 1930 года).

Речь в нем шла о невозможности скоропалительного перехода к сельскохозяйственной коммуне, предпочтение отдавалось артели как основной форме организации, наиболее понятной крестьянам.

Здесь же получила развитие мысль, которую А. Платонов обыгрывает во фразе «актив колхоза имени Генеральной Линии уже забежал в левацкое болото правого оппортунизма»:

«Пятый вопрос. Какая у нас главная опасность, правая или “левая”?»

Ответ. Главная опасность у нас сейчас правая. Правая опасность была у нас и остается главной опасностью.

Не противоречит ли это положение известному тезису в постановлении ЦК от 15 марта 1930 года о том, что ошибки и искривления “левых” загибщиков являются теперь главным тормозом колхозного движения? Нет, не противоречит. Дело в том, что ошибки “левых” загибщиков в области колхозного движения являются такими ошибками, которые создают благоприятную обстановку для усиления и укрепления правого уклона в партии. Почему? Потому, что эти ошибки изображают линию партии в превратном свете, — стало быть, они облегчают дело дискредитации партии, — следовательно, они облегчают борьбу правых элементов против руководства партии. Дискредитация партийного руководства есть та самая элементарная почва, на базе которой только и может разыгаться борьба правых уклонистов против партии. Эту почву дают правым уклонистам “левые” загибщики, их ошибки и искривления. Поэтому, чтобы бороться с успехом с правым оппортунизмом, надо преодолеть ошибки “левых” оппортунистов. “Левые” загибщики являются объективно союзниками правых уклонистов.

Такова своеобразная связь между “левым” оппортунизмом и правым уклонизмом.

Этой связью и нужно объяснить тот факт, что некоторые “левые” частенько поговаривают о блоке с правыми. Этим же нужно объяснить то своеобразное явление, что одна часть “леваков”, вчера еще “проводившая” ура-наступление и пытавшаяся коллективизировать СССР в каких-нибудь две-три недели, сегодня впадает в пассивность, опускает руки и благополучно уступает поле борьбы правым уклонистам, ведя, таким образом, линию на действительное отступление (без кавычек!) перед кулачеством.

Особенность переживаемого момента состоит в том, что борьба с ошибками “левых” загибщиков является у нас условием и своеобразной формой успешной борьбы с правым оппортунизмом» (*Сталин И. В. Собр. соч. М., 1949. Т. 12. С. 217–218*).

Значимы представляется и тот факт, что в данном выступлении вождя особой критике подверглось ускорение темпов коллективизации именно в Центральночерноземной области.

⁹¹ *...потом протрогал весь скелет до ступней, — она вся была еще цела, только самое тело исчезло и вся влага высохла.* — Описание останков Юлии может быть сопоставлено с феноменом нетления мощей христианских святых. В данном случае речь идет не о сохранении тела в целом, но только о сохранности костей. Быстрое разрушение плоти при сохранении костей считается признаком святости, например на Св. Горе Афон.

⁹² *...протяжно спускали пар свайные копры...* — Копер — устройство для забивания свай при помощи движущейся на канате чугунной бабы (*Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1978. С.270*).

**МАТЕРИАЛЫ
ТВОРЧЕСКОЙ ИСТОРИИ**

Динамическая транскрипция рукописи «Котлована»

Ставшее уже традиционным определение хранящейся в архиве ИРЛИ рукописи «Котлована» как «черновик» повести представляется в настоящий момент не только недостаточным, но и в известной степени неверным. Равным образом эту рукопись можно воспринимать и как «беловик» (хотя бы уже на том основании, что никакого иного беловика в природе не существовало и именно с нее делался машинописный набор) или видеть в ней своего рода текст *in statu nascendi*. Здесь все зависит от того, что берется за отправную точку и как определяются приоритеты.

При установке на текстуальную фиксированность и завершенность (т. е., в нашем случае, руководствуясь последним слоем авторской правки) в фокусе оказывается конечный «отфильтрованный» текст со всеми характерными особенностями именно «беловика»: замкнутость, статичность, иерархия структур, линейность, однонаправленность.

При установке на сам «процесс письма», на выявление динамики замысла, где становятся одинаково значимыми все слои правки и все варианты (в том числе и нереализованные или исключаяющие друг друга), — акцентируются прямо противоположные качества текста: его открытость, динамичность, нелинейность, отсутствие жестких иерархий, варибельность. Преобладающее значение в этом подходе получают как раз «черновики» — совокупность материалов, хронологически и стадияльно предшествующих тексту и системно с ним связанных (записные книжки писателя, первоначальные наброски, варианты и т. д.). Рассмотрение под этим углом рукописи «Котлована» с характерной для нее размытостью границ между «черновиком» и «беловиком» может принести особенно интересные результаты.

Уникальность этой рукописи определяется тем, что, за исключением некоторых предварительных записей и набросков, с одной стороны, и завершающего этапа правки машинописи, с другой, она практически в полном объеме отражает динамику становящегося текста. Передать с максимальной точностью это движение текста и являлось задачей настоящей работы.

Платоновский рукописный текст развивается как ряд непрерывных и взаимосвязанных метаморфоз. Вычеркивая и объединяя, оставляя отдельные «окошки», «островки» невычеркнутого текста из различных слоев правки, присоединяя к ним новые блоки и вновь прибегая к вычеркиваниям, Платонов конструирует из всего этого материала всякий раз нечто новое, неожиданное. Характер его письма «монтажен» по преимуществу. Платоновский текст здесь принципиально не может быть расслоен на ряд редакций или вариантов. Но можно проследить этот путь по «следу», который оставляет текст в своем движении. Основным ориентиром, главной координатой становится здесь время или иных текстовых изменений.

Во всех случаях текстовой правки приводится не только первоначальный и окончательный вариант, но фиксируются все метаморфозы, которые претерпевает текст на этом пути. Подготовленный согласно этим принципам текст не нуждается в дополнительном текстологическом комментарии традиционного типа – текст сам себя описывает и комментирует. Подстрочный комментарий используется лишь для описания тех реалий текста, которые остаются не выраженными графически средствами транскрипции.

Предлагаемая транскрипция, таким образом, не является наборным подражанием рукописи «полуфаксимильного» типа. Она не имитирует рукописный лист, а реконструирует запечатленный в нем процесс рождения текста.

В транскрипции используются следующие условные обозначения:

1. Текст автографа, не подвергавшийся правке, набирается прямым простым шрифтом. Этот шрифт является основным в полиграфическом наборе транскрипции: им набирается основная (большая) часть текста, на его фоне оформляются все текстовые выделения.

2. *Зачеркнутый текст* набирается светлым курсивом той же гарнитуры и заключается в прямые скобки []. Для обозначения прежде вычеркнутых фрагментов, оказавшихся в пределах такого участка текста, применяются курсивные скобки [].

3. **Вставленный текст первого слоя рукописной правки** набирается полужирным прямым той же гарнитуры. С учетом особенностей платоновской правки это могут быть слова, не только надписанные над строкой или подписанные, но также дописанные на полях или вписанные в промежутки между словами. Таким же образом выделяются слова, образованные в результате прямых исправлений в тексте, без вычеркиваний и вставок (переправленные слова). При этом первоначальная форма слова обозначается курсивом. Применение сочетания прямого шрифта и курсива (в вычеркнутом тексте) и, соответственно, прямого и полужирного – во вставленном позволяет наряду с движением текста передать и способ осуществления правки (изменение флексии, присоединение префикса и т. п.). Прямой простой шрифт будет отмечать здесь невычеркнутую часть слова или участок текста, используемые в различных его слоях.

4. **Вставленный текст второго слоя рукописной правки** набирается полужирным прямым другой гарнитуры. В данном наборе применен более плотный шрифт без засечек гарнитуры «Agial». Таким образом, переходу в рукописи от одного слоя правки к другому в транскрипции соответствует увеличение плотности, «черноты» печатного знака.

5. *Вычеркнутая вставка первого слоя рукописной правки* набирается полужирным курсивом основной гарнитуры, который удобно рассматривать как комбинацию шрифтов 3 и 2, и заключается в прямые скобки.

6. *Вычеркнутая вставка второго слоя рукописной правки* набирается полужирным курсивом гарнитуры “Agial” (комбинация шрифтов 4 и 2) и заключается в прямые скобки.

7. **Описки**. Не исправленные автором описки (равно как и все прочие встречающиеся в тексте отклонения от «нормативного» написания) сопровождаются в транскрипции пометой <sic>.

В случаях, когда описки были исправлены автором, воспроизводятся только те из них, при исправлении которых применялись вычеркивания, вставки или их комбинации. В транскрипции не приводятся описки, исправленные непосредственно в самих словах, где они были сделаны, — без вычеркиваний и вставок (переправленные слова).

Большинство исправлений, как правило, делалось непосредственно в процессе самого письма: Платонов предпочитал просто перечеркнуть слово, в котором возникла описка,

и написать его заново. Здесь, помимо легко воспроизводимых и, главное, легко воспринимаемых именно как описки случаев (пропуск букв, перестановка слогов, букв и т. п.), нередко встречаются случаи слияния на письме букв в невоспроизводимые в наборе «лигатуры», когда конечная черта одной составляет одновременно начальную другой. В подобных случаях вычеркнутое слово (или часть слова, если оно не было дописано) приводится в транскрипции без искажений, но в его наборе применяется курсив пониженного кегля (*petit*). Делается это с целью различить в наборе простое исправление описок от внешне похожих случаев, отражающих авторские колебания в выборе слова. Часто в ходе работы Платонов вычеркивал только что написанное слово, но затем снова возвращался к нему, записывая его повторно. Вычеркнутое и после определенных колебаний восстановленное вновь слово получало в результате некую дополнительную модальность, тем самым как бы подтверждалась неслучайность (или даже вынужденность) выбора именно этого слова. Применение в транскрипции наряду с обычным курсивом еще и пониженного призвано, таким образом, разделить эти два случая.

Петит применяется также в подстрочных примечаниях, тогда как цитируемый в них авторский текст набирается другим кеглем, приближенным к размеру основного шрифта.

- Текст на вставных листах вводится отдельным текстовым блоком (в разрез корпуса текста основного листа) и заключается в рамку. Использование нешрифтового способа выделения текста позволяет сохранить здесь в качестве основного простой шрифт.

- Астериск *, которым отмечена в транскрипции вставка, указывает на особое время (этап) проведения этой правки. Основанием для подобного заключения служат разного рода пометы на полях и в самом тексте: подчеркивания, вопросительные знаки, цифры перенумерации, значки, отмечающие необходимость произвести вставку, перестановку, замену и т. п., — вплоть до прямых указаний, в каком направлении следует проводить правку.

- Переход с одного листа на другой обозначается в тексте двумя вертикальными черточками ||. Номер очередного листа (в авторской пагинации) указывается на полях справа.

- **Z** Обозначает начало абзаца. В ходе правки рукописи Платонов отмечал этим значком внесение в текст абзацного отступа. В тех случаях, когда автор, наоборот, снимает деление на абзацы, место удаленного абзацного отступа обозначается транскрипционным знаком <Z> и заключается в прямые скобки.

- Помета <sic> применяется в тех случаях, когда необходимо подтвердить, что данное в транскрипции написание точно соответствует рукописному тексту, — будь то явные описки или устойчивые авторские написания некоторых слов, случаи использования старых грамматических форм или сознательное применение автором орфографического «сдвига».

Исключение сделано для нескольких, наиболее часто повторяющихся слов, которые по этой причине в транскрипции не отмечаются: *близь, итти, отверзтый (разверзтый), попрержнему, проэкт (проэктировать), чорт*. К той же категории исключений относятся дефисные написания частиц, а также многочисленные случаи субстантивации наречий (*в даль, в глубь, с низу, по низу* и т. д.), которые могут рассматриваться в русле общей платоновской тенденции к «оживлению» этимологии. Не отмечаются в транскрипции и формы написаний, передающие особенности речи персонажей: *ежли, наверняк, нутрё, почерчи, прынцип, терела, все до чиста* и т. д.

- Неразборчивые места в тексте обозначаются условным сокращением <нрзб>. В абсолютном большинстве случаев это несколько начальных букв недописанного и вычеркнутого автором слова. Если же непрочитаемый участок текста составляет целое слово (и более), то в условное обозначение такого фрагмента вводится указание его величины: <1 слово нрзб>.

- Особое место в транскрипции занимают маргиналии. Только помет в виде записей на полях насчитывается в рукописи около 150 (на 220 страниц текста). Пометы эти касаются внесения необходимых текстовых изменений в пределах одной фразы или на уровне сверхфразовых единств, а также намечают введение новых тем или реаранжировку отдельных фрагментов текста. Особый интерес представляет наиболее многочисленная группа маргиналий, являющихся своего рода элементами прототекста «Котлована» и имеющих первостепенное значение для понимания генезиса текста и его динамики. Местоположение маргиналий фиксируется на полях слева (иное их расположение в тексте отмечается в сносках особо) и обозначается аббревиатурой *n. m.* (от фр. *la note marginale* — помета на полях). Несколько маргиналий, данных в пределах одного листа авторской пагинации, помечаются номерными индексами. Расшифровка помет приводится в подстрочном комментарии только в случае бесспорности их прочтения. Если запись на полях располагается в несколько строк и нет полной уверенности в том, что все ее части написаны в один прием и образуют смысловое целое, то при ее воспроизведении границы отдельных строк отмечаются косой линией. В ряде случаев косая линия заменяет знаки препинания, отсутствующие в маргиналиях. Пометы иного рода находят свое отражение в подстрочном комментарии или в самом тексте транскрипции (см. *астериск*).

- В транскрипции воспроизводятся (или оговариваются особо в подстрочном комментарии) реалии рукописного текста, отражающие процессуальность письма: подчеркивания в тексте и знаки вопросов, свидетельствующие об авторских сомнениях и колебаниях в выборе, пометы, указывающие на намерение автора продолжить или переделать фразу, произвести перестановку, замену и т. д. В то же время в транскрипции не приводятся случаи, когда отдельные участки текста дублируются в верхнем слое рукописи с целью достичь большей ясности правки и удобочитаемости текста при его перепечатке. Внешне напоминающие случаи текстовой правки, подобные реалии, однако, не отражают движения текста как такового и относятся скорее к технической стороне изготовления машинописной копии. По этой причине они в транскрипции не воспроизводятся и никак не оговариваются.

- Все остальные знаки — в том числе изменение характера разбивки текста, подчеркнутые слова, слова, отмеченные знаком ударения, и проч. — точно соответствуют знакам автографа.

Андрей Платонов.

Котлован.

Повесть.

п.п. В день тридцатилетия жизни Вощеву дали расчет с небольшого 1
механического завода, где он добывал средства для своего [существо-
вания] существованья. В увольнительном документе ему написали, что
он устраняется с производства вследствие роста слабосильности в нем
и задумчивости среди общего [потока] темпа труда.

Вощев взял на квартире вещи в мешок и вышел наружу, чтобы на
воздухе лучше понять свое [положение на воздухе] будущее. [Во] Но
воздух был пуст, неподвижные деревья бережно держали жару в листь-
ях<,> и [тихо] скучно лежала пыль на безлюдной дороге [<1 слово нрзб>.
В], – в природе было тихое положение; Вощев не знал, куда его влечет,
и [прислонился] облокотился в конце города на низкую ограду одной
усадьбы, в которой [тру] приучали бессемейных детей к труду и пользе.
Дальше город прекращался, – там была лишь пивная для отходников
и низко-оплачиваемых категорий, стоявшая, как учреждение, без вся-
кого двора, а за пивной возвышался глиняный бугор<,> и старое дерево
росло на нем, одно среди [мира и мучений погоды.] [всей] светлой
погоды. Вощев добрёл до пивной и вошел туда на искренние челове-
ческие голоса [людей]. Здесь были невыдержанные люди, предававши-
еся забвению своего несчастья, и Вощеву стало глуше и легче среди них.
Он присутствовал в пивной до вечера, пока не || зашумел ветер меня- 2
ющейся погоды; тогда Вощев подошел к открытому окну [и], чтобы
заметить начало ночи, и увидел дерево на глинистом бугре – оно кача-
лось от невзгоды<,> и с тайным стыдом [подворачивались] заворачива-
лись его листья. Где-то, наверно в саду совторгслужащих, томился духовой

Помета (указание машинистке) в верхнем правом углу листа: 4 экз. на одной сторо-
не листа. К этому же времени, очевидно, относится и появление имени автора в титульной
части листа (дописано на полях слева).

оркестр [*и*] *его*]; однообразная, несбывающаяся музыка уносилась ветром в природу через приовражную пустошь. Воцев слушал музыку с наслаждением надежды, потому что ему редко полагалась радость, но ничего не мог совершить равнозначного музыке и [*сидел свое*] проводил свое вечернее время неподвижно. После ветра опять настала тишина<, > и ее покрыл еще более тихий мрак. Воцев сел у окна, чтобы наблюдать нежную тьму ночи, слушать разные грустные звуки и мучиться сердцем, окруженным жесткими каменистыми костями.

[– *Гражданин!*]

– Эй, пищевой! – раздалось в уже [*смолкшей пивной*] смолкшем заведении. – Дай нам пару кружечек – в полость налить!

Воцев [*уже*] давно обнаружил, что люди в [*пивные*] пивную [*люди*] всегда [*ходили*] приходили парами, как женихи и невесты, а иногда – целыми дружными свадьбами.

Пищевой служащий на этот раз пива не подал, и двое пришедших [*рабочих*] кровельщиков вытерли фартуками жаждущие рты.

– Тебе, бюрократ, рабочий человек одним пальцем [*приказывает*] должен приказывать, а ты гордишься! ||

Но [*служащий*] пищевой берег свои [*нервные*] силы от служебного 3 износа для [*семейной*] личной жизни и не вступал в разногласия.

– Учреждение, граждане, закрыто [*Рекомендую затем*] Займитесь: займитесь чем-нибудь на своей квартире.

[– *Ну чем*]

[*Мастеров*]

Кровельщики взяли с блюдечка в рот по соленой сушке и вышли [*прочь*] прочь. Воцев остался один в пивной.

– Гражданин! Вы [*требовали одну*] требовали только одну кружку, а сидите здесь бессечно! Вы платили за напиток, а не за помещение!

Воцев [*подобрал*] захватил свой [*узел*] мешок и [*вышел*] отправился в ночь. [*Сила*] [*Счастливые звезды*] Вопрошающее небо светило над Воцевым мучительной силою звезд [*<Z>*] – *Вы горите там не зря, – прошептал Воцев*], но в городе уже были потушены [*все*] огни<, > и, кто имел возможность, тот спал, наевшись ужином. Воцев спустился по крошкам земли в овраг и лег там животом вниз, чтобы [*не видеть ночного сияния*] уснуть и расстаться с собою. Но для сна нужен был покой ума, доверчивость его к жизни, [*а Воцев не чувствовал*] прощение прожитого горя, а Воцев лежал в сухом напряжении сознательности и не знал – [*необходимы ли звезды,*] полез ли он [*сам*] в мире, – или все без [*них*] него благополучно обойдется? Из неизвестного места подул ветер, чтобы люди не задохнулись, и слабым голосом сомнения дала знать о своей службе пригородная <sic> собака.

– Скучно собаке [*в*] *едва-ли она чувствует смысл жизни.*]; она живет благодаря одному рождению, как и я. [*Надо бы || пойти, дать ей кусочек.*] 4

Тело Воцева побледнело [*захолодилось от усталости*] от усталости, он почувствовал холод на [*<нрзб>*] веках и [*закрыл ими <1 слово нрзб>*] [*опустил их на*] закрыл ими теплые глаза.

разрыв:
пропуск в 4-5 стр.<ок>

разрыв

Пивник уже [*проверт*] [*проветривал*] освежал свое заведение, уже волновались кругом ветры и травы от солнца, когда Вощев с сожалением открыл [*на*] налившися влажной силой глаза. Ему [*вновь*] снова предстояло жить и питаться, поэтому он пошел в завком – защищать свой ненужный труд.

– Администрация говорит, что ты стоял и думал среди производства, – сказали [*Вощеву*] в завкоме. – О чем ты думал, товарищ Вощев?

– О плане жизни.

– Завод работает по готовому плану треста. А план личной жизни ты мог-бы прорабатывать в клубе или красном уголке.

– Я думал о плане общей жизни. Своей жизни я не боюсь, [–] она мне не загадка.

– Ну и что-ж ты бы мог сделать?

– Я мог выдумать что-нибудь, вроде счастья, а от душевного [*настроения*] смысла улучшилась бы производительность.

– Счастье произойдет от материализма, товарищ Вощев, а не от смысла. Мы тебя отстоять не можем, ты [*от*] человек несознательный, а мы [*в хвосте*] [*на хвосте масс*] не желаем очутиться в хвосте масс.

Вощев хотел попросить какой-нибудь || самой слабой работы, чтоб 5 хватило на пропитание: думать-же он будет во внеурочное время; но для просьбы нужно иметь [*уважен*] уважение к людям, а Вощев не видел от них чувства к себе.

– Вы боитесь быть в хвосте [, и [*сели*] <1 слово нрзб>]: он – конечность, и сели на шею!

– Тебе, Вощев, государство дало лишний час на твою задумчивость – работал восемь, теперь семь – ты бы и жил-молчал! Если все мы сразу задумаемся, то кто действовать будет?

– Без думы люди действуют бессмысленно! – произнес Вощев в размышлении.

Он ушел из завкома без помощи. Его пеший путь лежал среди лета, по сторонам строили дома и техническое благоустройство – в тех домах будут безмолвно существовать донныне неприютные <sic> массы. Тело Вощева было равнодушно к удобству, он мог жить, не изнемогая, в открытом месте и томился своим несчастьем во время сытости, в дни покоя на [*прошлой*] [*оставленной*] прошлой квартире [, он не]. Ему еще раз пришлось миновать пригородную <sic> пивную, еще раз он посмотрел на место своего ночлега – там [*уже*] осталось что-то общее с его жизнью, и Вощев очутился в пространстве, где был [*лишь горизонт*] перед ним лишь горизонт и ощущение ветра в склонившееся лицо.

Через версту стоял дом шоссеного надзирателя. Привыкнув [*в*] к пустоте, надзиратель громко ссорился с женой, а женщина сидела

п.п. у открытого окна с [мальчиком] ребенком на коленях и отвечала мужу ||
возгласами брани; сам-же [сидел] ребенок молча щипал оборку своей 6
рубашки, понимая, но ничего не говоря. [Это удивило [и] Вощева] [Э]
Это терпение ребенка ободрило Вощева, он увидел, что мать и отец
не чувствуют смысла жизни, и раздражены, а ребенок живет без [упрек]
упрека, вырастая <sic> себе на мученье. Здесь Вощев решил напрячь
свою душу, [чтобы] не жалеть тела на работу ума, с тем чтобы вскоре
вернуться к дому [шоссейного] дорожного [надзир] надзирателя и рас-
сказать [ос] осмысленному ребенку [сущность] тайну жизни, все время
[забываемой жизни] забываемую его родителями. “Их тело [работает]
сейчас блуждает автоматически, – наблюдал родителей Вощев, –
сущности они не чувствуют”.

– Отчего вы не чувствуете сущности? – спросил Вощев, обратясь
в окно. – У вас ребенок живет, а вы ругаетесь, он-же [<вар.:> может
он] [бог истории] весь свет родился окончить*.

Муж и жена со страхом совести, скрытой за злобностью лиц, глядели
на [путника] свидетеля.

– Если вам нечем спокойно существовать, вы бы почитали своего
ребенка[:], –] – вам лучше будет.

– [Тебе] А тебе чего тут надо? – со злостной тонкостью¹ в голосе
спросил надзиратель дороги. – Ты идешь и иди, для таких и дорогу
замостили...

[–] Вощев стоял среди пути, не решаясь. Семья ждала, пока он
уйдет [,] и [была] держала [молчание] свое зло в запасе.

– Я бы ушел, но мне некуда. Далеко [т] здесь до другого какого-
нибудь города?

– Близко, – ответил надзиратель, – если не будешь стоять, то дорога
доведет.

– А вы – чтите своего ребенка, – сказал Вощев, – || когда вы умрете, 7
то он будет[...].

[И Во] Сказав эти слова, Вощев отошел от дома надзирателя на
версту и там сел на край канавы; он почувствовал сомнение в своей
жизни и слабость тела без истины, он не мог дальше трудиться и сту-
пать по дороге, не зная точного устройства всего мира [.] и того, куда
надо стремиться. Истомившись размышлением, Вощев лег в пыль-
ные, проезжие травы; было жарко, [мимо его <sic> проезжали] дуд
дневной ветер<, > и где-то кричали петухи на деревне, – все [было
предано] предавалось безответному существованию, один Вощев отде-
лился и молчал. Умерший, [павш] палый лист лежал рядом с головою
Вощева, [<нрзб>] его принес ветер с дальнего дерева, и теперь этому
листу предстояло смирение в земле. Вощев подобрал отсохший лист
и спрятал его в тайное отделение мешка, [куда он пр] где он сберегал
всякие предметы несчастья и безвестности. “Ты не имел смысла

Запись на полях листа 6: Ускорить <1 слово нрзб>

¹ Слово подчеркнуто и отмечено вопросительным знаком на полях. Позже все эти пометы на полях и в тексте были вычеркнуты, а само слово ТОНКОСТЬЮ еще раз жирно обведено карандашом. (Пометы отражают авторские колебания).

житья, – [с *бережностью тайного*] со скупостью сочувствия [*полагал*] полагал Вошев, – лежи здесь, я узнаю, за что ты жил и погиб. Раз ты никому не нужен, и валяешься [*сре*] среди всего мира, то я тебя буду хранить и помнить”.

– Все живет и терпит на свете, ничего не сознавая [; *как будто кто-то один*], – сказал Вошев [*в поле*] близь дороги, и встал, чтоб итти, окруженный всеобщим терпеливым существованьем. – Как будто кто-то один или несколько немногих извлекли из нас убежденное чувство, и взяли его себе.¹

Он шел по дороге до изнеможения; изнемогал-же Вошев скоро, как только его душа вспоминала, || что [истина] истину она [*не знает*] перестала знать.² 8

Но уже был виден [*город*] город вдалеке, дымились его кооперативные пекарни[,] и вечернее солнце освещало пыль над домами от движения населения. Тот город начинался кузницей, [*– против нее*] и в ней во время прохода Вошева чинили автомобиль [*<1 слово нрзб>*] от бездорожной езды. Жирный калека стоял подле [*конско*] коновязи и обращался к кузнецу:

– Мишь <sic>, [*дай*] насыпь табачку: опять [*крышу*] замо́к ночью сорву!

Кузнец не отвечал из под <sic> автомобиля. Тогда увечный толкнул его [*железным*] костылем в зад:

– Мишь <sic>, лучше брось работать – насыпь: [*в уб*] убытков наделаю!

Вошев приостановился около калеки, потому что по улице двинулся из глубины города строй детей-пионеров, с уставшей музыкой впереди.

– Я-ж вчера тебе целый рубль дал [*и на прошлой неделе костыли отков*], – сказал кузнец. – Дай мне покой [*на*] хоть на [*д*] неделю! А то я терплю-терплю, [*вытью –*] и костыли твои пожгу!

– Жги, – согласился инвалид. – Меня ребята на тележке доставят – крышу с кузни сорву!

Кузнец отвлекся видом детей и, добрея, [*отсыпал*] насыпал увечному табаку в [*кисеть*] кисет:

– Грабь, саранча!

Вошев обратил внимание, что у калеки не было ног – одной совсем, а вместо другой находилась деревянная приставка; держался || изувеченный [*больше*] опорой костылей [*и напряже*] и подсобным напряжением деревянного отростка правой отсеченной ноги. Зубов у инвалида не было никаких, он их сработал начисто на [*пищ*] пищу, зато наел громадное лицо и тучный остаток туловища; его коричневые [*глаза*] наблюдали [*наблю*] наблюдали, [*слабо*] [*узко*] [*медленно*] скупно отверзтые глаза наблюдали [*с жадностью*] посторонний для них мир с жадностью [*злобы*] [*неравенства*] обездоленности, с тоской скопившейся страсти *, 9

Запись на полях листа 8: калека

¹⁻² Ко времени появления этих вставок – см. маргиналии 208 листа (1-я запись).

Запись на полях листа 9: глядит

а во рту его [терли] терлись десна <sic>, [[произнося] шепотом] произнося неслышимые мысли [для одного] безногого.

Оркестр пионеров, отдалившись, заиграл музыку молодого похода. Мимо кузницы, с сознанием важности своего будущего, ступали точным маршем босые девочки [в матросках и красных беретах]; [их те] [их слабые] их слабые, мужающие тела были одеты в матроски, [[а] поверх задумчив] на задумчивых, внимательных [и веселых] головах вольно возлежали [береты] красные береты <,>и их ноги были покрыты пухом юности. Каждая девочка, двигаясь в меру общего строя, улыбалась от [сознания серв] чувства своего значения, от сознания серьезности [зреющей] [наполняющейся] [скопляющейся] сжимающейся в ней жизни, необходимой для непрерывности строя и силы похода. Любая из этих пионерок родилась в то время, когда [нрзб] в полях лежали мертвые лошади [гражда] социальной войны, и не все [они] пионеры имели кожу в час своего происхождения, потому что их матери питались лишь запасами || собственного тела; поэтому [трудность немоци] [у] [труд] 10 на лице каждой пионерки [была] осталась трудность немоци [пер] ранней жизни, скудость тела и красоты выраженья. Но счастье детской дружбы, [взаимная бережливость,] осуществление будущего мира в игре юности и достоинство своей строгой свободы [обозначали] обозначили на детских лицах важную радость, [заменявшую] [заменявшую] заменившую им красоту и домашнюю упитанность.

п.п. Вощев стоял с робостью перед глазами [этого] шествля [будущего, лучшего поколения] этих неизвестных ему [детей], взволнованных детей; он стыдился, что пионеры<,> наверное<,> знают и чувствуют больше его, потому что дети [-], это – [будущее лучшее время] [б] время, созревающее в свежем теле, а он, Вощев, [устраиваются] устраивается [спешищим] спешащей, действующей [юностью] молодостью в тишину безвестности, как [ошибочная] тщетная попытка жизни добиться своей цели [ее достигнут]. И Вощев почувствовал стыд и энергию – он захотел немедленно открыть всеобщий, долгий смысл жизни, чтобы жить впереди детей, быстрее их смуглых ног, наполненных твердой нежностью.

Одна [ли] пионерка [вышла] выбежала из рядов в прилегающую к кузнице ржаную ниву [– там рос василек, который был цветком и вредителем хлебного колоса; за [это [его пионерка]] вредительство девочка его сорвала [, но сохранила] (настолько она была уже сознательна), а за другое – сохранила у себя за пазухой. Во время действия пионерки Вощев и калека] и там сорвала потребное себе растение. Во время своего действия маленькая женщина нагнулась, обнажив родинку на опухающем теле, и с легкостью неопутимой || силы 11 исчезла мимо, оставляя сожаление в двух зрителях – Вощеве и калеке. Вощев, ища себе для облегчения равенства, поглядел на инвалида; [тот] у того надулось лицо безвыходной кровью, он простонал звук и пошевелил рукою в глубине кармана. Вощев наблюдал настроение [активного] могучего [урода] увечного, [но] но был рад, что [этой] уроду импе-

Запись на полях листа 10: они лучшая жизнь

риализма никогда не достанутся социалистические дети. [*<Z> – Ты бы глядел глазами*] Однако калека не оставлял взора с конца [*шеств*] пионерского шествия<, > и Вошев побоялся за целостность и непорочность маленьких людей.

– Ты бы глядел глазами куда-нибудь прочь, – сказал он инвалиду. – Ты бы лучше закурил!

– Марш [,] в сторону, указчик! – произнес [*ка*] безногий. [–]

Вошев смиренно не двигался.

– Кому я говорю? – [*повторил к*] напомнил калека. – Получить от меня захотел?!

– Нет, – ответил Вошев. – Я испугался, что ты на ту девочку свое слово скажешь или подействуешь как-нибудь.

Инвалид в привычном мучении [*опустил*] наклонил **свою** большую голову к земле.

– Чего-ж я [*ей*] скажу ребенку, [*стервец*] стервец. <sic> Я гляжу на детей для памяти, потому что помру скоро [*помру*].

– Это<, >наверно<, >на [*капиталистской [войне] бойне*] капиталистском сражении тебя повредили, – тихо проговорил Вошев. – Хотя калекки || тоже стариками бывают, я их видел.

12

[–] Увечный человек обратил свои глаза на Вошева, в которых сейчас было зверство [*его*] превосходящего ума; [*<нрзб>*] увечный вначале даже помолчал от обозления [*на ничего не [пережившим прохожим] пережившего*] на прохожего [,], а потом сказал с медленностью ожесточения:

– Старики такие бывают[: ¹*[к] [полкору] полкорпуса не имеют, а смысл [с собой носят] с собой таскают*], а вот [*калечные таки*] калечных таких<, > как ты<, > – нету.

– Я на войне настоящей не был, – сказал Вошев. – Тогда-б и я [*был*] вернулся оттуда не [*весь целый*] полностью весь.

– Вижу, что ты не был [, *оттого ты*]: откуда же ты дурак! [*Мужик, как*] [*Если*] Когда мужик войны не видал, то он вроде нерожавшей бабы – идиотом живет. Тебя же сквозь скорлупу [*видно*] всего заметно*!

Музыка [*ни*] пионеров отдохнула и заиграла вдали марш движения. Вошев [*во*] [*пошел в этот город жить и*] продолжал томиться[.] и пошел в этот город жить.

разрыв
в 4-5 строк

[*]

разрыв

[*Среди города стояли машины для земледелия, [и] а окружающие люди пробовали их руками за различные устройства, сохраняя [утомление] равнодушие на каждом лице. В гайку одного трактора был*

¹ Первоначально, поставив двоеточие и, очевидно, испытывая затруднение с подбором определения, Платонов прерывает строку на середине. Это оставшееся свободным место он использовал затем уже при окончательной правке всего фрагмента.

вонзен флаг [– в знак осво] торжества – в знак освобождения трудящихся от тягости пахоты [, ибо лошади в районе]. Человек, одетый [из бедности], как в документ, в [техническую форму¹ забытого ведомства] старинно-служебную форму¹ [, как в документ], произносил речь об убогости окрестной жизни и социальной силе бывших механизмов. ||

– Лица присутствующих товарищей крестьян, – говорил [служащий] он, – выражают угрюмость усталости, потому что они живут заочной жизнью. Их смысл всего существования не может выйти наружу, поскольку лошади в нашем районе беспородны и приходится <sic> пахать почти вручную, помогая движению сохи или плуга сзади в упор. А в истощенном теле нет остатка для культурной революции...

[Технический] [А дальше] Дальше [технический] человек указал рукой на тракторы и сообщил:

– Здесь говорили разные звуки про пятилетний план, и многие не видели, что будет впереди. Но если-б я был ребенком, то мне было бы чудно пахать на лошади и жить в одиночку, потому что нынешним детям это будет странно в будущем. Ушедшие отсюда пионеры сумеют [вырости <sic>] отдохнуть на машине и [благодаря отдыху] займутся в своей голове счастьем и [великим] смыслом [души...] всего существования.

Воцев немедленно подошел к этому человеку в старом документе.

[– Мне, товарищ оратор,]

– Вы, товарищ оратор, говорили про смысл жизни, а надо сначала искать истину, без нее смысла чувствовать нельзя. Я тоже мучаюсь, как и вы, только [во мне] я от мысли [нет [ра] трудоспособности] потерял трудоспособность и не знаю, чего мне есть... Если-б я нашел истину, то стал бы самым [дешевым] организованным тружеником, я бы все тело тогда отдал.

Человек [молча] в изношенной одежде молча подумал про Воцева, а потом сказал:

– Я тружусь здесь для забвения в роли агронома, [но] я все [<нрзб>] свое образование трачу на район, но полагаю для спокойствия [, что] сердца, что ближайшему поколению мир || станет общеизвестен.

– Но мне неясно на свете, – сказал Воцев, – я тоскую и не дождусь, когда выростут <sic> пионеры и мне расскажут истину.

– Что делать! – ответил агроном. – Я могу вам помочь лишь обеденной пищей.

– Нет, – отказался Воцев, – у меня нет аппетита, лучше я пойду подумаю.

Агроном не знал, что ему произнести для утешения этого [случайного] нечаянного человека.

– Зачем вы так [нет] [нетерпеливы] горюете? Вы должны ясно догадываться, что смысл [есть] неизбежен, ибо [мир] жизнь в [нем]

¹ Здесь в транскрипции применен вариант записи с повтором отмеченного слова, так как только он дает верное представление о временной последовательности вставок и вычеркиваний.

мире [ра] твердо разворачивается, а [не сокращается] упреждения ее не видно.

– Смысл есть [, – согласилс] постоянно кругом, – согласился Воцев, – но его нет в моем уме, поэтому я все сознаю в какой-то скучной пустоте. Ведь всегда думаешь что-нибудь, – лучше бы нигде не было истины, только в одном уме!

Не слушая ответа, Воцев отошел и стал думать на ходу, [представляя] жалея [об] о напрасно упущенном времени своей жизни. И когда потемнело в природе, он сел на скамейку профсоюзного сада в глубине города, попрежнему не имея счастья истины в себе. Он думал неотлучно, сосредоточившись всей силой крови[,] и тепла между сухими костями головы и холодея [конечност] забытыми конечностями тела. Воцев воображал земной шар и звезды над **ночными** облаками атмосферы, но звезды вблизи, наверное, тоже глухие глинистые места, и там, может быть, сидит существо в овраге и мучается темной мыслью. Сочувствие тому существу [усилило] увеличило печаль Воцева, и он || [не боролс] никогда не одолевал ее; печаль облегчала сознание жизни, потому что [она][делала ее] делала Воцева готовым на любое внезапное страдание, она защищала его своим ровным [мучением от], ожидающим мучением от нарастающей <sic> силы горющего ума. Около полуночи Воцев почувствовал в себе жизнь, **как безмолвную надежду,*** тихо происходящую где-то ниже горла [, как безмолвную надежду,]; но мысль не может промолвить [то] слово **той** жизни и тоскует отдельно в высоте головы, в теснинах твердых костей. Однако, Воцев не жалел мысли, он был рад [, что] и тому, что жизнь его не останавливается, когда [сознание замертвело от] истина безвестна[.]: значит [там [е] есть] в движении телесной теплоты есть [уверенно] чувство смысла, иначе почему-же **так уверенно** работает жизнь, когда **скучная** дума [плачет] скорбит над нею и закрывает ей протоки вперед. Воцев мог теперь вспомнить про **самого** себя – уже было прохладно, [он] хотелось есть, – это явилась жалость к телу и самосохранение; он прилег на скамью для [сна и] экономии измученного туловища и уснул в покое [тьмы] общей тьмы.]

15

разрыв в 5-6 строк

<Вставной лист> 14а

разрыв

До самого вечера молча ходил Воцев по городу, словно в ожидании, когда мир станет общеизвестен. [Но] Однако ему попрежнему [ему] было неясно на свете<,> и он ощущал в темноте своего тела тихое место, где ничего не было, но ничто ничему не препятствовало начаться. Как заочно живущий, Воцев делал свое гулянье мимо людей, чувствуя нарастающую <sic> силу горющего ума. И когда потемнело в природе, он сел на скамейку профсоюзного сада в глубине города, дабы забыться в темной мысли, уединившись в тесноте своей печали; для экономии измученного туловища он прилег на скамейку и уснул в покое [общей] всеобщей ночи.

Вскоре [κ] [*его сп*] на лавку половиной корпуса присела женщина, а затем начала беспокоить волоса на спящей голове Вощева.

– Иди, бабушка, – сказал Вощев в забвении, – я ведь редко сплю.

– Какая-же [я *бабушка*], мальчик, я бабушка? Я запасная барышня!

– Не мучай меня, – ответил Вощев, – днем я буду опять [ду] думать. ||

Женщина говорила еще что-то, но Вощев [углубился в тишину] уже 16
был без памяти о ней.

Утром [раздался] снова раздалась музыка; Вощев, [сразу] очнувшись, сразу сел среди ранней сырости воздуха. Мимо сада ехала воинская конница [под музыку походного марша] [под звуки] [позади поющих медных труб, и], а впереди ее [пели] протяжно пели медные трубы, призывая к победе над классовым врагом. Мастеровой человек шел по саду с ребенком-сыном и рассказывал ему про конницу, но ребенок [видел больше, чем понимал] понимал еще больше, чем видел.

– Папа, мне так и хочется крикнуть: да здравствует первое <sic> мая! – сказал мальчик.

[И отец ушел] И они ушли дальше. Вощев хотя и не [му] мучился от голода, но знал, что он давно не [ку] кушал и [питаться] надо питаться. Город находился вблизи ржи, поэтому Вощев пошел [туда] в поле нарвать колосьев, чтобы прожить [это] это время, пока он не узнает смысла жизни.

В поле [был] [было [светло] светло] была тишина света и от солнца наступало тепло. Рожь еще не поспела, зерна представляли [собой] мякоть, но тем [более] легче ими можно постепенно кормиться. Наевшись поскорее, Вощев [вошел в безлюдную гущу] скрылся в безлюдной гуще колосьев и лег в землю лицом, чтобы [<нрзб>] [в забвении] думать в забвении про [выдумать в забвении] в забвении выдумать истину жизни и устроиться внутри себя и снаружи навсегда. Он притаился и лежал без защиты [, слушая слабое движение воздуха]; || воздух 17
[двигался мимо] двигался поверх его тела [Вощева], стволья колосьев поскрипывали [начальной зрелостью] [от] [в засыхающей] в начальной зрелости, где-то за нивами ступал человек по дороге и говорил сам с собой. И Вощев подождал думать, пока пройдет человек. [Вощев подождал начинать думать, пока пройдет человек [; он хотел отсрочить свое мученье, потому что н] [, что]: жизнь незаметно сохраняла себя и откладывала мученье думы на более позднее время. Человек затих, ржаные колосья [стояли] терпеливо стояли кругом накануне своей смерти от покоса, – Вощеву наступил срок [конч] [кончить] завершить свою душу [и встать спокойным], встать и спокойно действовать, чтобы добытую мысленную истину осуществить [всюду.] всюду, кому потребуется. Вощев [понимал, что] лежал с закрытыми глазами, [скорее ожидая мысли, чем напрягая ее] [молча ожи] не мешая движению мысли и не напрягая ее [происхождение] мед-

Записи на полях листа 16:

① <1 слово нрзб> 1 мая

② Чел<о>в<е>к не <1 слово нрзб>

ленного происхождения; он ощущал в темноте своего тела тихое место, где ничего не было, но ничто [не меша] ничему не препятствовало начаться. В той смутной емкости [лежа][покоилась без] [покоился зачатый] [*<нрзб>*] покоились чувства в первоначальном зачатии, из этого затаенного источника Воцев питался всю жизнь, и сейчас [перед ним] он понимал, что смысл жизни для него будет не в мысли, а в неизвестном или забытом ощущении; но ощущение безвозвратно погибает, когда оно не обратится в мысль и не сделается [нерушимым] **возвращающимся** воспоминанием. Эту [краткую] близкую дорогу – от чувства до помышления [истины] его в истине – Воцев и желал немедленно преодолеть. Но чем яснее и счастливее Воцев видел свою надежду, тем больше не знал, [что ему думать] про что [что] начинать ему думать. Он [понимал] догадывался, что его жизнь || собралась [от] из [ощущений] чувств к матери, [отца и дальнейших людей] отцу и дальнейшим людям, поэтому его мысли были одними воспоминаниями людей, – он [жил] **находился**, словно озеро [среди][среди], [питаемый] [питаемое] **питаемый** каждым [встречным] **совместно-живущим** *<sic>* **с ним** человеком, как потоком; однако Воцев не почитал людей, его волновала лишь та средина мира, которая сама покоится **внутри**, но [движет] **образует тревожную** судьбу на поверхности земли, – и он [хотел] тоже хотел [двигаться] **тревожиться**, но с живыми, а не [с] мертвыми глазами и с чувством постоянного сознания [необходимости] **истины**. В уме-же Воцева происходили лишь воспоминанья, ничего неизвестного не зарождалось в нем, и Воцев понял, что [ему] смысл жизни надо не выдумать, а вспомнить, – следует **возвратиться** к людям, забыться среди них, чтобы объяснить свою жизнь теми предметами, из которых она скопилась [в Воцеве [-]:]; нечаянными чувствами к [людям, которые уже [прожиты] забыты в] [[оставлены и] прожиты [во вре][в *<нрзб>*]] уже исчезли в течении времени, но сохранились в [бедно] его бедном теле, ощущающем только свои воспоминания.] людям, которые уже [ис] исчезли [, [может быть,] утеря] в течении времени[, но] без вести в природе, но сохранились в тесном, внимательном теле Воцева, ощущающем только свои воспоминанья. А в детстве этот [одинокий] человек думал быть счастливым на всю жизнь, и мать ему так обещала.]¹ ||

п.т.

Помета на полях листа 18: *обр.*

¹ В нижней части листа 18 сохранился сделанный ранее (до начала работы над собственно «Котлованом»), но несомненно связанный с ним («генетически») следующий набросок: **Смысл жизни. (Новелла).**

<справа – эпиграф:>

Сюжет не нов,
Повторено страданье.
Н. Воицкий, 1867

<слева, в порядке появления записей:>

орган печати [“*Форма*”] [“*Оформление*”] “**Оформление**”
[Комитет *стандартов*] [Комитет *уставов*]
Комитет согласований.

[Безотрадное] Смутное солнце светило [из вышин] с вышины [м] 19 [пустого] [прозрачного] бессознательного мира, испуская тепло не от смысла, а от закона [<нрзб>]; травяная мелочь [с терпением] бережно таилась у [корней] низов ржи, – может быть<, > она надеялась на [будущий смысл,] [свое искупление человеком [и], или] [спас] свое искупление из природы человеком, или сама была сцеплена глубиной корней с питающей [ее] истиной терпения, – может быть<, > существовала лишь в химической тьме. [Того Воцев не знал, потому] [На сохнув] [На со] Полдневная земля сохла вокруг; в раздраженной тишине, [наполненной запахом] исполненной запаха соломы и [<нрзб>] сытости, звучали кузнечики, трудясь для продолжения своей жизни – зря бы они не [приносили] производили звуков. [Это только Воцев производил свою жизнь зря] Воцев хотел поймать для памяти кузнечика, чтобы разглядеть вблизи это существо, уверенное в своей жизни, и увидеть, почему оно уверено, а не мучается. Отвыкшему от работы и ловкости, [Воцеву] ему долго пришлось бродить и ползать, охотясь за кузнечиком, [преж] пока не удалось [изолировать] [изолировать] уединить его посредством шапки. [Кузнечик шев] [После того кузнечик был в руке Воцева] Затем Воцев взял кузнечика в руку и стал глядеть на него, ища глаза и разум этого существа; кузнечик шевелился[,] по своей заботе, но не видел человека и без страха продолжал жить.

п. м.

[– Отчего-же человек считается выше тварей и цветов, – собеседовал с собою Воцев. – Кто так думал, тот [твари не видел] за тварь ни разу не держался, тот думал, а не наблюдал внизу... Всякое насекомое поживает себе по своему прогрессу, и ему не нужно человека, – оно не хуже его [,] только живет]. Человек, благодаря своей личности, [дурак] отчасти дурак: он и про татарина думал, что он хуже русского, а теперь [про] тоже <sic> самое лжет про травы, про кузнечиков, и любую иную жизнь унижает... || Нет, – задумался 20 Воцев. – Я не лучше кузнечика[,] – я же вижу его! Я буду жить в ровный ряд со всеми, иначе – науки не будет: ведь без сочувствия ничего не узнаешь в точности, а когда узнаешь умом, то вспомнишь, что уже имел это знание в чувстве тела.]

Воцев погладил пальцем кузнечика и выпустил из руки жить, чтобы не уродовать.

– [Играй] Иди, сохраняйся, – сказал он. – Ты <, >может быть <, >давно знаешь, о чем я [скупаю] живу и скупаю.

[Кузнечик] Освобожденный кузнечик молча посидел в траве, а потом ушел пешком куда-то в гущу, а Воцеву стало хуже без него. [,] – [уже] надо было [куд] уже вставать на ноги, итти в город без утешения внутри и работать руками, [оса] ослабевшими без смысла [<нрзб>] жизни. “Но все-таки нет у [насекомых] этих [мелких и] маленьких живых – [машин и] искусства [науки] механизмом* <sic>”, – упрекающе рассудил Воцев, и сам, после [движения] незаметного [течени] [освещения] ощущения мысли, сумел ответить на недоумение. – “Ну что-ж, что нету! Если-б человек стал колосом или червем, у него-бы

Помета на полях листа 19: обр.

п.п. ① *тоже не было машин: они там не требуются по условиям. А когда кузничек обратился-бы в человека, то он по силе нужности и машины-бы завел. [Высший ум] Ум* тут не при чем <sic> – он [обман, отстал] отсталый обман”.]*

[Горе] [Постоянное горе] Но все-же постоянное горе Вощева забылось в [созе] этом [созерцании] отвлекающем созерцании кузне-
чика, [-] и окрестная жизнь утешала его, как могла, своим действием
и существованием. Другой человек вошел с дороги в рожь и наклонился
над Вощевым.

– Это кто тут лежит один?

п.п. ② – Я, – ответил Вощев, будто он [жил единственным] общеизвест-
тен* на свете.

– Кто это – я? Что это за [отсталость? –] [отсталость] епипшка
валяется? – весело говорил человек. ||

[Вдалеке] Далеко*, но слышно закричал жеребенок от радости, до- 21
рвавшись до матери или еще что-нибудь <sic>. Его [безумный [голос],
счастливый] телесный, доверчивый голос звучал продолжительно
и смолкал лишь постепенно, в меру удовлетворения тамошнего счастья
жеребенка.

[Вощев [подумал] послушал голос животного [и решил] и обна-
ружил в своей мысли] и подумал [мы] в мысли:

– Мое счастье <-> истина, [а его – жизнь: наше положение равно-
мерное] а его – жизнь; мы почти точные с ним.]

[Не только дети-пионеры, но и жеребенок имеют <sic> то ощу-
щение [стоко] стойкости, которое в нем отсутствует.¹ Он [встал
и почесал лоб] поднялся с земли] **З** Вощев послушал голос живот-
ного, встал на ноги и почесал лоб, старый от размышлений.

– Ты наверно хочешь сказать, что я рожь помял! – произнес [Вощев]
он по направлению пришедшего человека.

– Ну тебя [: что]! Разве ты дешевле ржи, что-ль?

Вощев всю жизнь не утомлялся думать, особенно когда человек был
близко к нему.

– [Рожь] Это верно. Рожь – дело [растущее] стихийное, а чело-
век – организованный и умирающее существо...

– Это ты тоже верно сказал. А хочешь<,> я тебя на работу пошлю?
[Ты] Ты, кажется, человек хорош!

– Почему?

– Я профуполномоченный. У нас сейчас идет работа по [устрой-
ству [переустройства [нов] жизни] [жизни] новой] устройству окон-
чательной жизни, а [людей] с людьми – убыток. Чего [ты]нибудь <sic>
ты стукать можешь?

Записи на полях листа 20:

① <2 слова нрзб>

② Счаст.<ливый> крик жереб.<енка>

¹ Отмечено, как вызывающее сомнение, следующее место в тексте: ощущение <...>
стойкости, которое в нем отсутствует. (Фрагмент выделен в тексте волнистой
линией, соответствующее место на полях отчеркнуто и отмечено вопросительным знаком).

– Нет, нисколько не могу, – сознался Воцев. – Могу в || будущем 22
смысл жизни выдумать для всех, а [сейчас я смысла не чувствую] [сей-
час кто-то отобрал] сейчас какой-то хищник украл мое чувство¹
и тело мое слабое.

[Че] [Человек] Противоположный человек превратил свое лицо из
[доброто] простого в серьезное: он не знал – [профессия ли] профессия
ли смысл жизни, или нет.

– А может твой смысл повлиять на выработку труда?

[– Ко] [– А то как-же! [Без смысла [жизни] жизни человек] Сна-
ружи человек может организовать, а для [внутренности чувства]
внутреннего состояния ему нужен смысл, [без] потому что без
истины человек как без плана: его любая стихия качает[ся] и тру-
диться невозможно.

– Что-ж такое этот смысл жизни? – тихо спросил профуполно-
моченный, чувствуя]

– Конечно, может [, потому что я сейчас работать]. Отчего-же
я сейчас работать не могу? [Я сейчас живу без истины<, > и меня качает
любая стихия, хотя снаружи и я был организован.

– Что-ж такое этот смысл жизни? – с уважением спросил проф-
уполномоченный.

[– А это сознание устройства]

– Как что? Это [сознание] видимость устройства всего мира[!],
это [чувство] чувство [свободной] безвыходной причины. [<Z> Они
еще [погово] немного поговорили среди ржи] Ведь ничего-же не было
вначале, [что-же мешает] и начала не было, – что же [мешает] ме-
шало произойти существованью? Ничего, и оно оттуда возникло! И
здесь я начинаю не знать, но я [хочу] почувствую свои корни в се-
редине целой земли и потому [имею] вижу свое право [знать] [созна-
вать] иметь весь мир, как свое тело... || Но стоит против этого ка- 23
кое-то громадное и темное стеснение, и оно занимает [ровон] ровно
половину истины... Тут я и мучаюсь на одном месте...]

Они еще немного поговорили среди ржи, а потом пошли в город.
Профуполномоченный и сам уже хотел-бы знать причину и течение все-
мирного существованья; он решил поговорить в [окрр] окрпрофбюро
насчет необходимости истины для трудящихся, [она] – ведь истина,
действительно, [укреплл] укрепляет ум и [работ] повышает произво-
дительность [органи] человека. Многие люди живут [лишь] как былин-
ки на ветру руководящих обстоятельств, а тогда у них будет [ориенти]
точное направление вперед на вечность и темп [движения] прямого дви-
жения к свету. [<Z> Воцев] Z Так как Воцеву нечего было есть, то
профуполномоченный повел его [к] кормить холодными щами на свою
квартиру; Воцев удивился [поведению] чувству незнакомого человека,
но профуполномоченный [убедил его] объяснил свою доброту тем, что
сейчас другие [темпы] директивы* жизни, чем год назад, сейчас нельзя

¹ На время внесения этой вставки, возможно, указывают маргиналии 208 листа (сп. 1-ю запись).

быть членом партии лишь в социальном масштабе, но надо им быть и вдвоем с человеком и наедине в [молчании] безвестности.

[Поев, Вощев] Поев и рассеявшись, Вощев написал [по совету] заявление [на биржу труда] в культотдел окрпрофбюро, по совету уполномоченного. Вощев [пред] просил [о труде] для себя [труда] предоставления труда по [раз] отысканию истины путем [постоянного раз] постоянной мысли; в заявлении было указано, что истина есть потребность, она – организационное начало человека, причем, истину нельзя понимать как лишь организационный момент, но следует воображать ее себе [организованной вечностью] трудом над организацией вечности.

– У нас стало всего много, – сказал профуполномоченный. – Я думаю тебя примут думать за жалованье. ||

– Я прокормлюсь за жалованье и [выдумую] [вспомню полностью

24

м.^① то место, откуда [мы стали] стал весь свет и все люди быть, – [обещ] пообещал Вощев. <Z> – Нукчтож<sic>, – согласился профуполномоченный. [– Я завтра] –] вспомню смысл всего мира[:], все равно вещество моего тела присутствовало вечно], – произнес Вощев с надеждой.

м.^② – Нукчтож<sic>, – согласился профуполномоченный. – Кормить тебя недорого, а ты дашь настроение народу.

м.^④ – Я устрою¹ человека, – с сознанием [подтвердил] обещал Вощев.

разрыв
в 4-5 строк

[*]

разрыв

Окрпрофбюро того города сумело намного увеличить довольство пролетариата, теперь же его [забота направлялась с] заботила [скудость] культурная скудость тружеников; культработники мучились над [устройством] улучшением [са] самой [человеческой] классовой сущности пролетария, и в [то] такое* время было получено заявление Вощева. Уже то, что вопрос о необходимости смысла жизни ставился [трудящи] безработным трудящимся – было учтено как признак повысившегося культурного уровня. [А заявление] Заявление-же], и заявление Вощева не имело отказа.

– Мы должны поддерживать всяческие начинания масс, – сказал заведующий культотделом. – Жизнь сама отберет [потом, что мертво]

Записи на полях листа 24:

① *Культ.* <урная> *рев.* <омоция>

② <1 слово нрзб>

③ *Окр.* все поддер.

④ *Истина* к<a>к *землеустройство.* (Справа на полях).

¹ Слово подчеркнуто волнистой линией, соответствующее место на полях отчеркнуто и помечено вопросительным знаком. Все эти пометы на полях и в тексте остались нетронутыми, и никаких попыток внести изменения в текст в дальнейшем не предпринималось.

потом мертвое от цветущего. Дайте человеку шестой разряд – для жизни во время его мысли.

[Знакомый Вощеву профуполномоченный сказал вечером, что] Профуполномоченный возвратился вечером на отдых || и сказал Вощеву, что ему положили жалованье по 38 рублей в месяц. [Вощев обнял профуполномоченного и поцеловал его от неудобства в горло [от неудобства], причем, пока ему пришлось волноваться, он забыл, что ему нужен смысл жизни, а в спокойное время [помнил про недостаток] всегда помнил про недостаток истины.] 25

[– Живи [со мной] на моей площади. Я тебя пропишу]

– Живи на моей площади, товарищ Вощев [Я], – я тебя [пропишу] на жительство пропишу.

– На что мне твое жительство[! Для], – я для задумчивости [я] должен находиться один. [При втором человеке я иногда забываю, что мне нужно] [Я теперь боюсь, что жалованья] Мне нужно поскорее [за жалованье] истину выдумать[!], чтоб жалованье не тратить.

Вощев ушел из квартиры профуполномоченного, боясь [тратить] [упускать] проживать время [и жалова] без производства. Только теперь он увидел середину города и строящиеся устройства его. Вечернее электричество уже было зажжено на построечных лесах, [запах сна [и тишина] [плы] при] [запах забытой древности и сна] [матовый] но полевой свет тишины [стоял над] [, дрожащий от непрерывной связи с беспокойной вселенной] и вянувший запах сна приблизились сюда [с полей] из общего пространства и стояли нетронутыми в воздухе. Отдельно от природы, в светлом месте электричества [томились] с желанием трудиться люди, возводя кирпичные огорожи, шагая с ношей груза в тесовом бреду [вспомогатель] лесов. Вощев долго наблюдал строительство неизвестной ему башни; он видел, что рабочие шевелились равномерно, без резкой силы, но что-то уже прибыло в постройке || для ее завершения. 26

– Не убывают ли люди в чувстве своей жизни, когда прибывают постройке? – не решался верить Вощев. – Дом человек построит, а сам расстроится. Кто жить тогда будет?

Он отошел из середины города [в даль] на конец его. Пока он двигался туда, [пришла] [настала] наступила безлюдная ночь [, и] [; темный [пустой] [отверзтый] отворенный мир лежал[, начинаясь у его ног,] в [древности] ветхости и безвестности[, населенный [лишь] водой и ветром и воспетый одними птицами], начинаясь у его ног]; лишь вода и ветер населяли [его] [[вдали] ЭТОТ мрак и природу вдали] вдали ЭТОТ мрак и природу [и воспели одни птицы, – человек], и одни птицы сумели воспеть [скорбь] грусть этого великого [веще] вещества, потому что они летали сверху и им было легче. [Вощев стоял вблизи ночного мира и чувствовал его сиротство: в [почве и] земле есть [смысл] истина, раз она произошла и существует, но нет сознания [истины], а в человеке есть сознание, но в нем нет смысла жизни. [Страданье] [Различные существа] Человек с землей и все различные существа живут без [обрученья] обручения, без обмена [теплотой своего волнень] внутренней теплотой своего [волненья] влеченья,

и страдают [в уединении] разлукой [одинокого существа] [<одинок>ких] уединенного тела. Чтобы объединиться с этим грустным пространством, нужно сначала умереть и лечь в земляную могилу[. <Z> – Сколько совести и мысли может быть в человеке! Их ведь хватит], – это было бы совестью. А чтобы жить в своем одиноком теле, нужно [оумать] мыслью заменить честность. От мысли Воцев стал надеяться, а от совести медленно [зат] [заплакал] [з] [тосковал] затосковал. ||

п.м.① [– Пускай я проем жалованье задаро] 27
– Пролетариат сделает смысл [всему] всему свету! – произнес Воцев слова, и [стал плакать.] [заплакал] стал плакать, чтобы победить грусть ожидания[.] -----?¹

п.м.② [Звуки труда раздавались на городских]
[И он с]

п.м.③ [И, побыв] Побыв еще немного в темной тишине, он начал возвращаться в неизвестный город. Ему пришлось идти по древесной аллее; пустота безлюдья простерлась перед ним, редкие отжившие листья неслышно летели со старых деревьев, Воцев шагал в те освещенные места построек, откуда и сейчас раздавались звуки труда. Вот [выш] явились ему навстречу двое людей, ведущих одну девушку посредине, – они прошли, и никто из троих не взглянул на Воцева, [сло] точно он был лишний или посторонний на свете. Он остановился, и с обидой, с сознанием своего несчастья от всеобщего равнодушия поглядел вслед троим, отдавшим [в] свое внимание только друг другу. [Может быть, они были счастливы, но [их] они тоже не [чувств] знали смысла жизни, и от этого их счастье было не истинной]

Воцев [нашел] [на] забрел в пустырь и обнаружил теплую яму для ночлега[. Травяная [гуща] гуща облегала] [. Он] [; он приютился [в [ней] яме, положив под голову мешок.] в этой же] [, поэтому он отложил посещение людных мест и]; снизившись в эту земную впадину, он положил под голову мешок, куда собирал для памяти и [от] отщипывая всякую безвестность[. Травяная гуща облегала его покой, он решил завтра же спрашивать [у настоящих] про истину у всех томящихся среди существованья [про истину]. И с этой надеждой Воцев уснул.], опечалился, и с тем уснул. Но [другой] какой-то человек вошел на пустырь с косой в руках и[,] начал сечь травяные рощи,

Запись на полях листа 26: Воц.<ев> заплакал

Записи на полях листа 27:

① Назв.<ать> вещей<тво> “Вещество существованья” (на верхних полях).

② Еда / <1 слово или знак нрзб> / массы

③ безотв.<етное> сч.<астье>

④ безотв.<етное> счаст.<ье>

¹ В тексте сохранились воспроизводимые здесь пометы, указывающие на первоначальное намерение автора продолжить фразу: точка в конце предложения была вычеркнута, далее под строкой проведена линия и поставлен вопросительный знак.

росшие здесь спокон века, и сам косарь [приобрел тело и годы] [менял детское тело на юношеское[в этих-же]], играя с ровесниками в этих-же [свободных гуцах.] старинных гуцах, менял здесь свое детское тело на юношеское. || [*Z*] К полночи косарь дошел до Вощева[*но не стал будить, а обкосил его кругом, образовав остров остаточных трав*] и определил ему встать и уйти с площади. 28

– Чего тебе! – неохотно говорил Вощев. – Какая тут площадь, это лишнее место.

– [Теперь] А теперь будет площадь, теперь здесь [произойдет сооружение] положено быть каменному делу. Ты утром приходи поглядеть на это место, а то оно скоро скроется [навек под ка] навеки под устройством.

– А где-же мне быть?

– Ты смело можешь в бараке доспать. Ступай туда и спи до утра, а утром [выяснят – прогнать тебя или держать] ты выяснишься.

Вощев пошел по рассказу косаря и вскоре [на] заметил досчатый <sic> [ночлег. Внутри] сарай на бывшем огороде. Внутри сарая [спало] спали на спине семнадцать или двадцать человек и припотушенная лампа освещала бессознательные человеческие лица. [Вощев] Все спящие были худы, как умершие, [оставшееся] тесное место меж кожей и костями у каждого было занято жилами, [от этого [они] жили [бы] находились почти наружи] и по толщине [их видно было,] жил было видно, как много крови они должны [нагнетать] пропускать во время напряжения труда. Ситец рубах с точностью передавал медленную освежающую работу сердца, [большое] истощенное тело каждого [сп] уснувшего существовало сейчас только на этих [верных] ровных [из уснувших] уснувшего. Вощев всмотрелся в [б] лицо ближнего спящего – не выражает ли оно [счастья покоя и отдаления] [како] безответного счастья удовлетворенного человека. Но спящий лежал || замертво, глубоко и печально скрылись его глаза<, > и [охладевшие] охладевшие ноги беспомощно вытянулись в старых [штан] рабочих штанах. Кроме дыханья, в бараке не было звука, никто не видел снов и не разговаривал с воспоминаньями, – каждый [сущ] существовал без всякого [запаса] излишка жизни, и во время сна оставалось живым только [<1 слово нрзб> сердце] [бер] сердце, берегущее человека. Вощев почувствовал холод [поздней ночи] усталости и лег для тепла среди двух тел спящих мастеровых. Он уснул, [забытый [всеми] людьми, и довольный, что] незнакомый [близким] этим людям, закрывшим свои глаза, и довольный, что около них ночует, – и так спал, не чувствуя истины, до светлого утра. 29

разрыв в 4-5 строк

[*]

разрыв

[H] Утром Вощеву ударил какой-то инстинкт в голову, он проснулся и слушал чужие слова, не открывая глаз.

- Он слаб!
- Он [нессознательный <sic>] несознательный.
- Ничего: капитализм из [нашего брата] нашей породы делал дураков, [а он] и этот – тоже остаток мрака.
- Лишь бы он по сословию подходил: тогда – годится.
- Видя по [те] его телу, класс его бедный.
- [– Товарищи]

Вощев в сомнении открыл глаза на свет наступившего дня. [Вчерашних] [Ночные сп] Вчерашние спящие живыми стояли над ним и наблюдали его немощное положение.

- Ты зачем здесь ходишь и существуешь? – спросил один, у которого от [рабочего [истощения]] измождения слабо росла борода. ||

- Я здесь не существую, – произнес Вощев [со стыдом перед людьми] 30, стыдясь, что много людей чувствуют сейчас его одного. – Я только [думаю] [мучаюсь] думаю здесь.

- А ради чего-ж ты думаешь, себя мучаешь?

[– От смысла жизни]

[– Все думают ради истины, и я. Сейчас смысл жизни в мире находится, а [когда] я хочу, чтоб он [в мысли] был в мысли.]

- У меня без истины тело слабнет, я трудом кормиться не могу. [Теперь хочу у вас спросить] – я задумывался на производстве и меня сократили[.]...

[Вощев [испуга], говоря, забылся, но теперь]

[Вощев [испугалс] начал было говорить еще одно слово, но смолк среди звука – он испугался серьезно слушающих его людей[.], [сам] не зная[.] есть-ли серьезный смысл жизни.] Все мастеровые молчали против Вощева[. Двое из них начали разжигать примус, но [пламя] пламя не ладилось в их заскучавших руках]; их лица были равнодушны и скучны, редкая [уто], заранее утомленная мысль освещала их терпеливые глаза.

- Что-же твоя истина! – сказал тот, [что] кто говорил прежде. – [Она будет [мыслью в твоей] [выдуманной] одной мыслью в твоей голове.] Ты-же не работаешь, ты не переживаешь вещества существованья, откуда-же ты вспомнишь мысль!

- А зачем тебе истина? – спросил другой человек, разомкнув спекшиеся от [отдыха] безмолвия уста. – Только в уме у тебя будет хорошо, а снаружи [гад] гадко.

[– Для]

[Вощев не мог сразу образумиться от этих вопросов, и сказал, что мог: ||

[– Мне истина не оче]

- Мне, чтоб жить, нужно настроение тела от ума, а истины я не знаю. Я хотел у вас ее спросить.

- А что такое мысль, кроме ума? – [спросил] не понимая, обратился тот мастеровой, у которого были [сухие] [сжатые] высохшие, [спекшиеся] спекающиеся при безмолвии губы.

[Ему ответил] Тогда сказал человек с редкой изможденной бородой, потому что Вощев [не знал [ответа] происхождения мысли.

п.п. <Z> –] [, думая мыслью,] молчал [, – он [не знал] думал, что мысль происходит внутри тела и снаружи ее не[<нрзб>] знал].

– Мысли и нету: вспоминаешь пережитое вещество – вот и думаешь. А он думать не может, он живет нетрудоспособно и [вещества] не чувствует вещества.

[– Значит, вы и смысл жизни чувствуете? –]

Воцев [стал рад[:], он] обрадовался, что он ничтожен и только [не знает] оттого не знает общеизвестного.

– Значит, вы и смысл жизни думаете?

– Как же иначе? Мы-же вещество существованья делаем.

Однако, время пробуждения [исчезало – приближался] уже минуло, приближался труд]

<Вставной лист> 30а

[В] – [А вы] Вы уж<, > наверно<, > все знаете? – с робостью спросил Воцев.

– А как-же иначе? Мы-же всем организациям [даем] существованье даем! – ответил низкий человек [высохшим ртом] из своего высохшего рта.

[Вход] В это время отворился дверной вход, и Воцев увидел ночного косаря с артельным чайником: кипяток уже поспел на плите, которая топилась [наружи] на дворе барака; время пробуждения миновало, [наставал труд] наступила пора питаться для дневного труда. [Масте] [Ходили сельские часы на деревянной стене]

Сельские часы висели на деревянной стене и терпеливо шли силой тяжести мертвого груза [, и розовый цветок]; розовый цветок был изображен на облике механизма, чтобы утешать всякого, кто видит время. Мастеровые сели в ряд || по длине стола, косарь, ведавший женским делом в бараке, нарезал хлеб[.] [д] и дал каждому человеку [по ломтю] ломоть, а в прибавок [по куску] еще по куску вчерашней холодной говядины. Мастеровые начали серьезно есть, [не наслаждаясь пищей] принимая в себя пищу как должное, но не наслаждаясь ею. [Несмотря] Хотя они и владели смыслом жизни, что равносильно вечному счастью, однако их лица [бы] были угрюмы и худы, [измождение] а вместо покоя жизни они имели измождение. Воцев со скупостью надежды [наблюдал этих], со страхом утраты наблюдал этих [грустин] грустно существующих людей, способных [молча] без торжества хранить внутри себя истину; он уже был доволен и тем, что истина [находилась] заключалась на свете в ближнем к нему теле человека, который сейчас только говорил с ним, значит – достаточно лишь [н] быть около [него, чтобы стать] того человека, чтобы стать терпеливым к жизни и трудоспособным.

– Иди с нами кушать! – позвали Воцева те люди.

Запись на полях листа 31: мысль <далее 3(?) слова нрзб> существ.

Воцев встал и, еще не имея полной веры в общую необходимость [м] мира, пошел есть, [стыдась и тоскуя] стесняясь и тоскуя.

– Что-же ты такой скудный снаружи? – спросили у него.

– Так, – ответил Воцев. – Я теперь тоже хочу работать над веществом существованья.

За [много лет сомнений] время сомнения в [смысле] правильности жизни он [сейчас спокойно поел, почти не чувствуя своей вопрошающей души] [всегда] редко ел спокойно, всегда чувствуя свою [вопрошающую] томящую душу.

[– Я можно] [– Можно [ему]<, > и я с вами буду работать над веществом существованья? – спросил он после питания.

[Старший [по бригаде]] **Наиболее активный среди мастеровых [Кмит] Сафронов** ответил, что – можно:]

<Вставной лист> 32а

Но теперь он поел [<нрзб>] хладнокровно<, > и наиболее активный среди мастеровых, товарищ Сафронов, сообщил ему после питания, что<, > пожалуй<, > и Воцев теперь годится в труд, потому что ||

люди [теперь] [сейчас] нынче стали дороги, [как матерьял] наравне с матерьялом; вон уже который день ходит профуполномоченный по окрестностям города и пустым местам, чтобы встретить бесхозьяственных бедняков и образовать из них [рабочих] постоянных тружеников, но редко кого приводит. [Третьего дня он привел <1 слово нрзб>] – весь народ занят жизнью и трудом. 33

Воцев уже наелся и встал среди сидящих.

– Чего ты поднялся? – спросил его [Кмит] Сафронов.

– Сидя у меня мысль еще хуже развивается. Я лучше постою.

– Ну стой. Ты<, > наверно<, > интеллигенция – той лишь бы посидеть да подумать.

– [Нет] Пока я был бессознательным, я жил ручным трудом, а уж потом – не [вижу] увидел [смысла] значенья жизни[, –], и ослаб.

К бараку подошла музыка и заиграла особые жизненные звуки, в которых не было никакой мысли, но зато имелось [предчувствие [какой-то верной истины] какого-то ликующего чувства, почти [ощущаемой] ощущаемое в [облегченном <sic>] [облегченном музыкой] отрывающемся теле Воцева.] ликующее предчувствие, приводившее тело Воцева в дребезжащее состояние радости. Тревожные звуки [той] внезапной музыки давали чувство совести, они предлагали беречь время жизни, пройти даль надежды до конца и достигнуть ее, чтобы [встретить] найти там источник этого волнующего пения и не заплакать перед смертью от тоски тщетности.

[– Понял? – обратился [Кмит] Сафронов к Воцеву.

– А какое здесь понятие? [Это] Это счастье мутное, [а истина] я чувствую что-то жаркое, а истина [– она как влага на губах... <Z> Музыка перестала] должна быть вроде блина или ветра.]

Музыка перестала, и жизнь осела во всех прежней тяжестью.

Профуполномоченный, уже знакомый Воцеву, [np] вошел в рабочее помещение и попросил всю || артель пройти один раз поперек старого города, чтобы [узнать эи] увидеть значение того труда, который начнется на выкошенном пустыре после шествия. 34

Артель мастеровых вышла наружу и со смущением остановилась против музыкантов. [Кмит] Сафронов [покашливал] ложно покашливал, стыдясь общественной чести, обращенной к нему в виде музыки. Землекоп [Климентов] Чиклин глядел с удивлением и ожиданием – он не чувствовал своих заслуг, но хотел бы еще раз прослушать торжественный марш и молча порадоваться. Другие робко опустили [no] тепелывые руки.

Профуполномоченный от забот и деятельности забывал ощущать самого себя, и так ему было легче; [он сам не знал; иначе, если-бы он убавил] в суеде сплачивания масс и организации подсобных радостей для рабочих, он не помнил про [с] удовлетворение удовольствиями [личные] личной жизни, худел и спал глубоко по ночам. Если-бы профуполномоченный убавил волнение своей работы, [он бы остановился,] вспомнил про недостаток [имущ] домашнего имущества в своем семействе или погладил бы ночью свое уменьшившееся, постаревшее тело, он бы почувствовал [стыд,] [*вар.:* не <почувствовал стыд>a] стыд существования за счет двух процентов [*вар.:* двухпроцентных отчислени<й>] тоскующего труда. [Он] Но он не мог останавливаться и [осознавать] иметь созерцающее сознание.

[– Товарищи [с], – сказал профуполномоченный]

[– Товарищи образцовая бригада! –]

[И сейчас] Сейчас профуполномоченный начал

[Со скоростью, происходящей от [излишней] беспокойной преданности трудящимся, профуполномоченный начал говорить перед всеми.

[– Товарищи образцовая бригада! В нашем городе || строится]

[– Товарищи образ]

– [Товарищи] Расположенный в нашем городе пролетариат приветствует вас, как образцовый отряд строителей] 35

Со скоростью, происходящей от беспокойной преданности трудящимся, профуполномоченный выступил вперед[.], чтобы показать [старый] расселившийся усадьбами город квалифицированным мастеровым, потому что они должны сегодня начать постройкой то единое здание, куда войдет на поселение весь [местный пролетариат] местный класс пролетариата,¹ – и тот общий дом возвысится [над всеми] надо всем усадебным, дворовым городом, а малые единоличные дома опустеют, [заростут <sic>] [их покрое] их непроницаемо покроеет растительный мир<, > и [в тех] там постепенно остановят дыхание [безвестные] исчащие люди [прошедшего] забытого времени. [К]

[Профуполно]

Помета на полях листа 34: ?? согл.<асовать> со свид.<анием> с Воцев.<ым> – раньше.

¹ Текст – от начала абзаца и до отмеченного слова – отчеркнут на полях и помечен знаком вопроса. Позже эти пометы были вычеркнуты, а фрагмент остался без изменений.

К бараку подошли несколько [рабочих] каменных кладчиков с двух новостроющихся <sic> заводов, профуполномоченный напрягся от восторга последней минуты перед маршем строителей по городу, музыканты приложили духовые принадлежности к губам, но артель [мате] мастеровых [как вышла – так] стояла врозь, не готовая итти. [Кмит] Сафронов заметил ложное усердие на лицах музыкантов и обиделся за унижаемую музыку.

– Это что еще за игрушку придумали? [– сказал он] Куда это мы пойдем – чего мы не видали!

Профуполномоченный [испуганно омрачился всем своим готовым лицом.] потерял готовность лица и [омрачился] почувствовал свою [душу] душу – он всегда || ее чувствовал, когда его обижали.

36

– Товарищ [Кмит] Сафронов! Это окпрофбюро хотело [ук] показать вашей первой образцовой артели жалость старой жизни, разные бедные жилища и скучные условия, а также кладбище, где хоронились пролетарии, которые скончались до революции без счастья, – тогда бы вы [узн] увидели, какой это погибший город стоит среди равнины нашей страны, тогда-бы вы сразу узнали, зачем нам нужен общий дом пролетариату, который вы начнете строить вслед за тем...

– Ты нам не переугождай! – возражающе произнес [Кмит] Сафронов. – Что мы – или не видали мелочных домов, где живут разные авторитеты? [Лустя] Отведи музыку [к] в детскую организацию, а мы справимся с домом по одному своему сознанию.

– Значит<,> я переугожденец? – все более догадываясь, пугался профуполномоченный. – У нас есть в профбюро один какой-то аллилуйщик, а я<,> значит<,> переугожденец?

И, заболев сердцем, профуполномоченный [повел] молча пошел в учреждение союза, и оркестр за ним.

разрыв
в 4-5 строк

[*]

разрыв

На выкошенном пустыре пахло [полюнью] умершей травой[,] и сыростью обнаженных мест, [об] отчего яснее чувствовалась общая грусть жизни. Вощеву дали лопату, он сжал ее руками, как [свое пристанище] средство своего пристанища* к тем людям, которые обладают утешением истины жизни внутри себя; обездоленный, Вощев согласен был не иметь смысла существования [своею собственностью], но [хотел] желал хотя-бы наблюдать его в веществе тела другого, ближнего человека, – и<,> чтобы находиться вблизи [тех людей] того человека<,> мог пожертвовать на труд все свое слабое тело, истомленное мыслью || и бессмысленностью.

37

Среди пустыря стоял инженер, – [нес] нестарый <sic>, но седой от счета природы человек. [Вс] Весь мир он [считал] [вообразжал] представлял мертвым телом, – он судил его по тем частям, [какие он обратил за свою жизнь в сооружения посредством точности,] какие уже

были им обращены в сооружения; инженер ничего]: мир всюду подавался его внимательному и воображающему уму, [сдержанному] ограниченному лишь сознанием косности природы; [значит] мир] матерьял всегда сдавался точности и терпению, значит – он был мертв и пустынен. Но человек был жив и достоин <sic> среди всего унылого вещества, поэтому инженер сейчас вежливо улыбался навстречу партии мастеровых. Вошев видел, что щеки у инженера были розовые, но не от упитанности, а от излишнего сердцебиения, и Вошеву понравилось, что у этого человека волнуется и бьется сердце.

Инженер сказал [Климентову] Чиклину, что он уже разбил земляные работы и разметил котлован – и показал на вбитые колышки[.]: теперь можно начинать. [Климентов] Чиклин слушал инженера и добавочно проверял его разбивку своим умом и опытом – он во время земляных работ был старшим в артели, [земля] грунтовый труд [в грунте] был его лучшей профессией; когда-же настанет пора [кирпичной] бытовой кладки, [Климентов] то Чиклин подчинится [Кмиту] Сафронову.

– Мало рук, – сказал [Климентов] Чиклин инженеру[.]: – это измор, а не работа, время всю пользу съест.

– Биржа обещала прислать пятьдесят человек, а я просил сто, – ответил инженер. – Но отвечать будем [толь] за все работы [от материка до крыши] в материке только вы и я: вы – ведущая бригада.

– Мы вести не будем, а будем равнять всех с собой [, – произнес Климентов.–]. Лишь бы люди явились.

И сказав то, [Климентов] Чиклин вонзил лопату в верхнюю || мякоть земли, сосредоточив вниз равнодушно-задумчивое лицо. Вошев 38 тоже начал рыть почву вглубь; ум способ, пуская всю силу в лопату; но мысль его продолжалась и во-время <sic> [напряжения] труда, – тогда, чтобы утешить мысль и поспособствовать работе, Вошев придумал, что в том [великом] вечном доме, который здесь [будет] [начин] взойдет¹ из земли, будут жить [люди,] выросшие [пио] [пионеры] дети, успевшие к тому времени приобрести истину [из сере] из середины мира, и дом этот будет [хранить] беречь тело и тишину мысли истинных людей.]; [он предвидел] он теперь предчувствовал, что детство вырастет <sic>, радость делается мыслью и [лучший] [созревший будущий] [будущий] будущий человек найдет себе покой в этом прочном доме, чтобы [быть целым] глядеть из высоких окон в простертый, ждущий его мир. И Вошев с жестокостью [горя] отчаяния своей жизни [крошил] [вскрывал] обнажал лопатой земной прах, точно добывая истину из середины природы. Уже тысячи былинки, корешки и мелких почвенных приютов усердной твари он уничтожил навсегда, и работал в теснинах тоскливой глины. [Климентов] Но Чиклин его опередил, – он [уже] давно оставил лопату и [пере] взял лом, чтобы крошить нижние сжатые породы. [Разрушая] Упраздня старинное природное устройство [<вар.: устройство> природы],[Климентов] Чиклин не мог [оправдать своим умом такого состояния внутренности] его понять:

п.т.

Запись на полях листа 38: буду к<a>к <2сокращ. слова нрзб>

¹ Слово *взойдет* также было вычеркнуто до того, как был исключен весь этот фрагмент.

– Зачем-то под почвой была супесь, а здесь пошла глина, а скоро будет известняк[...]!.. [Так просто] Просто себе – [рожалось] происходило что можно: [не тронь] не тронь [ее] землю железом, так бы [дурой и лежала земля] [земля] дурой она и лежала [земля]. Горе!

От чуждости [бессмысленной] глины и сознания малочисленности своей артели [Климентов] **Чиклин** спешно ломал вековой || грунт, обращая всю жизнь своего тела в удары по мертвым местам. Сердце его привычно билось, [терпеливое] терпеливая спина [покрылась] истощалась потом[,] [и в больших старых руках [поднимался] без отказа], [никакого успокаивающего сала не было под кожей – Климентов {точно и быстро ощущал} <1 слово нрзб>] никакого предохраняющего сала у [Климентова] **Чиклина** под кожей не было – его старые жилы и внутренности близко подходили наружу, он ощущал окружающее без расчета и сознания, но с точностью. Когда-то он был моложе[,] и его любили девушки [за] – из жадности к его [громид] мощному, бредущему куда попало телу, которое не [храня себя] хранило себя и было предано всем. В [Климентове] **Чиклине** тогда многие нуждались, как в укрытии <sic> и покое среди его верного тепла, но он хотел укрывать слишком многих, чтобы и самому было чего чувствовать, тогда [его] женщины и товарищи [покидали] из ревности покидали[,] его, а [Климентов] **Чиклин**, тоскуя по ночам, выходил на базарную площадь [и валя] и опрокидывал торговые будки или вовсе [унос] уносил их куда-нибудь прочь, за что томился затем в тюрьме и пел оттуда песни в летние вишневые вечера.

[Кмит] **Сафронов** от [Климентова] **Чиклина** почти не отставал – он имел большую семью и хотел как можно скорее и лучше строить [большие дома] общи дома, чтобы его дети там росли и жили, защищенные стенами и людьми. [Вощев шел почти последним, за ним остава]

К полудню усердие Вощева давало все меньше и меньше земли, [от рытья] его тело начало **он** начал уже раздражаться от рытья[, он] и отстал от артели; лишь один худой мастеровой работал [слабее] тише его. Этот задний был [худ] угрюм, ничтожен всем телом, пот слабости [б] [те] [стекал] капал в глину с его || мутного однообразного лица[,], обросшего по окружности редкими волосами; [При] при подъеме земли на урез котлована он кашлял и вынуждал из себя мокроту, а потом, [затихнув] [кратко затихнув] успокоившись, закрывал глаза, [словно] словно желая [себе сна] [глубокого] сна.

– Козлов! – крикнул ему [Кмит] **Сафронов**. – Тебе опять неможется?

– Опять, – ответил Козлов [голосом] своим бедным голосом ребенка.

– [Наслаждаешься] Наслаждаешься <sic> много, – произнес [Вощев.] [Кмит] **Сафронов**. – Будем тебя [теперь [тебя]] класть спать теперь на столе под лампой, чтоб ты лежал и стыдился[.].

Козлов поглядел на [Кмита] **Сафронова** красными сырыми глазами [и от равнодушного из] и промолчал от равнодушного [измождения] утомления.

– За что он тебя? – спросил Вощев.

Козлов [стер пот] вынул соринку из [ко] своего костяного носа[, и Вощев подумал, что тело у Козлова наверно холодное[,] и работает

он пустым движением, но не чувством.] и [сказал,] посмотрел в сторону, точно тоскуя о свободе, но на самом деле – [нет] ни о чем не тосковал.

– Они говорят, – ответил он, – что у меня женщины нету, – с трудом обиды сказал Козлов, – что я ночью под одеялом сам себя люблю, [а <нрзб>] а днем [болею] от пустоты тела жить не гожусь. Они ведь, как говорится, все знают!

Воцев снова стал рыть одинаковую глину и видел, что глины и общей земли [<1 слово нрзб>] еще много остается – еще [много] долго надо иметь [жизни] жизнь, чтобы превозмочь [чувством] забвеньем и трудом этот залегший мир, спрятавший в своей [те] темноте истину всего существования. Может быть,<,> легче выдумать смысл жизни в голове, – ведь можно нечаянно догадаться о нем[,] или [внезапно] коснуться его [печальным чувством] печально текущим чувством.

– [Кмит] Сафронов, – сказал Воцев, ослабев [от глины] терпеньем, – лучше я буду думать без работы, все равно весь свет || не разроешь до дна. 41

– Не выдумашь, – не отвлекаясь, [ответил] сообщил [Кмит. –] Сафронов: – [У] у тебя не будет [воспоминанья] памяти вещества[,] и ты [будешь как пустой дух] станешь, вроде Козлова, думать [сам про себя...] сам себя, как животное.

– Чего ты стонешь[!], сирота! – отозвался [Климентов] Чиклин спеди. – Смотри на людей и живи, пока родился.

[– Ты не думай, а перерабатывай [землю телом] землю всем своим корпусом, – посоветывал <sic> Кмит[.]: – помаленьку все почувствоваешь <sic>.]

Воцев поглядел на людей и решил кое-как жить [кое-как], [пока] раз они терпят и живут: он вместе с ними [родился] [народился] произошел и умрет в свое время [с ними] неразлучно[,] с людьми.

– Козлов, ложись вниз лицом – отдышись! – сказал [Климентов] Чиклин. [– Для кого-ж мы дом построим, если ты умрешь?] – Кашляет, вздыхает, молчит, горюет – так могилы роят, а не дома.

Но Козлов не уважал чужой жалости к себе – он сам незаметно погладил за пазухой свою глухую [грязную] ветхую грудь и продолжал рыть связный грунт. Он еще верил [в наступ] в наступление жизни после постройки больших домов, и боялся, что в ту жизнь его не примут, если он представится туда жалобным нетрудовым элементом. [Лишь одно] Лишь одно чувство трогало Козлова [–] по утрам – его сердце [вдруз] затруднялось биться, но все-же он надеялся жить в будущем хотя-бы маленьким остатком сердца; однако, по слабости груди [и сердца] ему приходилось [среди работы гладить грудь] во-время <sic> работы гладить себя изредка поверх костей и [шепотом] уговаривать шепотом терпеть.

Уже прошел полдень, а биржа [[труда] никого] [землекопов не прислала] не прислала землекопов. Ночной косарь травы выспался, сварил картошек, полил их жидкостью яиц, [посыл] смочил маслом, подбавил вчерашней каши, посыпал сверху || для роскоши укропом и принес 42 в котле эту сборную пищу для развития павших сил артели.

Ели в тишине, не глядя друг на друга и без жадности, [точно] не признавая [цены] за пищей цены[.], точно сила человека происходит из одного сознания. Козлов [каш] иногда кашлял нечаянно в котел, и видны были крошки в воздухе [из] из его рта, но никто из евших не защитил [своего вкуса или] чистоты пищи желудка против Козлова, и Вошев, видя то, подгрэбал своей ложкой как раз те места пищи, куда кашлял Козлов, чтобы лучше сочувствовать ему.

Инженер [явился на работу из своих учреждений] обошел своим ежедневным обходом разные непрременные учреждения и явился на котлован. Он постоял в стороне, пока люди съели все из котла, и тогда сказал:

– В понедельник будут еще сорок человек. А сегодня – [уж] суббота: вам [по] уже пора кончать.

– Как так кончать? – спросил [Климентов] Чиклин. – Мы еще куб или полтора выбросим, раньше [не уйдем] кончать некчему <sic>.

– А надо кончать, – [произнес [инженер]] возразил производитель работ. – Вы уже работаете [шесть] больше шести часов, [сделали больше, чем по урочному положению,] и есть закон.

– Тот закон для одних [отсталых] усталых элементов, – [заявил] воспрепятствовал [Климентов[, не обращая внимания]: – у нас еще много [тела] соку осталось] Чиклин, – а у меня еще малость силы осталось до сна. [Как? – спросил он у всех] Кто как думает? – спросил он [у в] у всех.

– До вечера долго, – сообщил [Кмит] Сафронов: – чего жизни зря пропадать, лучше сделаем вещь.

[– Может< ,> [побольше] мы [постепенно] поскорей из природы]

[Наслаждаться нечего] Мы ведь не животные, мы можем жить [без отдыха, мы энтузиазм] ради энтузиазма! ||

43

– Может, природа нам что-нибудь [пож] покажет внизу, – сказал Вошев.

– И то! – произнес неизвестно кто из мастеровых.

Инженер наклонил голову, он боялся пустого домашнего времени, он не знал, как ему жить одному.

– Тогда и я пойду почерчу немного, и свайные гнезда посчитаю опять.

– [Почерчи и] А то что-ж: ступай, почерчи и посчитай! – согласился [Климентов] [Климентов] Чиклин. – Все равно земля вскопана, кругом скучно – отделаемся, тогда назначим жизнь и отдохнем.

Производитель работ медленно отошел. Он вспомнил свое детство, когда [ма] под праздники прислуга мыла полы, мать убирала горницы, а по улице текла неприятная вода, и он, мальчик, не знал, куда ему деться, и ему было тоскливо и задумчиво. Сейчас тоже погода пропала, [часам к четырем< ,> наверно< ,> соберется дождь, [в России]] над равниной пошли [высокие] медленные сумрачные облака<,> и во всей

России [сейчас] теперь моют полы под праздник [созда] социализма, – наслаждаться как-то [некчему <sic>] еще рано и некчему <sic>; лучше сесть, [пригорюниться] задуматься и чертить [детали] части будущего дома.

[Вощев поглядел на уходящего инженера и решил]

Козлов от сытости [приоб] почувствовал [бодро] радость<,> и ум его [начал работать] увеличился.

[– Чего-ж вы сидите]

п.п.

– Всему свету, как говорится, хозяева, а жрать любят, – сообщил Козлов. – Хозяин бы себе врад дом построил, [а мы так и будем находиться] [а вы] а вы помрете на порожней земле.

– Козлов, ты скот! – определил [Кмит] Сафронов. – [Ты-же в доме будешь не жилец] На что тебе пролетариат || в доме, когда ты одним 44 своим телом [кормишься] радуешься?

– Пускай [кормлюсь] радуюсь! – ответил Козлов. – А кто меня любил хоть раз? [Живи] Терпи, говорят, пока старик капитализм помрет, – теперь он [уж] кончился, а я опять живу один под одеялом[:], и мне ведь грустно!

Вощев заволновался от дружбы к Козлову[. он не мог даже высказаться от давления [жизни внутри себя] своей жизни].

– Грусть это ничего, товарищ Козлов, – сказал он, – это [мировое] значит<,> наш класс весь мир чувствует, [из грусти] а счастье [–] все равно буржуазное дело... От счастья только стыд [происходит] начнется!

[–] В следующее время [опять] Вощев и другие с ним опять встали на работу. Еще высоко было солнце[,] и [громко] жалобно пели птицы в освещенном воздухе, не торжествуя, [но] а ища пищи в пространстве; ласточки низко мчались над склоненными роющими людьми, они смолкали крыльями [и под] от усталости<,> и под их пухом и перьями был пот нужды – они летали с самой зари, не переставая мучить [свое тело] себя для[?][добычи -----] сытости* птенцов и подруг. Вощев поднял однажды [мгн] мгновенно умершую в воздухе птицу и павшую вниз: она была вся в поту; а когда ее Вощев ощипал, чтобы увидеть тело, то в его руках [очутилось] осталось [мелкое, жалобное существо] скудное печальное существо, [сраб] погибшее от утомления своего труда. И нынче Вощев не жалел себя на уничтожение сросшегося грунта: здесь будет дом, в нем будут храниться люди от невзгоды и бросать крошки из окон живущим наружи <sic> птицам.

[Климентов] Чиклин, не видя ни птиц, ни неба, не чувствуя мысли, грузно разрушал землю ломом, и [<1 слово нрзб>] [вся сильная || плоть] 45 его плоть истощалась в глинистой [вые] выемке, но он [ее не жалел, зная, что во время ночного сна она¹ снова накопиться <sic> [в] в нем;] не тосковал от усталости, зная, что в ночном сне его тело наполнится вновь.

Помета на полях листа 43: *ОНАН<ИЗМ>*

¹ Слово *ОНА* вычеркнуто еще до того, как был исключен весь этот полуторастрочный фрагмент.

п.т.① [- А ты говоришь<, > смысла жизни не видать! – сказал Воцеву Кмит. – Ты гляди<, > какой грунт живет!

И [верно, видел] Воцев [, что] видел, что – верно[,]: не может быть, чтобы такой вес и такая прочность существовали без веры и правды; [хотя] однако и в глине **тоже** есть скважинки и мелочь пустоты, [но] и там вечная сжатая тьма, как [ум] сомнение ума в жизни[, – без той]; [однако] **НО** хотя без той скрытой щелистой пустоты глина [давно] не могла-бы [сж] мяться и терпеть, – она давно-бы лопнула, искрошилась в **разъединенное** ничтожество и исчезла-бы **прочь** от ветра, времени<, > воды.]

[Уже вечер настаивал; вдалеке]

п.т.② Истомленный Козлов сел на землю и рубил топором обнажившийся известняк; он работал, [забыв время и место] **не помня** времени и места,

п.т.③ спуская остатки [теплоты своего тела] **своей** теплой силы в камень, который он рассекал, – камень нагревался, а Козлов постепенно холо-

п.т.④ дел [внутри]. Он мог-бы так весь незаметно [так] скончаться, и разрушенный камень был-бы его бедным наследством будущим растущим людям. Штаны Козлова [заголились] от [врезанья] движения заголились, сквозь кожу [выступали] **обтягивались** кривые острые кости голеней, как ножи с зубринами. Воцев почувствовал от тех **беззащитных** костей **тоскливую** нервность, [ст] [страх] [он ожидал] **ожида**я, что кости [прорвутся [наружу] через] прорвут непрочную кожу и выйдут наружу; он попробовал свои ноги в тех-же костных местах и сказал всем:

– Пора пошабашить! А то вы уморитесь, умрете, и кто тогда будет людьми [будет]? ||

Воцев не услышал себе слова в ответ. Уже [вечер] настаивал вечер; 46 вдалеке подымалась синяя ночь, обещая сон и прохладное дыхание, и [словно] – **точно** грусть – стояла мертвая высота над землей. Козлов [бил] **попрежнему** **уничтожал*** камень [между своих ног] в земле, ни на что не отлучаясь взглядом, и<,> **навечно**<,> **скучно** билось его ослабевшее сердце.

разрыв 5 строк

[*]

разрыв

Производитель работ общепролетарского дома вышел из своей чертежной конторы во время ночной тьмы. Яма котлована была пуста,

Записи на полях листа 45:

① *О грунте вставить*. Помимо этого указания, соответствующее место на полях было дважды отмечено знаком вставки. Все пометы сделаны позже другим, «химическим», карандашом и относятся, видимо, ко всему вычеркнутому ранее фрагменту или, напротив, только к его первой части (1-й абзац).

② *Дов.<ольно> работать! Вы умор.<итесь>, умрете, кто людьми будете <sic>!*

③ *обучение* <вар. прочтения: *обручение*> *трудом*

④ *<I сокращ. слово нрзб> озеро*

Каждая из записей 2-4 отделена от предыдущей горизонтальной чертой. Все эти записи сделаны до того, как были начаты смежные с ними строки текста, и были вычеркнуты также в один прием.

артель мастеровых [легла спать] заснула в бараке тесным рядом туловищ<,> и лишь [свет] огонь ночной припотушенной лампы проникал оттуда сквозь [отверстия бывших] щели теса, держа свет на всякий несчастный случай или для того, кто внезапно захочет пить. Инженер Прушевский подошел к бараку и поглядел внутрь через отверстие [от] бывшего сучка; [рука] около стены спал [Климентов] Чиклин, [рука] его опухшая от силы рука лежала на животе<,> и все тело шумело в питающей работе сна; босой Козлов спал с открытым ртом, горло его клочкотало, будто воздух дыхания проходил сквозь тяжелую темную кровь, а из полуоткрытых бледных глаз выходили редкие слезы – от сновидения или неизвестной тоски.

Прушевский [отошел] отнял голову от досок и подумал. Вдалеке светилась электричеством ночная постройка [завод[<окончание нрзб>]а] завода, но Прушевский знал, что там нет ничего, кроме мертвого строительного [материала] матерьяла и усталых, недумających людей. Вот он выдумал единственный общий дом, вместо старого города, где и по-сейчас <sic> [живут] живут люди дворовым огороженным способом; через год весь пролетариат || [войдет] выйдет из [города] [ветхого] [мелкого] мелко-имущественного <sic> города [и н] и займет для жизни единый новый дом. Через десять или двадцать лет другой инженер построит [в цен] в середине мира башню, куда войдут на вечное, счастливое поселение трудящиеся всего земного шара. [Среди] Прушевский мог-бы уже теперь предвидеть, какое произведение [статич] статической механики [наиболее целесообразно устанвится <sic> в центре мира], в смысле искусства и целесообразности, следует поместить в центре мира, но не мог предчувствовать устройства души [и вообразить] поселенцев [того] общего дома среди этой равнины и тем более вообразить жителей будущей башни посреди всемирной земли. Какое тогда будет тело у юности и от какой волнующей силы начнет биться сердце и думать ум?

Прушевский хотел это знать уже теперь, чтобы не напрасно строились стены его зодчества: дом должен быть [населен] наполнен людьми населен людьми, а люди наполнены [душой. Он [не] боялся, что] той [поющей] [звучающей?] [излишней] [исходящей, безвозвратной] излишней* теплотою [и шумом] жизни, которая названа однажды душой. Он боялся [воздвигать] воздвигать пустые здания – те, в каких люди живут лишь [ради] из-за непогоды.

Прушевский остыл от ночи и спустился [в котлован, где б] в начатую яму котлована, где было затишье. Некоторое время он посидел в глубине [земли]; под ним находился камень, сбоку возвышалось сечение грунта<,> и видно было, как на урезе глины [лежала почва], не происходя из нее, [почва] лежала почва. Изо всякой-ли базы образуется [сверху] надстройка? [Инженер Прушевский уже с [юности] двадцати пяти лет] Каждое ли производство жизненного матерьяла дает добавочным продуктом душу в человека? А если || производство улучшить до [крайней] точной экономии, – то будут ли происходить из него [добавочные, неждан] косвенные, неожиданные продукты?

Инженер Прушевский уже с двадцати пяти лет почувствовал [стесну в своем сознании, [<нрзб>] [он не знал.] поэтому он мучился с тех пор] стеснение своего сознания[,] и конец дальнейшему понятию жизни, [точно] **будто** темная стена предстала в упор перед его осязающим умом. И с тех пор он мучился, шевелясь у своей стены, и успокаивался, что, в сущности, [устрой] самое срединное, истинное устройство вещества, из которого скомбинирован мир и люди, им постигнуто, вся насыщенная наука расположена еще до стены его сознания, а за стеною находится лишь скучное место, куда можно и не [ходить] стремиться*. Но [все-же] все-же интересно было – не вылез ли [кто туда] кто-нибудь [туда] за стену вперед. Прушевский еще раз подошел к стене барака и поглядел, **согнувшись**, по ту сторону на ближнего спящего, чтобы заметить [по его телу] на [его теле] **нем** что-нибудь неизвестное в жизни; но там [ничего не было, кроме покоя [дых] медленного дыхания] мало было видно, потому что [ночная] в ночной лампе иссякал керосин, и слышалось одно медленное, [запавшее] западающее дыхание. Прушевский [отольнул] оставил барак и отправился бриться в парикмахерскую ночных смен; он любил, чтобы во время тоски его касались чьи-нибудь руки.

p.т. ①

После полуночи Прушевский [вошел в] пришел на свою квартиру – флигель [в] во фруктовом саду, открыл окно в темноту и сел посидеть. Слабый местный ветер начинал иногда шевелить листья, но [быстро] вскоре опять наступала тишина. Позади сада кто-то шел и [пел] пел [легким] [стихи Пушкина] || свою песню; то был<,> наверно<,> счетовод с вечерних занятий, или просто человек, которому скучно спать.

p.т. ②

Вдалеке, [выше мутного воздуха], на весу и без спасения, светила [слабая] [?] **неясная*** звезда, и ближе она никогда не станет. [Ее] Прушевский глядел на нее сквозь мутный воздух, время шло<,> и он [думал] сомневался:

– Либо мне погибнуть?

Прушевский не [мог знать, что нового и счастливого случится с ним, [<в> машинах нет ничего, он уже знал, а другие любили их] а не зная того, он не ожидал ни радости, ни забвения.] видел, кому-бы¹ он настолько требовался, чтоб непременно поддерживать себя до еще далекой смерти. Вместо надежды, ему осталось лишь терпение,

Записи на полях листа 48:

① *Чевенгур?* (Помета, вероятно, вызвана опасением произвольного повтора здесь некоторых мотивов из «московского» эпизода «Чевенгура», посвященного Сербинову. Ср. следующее, подчеркнутое в тексте место, к которому, по всей видимости, и относится данная помета: ...любил, чтобы во время тоски его касались чьи-нибудь руки.)

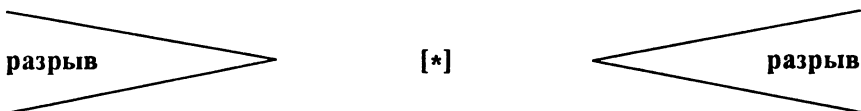
② *Л<и>б<о> мне погиб.<нуть?>* (Справа на полях).

¹ Над строкой, выше отмеченного в тексте места, вписано: *сбыв надежды*. Едва ли эта запись является здесь авторской ремаркой, аналогичной некоторым из помет на полях. В зависимости от времени, когда она была сделана, и того места в тексте, куда предполагалось ее ввести, она могла бы быть транскрибирована или как вычеркнутая вставка (напр., ПРУШЕВСКИЙ [<,> *сбыв надежды* <,>] не видел и т. д.) или как возможный вариант к уже сделанной вставке (напр., взамен **непременно**). Однако решить вопрос о локализации этой записи не представляется здесь возможным. (Ср. также начало следующего предложения).

[но скоро его будни кончатся, он придет домой, [пов] ляжет и, повернувшись лицом в стену] и где-то за чередой ночей, за опавшими [и], расцветшими и вновь [погибающими] погибшими садами, за встреченными и минувшими людьми существует* его [ожидает] срок, когда придется лечь на койку, повернуться лицом к стене и скончаться, не сумев заплакать. На свете будет жить только его сестра, но [и] она родит ребенка<,> и жалость к нему станет сильнее [тоски] грусти по мертвому, разрушенному брату.

– Лучше я умру, – [решил] подумал Прушевский. – Мною пользуются, но мне никто не рад. Завтра я напишу последнее письмо [ст] сестре, надо купить марку с утра.

И решив скончаться, он лег в кровать и заснул [в таком счастье] со счастьем равнодушия к жизни. Не успев [подумать] еще почувствовать всего счастья, он от него проснулся в три часа пополуночи и, осветив [комнату] квартиру, сидел среди света и тишины, окруженный близкими яблонями, до самого рассвета, и тогда || открыл окно, чтобы 50 [слухать] слышать птиц и шаги пешеходов.

п.п.^① Вощев перестал спать и открыл глаза. [Радостный] Утренний свежий мир светился сквозь щели барака[. [Его] Свое тело], и Вощев почувствовал свое тело как вновь зачатое: вчерашний труд истребил в нем [какие-то [ветхие,]¹ отжившие] [утомленные,] старые* внутренности, [и] но сон [зано] наполнил его [целой плотью] [цельной] первоначальной* плотью. [Он попробовал думать, чтобы проверить ум, и [ум, [<2(?) слова нрзб>] еще не зная истины, стал думать о неизвестном] ум его покорно стал думать о неизвестном, не сомневаясь в своем действии.]

[Климентов] Чиклин еще спал, и Козлов рядом с ним, а другие лежали сбоку [от них,] [и тоже], одинаково уставшие от земли. Пусть они спят пока, чтобы [каждое лицо от] вместе с дыханием из них [выгорела] выгорала [отжившая[, сработанная часть] жизнь] отжившая кровь и пустое место [наполнилось] [<наполн>ялось] наливалось* [цельной] густой ощущаемой* влагой. У Козлова ниже ушей возобновилось биение материнских родников и уже порозовело [оскудевшее от труда лицо.] [его] оскудевшее лицо. Значит, ему скоро пора пробудиться и сознательно [почувствовать жизнь] жить.

п.п.^② [Климентов] [Немного спустя]

Вощев отворил дверь наружу, впуская воздух для дыхания спящих, а сам вышел прочь, чтобы не мешать течению свежести на лежащие

Записи на полях листа 50:

① проб. <уждение> раб. <очих>

② <2(?) слова нрзб>

¹ Слово *ветхие* подчеркнуто и отмечено вопросительными знаками на полях.

лица. В природе был [свет] теплый свет и раздавался ровный шум суеты мелкой жизни, которая тоже добывала себе смысл жизни кое из чего. || Недалеко [находилась заглохшая] находился заглохший овраг, и одинокое дерево наклонилось над ним безветренными <sic> ветвями, ища своего [значения или сожительства] рождения в земле или посмертного сожительства с нею. По ту сторону оврага была еще какая-то впадина<,> и оттуда [[исходил] выходил изжитый машиной пар], из невидимого предприятия, выходил изжитый машиной пар[: он исчез в стороне [ото вс] [от города] [ото всегда]]. В стороне ото всего сидел<,> согнувшись в траве<,> бедный человек, его палка была воткнута в землю<,> и узелок с имуществом висел на ней; он тоже, наверное, жил, [терпя.] с усилием* и надеялся получить свое счастье полностью[.], – а может быть<,> существовал [лишь [из] ради нас] лишь с [<нрзб>] [насмешкой] [с вниманием] [с пристальностью] [терпением или от] терпением любопытства.

Вслед за своим наблюдением того человека, Воцев услышал [пение.] пение тихого голоса:

– Липа [вековая] векова-ая...

п.м. ① [Голос] Дальше голос [почти смолк] стал тише, продолжая песню шепотом, и вовсе [замер. Воцев] [исчез] смолк. Воцев зашел обратно в барак. Там [Климентов] Чиклин глядел [глазами] непомнящими глазами и безмолвно произносил песню ртом; он уже очнулся, но еще не мог вспомнить своей жизни[,] – и помнил песню, готовясь жить сначала.

Козлов-же хотя и спал [еще] пока, но карябал <sic> [зу] грудь ногтями, мучаясь [невидящим лицом, а затем] с закрытыми глазами, а потом [приподнялся] сразу [поднялся] приподнялся и боязливо закричал.

– Ты чего испугался? – спросил Воцев, приближаясь на помощь.

– Крыса в груди грызется!

[К] || [Климентов [умело взгляделся]] Чиклин встал на привычные 52 ноги и умело взгляделся в тело Козлова, где находилась крыса; [Климентов] [он] Чиклин захотел ее спокойно убить.

– Рот [сожми] зажми! – сказал он Козлову. – И живот схвати руками [–], а то она [выск] выскочит. [Я ей сейчас как дам, так она будет пополам.¹]

Козлов бережно сжал рот и вдавил рукой живот, чтоб крысе было туже выходить, но [почувствовал] вдруг почувствовал свою внутренность свободной и сердце [пустым] легким.

– Она – вонна <sic>! – показал он на свой пиджак, которым прикрывал ноги.

[Климентов [ударил] удар] Чиклин с [жесткой] твердой силой ударил босой подошвой по пиджаку, но место под ним было [пусто] пусто.

Записи на полях листа 51:

① Крыса в гр.<уди>

② Кл.<иментов -> согл.<асовать>

¹ В тексте подчеркнуты окончания слов дам и пополам (звуковой повтор). Соответствующее место на полях также отчеркнуто и отмечено вопросительным знаком.

– Ушла! – обнаружил [Климентов] Чиклин.

Козлов [об] грустно обиделся:

п.т. – Я вот **теперь**, как говорится, заявление в охрану труда подам – крысы рабочему [<нрзб>] сердце грызут.

После общего пробуждения в барак пришел посторонний человек. Изо всех мастеровых его знал один только Козлов, благодаря своим прошлым конфликтам. Это был товарищ Пашкин, председатель окрпрофсовета. Он имел уже пожилое лицо и согбенный корпус тела – не столько от числа годов, сколько от социальной нагрузки; от этих данных [го] он говорил отечески, и почти [э] все знал или предвидел.

– Крысы, товарищ Пашкин! – сказал ему Козлов. – Они мне сердце, как говорится, грызут и грызут.

[– О] Пашкин никогда не спешил отвечать, чтобы [<нрзб>] люди видели его думающим, а отвечал небрежно: пусть сущность его слова действует || сама по себе.

– Где крысы? [Ты] Зачем они придут сюда? Ведь у вас [нет женщин] женщин нету – грязь заводит некому [заводить!..]! Ты [пересыпаешь,]<> наверно<> спишь с надбавкой – и тебе снятся животные. Тут же был санврач! А если крысы, организуйте кружок осавиа-хима <sic> и травите любую тварь – практикуйтесь против буржуазии на мелочи!.. Это [хоро] даже хорошо, что хоть крыса будет, – как вы не понимаете!

– Мы понимаем, – с уважением сообщил [Кмит] Сафронов. – [Мы старимся <sic>] Нам деваться некуда, [приходится] приходится <sic> все понимать.

[Пашинцев <sic> обошел барак]

[Пашкин обошел медленным шагом]

Морщась от забот и привычной осведомленности, Пашкин обошел [медленным] своим шагом жилое помещение, изучая невзрачным взглядом гигиеничность и кубатуру, – и нашел условия приличными[. Однако, было необходимо][:]; ведь пролетариат еще только делает себе существование, так что требовать ему блага не с кого. Пашкин угрюмо знал [все] почти все, и даже скучал:

“Ну[,] – чтож <sic>, – говорил он обычно во-время <sic> трудности: – все равно [любую жизнь организовать можно. Счастье] счастье наступит[”. И уныло наклонял] исторически”. И [уныло] [тихо] [покорно] с покорностью наклонял унылую голову, [в] которой [не осталось ничего неизвестного] [уже нечего было думать] уже нечего было думать*.

Близь начатого котлована Пашкин постоял лицом к земле, как ко всякому производству.

– Темп тих, – произнес он [ближайшим] мастеровым. – Зачем вы жалаете подымать производительность? [В кои веки] Социализм обойдется и без вас, а вы без него проживете зря, и помрете.

– Мы, товарищ Пашкин, как говорится, стараемся, – сказал Козлов. ||

Помета на полях листа 52: *раньше?*

– Где-ж стараетесь?! Одну кучу только выкопали!

Стесненные упреком Пашкина, мастеровые промолчали в ответ. Они стояли и [думали] видели: верно говорит человек – скорей надо рыть землю [ставить дом и кончать его, иначе будет итти время и кончится сила в руках] [, чтобы поставить] и ставить дом, а то умрешь и не [успеешь] поспеешь. Пусть сейчас жизнь уходит, как течение дыханья, но зато посредством устройства дома ее можно организовать впрок – для будущего недвижимого счастья и для детства.

[– Пойдет-ли дождь, товарищи, или снег начнет падать вниз – вам надо [держаться] убежденно [про] держаться [против] против]

Пашкин глянул в даль – в равнины и овраги; где-нибудь там ветры начинаются, происходят холодные тучи, [разводятся комары] разводится разная комариная мелочь и болезни, размышляют кулаки и спит сельская отсталость, а пролетариат живет один, как сукин сын, в этой [темной] скудной пустоте, и обязан за всех все выдумать [смысл [истории] времени]¹ и сделать вручную вещество долгой жизни. И жалко стало Пашкину [весь свой профсоюз] все свои профсоюзы, и он [почувствовал] познал в себе доброту к трудящимся.

п.п.

[– Держитесь коллективно, – сказал он]

– Я вам, товарищи, [льгот] определю по профсоюзной линии [какие] какие-нибудь льготы, – сказал Пашкин.

– [Отк] А откуда-же ты льготы возьмешь? – спросил [Кмит] Сафронов. – Мы их вперед должны сделать и тебе передать, а ты нам.

Пашкин посмотрел на [Кмита] Сафронова своими [терпе] уныло-предвидящими глазами и пошел внутрь || города на службу. За ним вслед 55 отправился Козлов и сказал ему, отдавшись:

– Товарищ Пашкин, вон у нас Вощев зачислился, [–] а у него выписка из протокола есть: [ему] его, как говорится, смысл жизни заставили [<нрзб>] организовать, а он землю копает и забыл, – вы ему скажите...

– Не вижу здесь никакого конфликта, – дал заключение Пашкин, и оставил Козлова без утешения.

После Пашкина Козлов сел кушать печенку со вчерашним хлебом, который [Кмит] Сафронов называл не черствым, а всего лишь холодным. И другие тоже съели пищу, чтобы приобщить свое тело к силе, а затем к труду. [Один [Климентов] Чиклин] Только Чиклин и Вощев ничего не [ел] ели; [он] Чиклин находился [в глубине соседнего оврага и глядел оттуда вверх, [–] в тишину и теплоту[. Там]; там образовывался свет солнца и в томлени неслась горячая муть. [Редкая] Маленькая трава, [недавно] принявшаяся по суглинку, [уже] уже поникла в одури, истощенная собственным размножением, [– она

¹ В тексте подчеркнуто волнистой линией: ... выдумать СМЫСЛ ИСТОРИИ... Далее на полях справа был отчеркнут и помечен вопросом, как неудовлетворительный, и следующий вариант: ... выдумать СМЫСЛ ВРЕМЕНИ... (Пометы на полях были вычеркнуты одновременно с этим фрагментом).

Помета на полях листа 54 (к подчеркнутому в тексте слову СВОЙ):

проф.<союз> свой? Соглас.<овать> на пред.<ыдущих листах> / Окпрофбюро

[смирно кончалась] уже [смиряться] смирилась над еще невозшедшими детьми[.][?] и поручала будущ. <ему> увядши. <ую> жизнь.] хотя ей и самой незачем было расти. “Труден белый свет”, – полагал [Климентов] Чиклин, тоскуя в то утро. З Прошло кое-какое, ненужное время, и Козлов [позвал] издали позвал [Климентова] Чиклина есть печенку и работать. [Климентов вышел наверх] [Климентов] Чиклин пошел, не зная, почему ему так скучно и тревожно, словно что-то чужое [синее] находится [внутри] внутри [. На пустыре около котлована стоял Воцев]; может потому, что он только копает ежедневно землю, а общественно не активен, может быть[,] оттого, что [родню] забыл родню и скрывается в мире один.]

п.п. в глубине соседнего оврага, а Воцев стоял на [На] пустыре около котлована [стоял Воцев] и слушал, как пели в городе красноармейцы одну и ту же || песню:

Сухарики-чупчики[.],
Чуп-чи-ки...

Эту песню он слышал еще в детстве, ее пели солдаты русско-японской войны. И теперь ее поют, – и [так] одинаково, как в то давнее время, небо [на краю] было [заслонено] покрыто [наволочью] туманной жарой*, а солнце пустынно светило над [всем сиротством] ? земли.] всю [ветхо] безлюдной [б] ветхостью земли. Значит, Воцев зря [живет] проживает жизнь – она не меняется, она как замершее детство<,> и в ней нет [ко] [истинного конца] истины на конце. Вон видна одна изба в поле – [кто и зачем там живет] если кто и живет там, то стихийно, а не по сознанию, и уж не может организовать колхоз. Горе всеобщего [чувства] [сознания] [чувства] состояния начинало мучить Воцева, он чувствовал всю наружную жизнь, как [внутри себя,] свою внутренность, и хрипел горлом, открыв рот для сообщения.

– [Климентов] Чиклин, а где-ж марксизм? Кругом слабые [люди] [места] места* и [вечное] одно пустое, вечное время, – [у меня опять здоровье пропадет] [на небо находят] у меня опять здоровье пропадет...

– Да вот именно-то! – сказал [Климентов] Чиклин. – Тут дом нужен, а тут порожняк лежит, поневоле у тебя [свер] [све] [ну] нужна свербит. Но [ты] мы управимся, мы всю пустоту загрозоздим.

Воцев глядел на низкое туловище [Климентова] Чиклина, всю жизнь молча обращавшее [<вар.: обращавш>его?] харчи в [земляные ямы и [постройки] ?] [рытье?] рытье земляных ям, и взял лопату, чтобы трудиться близь него. Козлов, стараясь не думать и не считать жизни, резал лопатой глину и клал ее наверх; он хотел-бы еще и не ||

Запись на полях листа 55: ДУРАК

Записи на полях листа 56:

① Где? Согл. <асовать> (Справа на полях.)

② овр. <аг> (Справа на полях, не вычеркнуто.)

③ Согл. <асовать> выше <-> см. <отри>

④ Кмит отвеч. <ает>

- п.м. ① чувствовать, чтобы опомниться лишь вечером или во сне. [*Козлову хотелось [сберечь] [сберечь] хотя-бы частично сберечь в [своем] своем теле сердце и дыхание в груди – для краткого будущего счастья*] Сон для Козлова и всех мастеровых был почти главной жизнью – [*в нем*] [*в него*] в нем они [*прятались*] забывались* для сбережения тела, там они видели мир уже доделанным до конца<,> и им оставалось краткое счастье существованья и медленное дыхание в [*груди*] груди; часто во сне они [*поворачива*] поворачивались вниз лицом, чтобы спать теснее к земле, глубже и безвозвратней. Просыпался Козлов, как обманутый, и первые часы [*рыл землю*] работал в раздражении, но тем более не жалея себя, потому что ничего еще не [*закон*] закончено и не сбылось,
- п.м. ② [*а кругом него сплошная отсталость масс. Из боязни*] и можно умереть, не дождавшись. Когда-же Козлов ослабевал от глины, [*нрзб*] то падал пролетарской верой и шел внутрь города – писать опорочивающие <sic> заявления и налаживать различные конфликты, с целью организационных достижений; при истощении тела Козлов стремился развивать ум, чтоб не пропасть [*не*] для общественной полезности.

До полудня время шло благополучно; никто не приходил на котлован из организующего или технического персонала, но земля все-же углублялась || под лопатами, считаясь лишь с силой и [*терпением*] терпением землекопов. [*Прушевский сидел [в саду] [в саду] в то время*] Вошев иногда наклонялся и подымал камешек, [*или*] а также другой слипшийся прах, и клал его на хранение в свои штаны. Его радовало и [*волновало*] беспокоило [*долгое*] почти вечное пребывание камешка в среде глины[.] [*и во тьме: значит*], в скоплении тьмы: значит, [*есть серьезный смысл*] ему есть расчет там находиться, тем более следует человеку жить.

[*Прушевский*] После полудня Козлов уже не мог надыхаться, – он [*стара*] старался вздыхать серьезно и глубоко, но воздух не [*проходил*] проникал, как прежде, вплоть до живота, а [*проникал*] действовал лишь поверхностно. Козлов сел в обнаженный грунт и пригорюнился[.] руками к [*лицу*] [*костному*] костяному своему лицу.

- п.м. ① – Расстроился? – спросил его [*Кмит*] Сафронов. – Тебе для прочности надо-бы в физкультуру записаться, а ты уважаешь конфликт[!]: ты мыслишь отстало.

[*Климентов*] Чиклин без спуска и промежутка [*гвоздил*] громилом ломом [*из*] [*самород*] плиту самородного камня, не останавливаясь для мысли или настроения; он не знал, для чего ему жить иначе – еще вором станешь или тронешь¹ революцию.

Записи на полях листа 57:

- ① *Пож.* <алуи,> *овр.* <аг> *сгод.* <ится>
 ② *Согл.* <асовать> *выше* <-> *см.* <отри>
 ③ *Конфл.* <икты>

Записи на полях листа 58:

- ① *Выше* где *появл.* <яется> *Км.* <ит> – *Сафронов* *посмотреть* для *соот.* <етствия> *Сафр.* <оно> *ву* как *типу* *всех* *прошл.* <ых> *классов.*

¹ В тексте отчеркнуты повторяющиеся глагольные окончания в словах СТАНЕШЬ и ТРОНЕШЬ. Позже эти пометы в тексте и вопросительный знак на полях были вычеркнуты.

– Козлов опять ослаб! – сказал [Климентову] Чиклину Сафронов. –

Не переживет он социализма – какой-то функции в нем не хватает!

п.п. ②

[Климентов] Чиклин [остановил] перестал трудиться [и заметил] и заметил Козлова, уже ласкавшего [для облегчения] самого себя об-
ими <sic> руками. [Жизнь] [Климентов] **Здесь Чиклин** сразу начал
думать, [– во время бе] потому что [жизни] его жизни некуда было де-
ваться, раз исход ее в землю || прекратился; он прислонился [к] [мокр] 59
влажной спиной к [стене] отвесу выемки, глянул в даль и вообразил
воспоминания – больше он ничего [не мог мыслить] думать не мог.
[<Z> Над] В ближнем к котловану овраге сейчас росли [ломал] по-
немногу травы и [нагревался нижний песок, чуть волнуемый [дальним]
речным ветром] замертво лежал [нижний песок] ничтожный песок[. Там
было уютно песку и траве]; неотлучное солнце [рас] безрасчетно [рас-
точало] [расточает] расточало [себя] свое тело на каждую мелочь здеш-
ней, низкой жизни, и [неко] [роет овраг] оно-же [вырыло в старину
овраг], посредством теплых ливней, [но] вырыло в старину овраг, но
туда [ничего не помещено. <Z> Климентов вышел из котлована] еще
не помещено никакой [человеческой] пролетарской пользы. Проверая
свой ум, [Климентов] Чиклин пошел в овраг и обмерил его [своим]
привычным шагом, [могушим считать не только площадь, но и [ку-
бару] кубатуру. Овраг был] равномерно дыша для счета. Овраг был
полностью нужен для котлована, следовало только спланировать от-
косы и врезать глубину в водоупор.

– Козлов пускай поболелет, – сказал [Климентов] Чиклин, при-
быв обратно. – Мы тут рыть далее не будем[,] стараться, а погрузим дом
в овраг и оттуда [налад] наладим его вверх: Козлов успеет дожить.

Услышав [Климентова] Чиклина, многие прекратили [ка] копать
грунт и сели [подумать] вздохнуть. Но Козлов уже отошел от своей
усталости и хотел итти к Прушевскому [говорить, что зем] сказать, что
землю больше || [не] [уже] не роют[.],[,] – и надо [что-нибудь [сущес- 60
ственно]] предпринимать **существенную дисциплину**. Собираясь
совершить такую организационную пользу, Козлов [радов] заранее
радовался и выздоравливал. Однако [ег] Сафронов [его] оставил его на
[месте:] месте, [как] **лишь** только он тронулся.

– Ты что, Козлов, – [к интеллигенции] курс на интеллигенцию взял?
Вон она сама спускается в нашу массу [опускается].

п.п.

Прушевский шел [с рабочими] на котлован впереди неизвестных
людей. Письмо сестре он отправил и хотел [беспрерывно] теперь [бес-
прерывно] упорно действовать, [строить] беспокоиться о текущих
предметах и строить любое здание в чужой прок, [чтобы] [чтобы]
лишь-бы не [чувствовать] тревожить своего сознания, в котором
он установил особое[,] нежное равнодушие, согласованное со смертью
и с чувством [сожаления] сиротства к остающимся людям. [<Z>]

Записи на полях листа 58 (продолжение):

② *руки остан. <овились –> нач. <алась> мысль*

Запись на полях листа 60: *Прол. <тарского> таланта труда нет*

Вставка “Б” к стран.<ице> 60

[*Особенно и трогательно его теперь интересовали [и трогали] те*]
С особой трогательностью он [теперь] относился к тем людям, которых [он] ранее почему-либо [ранее] не любил, – теперь [он чувствовал в них почти главную] он чувствовал в них почти главную загадку своей жизни и пристально вглядывался в чуждые и знакомые [лица], глупые лица, волнуясь и не понимая.<>

Неизвестные люди оказались новыми рабочими, что прислал Пашкин для [усиления темпа] обеспечения [надлежащего] государственного темпа. Но рабочими прибывшие не были: [Климентов] Чиклин [без] сразу, без пристальности обнаружил в них переученных наоборот городских служащих, разных степных отшельников и людей, привыкших идти тихим шагом позади трудящейся лошади [. Прушевский]; в их теле не замечалось никакого пролетарского таланта труда, они более способны были лежать навзничь или покоиться как либо <sic> иначе.

Прушевский [n] определил [Климентову] Чиклину расставить свежих [людей] [землекопов] рабочих по котловану и дать им выучку, потому что надо уметь жить и работать с теми людьми, которые есть на свете.

– Нам это ничто, – высказался Сафронов. – Мы ихнюю отсталость [вышибем] в активность [и так и далее...] вышибем.

– Вот-вот, – произнес Прушевский, доверяя, и пошел позади [Климентова] Чиклина на овраг. ||

[Он] [Климентов] Чиклин сказал, что овраг <-> это более чем 61 [наполовину] пополам готовый котлован[,] и посредством оврага можно сберечь людей для будущего. Прушевский согласился с тем, [решив в уме проложить вокруг] потому что он все равно умрет раньше<,> чем кончится здание.

– А во мне пошевелинулось научное сомнение, – сморщив свое вежливо-сознательное лицо, сказал Сафронов. И все к нему прислушались. А Сафронов глядел на окружающих с улыбкой загадочного разума.

– Откуда это у товарища [Климентова] Чиклина мировое [представление] представленье [появилось] получилось[,]? – произносил постепенно Сафронов. – Иль он особое лобзание в малолетстве имел, что лучше ученого предпочитает овраг! Отчего ты, товарищ [Климентов] Чиклин, думаешь, а я с товарищем Прушевским хожу<,> как мелочь между классов[!..]<,> и не вижу [-----?]себе улучшенья!..*

[Климентов] Чиклин был слишком [молчалив <sic>] угрюм для [правильного ответа] [ясной мысли] [о] хитрости и ответил[,] [со стеснением] приблизительно:¹

– Некуда жить, вот и думаешь [нечаянно] в голову.

¹ Слово подчеркнуто и помечено вопросительным знаком на полях. Позже эти пометы были вычеркнуты.

Прушевский посмотрел на [Климентова] Чиклина, как на бесцельного мученика, а затем [ушел в свою канцелярию] попросил произвести разведочное бурение в овраге и ушел в свою канцелярию. Там он начал тщательно работать над [ча] выдуманными частями общепролетарского дома, чтобы ощущать предметы и позабыть людей в своих воспоминаниях. Часа через два Воцев принес ему образцы грунта из разведочных скважин. “Наверно, он знает смысл [жизни] природной жизни”, – [тихо] тихо подумал Воцев о Прушевском и, [томи] томимый || своей последовательной тоскою, спросил:

– А вы не знаете, – отчего [устроен] устроился весь мир?

Прушевский задержался вниманием на Воцеве: неужели [пролетариат] они тоже будут интеллигенцией, неужели нас капитализм родил двоешками, – боже мой, какое у него уже теперь скучное лицо!

– Не знаю, – ответил Прушевский.

– А вы-бы научились этому, раз вас старались учить.

– Нас учили [как] каждого какой-нибудь [отрезанной] мертвой части [мира]: я [строитель,] знаю глину, [тяжест] тяжесть веса и механику покоя, но плохо знаю машины и не знаю [звезд] <,> почему бьется сердце в живогном. Всего целого, или [внутреннего] что внутри нам не объяснили.

– Зря, – определил Воцев. – Как же вы живы были так долго? Глина хороша для кирпича, а для вас она мала!

Прушевский взял в руку образец грунта и сосредоточился на нем – он хотел остаться только с этим темным комком земли. Воцев отступил за дверь и скрылся за нею, шепча про себя свою грусть.

Инженер рассмотрел грунт и долго, [с [тщательностью заинтересов] интересом] по инерции самодействующего разума, свободного от надежды и желания удовлетворения, рассчитывал <sic> тот грунт на сжатие и деформацию. Прежде, во время чувственной жизни и видимости счастья, Прушевский посчитал бы надежность [гру] грунта менее точно, – теперь же ему [остались лишь вещи и предметы – и собственный покой среди их равнодушного состояния. Но и покой должен быть деятелен,] хотелось¹ непрерывно заботиться о предметах и устройствах, чтобы иметь их [в своем] в своем уме и пустом сердце, вместо [привязанн] дружбы и привязанности к людям. [Техника] Занятие техникой покоя [здания] будущего здания обеспечивало Прушевскому равнодушные ясной мысли, близкое || к наслаждению, – и детали сооружения возбуждали интерес, лучший и [про] более прочный, чем товарищеское* волнение [товарищества] с [дру] единомышленниками. Вечное вещество, не нуждавшееся ни в движении, [ни в истине,] ни в жизни, ни в исчезновении<,> заменяло [Пру] [в] Прушевскому [како] [существо] что-то забытое и необходимое, как существо утраченной подруги.

¹ Начинающийся здесь участок текста дан взамен оставшегося незавершенным фрагмента. Пространственное расположение вычеркнутого и невычеркнутого участков исключает возможность их прочтения как частей ранее единого целого.

п.м.^① Окончив счисление своих величин, Прушевский [приобрел покой и]
 п.м.^② обеспечил несокрушимость будущего общепролетарского жилища
 п.м.^③ и почувствовал утешение от [прочности] надежности матерьяла [вок-
 руг], [охраняющего] предназначенного охранять людей, живших
 доселе наружи <sic>. И ему стало [[странно] [тихо] тихо и легко]
 легко и неслышно внутри*, точно [жил] он жил не предсмертную
 [жизнь], равнодушную жизнь, а [нуж] ту самую, [которую он] про
 которую [он] ему шептала [мать] некогда мать своими устами, но он ее
 утратил даже в [воспоминаниях] воспоминании.

Не нарушая своего покоя и удивления, Прушевский [оставил] оставил
 канцелярию земляных работ. В природе [завер] [завершался [затихший]]
 отходил в вечер опустошенный летний день, все постепенно [зака] кон-
 чалось вблизи и вдали: прятались птицы, ложились люди, смирно [куру-
 лись] курился [дым] дым [из дал] из отдаленных полевых жилищ, где без-
 известный [сонный] усталый человек сидел у котелка, ожидая ужина, решив
 терпеть свою жизнь до конца. На [котловане еще трудились] котловане было
 пусто, землекопы перешли трудиться на овраг<,> и там сейчас происходи-
 ло их движение. Прушевскому захотелось вдруг[, что] побить в далеком
 центральном городе, где люди долго не спят, думают и спорят, где по вечерам
 открыты гастрономические [маз] магазины и оттуда пахнет вином
 и кондитерскими изделиями, где можно встретить незнакомую женщину 64
 и побеседовать с ней всю ночь, [а ум] || испытывая таинственное счастье
 дружбы [и], когда хочется жить [в этой вечной трево] вечно в [ее]
 этой тревоге[.]; утром-же, простившись [на] под потушенным газовым
 фонарем, разойтись [<нрзб>] [без [обещаний] обещанья встречи]
 в пустоте [утра и] [пространства] рассвета[,] без обещанья встречи.

Прушевский сел на лавочку у канцелярии. Так-же он сидел когда-то
 у дома отца, – [вечера не] [погожие вечера не изменились с тех пор] [вечера]
 [летние] летние вечера не изменились с тех пор, – и он любил тогда
 следить за прохожими мимо[людьми, – иные], – иные ему нравились, и он
 жалел, что не все [ему зак] [знакомы] люди знакомы между собой. Одно-
 же [воспоминание] чувство было живо и печально¹ в нем до сих пор[, но
 он не мог]: [однажды] когда-то*, в такой же вечер<,> мимо дома его дет-
 ства прошла девушка, и он не мог вспомнить ни [года] [года того собы-
 тия] ее лица, ни года того события, но с тех пор всматривался во все жен-
 ские лица и ни в одном из них не узнавал той, которая, исчезнув, все-же
 была его единственной подругой[.], и так близко прошла, не остановившись.

разрыв

[*]

разрыв

Во время революции, по всей России день и ночь брехали собаки,
 но теперь они [почти] [смолкли] умолкли: настал труд и трудящиеся

Записи на полях листа 63:

- ① *всп.* <оминает> *дев.* <ушку>
- ② *гастр.* <ономы> *откр.* <ыты>
- ③ *утеш.* <ение>

¹ Слово печально вписано позже на оставленное свободным место (предварительно намеченное в строке пунктиром).

спали в тишине. Милиция охраняла снаружи безмолвные рабочих жилищ, чтобы сон был глубок и питателен для [будущего т] утреннего труда. Не спали только ночные смены строителей да тот безногий инвалид, которого встретил Воцев при своем пришествии в этот город. Сегодня он ехал [в тишине] на [теле] низкой тележке к товарищу || Пашкину, дабы получить от него [обычную] свою долю жизни, за которой он приезжал раз в неделю. 65

Пашкин жил в [каменном,] основательном доме из кирпича, [окна] п.п. ① чтоб невозможно было сгореть, и [окна дома] открытые окна его жилища выходили в культурный сад, где даже ночью светились цветы. Урод п.п. ② [подъехал по дорожке] проехал мимо [окна] окна кухни, которая п.п. ③ шумела, как котельная, производя ужин, и остановился против кабинета Пашкина. Хозяин сидел неподвижно за столом, глубоко вдумавшись во что-то невидимое для инвалида. На его столе находились различные жидкости и баночки для укрепления здоровья и развития активности[;], – Пашкин много приобрел себе классового сознания, он состоял в авангарде [и потому], накопил уже достаточно достижений, – и потому научно хранил свое тело – не только для личной радости [существования] существования, но и для ближних рабочих масс. Инвалид обождал время, пока Пашкин, поднявшись от [мысли, про] [мыслен] занятия мыслью, проделал всеми членами беглую гимнастику [и снова сел] [всеми членами] и [снова сел], доведя себя до свежести, снова сел. [Посидел] [Посидев] Урод хотел произнести свое слово в окно, но Пашкин взял пузырек и после трех медленных вздохов выпил оттуда каплю.

– Долго я тебя буду дожидаться? – спросил инвалид, не [сознавший] сознававший ни цены [вар.: не сознававший цены] ни жизни, ни здоровья. – Опять хочешь от меня кой-чего заработать?

Пашкин нечаянно заволновался, но напряжением ума успокоился – [не [жее] желая] он никогда не желал тратить нервности своего тела.

– Ты что, товарищ [Сынов] Жачев: чем не обеспечен, || чего воз- буждаешься? 66

[Сынов] Жачев ответил ему прямо по факту:

– Ты что-ж, буржуй, иль забыл, за что я тебя терплю? Тяжесть хочешь получить в слепую кишку[!]? Имей в виду – любой кодекс для меня слаб!

Здесь [Сы] инвалид вырвал из земли ряд роз, бывших под рукой, и < – > не пользуясь – бросил их прочь.

– Товарищ [Сынов] Жачев, – ответил Пашкин, – я тебя [вовсе не пони] [не могу] вовсе не понимаю: ведь тебе идет [социалка] пенсия по первой

Записи на полях листа 65:

- ① забот.<ится> о здор.<овье>
- ② <2(?) слова нрзб>
- ③ Я жиру хочу и молочн.<ого>
- ④ молч.
- ⑤ прин.<имает> лек.<арство>

категории, – как же так? Я уж и так, [что мог] чем мог, всегда тебе шел навстречу.

– Врешь ты, классовый излишек, – это я тебе навстречу попадался, а не ты шел!

п.п. В кабинет Пашкина вошла его супруга, – [она е] с красными губами, жрущими мясо.

[– Ты опять,]

– Левочка, ты опять волнуешься[!]? – сказала она. – Я ему сейчас сверток вынесу: это прямо стало невыносимым, с этими людьми какие угодно [нер] нервы испортишь!

Она [пош] ушла обратно, волнуясь всем [задним телом] невозможным телом.

– Ишь<, > как жену, стервец, расхарчевал! – произносил из сада Жачев. – На холостом ходу всеми клапанами работает, – [нам от нее одна идея, а тебе говя] значит<, > ты можешь заведывать <sic> сукой!

Пашкин [уже забыл] был слишком опытен в руководстве отсталыми, чтобы раздражаться.

– [Тебе] Ты и сам, товарищ Жачев, [мог] вполне мог содержать для себя подругу: в пенсии учитываются все минимальные потребности. ||

[–] [Жачев]

67

– Ого, [тактичная] гадина тактичная какая! – определил Жачев из мрака. – [На пенсию] Моей пенсии и на пшено не хватает – на просо только. А я хочу жиру и что-нибудь молочного. Скажи своей мерзавке, чтоб она мне в бутылку сливок [нацед] погуще налила!

Жена Пашкина вошла в комнату мужа со свертком.

– Оля, он еще сливок требует, – [сказ] обратился Пашкин.

– Ну вот еще! Может ему крепдешину еще купить на штаны? Ты ведь выдумашь!

– Она хочет, чтоб я ей юбку на улице разрезал, – сказал с клумбы Жачев. – Иль окно спальни прошиб [вплоть] – до самого пудренного <sic> столика, где она [р] [свою] свою рожу уснащает, – она от меня хочет заработать!..

Жена Пашкина помнила, как Жачев [подал] послал в [ЦКК] ОблКК заявление на ее мужа и целый месяц шло расследование, [а ее Левочка] – даже к имени придирались[, –]: почему и Лев [? –] и Ильич? – уж чтонибудь <sic> одно! Поэтому она немедленно вынесла [Жачеву] [инвалиду] инвалиду бутылку кооперативных сливок, и Жачев, получив через окно сверток и бутылку, отбыл из [усадыб] усадебного сада.

– [Качество] А качество продуктов я дома проверю, – сообщил он, остановив свой экипаж у калитки. – Если опять порченный кусок говядины или просто обедок попадетсся, – надейтесь на кирпич в живот: по человечеству я [<нрзб>] лучше вас – мне [пища] нужна достойная пища!

[Пашкин не] Оставшись с супругой, Пашкин || до самой полночи не мог превозмочь в себе тревоги от уroda. Жена Пашкина умела думать от скуки, и она выдумала мысль во время семейного молчания:

68

– Знаешь что, Левочка?.. Ты бы организовал как-нибудь этого Жачева, а потом взял и продвинул его на должность – пусть бы хоть [инвалидами] увечными он руководил! Ведь каждому человеку нужно иметь хоть маленькое господствующее значение, тогда он спокоен и приличен [<Z> Пашкин] ...Какой ты, все-таки, Левочка, доверчивый и нелепый!

Пашкин, услышав жену, почувствовал [[радость] спокойствие и] любовь [к жене] [к ней и спокойств. <ие>?] [к ней] и спокойствие, – [здоровье] [основная жизнь] к нему снова [к¹ нему] возвращалась основная жизнь.

– Ольгуша, лягушечка, ведь ты гигантски чуешь массы! Дай я к тебе за это приорганизуюсь!

Он приложил свою голову к телу жены и затих в наслаждении счастьем и теплотой. Ночь продолжалась в саду, вдалеке скрипела тележка Жачева, – по этому скрипящему признаку все мелкие жители города хорошо знали, что сливочного масла нет, ибо Жачев всегда смазывал свою повозку именно сливочным [маслом,] маслом, получаемым в свертках от достаточных лиц[:]; он нарочно стравлял продукт, чтобы [он не давал силы] лишняя сила не прибавлялась в буржуазное тело, [[но] и сам стыдился его кушать] [и] а сам не желал питаться этим зажиточным веществом. В последние два дня Жачев почему-то почувствовал аппетит увидеть Никиту [Климентова] Чиклина, и направил [ход] движение своей тележки на земляной котлован.

– Никит! – позвал он у ночлежного барака. [<Нрзб>]

После звука еще более стала заметна ночь, тишина и общая грусть слабой жизни во тьме. || Из барака не раздалось ответа Жачеву, [лишь] 69 лишь слышалось жалкое дыхание.

– Без сна рабочий человек давно-бы кончился, – подумал Жачев, и без шума поехал дальше. Но из оврага вышли [два челов] двое [ч] людей с фонарем, так что Жачев стал им виден.

– Ты кто – такой низкий? – спросил голос [Жачева] Сафронова.

– Это я, – сказал Жачев, – потому что меня капитал пополам сократил. А нет-ли между вами двумя одного Никиты?

– Это не животное, а прямо человек, – отозвался тот-же Сафронов. – Скажи ему, [Климентов] Чиклин, мнение про себя.

[– Ты что, Жачев? – тихо произнес Климентов]

[Климентов] Чиклин осветил фонарем лицо и все краткое тело Жачева, а затем в смущении отвел фонарь в темную сторону.

– Ты что, Жачев? – тихо произнес [Климентов] Чиклин. – Кашу приехал есть? Пойдем, – у нас [осталось] она осталась, а то к завтраму прокиснет, все равно мы ее вышвыриваем.

[Климентов] Чиклин боялся, чтобы Жачев не обижался на помощь и ел кашу с тем сознанием, что [она] [все равно вышвырнут] она уже ничья[.] и ее все равно вышвырнут. Жачев [-же] и прежде, когда

¹ При проведении в рукописи правки отмеченный предлог вычеркнут не был.

Запись на полях листа 68: *Вош. <ев> и Кл. <иментов> с <2(?)> слова нрзб>*

Запись на полях листа 69: *Согл. <асовать> язык Сафрон. <ова> выше*

[Климентов] Чиклин работал на прочистке реки от карчи, [при] посещал его, [чтобы [питаться]] дабы кормиться от рабочего класса; но [с <нрзб>] [среди лета] [с прошло] среди лета он переменял курс, и стал [приносить] питаться от максимального класса, чем [приносил пользу] [расчитал] рассчитывал <sic> принести пользу всему неимущему движению в [лучшую неизвестность.] [неизвестное] [близкое счастье] дальнейшее счастье. ||

[– А я соску]

70

– Я по тебе соскучился, – [ответил] сообщил Жачев. – Меня [присутствие] находенье сволочи мучает, [я [их граблю, а] ее граблю] и я хочу спросить у тебя, когда [город] вы [по] соорудите свою [чушь] чушь, чтоб город сжечь!

– Вот сделай злак из такого лопуха! – сказал Сафронов про урода. – Мы все свое тело [в общее здание] выдавливаем для общего здания, а он дает лозунг, что наше [дело – чушь!] состояние – [чушь] чушь[!], и нигде нету момента чувства ума!

Сафронов знал, что социализм – это дело научное, и произносил слова так-же логично и научно, давая им для прочности два смысла – основной и запасный, как всякому материалу. Все трое уже достигли барака и вошли в него. Вошев достал из угла чугунок каши, закутанный для сохранения тепла[,] в ватный пиджак, и дал пришедшим есть. [Климентов] Чиклин и Сафронов сильно остыли и [были] были в [сырости и глине] глине и сырости; они ходили в котлован раскапывать водяной [ключ] подземный источник, чтобы [перехватить завтра] [задушить его завтра] [замкнуть] [задушить] перехватить его [на] вмертвую глиняным замком.

Жачев не развернул своего свертка, а съел [кашу] общую кашу[, после], пользуясь ею и для сытости и для подтверждения своего равенства [двум евшим людям] с двумя евшими людьми. После пищи [Климентов] Чиклин и Сафронов вышли наружу – вздохнуть перед сном и поглядеть вокруг. [Климентов] И так они [постояли] стояли там свое время. Звездная [строгая] точная* ночь не соответствовала овражной, трудной земле и сбивающемуся дыханию спящих землекопов. [Если глядеть лишь [по-низу <sic>] по-низу, то [<нрзб>] [<1 слово нрзб>] <1 слово нрзб>] || Если глядеть лишь по-низу, в сухую мелочь почвы[, в тще] и в травы [<вар.: трав>у], живущие в гуще и бедности, то [надежды не было; те-же] в жизни не было надежды; общая всемирная невзрачность, а также [унылость] людская некультурная унылость озадачивали Сафронова и расшатывали в нем идеологическую установку. Он даже начинал сомневаться в счастье <sic> будущего, которое представлял в виде синего лета, освещенного неподвижным солнцем, – слишком [серо] смутно и тшетно было [вокруг] днем и ночью вокруг.

71

– [Климентов] Чиклин, что-же ты так молча живешь? Ты бы сказал или сделал мне что-нибудь для радости!

– Что-ж мне[,] : обнимать тебя, что-ли, – ответил [Климентов] Чиклин. – Вот выроем котлован, и ладно... [ты] Ты вот [тем] тех, кого нам

биржа прислала, [расска] уговори, а то [я их враз] они свое тело на работе жалеют, будто они в нем имеют [чего] что!

– Могу, – ответил Сафронов, – смело могу! Я этих пастухов и писцов враз в рабочий класс обращу, – [они у меня сразу] они у меня так [рыть] копать [начнуть] начнут, что у них [враз] [в один момент] [целый] весь* смертный элемент [появится на лице] выйдет на лицо... А отчего [е], Никит, [е] поле так скучно [стоит] лежит? Неужели внутри

п.п.

[Климентов] Чиклин имел маленькую, [<начало слова нрзб>сатую] каменистую голову [–], густо обросшую волосами, потому что всю жизнь либо бил балдой, либо рыл лопатой, а думать не успевал, и [не мог] [ничего не сказал Сафронову] не объяснил Сафронову его сомнения.

Они вздохнули среди наставшей тишины и пошли [сладко спать] спать. Жачев уже согнулся на своей тележке, уснув как мог, а Вошев лежал навзничь и глядел глазами. ||

– Говорили, что смысл жизни [знаете] знаете, – сказал Вошев, – 72 а [я только землю рою и сплю.] сами только землю [роете] роете и спите! [Уйду] Лучше я от вас уйду – буду ходить по колхозам побираться: все равно мне [без] без истины стыдно жить.

[– Молчи]

Сафронов сделал на своем лице определенное [выражение] выраженье превосходства и прошелся мимо ног спящих [руково] легкой, руководящей походкой.

– Э-э, скажите<,> пожалуйста, товарищ, в каком виде вам желательно получить этот [предмет] продукт – в круглом или жидком?

– [Оставь] Не трожь его, – определил [Климентов] Чиклин, – [истина тоже часть жизни] мы [тоже живем с тобой] все живем на пустом свете, – разве у тебя спокойно на душе?

[– Нет]

Сафронов, любивший красоту жизни и [силу] вежливость ума, стоял с почтеньем [на] [в] [во всей своей фигуре] к участи Вошева, хотя в то-же время глубоко волновался: не есть-ли истина лишь классовый враг? [<Z> – Товарищ] – ведь он теперь даже в форме сна и воображенья может предстать!

– Ты, товарищ [Климентов] Чиклин, пока воздержись от своей декларации, – [голосом] с полной значительностью обратился Сафронов. – Вопрос встал принципиально<,> и надо его класть обратно по всей теории чувств и массового психоза...

[– Ты, как говорится]

– [Са] Довольно тебе, Сафронов, как говорится, зарплату мне снижать, – сказал пробужденный Козлов. – Перестань || брать слово [во 73 время], когда мне спится, а то я на тебя заявленье подам! Не беспокойся – сон ведь тоже как зарплата считается, [вот] там тебе укажут...

Сафронов [снисходительно вздохнул] произнес во рту какой-то нравоучительный звук и сказал своим вящим <sic> голосом:

Помета на полях листа 71: *внутр<и> меня* (как вариант к ... в нас одних... основного текста).

п.м.^① – Извольте, [тов] гражданин Козлов, спать нормально – что это за
п.м.^② класс нервной интеллигенции здесь присутствует, [если [[всего] звук]
п.м.^③ [из-за звука хочет ставить на Ре-К-К?!] [про] из звука бюрократизм
хочет сделать?..] если звук сразу в бюрократизм растет?.. А если ты,
Козлов, умственную начинку имеешь и в авангарде лежишь, то привстань
на локоть и сообщи: почему это товарищу Вошеву буржуазия [в прид]
не оставила ведомости всемирного [мертвого] мертвого инвентаря
[не оставила, а [т] он теперь не знает, что], и он живет в убытке
и в такой смехотворности?..

Но Козлов уже спал и чувствовал лишь глубину своего тела. Воше-
же лег вниз лицом и стал жаловаться шепотом самому себе на [враж-
дебные тайны] таинственную жизнь, в которой он [существует без про-
света истины и без участия] безжалостно родился.*

Все [притихли.] последние бодрствующие легли и успокоились;
ночь замерла перед рассветом – и только одно [животно] маленькое
животное кричало где-то на светлеющем [полевом] степном горизон-
те, [жалуясь на что-то или стеная в [семейной <I слово нрзб>]
любви] тоскуя или радуясь.* [Климентов] Чиклин сидел среди спя-

п.м.^① щих и [слушал, [как сосет] как медленно и трудно || скапли] [пережи- 74
п.м.^② вал] молча переживал свою жизнь; он любил [изредка] иногда сидеть
в тишине [, [дышать] слушать и, ничего не думая, медленно чувство-
вать [медленную] теплоту] [, наблюдать и медленно думать о чем
нибудь <sic> неизвестном.] [, чувствовать] [и, ничего не думая,
чувствовать теплоту от общей дышащей] [и, не помня про себя,
чувствовать [что-нибудь [далекое] непонятное и необходимое] все,
что рождается и утихает.] [,] [и наблюдать все, что видно.] и на-
блюдать все, что [видно] было видно. Думать он мог с трудом, и сильно
тужил об этом, – поневоле [<нрзб>] ему приходилось лишь чувствовать
и безмолвно волноваться. И чем больше он сидел, тем [больше] [гуще]
гуще* в нем от неподвижности скапливалась печаль, – так что [Климен-
тов] Чиклин встал и уперся руками в стену барака[.], лишь бы давить
и двигаться во что-нибудь. Спать ему никак не хотелось – наоборот, он
бы пошел сейчас в поле и поплясал с разными девушками и людьми под
веточками, как делал в старое время, когда работал на кафельно-израз-
цовом заводе. Там дочь хозяйина его однажды ментально поцеловала:
он шел в глиномялку по лестнице [из] в июне месяце, [уже во тьме,]
а она ему шла навстречу и, приподнявшись на скрытых под платьем
ногах, схватила его за плечи и [поце] поцеловала [в] [своими] своими
опухшими, молчаливыми губами в [шерсть на [его] щеке] [щеку, об-
росшую мелкими] шерсть на [его] щеке. [Климентов] Чиклин теперь

Записи на полях листа 73:

- ① *ист.<ина> – придан.<ое> бурж.<уази>*
- ② *Смехотв.<орность>*
- ③ *<5(?) сокращенных слов нрзб>*

Записи на верхних полях листа 74:

- ① *РКК*
- ② *Отсюда изменено /коренной перелом/ правка до сих*

уже не помнит ни лица ее, ни характера, но тогда она ему не [нравилась] понравилась, [словно[,] была [иначе устроенным животным] животным] точно была постыдным существом, – и так || он прошел 75 в то время мимо ее <sic>, не остановившись, а она, может быть, и плакала потом, благородное существо.

[Надев]

[Надев [грязно-желтый] стеганный снаружи ватный пиджак]

[Надев [бело-желтый] грязно-желтый]

Надев свой ватный, желто-тифозного цвета пиджак [желто-тифозного цвета], который у [Климентова] Чиклина был единственным со [времени гибели буржуазии и] времен покорения буржуазии [и [быть может] должно быть [кончины] со дня смерти [той] [по] [хозяйско] [дев] любившей девушки [с кафельного завода],–], обосновавшись на ночь, как на зиму, [Климентов] Чиклин собрался пойти походить по дороге [к кафель] [<вар.:пойти в>какое-нибудь людное¹] [,] [и, утомившись, уснуть где-нибудь в утренней росе, под [птица] поющими птицами] [и, встретив [к] неизвестного человека, [побеседовать] увидеться с ним, а потом уснуть в утренней росе] и, совершив что-нибудь, уснуть затем в утренней росе.

Неизвестный вначале человек вошел в ночлежное помещение и стал в темноте входа.

– Вы еще не спите, товарищ [Климентов] Чиклин! – сказал Прушевский. – Я тоже хожу и никак не [ус] усну: все мне кажется, что я кого-то утратил и никак не могу встретить...

[Климентов] Чиклин, уважавший ум инженера, не [сумел] умел* ему сочувственно ответить, и [молчал] со стеснением молчал. [Прушевский-же, предвидя свою смерть]

Прушевский сел на скамью и поник головой; решив исчезнуть со света, он больше не стыдился людей и сам пришел к ним.

– Вы меня извините, товарищ [Климентов] Чиклин, но я все время беспокоюсь [на] один на квартире. Можно<, > я просижу здесь до утра? ||

– [О] А отчего-ж нельзя[,]? – сказал [Климентов,– среди] Чиклин. – 76 Среди нас ты будешь [лежать] отдыхать спокойно, – ложись на мое место, а я где-нибудь пристроюсь.

– Нет, я лучше так [просижу] посижу. Мне дома стало грустно и страшно, [не] я не знаю, что мне делать.

[– Не уходи отсюда никуда]

[– Не уходи отсюда никуда, – произнес Климентов. – Мы тебя никому не дадим тронуть, [и ты] ты теперь не бойся. [Ложись на мое место, а я ляжу рядом, чтоб ты постоянно видел меня и смело спал.]

Прушевский]

¹ Дописано позднее на свободной части строки. Очевидно, испытывая некоторые затруднения в ходе работы над этим фрагментом, Платонов оставил в строке свободное место для внесения в текст возможных дополнений или уточнений.

Вы<, > пожалуйста<, > не думайте только что-нибудь [про меня] про меня неправильно[!].

п.п. [Климентов] Чиклин и не думал ничего [, ему тоже было [груст] иногда грустно, но только не страшно].

– Не уходи отсюда никуда, – произнес он. – Мы тебя никому не дадим тронуть, ты теперь не бойся.

Прушевский сидел все в том-же своем настроении; лампа освещала его серьезное, чуждое счастливого самочувствия лицо, но он уже жалел, что поступил несознательно, прибыв сюда: все равно ему уже не так долго осталось терпеть до смерти и до ликвидации всего.

Сафронов приоткрыл от [шума] разговорного шума один глаз и думал, какую-бы ему [ли] наиболее благополучную линию принять в отношении сидящего представителя интеллигенции. Сообразив, он сказал:

– Вы, товарищ Прушевский, насколько я имею сведения, свою кровь портили [на], чтобы выдумать по всем условиям общепролетарскую жилплощадь. А теперь, я [наблюдаю] наблюдаю, вы явились ночью || [сп] в пролетарскую массу, как будто сзади вас ярость какая находится! Но раз курс на спецов есть, то ложитесь против меня, чтоб вы постоянно видели [меня] мое лицо* и смело спали... 77

Жачев тоже проснулся на тележке.

– Может<, > он кушать [хочет] хочет? – спросил он[. –] для Прушевского. – А то у меня есть буржуйская пицца[?].

– Какая такая буржуйская [? –] и сколько в ней питательности, товарищ? – поражаясь, произнес Сафронов. – Где это [вы] вам представлялся буржуазный персонал [обнаружили]? [<Z> –] [Кого-ж мы тогда]

– Стихи, темная мелочь! – ответил Жачев. – Твое дело целым остаться в этой жизни[! Чтoб [бо] [б] дальше я тебя не слышал, а то получишь от меня], а мое – погибнуть, чтоб очистить место!

п.п.

– Ты не бойся, – говорил [Климентов] Чиклин Прушевскому, – ложись и закрывай глаза. Я буду недалеко[,], — как испугаешься, так кричи меня.

Прушевский пошел, пригнувшись, чтоб не шуметь, на место [Климентова] Чиклина и там лег в одежде. [Климентов] Чиклин снял с себя ватный пиджак и бросил ему на ноги одеваться.

– Я четыре месяца взносов в профсоюз[ы] не платил, – тихо сказал Прушевский, сразу озябнув внизу и укрываясь. – Все думал, что успею.

– Теперь вы механически выбывший человек: факт! – сообщил со своего места Сафронов.

– Спите молча! – сказал [Климентов] Чиклин[,] всем, и [пошел] вышел наружу, чтобы пожить одному [среди [скучной ночи.] погасшей] среди скучной ночи. ||

Запись на полях листа 76: Профс.

Запись на полях листа 77: Профс.

разрыв

разрыв
в 4-5 стр.

Утром Козлов долго стоял над спящим телом Прушевского; он [тосковал] мучился, что [этом [выдающийся] руководящий, умный человек] это руководящее умное лицо спит [среди], как ничтожный [вар.: ничтожн>ая личн<ость>] гражданин, среди лежащих масс и теперь потеряет свой авторитет. Козлову пришлось глубоко соображать над таким [чреватым] недоуменным обстоятельством, – он не хотел и [не мог] был не в силах допустить [вреда] вред для всего государства от [несоответствующего] несоответствующей линии прораба, он даже заволновался и поспешно умылся, чтобы быть наготове. В такие минуты жизни, минуты грозящей опасности<,> Козлов чувствовал [нрзб>] внутри себя горячую социальную радость, и эту радость хотел применить на подвиг и умереть с энтузиазмом, дабы [класс] весь класс его узнал и заплакал над ним. Здесь Козлов даже продрог от восторга, забыв о летнем времени. Он с сознанием подошел к Прушевскому и разбудил его ото сна.

– Уходите на свою квартиру, товарищ прораб, – хладнокровно сказал он. – Наши рабочие еще не подтянулись до всего понятия<,> и вам будет некрасиво нести должность.

– Не ваше дело, – ответил Прушевский.

– [Извините] Нет<,> извините, – возразил Козлов, – [кажд] каждый, как говорится, гражданин[как говорится,] обязан нести данную ему директиву, а вы свою [кладете [внизу] вниз] бросаете вниз[!]. Лучше возьмите и несите ее, а то [мы тоже] я пойду в инстанции – от вас вся [линия] наша линия может] и равняетесь на отсталость. Это никуда не годится, я пойду в [инстанции] инстанцию, вы[как говоритс] нашу линию портите[– вот что такое], вы против темпа и руководства, – вот что такое! ||

Жачев ел деснами и молчал, предпочитая [как-нибудь] ударить 79
сегодня-же, но попозднее, Козлова в живот, как рвущуюся вперед сволочь. А Вошев, [проснувшись] слышав эти слова и возгласы, лежал без звука, попрежнему не постигая жизни. “Лучше-б я комаром родился: у него судьба быстротечна”, – полагал он. [–]

Прушевский [встал с ложа] [тогда], не говоря ничего Козлову, встал с ложа, посмотрел на знакомого ему Вошева и [по] сосредоточился далее взглядом на спящих людях; [тень [мысли или грусти] чувства] он хотел произнести [слово или просьбу] [сло] [какое-то слово] томящее его слово или просьбу, но чувство грусти, как усталость, прошло по лицу Прушевского, и он стал уходить. Шедший [откуда-то с] со стороны

Запись на полях листа 78: Согл.<асовать> выше

Записи на полях листа 79:

① не постиг.<ая> ж.<изни>

рассвета [Климентов] Чиклин [[узнал] спросил у Прушевского – чего он хочет? Если] сказал Прушевскому: если вечером ему опять [будет [ему]] покажется [страшно] страшно, то пусть приходит снова ночевать, и если чего-нибудь хочет, пусть лучше говорит.

[– Я видел однажды, когда-то давно, – говорил Прушевский, опустив скромную голову, – одного милого мне человека, и вот хочу его

p.m. ② опять увидеть...

– Ну, и что-ж! Живи и смотри: где-нибудь ты его заметишь -----¹]

[– Я заметил]

[– Чего я хочу! [– сказал Прушевский равнодушно] –]

p.m. ③ [Они молча]

Но Прушевский не ответил, и они молча продолжали вдвоем свою дорогу. Уныло и жарко [наступал] начинался долгий день; [сияющее] p.m. ④ солнце, как слепота, [сияло с необъяснимым энтузиазмом] [сияло] [на- p.m. ⑤ ходилось] [светило] [равнодушно [проходило] находилось] находилось равнодушно над низовой бедностью земли; но другого места [не было дано] для жизни не было дано. ||

– Однажды, давно – почти еще в [мо] детстве, – сказал Прушевский, – я заметил, товарищ [Климентов] Чиклин, проходящую мимо меня 80 женщину, такую-же молодую, как я тогда. Дело было<, > наверное<, > в июне или июле, и с тех пор я [хочу ее увидеть еще раз] почувствовал тоску и стал все помнить и понимать, а ее не видел и хочу еще раз посмотреть на нее. А больше уж ничего не хочу.

– В какой местности ты ее заметил? – спросил [Климентов] Чиклин.

– В этом же городе.

– Так она<, > должно быть<, > дочь кафельщика! – догадался [Климентов] Чиклин.

[– Не понимаю]

– Почему? – произнес Прушевский: – не понимаю!

[– А у меня б]

– А я ее тоже встречал в июне месяце – и тогда-же отказался смотреть на нее. А потом, спустя срок, у меня нагрелось к ней что-то в груди, одинаково с тобой. У нас с [сто] тобой был один и тот-же женский человек.

Прушевский скромно улыбнулся:

– Но почему-же?

– Потому что я к тебе ее приведу, и ты ее увидишь: лишь-бы она жила сейчас на свете!

[Климентов] Чиклин с точностью воображал себе горе Прушевского [и так-же], потому что и он сам, хотя и более [легко] забывчиво, грустил когда-то тем-же горем – по худому, чужеродному, легкому

¹ Фрагмент не закончен, и – как указание на необходимость найти завершение – далее строка была продолжена пунктиром.

Записи на полях листа 79 (продолжение):

② переделать фразу (справа на полях)

③ Козл. <ов> на б. полез

④ Он, Кл. <иментов> <1 слово нрзб> ту дев. <ушку>

⑤ сияло? (Справа на полях.)

человеку, молча поцеловавшему его в [левую сторону лица] левый бок лица. Значит, один и тот-же редкий, прелестный предмет действовал вблизи и вдали на них обоих.

– Небось уж она пожилой теперь стала, – || сказал вскоре [Климентов] Чиклин. – Наверно<, > измучилась вся, и кожа на ней стала бурая или кухарочная. 81

– Наверно, – [сказал] подтвердил Прушевский. – Времени прошло много, и если жива еще она, то вся обуглилась.

Они остановились на краю овражного котлована; надо-бы гораздо раньше [ст] начать [строить] рыть [такие [под] пропасти] такую пропасть под [общие] общий дом, тогда-бы и [та, которая нужна] то существо, которое понадобилось Прушевскому, [пребывала] пребывало здесь в целости [и свежести].

– А скорей всего она теперь сознательница, – произнес [Климентов]. –], — Чиклин, — и действует для нашего блага [, – произнес Климентов. – [У нее-же] У кого]: у кого в молодых годах было несчастное чувство, у того потом ум [является] является.

Прушевский осмотрел пустой район [ближай] ближайшей природы<, > и ему жалко стало, что его [забытая] потерянная подруга и многие [лучшие] нужные люди обязаны [жить [среди] на земле без уюта, – и он вспомнил еще] [ходить по земле, [среди глины [и], на ветру [н] и под [сушащ] суш] -----?] жить и теряться на этой смертной земле*, на которой еще не устроено уюта, – и он сказал [Климентову] Чиклину одно [внезапное] огорчающее* соображение:

– Но ведь я не [помню] знаю ее лица! Как-же нам быть, товарищ [Климентов] Чиклин, когда она придет?

[–] [Климентов] Чиклин ответил ему:

– Ты ее почувствуешь[,] – и узнаешь, – мало ли забытых на свете! Ты вспомнишь ее по одной своей печали!

Прушевский [ощупал в кармане часы и вынул их] понял, что это правда<, > и, побоявшись не угодить [Климентову] чем-нибудь Чиклину, вынул часы, чтобы показать свою заботу о [дневном труде] близком дневном труде. п.п. ①

Сафронов, делая интеллигентную походку и задумчивое лицо, приблизился к [Климентову] Чиклину. || п.п. ②

[– Вы]

– Я слышал, товарищи, вы свои тенденции здесь бросали, так я вас [попрош] попрошу стать попассивнее, а то время производству настает! А тебе, товарищ [Климентов] Чиклин, надо-бы [сельски] установку [взять] [взять] на Козлова взять – [этот] [он на саботаж линию] он [берет] на саботаж линию [на саботаж] берет. 82

Козлов в то время ел завтрак в [печальном] тоскующем* настроении: он считал свои революционные заслуги недостаточными, а еже-

Записи на полях листа 81:

① Козл. <ов>

② Козлов пополз

Запись на полях листа 82: Козл. <ов>

дневно приносимую общественную пользу – малой. Сегодня он проснулся после полуночи и [*больше уже не спал, а лишь*] до утра **внимательно** томился – о том, что [*о*] главное организационное строительство идет помимо его участия, а он действует лишь в овраге, [*а*] но не в [*об*] гигантском руководящем масштабе. К утру Козлов постановил для себя перейти на инвалидную пенсию, чтобы целиком отдаться наибольшей общественной пользе, – так в нем [*ск*] с мучением высказывалась протестерская совесть. [*Продумав таким*]

Сафронов, услышав от Козлова эту мысль, счел его паразитом и произнес:

– Ты, Козлов, свой прынцип заимел и покидаешь рабочую массу, а сам вылезает в даль: значит<,> ты чужая вша, которая [*всегда наружу выползает*] [*ли*] свою линию всегда наружу держит.

– Ты, как говорится, лучше молчи! – сказал Козлов. – [*Ты*] А то живо на заметку попадешь!.. [*Помнишь*] Помнишь, как ты подготовил одного бедняка, во время самого курса на коллективизацию, петуха зарезать и съесть! Помнишь? Мы знаем, кто коллективизацию хотел ослабить! Мы знаем, какой ты четкий!

Сафронов, в котором [*идеал*] идея [*жила*] находилась в окружении [*страстей*] [*жи*] житейских страстей, || оставил весь резон Козлова без ответа и отошел от него прочь своей свободомыслящей походкой. Он не уважал, чтобы на [*него*] него подавались заявления. 83

[*Климентов*] Чиклин подошел к Козлову и спросил у него про все.

– Я сегодня в соцстрах пойду становиться на пенсию, – сообщил Козлов. – Хочу за всем следить против социального вреда и мелкобуржуазного бунта.

– Рабочий класс – не царь, – сказал [*Климентов*] Чиклин, – он бунтов не боится.

– Пускай не боится, – согласился Козлов. – Но все-таки лучше будет, как говорится, его [*стеречь*] постеречь.

Жачев уже был вблизи на тележке – и, откатившись назад, он разогнался вперед и ударил [*с хода*] Козлова **со всей скорости** молчаливой головой в живот. Козлов упал назад от ужаса, потеряв на минуту желание наибольшей общественной пользы. [*Климентов*] Чиклин, согнувшись, поднял Жачева вместе с экипажем на воздух и зашвырнул прочь в пространство. Жачев, уравнив [*свое*] движение, успел сообщить с линии полета свои слова: [*Z*] –] “За что, Никит? Я хотел, чтоб он [*по перво*] первый разряд пенсии получил!” – и раздробил повозку между телом и землей, благодаря падению.

– Ступай, Козлов! – сказал [*Климентов*] Чиклин лежащему человеку. – [Тебе уж пора отдышаться. [*Лучше ты там будешь, чем худшие другие.*] Ступай] Мы все, должно быть, по очереди туда [*пой*] уйдем. Тебе уж пора отдышаться.

Козлов, опомнившись, заявил, что он видит [*но*] в ночных снах начальника Цустраха товарища Романова и разное общество чисто одетых людей, так || что волнуется всю эту неделю.¹ 84

¹ Маргиналии в нижней части листа 84 указывают на то, что весь этот абзац был, по всей видимости, написан позднее – на заранее оставленной свободной части листа 83 и верхних полях листа 84.

Вскоре [Козлова] Козлов оделся в пиджак, и [Климентов] Чиклин, совместно с другими, очистил его одежду от земли и приставшего сора. Сафронов управился принести Жачева[*свалил его тело*] и, свалив его **изнемогшее** тело [*вместе с [обломк] остатками тележки,*] в угол барака, сказал:

– Пускай это пролетарское вещество здесь [*похранится*] полежит – из него какой-нибудь принцип вырастет.

Козлов дал всем свою руку и пошел становиться на пенсию.

– Прощай, – сказал ему Сафронов, – ты теперь как передовой ангел [*вознесения [масс] на службу*] от рабочего [*в*] состава, в виду <sic> вознесения его [*классового*] в служебные учреждения[. *Так как ты теперь [станешь] будешь [лицом] наблюдающим лицом, вроде классового пастуха, то не допускай [ни встречного] [никакой встречной] никакого пунктира нашей линии, а веди ее толстым путем*]...

Козлов и сам умел думать мысли, поэтому безмолвно отошел [*со свои*] в высшую, общепользную жизнь, взяв в руку свой имущественный сундучок.

В [*ту*] ту минуту [*по заовражному полю*] за оврагом, по полю мчался [*какой*] один человек, которого еще нельзя было [*разглядеть*] разглядеть и остановить; его [*не*] [*несчастное*] тело [*почти обнажилось от*] [*свободно помещалось*] отощало внутри одежды и [*ее колебал ветер*] штаны колебались на нем<,> как порожные. Человек добежал до людей и [*здесь*] сел отдельно на [*земляной куче*] земляную кучу, как всем чужой. Один глаз он <закрыл, а> другим глядел на всех, ожидая худого, но¹ || не собираясь жаловаться; глаз его был [*желтый, хуторской*] хуторского, желтого цвета, оценивающий [*видимое*] всю видимость со скоростью экономии. [*Человек вздохнул и лег [д] на живот*]

Вскоре человек вздохнул и лег дремать на животе. Ему никто не возражал здесь находиться, [*только Сафронов*] потому что [*настал очередной*] мало-ли кто еще живет без участия в строительстве, и уже настало время труда в овраге.

разрыв
в 5-6 строк

[*]

разрыв
в 5-6 стр.

Разные сны [*снятся*] представляются трудящемуся[.] по ночам, – одни выражают [*наступление*] [*надежд*] исполненную надежду, другие предчувствуют собственный гроб в глинистой могиле[.]; но дневное время [*пр*] проживается одинаковым, [*истощающим*] сгорбленным способом[.], – терпением тела, роющего землю, чтобы [*из ям*] [*в св*] посадить в свежую [*я*] пропасть [*каменный корень*] вечный, каменный корень [*сча*] неразрушимого зодчества.

Запись на полях листа 84: *Снился н-<ачальни>к Цустреха Романов*

¹ Нижний правый край листа оборван. Несохранившиеся фрагменты текста приводятся по машинописной копии рукописи.

Новые [рабо] землекопы постепенно обжились и [тоже] привыкли работать. Каждый из них придумал себе идею будущего спасения отсюда – один желал наростить <sic> стаж и уйти учиться, [третий] второй ожидал момента для переквалификации, третий-же предпочитал [проой] пройти в партию и [исчезнуть] скрыться в руководящем аппарате, – и каждый с усердием рыл землю, постоянно помня эту свою идею спасения.

Пашкин [приезжал на] посещал котлован через день и попрежнему находил темп тихим. Обыкновенно он приезжал верхом на коне, т. к. <sic> экипаж продал в эпоху режима экономии, и теперь наблюдал со спины животного [великую] великое рытье. Однако Жачев, [ночевавший в бараке] [сумел [сократить] надолго прекратить [ез] верховую езду Пашкина: [во-время <sic>] он подстерег, когда Пашкин [пошел пешком] оставил лошадь и пошел пешком с Прушевским в контору, и || тогда [обрезал] разрезал жилу на] присутствовал тут-же [и действую] и сумел, во время пеших отлучек Пашкина [к Прушевск] в глубь котлована, опойть лошадь, так-что <sic> Пашкин стал беречься ездить [на коне] [как всадник] всадником и прибывал на автомобиле.

[Воцев давно прекратил пытаться Климентова и Сафронова [о смысле] об]

Воцев [со] [не], как и раньше, не [смог] [имел] чувствовал истины жизни, но смирился от истощения тяжелым грунтом – и только собирал в выходные дни [отдыха] всякую несчастную мелочь природы, как документы беспланового создания мира, как факты меланхолии любого живущего дыхания.

[– Что-ж ты, Климентов, так обманул меня? – говорил [В] [изредк] изредка Воцев. – Каждый выходной день я тоскую своей мыслью [б] о бессмысленности, а ты обещал мне с Сафроновым]

И по вечерам, которые [стали] теперь были темнее и дольше, стало скучно жить в бараке. Мужик с желтыми глазами, что прибежал [из] откуда-то из полевой страны, жил так-же среди артели; он находился там безмолвно, но искупал свое [существование] существованье женской [работу] работой по общему хозяйству, вплоть до [прилежного] [прилежной почи] прилежного [штопанья] ремонта истертой одежды. Сафронов уже рассуждал про себя: не пора-ли проводить этого мужика в союз, как обслуживающую силу, но не знал, сколько скотины у него в деревне на дворе и отсутствуют-ли батраки, поэтому задерживал свое намеренье.

По вечерам Воцев лежал с открытыми глазами и тосковал о будущем, когда все станет общеизвестным [, [ясным] прозрачным] и помещенным в скупое чувство счастья. Жачев убеждал Воцева, что его желанье безумное, потому что вражья [си] имущая сила вновь происходит [и зак] и загораживает свет жизни, – надо лишь сберечь детей, как нежность революции, и [<нрзб>] оставить || им наказ [на уничтоженье]. 87

[– Я вот скоро сюда]

– А что, товарищи, – сказал однажды Сафронов, – не поставить ли нам радио – для заслушанья достижений и директив! У нас есть здесь отсталые массы, которым полезна-бы была культурная революция

и всякий музыкальный звук, чтоб они [в темное настроенье] не скопляли в [одну] себе темное настроенье!

[– Лучше]

– Лучше [я] девочку-сиротку [привести] привести за ручку, чем твое радио, – [произне] возразил Жачев.

– А какие, товарищ Жачев, заслуги [у твоей] или поученье в твоей девочке[!]? Чем она мучается для воздвижения всего строительства?

– Она сейчас сахару не ест для твоего строительства, вот чем она служит, единогласная [твоя] душа из тебя вон! – ответил Жачев.

– Ага, – вынес мнение Сафронов, – тогда, товарищ Жачев, доставь нам [, пожалуйста,] на **своем** транспорте эту жалобную девочку, – [нам будет] мы от ее мелодичного вида начнем более согласованно жить.

И Сафронов остановился перед всеми в положении [культурного] вождя ликбеза и просвещения, а затем прошелся [особой] убежденной походкой и сделал активно-мыслящее лицо.

– Нам, товарищи, необходимо здесь иметь, в форме детства, лидера будущего пролетарского света: в этом товарищ Жачев [прав] [прав на сто] оправдал то положение, что у него голова цела, а ног нету.

п.п. Жачев хотел сказать [что-то] Сафронову[,] ответ, но предпочел притянуть к себе за штанину ближнего хуторского мужика и дать ему **развитой** рукой два удара в бок, как наличному [буржую.] виноватому буржую. Желтые глаза мужика только зажмурились от муки, но сам он не сделал себе никакой защиты и молча стоял на земле. ||

– Ишь ты, железный инвентарь какой – стоит и не боится, – рассердился Жачев, и снова ударил мужика [еще раз] с навеса длинной рукой. – Значит, [ты] ему, [рвано] ехидному, где-то еще больней было, [что] а у нас прелесть: чуй [пролет] [власть]<.> чья власть, коровий супруг!

Мужик сел вниз для отдышки. Он уже привык получать от Жачева удары за свою собственность в деревне и неслышно [превозм] превозмогал боль.

– Вот еще надлежало бы и товарищу Вощеву приобрести от Жачева карающий удар, – сказал Сафронов. – А то он один среди пролетарьята не знает, для чего ему жить.

– А для чего, товарищ Сафронов? – прислушался Вощев издали[. –] сарая. – [Дай мне истину, и оторви потом мою голову] Я хочу истину для производительности труда.

Сафронов [сделал] изобразил рукой жест нравоучения[, а] и на лице его получилась морщинистая мысль жалости к отсталому человеку.

[– А разве [вы не знаете] вас не достигли некоторые тенденции, товарищ Вощев? Разве вы не]

– Пролетарьят живет для энтузиазма, товарищ Вощев[.]! Пора-бы тебе получить эту тенденцию[!]. У каждого [должно] члена союза [до] от этого лозунга должно тело гореть[!][,]!

Запись на полях листа 87: Ж.<ачев> бьет желтоглаз<ого>

[Климентова] Чиклина не было, он ходил по местности вокруг кафельного завода. Все находилось в прежнем виде, только приобрело ветхость отживающего мира [и]; уличные деревья [лопнули] [полопа] рассыхались от старости и [жили] стояли давно без листьев, но кто-то существовал еще, [прит] притаившись за двойными || рамами в маленьких домах. [В молодости], живя прочней дерева. В молодости [Климентова] Чиклина здесь пахло пекарней, ездили угольщики и громко пропагандировалось молоко с деревенских телег. [Солнце освещало сверху] [Тогдашнее] Солнце детства [освещало] нагревало [сверху] тогда пыль дорог, и своя жизнь была [вечной] вечностью среди [теплого света, по которой] [порожней] синей, смутной земли, [по которой] [которая] [и] которой [Климентов] Чиклин лишь [касаясь] начал касаться босыми ногами. Теперь же воздух ветхости [, [чуждости]] [и [печали] памяти?] [и памяти] и [спокойной] прощальной памяти стоял над потухшей пекарней и постаревшими [о] яблочными садами. [Нен]

89

Непрерывно действующее чувство жизни [Климентова] Чиклина доводило его до печали, тем более, что [та вывеска на пекарне, которую он видел] он увидел один забор, у которого сидел и радовался в детстве, [-] а сейчас [з] тот забор заиндевел [мх] мхом, наклонился и давние гвозди [вы] торчали из него, [вы] [вылезшие] освобожденные из тесноты древесины [своей] силой времени; это было грустно и таинственно, что [Климентов] Чиклин [рос.] мужал [и [старел]], забывчиво тратил чувство, ходил [затем] по далеким местам и разнообразно [действовал] трудился, а [забор] старик-забор [стоял] стоял неподвижно и, [весь [обросши мхом] замшев древностью,] [обомшав без надежды?] помня о [нем] нем, все-же дождался [времени] часа, когда [Климентов] Чиклин [пройдет мимо него и погладит] прошел мимо него и погладил забвенные всеми тесины отвыкшей от счастья рукой.

[Кафельный завод]

[Здание кафельного завода треснуло по целому]

Кафельный завод [стоял] был в травянистом переулке, по которому [сквозь] насквозь [не проходили] никто не проходил, потому что он упирался в глухую стену кладбища. Здание завода теперь [было] стало ниже, п.м. ① ибо [фундамент] постепенно [врос] вросло <sic> в землю, и безлюдно п.м. ② было на [его] его дворе [его]. [<Нрзб>] Но один неизвестный старичок п.м. ③ еще находился здесь – он || сидел под навесом для [сырь] сырья 90 и чинил лапти, видно собираясь отправляться в них обратно в старину.

Записи справа на полях листа 89:

① Он не мог жить без действ.<ующего> чувства

② то печаль, то память, то надежда

Записи на полях листа 90:

① Климентов – Чиклин. (На верхних полях.)

– Что-ж тут такое есть? – спросил у него [Климентов] Чиклин.

– [Здес] Тут, дорогой человек, констервация. [А тебе кого] [А] [Сколько годов старались работать и все в срезёк выходило: ни барышей, ни убыли, – одно и то-ж, [хо] что и не копать[:], – один, стало быть, дух. [Вот тогда [и] и заметили [сразу] враз, что]] Только не могу сказать <. > померли машины или д. <ля> сов. <етской> вл. <асти> тщедушны], – советская власть сильна, а здешняя машина тщедушна[,] – она [и стоит без угождения] и не угождает. Да мне теперь почти что все равно: уж самую малость осталось дышать.

Чиклин сказал ему:

– Изо всего света тебе одни лапти [достались] пришлись! Подожди меня [неподвижно] здесь на одном месте – я тебе что-нибудь доставлю [из этих зданий] из одежды или питания.

п.п. ② – А ты сам-то кто-же будешь? – спросил старик, [походивший при внимани к нему на] [внимательно] складывая [фоскудешее] привыкшее лицо] для внимательного выраженья свое чтущее лицо*. – [Вор] Жулик, что-ль, или просто хозяин-буржуй?

– Да я из пролетариата, – нехотя сообщил Чиклин.

[– Стало-быть <sic>]

– Ага, стало-быть <sic>, ты нынешний царь: тогда я тебя обожду.

п.п. ③ [Чиклин] С силой стыда и грусти Чиклин вошел в [старые зданья] старое здание завода; вскоре он нашел и ту деревянную лесенку, на которой некогда его поцеловала хозяйская дочь, – лесенка так обветшала, что обвалилась [куда-то в нижнюю темноту] от веса Чиклина куда-то в нижнюю темноту, и он мог на последнее прощанье только || пощупать ее [праха] [древесный прах] истомленный прах. Постав в темноте, Чиклин увидел в ней неподвижный<,> чуть живущий свет и куда-то ведущую дверь. За тою дверью находилось забытое или не внесенное в план помещение без окон, [но [зато] там [горела] горело электричество] и там горела на полу керосиновая лампа. [Около лампы было постелено] [Чиклин вошел в это [убежище] последнее убежище[, где круглый год была<,> должно быть<,> тьма], и стал на месте, услышав человека. <Z> – Помажь мне еще, – сказала женщина.] Чиклину было неизвестно, какое существо притаилось для своей сохранности в этом безвестном убежище, и он стал на месте посреди.

Около лампы лежала женщина на земле, – солома уже [въелась в землю] [изт] истерлась [и] под ее телом, а сама женщина была почти непокрытая <sic> одеждой [и [находилась во] [шевели] шептала]; глаза ее [находились закрытыми] глубоко смежились, точно она томилась или спала, – и девочка, которая сидела у [головы] ее головы, тоже дремала, но все время водила по губам матери [корк] коркой лимона, не забывая об этом. Очнувшись, девочка заметила, что мать успокоилась, [и, взяв веревочку возле себя, прив] [и] потому что нижняя [челюсть] челюсть ее отвалилась от слабости[, обнаружив беззубую темную] и развергла <sic>

Записи на полях листа 90 (продолжение):

② *другое сравн. <ение>* (на полях справа)

③ *сила стыда и грусти* (на полях справа)

[беззубую темную пасть] беззубый темный рот; девочка [боялась такой матери, дышащей на нее из черной глубины тела, и обвязала] || [подождала немного, глядя как спит мать, как она дышит <sic> из 92 своей черной] [отодвинулась] испугалась своей матери и, чтобы не бояться, подвязала ей [через] рот веревочкой через темя, так что [губы] уста женщины вновь сомкнулись. Тогда девочка прилегла к лицу матери, желая чувствовать ее и спать. Но мать легко пробудилась и сказала:

– Зачем-же ты спишь? Мажь мне лимоном по губам, ты видишь<,> как мне трудно.

Девочка [опять] опять начала водить лимонной коркой по губам матери. Женщина на время замерла, ощущая свое питание из лимонного остатка.

– А ты не [уснешь и] заснешь и не уйдешь от меня? – спросила она у дочери.

– Нет, я уж спать теперь расхотела[, мама]. Я только глаза закрою, [<нрзб>] а думать все время буду о тебе: ты-же моя мама ведь!

Мать приоткрыла свои глаза, они были подозрительные, готовые ко всякой беде жизни, уже побелевшие от равнодушия, – и она пронесла для своей защиты:

– Мне теперь стало тебя не жалко[. Мне] и никого не нужно, я стала как каменная, – [поверни меня на бок, я хочу] потуши лампу и поверни меня на бок, я хочу умереть.

[Девочка<,> не говоря ничего<,> попрежнему водила]

Девочка сознательно молчала, попрежнему || смачивая материнский 93 рот лимонной шкуркой. [После прошествия времени]

[Чиклин стоял, и на него от неподвижности [нападала] находила **утомительная тоска.** [Время [постепенно] [совершенно] совершалось в тишине, медленное<,> как печаль и терпение.]]

– Туши свет, – сказала старая женщина, – а то я все вижу тебя, и живу. Только не уходи никуда – [завтра пойдешь,] когда я умру, тогда пойдешь.

Девочка дунула в лампу и прекратила свет. Чиклин сел на [зем] землю, боясь шуметь.

– Мама, [т] ты жива еще [или] или уже тебя нет? – спросила девочка в темноте.

– Немножко, – [ответила мать. –] [немн] ответила мать. – [Ты помнишь, чт] Когда будешь уходить от меня, не говори, что я мертвая здесь осталась. Никому не рассказывай, что ты родилась от [матери] меня, а то тебя [прогонят] заморят. Уйди далеко-далеко отсюда и [говори] там сама позабудься, тогда ты будешь жива...

[– Мама, а ты любишь меня?

– Люблю.]

n.m. – Мама, а отчего ты умираешь[? Оттого] – оттого<,> что [ты] буржуйка или от смерти?..

– Мне стало скучно, я умиралась, – сказала мать.

– Потому что ты родилась давно-давно, а я нет, – говорила девочка. – Как ты только умрешь, то я никому не скажу, и никто не узнает, была ты или нет. Только я одна буду жить и помнить тебя в своей голове... Знаешь что, – помолчала она, – я сейчас [за] [одн] || засну на одну трелько каплю, даже на полкапли, а ты [подожди] лежи и думай, чтоб не умереть. [А я проснусь [скоро-скоро] совсем сейчас: я [очень и очень] *чуть-чуть* хочу спать.] 94

п.п. ① [Мать молчала в темноте, потом согласилась:

п.п. ② – [Сни]

[Мать попросила сн]

– Сними [у] с меня твою веревочку, – сказала мать, – [я могу ей э] она меня задушит.

Но [дочь] девочка [наверное] уже неслышно спала,<,> и [женщина больше не говорила] стало вовсе тихо, [даже не дохо]; до Чиклина [даже] не доходило даже их [дыхание] дыхания. Ни одна тварь, видно, не жила в этом помещении – ни крыса, ни червь, ни что <sic>, – [никакого шума] не раздавалось никакого шума. Только раз был непонятный гул, – [где] [ул] упал ли то старый кирпич в соседнем забвенном убежище или грунт перестал терпеть вечность и [простился] развалился в мелочь уничтожения.

– Подойдите кто-нибудь ко мне!

Чиклин вслушался в воздух, [но [задержался] [итти на этот голос побоялся] [не [смог] мог стронуться от уважения к ослабевшему человеку], уважая ослабевшего человека] и пополз осторожно во [тьму] мрак, стараясь не раздавить девочку на ходу. Двигаться Чиклину пришлось долго, потому что ему мешал какой-то матерьял, || попадавший по пути. [Прощупав [босые] [большие] [босые] боль] Ощупав голову [девочку] девочки, Чиклин дошел затем рукой до лица [ее] матери и наклонился к ее устам, чтобы узнать – та ли это бывшая девушка, которая целовала его однажды в этой-же усадьбе, или нет. Поцеловав, он узнал, что она – та самая: [в] по сухому вкусу губ и [исходящей нежности], ничтожному остатку нежности в их спекшихся трещинах. Чиклин [вспомнил] прислонился еще к ее лбу и вспомнил ее прежний <нрзб>], что она – та самая. 95

[Неистраченная жизнью, последняя теплая сила]

– Зачем мне нужно? [Я буду всегда теперь одна.] – понятно сказала женщина, и, повернувшись, умерла вниз лицом. – Я буду всегда теперь одна, – и, повернувшись, умерла вниз лицом.

п.п. – Надо лампу зажечь, – громко произнес Чиклин, и [зажег ее.]<,> потрудившись в темноте<,> осветил помещение.*

Девочка спала, положив голову на живот матери; она сжалась от прохладного подземного воздуха и [нагревалась] согревалась в тесноте своих членов. Чиклин, желая [ей] отдыха ребенку, стал ждать его

Запись справа на полях листа 94:

① Сними веревоч.<ку>

② Чикл.<ин> целует (не вычеркнуто)

Помета справа на полях листа 95: изменить фразу (к подчеркнутому в тексте ... и зажег ее.)

пробуждения [*ребенка, а потом укутал мать своей верхней*]; а чтобы девочка [*не чувствовала*] не тратила свое тепло на остывающую мать, он взял ее к себе на руки [*и [берег] сберегал до утра*] [*и сохра*] и так сохранял до утра[.], как [*единственный*] **последний** жалкий остаток [*погибшей женщины.*] [*погибшего*] погибшей женщины[, *оставленн*]. ||

96

разрыв 5-6 стр.

[*]

разрыв

п.т.

В начале осени Вошев почувствовал долготу времени и сидел [*около*] в жилище, окруженный темнотой усталых [*от лета*] вечеров. [*Посреди ночлежного жилища горела лампа, остальные люди тоже сидели близь нее или*]

Другие люди тоже [*сидели*] либо лежали<,> либо сидели, – общая лампа освещала их лица<,> и все они молчали. Товарищ Пашкин бдительно снабдил жилище землекопов радиорупором, чтобы во время отдыха каждый мог приобретать [*из трубы*] смысл массовой жизни из трубы.

– Товарищи, мы должны[, – [*г*] *ежеминутно произносила [требованье] требование труба*, –] мобилизовать крапиву на фронт социалистического строительства! Крапива есть ничто <sic> иное, как предмет нужды за границы [, *а у нас она растет*]...

– Товарищи, мы должны, – **ежеминутно произносила требование труба**, – обрезать хвосты и гривы у лошадей[.].! Каждые восемьдесят тысяч лошадей дадут нам 30 тракторов!..

Сафронов слушал и торжествовал, жалея лишь, что он не может говорить обратно в трубу, дабы [*передать*] там слышно было об его чувстве активности[. *Когда-же*], готовности [*и счастья.*] на стрижку лошадей и [*счаст*] о счастье <sic>. Жачеву-же, и наравне с ним Вошеву, становилось **беспричинно стыдно** от долгих речей по радио; им [*казалось, что говорящий и наставляющий [их] считает их малыми и безумными – и они все || более ощущали*] ничего не казалось **против** 97 **говорящего и наставляющего**, а только [*ощущался*] все более **ощущался*** [*собственный*] личный позор. Иногда Жачев не мог стерпеть **от радио** своего угнетенного отчаянья души [*от радио*], и он кричал среди шума сознания, льющегося из рупора:

[– *Остановите звук! Я своего ума не вижу: гробить начну!*

– <----->]

п.т.

[– *Умна советская власть¹, – зато я ничего не сознаю: остановите этот звук, дайте мне чувствовать!*]

Помета на полях листа 96: ? / согл.<асовать> выше.

Помета справа на полях листа 97: *Сафр.<онов>* (намечена его реплика, для которой в строке было оставлено место).

¹ В ходе правки отмечено, как неудовлетворительное, начало абзаца:

– *Умна советская власть...* (отчеркнуто в тексте, а также на полях и помечено вопросительным знаком).

[— *Остановите этот звук! Я и так знаю, что умна советская власть*], — [*зато я ничего не*] [*я только*] *только я ничего не чувю!*] [*а мы!*!]

[— *Остановите этот звук!* *Я и так знаю, что¹ мы кругом должны*] — *дайте мне чувствовать! Что это за [дьявол] буржуй, который на всю массу кричит!*]

— *Остановите этот звук! Дайте [массе] мне ответить на него!.. [Что это за буржуй там сидит, который кричит один на всю массу!]*

Сафронов сейчас-же [выступил] выступал [своей] вперед своей изящной походкой.

— Вам, товарищ Жачев, я полагаю, уже достаточно бросать свои выраженья и [*пора*] пора всецело подчиниться производству руководства.

— Оставь, Сафронов, в покое человека, — [*сказал*] говорил Вошев, — нам [*скучно*] и так скучно [*существовать*] жить.

[—] Но социалист Сафронов [*нисколько*] [*ни на одно мгно*] [*в любую т*] боялся забыть про обязанность [*радовать*] радости и отвечал всем и [*как-бы*] навсегда верховным голосом могущества:

— У кого в штанах лежит билет партии, [*у*] тому надо непрерывно <sic> заботиться, чтоб в теле был энтузиазм. Вызываю вас, товарищ Вошев, соревноваться на [*лучш*] высшее счастье настроения!

[—] [*Труба радио*] Труба радио **все время работала**<,> как выюга, а затем еще раз || провозгласила, что каждый трудящийся должен *следить за накоплением уг*] [*иметь тревогу в сердце, [пока со] ибо социализма еще нет, а он*] помочь скоплению снега на коллективных полях, и здесь радио смолкло; наверно, лопнула сила науки, дотоле равнодушно мчавшая [*необходим*] по природе [*необходим*] всем необходимые слова.

98

Сафронов, [*почувствовав*] заметив пассивное молчание, стал [*замещать*] действовать вместо* радио:

— Поставим вопрос: откуда взялся русский народ? [*Из*] **И** ответим: из буржуазной мелочи[, и]! Он бы и еще откуда-нибудь родился, да больше места не было. А потому мы должны бросить каждого в рассол социализма, чтоб с него [*сползла*] **слезла** шкура [*скуки*] капитализма и сердце обратило внимание на жар жизни вокруг костра классовой борьбы и произошел-бы энтузиазм!..

[*И еще*] Не имея исхода для силы своего ума, Сафронов пускал ее в слова и долго [*говорил*] их говорил. [*И опершись*] **Опершись** головами на руки, иные его слушали, чтоб [*занимать*] наполнять этими звуками пустую тоску в голове, иные же однообразно горевали, не слыша слов[,] и живя в своей личной тишине. Прушевский сидел на самом пороге барака и [*видел*] смотрел в поздний вечер мира. Он видел [*как*] [*дальние*] темные деревья [*и глухо*] и [*разбирал*] слышал иногда [*музыку*] дальнюю музыку, волнующую воздух. Прушевский ничему не возражал своим чувством. Ему казалась жизнь хорошей, когда счастье недости-

¹ Здесь в транскрипции продублирована та часть текста, которую Платонов использовал дважды в различных слоях правки (фрагмент от начала абзаца и до отмеченного слова).

п.т.① жимо, и о нем || лишь шелестят деревья и поет духовая музыка в [парке 99 культуры и отдыха] [проф] [про] профсоюзном саду.

Вскоре вся [об] артель [уже], смирившись [общей печалью] общим утомлением, уснула, как жила: в дневных рубашках и верхних штанах, чтобы не трудиться [утром] над расстегиванием пуговиц, а хранить [труд] силы для производства.

Один Сафронов остался без сна. Он глядел на лежачих людей и [говорил] с горестью [произносил] высказывался:

– Эх, ты[,] – масса, масса! [Трудно из тебя [сварить] организовать] [Тяжко нам] Трудно организовать из тебя кулеш коммунизма! И что тебе надо, стерве такой? [Ты весь авангард замучила, п.т.② лежачее животное!] Ты весь авангард, гадина, замучила!

[Утром]

[И чувствуя свое мученье]

[И сознавая отсталость масс]

И четко сознавая [грузную] бедную* отсталость масс, Сафронов прильнул к какому-то [спящему] [утомленному] уставшему и забылся в глуши сна.

А утром[, еще не вполне проснувшись,] [Сафронов со сна] он, не вставая с ложа, приветствовал [со сна] [дрем] девочку, пришедшую с Чиклиным, как элемент будущего, и [в] затем снова задремал.

Девочка осторожно села на скамью, разглядела среди стенных лозунгов карту СССР [[на] среди стенных лозунгов] и спросила у Чиклина про черты меридианов:

– Дядя, это что такое – загородки от буржуев?

[– Они]

[– Загородки, дочка, чтоб они к нам не лезни <sic>]

– Загородки, дочка; чтоб они к нам не [перелезли] перелезали, – объяснил Чиклин, желая дать ей революционный ум. ||

– А моя мама через загородку не перелезала, а все равно умерла! 100

[Чиклин]

– Нучтож <sic>, – сказал Чиклин. – [Раз ты ее дочка, то будешь жить вместо нее: [ты-же с ней одинаковая] твое-же тельце от нее пошло, скучать тебе нечего. Ты сейчас-то чувствуешь мать? <Z> – Чувствую] [Зато она стареть теперь не будет] Буржуйки все теперь умирают.

– Пускай умирают, – произнесла девочка. – Ведь все равно я ее помню и во сне буду видеть. Только живота ее нету, мне спать не на чем головой.

– Ничего: ты будешь спать на моем животе, – [но] [пообещ] обещал Чиклин.

– А что лучше – ледокол Красин <sic> или Кремль?

Записи на полях листа 99:

① ?? Дать лучше выше 2-мя страницами. (На верхних полях.)

② Чикл. <ин> (На полях справа.)

③ эл. <емент> буд. <ущего> (На полях справа.)

[Чиклин [того не [знал] понимал] сначала подумал, но ничего не почув]

п.п. – Я этого, маленькая, не знаю: я же – ничто! – сказал Чиклин, и подумал о своей голове, которая одна во всем теле не могла чувствовать; а если-бы могла, то он [теперь-же] весь свет объяснил бы [ребенку весь] ребенку, чтоб он [м] умел безопасно [существовать] [жить.] [прожить свое по] жить.

[Девочка сразу распределила для себя предметы в бараке, что она любит и что [нее] не любит, с кем водится и с кем нет] ||

Девочка обошла новое [место] место своей жизни и пересчитала все предметы и всех людей, [чтобы] желая сразу-же распределить, кого она любит и кого не любит, с кем водится и с кем нет; после этого дела она уже привыкла к деревянному сараю и захотела есть. 101

– Кушать дайте! Эй, Юлия, угроблю!

Чиклин [поднес ей кашу] [/, как взрослой,] поднес] поднес ей кашу и [постелил] [навесил] [по] накрыл детское брюшко чистым полотенцем.

– Что-ж кашу холодную даешь, эх ты[,] – Юлия!

– Какая я тебе Юлия? [Сейчас]

– А когда мою маму Юлей звали, когда она еще глазами смотрела и дышала все время, то [она] женилась [на] [раз] на Мартыныче, потому что он был пролетарский, а Мартыныч как [идет] приходит, так и говорит маме: эй, Юлия, угроблю! А мама молчит и все равно с ним водится.

Прушевский слушал и наблюдал девочку; он уже давно не спал [и желал], [но не имел желанья] встревоженный явившимся ребенком, и вместе с тем опечаленный, что этому существу, [полному] наполненному<, > точно морозом<, > свежей жизнью, надлежит мучиться сложнее и дольше его.

– Я нашел твою девушку, – сказал Чиклин Прушевскому[, –]. – Пойдем посмотреть ее, она еще цела.

Прушевский встал и пошел, потому что ему [все равно не жить с той постаревшей теперь девушкой] || и не любить ее; но раз Чиклин обнаружил ее] было все равно – лежать или двигаться вперед.¹ 102

На дворе кафельного завода старик доделал свои лапти, но боялся итти [в такой обуше] [на стуж] по свету в такой обуше.

– Вы не знаете, товарищи, что <, > заарестуют меня в лаптях, или не тронут? – спросил старик. – Нынче ведь каждый последний и тот [сапо] [в голени] в кожаных голенищах ходит; бабы – сроду в юбках наголо ходили, – а теперь тоже у каждой под юбкой цветочные штаны надеты, – ишь[,] ты, как ведь стало интересно!

– Кому ты нужен! – сказал Чиклин. – Шагай себе молча.

– Это я и слова не скажу! Я вот чего боюсь: ага, скажут, ты в лаптях идешь, значит[,] – бедняк! А [раз] ежли бедняк, то почему один живешь и с другими бедными не скопляешься [в колхоз!/]!.. Я вот чего боюсь[, а]! А то бы я давно ушел[!].

Запись на полях листа 100: <1 сокращ. слово нрзб> отцу

¹ Часть текста, выделенная здесь полужирным шрифтом, была дописана в нижней части предыдущего листа 101.

- Подумай, старик, – посоветывал <sic> Чиклин.
- Да думать-то уж нечем.
- Ты жил долго: можешь одной памятью работать.
- А я все уж [забыл] позабыл, хоть сызнава живи.

Спустившись в убежище [мертвой [жизни]] женщины, Чиклин [склонился] наклонился и поцеловал ее вновь.

– Она же мертвая! – удивился Прушевский.

– Ну и чтож <sic>! – сказал Чиклин. – Каждый человек мертвым бывает, если его замучивают. Она ведь тебе нужна не для [сожития] житья, а для [одной души] одного воспоминанья. ||

Став на колени, Прушевский коснулся мертвых [губ], [остуженных губ] огорченных губ [покойной] [скончавшейся] [?] женщины и [не почувствовал], почувствовав их, не узнал ни радости, ни нежности.

– [Она] Это не та, [- [произнес] сказал он] которую я видел в молодости, – [сказал] произнес он. И, [постояв] поднявшись над погибшей, сказал еще: – А может быть<,> и та, – [когда я [касаюсь] касался или [чувствую] чувствовал [к тому] [то] то самое, что мне [бывает] бывало нужно и дорого, то [теряю] терял ценность и нужду в [том] своей любви. <Z> Чиклин] [я всегда] после близких ощущений [не узнавал своих любимых] я всегда не узнавал своих любимых, а вдалеке томился о них.

[Чиклину-же, [когда] если приходилось целовать чужого человека или еще глубже как-либо <нрзб>]

Чиклин молчал. Он и в чужом, и в мертвом человеке чувствовал кое-что [родимое] адекватно-теплое и родственное, когда ему приходилось целовать его или еще глубже как-либо прикипать к нему.

Прушевский [долго] не мог [уйти от] отойти от [женщины] покойной. [Не очень давно она была горячая] [Уже прежде ее рождения здесь [был [подв]] находился старый подвал; и когда она [росла], живая и горячая, бегала, росла и танцевала, [живая и горячая,] кирпич, окружающий теперь ее, был на [месте] том-же месте и ожидал в сырости] Легкая и горячая, она некогда прошла мимо него, – он захотел тогда себе смерти, [видя это живое,] увидя ее уходящей с опущенными глазами, [потому что она была [ему] счастливая не от людей] ее колеблющееся [тело], грустное || тело. И затем слушал ветер в унылом мире[, переживал] и тосковал о ней. [А теперь само это его счастье лежало мертвым, [и несчастным,] потому что] Побоявшись однажды настигнуть эту женщину, это счастье в [ее] его юности, [чтобы] он, может быть, оставил ее беззащитной на всю жизнь, и она, [устае] уморившись мучиться, спряталась сюда, чтобы погибнуть[.] от голода и печали. [Вот] Она лежала сейчас [вниз лицом] навзничь – так ее повернул Чиклин для своего поцелуя, – веревочка через темя и подбородок держала ее уста сомкнутыми, длинные обнаженные ноги были покрыты густым пухом, почти шерстью, выросшей от болезни [и холо] и неприютности <sic>, – какая-то [древняя] древняя, ожившая* сила [обращала] превращала мертвую еще при ее жизни в [животное] обрастающее шкурой животное.

103

104

– Ну, достаточно, – сказал Чиклин. – Пусть [*стенные кирпичи хранят ее*] хранят ее здесь разные мертвые предметы [...] [– *ее подруги и товарищи*]. Мертвых ведь тоже много, как и живых, им нескудно меж собой.

И Чиклин погладил стенные кирпичи, поднял неизвестную устарелую вещь, положил ее рядом со скончавшейся, и оба человека вышли. [*Женщина осталась лежать мертвая*] [*Мертвая*] Женщина осталась лежать в том вечном возрасте, в котором умерла: 32-х лет и 3-х месяцев.

Пройдя двор, Чиклин возвратился назад [*и начал*] и завалил дверь, ведущую к мертвой, битым кирпичем <sic>, старыми каменными глыбами || и прочим тяжелым веществом. Прушевский не помогал ему и спросил потом: 105

– Зачем ты стараешься?

– Как зачем? – удивился Чиклин. – Мертвые тоже люди.

– Но ей ничего не нужно.

– Ей – нет, но она мне нужна. Пусть [*сэ*] съэкономится <sic> что-нибудь от человека – мне так и чувствуется [*тогда*], когда я вижу горе мертвых или их кости, зачем мне жить!

Старик, делавший лапти, ушел со двора – одни опорки [*валялись на его месте*], как память о нем], как память о скрывшемся навсегда, валялись на его месте.

Солнце уже высоко взошло, и давно настал момент труда. Поэтому Чиклин и Прушевский спешно [*прошли город*] пошли на котлован по [*его*] земляным, немощеным улицам, осыпанным листьями [*и семенами, чтоб, если деревья*], [*чтобы укрылись под ними и согрелись*] под которыми были укрыты и согревались семена будущего лета. [*Материнские-же деревья оставались терпеть*]

Вечером того-же дня [*землекопы*] [*лю*] [*все люди*] землекопы не пустили [*радио*] в действие громкоговорящий рупор, а, наевшись, сели глядеть на девочку, срывая тем [*культурную*] профсоюзную культурную работу по радио. Жачев еще с утра решил, что как только эта девочка [*нрзб*] и ей подобные дети [*воз*] мало-мало возмужают, то он кончит всех больших жителей своей местности; [*он о*] он один знал, что СССР населен сплошными || врагами социализма, эгоистами и ехиднами будущего света, и втайне утешался тем, что [*перебьет в одно*] убьет когда-нибудь вскоре всю их массу, оставив в живых лишь пролетарское младенчество и чистое сиротство. 106

– Ты кто-ж такая будешь, девочка? – спросил Сафронов. – Чем у тебя [*заним*] папаша-мамаша занимались?

– Я никто, – сказала девочка.

[– *А как-же ты родилась? Наука только [теперь] от советской власти свой принцип возьмет, чтоб догнать и перегнать*]

– Отчего-ж ты никто? Какойнибудь <sic> принцип женского рода угодил тебе, что ты родилась при советской власти?

– А я сама не хотела рожаться, я боялась[, что] – мать буржуйкой будет.

– Так как-же ты организовалась?

Девочка в стеснении [опус] и в боязни опустила голову и начала щипать свою рубашку; она ведь знала, что присутствует в пролетариате и сторожила сама себя, как давно и долго говорила ей мать.

[– Как буржуи были, так я не рожалась, а как <нрзб>]

– А я знаю, кто главный[?]

– Кто-ж? – прислушался Сафронов.

– Главный <–> Сталин, а второй <–> Буденый <sic>. Когда их не было, а жили одни буржуи, то я и не рожалась[!], потому что [мне] не хотела. А теперь как стал Сталин, так и я стала! ||

– Ну, девка[,], – смог проговорить Сафронов[, –]: — сознательная женщина – твоя мать! [– смог проговорить Сафронов. – Глубока] И глубока наша советская власть, [что] раз даже дети, не помня матери, уже чувят товарища Сталина!

[Девочка отошла]

п.м.① Безвестный мужик с желтыми глазами скулил в углу барака про одно и то-же свое горе, только не говорил, отчего оно, а старался побольше

п.м.② всем угождать. [Перед его тоскливым умом] Его тоскливому уму представлялась деревня во [ржу] ржи, [ветер носился [над] над нею] [в то] над нею носился ветер и [ОН] тихо крутил [ветряную] [ветхую] деревянную мельницу, [медленно] размалывающую насущный, мирный хлеб. Он жил там в недавнее время, чувствуя сытость в желудке и семейное счастье в душе; и сколько годов он не <sic> смотрел из деревни в даль и в будущее, он видел на конце равнины лишь слияние неба с землею [и], а над [собой] собою имел [неотлучный] достаточный* свет солнца [или] и звезд [над]. Чтоб не думать дальше, мужик ложился вниз и как можно скорее плакал льющимися [, [ровными]] неотложными* слезами.

– Будет тебе, мешанин, сокрушаться-то! – останавливал его Сафронов. – Ведь здесь ребенок [сидит] [живет] теперь живет, – иль ты не знаешь, что скорбь у нас [запрещена! [Если каждый у нас заскорбит] Скорбящий планового социализма нам не построит!] аннулирована!

– Я, товарищ Сафронов, уж [обсох] обсох, – заявил издали мужик. – Это я по отсталости растрогался.

Девочка вышла с [места] места и оперлась головой о деревянную стену. Ей стало скучно по матери, ей страшна была новая одинокая || ночь, и еще она думала, как [страшно] грустно и [темно] долго лежать матери, [ожидая] в ожидании, когда [станет] будет старенькой и умрет [ее] ее девочка. 108

[–] – Где-же живот-то? – спросила она, обернувшись на глядящих на нее. – На чем-же я спать буду?

Чиклин сейчас-же лег и [при] приготовился.

– А кушать! – сказала девочка. – Сидят все, как Юлии какие, а мне есть нечего!

Записи на полях листа 107:

① <1 сокрац. слово нрзб>

② <2 слова нрзб>

Жачев подкатился к ней на тележке и предложил фруктовой пастилы, реквизированной еще с утра у заведующего продмагом.

– Ешь, *[сирота!]* бедная! Из тебя еще неизвестно что будет, а из нас – уж известно.

Девочка съела и легла лицом на живот Чиклина. Она побледнела от усталости и, позабывшись, обхватила Чиклина рукой, как привычную мать.

Сафронов, Вошев и все другие *[с жадн]* землекопы долго наблюдали сон этого малого существа, которое *[на их могилах]* будет господствовать над *[<нрзб>]* их могилами и жить на успокоенной *[землей]* земле¹, набитой их костями.

– Товарищи! – *[определил]* начал определять Сафронов всеобщее чувство. – Пред нами лежит без сознания фактический социализм. *[Т]* Из радио и прочего культурного матерьяла мы слышим лишь линию, а шупать нечего. *[Тут-же]* А тут *[леж]* покоится вещество создання и *[цель партии]* целевая установка партии – маленький человек, предназначенный состоять всемирным элементом! Ради того нам необходимо *[окончить]* как можно внезапно || закончить котлован, чтобы скорей **109** произошел дом и детский персонал огражден был от ветра и простуды каменной стеной!

Вошев *[посмотрел]* попробовал девочку за руку и рассмотрел ее всю, как в детстве он глядел на ангела на церковной стене. –]; *[этот ребенок]* это слабое тело, покинутое без родства среди *[чужих]* людей, почувствует когда-нибудь согревающий поток смысла жизни и ум ее *[узна]* *[представит [истину природы] [природную истину] истину² природы, [субедитель] [подобно] подобную [двигатель торжественного дня.] [первому дню] [за] [забытому] дыханью в первый истонный день.]* увидит время, подобное первому исконному дню.

[И здесь-же вся котлованная артель [объ] признала [себя], [что через] что через неделю надо завершить к]

И здесь решено было начать завтра рыть землю на час раньше, дабы *[приступить вско]* приблизить срок бутовой кладки фундамента и остатального зодчества.

– Как урод, я только приветствую ваше мнение, а помочь не могу! – сказал Жачев. – Вам ведь так и так все равно погибать – у вас же в сердце

¹ В ходе правки – путем перенумерации над строкой – первоначально был намечен вариант с перестановкой частей предложения: ..ГОСПОДСТВОВАТЬ НАД ИХ МОГИЛАМИ. ..(II) ...ЖИТЬ НА УСПОКОЕННОЙ ЗЕМЛЕ... (I). Ранее эти строки были отчеркнуты на полях и отмечены вопросительным знаком. Затем все пометы в тексте и на полях были вычеркнуты. С учетом этих и некоторых других реалий рукописного текста, представляется вполне вероятным, что характер окончательной правки фрагмента мог быть и иным, нежели представленный в транскрипции. Возможно, предложение первоначально заканчивалось на слове ЗЕМЛЕ (и именно на этой стадии были сделаны указанные выше пометы), а его продолжение было дописано позднее – на оставшемся в строке месте. В таком случае эта часть должна быть транскрибирована как вставка в текст.

² Здесь в транскрипции применена запись с трехкратным повтором отмеченного слова, данного в рукописи в различных сочетаниях.

не лежит ничто – лучше любите что-нибудь маленькое живое и [зубите] стравливайте себя трудом! Существойте, стервецы, пока что!

В виду <sic> прохладного времени, Жачев [заставил] [приказал] заставил мужика снять армяк и [оделся] оделся им на ночь; мужик-же [и так] всю свою жизнь копил капитализм – ему, значит, было время греться.

разрыв
5-6 стр.

[*]

разрыв

п. м.

[В дни] Дни своего отдыха Прушевский проводил в наблюдениях, либо писал письма сестре. Момент, когда он наклеивал марку и опускал письмо в ящик, всегда давал || ему спокойное счастье, точно он чувствовал чью-то нужду по себе, влекущую его оставаться в жизни и тщательно действовать для общей пользы. Сестра ему [отвечала редко – у нее часто рожались дети, она мучилась] ничего не писала, она была многодетная и изможденная, и жила как в беспамятстве. Лишь раз в год, на пасху <sic>, она присылала брату открытку, где [писала] сообщала: “Христос воскрес, дорогой брат! Мы живем по старому <sic>, я стряпаю, дети растут, мужу прибавили на один разряд [- 48], теперь он приносит [в получку] [24] 48 руб. [Пи] Приезжай к нам гостить. Твоя сестра Аня”.

110

Прушевский подолгу носил эту открытку в кармане и, перечитывая ее, иногда плакал.

В свои прогулки он [видел, что народ стал] уходил далеко в пространство и одиночество. Однажды он остановился на холме, в стороне от города и дороги. День был мутный, неопределенный, [словно] будто время не продолжалось дальше, – в такие дни дремлют растения и животные, а люди поминают родителей. Прушевский тихо глядел на всю туманную старость природы и видел на конце ее белые [изящ] спокойные здания, светящиеся больше, чем было [сейчас] света [на небе. Он не знал] в воздухе. Он не знал имени тому законченному строительству и назначения его, [но] хотя можно было [издали] понять, что те дальние здания устроены не только для пользы, но и для радости. Прушевский || с удивлением [обманувшегося] привыкшего к печали человека наблюдал точную нежность и охлажденную, [изящную] сомкнутую силу отдаленных монументов. Он еще не видел такой веры и свободы в сложенных камнях и не знал самосветящегося закона для серого цвета своей родины. Как остров, стоял среди остального новостроющегося <sic> мира этот белый сюжет сооружений, и успокоенно светился. Но не все было бело в тех зданиях, – в иных местах они имели синий, желтый и зеленый цвета, что придавало им нарочную красоту детского изображения. “Когда-же это выстроено?” – [думал Прушевский] с огорчением сказал Прушевский; ему [удобней] уютней было [представля] чувствовать

111

Запись на полях листа 109: Город

скорбь на земной потухшей звезде. [*Счастье*] Чужое]; чужое и дальнее счастье возбуждало в нем стыд и тревогу, – он бы хотел, не сознавая, чтобы вечно [строющийся] строящийся <sic> и недостроенный мир был похож на его разрушенную жизнь.

[*Возвраща*]

Он еще раз пристально посмотрел на тот новый город, не желая ни забыть его, ни ошибиться, но здания стояли попрежнему ясными, точно вокруг них была не муть русского воздуха, а прохладная прозрачность.

Возвращаясь назад, Прушевский [увидел] заметил много женщин на городских улицах. Женщины ходили медленно, несмотря на свою молодость, – они<> наверно<> гуляли и ожидали звездного || вечера; их [тела округлились] ноги ступали с силой жадности, а телесные корпуса расширились и округлились, как резервуары будущего, – значит, будет еще будущее, значит<> настоящее [отвергается этими существами] несчастно, и – далеко до конца. Вид этих тревожных женщин [дал] доставил Прушевскому терпение на свое дальнейшее [мучительное] неизъяснимое [существование] существование, вплоть до ближайшей сознательной гибели. [*Посетив свою*] [*Вошел в*] Явившись в техническую канцелярию работ, Прушевский сел за составление проекта своей [личной] смерти, чтобы скорее и надежней обеспечить ее себе. [*Закончив проект,*] После окончания проекта Прушевский устал и спокойно уснул на диване. Назавтра <sic> ему осталось составить лишь объяснительную записку к проекту, а затем найти достаточно прелестную женщину для [однодневной] однократной любви с ней; после удовлетворения любви, к Прушевскому всегда приходило нормальное желание скончаться, и [так он] такой-же точный расчет он сделал и теперь.

112

На рассвете [*пришел*] в контору пришел Чиклин с неизвестным человеком, одетым в одни штаны.

– Вот к тебе, Прушевский, – сказал Чиклин. – Он просит отдать гробы ихней деревне.

– Какие гробы?

Громадный, опухший от ветра и горя голый человек сказал не сразу свое слово, [<нрзб>] он сначала опустил голову и напряженно сообразил. Должно быть, [и мысль и общая жизнь] он [часто] постоянно забывал помнить || про самого себя и про свои заботы: то ли он утомился, или-же умирал по мелким частям на ходу жизни.

113

– Гробы! – сообщил он [сорным] горячим, шерстяным голосом. – Гробы тесовые мы в пещеру сложили впрок, а вы копаете всю балку. Отдай гробы!

Чиклин сказал, что вчера вечером [на северном пикете] близь северного пикета, на самом деле, было открыто сто пустых гробов; два из них он забрал для девочки – в одном гробу сделал ей постель, [потому что она спит] на будущее время, [как] когда она станет спать [без] без его живота, а другой подарил ей для игрушек и всякого детского хозяйства: пусть она тоже имеет свой красный уголок.

– Отдайте мужику остальные гробы, – ответил Прушевский.

– Все отдавай, – сказал [му] человек из себя, как из мусора. – Нам не хватает мертвого инвентаря, [меня] народ свое имущество ждет. Мы те гробы по самообложению заготовили, не отымай нажитого!

– Нет, – произнес Чиклин. – Два гроба ты оставь нашему ребенку, они для вас все равно маломерные.

Неизвестный человек постоял, что-то почувствовал [и не согласился] и не согласился.

– Нельзя! Куда-ж мы [детей] своих ребят класть будем! Мы по росту готовили гробы: [там] на них [мети] метины есть – кому [ку] куда [ложиться] влезать. [Мы на к] || [Мы] [Каждый свой] У нас каждый и живет оттого, что гроб свой имеет: [он [тоже] нам, что хозяйство. Мы всякий план] он нам теперь [целое] цельное хозяйство! Мы те гробы облеживали, как в [пещеру] пещеру [спу] зарыть.

114

[Друшевский]

Давно-живущий <sic> на котловане мужик с желтыми глазами вошел тут, поспешая, в контору.

– Елисей, – сказал он полуголому. – Я [их связал] их тесемками [в один] в один обоз связал, пойдем волоком тащить, пока сушь стоит!

– Не устерег двух гробов, – высказался Елисей. – Во что теперь сам ляжешь?

– А я, Елисей Саввич, под [к] кленом дубравным [, [кото] под] у себя на дворе, под могучее дерево лягу. Я уж там и ямку под корнем себе уготовил, – умру, пойдет моя кровь соком по стволу, высоко [взойдет] [взойду!] взойдет! Иль, скажешь, моя кровь жидка стала, [от нее] дереву не вкусна?

Полуголый стоял без всякого впечатленья и ничего не [сказал] ответил. Не замечая подорожных камней и остужающего ветра зари, он пошел с мужиком брать гробы. За ними отправился Чиклин, наблюдая спину Елисея, покрытую целой почвой нечистот и уже обрастающую <sic> защитной шерстью. Елисей изредка останавливался на месте и оглядывал пространство сонными, опустевшими глазами, будто вспоминая забытое || или ища [укромности] укромной доли [земли] для угрюмого покоя. Но [все ему стало словно безвестным] родина ему стала безвестной, и он опускал вниз затихшие глаза [, идя].

115

п.п.

Гробы стояли длинной чередой на [высоте] сухой высоте над краем котлована. Мужик, прибежавший прежде в барак, был рад, что [наш] гробы нашлись и что Елисей явился; он уже управился [просверлить] пробурить в гробовых [изголо] изголовьях [и [п] [пдн] подножьях] и подножьях отверстия и связать гробы в общую [суп] супрягу. Взявши конец веревки с переднего гроба[, Елисей] на плечо, Елисей уперся и поволок [гробы], как бурлак, эти тесовые предметы по сухому морю житейскому. Чиклин и вся артель стояли без препятствий Елисею и смотрели на след, который [отмежевали] межевали пустые гробы по земле.

– Дядя, это буржуи были? – заинтересовалась девочка, державшаяся за Чиклина.

Запись справа на полях листа 115: <2 (?) слова нрзб> или нет (не вычеркнуто)

[– Они, дочка, – сказал Сафронов]

– Нет, дочка, – ответил Чиклин. – Они живут в соломенных избушках, сеют хлеб и [едят] едят с нами пополам.

Девочка поглядела вверх, на все старые лица людей.

– А зачем им тогда гробы? Умирать должны одни буржуи, а [не] бедные нет!

Землекопы промолчали, еще не сознавая данных, чтобы [объяснят] говорить.

– И один был голый! – произнесла девочка. – Одежду всегда отбирают, когда [ее ж] людей не жалко [. Мама тоже], чтоб она осталась. Моя || мама тоже голая лежит.

116

– Ты права, дочка, на все сто процентов, – решил Сафронов. – Два [буржуя] кулака от нас сейчас удалились.

[– Убей их пойдди! – сказала девочка]

– Убей их пойдди! – сказала девочка.

– Не разрешается, дочка[.]: две личности это не класс...

– Это один да еще один, – сочла девочка.

– А в целости их [было] было мало, – пожалел Сафронов. – Мы-же, согласно пленума, обязаны их ликвидировать не меньше как класс, [дабы] лишь-бы весь пролетариат и [батрачий] батрачье [сословие] сословье осиротели от врагов!

– А с кем останетесь?

– С задачами, с [л] твердой линией [дал] дальнейших мероприятий – понимаешь что?

– Да, – ответила девочка. – Это значит плохих людей всех убивать, а то хороших очень мало.

– Ты вполне классовое поколение, – обрадовался Сафронов, – ты с четкостью сознаешь все отношения [с четкостью], хотя сама еще малолеток. Это монархизму люди без [раз] разбору требовались для войны, а нам только один класс дорог, – да мы и класс свой будем [от] скоро чистить от несознательного элемента!

– От сволочи, – с легкостью догадалась девочка. – Тогда [ост] будут только самые[.]–самые главные люди! Моя мама [тоже сволочь] [родила меня, а я выросла и захотела есть, а мама заплакала] || тоже себя сволочью называла, что жила, [и не ела] а теперь умерла и хорошая стала – правда ведь?

117

– Правда, – сказал Чиклин.

Девочка, [чувствуя в себе [только] свободу жизни] вспомнив, что мать ее находится одна в темноте, [моментально] молча отошла [и села играть в песок], ни с кем не считаясь, и села играть в песок. Но она не играла, [а перебирала] а только [щупала] [брала] [равнодушно] трогала кое-что равнодушной рукой и думала.

[– Ты]

Землекопы приблизились к ней и, пригнувшись, спросили:

– Ты что?

– Так, – сказала девочка, не обращая внимания. – Мне у вас стало скучно, вы меня не любите, – как ночью заснете, так я вас изобью.

Мастеровые с гордостью поглядели друг на друга, [но [не зна] никто из них не знал факта] и каждому из них захотелось взять ребенка на руки и память [его] его в своих объятиях, чтобы почувствовать [место] то теплое место, откуда исходит этот разум и прелесть малой жизни.

Один Вощев стоял слабым [и] [,] и безрадостным [и], механически [глядел] [смотрел в даль, где скрылся] наблюдая даль; он попрежнему не знал [что к чему и как существует] – есть-ли что особенное в общем существовании, – ему никто не мог [объяснить] прочесть на память всемирного устава, события же на поверхности земли его не прельщали[, благодаря незначительности диаметра всей планеты]. Отдалившись несколько, Вощев [скрылся] тихим шагом скрылся в поле и там прилег || полежать, невидимый <sic> никем, довольный, что он [снова] больше не участник безумных обстоятельств. 118

Позже он нашел след гробов, увлеченных двумя мужиками¹ за горизонт, [который был покрыт в этот час светом [и чадом] утра и чадом дыханья и запаха [прб] пробужденных растений] [в страну] [в свой край] [покрытый чадом] – в свой край согбенных плетней, заросших лопухами [. Весь свет был покрыт в этот час [сияньем] теплотой солнца] [, – в тишину-ли дворовых царств или]. Быть может,<,> там была тишина дворовых теплых царств или стояло на ветру дорог бедняцкое колхозное сиротство, с кучей мертвого инвентаря посреди. Вощев [пошел] пошел туда [своей] походкой механически выбывшего человека, не сознавая, что лишь слабость культработы на котловане заставляет его не жалеть о строительстве будущего дома. Несмотря на достаточно яркое солнце, было как-то безвозмездно на душе, тем более, что в поле простирался мутный чад дыханья и запаха трав, и Вощев шел в этом [шумном тумане [жизни] [труд] [взволнованной жизни] нижней жизни] [шумном тумане жизни, существующей и истошающейс.] [гнетущем облаке] [душном] нагретом облаке тужащейся² жизни, потеющей в труде своего роста. Он осмотрелся вокруг, – всюду над [полем] пространством [стояли облака] стоял пар живого дыханья, создавая сонную, душную незримость[, [длящуюся медленно] в которой длилась медленная надежда влажных];

Запись справа на полях листа 118: Средн.

¹ Первоначально в строке перед этим словом было оставлено место для эпитета. Отчеркнутые на предыдущих листах повторы слова МУЖИК, равно как и найденные прежде определения (безвестный мужик с желтыми глазами (107); неизвестный человек, одетый в одни штаны (112); неизвестный человек (113); давно-живущий на котловане мужик с желтыми глазами (114); мужик, прибежавший прежде в барак (115) и др.), также свидетельствуют о затруднениях, которые здесь испытывал автор с его подбором. Позже эта часть строки, оставшаяся незаполненной, была использована при правке другого фрагмента. Учитывая эти и некоторые другие реалии рукописного текста, можно предположить, что слово ДВУМЯ, которым в рукописи заканчивается предыдущая строка, было вписано позднее, т.е. является вставкой.

² Это слово было вписано на место, предварительно намеченное для вставки пунктиром. На то же указывает и значительно более широкая, чем это необходимо, скобка, оформляющая вставку над строкой.

устало длилось [время] терпение на свете, точно все живущее находилось где-то посредине времени и своего движения: начало его всеми забыто и конец неизвестен, осталось лишь [одно] направление во все стороны. || И Вошев скрылся в одну открытую [сторону] дорогу.

119

разрыв 5-6 стр.

[*]

разрыв

Козлов прибыл на котлован пассажиром в автомобиле, которым управлял сам Пашкин. [Сам] Козлов был одет в светло-серую тройку, имел пополневшее от какой-то постоянной радости лицо и стал сильно любить пролетарскую массу. Всякий свой ответ трудящемуся человеку он начинал некими самодовлеющими словами: “ну хорошо, ну прекрасно” – и продолжал. Про себя-же любил произносить: “где вы теперь [!], ничтожная фашистка!”, [пр] или – “прелестна вы, как Ленина завет!” и многие другие краткие лозунги-песни.

Сегодня утром Козлов ликвидировал как чувство свою любовь к одной средней даме. Она тщетно писала ему письма о своем обожании, он-же, преодолевая общественную нагрузку, молчал, заранее отказываясь от конфискации ее ласк[. Наконец], потому что искал женщину более благородного, активного типа. Прочитав-же в газете о загруженности почты и нечеткости ее работы, он решил [уменьшить] [улучшить] укрепить этот сектор социалистического строительства, путем прекращения [переписки] дамских писем к себе. И он [ей] написал [любящей] [грустной] грустящей даме последнюю, итоговую открытку, складывая с себя ответственность любви:

“Где раньше стол был яств,
Теперь там гроб стоит! [”]
Козлов”.

Этот стих он только что прочитал и спешил его не забыть. Каждый день, просыпаясь, он вообще читал [книги] в постели книги и, запомнив формулировки, [лозунги] [забыты] лозунги, стихи, заветы, всякие слова мудрости, тезисы различных актов, резолюции, строфы песней <sic> и прочее, он шел в обход [учреждений] органов и организаций, где [ее] его знали и уважали, как активную общественную силу, – и там [Козлов] Козлов пугал и так уже напуганных служащих [цитатами] своей научностью, кругозором и подкованностью. Дополнительно к пенсии по 1-й категории он обеспечил себе и || [натуральное продовольствие.] 120 по 1-й категории он обеспечил себе и || [натуральное продовольствие.] 120 [продук] [натурное] натурное продовольствие.¹ Зашед однажды в кооператив, он подозвал к себе, не трогаясь с места, заведующего и сказал ему:

п.м.①

п.м.②

¹ Часть текста, выделенная в транскрипции полужирным шрифтом, была дописана на нижних полях предыдущего листа 119.

Записи на полях листа 120:

① выше (стр. 119) “К.<озлов> сложил с себя ответств.<енность> любви” (вверху на полях).

② изменить “наоборот” (вверху на полях)

– Ну хорошо, ну прекрасно, но [я ведь вижу, как говорится,] у вас кооператив, как говорится, рочдэльской [типа] вида, а не советского! Значит, вы не столб со столбовой дороги в социализм!? <sic>

– Я вас не признаю, гражданин, – скромно ответил заведующий.

[– Как-же вы меня не признаете, когда я вас полгода изучаю от имени своего профсоюза, как член! Я же вижу]

[– Ну – хорошо, ну – прекрасно, – [сказал Козлов] [насмеш] с особенностью сказал Козлов]

– Так<> значит<> опять: просил он, пассивный, не счастья у неба, а хлеба, насущного черного хлеба!? <sic> Ну хорошо, ну – прекрасно! – сказал Козлов, и вышел в полном оскорблении,

n.m.^④ [и] а через одну декаду стал председателем лавкома этого кооператива. Он так и не узнал, что эту должность получил по [настоянию] ходатайству самого заведующего, [учитывавшего] который учитывал не только ярость масс, но и качество [их] яростных.

n.m.^④ [[Сейчас] Пашкин был рад, что массы выдвигают [таких] людей, [как Козлов] подобных Козлову, – он его всюду возил с с <sic> собой и показывал как образцовый элемент активиста]

И теперь Пашкин гордился Козловым – он верил[,] в тот близкий день, когда весь пролетариат примет образ авангарда своего: это и будет социализм. Поэтому Пашкин всюду показывал Козлова, как образцовый элемент активиста, [и сам] зарожденного в массах [профс] умелым профсоюзным руководством. Благодаря наличию Козлова, Пашкин уж не смущался более [вида] Жачева: он знал, что Жачеву [лишь] надо дать [лишь] лишь должность, хотя бы сборщика членских взносов, и он перестанет требовать масло у ответственных лиц, ибо [он] сам будет накануне питания [маслом] жирами.

Спустившись с автомобиля, Козлов [сказал бли] с видом ума прошел на поприще строительства и стал на краю его[.], чтобы иметь общий взгляд[.] на весь темп труда. Что касается ближних землекопов, то он сказал им:

[– [Сорев] Организуйте соревнование! Через четыре года вы будете в царстве свободы, а туда будет установлен пропуск] ||

121

[– Не вижу [ва] в вас энтузиазма! Не будете вы, как говорится, в царстве свободы через четыре года, – туда ведь тоже, кто получит пропуск]

– Не будьте оппортунистами на практике!

Во время обеденного перерыва товарищ Пашкин [пре] [предложил] сообщил мастеровым, что [единоличная деревня не прокормит того класса, который начнет вскоре жить [на месте] в общем доме, [на ме] опираясь в] [бедняцкие слои] бедняцкий слой деревни [сильно] печально [заскучали] заскучал по колхозу и нужно туда бросить

Записи на полях листа 120 (продолжение):

④ переделать (Помета относится к отчеркнутому в тексте и отмеченному вопросительным знаком на полях первоначальному варианту:…сказал Козлов, и через одну декаду стал… После правки все помёты в тексте и на полях были вычеркнуты).

④ перв. люд. (Справа на полях; помета вычеркнута одновременно с фрагментом, на полях которого была сделана).

что-нибудь особенное из рабочего класса[. *Сказав так, Пашкин*], дабы начать классовую борьбу [*в крестьянстве*] [*среди*] против [*последних*] деревенских пней капитализма.

– Давно пора кончать зажиточных паразитов! – высказался Сафронов. – Мы [*жара*] уж не чувствуем жара от костра классовой борьбы, а огонь должен быть: где-ж тогда греться активному персоналу!

И после того артель назначила [*ехать в ближнюю дер*] Сафронова и Козлова итти в ближнюю деревню [*и там*] – *спасать для социализма [бед] все неимущее*] [*для устранения беды жизни в ней*], [*дабы*] чтобы бедняк не остался при социализме круглой сиротой [*и*] или частным мошенником[.] в своем убежище.

[*Девочка Настя*]

[*Жачев дошел до Пашкина и обратился к нему:*]

Жачев [*подвел*] подъехал к Пашкину [*девочку*]с девочкой на тележке и сказал ему:

– Заметь этот социализм в босом теле. Наклонись, стервец, к ее костям, откуда ты сало съел!

– [*Я – факт*] Факт! – произнесла девочка.

Здесь и Сафронов [*стал поддерживать*] определил свое мнение.

– Зафиксируй, товарищ Пашкин, Настю – это ж наш будущий радостный предмет!

Пашкин вынул записную книжку и поставил в ней точку[. T]; уже много точек было изображено в книжке Пашкина<,> и каждая точка знаменовала какое-либо внимание к массам. ||

В тот вечер Настя постелила Сафронову отдельную постель и села с ним посидеть. Сафронов сам попросил девочку поскучать о нем, потому что она одна здесь сердечная женщина. И Настя тихо находилась при нем весь вечер, стараясь думать, как уйдет Сафронов туда, где бедные люди тоскуют [*и боятся волков*] в избушках, [*а кругом их*] [*и*] и как он станет вшивым среди чужих[...].

122

Позже Настя [*о*] [*от*] [*согрела*] легла в постель Сафронова, согрела ее и ушла спать на живот Чиклина. Она давным-давно привыкла согревать постель своей матери, перед тем как [*с ней*] *ложился*] [*с ней*] [*с ней*] [*там*] туда *ложился** спать неродной отец.

разрыв 5-6 стр.

[*]

разрыв

Маточное место для [*будущего д*] дома будущей жизни было готово; теперь предназначалось класть в котловане бут. Но Пашкин постоянно думал светлые думы<,> и он доложил главному революционеру в городе, что масштаб [*мелок, ибо <нрзб>*] дома узок, ибо социалистические женщины [*исполни*] будут исполнены свежести и [*полнокро*] полнокровия, и вся поверхность земли покроется [*продукцией их любви – ки*] семяющим детством; неужели-же детям придется жить наружи <sic> [?], [*среди*] среди неорганизованной погоды? ||

– Нет, – ответил главный революционер, [роняя нечаянно] **сталинская нечаянным движением сытный бутерброд со стола.** – Разойдите маточный котлован вчетверо больше. 123

Пашкин [поднял бутерброд и подал его] [увидел на полу сытный] согнулся и возвратил бутерброд [с по] с низу <sic> на стол.

– Не стоило нагибаться, – сказал революционер. – [Я уж давно свалил его] [Все равно] На: – на будущий год мы запроектировали [полмиллиард <sic>] [на полмиллиарда] сельхозпродукции по округу на полмиллиарда.

Тогда Пашкин положил бутерброд обратно в корзину для бумаг, боясь, что его [рассмотрят] сочтут за человека, живущего темпами эпохи режима экономии. [Пруш]

Прушевский ожидал Пашкина [снаружи] вблизи здания – для немедленной передачи распоряжения на работы. [Получив] Пашкин-же, пока шел по вестибюлю, обдумал увеличить котлован не вчетверо, а в шесть раз, дабы угодить наверняка и [удержаться на восходящей кривой] [возглавить] забежать вперед **партийной линии [партии]**, чтобы впоследствии радостно встретить ее на чистом месте, – и тогда линия [подхватит [ее] его и понесет в даль по] увидит его и он [войдет в нее] запечатлеется в ней вечной точкой.

[– Проектируйте в шесть раз просторней, – указал он Прушевскому]

– В шесть раз больше, – указал он Прушевскому. – Я говорил, что темп тих!

Прушевский [пошел к Чик] обрадовался и улыбнулся. Пашкин, заметив счастье инженера, тоже стал доволен, потому что почувствовал настроенье инженерно-технической секции своего союза. Но Прушевский [у] узнал удовлетворенье не от масштаба, а от того, что [жизнь [ближних ему людей] землекопов] землекопы так-же быстро [израсходуют] истомят жизнь [от скорости] [в могиле котлована] [в котловане] в [земле] котловане, как он сам умрет; ему лучше было иметь друзей [такими же] мертвыми, [каким] чем живыми, чтобы затерять свои кости в общих костях и не [знат] [<нрзб>] оставить на дневной поверхности земли ни памяти, ни свидетелей, – пусть будущее будет || чуждым и пустым, а прошлое [теснится] поконится в могилах – в [теплоте] тесноте некогда обнимавшихся [косте] костей, в прахе сотлевших любимых и забытых тел. [Все мертвые]

124

Прушевский пошел к Чиклину, чтобы [разбить с ним] наметить [котлован] расширение котлована. Еще не доходя, он увидел [близь кот] собрание землекопов и крестьянскую подводу среди молчащих людей. Чиклин [нес] вынес из барака пустой гроб и положил его на телегу; затем он принес еще [в] и второй гроб, а Настя [бе] [шла] стремилась за ним вслед, обрывая с гроба свои картинки. Чтоб девочка не сердилась, Чиклин взял ее под мышку и, прижав к себе, нес другой рукой гроб.

– Они все равно [мертвые] умерли, зачем им гробы! – негодовала Настя. – Мне некуда будет вещи [прягать.] складать!

– Так [надо] уж надо, – отвечал Чиклин. – Все мертвые, это люди [отчего-то почтенные] особенные.

– Важные какие! – удивлялась Настя. – Отчего-ж тогда все живут? Лучше-б умерли, и стали важными!

[– Мертвые]

– Живут для того, чтоб буржуев не было, – сказал Чиклин, и положил последний гроб на телегу. На телеге сидели двое – Воцев и ушедший [было] когда-то с Елисеем [мужик] подкулацкий мужик.

[– Что]

– Кому отправляете гробы? – спросил Прушевский.

– Это Сафронов и Козлов умерли в избушке[. За ними], а им теперь мои гробы отдали[. а то они важные,–]: ну что ты будешь делать! – [сообщил] с подробностью сообщила Настя. И она прислонилась к [те] телеге, [как замученная] озабоченная упушением.

Воцев, прибывший на подводе из неизвестных мест, тронул лошадь [–], чтобы ехать обратно [на колхоз] в [про] [полевое пространство.] то пространство, где он [был] был.* Оставив блюсти [Настю] девочку Жачеву, Чиклин пошел шагом || за удалившейся [подводой] 125 телегой.

До самой глубины лунной ночи он шел в даль. Изредка, в [далекой] боковой **овражной** стороне, горели укромные огни неизвестных жилищ<, > и [побре] там-же заунывно брехали собаки – может быть<, > они скучали, а может быть<, > замечали каких-нибудь въезжавших командированных [лиц и] людей и пугались их. Впереди Чиклина все время ехала подвода с гробами<, > и он не отрывался от нее. [[Пассивная] Пассивное небо давно уже покрылось [звез] звездами, [каждую ночь] точно происходило [это] их безысходное заседание, – и Воцев, глядя вверх, спрашивал, когда-же звездное собрание вынесет свою резолюцию]

Воцев, опершись о гробы спиной, глядел с [подводой] телеги вверх – на звездное собрание и в мертвую массовую муть млечного пути <sic>. Он ожидал, когда же там будет вынесена [какая-либо] резолюция о прекращении вечности времени, об искуплении томительности жизни. Не надеясь, он задремал и проснулся от [от] остановки.

Чиклин [пришел] дошел до **подводой** через несколько минут и стал смотреть вокруг. [Была старая] Вблизи была старая деревня; всеобщая ветхость бедности покрывала [весь] ее, – [от сделанных] [от старческих, терпеливых плетней до] и старческие, терпеливые плетни, и придорожные, склонившиеся в тишине деревья имели одинаковый вид грусти[. точно они существовали не на теплой почве, а на скудном железе]. Во всех избах деревни [горели огни] был свет, но [наружи <sic>] снаружи их никто не находил. Чиклин подступил к первой избе и зажег спичку, чтобы прочитать белую бумажку на двери. В той бумажке было указано, что это обобществленный двор №7 колхоза [“Линия”] имени Генеральной Линии и что здесь живет активист общественных работ по выполнению государственных постановлений и любых кампаний, проводимых на селе.

– Пусти! – постучал Чиклин в дверь. ||

п.п. Активист вышел и впустил его. Затем он [прин] составил приемочный акт на гробы и велел Вощеву идти в сельсовет и стоять всю [ночь, меняясь с Елисеем каждые полчаса,] ночь в почетном карауле [у мертвых] [около мертвых людей] [у дву] у двух тел павших товарищей. 126

– Я пойду сам, – определил Чиклин.

– Ступай, – ответил активист. – Только скажи мне свои данные, я тебя в [мобилизационные] мобилизованный кадр зачислю.

Чиклин ему [сказал] начал говорить, и активист занес его в кадр в течение часа; Вощеву-же он дал другую нагрузку – пересчитать в ночь всех кур [и¹ выяснить] и тем определить к утру наличие свежеснесенных <sic> [яиц] яиц.

– У меня рука велика, я [н] не справлюсь, – произнес Вощев.

– Ты что – по узкому месту равняешься? – сокрушительно² удивился активист. – Кто есть на свете: партия или ты?

– Его нет, – [с игн] ответил [с испуга стоявший [молча] дотоле молча]³ про Вощева мужик с желтыми глазами; дотоле он стоял молча, а теперь испугался*.

Вощев попробовал себя руками за тело и решил: надо мне перестать думать, пускай живет что-то общее; чего ради мучиться для одного своего корпуса [Велик]: велик он, что-ли?

[Он согнулся] [Согнувшись, Вощев скрылся] [Согнув свое тело] Согнувшись [ради] для* меньшего размера [и [чувства [самого себя] своего тела] безчувствия <sic> ?] и бесчувствия*, Вощев скрылся на куриное дело. Активист наклонился [над] к своим бумагам, прощупывая тщательными глазами все точные тезисы и задания; он с жадностью собственности, без памяти о домашнем счастье <sic> строил [будущее] необходимое будущее, готовя для себя в нем вечность, – и потому он сейчас запустел, опух от [забот] забот и оброс редкими волосами по толстому[,] лицу, похожему на женскую наружность. Лампа горела [на столе активиста] перед его [взглядом] подозрительным взглядом, умственно и фактически наблюдающим || кулацкую сволочь. 127

п.п. Всю ночь сидел активист при непогашенной лампе, слушая – не [едет-ли] скачет-ли по темной дороге верховой [по темной] из района [по темной дороге], чтобы спустить директиву на село. Каждую новую директиву он читал с любопытством будущего наслаждения, точно подглядывал в страстные тайны[,] взрослых, центральных людей. [П] Редко проходила ночь, чтобы не появлялась директива, – и до утра [ее] изучал ее активист, накапливая к рассвету энтузиазм несокрушимого

Запись на верхних полях листа 126: *выше 1 стр. <аницей> “Участок ген<еральной> линии” – 125 стр. ???*

¹ Предлог *и*, далее продублированный в ходе правки, в рукописи не вычеркнут.

² Вписано позднее на предварительно намеченном для вставки месте.

³ В рукописи подчеркнута и отмечена вопросительным знаком на полях строка первоначального варианта: ... *ответил с испуга стоявший*... Справа на полях этого фрагмента – помета: условный значок, указывающий на необходимость произвести замену или перестановку, и слово *фразы*. После проведения правки все пометы в тексте и на полях были вычеркнуты.

Запись на верхних полях листа 127: (*о нов.<ом> классе*)

действия. И только изредка он словно замирал на мгновение от тоски жизни – тогда он жалобно глядел на любого человека, находящегося перед его взором; это он чувствовал воспоминание, что он – головотяп и упушенец, – так его называли иногда в бумагах из района. “Не пойти ли мне в массу, не забиться-ли в общей, руководимой жизни?” – решал [он] активист про себя в те минуты, но быстро опоминался, потому что не хотел [сиротства и тщетности] быть членом общего сиротства и боялся [тщетного ожидания социализма] долгого томления по социализму, пока каждый пастух не очитится среди радости, [тогда как] ибо* уже сейчас можно быть [в] подручным авангарда и немедленно иметь всю пользу будущего времени. Особенно долго активист рассматривал подписи на бумагах: эти буквы выводила горячая рука революционера, а рука есть часть целого тела, живущего в довольстве славы на глазах преданных, убежденных масс. Даже слезы показывались на глазах активиста, когда он любовался четкостью ручных подписей и изображениями земных шаров на [штем] штемпелях; ведь весь земной шар, вся его мякоть скоро достанется в [наши] четкие, железные руки, – неужели он останется без влияния на всемирное тело земли? [<Z> Со скупостью близ] И со скупостью обеспеченного счастья[,] активист гладил свою истощенную [в нагрузках] нагрузками грудь.

– Чего стоишь без движения? – сказал он Чиклину. – Ступай сторожить политические трупы от зажиточного бесчестия: видишь, [какой] п.м. ① [<I слово нрзб>] убиток актива! [как <I слово нрзб> брат] || как 128 падает наш героический брат!

[Чик] Через тьму колхозной ночи Чиклин дошел до пустынной залы сельсовета. Там покоились в вечном состоянии его два товарища. Самая большая лампа, назначенная для освещения заседаний, горела над мертвецами. Они лежали рядом на столе президиума, покрытые знаменем до подбородков, чтобы не были заметны их гибельные увечья и живые не побоялись-бы [снова] так-же умереть.

Чиклин [стал] встал у подножия скончавшихся и [засмотрелся] спокойно засмотрелся в их молчаливые лица. Уж [ничто] ничего не скажет теперь Сафронов из своего ума, и Козлов не [болит душой] [поболит] поболит душой [о] за все организационное строительство и не будет п.м. ② получать полагающуюся ему пенсию. Z Текущее время тихо шло в полномочном мраке колхоза; ничто не нарушало [общего] обобществленного имущества и тишины коллективного сознания. Чиклин закурил, приблизился к лицам мертвых и потрогал их рукой.

– Что, Козлов, скучно тебе?

Козлов продолжал лежать умолкшим образом, будучи убитым; Сафронов тоже был спокоен, как довольный человек, и рыжие усы[, <нрзб>] его, нависшие над ослабевшим, полуоткрытым ртом, росли даже из губ, потому что [их никто [не касался] целовал] [никто не терся] [его]

Записи на полях листа 128:

① Тоша (т. е. Платон, имя сына писателя; в верхнем правом углу листа.)

② ? связь фраз (Помета относится к отчеркнутой в тексте границе двух предложений, первоначально следовавших непосредственно одно за другим. После того как фрагмент был разбит на два абзаца, все пометы на полях и в тексте были вычеркнуты.)

редко целовали] его не целовали при жизни*. [*Стерев засохшую соль [вокруг з] вокруг гл*] Вокруг глаз Козлова и Сафронова виднелась засохшая соль бывших слез, так что Чиклину пришлось стереть ее и подумать – отчего же это плакали в конце жизни Сафронов и Козлов. Наверно оттого, что [*по ним после скончания заиграет музыка*] растрогались[, *как по ним после скончания заиграет музыка*] от воображенья музыки, которая по ним заиграет [*от*] после скончания.

– Ты что-ж, Сафронов, совсем улегся иль думаешь встать все-таки?

Сафронов не мог ответить [– [*его горло было наполнено*] его душа была спокойна], потому что сердце его [было] [не имело] лежало [разрушенным и не могло чувств] в [испорченной] разрушенной груди и не имело чувства. [Чиклин услышал начавшийся дождь на дворе; его] ||

Чиклин прислушался к начавшемуся дождю на дворе, к его долговому скорбющему звуку, поющему в листве [*и*], в [*траве*] плетнях и в [*мир*] мирной кровле деревни; безучастно, как в пустоте, [*лились*] проливалась свежая влага, и только тоска хотя-бы одного человека [*могла-бы*], слушающего дождь, могла бы вознаградить [*этом труд*] это истощение природы. Изредка [*нок*] вскрикивали куры, [*щуп*] которых щупал Воцев в огороженных захолустьях, но их Чиклин уже не слушал и лег спать под общее знамя между Козловым и Сафроновым, потому что мертвые – это тоже люди. Сельсоветская лампа безрасчетно горела над ними до утра, когда в помещение явился Елисей[.], и тоже не потушил огня: ему было все равно, что свет, что тьма. Он без пользы постоял некоторое время и вышел так-же<, > как пришел [<нрзб>].

[– *Пора рыть!* – сказал, просыпаясь, Чиклин, и медленно одумался. Он озяб от мертвых и]

[*Оперш*] Прислонившись грудью к [*плетню*] воткнутой для флага жердине, Елисей уставился в мутную сырость порожнего места. На том месте собрались грачи для отлета в теплую даль, хотя время их расставания со здешней землей [*далеко не [вышло] настало*] [*еще не настало*] еще не наступило*; [*может*] но<, > наверно<, > [*они*] грачи [*желали*] пожелали отбыть заблаговременно, дабы [*не*] пережить в солнечном районе организационную колхозную осень и возвратиться [*уже*] **ПОТОМ*** к всеобщему учрежденному затишью. Еще ранее [*того*] отлета грачей Елисей видел исчезновение ласточек, и тогда он [*же*] хотел было стать [*этим*] легким, малосознательным телом птицы, но теперь он уже не думал, чтобы [*стат*] обратиться в грача, потому что думать не мог[, *глядя на все*]. Он жил и глядел глазами лишь [*по*] оттого, что [<нрзб>] имел документы **середняка** и [*обяз*] его сердце билось по закону. [*Вдруг [он] Елисей*]

Из сельсовета раздалась какие-то звуки, и Елисей подошел к окну и прислонился к стеклу; он постоянно прислушивался ко всяким звукам, исходящим из масс или природы, || потому что ему никто не говорил слов и не давал понятия, так что приходилось чувствовать даже отдавленное звучание.

Елисей увидел Чиклина, [*сидящего между двумя лежащими навзничь. Чиклин плевал себе в ладонь и после водил ею по лицам мертвых, же*]

129

130

сидящего между двумя лежащими навзничь. Чиклин курил и равнодушно утешал умерших своими словами.

– Ты кончился, Сафронов! Ну и чтож <sic>? Все равно я ведь остался: буду теперь<,> как ты[:]; стану уметь, начну выступать с точкой зрения, увижу всю твою тенденцию, – ты вполне можешь не существовать...

Елисей не мог [понять] понимать и слушал одни звуки сквозь [одинарное] чистое стекло.

– А ты, Козлов, тоже не заботься жить. Я сам себя забуду, но тебя начну иметь постоянно. Всю твою погибшую жизнь, все твои задачи спрячу в себя и не брошу [ее] их никуда, так что ты считай себя живым. Буду день и ночь активным, [нач] [начну [наблю] [см] наблю] [стану] всю организационность на заметку [братъ] возьму, на пенсию стану, – лежи спокойно, товарищ Козлов[: я цел<... >¹]!

Елисей надышал на стекло туман и [ничего не] видел Чиклина слабо, но все равно смотрел, [потому что] [ибо] раз глядеть ему было некуда. Чиклин помолчал и, чувствуя, что Сафронов и Козлов теперь рады, сказал им:

– Пускай хоть весь класс умрет – так я один за него останусь и сделаю [все на] всю его задачу на свете! Все равно жить [одному себе] для самого себя я не знаю как!.. Чья это там морда уставилась [сюда] на нас? Войди сюда, чужой человек!

Елисей сейчас-же вошел в сельсовет и стал, [будучи попрежнему в одних] [задерживая рук] не соображая, что штаны [у него] спустились || с его живота, [потому что <нрзб>] хотя вчера вполне еще держались. Елисей не имел аппетита к питанию и поэтому худел в каждые истекшие сутки.

– Это ты убил их? – спросил Чиклин.

Елисей поднял кверху штаны и уж больше не упустил их, ничего не отвечая, наставя на Чиклина свои бледные [глаза] пустые глаза.

– А кто же? Пойди приведи мне кого-нибудь, кто убивает [наш класс] нашу массу.

[Е] Мужик тронулся и пошел через [то] порожнее сырое место, где находилось [с] последнее сборище грачей; грачи ему дали дорогу, и Елисей увидел того [мужик] мужика, который был с желтыми глазами[, который]; он приставил [свой] гроб к плетню и писал на нем [свою] свою фамилию печатными буквами, [пользуясь] доставая изобразительным пальцем какую-то [черную] гущу из бутылки.

– Ты что, Елисей? Аль узнал какое распоряженье?

– Так себе, – сказал Елисей.

– Тогда – ничего, – покойно произнес пишущий мужик. – А [мертвые все лежат в совете] мертвых не обмывали еще в совете? Пугаюсь, как бы казенный [урод] инвалид не приехал на тележке, он [мне] меня рукой тронет, что я [мертвым] жив, а двое умерли.

Запись на полях листа 130: ? / выше см. <отри> Сафр. <онов>

¹ Слово недописано.

Мужик пошел помыть мертвых, чтобы обнаружить тем свое участие и сочувствие. Елисей тоже побрел ему вслед, не зная<, > где ему лучше всего находиться.

Чиклин не возражал, пока мужик [раздевал погибших] [снял] снимал с погибших одежду и [носил] [отнес] [относил] носил их поочередно в голем состоянии окунать в пруд, а потом, вытерев насухо овчинной шерстью, снова одел и положил оба тела на стол.

– Ну прекрасно, – сказал тогда Чиклин. – А кто-ж их убил?

– Нам, товарищ Чиклин, неизвестно – мы сами живем нечаянно.

[Вид] – Нечаянно! – [воскликнул] [провозгласил] [высоко] про-изнес* Чиклин, и сделал мужику удар в лицо, чтоб он стал жить || сознательно. Мужик было упал, но побоялся далеко уклоняться, дабы п. м. Чиклин не подумал про него чего-нибудь [кулацкое] [кулацкого] [зажиточное] зажиточного*, и еще ближе предстал перед ним. Чиклин], [будучи готовым терпеть. Он даже хотел на] желая [вытерпеть] посильнее изувечиться, а затем исходатайствовать себе, посредством мученья, право жизни бедняка. Чиклин, видя пред собою такое существо, [дал] двинул ему механически в живот, и мужик опрокинулся, закрыв свои желтые глаза.

132

Елисей, стоявший [в] тихо в стороне, сказал вскоре Чиклину, что мужик кончился.

– [Те] А тебе жалко его? – спросил Чиклин.

– Нет, – ответил Елисей.

– Положь его в середку между моими товарищами.

Елисей поволок мужика к столу и, подняв его изо всех сил, свалил [на] [на] поперек прежних мертвых, а уж потом приновил как следует, уложив его тесно, [по] близь боков Сафронова и Козлова. Когда Елисей отошел [обратно] обратно, то мужик открыл свои желтые глаза, но уж не мог их закрыть, и так остался глядеть [<нрзб>].

[Десятилинейная лампа начала [гас] гаснуть над столом, но не успела она еще помер]

[– Баба то <sic> [у] есть у него? – спросил Чиклин Елисея.

– Есть, – сказал Елисей.

– Ступай ей скажи, что Чиклин, мол, на тебе женится, – пускай горницу убирает.

Елисей пошел говорить [и пов] это извещение бабе мертвого мужика[,] и повстречал Вощева, который]

– Баба-то есть у него? – спросил Чиклин Елисея. ||

– Один [жил] находился, – ответил Елисей.

133

[– А кто-же ему родня?]

[– А какая-ж у него родня?]

Елисей]

п. м. ①

п. м. ②

Помета на полях листа 132: <...>ое?

Записи и пометы на полях листа 133:

① ???

② выше – независимо: Чикл.<ин> – в городе не м.<ожет> б.<ыть> любви от строительства. (Ср. с материалами записных книжек: «В городе не было любви – все уставали». – Платонов А. П. Записные книжки. М., 2000. С. 36).

– Зачем-же он [жил] был?

[– Сам не знал]

[– [Боялся.] [Он] Он боялся.]

– Не быть он боялся.¹

Вошев [явился в дверях] пришел в дверь и сказал Чиклину, чтоб он шел – его требует актив.²

– На тебе рубль, – дал поскорее деньги Елисею Чиклин. – Ступай на котлован и погляди – [цела] жива ли там девочка Настя; и купи ей конфет. У меня сердце по ней заболело.³

Активист сидел с тремя своими помощниками, [худощавыми,] похudevшими от бесперывного геройства и вполне бедными людьми, но лица [их] их изображали одно и тоже <sic> твердое чувство – усердную беззаветность. [<Z> Вошев] Активист [сообщил] дал знать Чиклину и Вошеву, что директивой товарища Пашкина они [закрепляются за [данным] колхозом – для возглавления всей неимущей отсталости] [приурочив] [приурочены] должны приурочить все свои скрытые силы на угодение колхозному разворачиванию.

– А [будет] истина [nr] полагается пролетариату? – спросил Вошев.

– Пролетариату полагается движение, – [дал] произнес справку активист, – а что [все] навстречу попадет, то все его: будь там истина, [иль кулацкий [кочет] кочет] будь кулацкая [шитая] награбленная кофта, – все пойдет в организованный котел, [ничего [не узнаешь] одному не достанется!] ты ничего не узнаешь!* А [что-ж ты] курей ты проверил?

– Всю ночь шупал – ни в одной птице нету яйца.

Активист сосредоточился; его помощники [тоже ста] тоже соответственно задумались, [желая немедленно найти] – неужели птица подкулачница? ||

– Надо заготовить всех кур, сделать их мертвыми – и съесть, – про- 134
думав мысль, заявил один из активного состава.

– А петухов ты заметил? – спросил активист.

– Их нету, – сказал Вошев. – Один человек [не сна] лежал на дворе и мне говорил, что ты последнего съел, когда [в командировку] шел по колхозу и вдруг почувствовал голод.

[– Важно выяснить, кто]

– Нам важно выяснить, кто съел первого петуха, а не последнего, – объявил активист.

– А может<, > первый сам издох! – дал догадку помощник активиста.

– Как же он сам издохнет? – удивился активист. – Разве он сознательный вредитель, что-ль, что сам будет [уми] в [такое] такой момент умирать? Пойдем сквозной допрос делать! [Тут] Я [другу] особую]: тут другая база лежит.

¹⁻³ В ходе правки была намечена – путем перенумерации на полях – перестановка отдельных частей (цифровыми индексами в транскрипции обозначены их границы): фрагмент от начала листа 133 и до первого отмеченного индексом места – II, следующий за ним – III и последний выделенный абзац – I. Смысл намечаемой таким образом перестановки заключался, вероятно, в изменении временной последовательности событий. Все пометы затем были вычеркнуты.

И все встали и пошли искать того вредного едока, который [сье] истребил ради своего питания первого петуха. Вошев и Чиклин тоже двигались вслед активу.

– Дело сурьезное, – говорил Чиклин: – без [яиц] яиц дети отошают и своего возраста не возьмут!

– Конечно, – подтвердил Вошев, а сам томился, потому что был согласен жить до смерти без [ку] куриного яйца, лишь бы знать основное устройство всего мира.

Миновав с точным[*, но*] допросом, давшим лишь пассивные результаты, дворов десять, актив устал и прислонился к одной избе подумать – как быть дальше. К активу [успе] уже успели присоединиться еще человек сто, и вся эта масса явно горевала о съеденном каким-то неизвестным ртом первом петухе, отчего погиб и последний. Чтоб куры не [тосковали] скучали, || их взяли на руки и носили с собой, лаская ладонью по перу. Куры разгнездились в руках, но были довольны.

135

Вскоре весь колхоз был [уж] на глазах активиста, благодаря тому дисциплинарному [сознанию] расчету, что лучше [ко] тыща человек сделает сто шагов, чем один пройдет пять верст.

– Где-ж петух, товарищи? – почти что равнодушно обратился активист ко всем прильнувшим к нему. – Откуда-ж у нас яйцо выйдет, если [наше [птице] птичье стадо] наша птичья масса не имеет в своей среде продуктивного руководства!?

Население колхоза, скрывая мысль, молча стояло близь своего актива и грустно опустило [л] [все свои лица] свое общее лицо*; одна же баба начала тихо обмокать слезами, а потом так разошлась и [пустила наружу все] [так] расстрадалась, что [закричала в тоске всеми своими скорбящими словами] [закричала скорбящим > голосом] [стала произв. <одить> вопли] вся опустилась и [ей] ее пришлось устранить [прочь –] в глушь огородов. [в <нрзб>] в чулан.

Грачи, бывшие невдалеке отсюда, поднялись и улетели в другие края; некоторые мужики поглядели на грачей, [а многие] но иные* не стали глядеть, [чтобы] так как грачи [вернутся] все равно вернутся, сколько они не <sic> ищут чего-то вдалеке, а мужикам-же неподвижно хорошо.

– Где-ж петух, граждане?.. – заунывно пытал активист. – Значит,> вы так угрождаете советской власти? А знаете ли вы, что такое расколхозиванье? Имейте-ж ввиду <sic>, что это вам будет не раскулачиванье, когда каждый неимущий рад! Я и неимущего расколхозю! [Бедноты]: бедноты на нас хватит и без вас!

п.п.

[Класс] Весь класс стоял и не мог ответить на один вопрос. Бесплодные куры начали тихо стелать в руках; из дальней природы [шу] [шумел ветер холода] [начался] пришел остуженный ветер и || и <sic> пошевелил [оголодавшую] [остаточную листву] остаточную листву на местном дереве.

136

– А ведь петуха-то нету! – [сказал] скорбно сказал активист, [и быстро [очнувшись] пошел [на] в канцелярию].

Запись на полях листа 135: <2 слова нрзб> массу

– И-их, [нету] не-ту! – произнесла ближняя пригорюнившаяся баба.

Активист очнулся от влияния окружения и быстро пошел в канцелярию, а за ним управились уйти и все другие, организационно-действующие люди. Остался один Чиклин [. <Z> – Да что-ж это на самом деле! – только всего и сказал он], который не хотел, чтоб в колхозе получилось отставание в развитии из-за одного петуха.

– Да что-ж это на самом деле: долго у вас петуха не будет?! – сказал он.

Один участник колхоза пошевелился в массе, что-то [сказал] проговорил там, но от [бессознательности] бессознательности или тесноты вновь замер.

– Кто там двинулся – выйди ко мне! – позвал Чиклин.

Вышел [м] небольшой, но старый уже человек, в шапке и штанах, а рубашка его сохла после стирки где-то на плетне. Он держал на ладони [мелкую курицу] птицу, вроде обгаженного коровой цыпленка, и подавал ее Чиклину.

– Вот, товарищ, убудочек у нас родился, – и уж тому года четыре, как он потихоньку растет[. В nm]!

– Что-ж это такое: петух, чтоль <sic>?

– Да можно считать<,> что почти-что <sic>!

– Ну тогда пускай он трудится! – заключил Чиклин, и [вышел] отправился на сельсовет.

Из дома, где жил актив, выносили знамена[, и]; сам-же активист шел позади, ибо он не хотел спешить [расставаться] на вечное расставание с мертвыми товарищами. || Ему не стало удивительно, когда 137 Чиклин донес сведения об открытом петухе; активист знал и так, что [петух будет] под его руководством совершится [любой полезный] всякий передовой факт и [не] петух тоже будет.

Близь мертвых в сельсовете активист опечалился вначале, но затем, вспомнив новостроющееся <sic> будущее, бодро улыбнулся и приказал окружающим мобилизовать колхоз на похоронное шествие, чтобы все почувствовали [, како] [несчастье] [тоску] [тоску смерти [в светлый момент] во время развивающегося момента организации обобществления] [противореч.<ие>] торжественность смерти во время развивающегося светлого момента обобществления имущества*.

[Рука] Левая рука Козлова [свалилась] свесилась вниз<,> и весь [корпус] погибший корпус его накренился со стола, готовый бессознательно упасть. Чиклин поправил Козлова и заметил, что мертвым стало совершенно тесно лежать: их уж было четверо, вместо троих. Четвертого Чиклин не помнил и обратился к активисту за освещением [вопроса.] несчастья, хотя четвертый был не пролетарий, а какой-то скучный мужик[.],[лежавший] покоившийся на боку [и прекративший дыхание] с замолкшим дыханием. Активист представил Чиклину, что этот дворовый элемент есть смертельный вредитель Сафронова и Козлова, но теперь [как видно] [он [сам] [испуга] заметил] он заметил свою скорбь

Записи на верхних полях листа 137: мертв. / все могу / сверх ком.

от организованного движения на него и сам пришел сюда, лег на стол между покойными и [тоже] лично умер.

– Все равно-бы я его обнаружил через полчаса, – сказал активист. – У нас стихии [теперь] сейчас нет ни капли, деться никому некуда! А кто-то еще один лишний лежит!

– Того я закончил, – объяснил Чиклин. – Думал, что стервец явился и просит удара. Я ему дал, а он ослаб.

– И правильно: [пусть теперь числится в ливе] в районе мне и не поверят, чтоб был один || убиец, [-] а двое [-] – это уж вполне кулацкий класс и организация! 138

После похорон [над колхозом] [вдалеке от] в стороне от колхоза зашло солнце[,], и [на свете] [сразу] стало сразу пустынно и [темно] чуждо на свете; [над ут] из-за утреннего [конца] [края [света] [зе] стени] края района выходила землистая туча, к полночи она должна прийти до здешних угодий и пролить на них [свою] всю тяжесть холодной воды. Глядя туда, [коллективисты] колхозники начинали зябнуть, а куры уже давно квохтали в своих закутах, предчувствуя долгого времени осенней ночи. [На] Вскоре на земле наступила сплошная [темнота] тьма, усиленная чернотой [почвы] [растоптанной людскими масса-ми почвы;] почвы, растоптанной бродящими массаами; но верх был еще светел, – [от сырости] среди сырости, неслышного ветра и высоты там стояло желтое [озарение [<нрзб>]] сияние [достигающего] достигавшего туда солнца[,], [сл] будто и отражалось на последней листве склонившихся [тихих садов] в тишине садов. Люди [ходили] не желали быть внутри изб – [в них нап] там на них нападали думы и настроения, – они ходили по всем [мест] [местам] открытым местам деревни и старались постоянно видеть [друка] друг друга[,]; кроме того, они чутко слушали – не раздастся ли издали* по влажному воздуху какого-либо звука [издали], чтобы услышать утешение в таком трудном пространстве. Активист еще давно пустил устную директиву о соблюдении санитарности в народной жизни, для [л] чего люди должны все время находиться на улице, а не задыхаться в семейных избах. От этого заседавшему активу было легче наблюдать массы из окна и вести их все время дальше.

Активист [наравне] тоже успел заметить эту вечернюю желтую зарю [и], похожую на [последний [цвет] мертвый лист отцветшего лета] свет погребения, [<нрзб>] и решил завтра-же с утра назначить звездный поход колхозных пешеходов в окрестные, жмущиеся к единоличию деревни, а затем || объявить народные игры. 139

Председатель сельсовета, середняцкий старичок, подошел было к активисту за каким-нибудь распоряжением, потому что боялся бездействовать, но активист отрешил его от себя рукой, сказав только, чтобы сельсовет укреплял задние завоевания актива и сторожил [деревню] господствующих бедняков от кулацких хищников. Старичок председатель с благодарностью успокоился и пошел делать себе сторожевую колотушку.

Записи на верхних полях листа 138: ком. / Елисей / <1 слово нрзб>

п.м.^① [Елисей к тому сроку возвратился с котлована]

[разрыв 5-6 стр.

разрыв 5-6 стр.]

Вощев боялся ночей, он в них лежал без сна и сомневался; его основное чувство жизни стремилось к чему-либо надлежащему на свете<,> и тайная надежда мысли обещала ему далекое спасение [от безв] [вдалеке] от безвестности всеобщего существования. Он шел [р] на ночлег рядом с Чиклиным и беспокоился <sic>, что тот сейчас ляжет и заснет, а он будет [с] один смотреть глазами во мрак над колхозом.

– Ты сегодня, Чиклин, не спи, а то я чего-то боюсь.

п.м.^② – Не бойся. Ты скажи, кто тебе страшен – я его убью.

– Мне страшна [моя] сердечная озадаченность, товарищ Чиклин, – я и сам не знаю что. [<Z> – Это ничего] Мне все кажется, что [в глубине] вдалеке есть что-то особенное, или роскошный несбыточный предмет, и я печально живую.

– А мы его добудем. Ты, Вощев, как говорится, не горюй.

– Когда, товарищ Чиклин?

[– Да теперь уж вскоре: ты видишь <-> никому покоя нету, [значит<,> все идут в то самое особенное место.] значит<,> [партия] советская власть, как говорится, видит твой предмет и гонит]

п.м.^① – А ты считай, что уж добыли: видишь, [как] || [нам] [крест] нам 140
все теперь стало ничто...

п.м.^② На краю колхоза стоял Организационный Двор, в котором [актив производил] активист и другие [одушевленные бедняки] ведущие бедняки производили воодушевление масс; здесь-же проживали недоказанные кулаки и разные проштрафившиеся члены коллектива, – одни из них находились [за] на дворе за то, что [целовались на] впали в [низкое] мелкое настроение сомнения, другие – что плакали во время бодрости и целовали колья на своем дворе, отходящие в обобществление, третьи – за что-нибудь прочее[.], и<,> наконец<,> один был старичок, явившийся на Организационный Двор самотеком, – это был сторож с кафельного завода: он шел куда-то сквозь [деревни], а его здесь приостановили, потому что у него имелось выражение чуждости на лице.

Вощев и Чиклин сели на камень среди Двора, [ду] предполагая вскоре уснуть под здешним навесом. Старик с кафельного завода вспомнил Чиклина и дошел до него, – дотоле он сидел в ближайшей траве и [стирал] [скатывал] сухим способом стирал грязь со [своей груди] своего тела под рубашкой.

– Ты зачем здесь? – спросил его Чиклин.

Записи на полях листа 139:

① Воц. <ев>

② Ел. <исей> <2 слова нрзб>

Записи на полях листа 140:

① будто пустота (в левом верхнем углу)

② Ел. <исей> <2 слова нрзб>

– Да я шел, а мне приказали остаться: может, говорят, ты зря живешь, дай посмотрим. Я было пошел молча мимо, а [мне] меня [окорачивают назад] назад окорачивают*: стой, кричат, кулашник! С тех пор я здесь и проживаю на картошных харчах.

– Тебе-же все равно где жить, – сказал Чиклин[.], – лишь бы не умереть.

– Это-то ты верно говоришь! Я к чему хочешь привыкну, только сначала томлюсь. Здесь уж меня и буквам научили и число заставляют знать: будешь, говорят, уместным классовым старичком. Да-то <sic> что-же, – [я бу] я и буду!..

Старик-бы всю ночь проговорил, но Елисей возвратился с котлована и принес Чиклину письмо от Прушевского. Под фонарем, освещавшим || вывеску Организационного Двора, Чиклин прочитал, что Настя 141 [незаметно растет] жива и Жачев начал возить ее ежедневно в [пио] детский сад, где она полюбила советское государство и собирает для него утильсырье; [о нем, о Чиклине, она скучать перестала, потому что [раз кроме Чиклина есть большевики] считает всех большевиков наравне с Чиклиным] сам-же Прушевский сильно скучает о том, что Козлов и Сафронов погибли, а Жачев [плакал] по [них] ним плакал громадными слезами.

“Мне довольно трудно, – писал товарищ Прушевский, – и я боюсь, что полюблю какую-нибудь одну женщину и женюсь, так как не имею общественного значения [или общественного достоинства]. Котлован закончен[,] и весной будем его бутить. Настя [уже]<,> оказывает<,> умеет писать печатными буквами[. Посылаю], посылаю тебе ее бумажку”.

Настя писала Чиклину:

“Ликвидируй кулака как класс. Да здравствует Сталин, Козлов и Сафронов!

Дядя Чиклин, Сталин только на одну каплю хуже Ленина[. Передай мой привет], а Буденый <sic> на две. Привет [бедным <нрзб>] бедному колхозу, а кулакам нет”.

Чиклин долго шептал эти написанные слова и весь **глубоко** расстрогался<,> не умея морщить свое лицо для печали и плача; потом он направился спать.

В большом доме Организационного Двора была одна громадная горница<,> и там все спали [в ряд] на полу, благодаря [ночному] холоду. [Вощев уже улегся.] Сорок или пятьдесят человек народа открыли рты и дышали вверх, а под низким потолком висела лампа в тумане вздохов<,> и она [ка] тихо качалась от [движения зем] какого-то [движения] сотрясения земли. Среди пола лежал и Елисей; его [з] [бледные] спящие глаза были почти полностью открыты и глядели, не моргая, [без тоски и радости] на горящую лампу. Нашедши Вощева, Чиклин лег рядом с ним [для сна] и успокоился до более светлого утра. ||

разрыв 5-6 стр.

[*]

разрыв 5-6 стр.

п.п. ①

Утром колхозные босые пешеходы выстроились в ряд на Ордворе[, и Елисей [находил] тоже находился среди]. Каждый из них имел флаг с лозунгом в руках и сумку с пищей за спиной. Они ожидали [перво] активиста, как первоначального человека в колхозе, чтобы узнать от него, зачем им итти в чужие места. [Елисей тоже]¹

Активист пришел на Двор [со всем] совместно с передовым персоналом и [расставил], расставив пешеходов в виде пятикратной звезды, [а сам] стал посреди всех и произнес [всем] свое слово, [призывающее пешеходов] указывающее пешеходам итти в [даль деревень] среду окружающего беднячества и показать [им] ему свойство колхоза, путем призвания [<вар.: путем>сложения] к социалистическому порядку, ибо [беднякам] все равно дальнейшее будет плохо[, – пусть-же они волнуютс]. [Елисей [<1 слово нрзб> имел самый длинный флаг] тронулся [<неск. слов нрзб>]

Вставка "А" к стр.<анице> 142

Елисей держал в руке самый длинный флаг и, [е] покорно выслушав активиста, тронулся привычным шагом вперед, не зная<, > где ему надо остановиться.²

В то утро была [скудная, сырая погода, стоял холод и пахло ближним] [холодная, сырая погода и уже пахло ближним снегом] сырость и дул холод с дальних пустопорожных мест. [Активист] [<Z>] Такое обстоятельство тоже не было упущено активом.*

– Дезорганизация! – с унылостью сказал активист [про этот ветер природы] [, озябнув от этого ветра природы] про этот остужающий ветер природы. [Елисей]

Бедные и средние странники пошли в свой путь и скрылись вдалеке, в постороннем пространстве. [Флаги они опустили [<1 слово нрзб>] [Отставший было Елисей] Чиклин глядел вслед ушедшей [коллективизации] босой коллективизации, не зная, что нужно дальше предполагать, а Воцев молчал [<1 слово нрзб>] без мысли. Из [облака,] большого облака, остановившегося над [пустой пашней, пошел до] глухими

Записи на полях листа 142:

① акт. <ивист>: б. больше ком. / нар. <одные> игры / Елис. <ей> (На верхних полях слева.)

¹ Прерванная здесь вставка осталась в рукописи невычеркнутой. Ср. ряд других мест в тексте, намечаемых для вставки, – в начале того же абзаца и ниже (абзацы 2,4,5), а также вставку на отдельном листе.

² На обороте вставного листа сохранилась незаконченная и вычеркнутая вставка в текст, предшествующий, по всей видимости, данной рукописи или ее части:

– Не вижу, – ответил Воцев, – спра (Лист с этой записью имел свой номер – 22а, и ни в одном из слов настоящей рукописи подобного или близкого ему фрагмента нет.)

п.т.^② дальними пашнями, стеной пошел дождь и укрыл ушедших [*средю* *влаги*] в среде влаги.

– И куда они пошли? – [*выразился*] сказал один подкулачник, уединенный от населения на Оргдворе за свой вред. Активист [*ему*] запретил ему выходить далее плетня, и подкулачник выражался через него. – У нас одной обувки на десять [*лет*] годов хватит, а они куда лезут?

– Дай ему! – сказал Чиклин Вошеву.

Вошев подошел к подкулачнику и сделал [*ему*] удар в его лицо. Подкулачник [*не*] больше || не отзывался.

[– *Наверно, Чиклин, [социализм] колхоз идет на свете скучно и босой[.],¹ Исус Христос тоже ведь действовал сначала плохо и среди одних [скудных] ничтожных людей.*]

Вошев приблизился к Чиклину с [*обычным*] обихновенным недоумением об окружающей жизни.

– Смотри, Чиклин, как колхоз идет на свете – скучно и босой.

[– *Пусть, – сказал Чиклин. –*]

[– *Ты что-ль*]

– Они потому и идут, что босые. – сказал Чиклин. – [*Ты что-ль*] [*А веселится <sic> им*] А радоваться *им* нечего – [*они [делают] делают*] колхоз *ведь* житейское дело.²

– Исус Христос тоже<, > наверно<, > ходил скучно<, > и [*шел дождь*] в природе был ничтожный дождь.

– В тебе ум [*бедняк, – ответил Чиклин. – Тот [на] на своего*] бедняк, – ответил Чиклин. – Христос ходил один – неизвестно из-за чего, а тут двигаются [*миллионы*] кучи ради [*организации...*] *существования*] целые кучи ради существования.*

Активист находился [*возле их <sic>*] [*тут*] *здесь-же на Оргдворе*; [*он*] прошедшая ночь прошла для него задаром – [*он не получил директив*] директива не спустилась на колхоз, [*и он*] и он пустил течение мысли в собственной голове. [*Он*] *Более всего активист опасался упущений*]; но мысль несла ему страх упущений. Он боялся, что зажиточность скопится на единоличных дворах и он упустит ее из виду. Одновременно он опасался и переусердия, – поэтому обобществил лишь конское поголовье, мучаясь за одиноких коров, овец и птицу, потому что в руках [*кулака*] стихийного единоличника и козел есть рычаг [*угнетения*] капитализма.

[*Взяв <нрзб>*]

[*В то время мимо Оргдвора начали проходить лошади, и каждая из них поворачивала голову и глядела на [двор] главных людей колхоза[.], замечая и тех удрученных, которые [молчали] молча сидели || на земле Двора. Лошади шли без поспешности, нормальной для*]

Записи на полях листа 142 (продолжение):

^② <2(?) слова нрзб>

¹ В этом месте над строкой был поставлен значок, намечавший место предполагаемой вставки.

² Справа на полях была сделана помета, предположительно намечающая перестановку частей этого предложения. Вычеркнута после проведенной правки.

[животных] существ, могущих мчаться, – они [делали шаги медленно] выступали с равнодушным дисциплины и [даже два жеребенка] шагали только из необходимости своей потребности пить. Попив воды в ближнем запруженном овраге, лошади пошли назад тою-же чередой, но еще более медленно, ибо им приходилось собирать с дороги соломы]

[С недоуменным чувством стоял активист среди всеобщей тишины колхоза, и его младшие товарищи]

Сдерживая силу своей инициативы, неподвижно стоял активист среди всеобщей тишины колхоза, и его [младшие] подручные товарищи глядели на его смолкшие уста, не зная, куда им двинуться. Чиклин и Воцев вышли с Оргдвора [поглядеть годность мертвого инвентаря.] и [пошли] отправились искать мертвый инвентарь, чтобы [проверить] увидеть его годность.

Пройдя несколько расстояния, они остановились на пути, потому что [на улицу че] [пред] с правой стороны улицы без труда человека открылись одни ворота и через них стали выходить спокойные лошади. Ровным шагом, не опуская голов к растущей <sic> пище на земле, лошади сплоченной массой [про] миновали улицу и спустились в овраг, в котором [держалась] содержалась вода. Напившись в норму, лошади вошли в воду и постояли в ней некоторое время для своей чистоты, а затем выбрались на береговую сушь и тронулись обратно, не теряя строя и сплочения между собой. Но у первых-же дворов лошади разбрелись – одна остановилась у соломенной крыши и [стал] начала дергать солому из нее, другая, нагнувшись, подбирала в пасть [лучки] [тощи] [лучки тощего сухого] остаточные пучки тощего сена, более-же [застарелые] угрюмые лошади вошли на усадьбы и там взяли на знакомых, родных местах по снопу и вынесли его во рту на улицу. || Каждое животное взяло посильную долю пищи и бережно [держа] несло ее в направлении [об] тех ворот, откуда вышли до того все лошади. [У ворот лошади оста] прежде] Прежде пришедшие лошади остановились [с кормом] у общих ворот* и подождали всю [ко] остальную конскую массу, а уж [собравшись совместно] [,] когда все совместно собрались, то передняя лошадь толкнула головой ворота на распашку <sic> и весь конский строй ушел с [лицей] кормом на двор. На дворе лошади открыли рты, пища упала из них в [одное <sic>] [одно ме] [кучу] одну среднюю кучу<,> и тогда [обобществленные лошади стали вокруг и начали] обобществленный скот стал вокруг и начал* медленно есть, организованно смирившись без заботы человека.

145

Воцев в испуге глядел на животных через скважину ворот; его удивляло душевное спокойствие жующего скота, [то] будто все лошади с точностью убедились в колхозном смысле жизни, [он-же] а он один живет и мучается хуже лошади.

Далее лошадного двора находилась чья-то неимущая изба, которая стояла без усадьбы и огорожи на голом земном месте. Чиклин и Воцев вошли в избу и заметили в ней мужика, лежавшего на лавке вниз лицом. Его баба [за] [ме] прибирала [полы] пол и, увидев гостей, утерла нос концом платка, отчего у ней сейчас-же потекли привычные слезы.

– Ты чего? – спросил ее Чиклин.

– [Мужик] И-и, касатики! – произнесла женщина, и еще гуще заплакала.

– Обсыхай скорей и говори! – образумил ее Чиклин.

– Мужик-то который день уткнулся и лежит... Баба, говорит, посуй мне пишу в нутрё, а то я весь пустой лежу, душа [у] ушла изо всей плоти, улететь боюсь, – клади, кричит, какой-нибудь [грузь <sic>] груз на рубашку. Как вечер¹, так я ему самовар к животу привязываю. Когда-ж что-нибудь настанет-то?.. ||

Чиклин подошел к крестьянину и повернул его навзничь – он был действительно легок и худ, и бледные, окаменевшие глаза его не выражали даже робости. Чиклин близко склонился к нему. 146

– Ты что – дышишь?

– Как вспомню, так вздохну, – слабо ответил человек.

– А если забудешь дышать?

– [Так] Тогда помру.

[Воцев спросил лежавшего, что <, > может <, > он [истины] истины жизни хочет, так рабочий класс уже сделал часть мира, – как доделает весь, так скажет [истину] [всю правду.] [про все устройство].]

[– То он, товарищи, с малолетства чуёт, – сказала баба, – [он у меня любил на солнце] [кто уж родился] кто уж имел свое хозяйство, тот]

Жена хозяйина едкими, точными глазами рассмотрела [гостей] пришедших <, > и слезы высохли на [ее лице, как] ней, как на горячей.]

– Может <, > ты смысла жизни не чувствуешь, так потерпи чуть-чуть, – сказал Воцев лежачему.

[– Все] Жена хозяйина [гл] исподволь, но с точностью разглядывала пришедших, и от едкости глаз у нее нечувствительно высохли слезы [*<вар.> глаза ее были настолько едкие, что на них прочно высохли слезы*].]

– Он все чуял, товарищи, все до чиста <sic> душевно видел. А как лошадь взяли в организацию, так он лег и перестал. Я-то хоть [ил] поплачу, а он нет.

– Пусть лучше плачет, ему милее будет, – посоветывал <sic> Воцев.

– Я и то ему говорила. Разве-ж можно молча лежать[,] – власть будет пугаться. Я то <sic> нарочно, вот правда истинная – вы люди <, > видать <, > хорошие, <-> я то <sic> как выйду на улицу, так и зальюсь вся слезами. А товарищ активист видит меня – ведь он всюду [глядеть] глядит, он все щепки сосчитал, – как увидит меня, так и приказывает: плачь, баба, плачь сильнее – это солнце новой жизни взшло и свет режет ваши темные глаза. А голос-то у него ровный, и я вижу, что мне ничего не будет, и плачу со всем желаньем... ||

¹ Отмеченное слово может быть прочитано в рукописи и как «ветер», что не противоречит контексту. Ср. ниже реплику Чиклина: ...Пускай он теперь порожняком поживет, а его ветер продует(147). В машинописи напечатано «вечер».

- п.м. – Стало быть, твой мужик только недавно существует без [*сердечной души*] душевной прилежности? – обратился Вощев. 147
- Да как вот перестал меня женой знать, так и почитай что с тех пор.
- У него душа [*была*] – лошадь, – сказал Чиклин. – [*Пойдем отсюда, <нрзб>*] [*мужик и порожняком проживет –*] пускай его ветер продует: мужик и порожняком проживет.] Пускай он теперь порожняком поживет, а его ветер продует.
- Баба открыла рот [*и*], но осталась без звука, потому что Вощев и Чиклин ушли в дверь. [*В*]
- Другая изба стояла [*в*] [*огороженна*] на большой усадьбе, огороженной плетнями, внутри же избы мужик лежал в пустом гробу и при любом шуме закрывал глаза, как скончавшийся. Над головой полуусопшего [*горела*] уже несколько недель горела лампада<,> и сам лежащий в гробу подливал в нее масло из бутылки время от времени. Вощев [*попро*] прислонил свою руку ко лбу покойного и почувствовал, что человек теплый. Мужик слышал то и вовсе затих дыханием, желая побольше остыть снаружи. Он сжал [*з*] зубы и не пропускал воздуха в свою глубину.
- А теперь он похолодал, – сказал Вощев[.].
- Мужик изо всех темных своих сил останавливал внутреннее биеение жизни, а жизнь [*не могла*] [*шла*] [*в нем не могла прекратиться*] от долголетнего разгона[.] не могла в нем прекратиться. “Ишь ты какая, чтущая меня сила, – [*думал*] между делом думал лежащий, – все равно [*я тебя истомлю*”.] [*затомлю*] я тебя затомлю, лучше сама кончись”.
- Как будто опять потеплел, – обнаруживал Вощев по течению времени.
- [–] [*Сердце мужика*]
- Значит, не боится еще, подкулацкая сила, – произнес Чиклин.
- Сердце мужика [*поднялось*] самостоятельно поднялось в душу, в горловую тесноту и там сжалось, [*нагрев*] [*отпуская из*] [*испуская в кожу [ост] [последнюю] опасную*] || отпуская из себя жар опасной 148 жизни в верхнюю кожу. Мужик тронулся ногами, чтобы помочь своему сердцу вздрогнуть [*и удариться*], но сердце замучилось без воздуха и не [*хотело*] могло [*качнуться*] трудиться. Мужик разинул рот и закричал от горя смерти, [*жалуясь на*] жалея свои целые кости от [*распаден*] сотления в прах, свою кровавую силу [*от*] тела от [*гноя*] гниения
- п.м. в гное, глаза от скрывающегося белого света и двор от вечного [*бесхозяйственн*] сиротства.
- Мертвые не шумят, – сказал Вощев мужику.
- Не буду, – [*ответил*] согласно ответил лежащий, и [*почувствовал*] замер, счастливый, что угодил власти.
- [*Остыл*] Остывает, – пощупал Вощев шею мужика.
- Туши [*лампадный огонь*] лампаду, – сказал Чиклин. – [*Огонь горит, а <нрзб>*] Над ним огонь горит, [*а огонь*] а он глаза зажмурил – вот где нет никакой скупости на революцию.

Запись на верхних полях листа 147: *без прилеж.ности души*

Запись на полях листа 148: *<3 слова нрзб>*

Вышедши на свежий воздух, Чиклин и Воцев встретили активиста – он шел [для обычного обхода дворов, чтобы убедить [единоличников] оставшихся без колхоза средних единоличников в неразумности их [состояния] [капиталистического состояния] огороженного дворового капитализма.¹ Чиклин и Воцев последовали за ним, думая тоже научиться организационному ремеслу.

– Ну что – ты думал что-нибудь? – спросил активист в той избе, в которую пришел.

– Думал, товарищ актив, – ответил [хозя] средний || хозяин избы. – 149
Всю ночь [хотел спать] сиднем сидел и предполагал в своей голове.

– Что-ж ты предположил?
в избе-читальню [учить [женщин буквам и] колхозных женщин] по делам культурной революции. После того он обязан был еще обойти всех средних единоличников, оставшихся без колхоза, чтобы убедить их в неразумности огороженного дворового капитализма. [Чиклин и Воцев, думая научиться организационному ремеслу, пошли вслед активисту.]

В избе-читальне стояли, заранее организованные, колхозные женщины и девушки.

– Здравствуй, товарищ актив! – сказали они все сразу.

– Привет кадру! – ответил задумчиво активист, и постоял в [молчании, соображая] молчаливом соображении. – А теперь мы повторим букву а <sic>, [чтоб [уж] уложить ее в голову путем] – слушайте мои сообщения и пишите...

Женщины [сели] прилегли к полу, потому что вся изба-читальня была порожняя, и стали писать кусками [меловой] штукатурки на досках. Чиклин и Воцев тоже сели вниз, желая укрепить свое [соображение] знание в азбуке.

– Какие слова начинаются на а <sic>? – спросил активист.

Одна счастливая девушка привстала на колени и [с бодростью своего памятливого разума быстро ответила:] || ответила со [всею] 150
всей быстротой и бодростью своего разума:

– Авангард, актив, аллилуйщик, аванс, архилевый, антифашист! Твердый [ну] знак везде [подходящий] нужен, а архилевому не надо!

– Правильно, Макаровна, – оценил активист. – Пишите систематично эти слова.

Женщины и девушки прилежно прилегли к полу и начали настойчиво рисовать буквы, пользуясь [штукатур] карябающей <sic> штукатуркой. Активист тем временем засмотрелся в окно, размышляя о каком-то дальнейшем пути, [видя] или, может быть, томясь от своей одинокой сознательности.

– Зачем они твердый знак пишут? – сказал Воцев.

Активист оглянулся.

– Потому что из слов [пишутся] обозначаются линии и [тезис] [те] лозунги, и твердый знак нам полезней мягкого. [Мягкий нужно

¹ При исправлении этого слова (переправленного из первоначального капиталистического) в рукописи была допущена неточность – буквально: капиталистизма.

отменить] Это мягкий нужно отменить, а твердый нам неизбежен[.]; он делает жесткость и четкость формулировок. Всем понятно?

– Всем, – сказали все.

– Пишите далее понятия на б <sic>. Говори, Макаровна!

[–] Макаровна [не имела] приподнялась и [с доверчивостью] с доверчивостью перед наукой заговорила:

– Большевик, буржуй, бугор, бессменный председатель, [бедняк] колхоз есть благо бедняка, bravo- bravo ленинцы! Твердые знаки ставить на бугре и большевике и еще на конце колхоза, а [везде] || там 151
везде мягкие места!

– Бюрократизм забыла, – определил активист. – Ну, пишите. А ты, Макаровна, [раз] сбегай мне в церковь – трубку прикури.

– Давай я схожу, – сказал Чиклин[. – Не]: – не отрывай народ от [его] ума.

Активист [на] втолок в трубку лопушиные крошки, и Чиклин пошел [искать огн] зажигать ее от огня. Церковь стояла на краю деревни, а за ней уж начиналась пустыньность осени и вечное примиренчество природы. Чиклин [это] [оглядел это] поглядел на эту нищую тишину, [на полевые стынущие ветлы] на дальние лозины, стынущие в глинистом поле, но ничем пока не мог возразить.

[Вокруг] Близь церкви [пош] росла [чистая, забытая трава] старая, забвенная трава и не было тропинок или прочих человеческих проходных следов, – значит<, > люди давно не молились [в церкви.] в храме. Чиклин прошел к церкви по гуще лебеды и лопухов, а затем вступил на паперть. Никого не было [на] в прохладном притворе, только [муха прилетела сюда от осени и жужжала <sic> вверху] воробей, сжавшись, жил в углу; но и он не испугался Чиклина [и [не подн]], а лишь молча [глядел] поглядел на человека, собираясь<, > видно<, > вскоре умереть в темноте осени.

В храме горели многие свечи; [их] свет [стоял] [молча] [молчали] молчаливого, печального воска освещал всю внутренность помещения до самого подспудья купола<, > и чистоплотные лица святых [глядели [в] онемевшими глазами] [онемело глядели] [с выражением равнодушия глядели онемевшими] [, как жители того] с выраженьем равнодушия[. как жители] || глядели в [мертвый] мертвый воздух, как жители 152
того, спокойного света, – но храм был пуст.

Чиклин раскурил трубку от ближней свечи и увидел, что [на амвоне] впереди на амвоне еще кто-то курит. Так и было, – на ступени амвона сидел человек и курил. Чиклин подошел к нему.

– От товарища активиста пришли? – спросил курящий.

– А тебе [на что знать?] что?

– [Так. Я по трубке вижу.] Все равно я по трубке вижу.

– А ты кто?

– Я был поп, а теперь отмежевался от [всякого духа] своей души и острижен под фокс-трот <sic>. Ты погляди!

Поп снял шапку и показал [голову] Чиклину голову, обработанную как на девушке.

– Ничего ведь?.. Да все равно мне не верят – говорят, я тайно верю и явный стервец для бедноты. Приходится <sic> стаж зарабатывать, чтоб в кружок безбожия приняли.

– Чем-же ты его зарабатываешь, поганый такой? – спросил Чиклин.

Поп [сло] сложил горечь себе в сердце и охотно ответил:

– А я свечки народу продаю – ты видишь<,> вся зала горит! [А деньги] Средства-же скопляются в кружку и идут активисту[,] для трактора.

– Не бреши: где-же тут богомольный народ?

– Народу тут[,] быть не может, – сообщил поп. – Народ только свечку покупает и ставит ее богу, как сироту, вместо [самого себя] своей молитвы, а [самого] сам сейчас-же скрывается вон.

Чиклин яростно вздохнул[,] и спросил еще. <sic>

– А отчего-ж народ не креститься <sic> здесь, сволочь ты такая! ||

Поп встал [на] пред ним на ноги¹ для уважения [и сообщил], собираясь с точностью сообщать. 153

– Креститься, товарищ, не допускается: того я записываю скорописью в поминальный листок...

– Говори скорей и дальше! – указал Чиклин.

– А я не прекращаю своего слова, [товарищ] [но извиняюсь за темп!] товарищ бригадный, [только] только [тем] я темпом слаб [и не могу сподобиться. Но я терпением достигну – на разум уж не надеюсь, его мне не полагается], уж вы стерпите меня... А те листки [я] с обозначеньем [отсталого [<нрзб>]] человека, осенившего себя [кре] рукодействующим крестом, либо склонившего свое тело пред небесной силой, либо совершившего другой акт почитания [кулацк] подкулацких [святителей и угодник] святителей, – те листки я каждую полночь [лично [преп] или] лично сопровождаю к товарищу активисту.

– Подойди ко мне вплоть, – сказал Чиклин.

Поп готовно спустился с [амвона] порожек [ав] амвона. [Чиклин]

– Зажмурься, паскудный.

Поп закрыл глаза и выразил на лице умильную любезность. Чиклин, не колебнувшись[,] корпусом, сделал попу [нр] сознательный удар в скуло<sic>. Поп открыл глаза[, но] и снова зажмурил их, но упасть не мог, чтобы не давать [лоня] Чиклину понятия [о не] о своем неподчинении.

– Хочешь жить? – спросил Чиклин.

– Мне, товарищ, жить бесполезно, – разумно ответил поп. – Я не чувствую больше прелести творения – я остался без бога, а бог без человека...

Сказав последние слова, поп склонился на землю и стал молиться своему ангелу-хранителю, касаясь пола фокстротной головой.

В деревне раздался [зубной] долгий свисток[.]<,> и после него заржали лошади. ||

Поп остановил молящуюся руку и сообразил значение сигнала. 154

[– Собрание] – Собрание учредителей, – сказал он со смирением.

¹ В рукописи ошибочно указано место вставки – буквально: Поп встал [на] пред на ноги ним etc.

Чиклин вышел из церкви в траву. По траве шла было баба к церкви, выправляя позади себя помятую [траву позади себя] лебеду, но<,> увидев Чиклина<,> она обомлела на месте и [так] от испуга протянула ему пятак за свечку.

разрыв 5-6 стр.

[*]

разрыв 5-6 стр.

Организационный Двор покрылся сплошным народом; присутствовали организованные члены и неорганизованные единоличники, кто еще [не] был маломочен по сознанию или имел [кулацкую] подкулацкую долю жизни, и не вступал в колхоз.

Активист находился на высоком крыльце и с молчаливой грустью наблюдал движение жизненной массы на [одно] сырой, вечерней земле; он безмолвно любил бедноту, которая, поев простого хлеба, [рвалась] [охотно] желательно рвалась вперед в невидимое будущее, ибо все равно земля для них была пуста и тревожна[.]; он втайне дарил [кон] городские конфеты ребятишкам неимущих и с наступлением коммунизма в сельском хозяйстве решил взять установку на женитьбу [и на производство], тем более, что тогда лучше выявятся женщины. И сейчас чей-то малый ребенок стоял около активиста и глядел на его лицо.

– Ты чего взарился? – спросил активист. – На тебе конфетку.

Мальчик [конфету] взял конфету, но одной пищи ему было мало.

– Дядь, отчего ты самый умный, а картуза у тебя нету?

Активист без ответа погладил голову мальчика; ребенок с удивлением разгрыз сплошную каменистую конфету[.] – она блестела<,> как || рассеченный лед<,> и внутри ее ничего не было, кроме твердости. 155 Мальчик отдал половину конфеты [ак] обратно активисту.

– Сам доедай, [в ней вареньев] у ней в середине вареньев нету: это сплошная коллективизация, [радости] [<нрзб>] [вкуса мало] нам [мало] радости[.] мало!*

Активист [растроганно] [лишь] улыбнулся с [печальным] **проницательным** сознанием, – он ведь [знал] предчувствовал, что [м] этот ребенок в зрелости своей жизни вспомнит о нем среди [сплошного] горящего света социализма, добытого [из] [[его] мужественными руками [из]] [сосредоточием силы] [добытого <sic> средоточием силы] **сосредоточенной силой*** актива из плетневых дворов деревень. Z Вошев и еще три [верных колхозу] убежденных мужика носили бревна к воротам [Оргод] Оргдвора и складывали их в штабель, – им заранее активист дал указание на этот труд. [Чиклин[, узнав, что] дошел до активиста и узнал от него – к чему те бревна.

– К утру очищаем колхоз ото всех капиталистических тенденций, – сказал активист. – Ступай сколачивай бревна в один блок, как

выйдет плот, так [сажаем] сажай на него весь гнусный¹ класс и отправляй его прочь по речке.

Чиклин [пошел] сейчас-же пошел делать кулацкий плот, чтобы Насте уж не пришлось быть батрачкой у зажиточных] Чиклин тоже пошел за трудящимися[, взял] и, взяв бревно около оврага [и], понес его к Оргдвору: [все равно] пусть идет больше пользы в общий котел, чтоб не было так печально вокруг.

– Ну как-же будем, граждане? – [воскликнул] произнес активист в веществе народа, [находи] находившееся пред ним. – [Капитализм будем] [Капитализм-то ведь пора уж косить] Вы, что-ж, опять капитализм [с] сеять собираетесь, иль опомнились?..

Организованные сели на землю и курили, с удовлетворительным чувством поглаживая свои бородки, которые за последние полгода что-то стали реже расти; неорганизованные-же || стояли на ногах, превозмогая свою тщетную душу, но [души в них не было] [они з] [избач] один сподручный актива [их] научил их, что души в них нет, а есть лишь одно имущественное настроенье, и они теперь вовсе не знали<, > [как им быть без нее] [какое] как [им быть] им станется, раз не будет имущества. Иные, склонившись, стучали себе в грудь и слушали свою мысль оттуда, но сердце билось легко и грустно, как порожнее, и ничего не отвечало. [Ни на мгновенье стоявшие] Стоявшие люди ни на мгновенье не упускали из вида активиста; ближние-же ко крыльцу глядели на [него вытара] руководящего человека со всем желаньем [вытаращенными] в [немогра] неморгающих глазах, чтобы он видел их готовое настроенье.

[– Ну что же! – терпеливо говорил активист сверху. – Иль так и будете стоять между капита]

Чиклин и Вошев к тому времени уже управились с [бревнами] доставкой бревен и стали их затесывать [с концов] в лапу со всех концов, стараясь устроить большой предмет. [Стало] [Медленный унылый вечер [наступил] наступил над сырыми полями] Солнца не было в природе ни вчера, ни нынче<, > и унылый вечер [успел наступить] рано наступил над сырыми полями; тишина распространялась сейчас по всему видимому свету, только топор Чиклина звучал среди нее и отзывался [в сухой] ветхим скрипом [в близ] на близкой мельнице и в [даль] плетнях.

– Ну что же! – терпеливо сказал активист сверху. – Иль вы так и будете стоять между капитализмом и [социализмо] коммунизмом: ведь уж пора тронуться – у нас в районе четырнадцатый пленум [идет] идет!

[– Дозв] [Один]

– Дозволь, товарищ актив, еще малость средноте постоять, – попросили [из сумере] задние мужики. – Может, мы привыкнемся: нам главное дело привычка, а [тогда] то || мы все стерпим.

– [Стойте] Ну стойте, пока беднота [посидит] сидит, – разрешил активист. – Все равно товарищ Чиклин еще не успел сколотить бревна в один блок.

¹ Отмеченное здесь слово было подчеркнуто и помечено вопросительным знаком на полях.

– А к чему-ж [*тот плот-то*] те бревна-то **гадят**, товарищ актив? – спросил задний середняк.

[– *Организуется плот*]

– [*Это*] **А** это для ликвидации класса организуется плот, чтоб завтрашний день кулацкий сектор ехал по речке в море и далее...

Вынув поминальные листки и классово-расслоечную ведомость, активист стал метить знаки по бумагам; а карандаш у него был [*двух-сторонний*] разноцветный, и он применял то синий, то красный цвет, а то **просто** вздыхал и думал, не кладя знаков до своего решения. Стоячие мужики открыли рты и глядели на карандаш с томлением слабой души, которая появилась у них из последних [*остатков дворового настроения*] остатков имущества*, потому что стала мучиться. Чиклин и Вошев тесали в два топора сразу,<> и бревна у них складывались [*друг к*] одно к другому вплоть, [*обосн*] основывая сверху просторное место [*сверху*].

Ближний середняк прислонился головой к крыльцу и стоял в таком покое некоторое время.

– Товарищ актив, а товарищ!..

– Говори ясно, – предложил средняку активист между своим делом [*нрзб*].

– Дозволь нам горе горевать в остатнюю ночь, а уж тогда мы век с тобой будем радоваться!

Активист кратко подумал.

– Ночь, это долго. Кругом нас темпы по округу идут, – горюйте, пока плот не готов.

– [*Хоть*] Ну, хоть до плота, и то радость, – [*сказал*] сказал средний мужик, || и заплакал, не теряя времени последнего горя. Бабы, стоявшие за плетнем Оргдвора, враз взвыли во все задушевные свои голоса, так что Чиклин и Вошев перестали рубить дерево топорами. Организованная, членская беднота поднялась с земли, довольная, что ей горевать не приходится <sic>, и ушла смотреть на [*свое*] [*общее*] свое общее, насущное имущество деревни.

– Отвернись и ты от нас на краткое время, – попросили активиста два средняка: – дай нам тебя не видеть.

Активист отстранился с крыльца и ушел в дом, где с жадностью начал писать рапорт о [*сплош*] точном исполнении мероприятия по сплошной коллективизации и о ликвидации, посредством сплава на плоту, кулака как класса; при этом активист не мог поставить после [*кула*] слова “кулака” запятую, так как и в директиве [*не*] ее не было. Дальше он попросил себе из района новую боевую кампанию, чтоб [*местный актив ее двинул*] местный актив работал бесперебойно [*и генеральная линия тянулась*] [*и черти*] и четко чертил дорожную генеральную линию вперед. Активист желал-бы еще, чтобы район объявил его в своем

Запись на полях листа 157: заменить (Помета относится к подчеркнутому в тексте и отмеченному вопросительным знаком на полях слову *остатков*.)

Записи на верхних полях листа 158: <1 сокращ. слово нрзб> и <1 сокращ. слово нрзб> / Прав.<?> много а счастья нету. / Зоя

постановлении самым идеологичным во всей районной надстройке, но это желание утихло в нем без последствий, потому что он вспомнил, [как [прошло] осенью, завершив хлебозаго] как после хлебозаготовок ему пришлось заявить о себе, что он умнейший человек на данном этапе села и [вскоре же], услышав его, один мужик объявил себя бабой.

Дверь дома отворилась<> и в нее [раздалась] раздался шум мученья из деревни; [при] вошедший человек [сказал: <Z> – Товарищ актив] стер мокроту с одежды, а потом сказал:

– Товарищ актив, там снег пошел[,] и холод дует. ||

п.п.

– Пускай идет, нам-то что?

[– Да то-то, – ответил то]

– Нам – ничего, нам хоть что[, –] ни случись – мы управимся! – вполне согласился явившийся пожилой бедняк. Он был [всегда] доволен и рад, питаясь [наполовину своим хозяйством, а] наполовину овощами со своего дворового огорода, а наполовину льготами, но в колхозе постоянно [доволен] удивлен, что еще жив на свете, [питаясь овощ] [удивляясь] и удивлялся такому долгому обстоятельству, [не имея ничего] потому что ничего не имел] потому что ничего не имел, кроме овощей с дворового огорода и бедняцкой льготы [. <Z> [– Я, товарищ главный, хочу тоже] – [Так] Правильно, – подтвердил активист], и не мог никак добиться высшей, довольной жизни.

– Ты мне, товарищ главный, [скажу] скажи на утеху: писаться мне в колхоз [ко] на покой, иль обождать?

– Пишись<> конечно, а то в океан пошлю!

[– Так [ок] бедняку] – Бедняку нигде не страшно; я-б давно записался, только Зою сеять боюсь!

– Какую Зою? – если сою, [так] то она ведь [пищевой] официальный знак!

– Ее, стерву.

[– Не будешь] [– Не сей] — Ну, не сей – я учту твою психологию.

– Учти, пожалуйста[, дай порадоваться].

Записав бедняка в колхоз, активист вынужден был дать ему квитанцию в приеме в членство и в том, что в колхозе не будет [пока что] Зои, и выдумать здесь-же надлежащую форму для [нее] этой квитанции, так как бедняк нипочем не уходил без [квитанции] нее.

Снаружи в то время все гуще падал холодный снег; земля от снега стала [тише, но] смиренней, но звуки середняцкого настроения мешали наступить сплошной тишине. [Застарелый [подкула] подкулачник] [Застарелый] Старый пахарь Иван Семенович Крестинин целовал [плодовые] молодые деревья в своем [д] саду и с корнем сокрушал их прочь из почвы, а его баба [ползала у ног мужа и] причитала над голыми ветками. [Женщина-вдовуха] [Одинокая женщина, ни <sic> то старая девка, ни <sic> то вдовуха, бросилась навзничь]

– Не плачь, старуха, – || говорил Крестинин[. – Ты]: – ты в колхозе 160 мужиковской давалкой станешь. А деревья [мои – и пускай] эти – моя

Записи на верхних полях листа 159: <4(?) слова нрзб>

плоть, [-] и пускай она теперь мучается[!], [пускай] [мне-же] ей-же скучно обобществляться в плен*!

Баба, услышав [такие] мужние слова, так и покати́лась по земле, а другая женщина – ни <sic> то [вдовуха, ни <sic> то] старая девка, ни <sic> то вдовуха – [бежала] сначала бежала по улице и голосила таким [пронзительным] [ведьми] [колдунным] агитирующим, монашым голосом, что [з] Чиклину захотелось в нее стрелять, а потом она увидела, как [*вар.:*] увидел, что] [кре] крестининская баба катится по низу, и тоже [вдарилась] бросилась навзничь и забила ногами в суконых чулках. **З** Ночь покрыла весь [колхозный масштаб д] [масштаб деревни] деревенский масштаб, [толь] [снег] снег сделал воздух непроходимым[,] и тесным, в котором задыхалась грудь, но все-же бабы вскрикивали повсеместно и, [привыкая к сво] привыкая к горю, держали постоянный вой. Собаки и другие мелкие нервные животные тоже поддерживали эти томительные звуки<,> и в колхозе было шумно и тревожно<,> как в предбаннике; [с] средние-же и высшие мужики [молча] молча работали по [дворам, загороженные бабьим [ст] плачем] дворам и закутам, охраняемые бабьим плачем у раскрытых настежь ворот. [В колхозе было шумно] Остаточные, необобщественные лошади грустно спали в станках, привязанные к ним так надежно, чтобы они никогда не [свалились.] упали, потому что иные лошади уже стояли мертвыми; в ожидании колхоза, [скупые] безубыточные мужики содержали лошадей без пищи, чтоб обобществиться [лишь единолично] [дешево и единолично] [одним своим телом, а животных] лишь одним своим телом, а животных не вести за собою в скорбь.

– Жива-ли ты, [серая] кормилица?..

Лошадь [чутко] [неясно глядела] [смутно смотрела] дремала в стойле, опустив [на] [чут] [без вни] навеки чуткую голову, – один глаз у нее был [закрыт] слабо прикрыт, а на другой || не хватило силы – и он остался глядеть в тьму [и в свет]. [В сарае исчезло дыхание] Сарай [охладел] остыл без лошадиного дыхания, снег западал в него, ложился на голову [ко] кобылы и не таял. Хозяин потушил спичку, обнял [лошадиную шею] лошадь за шею и стоял в своем сиротстве, нюхая [пот] по памяти пот кобылы, как на пахоте.

161

– Значит, ты умерла? Ну ничего – я тоже скоро помру, нам будет тихо.

Собака, не видя человека, вошла в сарай и понюхала заднюю ногу лошади. Потом она зарычала, впи́лась пастью в мясо и вырвала себе говядину. Оба глаза лошади забелели в темноте, [значит –] она поглядела ими обоими, и [о] [кобыла] переступила ногами шаг вперед, не [отвыкнув] [отвыкнув] забыв еще [жить] от чувства боли жить.

– Может<,> ты в колхоз пойдешь? Ступай тогда, а я подожду, – сказал хозяин двора.

[Хозяин] Он взял клок сена из угла и поднес [се] [его] лошади ко рту. [Места глаз] Глазные места у [лошади] кобылы стали темными, она уже смежила последнее зрение, но еще чуяла запах травы, потому что ноздри ее шевельнулись[, а] и рот [уже] распался на-двое <sic> [и], хотя жевать не мог. Жизнь ее [уменьшалась все] [уменьшалась все уже]

[сжималась] уменьшалась все дальше, [лишь дважды [вернув] возвратившись] сумев дважды возвратиться на боль и еду; затем ноздри ее [не вздрогнули] уже не повелись от сена<, > и две [со] новые собаки равнодушно отъедали ногу позади, – [жизнь [обратилась в [мелочь] далекого странника, уже не видимого свидетелями, [не] безвозвратного для] [ушла] уходила безвозвратно] но жизнь [еще могла-бы отозваться, как скрывшийся странник на [крик] голос матери, – она беднела в [дальнюю нищету] дальней нищете, делилась все более мелко, и не могла утомиться.] [лошади не могла отозваться –] лошади еще была цела – она **ЛИШЬ** беднела в дальней нищете, делилась все более мелко и не могла утомиться. ||

n.m.^① [Коровы голодать не умели – они ревели, как бабы, и сплетничали своим голосом активу, поэтому их загодя порезали, чтобы они уж молчали] 162

n.m.^② [Коровы и овцы] Снег падал на холодную землю, собираясь остаться в зиму; [только [из] под хлевами] мирный покров застелил на сон грядущий* всю видимую землю [на сон грядущий], только [из по] вокруг хлевов снег растаял и земля была черна, потому что теплая кровь коров и овец вышла из под <sic> огород наружу и летние места оголились. [Управившись с последними делами, мужики сели с семьями за стол есть говядину] [Говядину] [Окон] [Закончив жизнь последних] Ликвидировав весь последний [весь] дышащий живой инвентарь, мужики стали есть говядину и всем домашним [тоже] так-же наказали ее [есть.] [есть] кушать; говядину в [те дни] то краткое время ели, как причастие, – есть никто не хотел, но надо было [взять] [с] спрятать плоть родной убоины в свое тело и [сохранить] сберечь ее там от обобществления. Иные расчетливые [дворы] мужики давно опухли от мясной еды и ходили тяжело, какдвигающиеся [дворы] сарай; других-же рвало беспрерывно, но они [своего упустить] не могли расстаться со [своей] скотиной [не могли] и [ели ее [не] [обратно,] дальше] уничтожали ее до костей, не ожидая пользы желудка. Кто вперед успел поесть свою живность или кто отпустил ее в колхозное заключение, тот лежал в пустом гробу и жил [навзничь] в нем [на пок], как на тесном дворе, чувствуя огороженный покой.

Чиклин [в такую ночь] оставил заготовку плота в такую ночь. Вошев тоже настолько ослабел телом без [смысла жизни] идеологии, что [положил топор] не мог поднять топора и лег в снег: все равно истины нет на свете, или, быть может, она и была в каком-нибудь растении или в героической твари, но [ее] шел дорожный [нищ] нищий и съел || то растение[,] или растоптал [героическую] гнетущуюся 163 низом тварь, а сам умер затем [в [ор] овраге] [[осенью] в ночном овраге] в осеннем овраге[, оставив в сумке корку хлеба для]<, > и тело его выдул ветер в ничто. [Но и заснуть Вошев не мог, [он [трепетал

Записи на полях листа 162:

① *Плоть* к<а>к причащ. <ение> (В левом верхнем углу.)

② *раньше заходило*

без] не] потому что не знал – для чего спать, раз нет никакой державы в сердце.]

Активист видел[,] с Оргдвора, что плот не готов; [но] однако он должен был завтрашним утром отправить в район пакет [в] с [колхозным] итоговым отчетом [в район], поэтому дал немедленный свисток к общему учредительному собранию. Народ выступил со дворов на этот звук и [яв] всем неорганизованным еще составом явился на площадь Оргдвора. Бабы уже не плакали и высохли лицом, мужики тоже держались самозабвенно, готовые организоваться на-веки <sic>. [Но приблизившись] Приблизившись друг к другу, люди [без слова начали обниматься] [стояли] стали без слова всей середнячком гущей и загляделись на крыльцо, на котором [ст] находился активист с фонарем в руке, – от этого собственного [ясного] света он не видел [разн. мелочи на лицах] разной мелочи на лицах людей, но зато его [ясно] самого наблюдали все с ясностью.

п.м. ① – [Приготовились] Готовы, что-ль? – спросил активист.

Вставка I (К стр.<анице> 163)

– Подожди, – сказал Чиклин активисту. – Пусть они попрощаются до будущей жизни.

Мужики было приготовились к чему-то, но один из них [сказал] произнес в тишине:

п.м. ② – Дай нам еще одно мгновенье времени!

И сказав последние слова, мужик обнял соседа, поцеловал его трижды и [про] попрощался с ним.

– Прощай, Егор Семеныч!

– Не в чем, <вар.: – > *И ты меня прости,* [дядя] Никанор Петрович []; ты меня тоже прости.

Каждый [целовался] начал целоваться со всею очередью людей, обнимая чужое доселе тело, и все уста [целовало] [горько] [грустно] грустно и [любовно] дружелюбно целовали каждого. [До этого времени односельчане не знали чувства друг друга, [никогда не касались

п.м. ③ [губами] взаимными губами] не считали] ||

п.м. ① – Прощай, тетка Дарья; не обижайся, что я твою ригу сжег.

164

– Бог простит, Алеша, – теперь рига все одно не моя.

Многие, [коснувшись] прикоснувшись взаимными губами, стояли в таком [положении] чувстве некоторое время, чтобы навсегда запом-

Записи на полях листа 163:

① Справа на полях – помета-ремарка: *Чиклин предлож. <ил> попрощаться.* И здесь же была намечена его реплика: *Пусть они попрощаются [на будущую] до будущей жизни.*

② *Вощев* (справа на полях)

③ *Вощ.<ев>* (справа на полях; не вычеркнуто)

Записи на полях листа 164:

① <I сокращ. слово нрзб> / <I сокращ. слово нрзб>: *прав. <?> много а счастья нет* (сверху на полях; ср. маргиналии листа 158).

нить [земляка] новую родню, потому что до этой поры они жили без памяти [и без] друг о друге[, *будто в*] и без жалости*.

[– Не поминай меня дурно, Степан]

– Ну, давай, Степан, [вздыхнем и обнимемся] побратаемся.

– Прощай, Егор, – жили мы люто, а кончаемся [ладно] по совести*.

После целованья [все] люди поклонились в землю – каждый всем, и встали на ноги, свободные и пустые сердцем[, *готовые [чувствовать] с честью совести чувств*].

– Теперь мы, товарищ актив, готовы – пиши нас всех [в [один пункт] графу] в одну графу*, а кулаков мы сами тебе покажем [тебе].

Но активист [уже] еще прежде [в] обозначил всех [люди] [людей] жителей – кого в колхоз, а кого на плот.

– Иль сознательность в вас заговорила? – [спросил] сказал он. – Значит, отозвалась массовая работа актива! Вот она – [великая] четкая* линия в будущий свет!

Чиклин здесь вышел на [высоко] высокое крыльцо и потушил фонарь активиста – ночь и без керосина была светла от [снега] свежего снега [без керо].

[– Поздно, товарищи, колхоза захотели: [вы скот] зачем погубили скот?]

– Хорошо вам [стало,] теперь, товарищи? – спросил Чиклин.

– Хорошо, – сказали со всего Оргдвора. – Мы ничего теперь не чуем, в нас один прах [ост] остался.

[– А чего-ж вы раньше не шли в колхоз, когда скот был жив?]

п.м.®

Никто не мог теперь сказать своего слова – все забыли]

[– Будьте-же]

[– Почуете, – обещал Чиклин.]

Воцев [слышал] [слушал] [услышал] лежал в стороне и никак не мог заснуть без покоя истины внутри своей жизни, – тогда он встал со снега и вошел в среду людей. ||

– Здравствуйте! – сказал он колхозу, обрадовавшись. – Вы стали 165 теперь<, > как я, – я тоже ничто.

– Здравствуй! – обрадовался [весь] весь колхоз[.] [одному человеку] одному человеку.

Чиклин тоже не мог стерпеть быть [одним] отдельно на крыльце, когда люди стояли вместе внизу, он опустился на землю, разжег костер [от холода] из плетневого матерьяла<, > и все начали согреваться от [него] огня. [Воцев вскоре [спокойно] уснул в теплом дыму, [окруженный людьми] [имея] чувствуя спокойное утешение, что весь колхоз живет вроде него, и то ничего.]

Уже было поздно, [ничего не слышно]; неопределенно¹ и далеко видны [чист] снежные полевые места. [По] Никто не произносил слова, только слышалось, как по старинному <sic> брехала собака

Записи на полях листа 164 (продолжение):

® Воц. <ев> <1 слово нрзб>

¹ Слово было подчеркнуто и отмечено вопросительным знаком на полях.

на чужой деревне, точно она существовала в постоянной вечности.
[Активист дрем]

*)

- п.т. ① ночь [над людьми] стояла [вар.:> лежала] смутно над людьми<.>
п.т. ② [как [предбанник]?] [и то] и больше никто [больше] не произносил слова, только слышалось<.> как по старинному <sic> брехала собака на чужой деревне, точно она существовала в постоянной вечности.

разрыв в 5-6 стр.

[*]

разрыв 5-6 стр.

Очнулся Чиклин первым [– его робко трогал Елисей и подавал ему Настю], потому что [что-то] вспомнил что-то **насушное [и прелестное] тревожное**, но, открыв глаза, все забыл. Перед ним стоял Елисей и держал Настю на руках. Он уже держал девочку часа два [– она у него спала, а будить Чиклина Елисей боялся], пугаясь разбудить Чиклина, а девочка спокойно спала, [уткнув] греясь на его теплой, сердечной груди.

– [Ты] Не замучил ребенка-то? – спросил Чиклин.

– Я не смею, – сказал Елисей.

Настя [проснулась и, рассмотрев Чиклина, заплакала от] открыла глаза на Чиклина и [закрыла их вновь, чтобы видеть этот сон долго, но Чиклин ей стал больше [не видим] невидим, || и она] заплакала по нем; она думала, что в мире все есть взаправду и [вечно] навсегда, – и если ушел Чиклин, то она уже больше нигде не найдет его на свете. В бараке Настя часто видела Чиклина во сне и даже не хотела спать, [чтоб] чтобы не мучиться[.] на утро <sic> [в пустоте], когда [просне] оно настанет [без нег] без него.

[– Иди ко мне]

Чиклин взял девочку на руки.

– Тебе ничего было?

– Ничего, – сказала Настя. – [Ты] А ты здесь колхоз [имени Сталина] Сталину сделал? Покажи мне колхоз!

[Взяв] [Поднявшись с земли]

Поднявшись с земли, Чиклин [прижал г] приложил голову Насти к своей шее и пошел раскулачивать.

– Жачев-то не обижал тебя?

[– Нет]

– Как-же он обидит меня, когда [я <нрзб> в социализм останусь¹] я в социализм останусь, а он скоро помрет!

Записи на полях листа 165:

① Кул.<аков> знал медведь

② м.<ожет> б.<ыть> раньше, где режут скот и т.<ак> д.<алее –> было туманно и тревожно к<а>к в предбан.<нике> (Запись сделана справа на полях после того, как в тексте было вычеркнуто: ... как предбанник...). Ср. вставку на листе 160.

¹ Над строкой помечено: *перифраз. <ировать>*. После проведенной правки помета была вычеркнута.

[– *Пожалуй*]

– Да пожалуй<> что и не обидит! – сказал Чиклин и обратил внимание на многолюдство. Посторонний, пришлый народ [*стоял*] расположился кучами и малыми массами по Оргдвору, тогда как колхоз еще спал общим скоплением [*близнь*] близь ночного, [*угасшего*] померкшего костра. По колхозной улице так-же находились нездешние люди [*и*]; они молча стояли в [о*жидание*] ожидании той радости, [*которую им обещали*] [для которой] за которой их привели сюда Елисей и другие колхозные пешеходы. Некоторые странники обступили Елисея и спрашивали его:

[– *Что-же ты нас*]

– Где-же [*благо*] колхозное благо – иль мы даром шли? Долго-ль нам бродить без остановки?

– Раз вас привели, то актив знает[!], – ответил Елисей.

– [*Где*] А твой актив спит, должно быть? ||

– Актив спать не может, – сказал Елисей.

167

Активист вышел на крыльцо со своими [*сподручными*] сподручными – и рядом* с ним был Прушевский, а Жачев полз позади[.] всех. [*Чиклин*] [*Прушевского и Жачева*] Прушевского послал в колхоз товарищ Пашкин, потому что Елисей [*ше*] проходил вчера мимо котлована и ел кашу у Жачева, но от отсутствия своего ума* не мог сказать ни одного слова [– *от отсутствия своего ума*]. [*Поэтому*] Узнав про то, Пашкин решил во весь темп бросить Прушевского на колхоз [для] как кадр культурной революции, ибо без ума организованные люди жить не должны, а Жачев отправился по своему желанию, как урод, – и [*втроем*] поэтому они явились втроем с Настей на руках, не считая еще тех подорожных мужиков, которым Елисей [*приказал*] велел итти вслед за собой, чтобы ликовать в колхозе. [*Прушевский*]

– Ступайте скорее плот кончайте, – сказал Чиклин Прушевскому, – а я скоро обратно к вам поспею.

Елисей пошел вместе с Чиклиным [–], чтобы указать [*ему*] ему самого угнетенного батрака, который [*почти спокон*] [*давно раб*] почти спокон века работал даром на [*кулач*] имущих дворах, а теперь [*работает*] трудится молотобойцем [*в ме*] в колхозной кузне [*и числ*] и получает пищу и приварок, как кузнец второй руки; однако этот молотобоец не числился членом колхоза, а считался [*батраком*] наемным лицом, и профсоюзная линия, получая сообщения об этом [*одном*] официальном батраке, одном во всем районе, [*сильно трево*] глубоко тревожилась. Пашкин-же и вовсе грустил о неизвестном, последнем [*батраке*] пролетарии района, и хотел как можно скорее избавить [*его*] его от угнетения. [*Чиклин охотно шел*]

[*Чиклин желал взять*]

n.m. Около кузницы стоял автомобиль и жег || бензин на одном месте. 168
С него только что сошел [*Пашкин*] прибывший вместе с супругой Пашкин, [*с активной жадностью изыскивая*] чтобы с активной жадностью обнаружить здесь остаточного батрака [, *снабдить*] и, снабдив

Запись на верхних полях листа 168: <2(?) слова нрзб> к<а>к предбанник

его лучшей долей жизни, [а затем] распустить затем райком союза за халатность обслуживания членской массы. Но еще Чиклин и Елисей не дошли до кузни, как товарищ Пашкин уже вышел из помещения и отбыл на машине обратно, опустив только [в] голову в кузов, будто не зная – как ему теперь быть. Супруга [И] товарища Пашкина из машины не [выхо] выходила вовсе: она [была довольна, [но] [тем, что] что хоть] лишь берегла своего [мужа] любимого человека* от встречных женщин, [обожавших] обожающих* власть ее [мужа] мужа и принимавших твердость его руководства за силу любви, которую он может им дать.

Чиклин с Настей [на руках] [при себе] на руках вошел в кузню, а]; Елисей-же остался постоять наружи <sic>. Кузнец [одной рукой] качал мехом воздух в горн, а [другой держал клещи на <sic> наковальней] медведь бил [но] человечески молотом по раскаленной железной полосе на наковальне.

– [Скорей] Скорее, Мишь <sic>, а то мы с тобой ударная бригада! – [говорил] сказал кузнец.

Но медведь и [так] без того настолько* усердно старался, [так-что] что* пахло его паленой шерстью, [го] сгорающей от искр металла, а медведь ради пользы¹ этого не чувствовал.

– [А] Ну, теперь – будя! – определил кузнец.

Медведь перестал колотить и, отошедши, выпил от [<вар.:> из-за] жажды полведра воды. Утерев затем [св] свое утомленно-пролетарское лицо, медведь [приступил] плюнул в лапу и снова приступил к труду[.] молотобойца. Сейчас ему кузнец положил || ковать [подковы] подкову 169 для одного единичника из окрестностей колхоза.

– Мишь <sic>, это надо кончить поживей: вечером хозяин приедет – [влага] жидкость* будет! – и кузнец показал на свою шею, как на трубу для водки. Медведь [с пущей], поняв будущее наслаждение, с пущей охотой начал делать подкову. – А ты, человек, зачем пришел? – спросил кузнец у Чиклина.

– Отпусти молотобойца кулаков [ук] показать[. <Z> Кузнец] : [его эксплуатируют] говорят<, у него пролетарский стаж велик.

[– А ты с активом согласова]

Кузнец поразмышлял немного о чем-то и сказал:

– А ты согласовал [вопрос] с активом вопрос? Ведь в кузне есть промфинплан, а ты его срываешь!

– Согласовал вполне, – ответил Чиклин. – А [з] [план] если план твой сорвется, так я сам приду к тебе [подыпать его.] его подыпать[.

<Z> – Нехай идет, –]... Ты слыхал про араратскую гору – так я ее наверняк <sic> бы насыпал, если-б клал землю своей лопатой в одно место!

– Нехай тогда идет, – выразился кузнец про медведя. [–] – Ступай на Оргдвор и вдарь в колокол, [чтоб] [а то медведь] чтоб [вроде] Мишка обеденное время услышал, а то он не тронется – он [у нас] у нас дисциплину обожает.

¹ Подчеркнуто в тексте: ... ради пользы... То же место отчеркнуто и отмечено вопросительным знаком на полях. Позже все пометы были вычеркнуты.

Пока Елисей равнодушно [сходил] ходил на Оргдвор, медведь сделал [чет] четыре подковы и просил еще трудиться. Но кузнец послал его за дровами, чтобы нажечь из них потом углей, и медведь || принес целый подходящий плетень. Настя, глядя на [чер] почерневшего, обгорелого медведя, радовалась, что он за нас, а не за буржуев. [Когда медведь]

– А он Ленина тоже любит? – спросила Настя.

– А то как-же!

– А Сталина и Сафронова?

– Он ведь тоже [муч] мучается – он<, > значит<, > за [Ленина] Сталина, правда ведь? – говорила Настя.

– А то как-же! – отвечал Чиклин.

– Звери тоже чувят!

Раздался гул колокола, и медведь мгновенно оставил без внимания свой труд – до того он ломал плетень на мелкие части, а теперь [встал] [выпр] сразу выпрямился и [вздохнул] надежно вздохнул: шабаш, дескать. Опустив лапы в ведро с водой, чтоб [получилась на них чистота] [приобрести] отмочить на них чистоту, он затем вышел вон для получения* еды. Кузнец ему указал на Чиклина, и медведь спокойно пошел за человеком, [держась] привычно держась [на] впрямую, на одних задних лапах. Настя тронула медведя за плечо, а он тоже коснулся слегка ее лапой и зевнул всем ртом, откуда запахло прошлой пищей.

– Смотри, Чиклин, он весь седой!

– Жил с [человеком] людьми, вот и поседел от горя.

Медведь обождал, пока девочка вновь посмотрит на него, и, дождавшись, [с] зажмурил для нее один глаз; [де] Настя засмеялась, а [медведь] молотобоец ударил себе по животу, так-что <sic> у него там [зарыча] что-то [за] забурчало, отчего Настя засмеялась еще лучше, медведь-же [держал серьезное лицо] не обратил на малолетнюю внимания. ||

Около одних дворов итти было так-же прохладно, как и по полю, а около других чувствовалась теплота. Коровы и лошади лежали в усадьбах с [разверзстыми] [разверстными] разверзтыми <sic> тлеющими* туловищами – и долголетний, скопленный под солнцем жар жизни еще выходил из них в воздух, в общее зимнее пространство. Уже много дворов миновали Чиклин и молотобоец, а кулачества что-то нигде не ликвидировали.

Снег, изредка опускавшийся дотолы с верхних мест, теперь пошел чаще и жестче, – какой то <sic> набредший ветер начал производить вьюгу, [как] что бывает, когда устанавливается зима. Но Чиклин и медведь шли сквозь [ча] снежную, секущую частоту прямым уличным порядком<, > потому что Чиклину невозможно было считаться с настроением природы; только Настю Чиклин спрятал от холода за пазуху, [оставив] оставив наружи <sic> лишь ее голову, чтоб она не скучала в темном тепле. [Молотобоец] Девочка все время следила за [молотобойцем] медведем – ей было хорошо, что животные тоже есть рабочий класс, [трава наверно] [а трава<, > наверно<, > пролетарка, с красным цветком на голове.] – а молотобоец глядел на нее как на

п.м. [дочку] [детеныша-дочку], забыт] и был доволен, точно выпивший] забытую сестру, с которой он жировал у материнского живота в [детском смутном] летнем лесу своего детства. Желая обрадовать Настю, медведь посмотрел вокруг – чего-бы это схватить или выломать ей для подарка? Но [ничего] никакого мало-мальски счастливого предмета не было вблизи, кроме глиносоломенных жилищ и плетней. Тогда [мед] молотобоец взгляделся в снежный ветер и быстро выхватил из него что-то маленькое, а затем поднес [лапу] сжатую лапу к Настиному лицу. Настя выбрала из его лапы муху, зная, что мух теперь тоже нету – они умерли еще || в конце лета. Медведь начал [подп] гоняться за мухами по всей улице, – мухи летели целыми тучами [в снежном ви], [мало заметные в снежном вихре] перемежаясь [со] с несущимся снегом. 172

– Отчего бывают мухи [зимой], когда зима? – спросила Настя.

– От кулаков, дочка! – сказал Чиклин.

Настя задушила в руке жирную кулацкую муху, подаренную ей медведем, и [спросила] сказала еще:

– А ты убей их как класс! А то мухи зимой будут, а летом нет: птицам нечего есть¹ станет.

Медведь вдруг зарычал около прочной, чистой избы и не хотел идти дальше, забыв про мух и девочку. [Плачущая баба] Бабье лицо уставилось в стекло окна<,> и по стеклу поползла жидкость слез, будто баба их держала все время наготове. Медведь открыл пасть на видимую бабу и взревел еще [ожесточенней] яростней, так что баба отскочила внутрь жилища.

– Кулачество! – сказал Чиклин и, вошедши на двор, открыл изнутри ворота. Медведь [вошел через них] тоже шагнул через черту владенья* на усадьбу.

Чиклин и [кузнец] молотобоец освидетельствовали вначале хозяйственные укромные места. В сарае, [покрытые] засыпанные мякиной, лежали [две] четыре или больше мертвых мясных овцы. Когда медведь тронул [овец] одну овцу ногой, из [них] нее поднялись мухи[,]: они жили себе [ликующие] [ликующим] жирующим* способом в [з] в <sic> горячих, [сытых] говяжьих щелях овечьего тела и, [безпрерывно <sic>] усердно питаюсь, сыто летали среди снега, нисколько не остужаясь от него. [Молотобоец не стал ходить дальше по усадьбе, а пошел к людям в избу.] || Из сарая наружу выходил [нар] дух теплоты, [и] – в трупных [уще] скважинах убоины<,> наверно<,> было жарко, как летом в [трещинах земли] [тлеющем] тлеющей торфяной земле*, и мухи жили там вполне нормально. Чиклину стало [душно] тяжело в большом сарае, ему казалось, что здесь топят банные печи, а Настя зажмурилась от вони глаза и [ду] думала, почему в колхозе [тепло] зимой тепло и нету четырех времен [годов] года, про какие ей рассказывал Прушевский на котловане, когда [стало вдруг тихо без птиц] [наступила вдруг 173

Запись на полях листа 171: мухи

Запись на полях листа 172: раньше <1 слово нрзб>

¹ Подчеркнуто в тексте и отмечено вопросительным знаком на полях: ...птицам нечего есть... Позднее пометы были вычеркнуты.

тишина без птичьего] на пустых осенних полях прекратилось **[вдруг]** пение птиц.

Молотобоец **[ушел]** пошел из сарая в избу и **[ревел]**, заревев в сенях **враждебным голосом**, выбросил через крыльцо вековой громадный сундук, откуда посыпались швейные катушки.

Чиклин застал в избе одну бабу **[и еще мальчишку. Мальчишка]** и еще мальчишку; мальчишка **[сидел]** дулся на горшке, а мать его, **присев**, разгнездилась среди **[пола]** горницы, **[не имея духа для крика]** будто все вещество **[у]** из нее опустилось вниз; она уж не кричала, а только открыла рот и старалась дышать.

– Мужик, а мужик! – начала звать она, не двигаясь от немощи горя.

– Чего? – отозвался голос с печки; потом там закрипел разошедшийся гроб и вылез хозяин.

– Цари пришли, – сказывала постепенно баба, – иди встречай... Головушка моя горькая!

– Прочь **[из]!** – **[произнес]** приказал Чиклин всему семейству. ||

Молотобоец **[открыл пасть на]** попробовал мальчишку за **[уш]** ухо, 174 и тот вскочил с горшка, а медведь, не зная, что это такое, сам сел для **пробы** на низкую посуду.

Мальчик стоял в одной рубашке и, **соображая**, глядел на сидящего медведя.

– Дядь, отдай какашку! – попросил он. **<Z>** – **Он очень хитрый!** – сказала **Настя про того мальчика.**; но **[медвед]** молотобоец тихо зарычал на него, **тужась от неудобного положения.**

– Прочь! – **[дал лозунг]** произнес Чиклин кулачком населению.

Медведь, не **[встав]** трогаясь с горшка, дал из пасти звук, – и **закричал** точный ответил:

– Не шумите, хозяева, мы сами уйдем.

Молотобоец вспомнил, как в старинные года он **[рва]** **[рвал карчу]** корчевал пни на угодьях этого мужика и ел траву от безмолвного голода, потому что мужик давал ему пищу только вечером – что оставалось от свиней, а свиньи ложились в корыта и съедали медвежью порцию во сне. Вспомнив такое, медведь поднялся с **[горшка]** **[дет]** посуды, **[схватил мужика за верхнюю]** обнял **[постепенно]** поудобней тело мужика и, сжав его **[т]** с силой, что из **[мужика [вышел пот]]** **человека*** вышло нажитое сало и пот, закричал ему в голову **[разными голосами]** на разные голоса – от злобы и наслышки молотобоец мог почти разговаривать.

Зажиточный, обождав, пока медведь [оставит его] отдастся от него, [пошел] вышел, как есть, на улицу и уже прошел мимо окна снаружи, – только тогда баба [бро] помчалась за ним, а мальчик остался [один. Постояв, он] в избе без родных. [Подождав] Постояв в [недоумении] скучном недоумении, он [тоже] || схватил горшок с пола и побежал с ним за отцом-матерью. 175

– Он очень хитрый! – сказала Настя про этого мальчика, унесшего свой горшок.

Дальше кулак [но] встречался гуще. Уже [тр] через три двора медведь зарычал снова, обозначая присутствие здесь своего [к] классового врага. Чиклин отдал Настю молотобойцу и вошел в избу один.

– Ты чего, милый, явился? – спросил ласковый, спокойный мужик.

– Уходи прочь! – ответил Чиклин.

– А что, ай я чем не угодил[ай]?

[– Колхоз]

– Нам колхоз нужен, не [загораживай] разлагай* его!

Мужик не спеша подумал, [как] словно находился в [беседе] душевной беседе.

– Колхоз вам [не нужен] не годится...

– Прочь, гада!

– [Вы] Ну что-ж, вы сделаете изо всей республики колхоз, а вся республика-то будет единоличным хозяйством!..

У Чиклина захватило дыхание, он бросился к двери и открыл ее, чтоб видна была свобода, – он так-же когда-то ударился в замкнувшуюся дверь тюрьмы, не понимая плена, и закричал [от [обиды.] об] от [злойной обиды.] скрежещущей [обиды.] силы сердца. Он отвернулся от [чистоплотного] рассудительного мужика, [понимая], чтобы тот не [понял] [заметил] [разделял] участвовал в его преходящей скорби, [которая] [в которой] которая касается лишь одного рабочего класса.

– Не твое дело, стервец! Мы можем царя || назначить, когда нам 176
полезно будет, и можем сшибить его одним вздохом... А ты – исчезни!

Здесь Чиклин перехватил мужика поперек и вынес его наружу, где бросил в снег; мужик от жадности не был женатым, расходуя всю свою плоть в скопление имущества, [а в молодости жил с собственной кобылой, ко] в счастье надежности существования, [а] и теперь не знал, [кого] что ему чувствовать.

[Через четыре двора молотобоец опять стал реветь]

– Ликвидировали!? <sic> – сказал он из снега. – Смотрите, нынче меня нету, а завтра вас не будет. [Может, в социализм] Так и выйдет, что в социализм придет один ваш главный человек!

Через четыре двора молотобоец опять ненавистно заревел. Из [избы] дома выскочил бедный житель с блином в руках. Но медведь знал, что этот хозяин бил его древесным корнем [и кормил], когда он [уморивался <sic>] переставал от усталости [водить на мельнице жернов за бревно] водить [бревном] [на мельнице] жернов за бревно. Этот мужичишко <sic> заставил на мельнице работать вместо ветра медведя, чтобы не платить налога, а сам [скулил] [вечно скулил от] скулил всегда по батрацки <sic> и [первым плакал во время бездождия, предвидя, что весь свет погибнет.] ел с бабой под одеялом. Когда его [баба] жена тяжелела, то [кулак [сам] с] мельник [делал] своими руками совершал ей выкидыш, любя лишь одного большого сына, которого он давно определил в городские коммунисты.

– Покушай, Миша! – [дал] подарил мужик блин молотобойцу.

Медведь обернул блином лапу и ударил [кулака по уху] через [эту] эту печеную прокладку кулака по уху, так || что мужик вякнул 177
ртом и повалился.

– Опорожняй батрацкое имущество! – сказал Чиклин лежачему. – [Не смей более жить на свете[!], иль] Прочь с колхоза и не смей более жить на свете!

п.п. [– А [кто это велит] ты кто-ж? – опомнился зажиточный] Зажиточный полежал вначале, а потом опомнился.

– А ты покажь мне [бу] [б] бумажку, что ты [дей] действительно лицо!

– Какое я тебе [лиц] лицо? – сказал Чиклин. – Я никто; у нас партия – вот лицо!

– Покажи тогда хоть партию, хочу рассмотреть.

Чиклин скудно улыбнулся.

– [Ты] В лицо ты ее не узнаешь [в лицо], я сам [ее] ее еле чувствую [ее]. [Явишься потом на плот] [Явля] [Являйся нынче на плот, [стер] капитализм сволочь! – добавил Чиклин] [– И [добавил] разъяснил с сожалением: – А если-б чувствовал вполне, то давно-б тебе не быть] Являйся нынче на плот, капитализм сволочь!

[Дальше]

– Пусть он едет по морям: нынче здесь, а завтра там, – правда ведь? – произнесла Настя. – Со сволочью нам скучно будет!

Дальше Чиклин и молотобоец освободили еще шесть изб, нажитых батрацкой плотью, и возвратились [по кругу] [сквозь кулацкий класс] на Оргдвор[.], где стояли в ожидании чего-то очищенные от кулачества массы.

[Прушевский]

Сверив прибывший кулацкий класс со своей расслоечной ведомостью, активист нашел[. что] полную точность, и обрадовался действию [кулака и м] Чиклина и кузнечного молотобойца. Чиклин так-же одобрил активиста.

[– Молод]

[– Ты сознательный молодец, – одобрил] ||

– Ты сознательный молодец, – сказал он, – ты чуешь классы, как 178 животное.

Медведь не мог выразиться и, постояв отдельно, пошел на кузню сквозь падающий снег, в котором жужжали мухи; одна только Настя [только] смотрела ему вслед и жалела [этот [одинокий]¹ пролетариат] этого старого, обгорелого человека*.

[Жачев] Прушевский уже справился [доделать из бревен плот] с доделкой из бревен плота [и смотрел], а сейчас глядел на всех с готовностью.

– Гадость ты, – говорил ему Жачев [,: – чего глядишь, как оторвавшийся? [Ж] Живи [сильнее] храбрее – жми друг дружку, а деньги в кружку! Ты думаешь <, > это люди существуют? – ого! Это одна наружная кожа, [а внутри ее <-> ветер] до людей [надо] [немного дальше] нам далеко итти[!], [вот что моя грусть] [вот чего груст-тю!] вот чего мне жалко!

Запись на полях листа 177: *Партия*

¹ Здесь особым значком было отмечено место необходимой вставки (взамен вычеркнутого ранее слова ОДИНОКИЙ).

По слову активиста кулаки согнулись и стали [толкать] [знать] двигать [в упор] плот в упор на речную долину. Жачев-же [пошел] пополз [восл] за кулачеством, чтобы обеспечить ему надежное [отплыть] отплытие в море по [тече] течению и сильнее успокоиться в том, что социализм будет, что [он] Настя получит его в свое девичье приданое, [за идею и счастье,] а он, Жачев, скорее погибнет, как [изжитый] уставший предрассудок. [В последнее время Жачев все более наблюдал, насколько]

разрыв 5-6 стр.

[*]

разрыв 5-6 стр.

Ликвидировав кулаков в даль, Жачев не успокоился, ему стало даже труднее [-], [только] [хот] хотя неизвестно от чего <sic>. Он [смотрел] долго наблюдал, как [тихо отда] [устрем] систематически уплывал плот по снежной текущей реке, как вечерний ветер шевелил [холодную, [печальную] [темную] печальную] темную, мертвую* воду, льющуюся среди охлажденных угодий в свою отдаленную пропасть, и ему делалось [грустно] скучно, печально в груди. [Теперь] Ведь [класс] слой грустных уродов [тоже] не нужен социализму, и его вскоре так-же ликвидируют в далекую тишину. ||

Кулачество [на пло] глядело с плота в одну сторону – на Жачева; люди хотели навсегда заметить свою родину и последнего, счастливого человека на ней.

179

Вот уже [береговой кустарник начал загоразживать плот от] кулацкий речной эшелон начал заходить на повороте за береговой кустарник<, > и Жачев начал терять видимость классового врага.

– Эй, [сволочь] паразиты, прощай! – закричал Жачев [в мут] по реке.

[– Проща-ай! – отозвалось с]

– Проща-ай! – отозвались уплывающие в море кулаки.

С [оргдвора] Оргдвора [раздалась музыка<, > и Жачев пополз по глинистой [ку] круче [в колхоз] на торжество колхоза] заиграла призывающая вперед музыка[:] [, и]; Жачев успешно полез по глинистой круче на торжество колхоза, [чтобы] хотя и знал, что там ликуют [бывшие участники] [л] одни бывшие участники империализма, не считая Насти и прочего детства.

Активист выставил на крыльцо Оргдома рупор радио[, вся ко] [–]<> и оттуда звучал марш великого похода, а весь колхоз, вместе [со зваными] с окрестными пешими гостями, радостно топтался на месте. [Мужики] Колхозные мужики были [счастливы] светлы лицом, как вымытые, им стало теперь ничего не жалко, известно и прохладно в душевной пустоте. Елисей, когда сменилась музыка, [вышел, [топнул] вдарил подошвой и] вышел на среднее место, вдарил подошвой и затанцевал по земле, ничуть при этом не сгибаясь и не моргая белыми глазами; он ходил как стержень – один среди стоячих, – четко работая костями и туловищем. Постепенно мужики rassopелись

и начали [улыбаться] [тоже] охаживать вокруг друг друга, а бабы весело подняли руки и пошли двигать ногами под юбками. Гости скинули сумки, кликнули к себе местных девушек и понеслись || по низу <sic>, бодро шевелясь, а для своего угощения целовали [попутных подружек] [своих] [[подружек-]колхозниц.] подружек[.] -колхозниц. [Муз] Радиомузыка [раз] все более тревожила жизнь; пассивные мужики кричали возгласы довольства, более передовые [всесторонне] [развивали] всесторонне развивали дальнейший темп праздника<, > и даже обобществленные лошади, услышав гул человеческого счастья, [явились] пришли по одиночке <sic> на [оргдвор] Оргдвор и стали ржать.

[Снег прекрати] Снежный ветер утих; неясная луна выявилась на дальнем небе, опорожненном от вихрей и туч, [белы] – на небе, которое было так пустынно, что допускало [вечну] вечную свободу, и так жутко, что для свободы нужна была дружба.

Под этим небом, на [бел] чистом снегу, уже засиженном кое-где мясными мухами, [народ] весь народ товарищески торжествовал. Давно живущие на свете люди – и те струнулись и топтались, не помня себя.

– Эх ты, эсесерша наша мать! – кричал в радости один забвенный мужик, показывая ухватку и хлопая себя по пузу, щекам и по рту. – [Трудись] Охаживай, ребята, [наше] наше царство-государство[.]; она незамужняя!

– Она – девка иль вдова? – спросил [оди] на ходу танца окрестный гость.

– Девка! – объяснил двигающийся мужик. – Аль не видишь<, > как мудрит?!

– Пускай [м] [тому] ей помудрится! – согласился тот-же пришлый гость. – Пускай поподбничает! А потом мы из нее сделаем смирную бабу [сделаем! Добро]: добро будет!

Настя сошла с рук Чиклина и тоже || топталась около мчавшихся 181 мужиков, потому что ей хотелось. Жачев ползал между всеми, подсекая под ноги тех, которые ему мешали, а [мужику] гостевому мужику, [который [хотел от] желал отдать] желавшему* [отдать] девочку-эсесершу [сделать] [отдать] выдать замуж мужику, [Чиклин] Жачев дал в бок, чтоб он не надеялся.

[– Пока мы бродим живыми, не сметь]

– Не сметь [говорить всуе] думать [всуе] что попало! [На речной самотек] [Иль хочешь речной самотек заработать?] Иль хочешь речной самотек заработать? – живо сядешь на плот!

[– Боле я не буду, товарищ калека]

Гость уж испугался, что он явился сюда.

– Боле, товарищ калека, ничто не подумаю – [эт <sic> я] я [шен] теперь шептать буду.

Чиклин долго глядел в [ликующий] ликующую гушу народа[[:]; и покой счастья наполнял его терпеливую грудь[.]; [он видел] с высоты [поле] крыльца он видел [поле.] лунную чистоту далекого масштаба [– то безмолвие], а также безмолвие косности[,] и печальность всеобщего праха, победа над которым была трудна, но обеспечена. Он [предчувство] чувствовал, что] и чувствовал покой [счастья]

добра в [своем] своей груди; с высоты крыльца он видел лунную чистоту далекого масштаба, [сон] печальность замершего света и покорный сон всего мира, на устройство которого пошло столько труда и мученья, что всеми забыто, чтобы не знать страха жить дальше.

– Настя, ты не стынь долго, иди ко мне, – позвал Чиклин.

– Я ничуть не озябла, тут ведь дышат, – сказала Настя, бегая от ласково* ревушего Жачева [*вар.:* > *ловящего ее Жачев<a>*]. ||

п.м. – Ты три руки, а то окоченеешь! *Воздух большой, а ты маленькая!* 182

– Воздух большой, а ты маленькая!

– Я уже их терела: сиди молчи!

Радио вдруг среди мотива перестало играть. Народ [тож] -же остановиться не мог, пока активист не [бро] сказал: [стой!]

– Стой до [следующего] очередного звука!

Прушевский сумел [кратко] в краткое время поправить радио, но оттуда [послышался] послышалась не музыка, а лишь человек:

– Слушайте [наше] наши сообщения: заготовляйте ивовое корье!..

И здесь радио опять прекратилось. Активист, услышав сообщение [о корье], задумался для памяти, – чтобы не забыть об [к] ивово-корьевой кампании и не прослыть на весь район упущенцем, как с ним совершилось в прошлый раз, когда он забыл про организацию дня кустарника, [и] а теперь весь колхоз [живе] сидит без прутьев. Прушевский снова начал чинить радио, – и прошло время, [пока инженер тщательно слаживал механизм, который не мог утешить его решившуюся, смолкшую душу. Но актив не мог допустить, чтобы] [когда] пока инженер охладевшими руками тщательно слаживал механизм; но ему не давалась [починка] работа, [– или радио сильно расстроилось, или] потому что он не был уверен – [даст] [даст] предоставит* ли радио бедноте утешение и прозвучит-ли для него [отк] самого откуда-нибудь милый голос.

Активист боялся меж тем упустить вниз настроение колхоза; чтобы того не случилось, он заиграл музыку [на губах] своими губами<,> и, все равно, колхоз затанцевал под эти звуки рта. Елисей, замерший было [без] в наставшей[. в] тишине, вновь двинулся топтаться и плясать, и весь сплоченный на [одном] дворе народ попрежнему зашумел от своего, [безвестного] нечувствительного* еще, но уже необходимого [вар.:> *должного*] счастья. ||

Когда активист уже [хрипел] захрипел от долгой губной игры, а [ко] 183 люди [стали только] все не утихали и двигались туловищами, Чиклин крикнул в колхоз:

– Чуе-ли вы что?

– Чуем, – ответил колхоз.

– А чего-ж вы чуе-те?

– Мы всё чуем, только себя – нет.

Чиклин поглядел на эти мнения и мечты и сошел [вниз] с крыльца вниз, чтобы тоже поплясать, как он плясал когда-то в молодости [–] с девушками под веточками.

Запись на верхних полях листа 182: *выше<->ревушего? / от лас.<ково ревушего> Жачева*

– Играй, актив, [серьезней] [сер] сурьезней, [чтоб нам [была и] радость [и скорбь!] была [и жалость] пополам с тоской!] чтоб нам радость была с жалостью пополам!*

Активист заиграл [чаще] громче и заставил [Прушевского петь себе на помощь] Прушевского тоже [петь] петь губами – себе на помощь.

Чиклин, очутившись в густоте людей, забыл про все остатки своей жизни и так [у] [ве] часто заработал ногами, что снег под ним исчез, а сырая земля высохла. Елисей приблизился к Чиклину и старался [усиленно] не отстать от него в усердии счастья[.], но не управлялся. Чиклин-же все более смотрел на Елисея [и [тем временем начал тише стучать] все тише стучал ногами, а потом вовсе] и терял силу танца, пока не стал на месте вовсе. Елисей, не замечая, топтался дальше и не моргал остывшими глазами. Чиклин тогда схватил его, не зная, как остановить человека, и [Елисей] Елисей повалился на него, [обмерший] невольный и обмерший. Чиклин опустил Елисея к земле; Елисей молча и редко дышал, глядя таким пустым взглядом, [за которым не видно было ни ума, ни идеи] точно сквозь [него] его тело прошел ветер и [в] унес теплое чувство [идеи] жизни. ||

– Тебе [дурно] гадко? – спросил Чиклин.

– Мне – никак, – мог сказать Елисей.

Чиклин покрыл ему своей шапкой глаза, чтоб Елисей никуда* не глядел [никуда] и забыл[ся] сам про себя. [<Z> – Жачев! – прокричал Чиклин.] Активист дал еще несколько звуков [и смолк], а потом смолк, ибо у него опухли губы и, главное, [н] [заболеет] заболело сознание от [напр] напряженного дыхания. Но народ не остановил своего всеобщего танца – он уже так привык к постоянному [мотиву, что сл] темпу радости, что топтался по памяти. “Пускай поликуют!” – подумал Чиклин, прошептав эти слова. [– “Они сами уморятся.”]

Он отошел к Жачеву, который [сел] приютился под плетнем и прижал к себе Настю, согревая ее животом и грудью; [он] [инвалид д] увечный даже [подн] поднял кверху свою рубашку, дабы [На] ребенок полностью пользовался его телесным теплом. Девочка уже глубоко спала, а Жачев был доволен, что он бережет [будущего] и греет не [какую-то] задумчивую* идею, которую забывает во сне, а [настоящего будущего] будущего, неизвестного человека, дышавшего вблизи него.

– А где Вощев? – спросил Чиклин, наклонившись к уроду* от шума безмолвно пляшущего колхоза.

– Спит, должно, где-нибудь, – сказал Жачев. – Такая сволочь скоро издохнет.

– Нет, ему [не] давно не спится, – произнес Чиклин.

– Знает, что [зря] живет зря, вот и не спит, – объяснил инвалид.

Полночь, наверно, была уже близка; луна высоко находилась над п.м. ② [миром] плетнями[.] и над [ст] [ветхой] [покойной] [старой] [старой]

Записи на полях листа 184:

① точнее определить (помета к подчеркнутому в тексте: ...какую-то...)

② Заменить эпит. <ет>

[стар] смирной старческой* деревней, и мертвые лопухи блестели, покрытые мелким, смерзшимся снегом. Одна заблудившаяся муха попробовала было сесть на ледяной лопух, но сразу || оторвалась и полетела [вверх], зажужжав в высоте лунного [зимнего] света, как жаворонок под солнцем. 185

Колхоз, не прекращая топчущейся, [грузной] тяжелой пляски, тоже [вдруг] постепенно* запел слабым голосом. Слов в этой песне понять было нельзя, но все-же [слышал] в них [слышалась жалобная радость] слышалось жалобное счастье[,] и [напев [бредущего] человека [на неизвестную родину], добредшего] напев бредущего человека. [Чиклин послушал]

– Жачев! – сказал Чиклин. – Ступай прекрати движенье – [завтра] [иль они мертвые на ногах!] умерли они, чтоль <sic>, от радости: пляшут и пляшут.

Жачев [снес Настю в Оргдом и] уполз с Настей в Оргдом и, устроив ее там лежать, выбрался обратно.

[– Достаточно]

– Эй, организованные, достаточно вам [плясать] танцевать: обрадовались, сволочи!

Но [колхоз] увлеченный колхоз не принял жачевского слова, и веско топтался, покрывая себя песней.

– Заработать от меня захотели? Сейчас получите!

Жачев сполз с крыльца, внедрился [в] среди суетящихся ног и начал спроста брать людей за [ноги] нижние концы и опрокидывать [их [на землю]] для отдыха на землю. Люди валились, как [невесомые] порожние штаны, – Жачев даже сожалел, что [ударить] они, наверно, [боли [от], стержцы, не чувствуют] [его рук не чувствуют] не чувствуют его рук, – и враз замолкали [во] [в забвении].

Уложив весь колхоз спать, Жачев проследил еще, чтоб никто не двигался более, а одному колебнувшемуся сделал для успокоения удар в голову окамелком <sic> ноги, отчего колебнувшийся уснул. Лошади, видя такое, стали пятиться с Оргдвора, а на улице бросились вскачь в [свое общее] свою общую загородку.

– Где-ж Воцев? – беспокоился Чиклин. – Чего он ищет вдалеке, [когда партия] мелкий пролетарий? ||

Не дождавшись Воцева, [Жачев по] Чиклин пошел его искать после 186 полуночи. Он миновал всю пустынную улицу деревни до самого конца – и нигде не было заметно человека, лишь медведь храпел в кузне [от дневного труда] [на всю лунную окрест] на всю лунную окрестность* да [кузнец покашливал] [оттуда-же] изредка покашливал кузнец.

Тихо было кругом и прекрасно. Чиклин остановился в [недоумении] недоуменном помышлении. [Покорно] Попрежнему покорно храпел медведь, [<нрзб>] собирая силы для завтрашней работы и для нового чувства жизни. Он [завтра] больше не увидит мучившего его кулачества и обрадуется своему существованью[, которое [поддерживает] [поддерживают] теперь стало важным [и человеческим] для ближних и далеких людей. Молотобоец зарычал во сне от неизвестного

п.м. *воспоминанья и [перешел на неслышное] [за] [затих] перешел на медленные вздохи. Наверно*. Теперь<, > наверно<, > молотобоец будет бить по подковам и шинному железу с еще большим сердечным усердием, раз есть на свете неведомая сила, которая оставила в деревне только тех [лю] средних людей, какие ему нравятся, какие молча [делают полезное вещество] [чувствуют и действуют для полезного вещества] делают полезное вещество[, поручив] и чувствуют частичное счастье[, поручив весь смысл жизни хранить]; весь-же [нер] [кр] точный смысл жизни [должен] и всемирное [счастье] круглое счастье должен томиться в груди [творящего] роющего землю пролетарского класса, [и це] чтобы сердце молотобойца и Чиклина лишь надеялось и дышало, [а не покрывалось] [а руки] [а их тоскующие руки] чтоб [рука] их [трудящиеся руки были верны и терпеливы] трудящаяся рука была верна и терпелива.

Чиклин в заботе закрыл чьи-то распахнутые ворота, [уперся] [поднял] потом осмотрел уличный порядок – цело ли все – и, заметив пропадающий на дороге армяк, поднял его и снес [его] в сени [близ] ближней избы: пусть [хранится] хранится для трудового блага. ||

[Согнувшись] Склонившись корпусом от доверчивой надежды, 187 [от сердечного покоя [[всеобщей правильности] за изготовление жизни,] всеобщей правильности в жизни,] Чиклин пошел [на гумно] по дворовым задам – смотреть Вощева[.] дальше. Он перелезал через плетневые устройства, [двигался] проходил мимо глиняных стен жилищ, укреплял накренившиеся колья[, обходил] и постоянно видел, как от тощих загоронок сразу начиналась бесконечная порожняя зима. Настя смело может застынуть в таком чужом мире, [– ведь он стоит] потому что земля состоит не для ябнущего детства, – только медведь мог вытерпеть [в нем] здесь свою жизнь, и то поседел от угнетения. “Я еще не рожался, а ты уж лежала, бедная неподвижная моя!” – сказал вблизи голос Вощева, человека. – “Значит, ты [знаешь что-то] давно терпишь: иди греться!”

Чиклин повернул голову вкось и заметил, что Вошев [стоит] нагнулся за деревом и кладет что-то в мешок, который был уже полон. – Ты чего, Вошев?

– Так, – сказал тот, и [, завязав] [завязал], завязав мешку [<вар.: п.м. ① меш>ок за] горло, положил [его] себе [за] на спину этот груз.

[Вдвоем они] Они пошли вдвоем [на] ночевать на Оргдвор. Луна склонилась уже далеко ниже, деревня стояла в черных тенях, все глухо смолкло, лишь одна сгустившаяся от холода река шевелилась в [овражных] обжитых сельских* берегах.

Колхоз [непокомибо] непоколебимо спал на Оргдворе; [лю] члены как [легли] свалились, уложенные Жачевым, так и находились без удобства. [На лице] Лицо Елисея попрежнему было покрыто шапкой

Запись на полях листа 186: Пруш. <евский>

Пометы и записи на полях листа 187:

① граммат. <ика>

п.м.^② Жачева, и сам Жачев забыл про этот убор.¹ В Оргдоме горел огонь безопасности, – [один] одна лампа на всю потухшую деревню; у лампы сидел активист за умственным трудом, он || чертил графы ведомости, куда хотел занести все данные [колхозного] бедняцко-средняцкого <sic> благоустройства, чтоб уж была вечная, формальная картина и опыт, как основа. 188

– Запиши и мое добро! – попросил Вошев, распаковывая мешок.

Он собрал по деревне все [*предметы*] нищие, отвергнутые предметы, всю мелочь безвестности [<, > все -----] и всякое беспамятство* – для социалистического отмщения. [Эту истерящуюся мелочь некогда создал батрацкий, кровный труд] [Эт<ой>истершейся [мелочью, прилежавшей к плоти]<, > прилежавшей к плоти мелочью некогда пользовался батрацкий, кровный труд] Эта истерящаяся [прилегая] терпеливая ветхость некогда касалась батрацкой, кровной плоти*, в [ней] этих вещах запечатлена навеки тяжесть согбенной жизни, [уничтоженной] истраченной без [собственного] сознательного смысла, [уничтоженной] и погибшей без славы где-нибудь под соломенной рожью земли. Вошев, не полностью соображая, [с бережностью] со скупостью скопил в мешок вещественные остатки потерянных людей, [про] живших<, > подобно ему<, > без истины[,] и которые скончались ранее победного конца. Сейчас он предъявлял тех [угнетенных] ликвидированных тружеников [власти] [пред] [лицу] к лицу власти и будущего*, чтобы [пу] посредством организации вечного смысла людей добиться отмщения – за тех, что тихо лежат в [глубине] земной глубине.

Активист стал записывать прибывшие с Вошевым [вещи] вещи, организовав [боко] особую боковую графу, под названием “перечень [ликвид] ликвидированного на-смерть <sic> кулаком как классом [и умершего от того] пролетариата, согласно имущественно-выморочного остатка”. Вместо людей, активист записывал признаки существования: лапоть прошедшего века, оловянную серьгу [из] от пастушьего уха, штанину из рядна и разное другое снаряжение трудящегося, но неимущего тела.

К тому времени Жачев, спавший с Настей на полу, сумел нечаянно разбудить девочку.

– [О] Отверни рот: ты зубы, дурак, не чистишь, – сказала Настя загородившему ее от дверного холода инвалиду: – итак <sic> у тебя буржуи ноги [оторвали] отрезали, [зубы теперь береги] ты хочешь<, > чтоб и зубы [пропали] попадали? ||

Жачев [сейчас-же] с испугом закрыл рот и начал [гон] гонять 189 воздух носом. Девочка потянулась, оправила теплый платок на голове, в котором она спала, но заснуть не могла[:], потому что разгулялась.

– Это утильсырье принесли? – спросила она про мешок Вошева.

Пометы и записи на полях листа 187 (продолжение):

^② огонь безопасн.<сти>

¹ Ср. лист 184: Чиклин покрыл ему своей шапкой глаза... (Исправлено уже в машинописи.)

– Нет, – сказал Чиклин, – это тебе игрушки [искали. Вставай выбирать.] собрали. Вставай выбирать.*

Настя встала [на ноги] в **СВОЙ** рост, потопталась для развития, и, [раздвинув ноги] опустившись на место, [раздвинула ноги и] обхватила [ими] раздвинутыми ногами [кучу] зарегистрированную кучу предметов. Чиклин составил ей [лап] лампу со стола на пол, чтоб [ей] девочка лучше видела то, что ей [понтр] понравиться <sic>, – активист-же и в темноте писал без ошибки.

Через некоторое время активист спустил на пол ведомость, дабы ребенок пометил, что [он] он получил сполна все нажитое имущество безродно умерших батраков и будет пользоваться им впрок. Настя медленно нарисовала на бумаге серп и молот и отдала ведомость назад.

[– П]

Чиклин [хо] снял с себя [стеганый ватник] стеганую ватную кофту, разулся и ходил [в чулках] по полу в чулках, довольный и мирный, [что [организуется колхозное] организовалось колхозное братство

n.m.^① трудящихся, что партия знает [на свете]¹ всю истину [жизни] на свете, а массы [ее] [ее знать не могут, но зато] чувствуют счастье жизни[, и все теперь берется на].] [что партия, наверное, знает всю истину на свете, раз] [что некому теперь] [что [Настя]] что некому теперь отнять у Насти ее долю жизни на свете, что течение рек идет лишь в пучины морские и уплывшие на плоту не вернутся мучить
n.m.^② молотобойца – Михаила; те-же безымянные люди, от которых || остались только лапты и оловянные серьги, не [могут] должны вечно [ле] [пропадать] тосковать в земле, но и подняться они не могут.

190

– Прушевский[.]! – обратился Чиклин.

– Я, – ответил инженер; он сидел в углу, опершись туда спиной, и равнодушно дремал. Сестра ему давно ничего не писала, – если она умерла, то он решил уехать стряпать пищу на ее детей, чтобы истомить себя до потери души и скончаться когда-нибудь старым, [несчастливым] привыкшим [бесчувственно] нечувствительно жить человеком, [чтоб за гробом шел лишь один] [за гробом которого никто не идет, а у могилы] – это одинаково, что умереть теперь, но еще грустнее; он может [тогда] [тогда], если поедет жить за сестру, дольше и печальней помнить ту прошедшую в его [юности] молодости девушку, сейчас уже едва-ли [живущую] существующую. Прушевский хотел[, чтобы], чтобы еще немного [побыл] побыла на свете, [в его чув] хотя-бы в одном его тайном чувстве, [погибший] [незамеченная] [взволнованное] взволнованная юная женщина, – забытая всеми, если погибла, стряпающая [детя] детям щи, если жива.

– Прушевский! [Сумеет] Сумеют или нет [научное] успехи высшей науки воскресить назад [зарыт] сопревших людей?

Записи на полях листа 189:

① Пр. <ушевский>

② Пр. <ушевский>

¹ Отмеченный здесь первоначальный вариант вставки в рукописи не вычеркнут, так как был снят весь этот, оставшийся незаконченным, фрагмент.

– Нет, – сказал Прушевский.

[– В] [– Бреше]

– Врешь, – упрекнул Жачев, не открывая глаз. – Марксизм все сумеет. Отчего-ж тогда Ленин в Москве целым лежит? Он науку ждет – воскреснуть хочет!

– Пускай, – сказала Настя. – [Все равно] Он встанет и будет жить старичком: Сталин ведь прогнал всех буржуев, Ленину теперь хорошо!

[– Ну] – А я б и Ленину нашел работу, – сообщил Жачев. – Я-б ему указал, кто еще добавочно получить должен кое-что! Я почему-то <,> такое <,> любую стерву с самого начала вижу! ||

– Ты дурак потому что, – объяснила Настя, копаясь в батрацких остатках. – Ты только [думаешь] [смотришь] видишь, а надо трудиться. Правда ведь, дядя Воцев? 191

Воцев [покрылся] уже успел покрыться пустым мешком и лежал, [думая] [желая думать про вечную свою идею; но без [смысла] ясного смысла [жизни] ему не хватало в голове силы для правильного мышления, и он ожидал [каждое] время, когда у него остановится сердце от отсутствия чувства истины; сердце-же билось, как бестолковое, натягивая] прислушиваясь к биению своего бестолкового сердца, которое тянуло все его тело в какую-то нежелательную даль жизни.

[– Воцев! – произнес Чиклин. – А ты что горюешь: помирать собрался?

– Помирать, – сказал Воцев.

–]

p.m. ① – Неизвестно, – ответил Воцев Насте. – Трудись и трудись, а когда дотрудишься до конца, когда узнаешь все, то уморишься и помрешь. Не расти, девочка, – затоскуешь!

[– У] Настя осталась недовольна.

p.m. ② – Умирать должны одни кулаки, а ты [тоже] – дурак. [Чиклин, посторожи] [Воцев, сто] Жачев, сторожи меня опять, я спать захотела.

– Иди, девочка, – отозвался Жачев. – Иди ко мне от подкулачника: он заработать захотел – завтра получит!

p.m. ③ [Один активист, ничего не произнося]

Все смолкли, в терпении продолжая ночь, лишь активист немолчно писал, и достижения все-более <sic> расстилались перед его сознательным умом, так что он уже полагал про себя: “ущерб приносишь Союзу, пассивный дьявол, – мог-бы [у] [весь район [наладить] [двинуться <sic> вперед] стравить] весь район стравить на коллективизацию, а ты в [колхозе] одном колхозе горюешь¹; пора уж целыми эшелонами население в социализм отправлять, а ты все узкими масштабами стараешься. Эх – горе!”

[В дверь постучала]

Записи на полях листа 191:

① мать

② мед. <ведь> работ. <ает>

③ немолчно писал

¹ Слово подчеркнуто и отмечено на полях вопросительным знаком. Позже пометы были вычеркнуты.

Из лунной чистой тишины в дверь постучала чья-то негромкая рука, и в звуках [еe] той руки был еще слышен страх-пережиток.

– Входи: заседания нету, – сказал активист. ||

– Да то-то, – ответил оттуда человек, не входя. – А я думал<, > вы думаете. 192

– Входи, не раздражай меня, – [воскликнул] [сообщил] промолвил Жачев.

Вошел Елисей; [гл] он уже выспался на земле, потому что глаза его потемнели от внутренней крови, и окреп [после изжит] от привычки быть организованным*.

– Там медведь стучит в кузне и песню [во] рычит – весь колхоз [вер] глаза открыл: нам без тебя жутко [одним] находится! стало!

– Надо пойти справиться, – решил активист.

[– Сиди записывай]

– Я сам схожу, – определил Чиклин. – Сиди записывай получше: твое дело <–> ум.

– Это – пока я дурак! – предупредил активиста Жачев. – Но скоро мы всех разактивим: дай только массам [задуматься] измучиться, дай детям подрасти!

Чиклин пошел в кузню. [Глубока] Велика и прохладна была ночь над ним, бескорыстно светили звезды над снежной чистотой земли и широко раздавались удары молотобойца, точно медведь застыдилась спать под [следящими] этими ожидающими звездами и отвечал им, чем мог. “Медведь – правильный [пролер] пролетарский старик”, – мысленно уважал Чиклин. [<Z> В открыт] Далее молотобоец удовлетворенно и протяжно начал рычать, сообщая вслух какую-то счастливую песню.

Кузница была открыта в лунную ночь, на всю земную светлую поверхность; в горне горел дующий огонь, который поддерживал сам кузнец, лежа на земле и потягивая веревку мехов. А молотобоец [ковал горячее шинное железо], вполне довольный, ковал горячее шинное железо и пел [пастью] песню пастью.

– Ну никак заснуть не дает, – [по] пожаловался кузнец. – Встал, разревелся, я [уж знаю] ему горно зажег, а он и пошел бузовать... Всегда был [спокоен] покоен, а нынче || как с ума сошел! 193

– Отчего-ж такое? – спросил Чиклин.

– Кто его знает. Вчера [ка] вернулся с раскулачки, так все топтался и по-хорошему бурчал. Угодили, стало быть, ему. А тут еще приходил один подактивный – взял и материю пришил на плетень. Вот Михаил глядит все туда и соображает чего-то. Кулаков, дескать, нету, а красный лозунг от этого висит. Вижу<, > [что-то] входит что-то в его ум и там останавливается... [А ночью вскочил и пошел втыкать – теперь уж он]

– Ну, ты спи, а я подую, – сказал Чиклин. Взяв веревку, он стал качать воздух в горн, чтоб медведь готовил шины на колеса для колхозной езды.

Поближе к утренней заре гостевые вчерашние мужики стали расходиться [*по окрестности*] в окрестность. Колхозу-же некуда было уйти<,> и он, поднявшись с Оргдвора, начал двигаться к кузне, откуда слышалась работа молотобойца. Прушевский и Вошев так-же явились со всеми совместно и глядели<,> как Чиклин помогает медведю. Около кузны висел на плетне возглас, нарисованный [*на*] по флагу: “За партию, за [*близкое счастье*] верность ей, за ударный труд, пробивающий пролетариату двери в будущее[!]”

Уставая, молотобоец выходил наружу и ел снег для своего охлаждения, а потом опять [*часто*] всаживал молот в мякоть железа, все более увеличивая частоту ударов[, *расходу*]; петь молотобоец [*вов*] уже вовсе перестал – всю свою яростную безмолвную радость он расходовал в усердие труда, а колхозные [*члены*] мужики постепенно сочувствовали ему и [*кря*] коллективно крякали[, *чтоб было прочней [, во время] и надежней,*] во время звука кувалды, чтоб шины были прочней и надежней. Елисей, когда присмотрелся, то дал молотобойцу совет: ||

– Ты, Мишь <*sic*>, бей с отжошкой, тогда шина [*жестка*] хрустка 194 не будет и не лопнет. А ты лупишь по железу, как по стерве, [-] а оно ведь тоже добро! Так – не дело!

Но медведь открыл на Елисея рот<,> и Елисей отошел прочь, тоскуя о железе. [*Z*>-] Однако и другие мужики тоже не могли более терпеть порчи:

– Слабже бей, чорт! – загудели они [*все враз*]. – Не гадь всеобщего: теперь имущество что сирота, [*жалеть*] пожалеть некому... Да тише ты, домовой!

– Что ты так содишь по железу?! Что оно – единоличное<,> что-ль?

– Выйди остынь, дьявол! Уморись, идол шерстяной!

– Вычеркнуть его надо из колхоза, и боле ничего. Аль нам убытки терпеть[.]: на самóм-то деле!

Но Чиклин дул воздух в горно, а молотобоец старался поспеть за огнем и [*враз*] крушил железо, как врага жизни, будто, если нет кулачества, так медведь один есть на свете.

– Ведь это-же горе! – вздыхали члены колхоза.

– Вот грех-то: все теперь лопнет! Все железо в скважинах будет!

– Наказание господне... А тронуть его нельзя – скажут, бедняк, пролетариат, индустриализация!..

– Это ничего. Вот если кадр<,> скажут<,> – тогда нам за него плохо будет.

– Кадр – пустяк. [*Инструктор*] Вот если инструктор придет, либо сам товарищ Пашкин – [*вот жара будет*] тогда нам будет жара!

– А может<,> ничего не станет? Может – бить?

– Что ты, осатанел<,> что-ль? Он – союзный: наемни || товарищ Пашкин специально приезжал [– у него батраков нехватка, так] [, – он и так о батраках скучает] [: все по батракам скучает] – ему ведь тоже скучно без батраков.

А Елисей говорил меньше, но* горевал почти что [более] больше* всех. Он и двор-то когда имел, так ночей не спал – все следил, как-бы [лошадь] что не погигло, как-бы лошадь не опилась – не обтелась, да корова чтоб настроение имела, а теперь, когда весь колхоз, весь здешний мир отдан его заботе, потому что [другие] на других надеяться он опасался, теперь у него уже загодя болел живот от страха такого имущества.

– Все усохнем! – произнес молча проживший всю революцию середняк. – Раньше за свое семейство боялся, а теперь каждого береги – это нас понос замучает за [одно] такое иждивение.

[Чиклин кончил дуть воздух и вышел к народу.]

[Воцеву становилось стыдно покойно быть в стороне, когда зверь так трудится, словно чувствует правду вблизи.]

Воцеву грустно стало, что зверь так трудится, [словно] будто чувствует [правду] смысл жизни вблизи, а он стоит [е] на покое и не пробивается в [будущее;] дверь будущего: может быть<,> там, действительно, чтонибудь <sic> есть. Чиклин к [тому] этому времени уже кончил дуть воздух и занялся с медведем готовить бороньи зубья. Не сознавая ни наблюдающего народа, ни всего кругозора, двое мастеровых [работали] неустанно работали по чувству совести, как и быть должно. Молотобоец ковал зубья, а Чиклин их закаливал, но в точности не знал времени, сколько нужно держать [гор] в воде зубья без перекалки.

– А если зуб на камень наскочит?! – стеная, || произнес Елисей. – 196 Если он на твердь какую-либо заедет – ведь пополам зубок будет!

– Вынай, дьявол, железку из жидкого! – воскликнул колхоз. – Не мучай матерьял!

Чиклин вынул было из воды перетомленный металл, но Елисей [бросился в кузню] уже лично вошел в кузню, отобрал у Чиклина клещи и начал [кали] закаливать зубья [без] своими обоими <sic> руками. Другие организованные мужики так-же бросились внутрь предприятия и с облегченной душой стали [тщательно] трудиться над железными предметами – с [такой тщательностью, [будто труд происходил над драгоцен] когда] тою тщательной жадностью, когда прок более необходим, чем ущерб. “Эту кузню надо [не забыть] запомнить побелить”, – [дума] спокойно думал Елисей за трудом. – “А то стоит вся черная – разве это хозяйское заведение?”

– Дайте я буду веревку все время дергать, – попросил Воцев у Елисея. – [Воздух в горно тих] У вас воздух в горно тихо идет.

– Ну, дергай, – согласился Елисей. – Только не шибко – веревка теперь дорога, [меха] а к новым мехам тоже с [колхозным] колхозной [сумок] сумкой не подойдешь!

– Я буду потихоньку, – сказал Воцев[– Может быть, горе есть, а [наделаем] наде], и стал тянуть и отпускать веревку, забываясь в терпении <sic> труда.

п.м.

[*]

Приходило утро зимнего дня. [*Свежий*] Обычный<,> и обычный свет [*нового дня*] сплошь распространялся по всему району. [O] Лампа-же все еще горела в [Оргдоме] Оргдворе, пока Елисей не заметил [*ее огня, и тогда пошел туда и потушил, чтоб*] || этого лишнего огня. Заметив-же, он сходил туда и потушил лампу, чтоб керосин был цел. 197

[*Прушевский*]

Уже проснулись девушки и [*женщины*] подростки, спавшие дотеле в избах; они в общем равнодушно относились к тревоге отцов, им было неинтересно их мученье [*и*] [] и они жили, [*как чужие в деревне*] как чужие в деревне, словно томились любовью к чему-то дальнему. Домашнюю нужду они переносили без внимания, живя за счет [*счастливого чувства*] своего чувства [*безо*] еще безответного счастья, но которое все равно должно случиться. Почти все девушки и все растущее поколение с утра [*уходило*] уходило в избу-читальню и там оставались [*весь день*], не евши, весь день, учась письму и чтению, счету чисел, привыкая к дружбе и что-то воображая в ожидании. Прушевский один остался в стороне, когда колхоз ухватился за кузню, и все время неподвижно [*находился*] был у плетня. Он не знал, зачем его прислали в эту деревню, как ему жить забытым среди массы, – и решил точно назначить день окончания своего пребывания на земле; вынув книжку, он записал в нее поздний вечерний час [*глухого [осеннего]*] **глухого зимнего*** дня: пусть все улягутся спать, [*земля*] окоченелая земля смолкнет от шума всякого строительства<,> и он [*ляжет [на]*], где бы ни находился, ляжет вверх лицом и перестанет дышать. Ведь никакое сооружение, никакое довольство, ни милый друг, ни завоеванье звезд – не превозмогут его душевного оскудения, он все равно будет сознать тщетность дружбы, основанной [*на*] не на превосходстве и не на телесной любви, и скуку самых далеких звезд, где в недрах те же медные руды и нужен будет тот-же ВСНХ. Прушевскому казалось, что все чувства || его, все влечения и давняя тоска встретились в рассудке [*и*]

п.м.①

и [*осознали*] сознали самих себя до самого источника происхождения, [–] до [*смертельной тщетности*] смертельного уничтожения наивности всякой надежды*. Но [*происхождение*] происхождение чувств оставалось волнующим местом жизни; умерев, можно навсегда [*утр*] утратить [*эту*] этот единственно счастливый, истинный район [*жизни*] существованья, не войдя в него. Что-же делать, боже мой, если нет тех самозабвенных впечатлений, откуда [*встает*] волнуется жизнь и, вставая, протягивает [*в надежде*] руки вперед[?] [*в*] к своей надежде? 198

Прушевский закрыл лицо руками в колхозе. Пусть разум есть синтез всех чувств, где смиряются и утихают все [*потоки [реки]*] потоки тревожных движений, но откуда [*тр*] тревога и движенье[*, что*]?

Помета на полях листа 196: Z (знак абзаца, намечавший изменение в характере компоновки фрагмента, первоначально разделенного звездочкой.)

Запись на полях листа 197: <Нрзб>

Запись на полях листа 198:

① <2(?) слова нрзб> см. <отри>

п.м.® [“Я не знаю”, – прошептал Прушевский. – “Я только знаю, что [ст] [чувство] страсть] Он [не] этого не знал, он только знал, что страсть рассудка есть влечение к смерти, это единственное его чувство; и тогда [я] он, может быть, [замкну] замкнет кольцо – [я [погибну] возвращусь] он возвратится к происхождению чувств[. “<Z> – Товарищ!], к вечернему летнему дню [моего] своего неповторившегося свиданья. [”]

– Товарищ! Это ты [при] пришел к нам на культурную революцию?

Прушевский опустил руки от глаз. Стороною шли девушки и юношество в избу-читальню. Одна девушка стояла перед ним – в валенках и в бедном платке на доверчивой голове; глаза ее [были] смотрели на инженера [почти с любовью] с удивленной любовью, потому что ей [были непонятны] была непонятна [еще] сила знания, [скрытые] скрытая в этом человеке; она бы согласилась [вер] преданно и вечно любить его, седого и незнакомого, согласилась-бы рожать от него, **ежедневно мучить свое тело**, лишь бы он [показал ей] научил ее знать весь мир и участвовать в нем. Ничто ей была || молодость, ничто свое счастье, – она чувствовала вблизи несущееся, горячее движение, у нее поднималось сердце от ветра всеобщей стремящейся жизни, но она не могла выговорить слов своей радости, и теперь стояла просила <sic> научить ее этим словам, этому умению [знать] [иметь] чувствовать в голове весь свет, чтобы помогать ему светиться¹. [Она еще] Девушка еще не знала, пойдет-ли с нею ученый человек<,> и неопределенно [стояла] смотрела, готовая опять учиться с активистом.

199

– Я сейчас пойду с вами, – [сказала] сказал Прушевский.

Девушка хотела обрадоваться и вскрикнуть, но не стала, чтобы Прушевский не обиделся.

– Идемте, – произнес Прушевский.

Девушка пошла вперед, указывая дорогу инженеру, хотя заблудиться было невозможно; однако она [хотела] желала быть благодарной, но не имела [больше] ничего для подарка следующему за ней человеку.

разрыв 5-6 стр.

[*]

разрыв 5-6 строк

[Колхозники] Члены колхоза сожгли весь уголь в кузне, истратили все наличное железо на полезные изделия, починили всякий [инв] мертвый инвентарь и с тоскою, [что труд кончился [вышли из заведения]] что кончился труд[,] и как бы теперь колхоз не пошел в убыток, оставили заведение. [Медведь] Молотобоец утомился еще раньше – он вылез недавно поесть снегу от жажды<,> и, пока снег таял у него во рту, [он] медведь задремал и свалился всем туловищем вниз, на покой.

Записи на полях листа 198 (продолжение):

® в 3-м лице

¹ Это слово подчеркнуто и помечено вопросительным знаком на полях. Позже эти пометы были вычеркнуты.

п.м. Вышедши наружу, колхоз сел очередь у плетня и стал сидеть, озирая всю деревню, [*нрзб*] снег-же таял под неподвижными мужиками. Прекратив трудиться, Вошев || [*от*] опять вдруг задумался [*и стоял*] 200 на одном месте.

[– *Очнись!* – сказал ему Чиклин. – *Ляжь рядом с Михаилом*]

– *Очнись!* – сказал ему Чиклин. – [*Ты ведь хуже молотобойца*]

Ляжь с медведем и забудься.

– [*Голова*] Истина, товарищ Чиклин, забыться не может...

Чиклин обхватил Вошева поперек и сложил его к спящему молотобойцу.

– Лежи молча, – сказал он над ним. – Медведь дышит, а ты не можешь! [*Медведь*] Пролетариат терпит, а ты боишься! Ишь ты, сволочь какая!

Вошев приник к молотобойцу, согрелся и заснул. “Или я хуже рабочего зверя, что он живет и чувствует, а я [*ничего не сознаю*] мучаюсь”, – подумал Вошев [*перед*] накануне сна. – “Отчего я забыл смысл, ведь я его<, > кажется <,> знал?”

[*По улице*] На улицу вскочил <sic> всадник из района на трепещущем [*коне*] коне.

– Где актив? – крикнул он сидящему колхозу, не теряя скорости.

– Скачи прямо[, *ни направо*]! – сообщил путь колхоз. – Только не сворачивай ни направо, ни налево!

– Не буду! – закричал всадник, уже отдалившись, и только сумка с директивами билась на его бедре.

Через несколько минут тот-же [*всадник*] конный человек пронесся обратно, размахивая в воздухе сдаточной книгой, чтоб [*вы*] ветер [*высушил*] сушил чернила активистской расписки. [*Сытая лошадь метала снег позади*] Сытая лошадь [*метала снег и рвала почву из недр на ходу и*], разметав снег и вырвав почву на ходу, срочно скрылась вдалеке.

– Какую [*лош*] лошадь портит, бюрократ! – [*подумал*] думал колхоз. – Прямо скучно [*смотреть*] глядеть. ||

Чиклин[, *взяв*] взял в кузнице железный прут[,] и понес его ребенку 201 в виде игрушки. Он любил ей молча приносить [*иногда*] разные предметы, чтобы девочка безмолвно понимала его радость к ней.

Жачев уже давно проснулся. Настя же, приоткрыв утомленный рот, невольно и грустно продолжала спать. Чиклин внимательно всмотрелся в ребенка – не поврежден ли он в чем со вчерашнего дня, цело ли полностью его тело; но ребенок был весь исправен, только лицо его горело от внутренних младенческих сил. Слеза активиста капнула на директиву, – Чиклин сейчас-же обратил на это внимание. [*Со вч*] Как и вчера вечером, руководящий человек неподвижно сидел за столом. [*Свод*] Он [*о*] с удовлетворением отправил через районного всадника законченную [*за ночь*] ведомость ликвидации классового врага, и в ней-же подбил все успехи деятельности; но вот спустилась свежая директива, подписанная почему-то [*округом*] областью, через [*голову*] обе головы – района и округа, и в лежащей директиве [*стихийно-сознательное*,

Запись справа на полях листа 199: *Директ. <ива> / Всадн. <ик>*

по мнению активиста, колхозное стремление] отмечались [факты] маложелательные явления перегибщины, забеговщества, переусердщины и всякого сползания по правому и левому откосу с [<нрзб>] отточенной остроты [ли] [ли] четкой линии; кроме того<,> [указывалось] назначалось [прояв] обнаружить выпуклую бдительность актива в сторону среднего мужика: раз он попер в колхозы, то не [есть-ли] является ли этот генеральный факт [таи] [таинственный умысел] таинственным умыслом, исполняемым на <sic> [науш] наушению подкулацких масс, – дескать, войдем в колхозы всей [бушу] бушующей пучиной, [пускай] и размоет берега руководства, – на нас, мол, тогда власти не хватит, она [уморется] уморится.

“По [последней] последним [документам] [сводкам] матерьялам, имеющимся в руке || областного комитета, – значилось в конце директивы, – [нам] видно, например, что актив колхоза имени Генеральной Линии уже забежал в левацкое болото правого оппортунизма. Организатор местного колактива¹ спрашивает вышенаходящуюся [орга] организацию: есть-ли что после колхоза и коммуны [бол] более высшее и более светлое, дабы немедленно двинуть туда местные бедняцко-средняцкие массы, неудержимо рвущиеся в даль истории, [на вершину горы, откуда откроется голубое небо вечногo братства] на вершину всемирных невидимых времен. Этот товарищ просит ему прислать примерный устав [этой] такой организации, а заодно бланки, ручку с пером и [чернилами] два литра чернил. Он не понимает, насколько он тут спекулирует на искреннем, в основном, здоровом средняцком чувстве тяги в колхозы. [Такой] Нельзя не согласиться, что такой товарищ есть вредитель партии, объективный враг пролетариата и должен быть немедленно [изъя] изъят из руководства навсегда”.

Здесь [активист] у активиста [вздригнуло] дрогнуло ослабшее сердце<,> и он заплакал на областную бумагу.

– Что ты, стервец? – спросил его Жачев. [Н]

Но активист не ответил ему. Разве он видел радость в последнее время, разве он ел или спал вдосталь или любил [свою невесту] хоть одну [девицу] бедняцкую девицу? [Как] Он чувствовал себя как в бреду, его сердце еле билось от нагрузки, он лишь [снаружи старался орга] снаружи от себя старался организовать счастье и хотя бы в перспективе [до] заслужить районный пост.

p.m. – Отвечай, паразит, а то сейчас получишь! – снова проговорил Жачев. – Наверно<,> испортил, гад, нашу республику!

[Забрав] Сдернув со стола директиву, Жачев [лично изучил ее] начал лично изучать ее на полу.

[– Так и есть.]

– К маме хочу! – сказала Настя, пробуждаясь. ||

[– Что ты, девочка? –]

Чиклин нагнулся к заскучавшему ребенку [к].

Запись на полях листа 202: раньше активист

¹ Т.е. колхозного актива (каламбурное образование в соответствии с моделями советского словотворчества).

– Мама, девочка, умерла, – теперь я остался!

п.п. – А зачем ты меня носишь, [но] [четырь] где четыре времени года?
Попробуй, какой у меня страшный жар под кожей! [<2(?) слова нрзб>]
Сними с меня рубашку, [чтоб] а то сгорит,<> – выздоровлю <->
ходить [в] не в чем будет!

Чиклин попробовал Настю за все места тела, она была горячая, влажная, [худя] кости ее жалобно выступали изнутри[.]; насколько окружающий мир должен быть нежен и тих, чтоб она была [жива] жива!

– Накрой меня, я спать хочу. Буду ничего не помнить, а то болеть ведь грустно[! Правда?], – правда?

Чиклин [снял] снял с себя всю верхнюю одежду, кроме того [снял] [снял] отобрал ватные пиджаки [с] у Жачева и активиста и всем этим теплым веществом закутал Настю. Она закрыла глаза<,> и ей стало легко в тепле и во сне, будто она полетела [худя-то далеко, где ничего [нес] не слышно, где тело ее остыло в прохладном] среди прохладного воздуха. За текущее время Настя немного подросла и все более походила на мать. Девочка могла бы быть и дочерью Чиклина, мать ее даже хотела, чтоб было так, но все равно ребенок едва-ли был-бы лучше и разумней; зачал девочку,<> наверно<,> такой-же, как и Чиклин, мастеровой человек, стало-быть <sic>, плоть в ребенке из одного классового котла, [а кто [переживал [радость] ласку] [чувствовал ласку] если радовался] а если кто и радовался ласкам умершей женщины, то [это не дает] эти ласки не есть квалификация ребенку, это не человечество.

– Я так и знал, что он [парази] сволочь, сучья зажимка! – определил Жачев про активиста. – Ну что ты тут будешь делать с этим [социалистом] членом*?!

– А что там сообщено? – спросил Чиклин. ||

[– Кончать его придется <sic> [–]: враг партии! Такой у нас уж 204
не житель!]

– Пишут то, что с ними нельзя не согласиться!

п.п. – А ты попробуй не согласишься! – в слезах произнес активный человек.

– Эх, [мать твою в сычуг:] [ты не <sic> при чем] горе мне с революцией, – серьезно опечалился Жачев. – [Никак нету покоя от сознания, – где] Где же ты<,> самая пушкая стерва? – иди, дорогая, получить от увечного воина!

[Уж [не] ничто не прельщало теперь активиста – ни]

Почувствовав мысль и одиночество, не желая [тр] безответно тратить средств на государство и будущее поколение, активист снял с Насти свой пиджак: раз [он] его устраниют, пусть массы сами греются. [Без дальнейшего прельщения к жизни, в слезах и в полном сомнении, что капитализм<,> пожалуй<,> может еще явиться] И с пиджаком в руке он [стоял] стал посреди Оргдома – без дальнейшего прельщения к жизни, весь [в крупных текущих слезах] [покрытый крупными

Запись на полях листа 203: об одежке

Запись на полях листа 204: акт.<ивист> берет пидж.<ак> с Насти

текущими слезами] в крупных текущих слезах и в [полном] том сомнении души, что капитализм<, > пожалуй<, > может еще явиться.

– Ты зачем ребенка раскрыл? – спросил Чиклин. [*<Z>* – Да] – Остудить хочешь?

– Плешь с ним, с твоим ребенком! – сказал активист.

[– [Возьми] В]

Жачев поглядел на Чиклина и посоветывал <sic> ему:

– Возьми железку, какую из кузни принес!

– Что ты! – ответил Чиклин. – Я сроду не касался человека мертвым оружием: как-же я тогда [*сnp*] справедливость почувствую?

Далее Чиклин покойно дал активисту ручной удар в грудь, чтоб дети
n. m. могли еще уповать, а не зябнуть. Внутри || активиста раздался слабый 205
треск костей, и весь человек свалился на пол; Чиклин-же с удовлетворением посмотрел на него, будто только что принес [, *в виде опрокинутого*] необходимую пользу. Пиджак у активиста [*лежал в стороне* и] вырвался из рук и лежал отдельно, никого не покрывая.

– Накрой его! – сказал Чиклин Жачеву. – Пускай ему тепло станет.

Жачев сейчас-же одел активиста его собственным пиджаком и одновременно [о] пощупал человека – насколько он цел.

– Живой он? – спросил Чиклин.

– Так себе: средний, [*товарищ*] – радуясь всему факту, ответил Жачев. – [*Да это все равно, товарищ Чиклин: ты [сей] работаешь к*] Да это все равно, товарищ Чиклин: [*ты ведь не партия – ее дело лозунг, а твое – рука. А*] твоя рука работает<, > как партия, ты тут не <sic> при чем.

– А он горячего ребенка не раздевай! – с обидой сказал Чиклин. – Мог чаю скипятить и [*сго*] согреться.

В [*колхозе*] деревне поднялась снежная метель, хотя бури было неслышно <sic>. Открыв на [*по*] проверку окно, Жачев увидел, что это колхоз [*сме*] метет снег для гигиены; [*мужикам*] [*членам*] мужикам не [*нравился*] нравилось[, *что*] теперь, что снег засижен мухами, они хотели [*чисто*] более чистой зимы.

Отделавшись на Оргдворе, члены колхоза далее трудиться не стали, и поникли под навесом в недоумении своей дальнейшей жизни. Несмотря на то, что люди уже давно ничего не ели, их и сейчас не тянуло на пищу, потому что желудки были завалены мясным обилием еще [*в прошлые дни*] с прошлых дней*. Пользуясь || мирной грустью колхоза, а так-же 206
невидимостью актива, старичок кафельного завода и прочие неясные [*личности*] элементы, бывшие до того в заключении на Оргдворе, вышли из задних клетей и разных укрытых препятствий жизни и отправились в даль по своим насущным делам. [*На них никто*] [*Чтоб не дуло, Жачев затворил окно*]

Чиклин и Жачев прислонились к Насте с обоих боков, чтобы лучше ее беречь. От своего безвыходного тепла девочка стала вся смуглой и покорной, только ум ее печально думал.

– Я опять к маме хочу! – произнесла она, [*никого*] не открывая глаз.

Запись на верхних полях листа 205: *Выше: Воцев активиста знал раньше???*

– Нету твоей матери, – не радуясь, сказал Жачев. – От жизни все умирают – остаются одни кости.

– Хочу ее кости! – попросила Настя. – Ктой-то это плачет в колхозе?

[*Чи*] Чиклин [*чут*] готовно прислушался; но [*что-то было все*] все было* тихо кругом – никто не плакал, и не от чего было заплакать. День уже дошел до своей середины, высоко светило бледное солнце над округом, какие-то далекие массы двигались по горизонту на неизвестное межселенное собрание, – ничто не [*могло*] могло шуметь. Чиклин вышел на крыльцо. Тихое несознательное стенание [*где-то*] пронеслось в безмолвном колхозе, и затем повторилось. Звук начинался где-то [*далеко*] в стороне, обращаясь в глухое место, и не был рассчитан <sic> на жалобу.

– Это кто? – крикнул Чиклин с высоты крыльца во всю деревню, чтоб его услышал тот недовольный. ||

– Это [*моло*] [*медведь*] молотобоец скулит, – ответил колхоз 207 [*из под <sic>*], лежавший под навесом. – А ночью он песни рычал.

Действительно, [*медведь*] кроме медведя, заплакать сейчас было некому. Наверно, он уткнулся ртом в землю и [*выл*] выл печально в глушь почвы, не [*соображая*] [*говоря*] **соображая** своего горя.

– Там медведь о чем-то тоскует, – сказал Чиклин Насте, вернувшись в горницу.

– Позови его ко мне, я тоже тоскую, – [*сказала*] попросила* Настя. – Неси меня к маме, мне здесь очень жарко!

– Сейчас, Настя. Жачев, ползи за медведем. Все равно ему работать здесь нечего – матерьяла нету!

Но Жачев, только что исчезнув, уже вернулся назад: медведь сам шел на Оргдвор, совместно с Вошевым; при этом Вошев держал его, как слабого, за верхнюю лапу, а молотобоец [*шел*] двигался рядом с ним [*грустными шагами потому что он не знал, что ему делать дальше*] грустным шагом <sic>.

Войдя в Оргдм, молотобоец обнюхал лежащего активиста и сел равнодушно в углу.

– Взял его в свидетели, что истины нет, – произнес Вошев. – [*Сначала*] [*Лежал со мной*] Он ведь только работать может, а как отдохнет, задумается, так [*выть*] скучать начинает. Пусть существует теперь как предмет – на вечную память социализму, – я всех угощу!

– Угощай грядущую сволочь, – согласился Жачев[/. – **Соберай**], — **береги для нее погибший продукт**]. — **Береги для нее жалкий продукт!***

[*Согнувшись*] Наклонившись, Вошев стал собирать вынутые Настей [*вещи*] ветхие вещи, необходимые для будущего отмщения, в свой мешок. [*Девочка открыла*] Чиклин поднял Настю на руки, и она [*глядела*] открыла [*свои*] [*свои*] [*н*] свои [*высохшие*] **высохшие**, как [*пальцы*] [*поздние*] **опавшие** листья, смолкшие[.] глаза. Через окно девочка засмотрелась на [*колхоз*] близко [*сплоченных*] **приникших друг к другу** колхозных мужиков, [*прислонившихся*] || **друг к другу** залегших под навесом в терпеливом [*забытьи*] забвении. 208

п.м. ①

Записи на полях листа 208:

① *Вначале сказ.<ать>, почему Вош.<ев> потер.<ял> см.<ысл> ж.<изни> / Увидя вредит. <I сокращ. слово нрзб> ?*

п.м.② – Вошев, [– *обратилась Настя*] а медведя ты тоже в утильсырьё
п.м.③ понесешь? – озаботилась Настя.

– А то куда-же? Я [в] прах и то берегу, а тут ведь бедное существо[?!]

– А их? – Настя [*показала рукой*] протянула [*тонкую как овечья*] свою тонкую, как овечья ножка,* занемогшую руку к [*сидя*] лежащему на дворе колхозу.

Вошев хозяйственно поглядел на дворовое место и, отвернувшись оттуда, еще более поник своею скучающей по истине головою. [*Вскоре он коснулся [нечаянно] замершего на полу активиста [и склонился над]; сначала Вошев отошел от него*]

Активист попрежнему неподвижно молчал на полу[; *лицу*], [*пока [его] к нему не [при] прикоснулся в св [пока [Во] Вошев к нему не наклонился и не пошевелил его в чувстве любопытства] [пока Вошев не начал шевелить его в чувстве своего любопытства перед всякой гибелью. Но актив]* пока задумавшийся Вошев не [*наклонился*] согнулся над ним и не пошевелил его в чувстве своего любопытства перед [*всякой гибелью и*] всяким ущербом жизни. Но активист, [*таясь*] притаясь или умерев, ничем не ответил Вошеву. Тогда Вошев присел близь человека и долго смотрел в его слепое скрытое лицо, унесенное в глубь своего грустного сознания.

Медведь [*недолго*] помолчал немного, а потом вновь заскулил, [*моргая на всех влажными*] [*обращаясь взором за помощью ко всем*] и на его голос весь колхоз пришел [*со*] с Оргдвора в дом. ||

[– *Что*]

– [*Чего-ж*] Как-же, [*ак*] товарищи активы, нам дальше-то жить? – спросил колхоз. – Вы горюйте об нас, а то нам терпежа нет! **Инвентарь у нас исправный, семена чистые, дело теперь зимнее – нам чувствовать нечего. Вы уж постарайтесь!**

– Некому горевать, – сказал Чиклин. – Лежит ваш [*горю*] главный горюн.

Колхоз спокойно пригляделся к опрокинутому активисту, не имея к нему [*ни*] жалости[,] [*и*], но и не радуясь, потому что говорил активист всегда точно и правильно, [*н*] вполне по завету, только сам был [*такой*] до того* поганный, что когда [*мужики*] задумали] все общество задумало его однажды женить, дабы убавить [*его*] его деятельность, то даже самые незначительные на лицо бабы и девки заплакали от печали.

п.м. – Он умер, – сообщил всем Вошев, поднимаясь [*снизу*] с низу <sic>. – Все знал, а тоже [*умер*] кончился.

[– *Может*]

– А может<,> дышет <sic> еще? – усомнился Жачев. – Ты его попробуй<,> пожалуйста, а то он от меня ничего еще не заработал: я ему тогда [*сейчас*] добавлю сейчас!

Записи на полях листа 208 (продолжение):

② Уб.<ил> гер.<оическую> тв.<арь>

③ Она, Настя, умерла не от болезни<,> м.<ожет> б.<ить> (Записи 2 и 3 сделаны справа на полях.)

Запись на полях листа 209: *Встав.<ить> героич.<ескую> тварь.*

Вошев снова прилег к телу активиста, некогда действовавшему с [такой] [таким] таким хищным значением, что вся [ис] всемирная истина, весь смысл жизни помещались только в нем, и [уж] более нигде, а [Во] уж Вошеву ничего не досталось, кроме мученья ума, кроме бессознательности в несущемся потоке существования и покорности слепого элемента.

– Ах ты, гад! – прошептал Вошев над [покойным] [утихиим] этим безмолвным туловищем. – Так вот отчего я смысла не знал! Ты, должно быть, не меня, а весь класс испыл, сухая душа, а мы бродим, как тихая гуша[!..], и не знаем ничего!

И Вошев ударил активиста в лоб – для прочности || его гибели и для собственного сознательного счастья[*хотя-бы и в пустоте*] [*которое должно теперь начаться в осиротевшей пустоте местного мира*].

Почувствовав полный ум, [желанье жить в разгороженную даль] хотя и не умея еще произнести или выдвинуть в действие его [содер] [смутную] первоначальную силу, Вошев встал на ноги и сказал колхозу:

[– Я теперь буду]

– Теперь я буду за вас горевать!

– Просим!! – единогласно выразился колхоз.

Вошев отворил дверь Оргдома в пространство и узнал желанье жить [в этом] [дальше] в эту разгороженную даль, [чтоб] где сердце может биться не только от одного холодного воздуха, но и от [истинной ра] истинной радости [труда над всем смутным веществом] одоления всего смутного вещества земли.

– Выносите мертвое тело прочь! – указал Вошев.

– А куда? – спросил колхоз. – Его ведь без музыки хоронить никак нельзя! Заведи хоть радио!..

[– Раскулачьте его]

– А вы раскулачьте его по реке в море! – догадался Жачев.

– Можно и так! – согласился колхоз. [И несколько человек, подняв] –

Вода еще течет!

И несколько человек подняли тело активиста на высоту и [унесли его] понесли его на берег реки. [Чиклин] Чиклин все время держал Настю при себе, собираясь [нести] [уходи] уйти с ней на котлован, но задерживался происходящими условиями. ||

[– Чего ты [все ждешь] к матери меня]

[– Неси меня скорее к маме, – сказала Настя. – Попробуй меня, какая я вся мокрая – это из меня]

– Из меня отовсюду сок пошел, – сказала Настя. – Неси меня скорее к маме, пожилой дурак! Мне скучно!

– Сейчас, девочка, тронемся. Я тебя бегом понесу. [Жачев] Елисей, ступай кликни Прушевского – уходим, мол, а Вошев за всех остается, а то ребенок заболел.

[Жачев] Елисей сходил и вернулся один: Прушевский [не] итти не захотел, сказал, что он всю [юность] здешнюю юность должен сначала доучить, иначе [ее могут погубить.] она может в будущем

210

211

погибнуть, а ему [жалко, и еще сказал, что он чувствует тут свое впечатление.] ее жалко.

[– Ага, ну]

– Ну пускай остается, – согласился Чиклин. – Лишь бы сам цел был.

Жачев, как урод, не [мо] умел [ходить] быстро ходить, он только полз; поэтому Чиклин сообразил сделать так, что Настю велел нести Елисею, а сам понес Жачева. И так они, спеша, отправились на котлован по зимнему пути.

– Берегите медведя Мишку! – обернувшись, [сказала] приказала Настя. – Я к [ва] нему скоро в гости приду.

– Будь покойна, барышня! – пообещал колхоз.

К вечернему времени пешеходы увидели вдалеке электрическое освещение города. Жачев уже давно устал сидеть на руках Чиклина и [дума] [подумал] [сказал] сказал, что надо-бы в колхозе лошадь взять.

п.м. ① – Пешие скорей дойдем, – ответил Елисей. – Наши лошади || уж 212 и ездить отвыкли: стоят с коих пор[, у]! У них и ноги [опухл] опухли, [только] ведь им только и ходу, что корма воровать.

[На кот] [Ко] [Весь котлован [был занесен] лежал занесенный снегом.] Когда путники дошли до своего места, то увидели, что весь котлован занесен снегом, а в бараке было пусто и темно. Чиклин [хотел [скорее] поскорее развести костер для] [начал бегло разводить [кот] костер], сложив Жачева на землю, стал заботиться над разведением костра* для согревания Насти, но она ему сказала:

– Неси мне мамины кости, я хочу их! ¹

Чиклин велел Жачеву и Елисею разжечь огонь, а сам пошел [на] за костями в убежище на кафельном заводе[:]; ведь едва-ли кто унес оттуда мертвую женщину.

п.м. ② Спустившись в [заводские [печи,] подвалы, где когда-то [Чиклин] он был² с Прушевским] заводский <sic> подвал, [в который [он] когда-то он водил Прушевского] [в [ко] ко] [куда приходил и Прушевский] куда приходил и Прушевский когда-то, Чиклину долго пришлось [разворочив] отнимать камни от дверного входа [<вар.> подземной галле<реи>], [которую] который он сам заваливал для сохранности покойной. Спичек у Чиклина не имелось, и он нашел женщину ощупью; сначала он коснулся ее волос, таких-же свежих<,> как и при жизни, потом протрогал весь скелет до ступней, – она вся была еще цела, только самое тело исчезло и вся влага [ее] высохла. Унести скелет целиком было [неуд] трудно, тем более, что скрепляющие хрящи давно [отжили,] завяли;* поэтому Чиклину пришлось разломать весь скелет на отдельные кости и сложить их, как в мешок, в свою рубашку[, вместо мешка].

Записи на полях листа 212:

① Выше: колхоз бросился к обобществ. <ленным> лошадям. (В левом верхнем углу.)

② соглас. <овать> с печами

¹ В тексте подчеркнуто: ...ХОЧУ ИХ! Соответствующее место на полях было отчеркнуто и помечено вопросительным знаком. Позже все пометы вычеркнуты.

² Подчеркнуто в тексте в ходе правки: ...где когда-то [Чиклин] он был... Поверх отмеченного таким образом фрагмента была сделана помета: ? соглас. <овать>

В рубашке, после помещения туда всех костей, еще осталось много места, – настолько женщина была мала после смерти.

Настя сильно обрадовалась материнским костям; она их по очереди прижимала к себе, целовала, вытирала тряпочкой и складывала в порядок на земляном полу. [Свет костра] [Жачев сидел против девочки || до тех] 213

Чиклин сел против девочки и все время жег костер для света и тепла, а Жачева уснул [конфисковать] требовать у кого-нибудь молоко. Елисей долго сидел на пороге барака, наблюдая ближний светлый город, где что-то постоянно шумело и [постукив] равномерно волновалось во всеобщем гонимом беспокойстве, а потом свалился на бок и заснул, ничего не евши.

Мимо барака проходили многие люди, [но никто не посетил] обратил внимания, что кто-то [Настя ждала, что кто-нибудь придет] но [Настю] никто не пришел проведать заболевшую Настю, потому что каждый нагнул голову и непрерывно думал о сплошной коллективизации.

[Жачева все не было и нет; Чиклин [начинал] прилег к]

Иногда вдруг наставала тишина, только слышно было, как Настя [шевелит мертвые кости] шевелила мертвыми костями, но затем опять пели вдалеке сирены поездов, протяжно спускали пар [паровые б] свайные копры[,] и кричали голоса ударных бригад, [упираясь] упершихся во что-то тяжкое, – кругом беспрерывно нагнеталась общественная польза.

– Чиклин, отчего я всегда ум чувствую и никак его не забуду? – удивилась Настя.

– [Да] Не знаю, девочка. Наверно<, > потому что ты [еще] ничего хорошего не видела.

– А почему в городе ночью [работа] трудятся[?], и не спят?

[– О тебе]

– Это о тебе заботятся.

– А я лежу вся больная... Чиклин, [пододвинь] положи мне ближе мамины кости, я их обниму[, согреюсь и усну] и начну спать. Мне так скучно стало сейчас! ||

Чиклин [сложил] [но] сложил кости к [животу] настиному <sic> 214 животу, укрыл ее потеплее двумя пиджаками и сказал на прощанье:

– Спи. Может, ум забудешь.

[На] Ослабевшая Настя вдруг приподнялась и поцеловала склонившегося Чиклина в усы, – как и ее мать, она умела первая [целовать], не предупреждая, целовать людей. [Чиклин[, постояв над] постоял немного над уснувшей девочкой]

Чиклин [поднялся] замер от повторившегося счастья своей жизни и [не мог] молча дышал над телом ребенка, пока вновь не почувствовал озабоченности [за [эту [будущую,] сго] это будущее] к этому маленькому, горячему туловищу. Для охранения Насти от ветра и для общего согревания Чиклин поднял с порога Елисея и положил его сбоку ребенка.

– Лежи тут, – сказал Чиклин ужаснувшемуся [ото] во сне Елисею. – Обними девочку рукой и дыши на нее чаще.

Елисей так и поступил, а Чиклин [лег] прилег в стороне[*оперся дремлющей головой на*] [и за] [головой] на локоть и [слуша] чутко слушал дремлющей головой [весь шум] [дальний] тревожный шум на городских сооружениях.

[*Вскоре явился*] Около полуночи явился Жачев; он принес бутылку сливок и два пирожных. [*Ему пришлось долго хлопотать по городу*] [Он] Больше ему ничего достать не удалось*, так как вся новодействующая буржуазия не присутствовала на квартирах, а шиковала где-то на стороне. [*Тогда*] [*В конце*] *Весь исхлопотавшись**<,> Жачев решил в конце концов оштрафовать товарища[,] Пашкина, как самый надежный свой резерв; но и Пашкина дома не было – он<,> оказывается<,> присутствовал с супругой в [*тае*] театре. [*Поэтому Жачев появился*] Поэтому Жачеву пришлось появиться на представлении, среди тьмы и внимания к каким-то мучающимся на сцене элементам, и громко потребовать Пашкина в буфет, останавливая || действие искусства. 215 Пашкин мгновенно вышел, [*ще*] безмолвно купил для Жачева [буфетные продукты] буфетных продуктов [и поско] и поспешно [ушел] удалился в залу [представления] представленья, чтобы снова там волноваться.

– Завтра надо опять к Пашкину сходить, – сказал Жачев, успокаиваясь в дальнем углу барака, – пускай печку ставит[; *что-то скучное время настает! В [этой]*], а то в* этом деревянном эшелоне до социализма не доедешь!..

Рано утром Чиклин проснулся; он озяб и прислушался к Насте. [В] Было [*тихо и*] чуть светло и тихо, лишь Жачев бурчал во сне свое беспокойство.

– Ты дышешь <sic> там, средний чорт! – сказал Чиклин к Елисею.

– Дышу, товарищ Чиклин, а как-же нет? Всю ночь ребенка теплом обдавал!

– Ну?

– А [он] [*малолетка*] *девчонка**, товарищ Чиклин, не дышит[! <Z> Чиклин]: захолодала с чего-то!

Чиклин медленно поднялся с земли и остановился на месте. Постояв, он [*разыскал Жачева*] пошел туда, где лежал Жачев, посмотрел – не уничтожил ли [*инвалид*] калека сливки и пирожные, потом нашел веник и очистил весь барак от скопившегося за безлюдное время разного налетевшего сора. [*В этих действиях он хотел [забыть свой] [сейчас] забыть сейчас свой ум, а ум его неподвижно думал, что Настя умерла.*]

[*Броси*] Положив веник на [его] его место, Чиклину захотелось рыть землю; он [*схва*] взломал [*две*] замок с забытого || чулана, где хранился 216 запасный инвентарь, и [выташил], вытащив оттуда лопату, [ушел] не спеша отправился на котлован. Он начал рыть грунт, но почва уже смерзлась<,> и Чиклину пришлось [ее] сечь землю на глыбы и выворачивать ее прочь целыми мертвыми кусками. Глубже пошло мягче и теплее; Чиклин вонзался туда секущими ударами железной лопаты и скоро скрылся в тишину недр почти во весь свой рост, но и там не мог утомиться и стал громить грунт вбок, разверзая [*тесную землю вширь*] земную тесноту вширь. Попав в самородную каменную плиту, лопата [*Чиклина*] согнулась от мощности удара, – тогда [он] Чиклин

зашвырнул ее вместе с рукояткой на дневную поверхность, и прислонился головой к обнаженной глине.

В этих действиях он хотел забыть сейчас свой ум, а ум его неподвижно думал, что Настя умерла.

– Пойду за другой лопатой! – сказал Чиклин, [*и выше*] и вылез из ямы.

[*В б*] В бараке он, чтобы не верить уму, подошел к Насте и попробовал ее голову; потом он прислонил свою руку ко лбу Елисея, проверяя его жизнь по теплу.

– Отчего-ж она холодная, [*когда*] а ты горячий? – спросил [*и не слуш*] Чиклин, и не [слушал ответа. <*Z*> Далее Чиклин] слышал ответа, потому что его ум теперь сам забылся.

Далее Чиклин сидел все время на земляном полу<, > и проснувшийся Жачев тоже находился [*рядом*] с ним, храня неподвижно в руках [*сливки*] бутылку сливок и два пирожных. А Елисей, [*дышав*] всю ночь без сна дышавший || на девочку, теперь утомился и уснул рядом с ней[. <*Z*> *К*], и спал, пока не услышал ржущих голосов родных обобществленных лошадей [*близь*].

217

В барак пришел Воцев, а за ним медведь и весь колхоз; лошади-же остались ожидать наружи <*sic*>.

– Ты [*зачем*] что? – увидел Воцева [*Чиклин*] Жачев. – Ты зачем оставил колхоз, иль хочешь, чтоб [*кончилась вся эсесерша*] [*кончилась*] [*умер*] [*у*] умерла вся наша эсесерша? [*Н*] Иль заработать от всего пролетариата захотел? Так подходи ко мне – получишь[,] как от класса!

[*Но Воцев [заметил] не [обратил] стал пугаться костяной руки Жачева; он заметил, что Настя*]

Но Воцев [*уже вышел к ко*] уже вышел к лошадям и не дослушал Жачева. Он привез в подарок Насте мешок специально отобранного утиля [*для*], в виде [*иг*] редких, непродającychся игрушек, каждая из которых есть вечная память о забытом человеке. Настя хотя и глядела на Воцева, но ничем не обрадовалась, и Воцев прикоснулся к ней, видя ее [*гибель*]. *Теперь ему вдруг стал не нужен смысл жизни и не дорога истина мира, – он бы согласился снова ничего не знать, лишь бы девочка была жива на этом смутном свете*, чувствуя открытый, смолкший рот и ее равнодушное, [*остывшее*] [*остывшее*] усталое тело. Воцев стоял в недоумении над [*этой*] этим утихшим ребенком, – он уже не знал, где-же теперь будет коммунизм на [*свете*] свете, если его нет сначала в детском [*чувством*] чувстве и в убежденном впечатлении <*sic*>? Зачем ему теперь нужен смысл жизни и истина [*мир*] [*теч*] [*мир*] всемирного [*теченья*] происхождения, если нет || маленького, [*будущего*] верного человека, в котором истина стала бы радостью и движеньем?

218

Воцев согласился бы снова ничего не знать и жить без надежды в смутном вожделении тщетного ума, лишь бы девочка была [*жива*] целой, готовой на жизнь, хотя бы и замучилась с теченьем времени. Воцев поднял Настю на руки, поцеловал ее в распавшиеся губы и с жадностью счастья прижал ее к себе, найдя больше того, чем искал.

– Зачем колхоз привел? [Вторично справ] Я тебя спрашиваю вторично! – обратился Жачев, не выпуская [ни сли] из рук ни сливок, ни пирожных.

[– В пролетариат записывать! – ответил Воцев. – Зимой колхоз не <1 слово нрзб>, а летом мы будем добывать хлеб машинами и всем одним классом.

– И верно так, – думая, произнес Елисей. – Спасите нас, [товарищи] товарищи]

– Мужики [хотят] в пролетариат [зач] хотят зачисляться, – ответил Воцев. – И я их привел для утиля.

[– И верно так, –] – Пускай зачисляются, – [ск] произнес Чиклин с земли. – Теперь надо еще шире и глубже рыть котлован. Пускай в наш дом влезет всякий человек из барака и глиняной избы[.]. Зовите сюда всю власть и Прушевского, а я рыть пойду.

Чиклин взял лом и новую лопату и медленно ушел на дальний край котлована. Там он снова начал [сокрушать] разверзать неподвижную землю, [изредка какая слезами в глину и песок] потому что плакать не мог<,> и рыл, не в силах устать, || до ночи и всю ночь, пока не услышал<,> как трескаются [его] кости [под] [в живой говядине трудящегося тела] в его трудящемся туловище. Тогда он остановился и глянул кругом. Колхоз [тоже] шел вслед за ним и, не переставая, рыл [вслед] землю [и] [, не переставая, – [он] все его члены] [и не переставая]; все бедные и средние мужики работали с [такой силой] таким усердием жизни*, будто [спасаясь] [они спасались навеки] хотели спастись навеки в пропасти котлована[; [лошади] лошади [то] [так-же] тоже не стояли – на них верхами] [; лошадям]. Лошади так-же не стояли – на них колхозники [верхами], сидя верхом, возили в руках бутовый камень, а медведь таскал этот камень [вручную[.] и [ры] ревел от натуги] пешком и разевал от натуги пасть.

219

Только один Жачев [не работал, [хотя тоже мог бы те-же лопаты точить] а между тем он мог [бы] хотя-бы [точил] лопаты точить.] ни в чем не участвовал и смотрел на весь роющий труд взором прискорбия.

[– Я, Никит, теперь не верю в коммунизм! – сказал он Чиклину в это утро второго дня.]

– Ты что сидишь, как служащий какой? – спросил его Чиклин, возвратившись в барак. – Взял-бы хоть лопаты поточил!

– Не могу, Никит, я [я] теперь в коммунизм не верю! – ответил Жачев в это утро второго дня.

– Почему, стервец?

– Ты же видишь, что я урод империализма[. Коммунизм], а коммунизм – это детское дело, за то я и Настю любил... Пойду сейчас на [прощание] прощание товарища Пашкина убую.

И [Воцев] Жачев [ушел] уполз в город, более уже никогда не [вернул] возвратившись на котлован.

Запись на полях листа 218: плакать он не мог (запись сделана дважды.)

В полдень Чиклин начал [рыть] копать для Насти специальную могилу. Он [коп] рыл ее [двадцать] пятнадцать часов подряд, чтоб она была [так] глубока[, куда не сумеет] и в нее не сумел-бы проникнуть ни червь, ни корень растения, [ни] ни тепло, ни холод[. И в это], [[вдолбив] **выдолбив** гробовое ложе в [вечный камень] вечном камне*]. И в это надежное отверстие || земли Настя была бережно опущена, чтоб даже мертвое семя будущего сохранилось навсегда. 220

п.п.

Конец.

и чтоб [дево] ребенка никогда не побеспокоил¹ шум жизни с поверхности земли. Гробовое ложе Чиклин выдолбил в вечном камне и [[приготовил] **обтесал** еще [особый] особую каменн] приготовил еще особую, в виде крышки, гранитную плиту, дабы [<нрзб>] на девочку не лег громадный вес [могильной земли.] могильного праха.

[Поспав] Отдохнув, Чиклин [поднял] взял Настю на руки[, вынес на котлован и бережно] [, дал ее] и бережно понес ее класть в [почвенный] камень и закапывать. Время было ночное, весь колхоз спал в бараке[,] и только [медведь] молотобоец, почуяв движение, проснулся, и Чиклин дал ему прикоснуться к Насте на прощанье.

Конец.

Запись на полях листа 220: *исправить, углубить окончание*

¹ Часть текста, выделенная здесь полужирным шрифтом, была дописана в нижней части предыдущего листа 219.

Андрей Платонов

МАШИНИСТ

Либретто

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Машинист
Девушка
Кузьма
Активист
Середняк
Тучный бедняк
Жених девушки
Лошади, петух, тараканы
Второстепенные персонажи

Машинный зал электростанции. Два турбогенератора. Распределительная вертикальная панель с приборами. Красные лампы над включенными автоматами. Под лампами циферблаты амперметров. Таблички: «литейный», «сборный», «кузнечный», «колесный», «токарный». Вращающиеся коллекторы генераторов (динамо-машин). Из-под токособирательных щеток брызжет огонь. Стрелки циферблатов амперметров подрагивают близ красных черточек, указывающих предельную нагрузку.

Машинист стоит у турбогенератора. Турбина слегка парит через клапаны регулятора. Жарко. Машинист отирает с лица пот обтирочными концами. По лицу Машиниста ползет масляная грязь. Он смотрит на приборы. Стрелки трепещут. Коллекторы динамо-машин искрят еще сильнее. Машинист берет наждачный лист и, прижав его к вращающемуся коллектору, уменьшает пламя, бьющее из-под щеток. Коллектор натерт до блеска.

Станция везет свою предельную нагрузку.

Электрическое сверло вонзается в котельный лист. Сверлильный прибор грудью прижимает котельщик. Из-под сверла бьет пламя, несмотря на струю воды, которая

охлаждает сверло. Резец гонит стальную стружку с обтачиваемого паровозного бандажа.

Фасад электростанции. Черная доска на фасаде. На доске написано:

«Наш завод работает на плюху. За полугодие промфинплан вытолнен на 85%. Здесь делают узкое место и организуют социалистическое горе».

Снова машинный зал электростанции. Машинист чистит наждаком коллектор. Щетки искрят сильнее, чем раньше, и Машинист не может их сбить. Стрелки амперных циферблатов перешли за красные черты пределов нагрузки и подрагивают на новых местах.

Из корпуса второго генератора показывается дым. Машинист оглядывается на него. Взрыв напряженного синего (если можно это сделать) пламени. Машинист подбегает к распределительной панели и выключает всю нагрузку сгоревшего генератора. Затем закрывает вентилем паропровод в турбину, которая вращала выбывший генератор. Весь турбогенератор останавливается. Теперь работает только один турбогенератор.

Стрелки циферблатов «токарный», «котельный», «литейный» падают на нули. Эти цеха вез сгоревший генератор.

Ранее показанное электрическое сверло вновь показывается. Оно теперь останавливается. Резец, гнавший стружку с бандажа, также перестает работать. Котельщик, что работал сверлом, а затем токарь произносят движением уст некоторые слова и плюют на железо с такой яростью, что из железа от их плевков показывается ржавь.

Электростанция. Машинист тоже плюет на корпус работающего генератора. Слюни его кипят на теле машины и вмиг исчезают.

Машинист нажимает кнопку, около которой написано «котельная».

Котельная. Батарея котлов. Над одной топкой загорается красная лампа. Она освещает табличку: «Держать предельное давление».

Два кочегара. Они в одних штанах, без рубах. Они подходят под непрерывно льющийся душ, обдаются водой, затем открывают дверцу топки и начинают бросать в нее, навстречу выбивающемуся дымному огню, полные лопаты угля.

Машинный зал электростанции. Машинист глядит на единственно работающий турбогенератор. Машинист говорит генератору:

«Держись, бедняк!»

Подходит к распределительной панели. Включает автомат: переводит всю нагрузку завода на уцелевший турбогенератор. Моментально, вслед за движением руки Машиниста, включившего автоматический рубильник, из-под щеток генератора, вместо искр, стали бить целые молнии.

Стрелки циферблатов — «токарный», «котельный», «литейный» — трогаются с нулей, показывают нагрузку.

Сверло котельщика завращалось. Резец снова взял сталь. Турбогенератор работает с громадным перенапряжением, он даже дымится. Пластины предохранителя нагреты докрасна (сделать это натуральным цветом, если можно), затем они делаются накаленными добела и так остаются белыми.

Весь машинный зал электростанции наполняется газом тлеющего генератора и паром из неплотностей турбины. Машинист открывает двери электростанции,

через дверь виден летний день и покоящиеся без ветра деревья. Машинист снимает пиджак и ложится на корпус генератора с наждаком в руках. Он хочет потушить молнии на коллекторе — и трет его наждаком. Все движения Машиниста не поспешны, но чрезвычайно экономны и поэтому кажутся быстрыми. Ему лет 30.

Из котельной входит кочегар. Он равнодушен.

«Что у тебя тут газует?»

Осветительные лампы припогасают в тумане газа.

Машинист отвечает с машины.

«Ступай баланс нажми. Видишь — напряжение тает. Твой пар мою вертушку не берет — давай мне давление!»

Кочегар уходит. Котельная. Котел форсированно работает: из предохранительного клапана бьет вихрь пара. Кочегар залезает по лестнице на котел. У него в руках ключ. Он поворачивает ключом гайку клапана. Пар перестает бить из клапана. Кочегар сходит с котла.

«Жги воду с форсом», — говорит он второму кочегару. Второй кочегар открывает дверцу топки. Оттуда рвется длинное пламя. Вдвоем они начинают загрузку топки углем.

Машинный зал. Машинист лежит на генераторе. Входят двое: директор завода и секретарь партколлектива. Они осведомляются — в чем дело. Стоят у генератора. Смотрят на трепещущие стрелки приборов. Пауза.

«Пронесемся или сгорим?»

Машинист сползает с машины. Рубашка на его животе истлела, пока он лежал, и он взмок от пота.

Взрыв синего пламени из генератора. Одновременно — вихрь пара из клапана турбины. Машинный зал от дыма и пара делается невидимым.

Котельная. Кочегар натягивает рычаг гудка. Тревожный гудок. К электростанции подъезжает пожарный паровоз.

Кочегар направляет струю брандспойта в чад машинного зала. Чад несколько рассеивается. Около генератора навзничь лежит машинист. Он показывает на свой голый черный живот. Кочегар направляет струю воды на живот машиниста. Машинист встает.

«Брось меня в топку, такого стервеца!»

Кочегар поливает водой директора и партийного секретаря, которые также лежат опрокинутыми. Кочегар кладет брандспойт на пол и закручивает вентиль еще вращающегося турбогенератора. Все стрелки циферблатов показывают нули. Кочегар говорит:

«Ты думаешь, промфинплан теперь споткнулся. Пускай споткнулся — мы его подыдем, и он опять пойдет!»

Ночь. Звезды. Завод во тьме. Здание электростанции. Окна ее слабо светятся. Там горят керосиновые лампы. Два десятка монтеров сидят на полу: они перематывают якоря генераторов и разбирают турбину. Машинист повис на цепи недействующего электрического крана. Ему помогают другие мастеровые. От их общего веса кран начал действовать — он приподымает деталь генератора, зацепленную за другой конец крановой цепи.

Стоит очередь больных паровозов — иные без дышел, иные без тендеров и т. д. Мимо паровозов идет девушка с узелком. Она подходит к электростанции. Входит в машинное помещение. Видит машиниста; тот сползает с крановой цепи. Девушка дает ему узелок с едой. Машинист сразу ест. Девушка опечаленно стоит против этого грязного полуголого человека. Она говорит:

«Я не знаю, зачем я ношу тебе еду и зачем тоскую, когда мы никогда не будем женаты».

Машинист жует.

«Уж скоро, Маша, будет социализм. Ты подожди чуть-чуть».

Девушка идет обратно мимо больных паровозов. В ее руке пустой узелок. Она прислоняется к цилиндру холодного паровоза и стоит в слабой ночной тьме. Затем идет дальше. Очередь паровозов длится мимо нее. Девушка идет все более быстро. Бежит. Паровозы не кончаются. Она хватается за колесо паровоза и останавливается в недоумении.

Общее собрание рабочих завода. Собрание происходит в цехе. Трибуна — тендер паровоза. На трибуне — Машинист электростанции, директор завода, секретарь партколлектива и предзавкома. Собрание взволновано.

«Кто сжег генератор? Какой полугад остановил весь завод на 14 часов? Показать его на усмотрение масс!»

Тысячное собрание настроено тревожно и угрюмо.

Машинист встает:

«Я».

Секретарь партколлектива встает:

«Мы».

Собрание сразу умолкает. Кто сидел, тот встает. Общее молчание. Видно, как по лицам мастеровых невозбранно ползают мухи.

Секретарь, директор, предзавкома и машинист медленно сходят с тендера. Идут сквозь строй рабочих. Их оставляют без внимания. Машинист идет сзади всех; его лицо выражает спокойствие, а не огорчение. Секретарь, предзавкома и директор уже вышли из массы. Но двое задних мастеровых протягивают руки и задерживают Машиниста:

«А ты оставайся, черт беззаветный! Опять пойдешь в сборку — паровозы гонять».

Заболоченная долина большой реки. Испарения болот застыт солнце. Осока, камыш, топь, бездорожье и глушь бесприютного местожительства. Бедная деревня на острове — среди мокрой поймы. Утро. Тишина. При въезде в деревню вывеска — «Колхоз имени Генеральной Линии». Около некоторых изб стоят прислоненные новые тесовые гробы. У других изб мужики только делают гробы. Недалеко от деревни видна железнодорожная дамба, пересекающая всю речную пойму поперек.*

На дамбе неподвижно стоит крестьянин. Он бос и плохо одет. Он глядит в даль пустыми, выцветшими глазами, едва ли что соображая. В колхозе звонит колокол на работу. Крестьянин автоматически идет с дамбы в колхоз.

Среди колхоза большой двор. На воротах вывеска — «РСФСР. Организационный Двор». На том Дворе собрались крестьяне, по виду и настроению подобные первому, которого мы назовем Середняком: он становится в ряд со всеми. Из дома Оргдвора появляется на крыльце Активист. Он говорит всем:

«Зачем готовите гробы? Или полагаете, что этот свет наш, а тот — будет вашим? Упреждаю, что тот свет будет организован по одному началу с этим: деваться вам некуда, хотите живите, хотите кончайтесь».

Около Активиста труба радиогромкоговорителя. Активист включает радио. Труба начинает играть, Активист же дирижирует звуками. Мужики разбредаются по Организационному Двору, соблюдая некоторый такт, соответственно музыке и движению дирижирующих рук Активиста. Одни крестьяне подбирают палочки и соломинки и складывают их в кучи среди Оргдвора; другие — укрепляют плетни; третьи — просто топчутся. Действие происходит в тумане болот и точно во сне всех действующих. Середняк мнет глину ногами в углу Оргдвора. Белые глаза его равнодушны и почти мертвы.

Активист прекращает управление радиомузыкой.

Мужики враз замирают на своих местах.

«Снабжение энтузиазмом закончено».

Активист делает жест всеобщего устранения. Крестьяне оставляют Оргдвор. Середняк снова на дамбе и глядит в даль.

«В ожидании спуска дальнейших директив».

Готовые гробы крестьяне волокут с улицы во дворы: ставят их в глушь бурьяна и ложатся в них.

Середняк стоит один на высоте дамбы вдали. Активист выходит на крыльцо Оргдвора и глядит на сторожевого Середняка в бинокль.

Общий скотный двор. Беспризорными стоят десять—двадцать лошадей. Они ржут без пищи и питья и оглядываются в мучении. Затем идут всем табуном на водопой. Возвращаясь с водопоя, выдирают зубами солому из крыш, рвут траву по дороге,

* Съемку весты в пойме р. Тихой Сосны, близ гг. Острогжска и Коротояка, Центрально-черноземная область.

собирают отдельные пучки сена — и все это несут в зубах на общий скотный двор. Здесь они сваливают весь самовольно собранный корм в кучу и только теперь начинают коллективно есть.

Деревенская площадь. На ней собралась стая грачей. Стая поднялась и улетела.

Плетень. На плетне воробьи. Они также поднимаются и улетают в даль — за колхозную деревню.

Колея дороги на выезде из деревни. По этой колее ползет длинная череда тараканов, покидающих колхоз.

Активист идет по пустынному колхозу. В руках у него бумажные таблички и номерки. Активист заходит во дворы и в избы. В одном дворе он видит бочку. Прикрепляет к ней бумажку с надписью: «Бочка № 49. Емкость 200 литров». Подходит к плетню. Вешает на него тоже ярлычок: «Временная единоличная огорожа № 73. На учете топливного утиля».

Видит петуха, поглядывающего на активиста из-за лопуха. Бросается на петуха. Петух бежит от Активиста. Активист мчится за петухом через дворы, плетни и гумна. Петух взлетает и летит как форменная птица. Активист глядит на полет петуха в бинокль.

Активист входит в избу. Внутренность избы — голая и чистая, как больница. На лавках лежат женщина, мальчик и крестьянин: все вниз лицом и совершенно неподвижны. На стене — обычные часы с маятником и гириями. Маятник не качается, часы стоят. Активист глядит на часы. Пускает их в ход, покачнув маятник своей рукой. Маятник, сделав несколько ходов, вновь останавливается. Активист выходит из избы.

Со середины улицы Активист глядит на сторожевого Средняка, что стоит на дамбе.

К Активисту подходит истомленный, еле одетый человек — бедняк Кузьма.

Активист говорит ему, не отрывая взора от бинокля:

«Беги в луга и ликвидируй там петуха».

Кузьма делает ему удар в ухо. Но сытый, твердый Активист не чувствует боли, так как удар истомленного человека слишком слаб и бессилен. Это бедняк Кузьма сам зашатался от своего напряжения, тогда как Активист остался неподвижен. Кузьма ложится в дорожный прах.

«Где же ты, партия?»

Средняк машет с дамбы руками. Активист трогается в направлении — на дамбу. Кузьма подымается и идет за ним.

Вдалеке виден быстро мчащийся паровоз. (Показать работающий паровоз вблизи — на всем ходу. Паровоз не окрашен, на цилиндрах нет покрышек — смазочные трубки обнажены; вообще, многие внутренности паровоза наружи, как обычно бывает на паровозах, вышедших из капитального ремонта и работающих для испытания.) На тендере паровоза написано крупно мелом: «Проба».

Из окна паровоза выглядывает машинист, тот самый, что был раньше на электростанции. Он видит вдалеке, на линии, человека — Средняка. Машинист дает долгий свисток. Средняк не уходит с рельс. Паровоз уже почти настигает его. За Средняком виден тупик — деревянный упор. Машинист резко закрывает пар и поводит ручкой автоматического тормоза до отказа. Средняк мчится от паровоза

прямо по линии, между рельсов, не соображая, что надо оставить путь в сторону. Лицо Середняка не выражает испуга — он бежит автоматически и наблюдает опустевшими, ясными глазами окружающий солнечный мир.

Тормозные колодки паровоза настолько сильно сжимают колеса, что из-под колодок брызжет огонь. Колеса перестают вращаться. Паровоз проползает несколько метров юзом и останавливается. Середняк садится на деревянный упор тупика и глядит на паровоз.

Активист и бедняк Кузьма взбираются по насыпи к паровозу. Машинист сходит с паровоза.

Активист спрашивает у Машиниста сумку с директивами. Машинист не понимает. Активист настойчиво требует — он вынимает карандаш, чтобы расписаться в получении документов.

Машинист вытирает руки паклей. Чтобы отвязаться от Активиста, он проводит по лицу Активиста грязной паклей. Активист молча утирается.

Кузьма просится на паровоз. Середняк стоит тут же, но не смеет ничего сказать. Кузьма входит на паровоз. Паровоз уезжает задним ходом.

Активист и Середняк уходят на колхоз.

Середняк доходит до своего дома. Входит в избу. В избе его висят остановившиеся часы и лежит старик с обомлевшим лицом. Середняк берет лукошко с печки, выходит на двор и посыпает мусор из лукошка по земле, как раньше он посыпал зерно курам. Но никакой птицы нет. Солнце пустынно освещает дворовую землю. Тогда Середняк прислоняется к молодому деревцу и так стоит. Но с улицы, поверх плетня, на него смотрит лицо Активиста. Активист показывает ему жестом головы и руки, что деревцо надо вырвать.

Середняк целует ствол деревца, затем изымает его с корнем из земли и несет Активисту. Активист направляется по улице. Середняк идет за ним с деревцем на плечах. Оба они входят на Организационный Двор, и Активист показывает место у крыльца, где нужно вновь посадить это дерево. Середняк бездушными медленными руками начинает рыть ямку для корня.

От одного края колхоза начинается болото. Среди болота виден плот. На плоту — люди и костры. Из крайней бедной хаты медленно выходит тучный, рыхлый крестьянин; одет он плохо и на лицо худ.

Активист выглядывает из ворот Оргдвора и замечает того тучного мужика. Активист поспешно достигает его.

«Ты чего не являлся на раскулачиванье? Ты отчего не выселился?»

Тучный крестьянин устало глядит на Активиста.

«А я ж тихий бедняк!»

Активист пробует рукой живот этого крестьянина.

«А отчего ты тучный?»

Бедняк поднимает рубаху на своем животе:

«Это не жир, а сырость — у меня водянка и я вскоре скончаюсь!»

Активист берет готовый гроб, что стоит прислоненный к соседней избе. Затем Активист вынимает свисток и свистит в него. Из Оргдвора выглядывает Середняк. Активист показывает Середняку на гроб и на плот, который виден на болоте. Середняк заспешил куда-то с Оргдвора.

Середняк подводит лошадь к пустому гробу. Привязывает лошадь упрощенным способом к гробу.

Активист сажает тучного мужика в гроб и трогает лошадь в воду. Тучный бедняк кричит в пространство из гроба:

«Где ты, Козьма! Я ж сырой бедняк, а не кулацкий класс!»

Лошадь без сопровождения поволокла гроб по болотной мели — в направлении видимого плота. Тучный бедняк еще кричит оттуда что-то, но Активист смотрит на него в бинокль, и бедняк прычет лицо внутрь гроба, боясь вылезти из него.

«Раз ты тучный, то езжай на плот в кулацкий класс! Бедняк пухлым быть не должен».

Лошадь уволакивает гроб с бедняком. Активист и Середняк стоят на болотном берегу.

Паровоз едет по дамбе, лежащей поперек заболоченной долины. Кузьма и Машинист глядят из окна на болота. Кузьма показывает рукой на всю окрестность:

«Когда я был мальчишкой, кулаки за великие деньги продали землю инженер-буржуйам под эту дамбу. А река загородилась и умерла — и стали мы гибнуть в болотах. Но теперь мы кулаков посадили на бревна и отправили жить на середину болот».

Паровоз переходит на главный путь и исчезает с полным паром.

Активист сидит на берегу и смотрит в даль болот. Середняк неподвижно стоит около него, опустив руки. К берегу приближается лошадь. Она волочит обратно по болотной мели пустой гроб.

В гроб садятся Активист и Середняк. Лошадь волочит их на Организационный Двор. Активист входит на крыльцо дома, что на Оргдворе, и протяжно свистит в свой свисток.

Из гробов, поставленных в бурьян на разных дворах, поднимаются равнодушные мужики и бредут к Оргдвору.

Собрание на Оргдворе. Стоят несколько десятков крестьян против крыльца. Активист включает радио. Прислушивается. Выключает.

«Оно играет не то. Я вам сейчас сыграю на губах организационный танец, а вы пляшите под него всем темпом своих туловищ».

Видно, как уста Активиста играют танец. Мужики с мертвыми лицами топчутся по-лошадиному. Активист перестает играть. Он недоволен.

«Темпу больше, а то раскулачу!»

Мужики танцуют и кружатся несколько быстрее. В общем танце мужики обертываются лицами в противоположную от Активиста сторону. Активист кричит им:

«Взором ко мне!»

Крестьяне враз оборачиваются к нему. Все лица танцующих покрыты слезами. Активист замечает это.

«Ликвидировать кулацкое настроенье!»

Слезы на всех лицах моментально обсыхают — и мужики усиленно организуют радость и улыбку на своих лицах.

Паровоз въезжает в ворота паровозоремонтного завода.

Паровоз останавливается. С паровоза сходят Машинист и Кузьма.

Партийный комитет завода. Машинист и Кузьма входят в дверь комитета. В комитете заседание. Все члены комитета — простые рабочие. Машинист просит, чтобы комитет дал Кузьме право сказать свое слово. Большевики соглашаются. Кузьма садится на стул посреди комнаты.

Телефон звонит. Секретарь комитета слушает телефон. Он говорит затем:

«Через полчаса общее собрание. Сейчас явится секретарь обкома.»

Общее собрание рабочих завода в цехе. На трибуне Кузьма. Он говорит наглядно. Представляет Активиста. Показывает омертвевший образ Средняка и т. д.

Уже темнеет. Ночь. Тот же паровоз стоит близ цеха. Кочегар бросает уголь в топку. Машинист, Кузьма и еще десять-пятнадцать мастеровых выходят из цеха. Влезают на паровоз. Паровоз сразу берет хороший ход. Выезжает за ворота завода. Около ворот стоит с узелком невеста Машиниста. Она видит Машиниста и кричит ему. Машинист машет ей рукой приветствие, но паровоз уходит все более быстро. Машинист снимает фуражку и бросает ее своей невесте. Девушка подбирает фуражку и стоит с ней и своим узелком. Задний фонарь паровоза уменьшается и делается вовсе невидимым. Паровоз исчез.

Ночь. На высоком шесте горит красный фонарь над колхозом. Дальше — над кулацким плотом — горит фонарь желтый.

Оргдвор. Среди Оргдвора стол. На столе большая плочка, в которой горит сало. За столом сидит Активист и пишет ведомость. Ночной ветер колеблет листы его ведомости.

Средняк проходит мимо Оргдвора и стучит сторожевой колотушкой.

По железнодорожной дамбе, которой сейчас не видно, мчатся три огня паровоза. Огни летят выше уровня колхоза и земли, в полной тьме — точно по небу.

Активист слышит шум какого-то движения и смотрит на небо. На небе — звезды. Активист склоняется над ведомостью и снова пишет. Огонь в плочке колеблется.

Активист трудится с крайним усердием и углубленностью. Он не слышит, как к нему подходят Кузьма и Машинист. Кузьма без всякого предупреждения делает Активисту удар в голову, но попадает только косвенно, почти промахивается, и сам падает на землю от своего измождения. Машинист тогда бьет Активиста ровным ударом в лоб. Активист валится, но во время падения выхватывает револьвер и

стреляет вверх. Освещенный паровоз стоит на дамбе. После выстрела с паровоза раздается тревожный, длинный гудок: видна струя пара, бьющая из сирены.

Поднявшись, Активист видит, что на Оргдворе кроме Машиниста и Кузьмы стоят десять-двенадцать рабочих. Он смотрит на дамбу. Там гудит паровоз.

Активист прыгает через плетень. Рабочие оставляют его без внимания. Активист подбегает к берегу болота и бежит по воде по направлению к кулацкому плоту, над которым горит желтый фонарь.

По темным дворам мужики поднимаются из гробов. Лошади трогаются с обобщественного скотного двора табуном. Люди и лошади идут на Оргдвор. Позади всех шествует петух — тот, который некогда улетел от Активиста.

Кузьма, Машинист и все прибывшие рабочие сидят за столом. Их окружают крестьяне и лошади.

Утренний рассвет. Около дамбы находится все население колхоза: крестьяне, лошади, петух, воробьи, старики, несколько женщин и т. д.

Все рабочие, и Машинист, входят на паровоз. Кузьма остается в колхозе. Он новый председатель колхоза. Паровоз дает продолжительный гудок и отъезжает. Все население колхоза бежит вослед паровозу, но паровоз уже скрывается на полном ходу.

Паровозоремонтный завод. Главные ворота. На воротах громадный плакат:

«Товарищи! Сегодня начинается сверхурочный добровольный труд для постройки землечерпательной машины, чтобы осушить болота в подшефном колхозе имени Генеральной Линии».

Машинный зал электростанции.

Входит Машинист. Дежурный машинист передает нашему Машинисту свою работу. Машинист расписывается в книге.

Котельная. Кочегар тянет рычаг гудка. Гудок: конец рабочего дня. Открываются проходные будки. Из будок никто не выходит. Один мастерской подошел к доске с номерами. Вешает свой номер. Сторож глядит на него — и смеется. Мастерской снимает свой номер назад и уходит обратно в цех. Новый гудок к началу работы. Проходные будок закрываются.

Машинист нажимает кнопку. В котельной на котле зажигается красная лампа над табличкой: «Держать предельное давление».

Из-под щеток коллекторов бьют искры и молнии. Машинист, как прежде, начинает борьбу с перегруженными машинами. Он трет коллекторы наждаком. Плюет на корпус машины. Слюни кипят. Он снимает рубашку. Мочит ее под краном. Выжимает из нее лишнюю воду. Потом накладывает влажную рубаху на корпус машины. От рубахи идет пар. Так же поступает Машинист со штанами и с нижним бельем. Всей своей одеждой, намоченной и выжатой, он покрывает горячие машины. Сам остается голый. Лишь через чресла обвязывает себя веревкой.

В машинный зал входит девушка — невеста Машиниста. Она лучше, чем прежде, одета и не имеет в руках узелка с едой.

«Я тебе ничего не принесла: принесу, когда социализм настанет».

Машинист рассеянно глядит на нее, потому что все время чутко слушает работу машин.

«Ладно, Маша, как социализм доделаем, так я тебя враз полюблю. А ты пока пойди походи».

Маша стоит и плачет. Машинист целует ее и, обернувшись, плюет на свою рубашку, лежащую на машине. Рубаха тлеет. Сплюнутая влага вскипает. Девушка уходит. С порога она оборачивает свое плачущее лицо:

«У Карла Маркса жена была, у Ленина была, а у тебя все нет и нет».

Машинист озадачен. Но машины дымятся. Он вновь мочит свою одежду, выжимает ее и расстилат по корпусам машин.

«Проходит месяц».

Едут товарные платформы. На платформе ящики с частями машин. На ящиках написано: «Экскаватор. В колхоз Генеральная Линия». На одной платформе сидят Машинист и пятеро мастеровых.

«И еще проходит неделя».

Плавучий экскаватор стоит собранный на воде. Труба его дымится. Ковш поднят.

Лето. Высокий день. Чаща осоки, кустарника и болотная топь окружают экскаватор с трех сторон. Экскаватор поворачивается рабочей стороной к заросшему болоту. Ковш опускается под воду. Ковш извлекает грунт и относит его в сторону. Экскаватор врывается в болотную чашу. Его ковш корчует чащобу, заросли, рвет из-под воды залежалые деревья, мечет грунт. Машины экскаватора работают ураганным темпом. При больших напряжениях, когда ковш экскаватора цепляет под водой глубокие корни, понтон экскаватора накреняется, через него хлещет вода. Тысячи лягушек, спасаясь, бросаются на экскаватор; другие тысячи их облепляют грунт берегов роемого канала.

Вода мутными потоками кружится вокруг напряженной, трепещущей машины. Как трактор борозду, машина роет новую реку. Среди вечной неподвижной девственности, в окружении диких прекрасных цветов — экскаватор рвет землю и поднимает вверх железной рукой букеты подводных нежных растений, а затем бросает их прочь. Машинист, облитый маслом и потом, с радостной яростью работает рычагами управления.

Позади экскаватора уже образовалось прямое и точное русло новой реки. Экскаватор работает дальше — вперед, окутанный дымом и паром.

Болото близ колхоза. Под руководством Кузьмы все члены колхоза работают по живот в воде. Колхоз роет лопатами подводный грунт и накладывает его в корзины бабам, которые выносят грунт в корзинах на берег. Грунт — жидкий; по женщинам, когда они уносят корзины, течет грязь. Мужики, роющиеся в болотной жиже, тоже все в грязи. Заросли рвут руками. Миллионы комаров и мух неподвижными тучами стоят над тружениками. Бабы ходят с корзинами из болота на берег и возвращаются обратно. Колхозники копают. Они потеют даже в воде: сальные пятна слившегося пота блестят на их голых телах.

Колхоз углубляет русло по направлению к далекой непроходимой чаше, что стоит стеной вдалеке.

Из-за той чащи показывается дым работающего экскаватора.

Весь водяной колхоз обращается взором в то направление.

Кузьма выходит на берег. За ним выходят все.

Экскаватор бьется уже в последней болотной чаще — от колхоза отделяет его уже небольшое пространство негустого болота.

Кузьма уводит всю артель в деревню.

Колхоз. По улице ходят куры. Горой лежат пустые гробы. Кузьма входит в избу. Висят остановившиеся часы. Кузьма толкает маятник. Часы идут. С пола на стену поднимаются тараканы. Кузьма моет руки, достает из сундука чистую рубаху.

Улица колхоза. Бабы и мужики вышли из изб со свежей одеждой и переодеваются на воздухе.

Экскаватор уже пробился сквозь чащи и работает на виду колхоза, оставляя за собой след в виде новой, геометрически точной реки.

Экскаватор приближается к берегу колхоза.

По берегу к остановившемуся экскаватору идет колхоз. Впереди шествия флаг. Близ флага — Кузьма. Под флагом два колхозника несут на носилках рупор радиогромкоговорителя и все принадлежности для радиоприема. Задние несут на шестах антенну. Баба волочит по береговой воде провод заземления. Позади колхозных людей идут общие лошади, петух, грачи, воробы и одна собака.

Шествие останавливается на берегу против экскаватора. Кузьма пускает радио. Радио играет музыку. Все члены колхоза дирижируют руками в такт музыке. Экскаватор дает гудок. Ковш опускается под воду. Ковш поднимается, наполненный грунтом. Ковш относится в сторону и сгружает подводный грунт на берег. Движения машины сложны и сознательны.

Середняк находится близ Кузьмы. Он поет от оживления и движется на месте.

«Чья ж теперь машина?»

Машинист отвечает с борта экскаватора:

«Ваша».

Услышав это, весь колхоз в новой одежде с берега бросается в воду. Достигнув экскаватора, люди хватаются за него и с жадностью держатся за причальные брусья. Лошади также подходят вброд к машине. Петух перелетает воду и садится на площадку понтона.

Колхозники влезают на экскаватор. Трогают детали машины, гладят железо, глотают слюны от жадности к новой собственности. Кузьма и Середняк обнимают котел.

Середняк наклоняется ртом с борта, моет губы, вытирает их начисто исподней рубахой и подходит к Машинисту. Целует Машиниста.

«Мы уже теперь в колхозе не расстанемся. От такого имуществва у нас будет покладная душа!»

Некоторые колхозники пошли и поплыли в даль — по новому каналу. Из деревни в канал ручьями тронулась стоячая дотоле вода.

Машинист бросается в одежде в новый канал, чтобы вымыться.

Станция железной дороги — недалеко от колхоза. К станции подходит пассажирский поезд. С поезда сходят несколько рабочих семей с паровозоремонтного завода. Невеста машиниста, празднично одетая, также сходит с поезда. Ее сопровождает молодой человек — ее новый жених.

Снова экскаватор. Середняк, Кузьма и Машинист пляшут на понтоне под аккомпанемент прерывистого гудка, рукоять которого дергает один мастеровой.

На берегу появляются люди с поезда. Бывшая невеста Машиниста идет под руку со своим новым женихом.

Для приезжих с экскаватора на берег выкладывается мостик.

Плот с классом кулаков. Меж ними несколько бедняков, в том числе Тучный бедняк, а также Активист. Они видят экскаватор и происшествия на нем. Жердями они подталкивают плот в направлении экскаватора, пробираясь сквозь болотные заросли. На понтоне экскаватора совершается свидание семей рабочих с колхозниками. Бывшая невеста Машиниста представляет ему своего нового жениха:

«Это мой будущий муж».

Машинист радостно пожимает руку этому мужу:

«Здравствуй. Значит, ты с ней будешь работать в котел нашего класса: все равно!»

Кузьма отзывает машиниста к котлу экскаватора и открывает дверцу топки: там погасает огонь. Но колхозные ребятишки под командой Середняка уже подволокли к экскаватору поезд связанных между собой пустых гробов. Гробы раскалываются и идут в топку экскаватора.

К экскаватору подплывает кулацкий плот. Машина сифонит — из дымовой трубы вырываются языки огня.

Машинист и колхозники глядят на кулацкий плот. Кулаки глядят на экскаватор. Машинист обращается:

«Вы кто?»

Кулак отвечает с плота:

«Мы — как класс».

Машинист пускает в ход экскаватор. Ковш приближается к плоту, цепляет его за край и волочит вокруг экскаватора — из камышей на чистый поток. Тучный бедняк кричит с плота. Кузьма объясняет Машинисту. Машинист освобождает ковш от плота и приспускает ковш к Тучному бедняку. Бедняк забирается в ковш; с ним садятся еще двое бедняков. Кроме них за борт ковша уцепился Активист. Ковш поднимается над водой. Затем останавливается в воздухе. Машинист двигает одним из рычагов, ковш сотрясается, Активист падает в воду. Троих бедняков ковш опускает на берег.

Затем ковш энергично подталкивает плот вперед; плот увлекается течением потока и уплывает в даль, в вечерний сумрак. Девушка подходит к Машинисту.

«А если б я стала ждать тебя?»

Машинист думает.

«Зачем? Твой жених — тоже мастеровой, а мне еще много надо земли рыть».

Невеста опускает голову.
Середняк подходит к ней:

«Записывайся к нам в колхозные матеря!»

Девушка глядит на Середняка, на Машиниста и на своего жениха (простого мастерового человека) и легко улыбается.

Трое людей — Машинист, жених и Середняк — склоняются к лицу девушки и одновременно целуют ее. Кузьма тоже пытается пролезть между склонившимися туловищами — для дачи своего поцелуя — но не управляется.

(Обращаю внимание, что этот поцелуй качественно другой, чем знаменитый концевочный поцелуй. Если постановщикам сделать этот поцелуй качественно другим не удастся — тогда не делать поцелуя вовсе. Задача в том, чтобы поднять «поцелуй» из позора и сделать его свежим, социально-художественным явлением.)

<1930>

Н. В. Корниенко

Киносценарии в творческой истории «Котлована»

Очевидно, 1928 годом можно датировать замыслы нескольких киносценариев Платонова: «Епифанские шлюзы», «Лампочка Ильича», «Песчаная учительница», «Надлежащие мероприятия». Упоминание о первых трех мы находим в материалах архива 3-й кинофабрики за 1929 год; в планы кинофабрики на 1930 год был включен в конце 1929 года лишь один киносценарий Платонова — «Песчаная учительница».¹ Из трех названных сценариев только рукопись «Песчаной учительницы» представляет заверченный текст. Незавершенными остались тексты киносценариев «Надлежащие мероприятия» и «Епифанские шлюзы».² О тексте киносценария «Лампочка Ильича» ничего не известно. Можно предположить, что на кинофабрику Платонов представлял не тексты сценариев, а лишь развернутые заявки-проспекты, а также прозаические тексты будущих одноименных киносценариев. Приняв это предположение, 1929 годом можно датировать рукописи киносценариев «Епифанские шлюзы» и «Песчаная учительница». Очевидно, именно со сдачей в сценарный отдел кинофабрики сценария «Песчаная учительница» связана сделанная Платоновым не позднее апреля 1930 года «денежно-гонорарная» запись в одной из записных — ленинградских — книжек: «3 Кинофабрика, 68-22, Савостьянов, 375 руб.».³

В первой половине 1930 года Платонов делает записи и пишет наброски сразу к нескольким киносценариям на колхозно-крестьянскую и производственную темы. Одновременный характер работы Платонова в первые месяцы 1930 года над несколькими кинозамыслами подтверждают архивные материалы. Прежде всего — записные книжки 1929–1930 годов, содержащие записи к трем киносценариям: двум производственно-заводским и одному колхозному; заглавия киносценариев в книжках не указываются. Очевидно, с первыми записями в книжках корреспондируют известные две заявки на киносценарии: первая — находится в тетради с рукописью либретто сценария «Машинист» (в автографе заявки оставлен пробел для заглавия); вторая заявка, также без заглавия, на киносценарий о Ленинградском металлургическом заводе им. Сталина известна лишь в рукописной редакции. В обеих заявках нет упоминаний о деревне времени коллективизации, и они в целом отмечены печатью популярных в это время производственных жанров. Характер заявок позволяет предположить, что работе над данными киносценариями предшествовали прежде всего

¹ РГАЛИ, ф. 2936, оп. 1, ед. хр. 26, л. 41, 43. Там же, ед. хр. 30, л. 103.

² Автографы киносценариев хранятся в архиве М. А. Платоновой.

³ Платонов А. Записные книжки. Материалы к биографии. М., 2000. С. 66.

производственные очерки: «Машинисту» — наброски к очеркам о реке Тихая Сосна (частично они вошли в текст повести «Впрок»); сценарию о Ленинградском металлургическом заводе — очерки о рабочих-изобретателях, а также сохранившиеся наброски к рассказам, в которых так или иначе присутствует «турбинный» сюжет будущего сценария. Характерно, что помета «очерк» является наиболее частой в записных книжках 1930 года, непосредственно связанных с повестями «Впрок» и «Котлован».

Точными свидетельствами о том, когда Платонов приступил к работе над киносценариями, мы не располагаем. Исходными для хронологии являются прежде всего сохранившиеся тексты: большой фрагмент написанного киносценария «Турбинщики» и завершённый текст либретто сценария «Машинист». История этих текстов (о чем пойдет речь ниже) позволяет предположить, что написанный фрагмент «Турбинщиков» предшествовал повести «Впрок» и был написан не позднее мая 1930 года, а работа над «Машинистом», непосредственно примыкающим к «Котловану», была завершена летом 1930 года.

Среди незавершённых, как и «Турбинщики», остался большой фрагмент колхозного сценария. Мы предполагаем, что это самая ранняя киносценарная работа Платонова 1930 года. Создается впечатление, что, уже работая над «Котлованом», Платонов летом 1930 года попытался объединить две реальности — заводскую и крестьянскую, стоящие за недописанными сценариями. Однако имманентная логика содержания того и другого не вела к тому оптимистическому финалу, которым завершается «Машинист». Проективно-идеальный финал сценария «Машинист» с чисто платоновским решением социально-экономических вопросов года великого перелома — объединение города и деревни в общем деле спасения земли и реки — во многом соотносится со столь же немотивированной радостной интонацией, что звучит в финале повести «Впрок». Финал «Бедняцкой хроники», в котором сообщается, что «душевный бедняк» отправился «в уральские степи», не мог быть написан раньше лета 1930 года.

Безусловно, киносценарный опыт Платонова 1930 года, как и вся огромная часть кинонаследия писателя, имеет самостоятельное значение, и можно надеяться, что когда-нибудь она будет реконструирована и описана в киноведческих контекстах времени. Линии связей киносценарных опытов Платонова 1930 года с его прозой этого времени многочисленны и многообразны. Мы попытаемся прежде всего описать доступные нам материалы, так или иначе связанные с тремя названными киносценариями 1930 года, а также предложить свою версию последовательности тех или иных фрагментов. В предлагаемой версии очень много лакун, но даже доступный материал демонстрирует трудное рождение будущей повести, то явление одновременно разомкнутой и обобщающей формы, разомкнутой в прошлое и будущее, к романам «Чевенгур» и «Счастливая Москва», какой лишь «Котлован» обладает в творчестве Платонова 1929–1931 годов. Эта центральность и единственность «Котлована», вплоть до начала работы над московским романом, достаточно сложного замеса. Одной из его составляющих является платоновская хроника русской и мировой жизни рубежа 20–30-х годов: она подтверждается прежде всего поездками Платонова 1929–1932 годов по России и первыми предварительными комментариями того материала жизни, с которым писатель непосредственно соприкасался.¹ Повести «Впрок», «Ювенильное море», «Хлеб и чтение», пьесы «Шарманка» и «14 Красных

¹ Там же. С. 316–357 (примечания к записным книжкам 1930–1932 гг.).

Избушек», киносценарии «Турбинщики» и «Машинист» представляют своеобразное хранилище памяти «Котлована».

История работы Платонова над киносценариями также позволяет прояснить ряд проблемных — содержательных и формальных — узлов в творческой лаборатории «Котлована». Во-первых, она приоткрывает и подтверждает истоки и источники той множественности подходов Платонова в интерпретации событий «года великого перелома», которая определяет напряженность пути, политического, эстетического и нравственного выбора писателя на рубеже 20-30-х годов. Во-вторых, материал, стоящий за киносценариями, приоткрывает реалистические (и реальные) предыстории многих символически-загадочных фрагментов и мотивов повести. В-третьих, в отстраненном виде киносценарный поиск 1930 года содержит формулу заводской экспозиции, общей двучастной структуры «Котлована», а незавершенность двух производственных киносценариев во многом предвосхищает финал повести.

При публикации текстов используется метод динамической транскрипции. Тексты печатаются по нормам современной орфографии.

1. Из города в деревню. Общая рабочая тетрадь 1930 года

Записи и наброски к колхозному сценарию 1930 года рассредоточены по трем источникам: записным книжкам, отдельным листам и общей рабочей тетради. Часть листов из данной тетради использовалась для рукописи «Машиниста» (тетрадь с грифом Каменской писчебумажной фабрики). О том, как и когда появились у Платонова данные тетради — до поездки на Каменскую писчебумажную фабрику или после — ничего не известно. Возможно, эти факты никак не связаны друг с другом: рукопись очерка «В поисках будущего (Путешествие на Каменскую писчебумажную фабрику)» исполнена на обычных форматных листах.¹ Перед нами привычная биографическая лакуна, которую могут заполнить документы или неизвестное эпистолярное наследие Платонова этого времени. Именно с пометой «неизвестное» мы предлагаем реконструкцию доступного нам материала, так или иначе связанного с работой Платонова над колхозным киносценарием.

В записной книжке 1930 года к тексту колхозного сценария относятся две записи. Одна, без отсылки к сценарию, представляет эскиз одного из эпизодов сценария:

Кулак. Что же нам в колодезь прыгать? (когда их не приним<али> в колхоз).

Бедняк. [Прыгай] Колодец портить нельзя! Я тебя всухую кончу.

Ударил. Не убил. Силы нет. Дай хлеба. Кулак дает. Бедняк берет силу и убивает кулака.²

Вторая запись в книжке отражает характерное для начала 1930 года колебание Платонова между сценарной и очерковой формой:

Оч<ерк> (Либр<етто>). 2 демоб<илизованных> кр<асноармей>ца продают свои плетни от бедности.³

Первые эскизы сюжета о возвращении в деревню из Красной Армии двух красноармейцев находятся в рабочей тетради. Это два варианта экспозиции скорее даже не очерка, а рассказа.

¹ Автограф очерка хранится в архиве М. А. Платоновой.

² Платонов А. Записные книжки. Материалы к биографии. С. 25–26.

³ Там же. С. 33.

Первый вариант:

Шли два красноармейца осенью по [осенней] дороге, Силайлов и Нетнадный. Шли и горевали – как им дома быть.¹

Второй вариант:

В осеннее время шли по дороге два красноармейца, Силайлов и Нетнадный. Шли и горевали – как им теперь дома [быть] жить. В старину бы они обрадовались, что их отпустили из армии [жить] на родину, а теперь шли печально.

[В Красной Армии]

Когда они были в Красной Армии, то над ними небо гремело от движенья самолетов[, они ходили с музыкой мимо построек громадных заводов, учились[, как обороняться от буржуазии и побеждать] тому, как нужно жить в классовом товариществе пролетариата [и тому, отчего земля кружится], и [убирали <после> летних ман<евров> хлеб] помогали убирать хлеб с бедняцких полей. А], а здесь, в деревенской осени, небо было тихое и пустое, и сельские дворы стояли, [как] каждый в отдельной загородке.

[Хотя и трудно, но торжественно и быстро, прошло время в Красной Армии. Много теперь сознавали Силайлов и Нетнадный, — отчего земля кружится и то, как [надо] нужно жить в классовом товариществе пролетариата, — и от разных знаний и люди и природа казались]

Силайлов и Нетнадный уж отвыкли жить в здешних местах и [не знали как приступить] сучали по оставленным вдалеке, привычным товарищам.²

Вне углубления в тему трудного возвращения из городской «роскошной жизни» в деревню данный сюжет разрабатывался и в сценарной форме. Сохранившийся фрагмент сценария на эту тему также находился в общей рабочей тетради, затем, очевидно, был вынут из тетради для работы над ним (листы фрагмента имеют авторскую пагинацию в отличие от листов тетради). В фонде Платонова в РГАЛИ данный фрагмент текста был ошибочно отнесен к «наброскам времени Великой Отечественной войны».

Два красноармейца в старых шинелях идут по глухой дороге. Они печальны. Горы облаков над бедной плоской землей, заросшей бурьяном.

Красноармейцы идут мимо [просяного поля, [заро] в котором больше сорня] тощей полоски ржи. Изю ржи вырывается жаворонок. Он поет и трепещет в вечерюющем воздухе – над рожью, над красноармейцами, над всею низовою бедностью земли. Жаворонок – самая кинематографическая птица, потому что его трепещущее паренье в точности повторяет его же песню. Красноармейцы, остановившись, глядят на жаворонка; затем вывертывают свои карманы с крошками и сыплют их наземь из своей бедности.

Худая деревня [, родина] предстала возвращающимся красноармейцам. Это их родина.

Красноармеец Силайлов входит в свою избу. Его мать спит на лавке [и тараканы ползают по ней]; она жует [во сне] ртом во сне, а тараканы сидят у нее на лице

¹ РГАЛИ, ф. 2124 (А. П. Платонов), оп. 1, ед. хр. 54, л. 4. Данная рабочая тетрадь выявлена в архиве писателя Е. В. Антоновой.

² Там же, л. 4–5.

и жуют ее. Согнав тараканов с материнского лица, как расчищают мать с воды, чтобы пить, Силайлов целует спящую мать. Мать не просыпается. Силайлов [зру] озабоченно [изучает] трогает и изучает ее туловище. [В дверь] Дверь приотворяется: заглядывают и входят [чет] две [соболезную] [горюющие] загодя горящие старушки. И еще три.

Силайлов усиленно будит мать. Она не просыпается.

“Она не евши”, – говорят старушки. Силайлов [накрывает] снимает шинель, накрывает ею [мать] спящую мать и уходит.

На дворе стоит старый плетень. Силайлов вырывает его прочь, [свертывает] скатывает в свиток и несет куда-то со двора.

Внутренность избы крепкого середняка. Полно народу. Товарищ Силайлова, другой демобилизованный красноармеец – Коньшин, сидит угощается в кругу семьи, родни и знакомых. Входит Силайлов.

“Миша, купи плетень на топку!”

[Отец Коньшина]

Коньшин встает и слушает товарища. Отец Коньшина досадно машет рукой:

“Оставь его, Миша, ему бог подаст!”

Силайлов сейчас же уходит. Михаил Коньшин [догоняет] пытается нагнать Силайлова на улице.

“Погоди меня, товарищ взводный!”

Силайлов [уходит], не оглядываясь на него, уходит с плетнем на спине. Коньшин останавливается в недоумении. Он видит, как фигура Силайлова идет дальше в ночном сумраке, как Силайлов подходит к освещенной избе, близ ветряной мельницы, и находится около той избы некоторое время. [Потом]

Силайлов входит с караваем хлеба и корчажкой молока в свою избу. Изба [почти] его уже полна народу, – это старухи, худо одетые бедняки с жадными, внимательными, умными лицами и подростки. Мать глядит на сына [и морщится] [<вар.:>, крестит его], морщит лицо, не имея силы заплакать, и крестит сына. Сын приподымает ее и поит из блюдца молоком.

Достав затем чашку, он выливает в нее молоко из корчажки, крошит туда хлеб и начинает есть ложкой. Он приглашает есть и других; все вначале совестливо отнекиваются, но потом постепенно входят в участие и едят из одной чашки – молча и в голой избе.

Утро. Силайлов идет за водой к колодцу. Колодец против кирпичной избы. Крышка колодца заперта на замок. Силайлов поддевает колом крышку, срывает замок и достает воду. Из кирпичной избы выбегает тощий, яростный мужик – в чулках, в жилетке и с кнутом в руке.

“Мой колодезь, босота! Не смей напиваться – сами копайте!”

Силайлов уже вытащил ведро с водой и пошел. Едкий мужик бежит за Силайловым и, догнав, бьет ногой по ведру – так что вода выливается.

[– Зачем?– [споко] говорит Силайлов –]

Силайлов спокойно останавливается.

“Зачем? Я же у тебя десять весен батрачил!”

[Кулак] Мужик в жилетке выхватывает [ведро] ведро [и выливает остатки воды на землю] и выливает остатки воды на землю.

[“Не пей чужого, советско]

“Чужой жидкости захотел, [совет] [орго] беспортошный класс[!"]? Пойди у Сталина напейся!”

Силайлов в мгновенном ожесточении дает мужику удар – и тот опрокидывается на голову, потом хватается руками за землю и идет некоторое время на руках, вниз головой. Затем мужик в жилетке спокойно встает и говорит Силайлову – почти что равнодушно:

“Видал? Мы и кверху ногами проживем, [а ты] а тебя и ноги не удержат”.

[Силайлов подходит к избе, на которой [написано К] висит вывеска: “Комитет Крестьянской Общественной Взаимопомощи деревни Мчалово”.

В Комитете сидит [старичок] древний старичок, который режет хлеб на мелкие осьмушки и сверх каждого ломтя хлеба кладет ягодку и кусочек сахару.

[На стене] Отпустив порцию Силайлову, старичок записал учет на стене: “[Красно] Воину – одна норма”.

Силайлов угрюмо]

[Сидит]

[Стоит корова]

На краю деревни сидит на пеньке древний старичок. На груди у него [висит вывеска] висит самодельная вывеска: [“Комитет” “Крестком”. Старичок пасет [корову] полную корову. Около старичка стоит [цыб] цыбарка с молоком и кружка. Силайлов подходит к старичку. [Старичок испраши] Крестком-старичок спрашивает у Силантьева <sic> документы. Силайлов предъясняет их. Крестком, изучив через очки бумажки, черпает из цыбарки кружку молока, достает из кармана кусок сахару и подает всю эту [пищу] пищу Силайлову. Силайлов угрюмо выпил молоко. Крестком вынул из-за пазухи разносную книгу и дал ее Силайлову расписаться.¹

Всегда столь характерным для художественной лаборатории Платонова напряженным поиском экспозиции частично можно объяснить и появление фрагмента под заглавием «Ветер-пахарь», в котором вместо двух героев-красноармейцев появляется один (лишь отметим, что к найденной в данных киносценарных опытах формуле экспозиции Платонов вернется в рассказе «Река Потудань»).

Ветер-пахарь

В осеннее время шел по дороге отпущенный красноармеец Силайлов, а в лицо ему дул ветер. Силайлов с печалью поглядел на пустое деревенское небо, потому что когда он был в Красной Армии, то над ним небо гремело от движенья [аэропланов] самолетов.

– А пахать нечем! – сказал Силайлов, чувствуя [силу ветра [и то, что у него нет лошадиной силы для пахоты почвы.] и то, что для пахоты почвы], что ветер силен, а [пахать почву] лошади нету.

Мать Силайлова [лежал] давно лежала в болезни и старчестве. Как покинул ее Силайлов два года назад, так и возвратился – мать все лежала на том же боку.

– Пришел, сынок? – спросила мать.

– Явился, мамаша.

[– Знать, не убили тебя на войне-то?]

– Ну возьми кашки сухой поешь – нечем тебя и угостить-то! Я вся плохая лежу.

– А зачем меня угощать? – сказал красноармеец. – Это я тебя должен кормить, а не ты!

¹ Там же, ед. хр. 65, л. 1–4 об.

– Да ведь теперь, сынок, люди говорят, что старым [б] жить не полагается...
– Брежут твои люди, мать. У нас союз поколений: старый и малый – все одно, раз [они одним [наш] лозунгом] у них общий лозунг!

[– Да то ты, сы]

– Да, знать, так-то, сынок: тебе видней!

Вышел Силайлов на двор – нет на нем [ничем] ничего. [Сарай уже от времени повалился] Сарая уже не было, его, наверно, мать [продала] на хлеб променяла, один только [на серед] бурьян растет, да плетень уцелел.

[Вырвал] Вырвал Силайлов плетень, скатал его в громадный свиток и поволок кому-нибудь продавать. Выволок на улицу, а там уж нет никого, потому <что> время было осеннее и вечер.

[Знал] Силайлов знал, что их деревня безлесная и холодная, плетень каждому годен в печку, но народ живет неимущий, – едва ли кто купит плетень. Есть на конце деревни [зажиточ] зажиточные дворы, есть там два богатых [мельника] ветряных мельника, но не хотелось Силайлову из Красной Армии идти к кулакам. Пусть уж лучше мать ест [суху] сухую кашу от завтрашнего дня, а [завтра] [за ночь он] завтра он накормит старушку.

Но ехал в тот час угольщик [в город продавать] из города, продав свое жженое добро, и Силайлов спросил [его:] [черного,] его:

– Дядь, почем уголья продавал?

– Чартак! – ответил черный человек из [своей плетеной кошо] своего хворостяного кузова.

– Дядь, купи плетень! – попросил Силайлов.

– Он нам не гож! – отказался угольный [крестьянин] мужик. – Он дюже сохлый, из него товара не нагорит, он сгорит.

– А ты его намочи!

– Не, – сказал угольщик.

– Ты, значит, не умеешь, – сказал Силайлов, – я бы сумел.

– На гривенник!

– Давай, – согласился Силайлов, и взяв деньги, [положил] [сложил] поднял из всех сил плетень в [угол] кузов. Угольщик поехал в свою дальнюю деревню, а Силайлов пошел в кооперацию за мягким хлебом для матери.

[Озимых [мать] зеленой мать не сеяла, и многие другие деревенские бедняки тоже [жили] оставили землю порожней до весны]

На другой день Силайлов узнал в сельсовете, что земля безлошадной бедноты стоит почти вся несаянная, потому что живой тяги нету, а брать лошадей из кулацкого класса, так у бедноты бюджета не хватает, – тем более, что кулачество берет теперь за пахоту наличными и без рассрочки.

– А что у вас есть? – спросил Силайлов.

– Ветряная мельница есть, и та сломатая, – сказал сельсовет.

– А культура?]

– Ее нету, только стараемся, – сообщил сельсовет. – Ждали – вот ты приедешь, вот Федька Нетнадный из морского флота вернется – тогда уж [вам] организуем полный актив!

– Эх вы, дяди-тетки! – обиделся Силайлов. – Вы бы хоть безлошадную бедноту с одноконной середнотой соединили, хоть бы маленькую артель иль], и ушел в огорчении.

Надо бы давно еще соединить безлошадную бедноту хотя бы с одноконной [беднотой] середнотой, тогда бы и середняки получили [льготы] машины и лучшие

семена, как колхозные члены, и бедняцкая почва была бы засеяна озимым хлебом. [Но теперь [поздно] уж [уб] развивать] некогда устным способом развивать перед середняками пользу.]

Однако, уже осень была на дворе и дул ветер над порожней бедняцкой землей. [Силайлов долго [раз] глядел на сельсоветскую мельницу и гадал про себя какую-то [мы] мысль. Два крыла у мельницы были хорошие, а два худые, внутренние же передаточные снасти имели годное состояние. Отошел от мельницы, Силайлов [собрал] постучал во все избы бедноты и повел за собой в сельсовет все девять человек, самых горюнов.

– Отдай нашей артели мельницу! – сказал Силайлов в совете.

[– А ты что?]

– Бери, если!¹

Под этим же заглавием в рабочей тетради находится и еще один фрагмент: время изображенных в нем событий сдвинуто к началу 20-х годов. Рассказ написан как воспоминание о воронежских событиях тех лет. Пытаясь дотянуть до 1929 года собственный мелиоративный опыт борьбы с засухой и голодом Платонов пишет во многом автобиографический сюжет: история строительства мельницы от 1922 года доводится до осени 1929 года, а соединяет автобиографический и современный сюжет встреча с красноармейцем. Обрыв повествования, как мы увидим, столь же симптоматичен, как и в предыдущем наброске.

Ветер-пахарь

В 1922-м году председатель Воронежского Губисполкома тов. Новиков позвал меня к себе домой и сказал:

– Вот что. На тебе эту деревянную машину, ты попробуй ее со своими техниками: годится ли она пахать!

Новиков передал мне модель сложной ветряной мельницы, высотой в полметра. Я разглядел устройство машины. [Раб] [В] Самое мельничное рабочее колесо имело много лопастей, такие [же] мельницы [упот] устраиваются в Америке. От главного вала шел вниз [, на площадку] вертикальный, стоячий [з] вал. А внизу, на площадке, устроен был барабан-лебедка. Эту лебедку мог вертеть стоячий вал [, который имел]. Верхний [лежащий] главный вал [со стоячим] был еще сцеплен [конической] со стоячим валом коническими шестернями, и такими же [передавал движение] шестернями передавалось движение на лебедку. [Плат]

Вся ветряная машина стояла на платформе, а платформа имела, как телега, четыре колеса.

– Заметь, – сказал мне т. Новиков, – во всей мельнице нет ни одного гвоздя и ни одной железной части, только – одно дерево.

Я заметил, что это – действительно правда. Где нужны были гвозди, железные скобы и всякие схватки – всюду стояли [шипы,] клинушки, чеки и различные поперечинки.

– А не рассыдется, не рассыпется? – спросил я.

– Нет, – ответил Новиков. – Что может выскочить, то закреплено насквозь и с обеих <sic> сторон чеки вдеты. [Z] Я понял Железа у нас мало, вот я [и при] и сделал так, чтоб такую мельницу в каждом селе могли устроить...

¹ Там же, ед. хр. 54, л. 9, 15–19.

Тот год у нас был трудный. Только [что] что кончилась война с Польшей, а до нее была гражданская война и еще раньше – царская. Коней [е] почти всех забрали на эти войны и там побили или изувечили. Нечем стало пахать землю под хлеб, а тракторов тогда у нас вовсе не было. [Не было еще] Так же не было у нас ни гвоздей, ни веревок, [были] но были деревья, и то потому, что они сами росли. Значит, ветряная мельница Новикова была хорошо выдумана, что не требовала ни одной железки.

Лебедка во время действия ветряка должна вращаться и [набирать] [накрущ] накручивать на себя толстую веревку, а [з] на другой конец веревки будет прицеплен плуг. [Значит] Раз мельница на колесах, то ее надо отвезти сначала на пахотное поле, [ветер [нач] будет ее крутить] и там поставить.

Ветер будет крутить крылья, лебедка потянет веревку и плуг станет тащиться и пахать силою ветра. А по мере пахоты мельницу следует понемножку продвигать.

У товарища Новикова было тягостное сомнение – не опрокинет ли сильный ветер его пашущую мельницу, а также не случится ли еще чего-нибудь скверного.

Про то и должны сказать свое мнение инженеры, с которыми я тогда работал.

В тот же день я передал маленькую мельницу Новикова своему товарищу – инженеру-механику, чтобы он испытал ее действие.

Нам же надо было спешить. Посевы хлебов тогда были столь же важны, как теперь индустриализация. Лошадей в губернии существовало очень мало, бедняцкая земля лежала вовсе порожняя, – значит [надо найти] нужно немедленно найти любую силу, которая могла бы пахать. В случае успеха [ветр] ветряной пахоты, мы бы могли быстро сделать сотни пашущих ветряков, а тогда нам каждый лишний гектар посева был дорог.

Инженер-механик целую неделю ходил с мельницей Новикова по степи и все [ее] пробовал ее работу[. Не стерпев, я взял у него мельницу назад], но никак не мог дать своего научного решения. Не стерпев, я взял у него мельницу назад и стал испытывать ее сам, вместе со своим другом-техником. [С эти] Сильный ветер[. правда,] нисколько не опрокидывал мельницы, а только двигал ее произвольно, когда не нужно. Тогда мы приделали к мельнице якорь на веревочке [и тем держа], вонзали тот якорь в землю и тем держали всю машину неподвижно. Далее мы построили маленький плужок, прицепили его длинной бечевой к лебедке, [лебедка] и лебедка [медле] потянула [плу] плуг, а плуг стал глубоко корябать почву.

После того, мы [увидели, что] сосчитали, что когда пахарь-ветряк будет большим и настоящим, то нужно четыре лошади, чтобы его передвигать, а лошадей-то как раз и не было. Кроме того, ветряк тянул плуг только в одну сторону – к себе, а обратно, стало быть, нужно заносить плуг [е] руками.

Поработав еще три дня, мы сделали в мельнице устройство, то есть передачу движения с лебедки на колесную ось, – с тем, чтобы [мельницу] мельница передвигалась самоходом, тою же силой ветра[. когда ее нужно]. Испытав это добавочное устройство, мы увидели, что оно – хорошо. Вся машина покорно, хотя и медленно, передвигалась даже против ветра. Стало быть, лошади нам никогда не нужны. А чтобы пахать в обе стороны – требовались две ветряные машины, иначе ничего не выходило. Один ветряк должен стоять [на] [на этой стороне] с этой стороны пашни, а другой – с той, и работать попеременно: одна машина тянет плуг [в свою сторону] к себе, а другая только отпускает веревку; а затем начинает тянуть вторая машина, а эта только разматывает веревку с лебедки.

Через неделю мы [её] построили в мастерской вторую, точно такую же, ветряную мельницу, – и вышли в поле на пробную пахоту. Наши мельницы сами ездили и сами пахали, мы же [толь] лишь управляли ими, присев на корточки.

Громко обрадовавшись, мы пошли к тов. Новикову, чтобы он узнал, [какой ветер] что ветер есть пахарь и усердный труженик, а машина Новикова – [э] покорна и хороша.

Однако, Новикова уже не было в городе. Он уехал в другое, далекое место на важную работу. Мы послали ему письмо, но письмо не нашло необходимого нам человека. [Мы стали [за] сами заб] С тех пор я навсегда потерял товарища Новикова.

[Мы] Тогда мы сами стали заботиться о ветровой пахоте. Мы читали [лекции] доклады в залах, где сидели агрономы и показывали им машину Новикова, но агрономы в то время [больше] слишком любили лошадей и навоз, – [а лошадей было мало и хлеба не хватало. Но] однако хлеб нужно есть каждый день, а пахать было нечем; новые же лошади вырастут нескоро.

Агрономы говорили нам:

– Это – мечта. Кроме того, ваша машина не дает навоза, а лошадь дает!

– Мы отвечали:

– Если ветер мелет зерно, то он может и пахать. Удобрять же поля можно и фосфоритами, которые у нас в Нижнедевицком уезде наружи земли лежат.

– А все-таки нам нужно конское поголовье, а не деревянные вертушки...

Осерчав на всех, мы стали заниматься машинным орошением [ого] огородов близ нашего города, дабы [уб] [не бояться засухи и доказать старикам-агрономам, что [без] [мы] с ними толькo без хлеба будешь] найти победу над засухой, [которая] ибо засуха часто приходила в [нашу губернию, не боясь] наши поля, не [боясь] пугаясь стариков-агрономов.

Мельницы-пахари долго стояли без нашего внимания, хотя мы их не перестали любить.

К тому времени мы начали постройку одной деревенской электрической станции. К нам в контору ходило много крестьян и мы не заметили, как неизвестный жулик своровал наши мельницы.

[Правда]

И вот прошло много лет. Наши мельницы выросли, из моделей они стали большими и пахали [по-настоящему] землю в колхозе “Красный Мир”. Я встретил своих знакомых ветряных пахарей нечаянно и сразу узнал их, хотя они были теперь громадными и [воло] [тянули четырехлемешной плуг] рыли четырехлемешным плугом тяжелую степную землю. Войдя на платформу ветряного двигателя, я поздоровался с человеком [красно] в красноармейской шинели и узнал, отчего теперь [пащут] [наше] выросли и пащут наши украденные мельницы.¹

Прозаическую и сценарную версии темы возвращения в деревню роднит общая для них интонация тупика. Платонов подходит к социально-экономическим конфликтам деревни конца 20-х годов и отступает: история мельницы станет тем техническим фокусом, что освещает историю деревни через призму идей социального и технического прогресса. «Как же и за кого в конце концов выйдет замуж с<ельское> х<озяйство> ЦЧ области, — писал «губмелиоратор» Платонов в 1927 году. — Нам думается, с. х. должно выйти замуж за промышленность».² Для Платонова-производственника кризис хлебозаготовительной кампании 1928–1929 годов был следствием и итогом новой экономической политики, которая привела

¹ Там же, л. 10, 6–8, 11–14, 20.

² Платонов А. О дешевом водном транспорте Черноземного края // Тамбовская правда. 1927. 12 янв.

к очередному социальному расслоению деревни, при этом не решив вопросов землепользования. В очерке «Че-Че-О» (1928), говоря о «трагическом положении, которое в деревне есть сейчас», Платонов вновь скажет о необходимости государственной поддержки самых разных форм технической помощи деревне: «... в деревне, кроме коллективов, нужны в первую очередь землеустройство, мелиорация и огнестойкое строительство». В период нэпа тракторные отряды, созданные декретом СНК «О едином тракторном хозяйстве» (1920), были практически ликвидированы, так как не находили применения при доминировании индивидуального мелкого хозяйства.¹ В июне 1930 года в политическом отчете ЦК XVI съезду ВКП (б) Сталин подтвердил, что основным для развития сельского хозяйства «остается один путь, путь укрупнения сельского хозяйства, путь насаждения крупных хозяйств, вооруженных современной техникой».² Тезис «МТС как центры сплошной коллективизации»,³ становится в 1930 году одним из ключевых «лозунгов»: на МТС возлагается основная подготовка к весеннему севу в РСХ (районах сплошной коллективизации); разделы «В области МТС» входят во все директивные постановления СНК 1930–1931 годов. Платонов к программам технического перевооружения деревни, предложенным государством в 1930 году, относился внимательно и сочувственно, что найдет отражение в очерках 1930-х годов. «Первый Иван», «Товарищ пролетариата», «По заволжским МТС», в сценарии «Машинист», в повестях «Впрок», «Хлеб и чтение», «Ювенильное море». Лишь повесть «Котлован» выведена из этого ряда, а технические аллюзии эпохи введены в широкий культурно-философский контекст и в основном доверены рабочему Вошеву и инженеру Прушевскому.

В рабочей тетради находятся и два «заводских» прозаических наброска. Первый — «Изобретатели и аварийцы» — о судьбе английского мальчика-пролетария. Второй — о дореволюционной судьбе русской рабочей семьи. Они в тетради далеко отстоят друг от друга, но явно перекликаются в общем контексте активной разработки Платоновым на рубеже 20-30-х годов инженерной проблематики и темы рабочего изобретательства (см. очерк «Товарищ пролетариата»).

Русский и английский сюжет высвечивают еще одну «родную» для Платонова тему — человека и машины. Техническая тема — усовершенствование парового котла — погружается Платоновым сразу в несколько контекстов. Ее исторический контекст связан с великими изобретателями машин — Уаттом и Дизелем. Политический — с политической ставкой 1930 года на массовое рабочее изобретательство, которое противопоставлялось работе «спецов». Социальный контекст — с характерным для «буржуазной культуры» и дореволюционной жизни отчуждением от машины рабочих, «великих героев, мучеников и гениев терпения и труда», как писал Платонов в статье 1920 года «Герои труда. Кузнец, слесарь и литейщик». Эти контексты — своеобразные концентрические круги вокруг биографического ядра данной темы: детский опыт Андрея Климентова, в 14 лет работавшего в имени помощником машиниста локомотива, а с 15 лет — литейщиком на Воронежском трубном заводе; жизнь отца — Платона Фирсовича Климентова, до революции слесаря Воронежских железнодорожных мастерских; к 1920 году «Платон Фирсович Климентов, или просто Фирсыч, Кирсаных, слесарь гидравлического прессы колесного цеха тех же мастерских, проработал двадцать пять лет, получил грыжу, потерял зрение и почти оглох» (статья «Герои труда...»). В 1930 году «лучший производственник-старик Платон Фирсович Климентов» работал приемщиком в колесном цехе Воронежского паровозоремонтного завода им. Дзержинского.⁴

В начале 1920 года на рабочем столе Платонова появляются чертежи и записки к новой усовершенствованной турбине (они доверены герою одноименного рассказа 1920 года «Маркун»); в 1924 году Платонов получает авторское свидетельство на «Паровую турбину внутреннего парообразования». «Всякая теория — ложь, если ее не оправдывает опыт», — может быть, и это умозаключение Маркуна, чей опыт оказался неудачным, привело Платонова в 1930 году на Ленинградский металлический завод,

¹ См.: Тракторизация сельского хозяйства. М., 1930; Данилов В. П. Создание материально-технических предпосылок коллективизации сельского хозяйства в СССР. М., 1957. С. 288–295.

² Цит. по: Сталин И. В. Сочинения. М., 1952. Т. 12. С. 279.

³ Социалистическое земледелие. 1930. 11 февр.

⁴ См.: Подъем. 1931. № 6–7. С. 253.

ставший в конце 20-х годов центром советского турбостроения. Лишь отметим, что данный автобиографический сюжет, активно разрабатываемый в 1930 году, затем возникает в статье Платонова 1937 года «Книги о великих инженерах», посвященной книге Л. Гумилевского «Рудольф Дизель, его жизнь и деятельность» (1933), а также в пьесе «Голос отца» (1937–1939). Утверждение А.Харитонов, что «в ранних набросках (пьесы. — Н. К.) ощутимы непосредственные впечатления Платонова от знакомства с персонажами книги Гумилевского: так, например, первоначально герой Платонова также занимался усовершенствованием “паровых котлов”...»,¹ нуждается в существенной корректировке. Кладка источников шла в противоположном направлении: именно изобретательские опыты самого Платонова и их художественное осмысление в самых разных текстах начала 30-х годов легли в основу статьи о Гумилевском (текст статьи переполнен автобиографическими аллюзиями). Не случайна в статье и оговорка Платонова, что при всей художественной ценности трудов Гумилевского, «мы понимаем также достоверность, точность и добросовестность его книг с биографической, технической и популяризаторской стороны дела». Данный автобиографический сюжет, связанный с «паровыми котлами», не раз еще самыми разными мотивами обозначится в прозе Платонова 30–40-х годов («Афродита», «Сампо»).

В публикуемых ниже набросках о рабочей династии Пономаревых — деда, отца и внука — автобиографические метки достаточно разнообразны, при этом они даются с характерным для текста Платонова смешением хронологии, когда даты реальных событий рассказа корреспондируют с временем написания текста: внук Пономарева, как и Андрей Климентов, в 14 лет приходит работать на чугуно-литейный и механический завод, отцу Платонова в 1930 году, как и отцу героя рассказа, исполнилось 50 лет, он имеет «тридцатилетний стаж работы»; имя отца — Фирс, это имя деда писателя по отцу и т.д. Скорбная пролетарская судьба кузнеца-пролетария Пономарева — дальнейшее развитие образа работающего и после революции на паровом молоте в кузнице «изувеченного трудом», «неграмотного кузнеца Алексея Филатыча Неведрова» (статья «Герои труда...»), и это лишь одна из реалистических предысторий образа медведя-молотобойца в «Котловане».

< I >

[Изобретатель аварииц]

[Изобретатели и аварийцы]

Изобретатели и аварийцы

[Один английский ма]

Один английский мальчик, по имени Ральф, работал в старину [на] около цилиндра паровой машины изобретателя Уатта. Ральф сидел на деревяшке и открывал [кран] своею рукой кран [около], чтобы в цилиндр шла [вода] холодная вода и охлаждала там горячий [кр] пар. [Напустив] Пустив в машину достаточно воды, Ральф [запирал водяной кран и открывал] этот кран запирал и открывал другой, [из которого] посредством которого из цилиндра выходила вода обратно. Теперь вода уже была горячей, потому что [была] в ней растворился пар. Затем мальчик [и] закрывал и этот кран и открывал третий, чтобы в цилиндр машины входил новый пар. Напустив [пару] пар, Ральф опять открывал первый водяной кран, потом второй, третий, снова первый и так далее, целых двенадцать часов в сутки одинаково. Поршень той старинной паровой машины поднимался и опять опускался. Поршень [этот], это диск, круглый<,> как [как] тарелка, и он действовал [и] равномерно и скучно, потому что мальчик не давал ему покоя паром и водой. Однако и мальчик

¹ Харитонов А.А. Пьеса А. П. Платонова «Голос отца» («Молчание»): История текста — история замысла // Из творческого наследия русских писателей XX века. М. Шолохов—А. Платонов—Л. Леонов. СПб., 1995. С.395.

тоже работал однообразно, как поршень, [ново] вечно поворачивая краны то вправо, то влево. Но поршню было хорошо, он не живой, а чугунный. Ральф же был живой [и [веселый] резвый,] <,> и потому он целыми длинными днями грустил у машины. В первый месяц работы он пел песни, слышанные от матери еще тогда, когда он ел кашу из блюда.

[Но] Во второй месяц Ральф петь уже перестал и [си] опечалился от тоски.¹

< II >

[Старик Пономарев работал на чугунно-литейном и механическом заводе [двадцать] имени Дзержинского]

Макарий Пономарев работал на заводе до тех пор, пока не стал стариком и не умер. Он двадцать три года был в кузнечном цехе молотобойцем<,> и сердце его в конце концов остановилось от утомительной жизни [как раз в то время]. Это случилось в то время, когда [было] на заводе ожидали первый паровой молот. Гроб Пономареву сделали в столярной мастерской завода бесплатно – [эта] такая льгота полагалась при капитализме всякому мертвому рабочему. Гроб понес домой сын Пономарева, тридцатилетний Фирс, сам уже работавший слесарем десять лет. В воротах Фирс обождал на том же заводе. В воротах Фирс обождал с пустым гробом на голове, пока паровоз осаживал на заводской двор две платформы с [пар] первым паровым [краном] молотом.

На следующее утро [Мак] молотобоец Макарий Пономарев был закопан [в землю] навсегда в глубину земли, а его сын Фирс остался на заводе сиротой. [Де] И еще целых двадцать лет Фирс работал на заводе без родни, пока уж совсем не обратился в усталого старика. За [эти] тридцать лет труда перед Фирсом, моим отцом, прошли целые поколения машин. Пришел паровой молот, изработался и умер. Вслед ему явился электрический, более работоспособный<,> молот, и тоже успел изнаситься. Паровая машина несколько раз менялась на глазах моего отца – старинная золотниковая была удалена, на ее место стала клапанная, потом компаунд-машина, затем едкая быстрходная турбина. И все это безвозвратно удалилось. В одно утро явились на завод заграничные монтеры и занялись установкой маленьких электромоторов на каждом станке, а трансмиссии, по которым совершалась передача движения от паровой машины к станкам, были сняты вовсе. Мастерские равнодушно следили за переменами: они не давали им [ни] лучшего заработка, [ни] и не сокращали времени труда. Машины развивались, человек же был угрюм и неподвижен.

[Когда мне сравнялось четырнадцать лет]

[Каждый год на]

Когда мне сравнялось четырнадцать лет, а отцу пятьдесят, я был определен работать на [завод,] этот же чугунно-литейный и механический завод, где [нек] некогда истомился до смерти мой дед и [где закончил] теперь отец заканчивал свои [силы] жизненные силы [мой отец].

[Мой отец]

[Меня привели в электрический цех [и поставили <нрзб>] и велели таскать]

[Был июль месяц, когда я вошел]

[В июле месяце отец привел меня за руку в электрический цех и]

[Тогда он привел за руку своего сына, четырнадцати лет]²

¹ РГАЛИ, ф. 2124, оп. 1, ед. хр. 54, л.1–2.

² Там же, л. 21–22 об.

Безусловный интерес представляют и находящиеся в тетради два драматургических наброска (запись к ним также сохранилась и в записной книжке 1930 года). Лишь отметим, что единственный драматургический сюжет в рабочей тетради является реальным указателем к теме драматургических опытов Платонова 1930 года, также входящих в контекст творческой истории «Котлована». Не исключено, что утрачены или пока неизвестны записные книжки 1930 года, относящиеся к драматургическим поискам писателя. Рукопись пьесы «Шарманка» содержит прямую отсылку к лету–осени 1930 года: среди оборотов рукописи пьесы находятся машинописные листы второй редакции повести «Впрок», которая создавалась в это время.

Пьеса

Действ<ующие> лица:

1. [Щеватый] Череватов лет тридцати
2. Его товарищ – Люднов
3. Девушка
4. Супоев

Время – индустриализация

Место – большой новый советский город типа Сталинграда, Комбайна и т. п.

1-й акт

(Камера советского домзака)

Четыре кровати заняты заключенными. Пятая свободна. Впускают Череватова.

1-й заключенный. – И ты попал в бочку социализма?

2-й заключенный – Ты кто – троцкист, что ли?

3-й заключенный – [Наверно] Едва ли. У него на лице сомненья нет, он другой какой-то.

[4-й заключ<енный>]

1-й заключенный. – Наверно, пролетариат обидел, стервец!

[4-й заключ<енный>]¹

Мы предполагаем, что данные наброски в рабочей тетради относятся к самым ранним записям в ней. Поиск фамилии одного из героев (Щеватый / Череватов) позволяет предположить, что наброски предшествовали работе над сценарием «Турбинчики», одним из главных героев которого является рабочий Череватов. Незавершенность судьбы Череватова в сценарии позволяет также предположить, что в драматургическом наброске дается одна из версий финала сценария. Это предположение подтверждает и явно примыкающий к данным драматургическим наброскам сохранившийся набросок экспозиции прозаического текста, также относящийся к тюремного эпизоду жизни в чем-то «сомневающегося» Череватова. Фигура умолчания в диалоге Череватова с начальником тюрьмы достаточно символична и напоминает не только диалог Макара Ганушкина с директором психиатрической клиники, но и вторую редакцию диалога Крушилова / Упоева в повести «Впрок».

В тюрьму привели человека. Жизнь его проходила все более печально, все надежды скрывались без вести, но сердце его билось все более часто и грудь нагревалась неизвестным счастьем.

Начальник тюрьмы, более грустный, чем новый заключенный, начал снимать с приведенного человека анкету и удивлялся словам узника. Закончив список сведений, начальник позвал надзирателя и сказал ему:

– Проводи товарища Череватова в седьмой номер. Дайте ему ужин и чай.

¹ Там же, л. 24, 23.

В седьмом номере стояло четыре койки и два столика, но никакого населения не было.

В тоске по людям Череватов сел в шапку на одну койку и долго сидел, не чувствуя смысла устраиваться здесь. Поев затем говядины и каши, заключенный встал на спинку койки и начал смотреть в город и свободу. Вечерний летний мир был освещен электрической силой, и странен был этот мертвый, точный свет над синими живущими деревьями и над молодыми лицами людей, склонившимися друг к другу. Череватов подышал через решетку прохладным теплым воздухом, каким дышит множество оставленных им на воле людей, – он почувствовал запах пота, газа машин и напряженной юности, и <,>волнуясь<,> протянул руки наружу. Часовой, ходивший по доскам на ограде, остановился против вытянутых рук и сказал Череватову: “Ступай спать, во сне скорей срок твой кончится!”

Череватов отошел от окна и помолчал среди камеры в недоумении неволи. Наставала тьма и сиротство; запертый человек не знал, что ему теперь чувствовать и с кем утомлять тоску своей жизни. Он прислонился к прочной, мертвой двери и стал слушать, как ходит в туфлях по коридору надзиратель. Человек был близко, он иногда что-то бормотал ¹

Рабочая тетрадь, основные материалы из которой представлены в настоящей публикации, содержит и еще один самостоятельный сюжет, имеющий отношение как к творческой истории «Котлована», так и к записным книжкам 1930 года. Это пятнадцать записей, которые вписаны на последнем листе тетради. Оставляя открытым вопрос о временном соотношении книжки и тетради, выскажем предположение, что накапливавшиеся в тетради записи затем переносились Платоновым в записную книжку. Лист с записями представляет своеобразную миниатюрную записную книжку, сопровождавшую работу писателя сразу над несколькими замыслами, лишь часть из которых находится в данной тетради. К очерку и сценарию о красноармейце относятся 4-я и 7-я записи. Другие записи ведут как к известным, так и неизвестным произведениям писателя 1930 года: 1-я — к рассказу-очерку «Факт (Очерк про двух отсталых рабочих)»;² 2-я — к повести «Впрок», 10-я и 13-я — частично примыкают к сценарию «Машинист». Связка «тетрадь–книжка» и перетекаемость записей входит, как нам кажется, еще одной составляющей в историю текста повестей «Впрок» и «Котлован».

<1> К<a>к же толстый арбуз может раст<i> на тонкой жилке.

<2> Призывал женщин забросить бога и броситься в стр<oительст>во.

<3> Ни тинь-ти-лю-лю!

<4> – Сколько стоят уголья?
– Чартак!

<5> – Я видел оседл<анных> собак.
– Я тоже. Но я не вид<ел> людей, едущ<их> верх<ом> на собаках.

<6> – Вы не знаете слова шантаж. К<a>к же я могу Вас шантажировать?!

<7> Кулаки не давали бедноте воды в колодц<е>.

<8> Мачту радио ломают.

¹ Платонов А. Записные книжки. Материалы к биографии. С. 259–260.

² Там же. С. 285–294.

<9> Как справимся не знаем, но все берем в свои руки, других рук нету.

<10> Мы пришли по свету.

<11> Ураган сорвал собрание и оно было отменено<,> чтобы [собр] люди уцелели д<ля> собр<ания>.

<12> Старики сидят и плачут, их все оставили, им скучно.

<13> Колхоз возбуждается радиомузыкой.

<14> Зашагал, как в сберкассе.

<15> При напomin<ании> о надобн<ости> думать, все смеются.¹

Из деревни в город. «Турбинщики»

Исходя из свода самых разных доступных архивных материалов, мы предполагаем, что с конца 1929 по март-апрель 1930 года Платонов жил в Ленинграде и работал в турбинной мастерской на Ленинградском металлическом заводе им. И. В. Сталина. Обстоятельства, приведшие Платонова в 1930 году в Ленинград, неизвестны. В Москве семья Платонова не имела постоянной квартиры до конца 1931 года; о переезде в Ленинград речь шла уже осенью 1926 года.² Можно предположить, что в ленинградской жизни Платонова начала 1930 года есть и «технический» след. В 1924–1925 годах Платонов работал над конструкцией паровой турбины внутреннего сгорания (в 20-е годы Комитет по изобретениям находился в Ленинграде); с Ленинградом были связаны и поездки Платонова в 1926 году за понтонным экскаватором. В 1930 году писатель связан с Гостехконторой по рационализации промышленности³ и возвращается к активной изобретательской деятельности. Мы предполагаем, что именно технические «турбинные» разработки могли привести опытного производственника и изобретателя Платонова в Ленинград.⁴

Другим источником нашего предположения является стоящая особняком записная техническая книжка Платонова. В ее датировке, как и в атрибуции записей, помог находящийся в архиве Платонова фрагмент газеты «Полюстровский гигант».⁵ Газета являлась печатным органом Металлического завода крупного машиностроения им. Сталина (Ленинград, Полюстровская наб., 19). В производственных записях, как и в фамилиях инженеров, рабочих, Платонов, как всегда, точен. Материалы «Полюстровского гиганта» за 1929–1930 годы позволили нам откомментировать практически все сюжеты технико-производственной книжки.⁶ Записанные на форзацах данной книжки адреса и телефоны также в основном ленинградские. Так помета о Ленинградской писчебумажной фабрике им. Зиновьева, возможно, связана с несколькими

¹ РГАЛИ, ф. 2124, оп. 1, ед.хр. 54, л. 25.

² См.: Творчество Андрея Платонова: Исследования. Материалы. Библиография. СПб., 1995. С. 165.

³ 26 декабря 1930 года Платонову выдана справка Государственной специальной технической конторы по рационализации химической промышленности СССР «Оргхим» о зачислении его на курсы (См.: РГАЛИ, ф. 2124, оп. 1, ед. хр. 8, л. 1).

⁴ Ленинградский металлический завод — один из старейших заводов России (основан в 1857 году); производство турбин было начато в 1904 году; за предреволюционный период выпущено 25 мелких турбин общей мощностью 9000 квт; после гражданской войны выпуск турбин был возобновлен лишь в 1923 году. В апреле 1930 года завод досрочно выпустил первую в СССР мощную турбину; в связи с этим событием И. В. Сталин направил приветствие рабочим завода (см.: Ленинградская правда. 1930. 23 апр.).

⁵ РГАЛИ, ф. 2124, оп. 1, ед. хр. 109. Разыскание Е. В. Антоновой.

⁶ Платонов А. Записные книжки. С. 338–344.

записями в книжке на «всембумпромовскую» тему и может прояснить «ленинградский» маршрут одного из героев очерка «В поисках будущего (Путешествие на Каменскую писчебумажную фабрику)».

При последовательном автобиографизме, характерном для маршрутов героев Платонова, можно предположить, что ленинградский сюжет запечатлелся не в одном тексте писателя. Очевидно, были написаны и очерки о заводе. Мы располагаем материалами, относящимися лишь к киносценарию. О том, что киносценарий о Ленинградском металлическом заводе им. Сталина занимал Платонова весь 1930 год, свидетельствует упоминание об этом тексте в июне 1931 года в ответе писателя на анкету журнала «На литературном посту».¹

Сохранился черновик заявки А. Платонова на данный киносценарий: «План полнометражной кинокартины “Гигант советского турбостроения” (условное название), предлагаемой к постановке на основе материалов Турбинной мастерской металл. зав. им. т. Сталина в Л-граде».² В заявке подчеркивается, что «тема картины соответствует ходу фактов на Турбозаводе».³

Название киносценария будет уточняться в ходе работы над ним. На сегодняшний день известен большой фрагмент текста киносценария «Турбинщики (Кинематографический очерк)», рукопись которого находится на оборотных листах одной из машинописей повести «Эфирный тракт».⁴ На л. 38 рукописи указано: «Продолжение см. отдельные листы со стр. 39»; эти листы пока не обнаружены. Возможно, сценарий не был завершен, а написанная часть была использована в 1931 году при работе над пьесой «Высокое напряжение».

Конфликтология шести написанных частей «Турбинщиков» отражает общие модели производственного жанра советской литературы 1929–1930 годов. Первая и вторая части представляют своеобразный пролог действия — дореволюционную Россию («В древнее время, в чужой стране жила бабушка советской турбины») со всем набором обязательных элементов: кулак-эксплуататор Чаев на мельнице, где используется турбина; социальный конфликт Чаева и батрака Череватова; уход Череватова в Санкт-Петербург на Металлический завод. С 3-й части действие развивается по законам антитезы: «Прошло великое время, но наступило еще большее. Завод, вооружавший машинами кулака, исчез. На его месте создан новый завод — завод крупного турбостроения им. т. Сталина — родина социалистической электрификации, рождающая стальную мускулатуру для индустриализации».⁶ По законам индустриального жанра именно производство и усовершенствование турбины, звенья производственно-технологического процесса (технологический процесс подробно описан в записной книжке), становятся сюжетной коллизией, вокруг которой группируется система персонажей — турбинщиков завода: старым инженерам-консерваторам Стрешневу и Боровщикову, ожесточенно не принимающим «рачью чуму изобретательства»⁷ и потому выступающим идеологами вредительства (они наделены «двусмысленной улыбкой»⁸) противостоят несколько сил: во-первых, инженер-изобретатель Витман и рабочий-рационализатор и изобретатель Николаев, давший тысячи рублей экономии заводу; во-вторых «полуголая»⁹ от перенапряжения комсомольская бригада Старосельцева, работающая без перерыва по 49 часов и перевыполняющая план; в-третьих, партколлектив завода. Эмблематичным для производственного жанра знаменем наделены и другие персонажи киноочерка: инженер-англичанин Анис, вредители-исполнители, среди которых находится и бывший кулак Чаев. Сценарий обрывается на эпизоде спасения технологического процесса от срыва, который подготовили вредители: «старый мастеровой» Череватов, сделавший свой социальный выбор в пользу новаторов производства, идет под «высокое напряжение» и предотвращает аварию.

¹ См.: А. Платонов. Воспоминания современников. Материалы к биографии. М., 1994. С. 285.

² Архив М. А. Платоновой. Автограф, л. 1–2.

³ Там же, л. 1 об.

⁴ Архив М. А. Платоновой. «Турбинщики (Кинематографический очерк)», л. 1–38, карандаш.

⁵ Там же, л. 1.

⁶ Там же, л. 11.

⁷ Там же, л. 14.

⁸ Там же, л. 12.

⁹ Там же, л. 20.

Незавершенность «Турбинщиков» могла быть связана с рядом причин: во-первых, с началом производства в 1931 году звукового кино в СССР, а «Турбинщики» пишутся для языка немоего кино; во-вторых, с историей публикации повести «Впрок» (имя одного из героев сценария — Щекотулова будет использовано в повести-хронике на этапе переработки первой редакции «Впрок»; вряд ли одну и ту же фамилию Платонов параллельно использовал бы в повести и сценарии); в-третьих, название сценария в анкете 1931 года было вымарано из графы написанных произведений. Последнее явно связано с тем напряженным диалогом, что вел Платонов с пролетарской литературой. Напомним, что 29 сентября 1930 года РАППом было принято постановление о призыве ударников производства в литературу и показе героев труда как «генеральной теме пролетарской литературы»: «Лицом к предприятию — к социалистическому предприятию, к ударничеству, к борьбе за промфинплан. Лицом к деревне — к коллективизирующейся деревне, к классовой борьбе <...>, лицом к великой переделке человеческого материала для целей строительства и построения социализма».¹ В незавершенной статье «Великая Глухая» (1931) именно с позиций человека производства Платонов подвергнет жесточайшей критике художественные результаты разработки темы ударников производства в пролетарской литературе, обвинив ее в «ложно-профессиональном» подходе к данной теме: «... социалистическая, всемирная, вековая литература не может создаваться интеллигентски-парцеллярным способом. Это не значит, что писать нужно вдвоем или целым кружком, — это значит, что писатель не может далее оставаться лишь профессионалом одного своего дела: он должен вмешаться в самое строительство, он должен стать рядовым участником его, ибо трудно в такое время сидеть и писать, не строя самого социалистического вещества».²

В очерке «Вольтова дуга», который мы датируем 1930 годом, Платонов даст культурно-философское и психологическое описание явления ударничества как одного из характерных явлений эпохи массовой жизни начала 30-х годов: «Тов. Р. и новые двое людей были ударниками. И я заметил в них то особое состояние, которое в более смутном виде наблюдал и в других ударниках. Это состояние можно назвать задумчивостью, терпением мысли над задачами социализма. Объяснить же задумчивость ударников следует скоростью и усердием их труда, — это накапливает в них быстрый и глубокий опыт производства, а опыт возбуждает творческую мысль. Таким образом, ударничество становится причиной технического творчества, поскольку ударничество дает человеку ускоренное восприятие, ускоренное переживание сопротивляющейся природы. <...> Наблюдая ударников, слушая их слова, чувствуя тревогу их мысли о будущем производства, можно не понять той вольтовой дуги, которая должна дешево, быстро и сухо добывать нам торф для электрификации, но можно ощутить в этих людях то, что важнее торфа и способа его добычи, — “вольтову дугу” их творческого напряжения, которое создает в них партия пролетариата и электричества».³ Один из героев очерка слесарь и электросварщик К., предложивший применять вольтову дугу на торфоразработках, явно автобиографичен: К. — Климентов (родовая фамилия А. П. Платонова); разработки Платонова, связанные с применением вольтовой дуги, сначала передаются писателем слесарю К., а через год — Николаю Вермо (повесть «Ювенильное море») и т. д.

Среди причин незавершенности «Турбинщиков», очевидно, опять-таки не последнюю роль сыграл сам жизненный материал. Нам не известно, как в реальности сложилась к концу 1930 года судьба ставших прототипами героев «Турбинщиков» рабочих-изобретателей и инженеров Ленинградского металлического завода. Политические контексты данной темы пролегли от «шахтинского дела» (1928) до процесса «промпартии» (1930). В форсировании темпов индустриализации, определявшем на рубеже десятилетий идеологию промышленной политики, ставка делалась на приток «красных специалистов на работу в предприятия», государственную поддержку рабочего изобретательства, усиление контроля над промышленностью со стороны ВСХН, повышение «рабочего ядра» во вузах и техникумах (доведение его до 70%).⁴ При этом борьба с вредительством и саботажем социалистической реконструкции

¹ Авербах Л. Предрассудки барства // На литературном посту. 1930. № 7. С. 4.

² См.: А. Платонов. Воспоминания современников. С. 289.

³ Архив М.А. Платоновой. «Вольтова дуга». Автограф, л. 7, 12.

⁴ КПСС в резолюциях и решениях. М., 1973. Т. 3. С. 382–383, 415.

промышленности сопровождалась лозунгом «борьбы со спецееством» и тотальным разрывом прежде всего с дореволюционной технической интеллигенцией и крестьянской наследственностью в рабочей жизни. Особо подчеркивалось, что «среди привлеченных по делу ЦК Промпартии нет ни одного инженера или техника, начавшего свою работу при советской власти».¹ Масштаб обвинений, предъявленных технической интеллигенции в 1930 году, был подчеркнут в выступлении государственного обвинителя, наркома юстиции СССР Н. К. Крыленко: «Шахтинский процесс был процессом о вредительстве в одной лишь угольной промышленности, здесь же перед судом развернулась картина вредительства почти во всех наиболее важных отраслях промышленности и в других областях народного хозяйства».² В низовой рабочей жизни «год великого перелома» начинался громкими судами над отсталыми, сомневающимися рабочими (открытые суды проводились в рамках отчетных профсоюзных собраний осени 1929 года), объявлением «днем индустриализации», т. е. рабочим днем, — Рождества и Пасхи 1930 года и т. д.

Хроника массовой заводской и рабочей жизни реконструктивного периода была написана Платоновым к осени 1930 года не менее подробно, чем крестьянская: очерки-рассказы «Товарищ пролетариата», «Вольтова дуга», «В поисках будущего (Путешествие на Каменскую писчебумажную фабрику)», «Факт (Очерк про двух отсталых рабочих)». При этом заводские сюжеты разрабатывались Платоновым, о чем свидетельствует записная книжка и записи в рабочей тетради, о которой шла речь выше, параллельно крестьянским. Автор «Чевенгура» просто не мог не зафиксировать одно — объединяющее город и деревню — «историческое» событие в русской национальной жизни, событие, которым была освящена идеология «года великого перелома» — снятие колоколов и запрещение колокольного звона. Эту борьбу в «год великого перелома» с божественным звуком мира, Гласом Божиим, «звучащей софийностью материи», чем является колокольный звон, В. Н. Ильин в феврале 1930 года назовет «тьмолюбивым духом» русской революции: «Трудно найти явление более символическое, чем этот вызов, брошенный небесам. На философском языке можно было бы окрестить одержимость революционеров как предельный психологизм: воспаленная, безумная, бредовая голова и холодное, жестокое, глухое сердце. Это состояние полная противоположность духовности, которая характеризуется холодной, ясной головой и любящим, горячим сердцем. В этом смысле колокольный звон есть символ церковной духовности. Холодный металл, отлитый по правилам искусства, прорезывая своими колебаниями слои воздуха, отзывается в человеческом сердце высокими, чистыми голосами <...> — духовно согревает его».³

События, связанные с кампанией снятия колоколов, отмечены Платоновым в записных книжках 1930–1931 годов. Одна из подобных записей книжки перекликается с одним из центральных диалогов рабочих Пугачева и Абморова в очерке «Факт»: «Заметив что-то на небе, Пугачев поднял свое лицо и понаблюдал; на самом же деле он глядел на церковную колокольню, с которой колокол был изъят вниз. – Абморов! – удивился Пугачев. – А где же ваши колокола? – Поснимали, праличи! – сказал Абморов. Пугачев остановился от своей серьезной мысли. Абморов дошел до него и стал ждать изо рта товарища неизвестного слова. – Ну, приходи ко мне, – произнес Пугачев, – теперь я тебя буду причащать. – Эк! – размахнулся Абморов. – Убью, пралич! Пугачев неподвижно ожидал, пока Абморов успокоится и дополнительно сообщил: – Я умею. Я буду тебе ложечкой в ротик класть! Так тихо положу, что ты никогда и не подавишься».⁴ Национальный акцент записи сохранила рукопись очерка: «Известные всему колесному цеху своей дружкой еврей Пугачев и русский Абморов». Однако этот акцент убирается практически сразу, вымарываются «еврей» и «русский» и вписывается другая оппозиция героев: «слабосильный Пугачев и могучий Абморов...».⁵

¹ Социалистическое земледелие. 1930. 25 ноября.

² Там же. 5 дек.

³ Ильин В.Н. Эстетический и богословско-литургический смысл колокольного звона // Путь. Париж, 1930 (февр.). Цит. по: Русское возрождение. Нью-Йорк; Москва; Париж, 1998. № 72. С. 18.

⁴ Платонов А. Записные книжки. С. 285–286.

⁵ Архив М. А. Платоновой. «Факт (Очерк про двух отсталых рабочих)». Автограф, л. 1.

Записи в книжке и очерк «Факт» восстанавливают в мельчайших подробностях и сюжетах мозаику событий кампании антирелигиозной борьбы по всей России и в родной ЦЧО осени–зимы 1929/30 года. Наиболее активный этап борьбы за снятие колоколов приходится на январь–февраль 1930 года. Уже в марте 1930 года журнал «Безбожник» дал фотохронику под общим названием «Колокола на индустриализацию»: «Самый большой колокол в СССР, 6. Троицко-Сергиевой лавры, в 67 тонн весом, будет перелит на необходимые стране сельскохозяйственные орудия»; «колокола, снятые с Покровской церкви в г. Кременчуге и переданные в переплавку»; «крестьяне Покровского сельского совета Карачаевского района сдали в фонд имущества индустриализации 4 колокола»; «трудящиеся закрывают очаги дурмана».¹ У записей в книжках, как и у очерка, имеется и сугубо воронежский контекст. 24 декабря 1929 года на страницах газеты «Коммуна» публикуется сообщение, что «многие рабочие собрания на предприятиях Воронежа вынесли требование о сдаче колоколов Рудметаллоторгу» и обратились к горсовету с просьбой провести это требование в жизнь по 25 воронежским церквям. 4 января «Коммуна» сообщала, что «Воронеж принял вызов Самары о снятии церковных колоколов». Борьба с религией и церковью сопровождается в январе–феврале 1930 года еще двумя кампаниями в воронежской печати, на которые откликается очерк «Факт». Во-первых, это «дело антисемитов»: развертывание беспощадной борьбы с «классово чуждыми» тенденциями антисемитизма, «антисемитскими вылазками» на заводах, в школах области.² Во-вторых, показательное «дело Турбина». В декабре 1929 года на заводах ЦЧО прошли профсоюзные совещания по «разоблачению кулацких подпевал в рабочей среде».³

Рабочий типографии Турбин был исключен из рядов рабочей профорганизации за свои «антипролетарские выступления»: сомневался в правильном ходе хлебозаготовительной кампании и коллективизации, не вышел на работу в «день индустриализации», сочувствовал «лишенцам», высказывал классово чуждые идеи рабочей оппозиции: «Вы хотите заковать рабочих в цепи, говорить не даете».⁴ «Уроки турбиновщины» еще долго будут обсуждаться на страницах воронежских газет. Сам Турбин «понял свои ошибки. В нем заговорило классовое сознание. Он обещает впредь шагать в ногу со своим рабочим классом», — сообщала уже 13 декабря «Коммуна», призывая «продолжить борьбу с отсталыми настроениями отдельных прослоек рабочего класса». Уволенный «отсталый» рабочий Абморов повторяет судьбу Турбина, однако без позитивного финала: Абморов умирает в финале рассказа — «без болезни». Подобную же метафизическую мотивировку имеет и смерть Макара Ганушкина (рассказ «Отмечевавшийся Макар»). Экспозиция «Котлована» также сохраняет память о рабоче-профсоюзном контексте осени–зимы 1929/30 года. «Котлован» — это и первое большое эпическое произведение писателя, в котором изображаемая реальность лишена «звучащей софийности материи» — колокольного звона.

Возможно, именно в киносценарии «Турбинчики» Платонов сознательно шел не только к собиранию, но и примирению самых разных тем массовой рабочей жизни первых трех десятилетий XX в. Однако чевенгурский сюжет путешествия Захара Павловича из деревни в город, взятый в «Турбинчиках» через идеи «реконструктивного периода», идеи технического прогресса и ударничества, обнаруживал те же, что и в романе, метафизические тупики: эпическая тема требовала или эпического финала, или ее ограничения рамками локального современного сюжета. Возможно, именно по этой линии проходят связи «Турбинчиков» — через «Котлован» — с первой редакцией пьесы «Объявление о смерти» (1931). Не без логики возвращения к пафосу сценария «Турбинчики» пьеса обретет в 1932 году новое заглавие «Высокое напряжение».

¹ Безбожник. 1930. № 4. С. 10–13.

² Коммуна. 1929. 24 дек.

³ Там же. 1930. 29 ноября; 1930. 8 янв., 16 февр.

⁴ Там же. 1929. 11–13 дек.

3. Река Тихая Сосна. «Машинист»

Река Тихая Сосна занимала реальное и символическое место в жизни и творчестве Платонова 20-х годов. Именно здесь в 1924–1925 годах под руководством губмелиоратора Платонова проводились общественно-мелиоративные работы. О значении и ходе работ на Тихой Сосне он постоянно докладывал в Москву: «Регулировочно-осушительные работы имеют в Воронежской губернии весьма существенное значение как по хозяйственному эффекту — осушение 5000 десятин, так и по санитарному — оздоровление районов со 100%, по официальным данным, заболеваемостью малярией». ¹ В очерке «Огни Волховстрой» (1925) Платонов воссоздал эпическую по пафосу картину преобразования «болот» в «проспекты» с «пением и грохотом работ» и собственную деятельность по возвращению к жизни «умирающих рек»: «Для работы по регулированию рек в Воронежской губернии Губземуправлению потребовались экскаваторы (земле-черпательные снаряды). Дело это новое, поэтому для ознакомления с работой экскаваторов я поехал предварительно на Волховстрой и оттуда на заводы Ленинграда для заключения договора на изготовление экскаватора». ² В январе 1926 года как губернский мелиоратор Платонов подписывает договор с ленинградской Технической конторой на ремонт паровой лопаты, строительство понтона и подготовку экскаватора, ³ а в июне 1926 года (уже после увольнения) он все-таки сам едет в Ленинград за экскаватором. Возможно, именно в качестве представителя НКЗ Платонов и после переезда в Москву продолжал курировать начатые им в 1925 году гидротехнические работы в ЦЧО, в частности на реке Тихая Сосна, и часто бывал в Воронежской области: фигура «техника» из Москвы появляется в очерке «Че-Че-О» (1928); в экспозиции были 1929 года «Умственный хутор» также сохранился автобиографический знак: «Двое производителей работ ехали с постройки большой плотины в сухой и дальней степи. Один из них был я, а другой — Сергей Дмитриевич Гущев...». ⁴

Осенью 1929 года Платонов вновь возвращается к ситуации на реке Тихая Сосна: об этом свидетельствуют сохранившиеся производственные записи в книжке 1929–1930 годов, служебная записка «Характер отложений, слагающих пойму реки Тихая Сосна», фрагмент отчета по Острогожскому уезду, наброски к очерку «По Тихой Сосне». Данные источники связаны друг с другом. Так, например, пробелы, оставленные для цифр в записной книжке, заполнены в тексте служебной записки. Вот только один фрагмент служебной записки, представляющий платоновский жесткий социально-экономический анализ-диагноз экологической обстановки в районе реки Тихая Сосна: «Заболочено 20 тыс. га. Стоимость реч<ного> осуш<ения> 20 р. макс<имально> на 1 га. <...> 6666 т/д (трудодней. — Н. К.) уже затрачено (на 1928). Почвы дол<ины> Т<ихой> С<осны>, обогащаемые ежегодными наносами черноземн<ых> водоразделов (ил, делювиальные сносы), очень богаты, особо благоприятны для луг<овых> раст<ений> и для огородных культур. При этом все почвы богаты известковыми солями. За 15 лет пойменные леса Т<ихой> С<осны> ухудшились так: понижение прироста, верба выжила ольху, суховершинность. <...> Все жители поймы болны маляр<ией> 100%; но долина Т<ихой> С<осны> — центр округа-края в промышленном отношении». ⁵ В очерке «По Тихой Сосне» тема гибели реки и «луговых мастеров» уже будет включена в социально-политический контекст осени 1929 года: «Богатая луг<овая> долина. Беди<ые> деревни. Постройка дамбы поперек долины. Река умирает. Луга уничтожаются. Деревни нищают. Скот дохнет. Продукции нет. Город строится. Очереди у магазинов. <...> Партия мобилизует рабочих в деревню». ⁶

¹ «Страна философов» А. Платонова: Проблемы творчества. М., 1999. Вып. 3. С. 508.

² Воронежская коммуна. 1925. № 1.

³ РГАЛИ, ф. 2124, оп. 2, ед. хр. 3, л. 7.

⁴ Творчество Андрея Платонова. С. 227.

⁵ РГАЛИ, ф. 2124, оп. 2, ед. хр. 8, л. 6.

⁶ Там же, л. 5.

Работа над очерком шла параллельно с замыслом сценария: на одной из страниц набросков Платонов зачеркивает «Материал для либретто. По Тихой Сосне» и вписывает вместо «либретто» — «очерк».¹

В повести «Впрок» Острогожскому округу посвящены несколько страниц, излагающих «богатые факты на этой бедной долине», а по сути дела, хронику работ 1924–1927 годов Платонова-губмелиоратора по преодолению «великого народнохозяйственного бедствия» этой территории ЦЧО. Это один из немногих эпизодов повести, который не вписан в события весны 1930 года. Для 1931 года, а тем более для редакции повести 1930 года (эти страницы рукописи «Впрок» не менялись от первой ко второй редакции), в этом была заложена подчеркнутая символичность данного эпизода. После публикации в марте 1930 года статьи Сталина «Головокружение от успехов» Острогожский округ появлялся даже на страницах центральной периодики как один из ярких примеров «головокружения от успехов».² Хронике «богатых фактов» бедствия в Острогожском районе в «год великого перелома» можно восстановить и по местной периодике. Уже 15 февраля 1930 года газета «Коммуна» сообщала в заметке «Острогожский округ — сплошной колхоз» следующие данные по коллективизации: «...на 1 октября 1928 г. коллективизировано 19%, на 10 января 1930 г. — 75%, а сейчас уже закончена сплошная коллективизация округа». К 20 февраля, сообщал воронежский журнал «Колхоз», в ЦЧО «в колхозы вступило 1 миллион 698 с половиной крестьянских хозяйств, или 82% от их числа. Впереди идет Острогожский округ, где колхозы занимают 99% земельной площади».³ По широте и остроте крестьянских волнений Острогожский округ относился к «сильно пораженным районам» (терминология ОГПУ): в этом округе, как сообщал в центр первый секретарь крайкома партии И. Н. Варейкис, выступления крестьян были подавлены лишь войсками.⁴ 17 января 1930 года датируется секретное письмо бюро Острогожского окружного комитета партии о массовых выступлениях женщин в защиту церкви в деревнях округа.⁵

Победным шествием воинствующих безбожников в ЦЧО стали публичные кампании «похорон богов»: изъятие мощей св. Питирима Тамбовского (20 ноября 1929), св. Митрофания Воронежского (6 января 1930) и передача их в краеведческие музеи; процесс «федоровцев», «кулацкой партии» (ноябрь–декабрь 1929); закрытие Питиримского и Задонского монастырей; объявление Рождества рабочим днем, «днем индустриализации»; запрещение «по просьбам трудящихся» колокольного звона и снятие колоколов; сосоревнования округов по числу закрытых церквей; открытие в храмах и монастырях домов отдыха, клубов, сыпных пунктов; увольнение из Воронежского университета историка Введенского, одного из старейших сотрудников журнала «Воронежская старина» за то, что остался «махровым мракобесом», «обеляет святителей Тихона Задонского и Митрофана Воронежского»; увеличение приема на антирелигиозный факультет Рабочего университета, судебные процессы над священниками; открытие антирелигиозного радиоуниверситета.⁶

Данная хроника с филигранной точностью отработана Платоновым в повести «Впрок». Таким образом, сама хроника событий, развернувшихся в «год великого перелома» на родине писателя и в Острогожском уезде, дезавуировала мартовские выступления Сталина и радостные весенние интонации, которыми

¹ Там же.

² Головокружение в ЦЧО // Социалистическое земледелие. 1930. 9 апр.

³ Колхоз. 1930. № 6. С. 28.

⁴ *Ивницкий Н. А.* Коллективизация и раскулачивание. М., 1996. С. 151–152.

⁵ Документы свидетельствуют: Из истории деревни накануне и в ходе коллективизации 1927–1932 гг. / Под ред. В. П. Данилина и Н. А. Ивницкого. М., 1989. С.319.

⁶ Хроника составлена по публикациям 1929–1930 годов. в газете «Коммуна», ежемесячной газете Обкома ВКП (б), Облсполкома, Облпрофсовета ЦЧО; см.: На диспуте «Есть ли бог» // Коммуна. 1929. 2 ноября; Введенский освобождается от работы // Там же. 6 окт.; Суд над федоровщиной // Там же. 14 ноября; Разоблаченные «чудеса» // Там же. 27 ноября; За монастырской стеной // Там же. 21 дек.; В рождественские дни — ни одного прогульщика // Там же. 24 дек.; Сигнал к атаке дан // Там же. 25 дек.; 6 января будут изъятые «мощи» Митрофания // Там же. 1930. 4 янв.; Антирелигиозный радиоуниверситет // Там же; Житие Митрофания Бучиева // Там же. 5 янв.; Мощи Митрофания в музее // Там же. 7 янв.; Борьба с религией. Борьба за социализм // Там же. 8 янв. И т. д.

завершалась «Бедняцкая хроника». Симптоматично, что и в 1931 году никто из критиков повести «Впрок» не обратил внимания на лирическую патетику финала, на явное противоречие между содержанием хроники и финалом повести.

Концом июля 1930 года датированы Платоновым рукописи двух очерков, написанных по материалам поездки в Поволжье: «По заволжским МТС» и «За советского счетовода!».¹ В районы Поволжья Платонов едет по командировке от газеты «Социалистическое земледелие». Реальные сюжеты из жизни колхозов и совхозов Поволжья лета 1930 года, записанные Платоновым в книжку и положенные в основу очерков, отражали идеологию нового этапа коллективизации, не менее драматичного, чем первый: летом 1930 года разворачивается новая волна борьбы с кулачеством; лозунг осени 1929 года «ликвидации кулака как класса» не ослабевает, а обретает новое дыхание в широкой кампании разоблачения «нового в тактике классового врага», «загримированного кулака», «раскулаченного кулака»; остроту борьбе с кулачеством придают летние разоблачения «кондратьевщины» и «чаяновщины», а также осенний процесс «промпартии», как «черносотенно-помещичьей» партии и партии идеологов кулачества. Единственный положительный факт, на который Платонов в поездке по Поволжье не мог не обратить внимание, это массовые открытия МТС именно летом 1930 года. Думается, что этот факт явился одним из определяющих в актуализации «экскаваторной» темы как темы любви к ближнему в сценарии «Машинист». Позитивный финал «Машиниста» по сути дела представляет платоновскую версию решения драматических и трагических коллизий массовой рабочей и крестьянской жизни. Характер финала сценария в его отношениях с «Котлованом» комментирует запись в книжке 1930 года: «Вошев — наружная душа, даже голос ее ноет вслух (?) наружи. Вошев за экскаватором».² В записной книжке 1932 года Платонов оставит автобиографическое замечание о смысле событий, происходивших на реке Тихая Сосна: «Машины воспитывают людей; экскаватор воспитал меня, двигатель и др.».³

Мы предполагаем, что нам или неизвестны первые наброски либретто, или, что вероятнее, писатель отошел от реальной топонимики Острогжского уезда уже в ходе написания «Машиниста»: по характеру символизации пространственных ареалов завода и колхоза либретто сценария непосредственно примыкает к столь же символическому пространству «Котлована».

Заглавие и окончательный список действующих лиц сценария появляется уже в ходе работы над рукописью, ближе к завершению сценария. Первый набросок вписывается в угол первого листа тетради, в которой находится рукопись сценария:

Действующие лица.

Машинист эл<ектро>ст<анции>

Активист колхоза

Середняк ⁴

Второй, более развернутый список, находится на обложке тетради:

Машинист —

Его невеста —

Козьма —

Активист —

Середняк —

Тучный бедняк —

Второстепенные персонажи ⁵

¹ Опубл : Платонов А. Записные книжки. С. 295–309.

² Там же. С. 40.

³ Там же. С. 102.

⁴ РГАЛИ, ф. 2124, оп. 1, ед. хр. 95, л. 5. По авторской пагинации, л. 1.

⁵ Там же, л. 1 об.

Скорее всего, этот список появляется по ходу работы над текстом сценария, о чем свидетельствует правка Платоновым имени Козьмы/Кузьмы, написание машиниста и активиста то с прописной, то со строчной буквы. Возможно, Платонов предполагал, как это он делал в других сценариях, развернуть характеристики героев.

Окончательный список действующих лиц появляется на листах другого формата — на чистых оборотах неизвестного машинописного текста (подобные листы также использовались для письма в Сценарный отдел кинофабрики, «Вставок» и при доработке финала сценария):

Заголовок

Машинист

Либретто

Действующ<ие> лица:

1. Машинист
2. Девушка[, невеста машиниста]
3. [Бедняк] Кузьма
4. Активист
5. Средняк
6. Тучный бедняк
7. Жених девушки
Лошади, петух, тараканы.
Второстепенные персонажи.¹

На листе с окончательным списком действующих лиц имеется запись, адресованная машинистке: «5 экз<емпляров> на одной стороне листа».²

В доступной на сегодняшний день части архивов Платонова машинописный текст «Машиниста» пока не обнаружен. Напечатано, как известно, было письмо Платонова в Сценарный отдел фабрики «Совкино». Автограф письма находится в тетради с рукописью «Машиниста»:

Сценарный Отдел фабрики Совкино

Посылая при этом либретто (пропуск. — *Н.К.*), сообщаю следующее.

1. Место натуральных съемок, удовлетворяющее [главным требованиям] содержанию либретто, это пойма р. Тихой Сосны, между гг. Коротояком (120 клм. от г. Воронежа, где имеется производственная база Совкино, 700 клм от Москвы); в этом же месте работает экскаватор. [Начальник] Местные организации и начальник осушительных работ, в ведении которых находится экскаватор, пойдут навстречу [всем] Совкино в деле организации съемок.

¹ Там же, л. 3.

² Там же.

2. Либретто написано без подразделения на части или эпизоды. Это подразделение лучше сделать в сценарии, а лучше — совсем не делать и дать картину одним потоком.

3. Если будут указания в отношении исправления либретто, то желательно, для ускорения всей работы эти исправления вносить не в либретто, а прямо в сценарий. Ибо обычно бывает так, что либретто несколько раз переделывается, а затем пишется сценарий, [куда входят] в котором [фиксируются уже новые] бывают уже совершенно новые изменения, не предугаданные в либретто, и повторная работа над либретто вся пропадает, — к невыгоде всех работающих и при огромной потере времени.

4. В части съемок электростанции, паровозного завода и некоторых других частей картины — съемки могут быть организованы как в Москве, так и в Воронеже, где есть паровозоремонтный завод.

Мой адрес есть в договоре.

С тов. приветом ¹

Уточнения в предложенную датировку «Машиниста» может внести пока не обнаруженный нами текст договора, о котором идет речь в письме. Соотношение же письма с рукописью «Машиниста» имеет свой сюжет. Пропуск заглавия в письме позволяет предположить, что письмо соотносится лишь с заводской частью сценария, причем с первыми двумя сценами. Так, например, в письме дается авторский комментарий к отказу от первоначального обозначения в рукописи сцен и картин. Симптоматично, что в письме в отличие от подробного описания производственно-заводской части сценария никак не обозначена его крестьянско-колхозная часть. Мы предполагаем, что крестьянская часть в сценарии появляется позже, и именно она продиктует логику развития событий в «Машинисте».

Сама рукопись, как мы уже отмечали, заголовка не имеет — он появляется позже на отдельном листе и не включается в авторскую пагинацию рукописи.

Либретто.

[1]

Машинный зал электростанции. Два турбогенератора. Распределительная вертикальная панель с приборами. [Из-под щеток коллект] Красные лампы [у включенного автомата] над включенными автоматами. [Циферблаты] Под лампами циферблаты амперметров [над рубильниками]. [Надписи близ этих автоматов] Таблички: “литейный”, “сборный”, “кузнечный”, “колесный”, “токарный”. Вращающиеся коллекторы генераторов (динамо-машин). Из-под [щеток] токособирательных щеток брызжет огонь. Стрелки циферблатов амперметров подрагивают близ красных черточек, указывающих предельную нагрузку.

Машинист стоит у турбогенератора. [Жарко. С машиниста] Турбина слегка парит через клапаны регулятора. Жарко. Машинист отирает с лица пот обтирочными концами. По лицу Машиниста ползет масляная грязь. Он смотрит на приборы. Стрелки трепещут. Коллекторы динамо-машин искрят еще сильнее. Машинист берет наждачный

¹ Там же, л. 3–4.

лист и, прижав его к вращающемуся коллектору, уменьшает [*бьющее*] пламя, бьющее из-под щеток. Коллектор натерт до блеска.

Станция везет [*завод*] свою предельную нагрузку.

Электрическое сверло [*внизывается*] вонзается в котельный лист. Сверлильный прибор грудью прижимает котельщик. Из-под сверла бьет пламя, несмотря на струю воды, которая охлаждает сверло. Резец гонит стальную стружку с обтачиваемого паровозного банджа. Фасад электростанции. Черная доска на фасаде. На доске написано:

“Наш завод работает на плюху. За полугодие промфинплан выполнен на 85%. Здесь делают узкое место и организуют социалистическое горе”.

Снова машинный зал электростанции. Машинист чистит наждаком коллектор. Щетки [*сильно*] искрят сильнее, чем раньше, и машинист не может их сбить. Стрелки амперных циферблатов перешли за красные черты пределов нагрузки и подрагивают на [*своих*] новых местах.

Из корпуса второго генератора показывается дым. Машинист оглядывается на него. Взрыв напряженного синего (если можно это сделать) пламени. Машинист подбегает к [*перрону*] распределительной панели и выключает всю нагрузку сгоревшего генератора. Затем закрывает вентилем паропровод в турбину, которая вращала выбывший генератор. Весь турбогенератор останавливается. Теперь работает только один турбогенератор.

[*Моментально, вслед за тем как только машинист выключил сгоревший генератор, из-под щеток оставшегося генератора, вместо искр, стали бить целые молнии и они происходят все время.*]

[*Циферблат*] Стрелки циферблатов “токарный”, “котельный”, “литейный” падают на нули. Эти цеха в сгоревший генератор.

Ранее показанное электрическое сверло вновь показывается. Оно теперь останавливается. Резец, гнавший стружку с банджа, также перестает работать. Котельщик, что работал сверлом, а затем токарь произносят движением уст некоторые слова и плюют на железо с такой яростью, что из железа от их плевков показывается ржавь.

Электростанция. Машинист тоже плюет на корпус работающего генератора. Слюни его кипят на теле машины и вмиг исчезают.

Машинист нажимает кнопку, около которой написано “котельная”.

Котельная. Батарея котлов. [(2 – 3 – 4). *На одном котле*] Над одной топкой загорается красная [*надпись*] лампа. Она освещает табличку: “держат предельное давление”.

[*Два кочегара открывают дверцу топки. Из топки вырываются языки дымного огня. Кочегары бросают в топку лопаты угля, они*] Два кочегара. Они в одних штанах, без рубаш. Они подходят под непрерывно льющийся душ, обдаются водой, затем открывают дверцу топки, [*из которой вырывается дымное пламя*] и начинают бросать в не-*<е>*, навстречу выбивающемуся дымному огню, полные лопаты угля.

Машинный зал электростанции. Машинист глядит на единственно работающий турбогенератор. Машинист говорит генератору:

“Держись, бедняк!”

Подходит к распределительной панели. Включает автомат: переводит всю нагрузку завода на уцелевший турбогенератор. Моментально, вслед за движением руки машиниста, включившего автоматический рубильник, из-под щеток генератора, вместо искр, стали бить целые молнии.

Стрелки циферблатов – “токарный”, “котельный”, “литейный” – трогаются с нулей, показывают нагрузку.

Сверло котельщика завращалось. Резец снова взял сталь. Турбогенератор работает с громадным перенапряжением, он даже дымится. Пластины предохранителя [красные] нагреты докрасна (сделать это натуральным цветом, если можно), затем они делаются [белые] накаливаемыми добела и так остаются белыми.

Весь машинный зал электростанции наполняется газом тлеющего генератора и паром из неплотностей турбины. Машинист [снял пиджак] снимает пиджак, ложится] открывает двери электростанции, через дверь виден летний день и покоящийся без ветра деревья. Машинист снимает пиджак и ложится на корпус генератора с наждаком в руках. Он хочет потушить молнии на коллекторе – и трет его наждаком. Все движения машиниста не поспешны, но чрезвычайно экономны и поэтому кажутся быстрыми. Ему лет 30.

Из котельной входит кочегар. Он равнодушен.

“Что у тебя тут газует?”

[Машинист отвечает, лежа]

Осветительные лампы припогасают в тумане газа.

Машинист отвечает с машины.

“Ступай баланс нажми. Видишь [твой пар в мою] напряжение тает. Твой пар мою вертушку не берет – [напряжение тает] давай мне давление”.

Кочегар уходит. Котельная. Котел форсированно работает: из предохранительного клапана бьет вихрь пара. Кочегар [лезет по лесенке] залезает по лестнице на котел. У него в руках ключ. Он [повертывает гайку клапана] поворачивает ключом гайку клапана. Пар перестает бить из клапана. Кочегар сходит с котла.

“Жги воду с форсом” – говорит он второму кочегару. Второй кочегар открывает дверцу топки. Оттуда рвется длинное пламя. Вдвоем они начинают загрузку топки углем.

Машинный зал. Машинист лежит на генераторе. Входят двое: директор завода и секретарь партколлектива. Они осведомляются – в чем дело. Стоят у генератора. Смотрят на трепещущие стрелки приборов. [Молчание. Пауза.] Пауза.

“Пронесемся или сгорим?”

Машинист [сошел] сползает с машины. Рубашка на его [теле] животе истлела, пока он лежал, [живот сожжен] сильно обожжен] и он [мокрый] взмок от пота.

Взрыв синего пламени из генератора. Одновременно – вихрь пара из клапана турбины. Машинный зал от дыма и пара делается невидимым.

Котельная. Кочегар натягивает рычаг гудка. Тревожный гудок. К электростанции подъезжает пожарный паровоз.

Кочегар [открывает паровой клапан, берет брандспойт и, войдя в машинный зал, > поливает из брандспойта] направляет струю брандспойта в чад машинного зала. Чад несколько рассеивается. Около генератора навзничь лежит машинист. Он показывает на свой голый черный живот. Кочегар направляет струю воды [е] на живот машиниста. Машинист встает.

“Брось меня в топку, такого стервеца!”

Кочегар поливает водой [лежащих] директора и партийного секретаря[. Кочегар говорит машинисту], которые также лежат опрокинутыми. Кочегар кладет брандспойт на пол и закручивает вентиль еще вращающегося турбогенератора. Все стрелки циферблатов показывают нули. Кочегар говорит:

“Ты думаешь[,] промфинплан теперь споткнулся. Пускай споткнулся — мы его подыдем, и он опять пойдет!”

Ночь. Звезды. Завод [темен] во тьме. Здание электростанции. Окна ее слабо светятся. Там горят керосиновые лампы. Два десятка монтеров сидят на полу: они перематывают якоря генераторов [Машинист] и разбирают турбину. Машинист [приспособливается] повис на цепи недействующего электрического крана. Ему помогают другие мастеровые. От их общего веса кран начал действовать – он [тянет] приподымает [часть] деталь генератора, зацепленную за другой конец крановой цепи.

[Очередь] Стоит очередь больных паровозов — иные без дышел, иные без тендеров и т. д. Мимо паровозов идет девушка с узелком. Она подходит к электростанции. Входит в машинное помещение. Видит машиниста; тот сползает с крановой цепи. Девушка дает ему узелок с едой. Машинист сразу ест. Девушка опечаленно стоит против этого грязного полуголого человека. Она говорит:

“Я не знаю, зачем я ношу тебе еду и [волнуюсь] зачем тоскую, когда мы [не женаты] никогда не будем женаты”.

Машинист жует.

“Уж скоро, Маша, будет социализм. Ты подожди чуть-чуть”.

Девушка [уходит] идет обратно мимо больных паровозов. В ее руке пустой узелок. Она прислоняется к цилиндру холодного паровоза и стоит в слабой ночной тьме. Затем идет дальше. Очередь паровозов длится мимо нее. Девушка идет все более быстро. Бежит. Паровозы не кончаются.

[II]

Она [падает] хватается за колесо паровоза и останавливается в недоумении.

[II]

Утро. Гудок. Завод. Машинный зал электростанции. Коллектор генератора начинает [вращать] двигаться. Стрелка вольтметра (большой циферблат, висящий обычно отдельно от распределительной панели – почти среди зала) трогается с нуля, восходит к цифре на красной черте. У турбогенератора другой машинист.

Кабинет директора. Машинист стоит у стола, за которым сидит директор.]

[II]

Общезаводское собрание рабочих в помещении цеха. [На трибуне пожилой] Трибуна – тендер завода. На трибуне]

[II]

Утро. Машинный зал электростанции. Прибранно <sic> блестит. Стрелка вольтметра (большой циферблат, висящий обычно отдельно от распределительной панели – почти среди зала) трогается с нуля и восходит к цифре на красной черте. У турбогенератора вымытый машинист, но по-прежнему полуодетый.]

[II]

Кабинет директора. Сидят трое: директор, предзавкома, секретарь партколлектива. Входит машинист электростанции. Директор обращается к нему:

[“Ты хорошо делал, что тянул завод одной машиной.”]

“Ты пойдешь механиком на [паровозную] обкатку паровозов]

Общее собрание рабочих завода. Собрание происходит в цехе. Трибуна – тендер паровоза. На трибуне – машинист электростанции, директор завода, секретарь партколлектива и предзавкома. Собрание взволновано.

“Кто сжег генератор? Какой полугад остановил весь завод на 14 часов? Показать его на усмотрение масс!”

[*Мастеровые*] Тысячное собрание настроено тревожно и угрюмо.

Машинист встает:

“Я”.

Секретарь партколлектива встает:

“Мы”.

[*Передний к трибуне мастеровой кричит на трибуну:*

“Тогда [вы] – прочь с завода, усердная сволочь такая!”

Собрание стоит тихо на ногах. Общее молчание]

Собрание сразу умолкает. Кто сидел, тот встает. Общее молчание. Видно, как по лицам мастеровых невозбранно ползают мухи.

Секретарь, директор, предзавкома и машинист медленно сходят с тендера. Идут сквозь строй рабочих. Их оставляют без внимания. Машинист идет сзади всех; его лицо выражает спокойствие, а не огорчение [– он удивлен и не понимает]. Секретарь, предзавкома и директор уже вышли из массы. Но двое задних мастеровых протягивают руки и задерживают машиниста:

“А ты оставайся, черт беззаветный! [*Машинист – куда-нибудь годится.*] Опять пойдешь в сборку – паровозы гонять”.

Заболоченная долина большой реки. [*Утро.*] Испарения болот застыт солнце. Осока, камыш, топь, бездорожье и глушь бесприютного местожительства. Бедная деревня на острове – среди мокрой поймы. Утро. Тишина. При въезде в [*колхоз*] деревню вывеска – “Колхоз имени Генеральной Линии”. Около [*изб мужики*] некоторых изб стоят прислоненные новые тесовые гробы. У других изб мужики только делают гробы. Недалеко от деревни видна железнодорожная дамба, пересекающая всю речную пойму поперек.*

На дамбе неподвижно стоит крестьянин. Он бос и плохо одет. Он смотрит в даль пустыми, выцветшими глазами, едва ли что соображая. В колхозе звонит колокол на работу. Крестьянин автоматически идет с дамбы в колхоз.

Среди колхоза большой двор. На воротах вывеска <-> “РСФСР. Организационный Двор”. На том [дворе] Дворе собрались крестьяне, по виду [*подоб*] и настроению подобные первому, которого мы назовем Середняком. [*Входит и этот Середняк.*]: он становится в ряд со всеми. Из дома Оргдвора появляется на крыльце Активист. Он говорит всем:

“Зачем готовите гробы? Или полагаете, что этот [*будет вашим*] свет наш, а тот — будет вашим? Упреждаю, что тот свет будет организован по одному началу с этим: деваться вам некуда, хотите живите, хотите кончайтесь”.

[*Активист*] Около активиста труба радиогромкоговорителя. Активист включает радио. Труба начинает играть, активист же дирижирует звуками. Мужики

* Съемку вести в пойме р. Тихой Сосны, близ гг. Острогосжа и Коротояка, Центр. Чернозем. Области. (Примечание А. Платонова.)

разбредаются по Организационному Двору, соблюдая некоторый такт, соответственно музыке и движению дирижирующих рук Активиста. [Крестьяне] Одни крестьяне подбирают палочки и соломинки и складывают их в кучи среди Оргдвора; другие – укрепляют плетни; третьи – просто топчутся. Действие происходит в тумане болот и [во сне] точно во сне всех действующих.

Середняк мнет глину ногами в углу Оргдвора. Белые глаза его равнодушны и почти мертвы.

Активист прекращает управление радиомузыкой.

[“Теперь, товарищи, вам дан энтузиазм. Ступайте трудиться и сознавать”]

Мужики враз замирают на своих местах. [Активист обращается к ним с крыльца:]

“Снабжение энтузиазмом закончено”. [Ступайте трудитесь. Будем ждать спуска директив”].

Крестьяне уходят с Оргдвора. Середняк снова на дамбе и глядит в да<ль>.

Активист говорит Середняку]

Активист делает жест всеобщего устранения. Крестьяне оставляют Оргдвор. Середняк снова на дамбе и глядит в даль.

“В ожидании спуска дальнейших директив”.

[Гробы стоят] Готовые гробы крестьяне волокут с улицы во дворы: ставят их в глушь бурьяна и ложатся в них.

Середняк стоит один на высоте дамбы вдали. Активист выходит на крыльцо Оргдвора и глядит на сторожевого Середняка в бинокль.

Общий скотный двор. [Десять] Беспризорными стоят десять–двадцать лошадей. Они ржут без пищи и питья и оглядываются в мучении. Затем идут всем табуном на водопой. Возвращаясь с водопоя, выдирают зубами солому из крыш, [подбирают] рвут траву по дороге, собирают отдельные пучки сена – и все это несут в зубах на общий скотный двор. Здесь они сваливают весь самовольно собранный корм в кучу, и только [потом] теперь начинают коллективно есть.

Деревенская площадь. На ней собралась стая грачей. Стая поднялась и улетела.

Плетень. На плетне воробьи. Они также поднимаются и улетают в даль – за колхозную деревню.

Колея дороги на выезде из деревни. По этой колее ползет длинная череда тараканов, покидающих колхоз.

Активист идет по пустынному колхозу. В руках у него бумажные таблички и номерки. Активист заходит во дворы и в избы. В одном дворе он видит бочку. Прикрепляет к ней бумажку с надписью: “Бочка № 49. Емкость [60 литров] 200 литров”. Подходит к плетню. Вешает на него тоже ярлычок: “Временная единоличная огорожа № 73. На учете топливного утиля”.

Видит петуха, поглядывающего на активиста из-за лопуха. Бросается на петуха. Петух бежит от [активиста] Активиста. Активист мчится за петухом через дворы, плетни и гумна. Петух взлетает и летит как форменная птица. Активист глядит на полет петуха в бинокль.

Активист входит в избы. Внутренность избы – голая и чистая, как больница. На лавках лежат женщина, мальчик и крестьянин: все вниз лицом и совершенно неподвижны. На стене – обычные часы с маятником и гириями. Маятник [качается все более] не качается, часы стоят. Активист глядит на часы. Пускает их в ход, покачнув маятник своей рукой. Маятник, сделав несколько ходов, вновь останавливается. Активист выходит из избы.

Со середины улицы активист глядит на сторожевого [середняка] Середняка, что стоит на дамбе.

К Активисту подходит истомленный, еле одетый человек [– *в противоположность равнодушным, ранее показанным*] – бедняк [Козьма] Кузьма.

Активист говорит ему, не отрывая взора от бинокля:

“Беги в луга и ликвидируй там петуха”.

[Человек *дает*] Кузьма делает ему удар в ухо. Но сытый, твердый Активист не чувствует боли, т. к. удар истомленного человека слишком слаб и бессилен. Это бедняк Кузьма сам зашатался от своего напряжения, тогда как активист остался неподвижен. [Бедняк] Кузьма ложится в дорожный прах.

“Где же ты, партия?”

Середняк машет с дамбы руками. Активист трогается в направлении – на дамбу. Кузьма подымается и идет за ним.

Вдалеке виден быстро мчащийся паровоз. Показать работающий паровоз вблизи – на всем ходу. Паровоз не окрашен, на цилиндрах нет покрышек – смазочные трубки обнажены; вообще, многие внутренности паровоза наружи, как обычно бывает на паровозах, вышедших из капитального ремонта и работающих для испытания. На тендере паровоза написано крупно мелом: “Проба”.

Из окна [машиниста] паровоза выглядывает машинист, тот самый, что был раньше на электростанции. Он видит вдалеке, на линии, человека – Середняка. Машинист дает долгий свисток. Середняк не уходит с рельс. Паровоз уже почти настигает его. За Середняком виден тупик – деревянный упор. Машинист резко закрывает пар и поводит ручкой автоматического тормоза до отказа. Середняк мчится от паровоза прямо по линии, между рельсов, не соображая, что надо оставить путь в сторону. Лицо Середняка не выражает испуга – он бежит автоматически и наблюдает [ясными] опустевшими, ясными глазами окружающий солнечный мир.

Тормозные колодки паровоза настолько сильно сжимают колеса, что из-под колодок брызжет огонь. Колеса перестают вращаться. Паровоз проползает несколько метров юзом и останавливается. Середняк садится на [рельс] деревянный упор тупика и глядит на паровоз.

Активист и бедняк [Козьма] Кузьма взбираются по насыпи к паровозу. Машинист сходит с паровоза.

Активист спрашивает у машиниста сумку с директивами. Машинист не понимает [и *смеется*] улыбается]. Активист настойчиво требует, – он вынимает карандаш, чтобы расписаться в получении документов.

Машинист вытирает руки [чтобы отвязаться от активиста] паклей. Чтобы отвязаться от [активиста] Активиста, он проводит по лицу [активиста] Активиста грязной паклей. Активист молча утирается.

[Козьма] Кузьма просится на паровоз. Середняк стоит тут же, но не смеет ничего сказать. [Козьма] Кузьма входит на паровоз. Паровоз уезжает задним ходом.

Активист и Середняк уходят на колхоз.

[Активист] Середняк [ложится в гроб у своего дома] доходит до своего дома. Входит в избу. В избе его висят остановившиеся часы и лежит старик с обмлевшим лицом. Середняк берет лукошко с печки, выходит на двор и насыпает мусор из лукошка по земле, как раньше он насыпал зерно курам. Но никакой птицы нет. Солнце пустынно освещает дворовую землю. Тогда Середняк прислоняется к молодому деревцу, и так стоит. Но с улицы, поверх плетня, на него смотрит лицо Активиста. Активист показывает ему жестом головы и руки, что деревцо надо вырвать.

Середняк целует ствол деревца, затем изымает его с корнем из земли и несет Активисту. Активист направляется по улице. Середняк идет за ним с деревцем

на плечах. Оба они входят на Организационный Двор и Активист показывает место у крыльца, где нужно вновь посадить это дерево. Середняк *[мертвыми]* бездушными медленными руками начинает рыть ямку для корня.

без
души

[Активист наблюдает сонное копанье мужика.

“Ты что там как мертвый? Где у тебя душа – психология?”

Середн<як:>

“Ты у меня ее всю организовал]

[Активист стал посреди Оргдвора]

От одного края колхоза начинается болото. Среди болота [–] виден плот. На плоту – люди и костры. Из крайней бедной хаты медленно выходит тучный, рыхлый крестьянин; одет он плохо и на лицо худ.

Активист выглядывает из ворот Оргдвора и замечает того тучного мужика. *[Поспешно]* Активист поспешно достигает его.

“Ты чего не являлся на раскулачиванье? Ты отчего не выселился?”

Тучный крестьянин устало глядит на Активиста.

“А я ж тихий бедняк!”

Активист пробует рукой живот этого крестьянина.

“[Но почему ж ты ту] А отчего ты тучный?”

Бедняк поднимает рубаху на своем животе:

“Это не жир, а сырость – у меня водянка[,] и я вскоре скончаюсь!”

Активист берет готовый гроб, что стоит прислоненный к соседней избе. Затем Активист вынимает свисток и свистит в него. Из Оргдвора выглядывает Середняк. Активист показывает середняку на гроб и на плот, который виден на болоте. Середняк заспешил куда-то с Оргдвора.

Середняк подводит лошадь к пустому гробу *[и [привязывает к нему] [запрягает в него] привя]*. Привязывает лошадь упрощенным способом к гробу.

Активист сажает тучного мужика в гроб и трогает лошадь в воду. Тучный бедняк кричит в пространство из гроба:

“Где ты, Козьма! Я ж сырой бедняк, а не кулацкий класс!”

Лошадь без сопровождения поволокла гроб по болотной мели – в направлении видимого плота. Тучный бедняк еще кричит оттуда что-то, но Активист смотрит на него в бинокль и бедняк *[боится]* прячет лицо **внутри гроба**, боясь вылезти из него.

“Раз ты тучный, то езжай на плот в кулацкий класс! [”] Бедняк пухлым быть не должен”.

Лошадь увлакивает гроб с бедняком. Активист и Середняк стоят на болотном берегу.

Паровоз *[быстро едет у другого конца дамбы]* едет по дамбе, лежащей поперек заболоченной долины. Кузьма и машинист глядят из окна на болота. Кузьма показывает рукой на всю окрестность:

“Когда я был мальчишкой, [кулаки-капиталисты] кулаки за великие деньги продали землю [буржуйам] инженер-буржуйам под эту дамбу. А река загородилась и умерла – и стали мы гибнуть в болотах. Но теперь мы кулаков посадили на [плот] бревна и отправили жить на середину болот [, чтоб они вспомнили, [отчего пошла бедность в долине] кто сделал бедность в долине]”.

Паровоз переходит на главный путь и исчезает с полным паром.

Активист сидит на берегу и смотрит в даль болот. Середняк неподвижно стоит около него, опустив руки. К берегу приближается лошадь. Она волочит обратно по болотной мели пустой гроб.

В гроб садятся Активист и Середняк. Лошадь волочит их на Организационный Двор. Активист входит на крыльцо[,] дома, [*в*] *вынимает свисток*] что на Оргдворе, и протяжно свистит в свой свисток.

[*По разным дворам*] Из гробов, поставленных в бурьян на разных дворах, поднимаются равнодушные мужики и бредут к Оргдвору.

Собрание на Оргдворе. Стоят несколько десятков крестьян против крыльца. Активист включает радио. Прислушивается. Выключает.

“Оно играет не то. Я вам сейчас сыграю на губах организационный танец, а вы пляшите под него всем темпом своих туловищ”.

Видно, как уста Активиста играют танец. Мужики с мертвыми лицами топчутся по-лошадиному. Активист перестает играть. Он недоволен.

“Темпу больше, а то раскулачу!”

Мужики танцуют и кружатся несколько быстрее. [*Постепенно их лица*] В общем танце мужики обертываются лицами в противоположную от Активиста сторону. Активист кричит им:

“Взором ко мне!”

Крестьяне враз оборачиваются к нему. Все лица танцующих покрыты слезами.

Активист замечает это.

“Ликвидировать [*печальное*] кулацкое настроение!”

Слезы на всех лицах моментально обсыхают – и мужики усиленно организуют радость и улыбку на своих лицах.

Паровоз въезжает в ворота паровозоремонтного завода.

Паровоз останавливается. С паровоза сходят машинист и Козьма.

Партийный комитет завода. Машинист и [Козьма] Кузьма входят в дверь комитета. В Комитете заседание. Все члены Комитета — простые рабочие. [*Председательствует*] Машинист просит, чтобы Комитет дал [Козьма] Кузьме право сказать свое слово. Большевики соглашаются [*и дают*]. [Козьма] Кузьма садится на стул посреди комнаты [*Комитета*].

[*Кузьма садится*] Телефон звонит. Секретарь Комитета слушает телефон. Он говорит затем:

“Через полчаса общее собрание. Сейчас явится секретарь обкома”.

Общее собрание рабочих завода в цехе. На трибуне Кузьма. Он говорит наглядно. Представляет Активиста. Показывает омертвевший образ Середняка и т. д.

Уже темнеет. Ночь. Тот же паровоз стоит близ цеха. Кочегар бросает уголь в топку. [*Уже стем*] Машинист, Кузьма и еще десять-пятнадцать мастеровых выходят из цеха. Влезают на паровоз. Паровоз сразу берет хороший ход. Выезжает за ворота завода. Около ворот стоит с узелком невеста машиниста. Она видит машиниста и кричит ему. Машинист машет ей рукой приветствие, но паровоз уходит все более быстро. Машинист снимает фуражку и бросает ее своей невесте. [*Невеста*] Девушка подбирает фуражку и стоит с ней и своим узелком. [*Огонь на*] Задний фонарь паровоза уменьшается и делается вовсе невидимым. Паровоз исчез.

Ночь. На высоком шесте горит красный фонарь над колхозом. [*Над*] Дальше – над кулацким плотом – горит фонарь желтый.

Оргдвор. Среди Оргдвора стол. На столе [*громадный фонарь*] *громадн*] большая плетка, в которой горит сало. За столом сидит Активист и пишет ведомость. Ночной ветер колеблет листы его ведомости.

Середняк проходит мимо Оргдвора и стучит сторожевой колотушкой [*в руках*].

По железнодорожной дамбе, которой сейчас не видно, мчатся три огня паровоза. Огни летят выше уровня колхоза и земли, в полной тьме – точно по небу. [*Вновь короткий пар свистка*]

Активист слышит шум какого-то движения и смотрит на небо. На небе звезды. Активист склоняется над ведомостью и снова пишет. Огонь в плошке колеблется.

[*Из [глубины] тьмы травы к Активисту подбирается Кузьма*] Активист трудится с крайним усердием и углубленностью. Он не слышит,<,> как к нему подходят Кузьма и машинист. Кузьма без всякого предупреждения делает Активисту удар в голову, но попадает только косвенно, почти промахивается, и [*падает*] сам падает на землю от своего измождения. Машинист тогда бьет Активиста ровным ударом в лоб. Активист валится, но во время падения выхватывает револьвер и стреляет вверх. [*Паровоз*] Освещенный паровоз стоит на дамбе. После выстрела с паровоза раздается тревожный, длинный гудок: видна струя пара, бьющая из сирены.

Поднявшись, Активист видит, что на Оргдворе, кроме машиниста и Активиста <sic!> стоят [*пять или семь*] десять–двенадцать рабочих. Он смотрит [*где гудит*] на дамбу. Там гудит паровоз.

Активист прыгает через плетень. Рабочие оставляют его без внимания. Активист подбегает к берегу болота и бежит по воде по направлению к кулацкому плоту, над которым горит желтый фонарь.

По темным дворам мужики поднимаются из гробов. Лошади трогаются с общественного скотного двора табуном. Люди и лошади идут на Оргдвор. Позади всех шествует петух — тот, который некогда улетел от Активиста.

Кузьма, машинист и все прибывшие рабочие сидят за столом. Их окружают крестьяне и лошади.

Утренний рассвет. Около дамбы [*стоит*] находится все население колхоза: крестьяне, лошади, петух, воробьи, старики, несколько женщин и т. д.

Все рабочие, и Машинист, входят на паровоз. Кузьма остается в колхозе. Он новый председатель колхоза. Паровоз дает продолжительный гудок и отъезжает. Все население колхоза бежит вслед паровозу, но паровоз уже скрывается на полном ходу.

Паровозоремонтный завод. Главные ворота. На воротах громадный плакат:

“Товарищи! [*В колхозах жители*] Сегодня начинается сверхурочный добровольный труд для постройки землечерпательной машины, чтобы осушить болота в подшефном колхозе имени Генеральной Линии [*Организуем посредством мощной маши*]”.

[*Электро*] Машинный зал электростанции.

Входит Машинист. Дежурный машинист передает нашему Машинисту свою работу. Машинист расписывается в книге.

Котельная. Кочегар тянет рычаг гудка. Гудок: **конец рабочего дня**. Открываются проходные будки. Из будок никто не выходит. Один мастеровой подошел к доске с номерами. Вешает свой номер. Сторож глядит на него – и смеется. Мастеровой снимает свой номер [*обратно*] назад и уходит обратно в цех. [*Проходные будки*] Новый гудок к началу работы. Проходные будок закрываются.

Машинист нажимает кнопку. В котельной на котле загорается красная лампа над [*надписью*] табличкой: “держат предельное давление”.

Из-под щеток коллекторов бьют искры и молнии. Машинист, как прежде, начинает борьбу с перегруженными машинами. Он трет коллекторы наждаком. Плюет на корпус машины. Слюни кипят. Он снимает рубашку. Мочит ее под краном.

Выжимает из нее лишнюю воду. Потом накладывает влажную рубаху на корпус машины. От рубахи идет пар. Также поступает машинист со штанами и с нижним бельем. *[Он охлаждает машины всей своей влажной одеждой. Сам остается голый. Лишь через]* Всей своей одеждой, намоченной и выжатой, он покрывает горячие машины. Сам остается голый. Лишь через чресла обвязывает себя веревкой.

В машинный зал входит девушка – невеста Машиниста. Она лучше, чем прежде, одета и не имеет в руках узелка с едой.

“Я тебе ничего не принесла: принесу, когда социализм, настанет *[и ты и по мне заскучаешь]*”.

Машинист рассеянно глядит на нее, *[и в то же]* потому что все время чутко слушает работу машин.

“Ладно, Маша, как *[до социализма доделаемся, так я тебя враз полюблю]* социализм доделаем, так я тебя враз полюблю. А ты пока походи походи”.

Маша стоит и плачет. Машинист целует ее и, обернувшись, плюет на свою *[машину. Влага на машине вскипает]* рубашку, лежащую на машине. Рубаха тлеет. Сплюнутая влага вскипает. Девушка уходит. С порога она оборачивает свое плачущее лицо:

“У Карла Маркса жена была, у Ленина была, а у тебя все нет и нет”.

Машинист озадачен. Но машины дымятся. Он вновь мочит свою одежду, выжимает ее и расстилат по корпусам машин.

“Проходит месяц”.

Едут товарные платформы. На платформе ящики *[с машинами и части]* с частями машин. На ящиках написано: “Экскаватор. В колхоз Генеральная Линия”. На одной платформе сидят Машинист и пятеро мастеровых.

“И еще проходит неделя”.

Плавающий экскаватор стоит собранный на воде. Труба его дымитя. Ковш поднят. *[По берегу к экскаватору идет весь колхоз. Впереди шествия флаг. Близ флага Козьма]*

<Вставной лист>

Лето. Высокий день. Чаща осоки, кустарника и болотная топь окружают экскаватор с трех сторон. Экскаватор поворачивается рабочей стороной к заросшему болоту. Ковш опускается под воду. Ковш извлекает грунт и относит его в сторону. *[Ковш извлекает грунт и падает]* Экскаватор вгрызается в болотную *[чащу]* чащу. Его ковш *[рвет]* корчует чашобу, заросли, *[рвет]* рвет из-под воды залежалые деревья, мечет грунт. Машины экскаватора работают ураганным темпом. При больших напряжениях, когда ковш экскаватора цепляет под водой *[старые]* глубокие корни, понтон экскаватора накреняется, через него хлещет вода. Тысячи лягушек, спасаясь, бросаются на экскаватор; другие тысячи их *[виснут]* облепляют грунт берегов роемого канала. *[Мутными потоками вокруг экскаватора]*

Вода мутными потоками *[колеблется]* кружится вокруг напряженной, трепещущей машины. *[Машина грудью]* Как трактор борозду, машина роет новую реку. Среди вечной неподвижной девственности, *[диких цветов]* в окружении диких прекрасных цветов – экскаватор рвет землю и поднимает кверху железной рукой букеты подводных нежных растений, а затем бросает их прочь. Машинист, облитый маслом и потом, с радостной яростью работает рычагами управления.

<Продолжение вставного листа>

Позади экскаватора уже [образовалась [новая] прямая и точно] [новое] образовалось прямое и точное русло новой реки. Экскаватор работает дальше – вперед, окутанный дымом и паром.

Болото близ колхоза. Под руководством Кузьмы все члены колхоза работают по [грудь] живот в воде. Колхоз роет лопатами подводный грунт и накладывает его в корзины бабам, которые [относ] выносят грунт в корзинах на берег. Грунт – жидкий; по женщинам, когда они уносят корзины, течет грязь. Мужики, роющиеся в болотной жиже, тоже все в грязи. Заросли рвут руками. Миллионы комаров и мух <sic> [туч] неподвижными тучами стоят над тружениками. Бабы ходят с корзинами из болота на берег и возвращаются обратно. Колхозники копают. Они потеют даже в воде: [влажные] сальные пятна слившегося пота блестят на их голых телах.

Колхоз углубляет русло по направлению к далекой непроходимой чаще, что стоит стеной вдалеке.

Из-за той чащи показывается дым работающего экскаватора.

Весь водяной колхоз обращается взором в то направление.

Кузьма выходит на берег. За ним выходят все.

Экскаватор бьется уже в последней болотной чаще — от колхоза отделяет его уже небольшое пространство [более чистой воды] негустого болота.

Кузьма уводит всю артель в деревню.

Колхоз. По улице ходят куры. Горой лежат пустые гробы. Кузьма входит в избу. Висят остановившиеся часы. Кузьма толкает маятник. Часы идут. С пола на стену поднимаются тараканы. Кузьма [одевает чистую руб] [берет] [вытаски] моет руки, достает из сундука чистую рубаху.

[Экскаватор] Улица колхоза. Бабы и мужики вышли из изб со свежей одеждой и переодеваются на воздухе.

Экскаватор уже пробился сквозь чащи и работает на виду колхоза, оставляя за собой след в виде новой, геометрически точной реки.

Экскаватор приближается к берегу колхоза.

По берегу к остановившемуся экскаватору идет колхоз. Впереди шествия флаг. Близ флага — Кузьма.

Под флагом [репродук] два [крестьянина] колхозника несут [репродуктор] на носилках рупор радиогромкоговорителя и все принадлежности для радиоприема. Задние несут на шестах антенну. Баба волочит по [земле] береговой воде провод заземления. Позади колхозных людей идут общие лошади, Петух, Грачи, Воробьи и одна собака.

[Кузьма пускает радио]

Шествие останавливается на берегу против экскаватора. Кузьма пускает радио. Радио играет музыку. Все члены колхоза дирижируют руками в такт музыке. Экскаватор дает гудок. Ковш опускается под воду. Ковш поднимается, наполненный грунтом. Ковш относится в сторону и [выкидывает] сгружает подводный грунт на берег. Движения машины сложны и сознательны. [Лошади открывают пасти]

Середняк находится близ Кузьмы. Он поет от оживления и движется на месте.

“Чья ж теперь машина?”

Машинист отвечает с борга экскаватора:

“Ваша [, чтоб вы]”.

Услышав это, весь колхоз в новой одежде с берега бросается в воду. Достигнув экскаватора, люди хватаются за него и с жадностью держатся за причальные брусья. Лошади также подходят вброд к машине. Петух перелетает воду и садится на площадку понтона.

Колхозники влезают на экскаватор. Трогают детали машины, гладят железо, глотают слюны от жадности к новой собственности. Кузьма и Середняк обнимают котел.

Середняк наклоняется ртом с борта, моет губы, вытирает их начисто исподней рубашкой и подходит к Машинисту. Целует машиниста.

[“А мы думали – отчего у нас душа пропала!.. А это у нас [Активист] товарищ Активист имущество взял да испортил, и мы испортились!”]

[“Мужики от такой машины]

[“От такой машины [мы уж] колхоз уж не расстанется. От Активиста у нас]

[“Вы мне]

[“У нас душа явилась от такого имущества. А то товарищ Активист забрал все сквозь, [и нам] испортил, и нам стало пусто жить [”]. Мы говорим – болото, а он нам [пустил музыку] – даешь, говорит, сплошь, а то сам возьму[”]. Ведь теперь вода опустится, луга высохнут, а наш колхоз очутится [на бугре радости”]]]

[“Мы уж теперь расстаться не можем, иначе машина пропадет, а без нее нам — мокро станет, и ум]

“Мы уже теперь в колхозе не расстанемся. От такого имущества у нас будет [полная] [общая] покладная душа!”

“Вставка I”

Некоторые колхозники пошли и поплыли в даль – по новому каналу. Из деревни в канал ручьями тронулась стоячая дотоле вода.

Машинист бросается в одежде в новый канал, чтобы вымыться.

Станция железной дороги — недалеко от [экскаватора] колхоза. К станции подходит пассажирский поезд. С поезда сходят несколько рабочих семей с паровозоремонтного завода. Невеста машиниста, празднично одетая, также сходит с поезда. Ее сопровождает молодой человек — ее новый жених.

Снова экскаватор. Середняк [и], Кузьма и Машинист пляшут на понтоне под [звуки] аккомпанемент прерывистого гудка, рукоять которого дергает один мастеровой.

[Середняк кричит, как песню:

[“Рой нам новые потоки, чтоб колхоз очутился на высоком бугре!”] “Мы жили в болоте, а в колхозе на бугре]

На берегу появляются люди с поезда. Бывшая невеста машиниста идет под руку со своим новым женихом.

Для приезжих с экскаватора на берег выкладывается мостик.

Плот с классом кулаков. Меж ними несколько бедняков, в том числе Тучный Бедняк, а также Активист. Они видят экскаватор и происшествия на нем. Жердями они подталкивают плот в направлении экскаватора, пробираясь сквозь болотные заросли. На понтоне экскаватора совершается свидание семей рабочих с колхозниками. Бывшая невеста Машиниста представляет ему своего нового жениха:

“Это мой будущий муж”.

Машинист радостно пожимает руку этому мужу:

“Здравствуй. Значит, ты с ней будешь работать в котел нашего класса: все равно!”

Кузьма отзывает машиниста к котлу экскаватора и открывает дверцу топки: там погасает огонь.

[Кузьма, Середняк и Машинист уходят с экскаватора. [Они входят в ко]

Колхоз. По улице ходят куры. Машинист, Середняк и Кузьма выволакивают с дворов на улицу пустые гробы. Машинист входит еще в хаты и, видя там оставившиеся стенные часы, пускает их. Часы идут. С пола на стену поднимаются тараканы.]

“Вставка II”

Но колхозные ребята под командой Середняка уже подволокли к экскаватору поезд связанных между собой пустых гробов. Гробы раскалываются и идут в топку экскаватора.

К экскаватору подплывает кулацкий плот. [По берегу – Кузьма, Середняк и Машинист тащут [поезд] связанный поезд пустых гробов. Гроба идут в топку экскаватора] Машина сифонит — из дымовой трубы вырываются языки огня.

Машинист и колхозники глядят на кулацкий плот. Кулаки глядят на экскаватор.

Машинист обращается: “Вы кто?”

Кулак отвечает с плота: “Мы — как класс”.

Машинист пускает в ход экскаватор. [Рукоять с ковшом] Ковш приближается к плоту, цепляет его за край и волочит вокруг экскаватора – из камышей на чистый поток. Тучный бедняк кричит с плота. Кузьма объясняет Машинисту. Машинист освобождает ковш от плота и приспускает ковш к Тучному Бедняку. Бедняк забирается в ковш; с ним садятся еще двое бедняков. Кроме них, за борт ковш<a> уцепился Активист. Ковш поднимается над водой. Затем останавливается в воздухе. Машинист двигает одним из рычагов, ковш сотрясается, Активист падает в воду. Троих бедняков ковш опускает на берег.

Затем ковш [отталкивает] энергично подталкивает плот вперед; плот увлекается течением потока и уплывает в даль, в вечерний сумрак. Девушка подходит к Машинисту.

“А если б я стала ждать тебя?”

Машинист думает.

“Зачем? Твой жених – тоже мастеровой, а мне [еще надо рыть здесь потоки для социализма, я не знаю, когда мне придется чувствовать себя!] еще много надо земли рыть”.

Невеста опускает голову.

Середняк подходит к ней:

“[Нанимайся] Записывайся к нам в колхозные матеря!”

Девушка глядит на Середняка [и [улыб] легко улыбается], на Машиниста и на своего жениха (простого мастерового человека) и легко улыбается.

[Конец]

Трое людей – Машинист, жених и Середняк – склоняются к лицу девушки и одновременно целуют ее. Кузьма тоже пытается пролезть меж склонившимися туловищами – для дачи своего поцелуя, – но не управляется.

[Конец]

(Обращаю внимание, что этот поцелуй качественно другой, чем знаменитый концовочный поцелуй. Если постановщикам сделать этот поцелуй качественно другим не удастся – тогда не делать поцелуя вовсе. Задача в том, чтобы поднять “поцелуй” из позора и сделать его свежим, социально-художественным явлением).

Конец¹

Прижизненная сценарная судьба «Машиниста» остается неизвестной. Возможно, завершив либретто сценария, писатель использовал текст в работе над «Котлованом». Думается, что и название колхоза (им. Генеральной линии) в «Машинисте» и «Котловане» — это не только социально-политическая, но кинематографическая аллюзия из жизни 1929 года: фильм С. Эйзенштейна «Генеральная Линия», о котором с конца 1926 года достаточно много сообщила пресса, вышел на экран в 1929 году (под названием «Старое и новое»). Многие эстетические реалии этого фильма используются в либретто Платонова в ироническом контексте. Так, главной героине фильма Эйзенштейна, колхознице-ударнице Марфе, в либретто Платонова противопоставлена девушка Маша, мечтающая выйти замуж еще до построения социализма. Отсылает к фильму «Старое и новое» и сцена своеобразного «оголения» машиниста ради спасения машины: в фильме так же поступает Марфа, снимающая свой единственный наряд — нижнюю юбку, чтобы протереть трактор. В диалог с Эйзенштейном Платонов вступил еще в 1927 году после выхода фильма «Октябрь» (рассказ «Надлежащие мероприятия»).

4. Обратные листы рукописи «Машиниста». Неизвестное

В источниковедческую карту 1930 года рукопись «Машиниста» добавляет еще один источник — это неизвестный текст, который находится на оборотах листов, использованных в качестве чистой бумаги на разных этапах работы над либретто сценария. При сложении разорванных надвое четырех машинописных листов реконструируется заверченный текст с авторской пагинацией.

«Не всякий смотрит мудрыми глазами на розовый рассвет и в бирюзу заката. Из неподсчитанных миллионов людей только немногие слышат тихий ход планет в темном мире и понимают печаль мертвых звезд.

Огромный мир, поместившийся в самом себе и текущий, как океан, по законам таинственной конвенции, проходит мимо точного сознания большинства людей. Люди смотрят на залегшую вокруг природу, как на пространство, которое надо преодолеть, передвигаясь по своим нуждам. Мелкий кустарник для них – дрова, стройная сосна – материал для жилища и мебели, яблоня – доход. Все, что живет, зреет и размножается под солнцем и что лежит в темных недрах планеты – все это для большинства людей средства на жизнь и на воспитание своих детей.

Только немногие из людей пытливыми глазами смотрят на природу, как на бегущий поток, и встречным острием разума врезаются в сокровенные тайны.

Разум этих людей открыл закон всемирного тяготения, разложил материю на атомы, постиг строение природы, определил состав дальних звезд и познал единство мира. Не превозмог их мощный разум только собственного распада. Мозг Ньютона так же сгнил в жутком мраке могилы, как и мозг библейского Адама. Но когда острый ум прорежет до конца темные глубины познания, то мир перестанет течь: природа прекратит рост и планеты остановят свой ход в пространстве. Это и будет бессмертие, – короткое, как миг, но равное вечности.

В этот миг исчезнет и разум, как у простых, так и у мудрых людей. Он иссякнет, как электрический ток в проводах, когда останавливается турбина, ибо, мозг, как

¹ Там же, л. 5–36. По авторской пагинации, л.1–48.

турбина, работает только под напором текущей природы. Конец разума будет концом мира, он остановится, а в основе мира лежит не стойкое вещество, а стремительное движение.

Люди, глядящие мудрыми глазами на мир, понимают зависимость их мудрости от движения природы и не желают себе бессмертия. Они чувствуют, что бессмертие – это смерть всему, поэтому покорно умирают, чтобы предварительно жить. Они знают, что после смерти драгоценные золотники их мозга, равные по ценности всем богатствам мира, превратятся в ядовитый серый гной, но не тоскуют об этом. Тоскует перед ужасом могилы тот, кто на мир и природу смотрит, как на подножный корм. Такой человек никогда своими руками не брал из природы пищу и не строил себе жилья. Он не открыл ни одной тайны природы для собственного любопытства и не сделал ни одной машины, чтобы облегчить себе труд. Силой своего хитрого, но пустого ума он все получает даром, заявляя трудовым людям, что он организывает их труд, защищает их от супостатов и управляет государством. Это буржуа, попы, чиновники, полководцы и организаторы хотят себе бессмертия и бесконечного царства потому, что на мир они смотрят глазами хищника и паразита, а не глазами настоящего человека. Все эти люди полагают, что их ум превосходит разум простых людей<, > и они уверенно берут проценты за свое превосходство с труда “массы”.

Надо благодарить природу, что в ней существует смерть, которая не шадит ни мудреца, ни паразита. Через смерть природа открыла дверь для жизни и для ее дивного венца – человеческой мысли. Не будь смерти, первый же изначальный гад заселил бы всю землю, а затем подход бы от собственной тесноты и недостатка пищи. Тогда бы наша планета никогда не родила человека...

...И я жалею, что этого не случилось, но ошибку природы я в отношении себя сейчас исправлю, пусть даже задним числом”.

Написавшего эту заметку в одно утро нашли висящим на крюке в переднем углу, где когда-то висели древние иконы.

Дежурный начальник отделения каждый день разговаривал с пьяными людьми и от этого стал умным. Он давно догадался, что пьяный человек в беседе вылуцивает из своей растроганной души лучшие зерна размышлений и поэтому охотно их клевал, а потом усваивал для собственного удовольствия. Начальник уважал пьяных и разговаривал с ними запросто, как с друзьями. Случалось иногда, что пьяный рабочий человек бил начальника в отместку за ущемленную свою жизнь, но начальник не обижался, – он подымал с полу свой государственный картуз и кротко приказывал отвести озорника в камеру вытрезвления. Это был умный человек на беспокойном милицейском посту.

Начальник выдавал проспавшимся пьяным людям документы и отбирал их подписи на штрафных протоколах, когда подручный милиционер доложил ему о висельнике, обнаруженном во вверенном участке.

– Вот видите, граждане, тут человек повесился, а вы пьянствуете, – сказал с укором начальник, обращаясь больше к самому себе, чем к окружающим пьяницам.

– Каждому – свое, – отозвался серый, худой старичок, видно нищий. – Мы гуляли, – а он – милый человек – вешался.

– Молодой или старый? – полнобопытствовал кто-то.

– Молодой, – ответил подручный.

– Стало быть от любви повесился – сердце не выдержало, – знающим голосом заключил серый старичок.

Старичку все поверили и сразу потеряли интерес к висельнику. Каждый из проспавшихся был когда-то молод и любил девушек. Каждому одна из любимых изменила с другим и он, в тоске по милому прошедшему счастью, думал о веревке. Теперь же у них были надежные пожилые жены, на которых они поняли мелкую душу женщины и навсегда разочаровались в хорошей любви.

– Ну, готовьте, милые друзья, по трешке за государственную заботу о вас, а я пошел по долгу службы, – сказал начальник, заправляя папку с казенными бумагами в черный портфель.

Люди разошлись каждый по своему делу, тайно радуясь, что оправдаются перед своими злыми женами за ночное домашнее отсутствие. И каждый, у кого была жена, придя домой сказал:

– Случай вчера такой вышел, – при мне человек повесился; так, поверишь ли, целую ночь в милиции дознание снимали. Волокита, истинный бог!..

Женщины, измученные подозрением измены, с радостью поверили этой святой лжи, так как знали о повсеместной волоките.

Робкий семейный мир мог существовать еще некоторое время.¹

Вопрос о времени написания данного текста требует отдельного исследования. Перед нами не просто пробный черновой набросок, а ранее заверченный текст, переведенный в машинопись. Текст читался редактором, о чем свидетельствуют вопросы на полях и не принадлежащая Платонову правка фиолетовыми чернилами. Сам этот сюжет позволяет еще раз обозначить проблематику неизвестных текстов, входящих в контекст работы писателя над «Котлованом». Причем мы имеем в виду не только формальный план «неизвестного» (очевидно, предстоит еще узнать ни один подобный текст), но и содержательный. Авторская метафизика, заключенная в приведенном тексте, относится к той сфере умолчания, что обращена к вечным, а потому и неразрешимым вопросам человеческой жизни и истории, с которыми всегда живут герои Платонова. «Котлован» не исключение, а подтверждение вечного статуса проклятых вопросов жизни и философии в художественном мире писателя. В «Машинисте» эти вопросы звучат на периферии представляемых коллизий и событий — о них думает невеста Машиниста, отсталые рабочие, крестьяне, а в финале сценария они уходят в содержание иронических авторских ремарок и т. д. Отношения между данным прозаическим текстом и сценарием «Машиниста» в целом обозначают ту же динамику противоположностей, те же полярные конструкции и тенденции и их смысловой перекресток, что существует между «Машинистом» и «Котлованом». Это тот же выбор разных возможностей художественного решения, возможностей, заключенных прежде всего в языке киносценария и прозы. Язык киносценария открывал возможность освоить и структурировать новое историческое пространство — современность, однако изначально предъявлял свои условия и ограничивал возможности художественного решения — и не только в плане политическом (власть цензуры в кинематографе), но и формально-содержательном. В сценариях главной была проблема современности, в повести — проблема человека: в онтологическом, экзистенциальном и религиозном смысле; а современность, откликаясь историей, обретала свой язык в сочетании эпичности и лиризма. Неизвестное, тайное и сокровенное, входящие в язык молчания, которым владеют или которому учатся герои «Котлована», оставался сферой невозможного для языка киносценария рубежа 20–30-х годов. Симптоматично, что появление звукового кино восхищения у Платонова не вызвало. В прозвучавшей в статье «Великая Глухая» (1931) ироничной оценке прогресса кинематографа безусловно сказался напряженный киносценарный опыт писателя 1929–1930 годов. Это был опыт добычания и прорастания смысла жизни, опыт, который обретался писателем на пути к «Котловану», — в набросках либретто самых разных сценариев, а также в «Машинисте». В этом опыте Платонова поразительным образом предугадывается язык мирового кинематографа второй половины XX в.

¹ Там же, л. 36 об., 35 об., 3 об., 25 об., 2 об., 26 об., 4 об.

Андрей Платонов

В поисках будущего (Путешествие на Каменскую писчебумажную фабрику)

В нашей стране любят предъявлять документы: это не только остаток тех прошлых лет, когда мы по метрикам и всеми способами делили людей на врагов и товарищей: полный подробный документ — есть рабочая биография, где записано трудовое сочинение целой жизни. Это сочинение дорого потому, что труд — безымянный: на кирпичах и на писчей бумаге нет фамилии работника: и нет ему славы, кроме документа. Особенно такая вещь дорога для бродячего рабочего, который сроду живет без семьи и знает фамилии заведующих биржами труда от Ленинграда до Свердловска.

Матвей Семенович Лазенков был именно из таких. Он остановился передо мной в сосновом лесу, где я сидел для наблюдения Каменской писчебумажной фабрики. Наставала весна — на меня что-то капало с деревьев и кругом пахло сырým теплом. По обоим <sic> сторонам лесной реки стояла фабрика, отсюда изредка доплывал сюда острый мертвящий газ серной кислоты. На станции Кувшиново серьезным голосом прогудел паровоз и одновременно у него зарычал паровой предохранительный клапан: паровоз уходил в трудный подъем с предельным давлением в котле.

В природе было хорошо, но как-то тревожно. Очевидно, весна есть эпоха трудностей и для живого мира. Быть может<,> ежегодно растения и звери тратят на <свое> создание и обновление столько же сил, сколько людям потребно на устройство социализма. Но ведь природа все же устраивается однажды в год, значит и мы сумеем устроиться раз в век.

Здесь предстал невдалеке Матвей Семенович. Я думал, что он сейчас вынет из кармана музыкальный инструмент и сыграет мне за плату, или покажет фокусы с картами и кольцом, такую профессию обозначало его острое приветливое лицо походного артиста. Но он предъявил мне свои долготлетние документы, и я с уважением прочитал про восемнадцать профессий гражданина Лазенкова. Матвей Семенович следил за мной, пока я читал и лицо его принимало форму высшего превосходства и трогательного чувства к самому себе — за многообразие своего рабочего искусства; он мог делать бетон наравне с производством челноков для швеймашин. Я оплошал перед ним и выразил ему свое почтение. Он сразу ослаб от своих благородных чувств и вытер слезы на бледных глазах универсального рабочего. Но это было лишь введение в еще большие человеческие чувства, а именно: Матвей Семенович Лазенков достал из своего мешка две бутылки водки на одну сухую рыбу. И мы слегка выпили с ним под весенним солнцем, уже уверенные в своей дружбе.

Немного погода Матвей Семенович уже произносил беспокойную речь — лесу и мне:

— Я — резервная сила эсэра! Дайте мне чертеж социализма и сырье, — я вам в одну смену сделаю и облицую его... Что там в газетах пишут — тут уклон, там перекося! Раз уклон — катись под откос, нервная стерва! Царап его — и ваших нет, а наши тут!..

Матвей Семенович говорил ртом из внутренних чувств, а голова его сидела на плечах и больше слушала, чем думала.

— Ты слушай дальше! Была у меня баба в Москве, а я в пекарне тогда помаленьку тесто жег. Пристала ко мне баба: принеси, говорит, мне уголей мешок, я чай пить привыкла. Привыкла — так пей: несую ей уголей, а у трамвая стоит хороший народ, стоит и ждет. Вдруг у меня удар в сердце, и я — царап! — да здравствует оппозиция!..

Еду я дальше — стою уже на передней площадке с угольным мешком, как депутат какой. Доезжаю до Лубянки и иду в монолитный дом. А там барышня сидит и меня спрашивает: с какой стороны вы чувствуете оппозицию? — С задней, говорю, — потому что революция вождь отсталости и смерть измене! — Ах, с задней, — говорит мне барышня, — ну, тогда идите отсюда к шутам! — Не пойду, говорю, мне ехать не на что, а я человек утомленный! Барышня мне вынимает гривенник и дает. — Не хватает, предупреждаю я, — еще копейку давай — мне полторы станции ехать! — И она мне еще пятак без сдачи дает. А угли мои внизу лежат. Как-бы, думаю, стражники там самовар не начали ставить: пожгут угли, моя баба с ума сойдет. Оказывается, нет — угли целы и даже запечатаны, как судебное вещество. Приехал я домой и стал пить кипяток из новых уголей, а на другой день взял и ушел из пекарей в кочегары...

Кругом стало скучнее — испарения земли застали солнце и ветер начал работать на лесных вершинах, поскрипывая терпеливой древесиной. Матвей Семенович несколько угомонился — он занял рот рыбой.

— Говорят, Карл Маркс рыбу лю**б**ил, — произнес Матвей Семенович.

— Любил, — сказал я.

— И я люблю, — сообщил Матвей Семенович. — Говорят, в Москве теперь все по карточкам дают, а у меня в документах паспорта не хватает. Паспорт дадут без карточек, иль нет?

— Дадут, — сказал я и закурил.

— Говорят, кто пепел на папиресе целиком в Москву доставит, тому рубль дают...

— Нет, — ответил я.

Оплошность у меня проходила: передо мной сидел явный лодырь, сочинитель, профессиональный безработный и артист устного слова. В Москве Лазенков никогда не был и профессий накопил потому, что его отовсюду увольняли, а он поступал дальше на новые предприятия. Свое несчастье он выдал мне за личное квалифицированное достоинство и высоко увлекся передо мной, забыв, что он уже отсох от рабочего класса.

— Ты врешь, — сказал я ему. — Ты ничего делать не умеешь. Накопил отметки и ходишь хвастаешь, — ты не рабочий!..

Матвей Семенович со злобой затосковал: видно, что ему тоже трудно; сам про себя он знал, кто он такой — неумелый, слабый и ненужный.

— Значит, я дурак? — спросил он у меня.

— Нет, ты не один дурак, — ответил я ему. — Ты еще, во-вторых, вредный.

— А зачем тогда наша республика дураков рождает? — перехитрил меня Лазенков. — Какая-же это тогда республика, мать твою в эсер?!

— Ты — не республика, — отклонил я Лазенкова от своего отечества. — Республика у нас рабочая, а ты не рабочий. Тебя республика никогда не рожала, ты живешь одному себе на потеху, а рабочим — для лишних расходов.

С быстротой слабохарактерного человека Лазенков потерял свое прежнее настроение и захотел быть искренним.

— Значит, я — эгоист и больше ничего! Убивать таких надо рабочей рукой...

Лазенков растрогался, втайне ожидая моего сочувствия.

— Придется убивать, — сообщил я.

Здесь Матвей Семенович образумился: он рассчитал, что мир велик и меня можно потерять навсегда и без убытка, напрасно он тратил свое вино на меня. Лазенков спокойно собрал остатки рыбы и встал.

— Будь здоров — сказал я Матвею Семеновичу.

— Нехчему: таких убивать надо, — и Лазенков тронулся дорогой на Ржев.

* * *

После Лазенкова я вошел на Каменскую писчебумажную фабрику. А Матвей Семенович шел сейчас где-то по лесной дороге в город Ржев, хотя ему было мало смысла достигать этого Ржева. Его путь не имел значения на своем конце, но он будет идти всю жизнь в поисках легкой пищи и развлечения, пока не упадет в межвовую яму от смертельного утомления. Хорошая жизнь делается трудно: я видел, с каким терпеливым напряжением рабочий засовывает еловые деревья в патрон рубильной машины и та машина со зверской энергией электрического привода рубит дерево в мелкую щепу. Рабочий человек не шел по лесной дороге, он стоял на месте и заставлял идти вперед по движущейся ленте изрубленный лес. Где-то на конце фабрики лес окончательно превращался в бумагу и тетради, бумага и тетради исчезали за ограду фабрики и возвращались к рабочему рубильного патрона в виде книг и грамотных детей, карябающих свои первые лозунги на отцовской чистой тетради. Отец лишь вырабатывал чистое (место для помещения) ума маленького нового человека. Бумага, <конечно, делается>¹ не из одного искрошенного дерева. К этому <основному материалу> прибавляются химические вещества <гарпиус, клей>, глинозем и др. Производство бумаги требует много <пара, воды> и энергии. Один пионер, ходивший по <фабрике с экскурсией> заметил, что лучше-б было пустить повсюду <воды побольше>, а химии поменьше.

— Почему? — спросил пионера фабричный специалист.

— Потому что вода течет в речке, а кислота нет.

— Ну и что же?

— А тоже, что тетрадка стоит пятачок: ее <враз испишешь>, а отец потом дает три копейки, — <говорит — денег нету>. Может и нету, — отчета дома не ведут, проверить <не получится>.

Специалист и я почувствовали какое-то <угрызение совести> и свою общую отсталость перед этим юным <будущим человеком>. — Если-б в реке текла химия, тогда-б надо воды поменьше, закончил пионер свои указания с <обратного конца>.

¹ Угловыми скобками отмечены фрагменты плохо сохранившегося текста.

В целлюлозном отделе фабрики стояли <большие бутылки> с какой-то желто-красноватой жидкостью, <называемой селеном>. Раньше эту жидкость, как побочный <продукт, ненужный сам> по себе для производства бумаги <спускали по канавке вон из> фабрики. Еще до указания пионера, селен <начали собирать в> посуду, сосчитав, что этот селен может <дать фабрике около> полумиллиона в год добавочного дохода. <Селен представляет> собой ценное вещество для электротехнической и химической промышленности и стоит 2–3 тысячи рублей <один килограмм>. Каменская же фабрика в год дает около 200 <килограммов этого> селена. Теперь дело стоит за тем, чтобы этот селен перевести из бесформенного состояния в кристаллическое и тогда он будет иметь свою полную рыночную стоимость. Селен отходит из нашего уральского колчедана, и надо подумать вообще — нельзя ли поставить его независимое прямое производство, кроме обязательного сбора на всех советских бумажных фабриках. Селен, вероятно, может стать и предметом вывоза за границу.

Детское указание пионера — воды побольше, а химии поменьше получило, кроме дела с селеном, еще и прямое исполнение в том отделении Каменской фабрики, где производят клей-гарпиус. Каменские химики-бумажники прочитали однажды во французском журнале о новом экономном способе приготовления гарпиуса. В журнале, понятно, была помещена лишь осведомительная заметка: инженер такой-то делает опыты там-то, чтобы проклейка бумаги стала дешевле. Трое специалистов Каменской фабрики составляют собственный проект, делают опытную варочную установку и терпят полный успех предприятия. Именно: новый способ дает экономии гарпиуса на 40%, иначе говоря, наименьшее сбережение фабрики на клею равняется 100 тыс. руб. в год и школьник уже сможет получать тетрадь за 4 коп. вместо 5. Эта каменская копейка делает лишние тысячи людей грамотными и равноценна ежегодной постройке двух-трех десятков хороших школ. Если-же помножить каменскую копейку на всю советскую бумажную промышленность, то эта копейка станет целым колесом культурной революции.

Для самих рабочих новый способ производства клея также выгоден: он требует меньшего трудового напряжения и допускает применимость низкой квалификации.

В ролловом отделении в одной из машин каменцы увеличили число работающих планок, и ролловая машина стала работать экономней на 9.000 руб. в год. Но это было не очень удивительно, поскольку в русском рабочем всегда было много ума, не хватало лишь средств: теперь ему дали средства в виде целого государства — и он действует. Гораздо загадочнее была гидравлическая вымывка целлюлозы, вместо ручной, потому что новый способ вымывки несколько не влиял на производительность труда. Почему же этот способ тогда ввели? Дело в том, что у нас машина дороже человека; с машиной нельзя плохо обращаться — она перестанет работать, а с человеком — можно, он перетерпит за счет лишнего расхода своего тела и своей жизни. Однако, не всюду так. На Каменской фабрике вводят и такие улучшения, которые полезны не для машин и производительности труда, а для самого рабочего: здесь уже человек получил социалистическую оценку. Фабрику начинают устраивать так, чтобы она лучше отвечала душе и настроению рабочего и не тратила его нервов, бдительности и мускулов. Только для этой цели введена гидравлическая вымывка целлюлозы на смену ручной. И все-же здесь еще мало отличий от других наших лучших предприятий.

* * *

Кругом Каменской фабрики росли леса и жили деревни, в деревнях существовали крестьяне, которые пахали, сеяли и жали среди обычного средне-русского пейзажа. И было непонятно, почему здесь рабочий производит бумагу вдсятеро дешевле, чем на Сясьской фабрике: природа и люди там едва-ли хуже. Я проходил по фабрике и рассматривал рабочих: они попадались лишь изредка среди ущелий предприятия.

Пожилой бумажный мастер стоял у вращающихся барабанов и глядел на них с некоторым сомнением: он не был уверен, что <их?> нельзя заставить вращаться еще быстрее. Однажды он это уже сделал. Он сел среди сменившейся бригады старых рабочих и сказал им: рабочий человек может стать и мухой и слоном, — чем захочет; с мухой и паук управится, а слон сам деревья корчует. Фабрикант Кувшинов в Америку ездил, чтобы не ослабеть в производстве, но загодя утонул на корабле «Титанике», а нам в Америку ездить дорого, нам приходится по дешевке самим думать.

Бригада молча слушала мастера: она уже кое-что понимала. — Барабаны идут тихо, — говорил мастер. — Сменив шкив на электромоторе, дадим барабанам настоящий ход — нам бумага нужна скорее. У нас сейчас год недостатков, вы знаете, — я не учу, а разговариваю. Лучше разговора будет гнать машины... Страшно вам или так себе?

Мастеровые не испугались. Отчего не испугались — было непонятно: лишний труд всегда влечет сокращение жизни, он заменяет самоубийство. Но у бригады имелся свой расчет: год недостатков сейчас можно превратить в близкий век благополучия, если истратить этот год на труд и <sic> более скорых машин. И еще было нечто у этой бригады, что не оплачивается и пока неизвестно.

Барабаны пустили быстрее, бумаги с них стало получаться на 20% больше. Другие бригады подравнялись к этой первой бригаде, потому что сочли для себя позором тихий ход машин.

«Нас везут в социализм машины: дадим машинам полный ход!»

Этот каменский лозунг исполнили сами каменцы.

— Отчего вы умные и честные, а на Сяси дураки? — был спрошен один рабочий-каменец.

— Дураку виднее, у него спроси, — ответил каменец. — Разница идет не от умного, а от глупого: мы ее не чувствуем.

Вечером я читал планы и расчеты фабрики. В расчете стоимости одной тонны бумаги за первую четверть 1928–29 года сказано, что Каменская фабрика произвела бумаги на 38% больше задания и на 28 рублей дешевле за тонну.

* * *

Фабрика работает день и ночь — под солнцем и под луной. От этого и ночью не хотелось спать: близко находятся люди, которые бодрствуют и трудятся среди жары машин.

Обеспокоенный окружающей энергией, я вышел в поселок на поиски истины высокого производительного труда, — истины, утраченной на многих хорошо оборудованных предприятиях,

Каменские изобретения еще не выделяют каменскую фабрику из всех других фабрик: рабочий у нас всюду изобретает; в изобретательстве есть самозащита рабочего от страдания труда, — тем, что труд делается похожим на искусство и тем, что в изобретениях есть обещание обогнать потребление производством — и вырваться из порочного круга вечной работы.

Я искал не изобретения, не умелых администраторов, а среднего каменского рабочего, чтобы перенять его качества для других.

Кругом лежали тощие, тверские почвы. Землю здесь не обожают — за ее безответность; тверская земля не отвечает человеку плодом и урожаем на его труд — и крестьянин, живущий земледелием, ходит гол, бос и зол. Душа крестьянина тоже пуста — землю ему любить не за что, а больше — некого. Другие люди счастливей его: у них есть труд, это средство соприкосновения с миром людьми, — люди и мир их кормят за труд; и самое место труда делается любимым и священным, как любимая земля в черноземных губерниях. Человек же без труда, без узла жизни, связавшего его с человечеством и природой, делается сухой былинкой, колеблемой ветром нужды и теснотой одиночества.

Георгий Никанорович Свешников почувствовал себя ненужной тряпкой, когда Каменскую фабрику хотели закрыть семь-восемь лет назад. Юношей, разрушив веру в бога, он так-же потерял связь с миром и думал о преждевременной смерти, но у него не было оружия для смерти, а позже он начал читать Кропоткина, Бебеля, Маркса и постепенно увязался с людьми новым прочным способом.

На Каменской фабрике он стоял за ролловой машиной и вдруг его почти попросили оставить место и идти домой. А хата его находилась среди бесплодных болот. Фабрика была его кормилицей, он уже успел снять с земли свою душевную привязанность к ней и направил ее на фабрику. Если его отправят в деревню, Свешников выйдет с мертвой душой, — вместе с номером у него отнимут в проходной будке чувство смысла жизни из сердца, последний способ общения с людьми. Он вновь очутится среди сырой, голодной природы, как в юности очутился без бога и покоя. Тогда Свешников взял и заплакал: вместе с ним плакал весь рабочий Каменский район.

Здесь рабочие ясно разгадали, что индустрия — их кормилица и притом — единственная, а где хлеб — там и любовь и прочие лучшие чувства.

Фабрику оставили работать. Мастеровые в нее вцепились, как крестьяне в землю. Там, где половина рабочих оставила тридцать лет самой благородной поры своей жизни, там дело не только в зарплате, — там дело в хозяйском чувстве к фабрике и в полном праве на нее.

Лет пять назад Георгий Никанорович Свешников потерял в деревне всякий причал — он продал по дешевке усадьбу замужней сестре и переселился в фабричный поселок, словно окончательно женился на фабрике. Около половины каменцев также навсегда утратили свою родину — деревню, а остальные желают того-же.

— А как у вас в фабкоме и ячейке? — спросил я у Свешникова. — Там у вас бюрократизм или вообще слабо? Бумаги для планов и резолюций им хватает?

Свешников не понял формы вопроса — он жил наивно в обетованной земле.

— Там-же мы сидим: выбираем и меняемся, мы почти по очереди должности несем.

— Ах, так, — понял я с облегчением. — Так просто? — А еще чего тебе? Мы просто рабочий класс, нам некогда суетиться.

— Кто у вас инженеры? — спросил я дальше.

— Один есть рабочий с высшим образованием по технике, а другие — более пожилые.

— Как работают пожилые?

— Так-же, как и рабочий. Инженеры — у них ум искусственный, они знают больше.

— Почему больше, вы-же работаете тридцать лет? Вы знаете по бумажному делу все.

— У них весь кругозор в голове, а у меня одна фабрика. Он знает, отчего колчедан в горах растет, он что и к бумаге не касается может сюда-же для пользы присоединить.

После я был у инженера. Инженер имел спокойное, удовлетворенное лицо, работал он без спешки, но непрерывно.

— На чем у вас основаны отношения с рабочими? — был задан вопрос специалисту.

— На производственном уважении. Работать с опытными рабочими можно, только имея тоже опыт в голове и практику в руках. Плохой инженер будет здесь на другой-же день изолирован и сам уедет. — Трудно вам?

— Нет. Мы мало администрируем, мы больше улучшаем машины и условия труда. Это заменяет управление. Главным образом, я лично считаю, надо постоянно облегчать условия труда — постепенно делать труд бытовым, нормальным чувством. Вы видели гидравлическую вымывку целлюлозы?

— Видел. Почему вы говорите, что сделать труд бытовым — это главное?

— Потому что половина успеха всякого предприятия всегда было и будет психология рабочего: у человека есть сердце, ум и настроение — вот в чем дело. Остальная половина успеха — машины, сырье, организация и т. д. С машинами легче — у них нет настроения, у них есть только конструкция и состояние... А вообще-то говоря, сейчас трудно. Все время чувствуешь под собой рабочий подпор и сам должен подниматься, а когда поднимаешься — труднее удержаться и легче слететь... Это слегка страшно, но интересно...

— У вас твердые кадры рабочих?

— Да. Основной состав мастеровых почти не меняется. Раз так, то молодежь из ФЗУ на Каменке наверно плохо себя чувствует: у нее нет хороших профессиональных перспектив. При очень слабой текучести рабочего состава трудно получить работу и трудно продвигаться по лестнице квалификации. Такое мнение о ФЗУ Каменской фабрики — ошибка. Молодежь там учится с доверчивой яростью, потому что она молодежь и слабо боится завтрашнего дня. Это бесстрашие не бессознательное. Фабзавучи уже знают о непорядках на Сяси, о том, что на «Соколе» и на Балахне хуже, чем на их фабрике. И ученики ФЗУ имеют свой разумный, государственный проект: на Сясь и на другие новые фабрики послать с их фабрики группы опытных рабочих, чтобы они там «орабочили» и «раскрестьянили» свеженабранную рабочую силу. Один ученик так нечаянно и сказал: «На Сяси мало “рабочих”, там одна „рабочая сила”». Уехавшие каменские рабочие получают на новых фабриках повышение, а на самой Каменской фабрике получится передвижка снизу вверх и освободятся места для окончивших фабзавучей. Если дать такую перспективу Каменскому ФЗУ, то само ФЗУ тоже, как и фабрика, станет образцовым, потому что настроение учеников, как и рабочих, есть половина успеха их занятий. Кроме того, новые фабрики получают настоящее рабочее ядро из лучшего советского питомника мастеровых-бумажников. Пролетариат должен расширяться и воспитываться за счет

освоения выходцев-крестьян лучшими рабочими. Многие каменцы совершенно разделяют мысль о живой помощи новым бумажным фабрикам. «В середине рабочего сословия мы полные хозяева, а жить все равно где, — сказал один мастеровой. А затем добавил для полноты: — Хотя мы и наружи тоже хозяева помаленьку».

Свешников глядел поверх очков в газету, не доверяя стеклу. Его сын, фабзавучник, говорил мне о том, что на севере, на Сяси, природа хороша — он туда обязательно поедет потом на работу. Еще ему нравился город Монреаль — за свою тайну и отдаленность, но поехать туда придется не раньше мировой революции: и сын Свешникова вздыхал — такой город пропадает без него. За окном жила ночная лунная тишина. Лишь иногда пройдет рабочий на смену или тревожно попросит далекий паровоз тремя свистками тормозов на уклоне. В районе Каменской фабрики не знают хулиганства и никто не помнит, когда было последнее убийство. Настоящий социалистический труд, органическое отношение к производству — уже сами по себе образуют бытовую культуру.

Близ станции Кувшиново, Белорусской дороги, революция так сумела использовать природные и исторические условия, что создался высокий образец рабочего человека — с чувством труда как телесной надобности и с отношением к фабрике, как к своему двору, средству связи коллектива и драгоценному источнику жизни, взамен бесплодного земельного надела. Страна строится заново — создаются не только новые заводы, но и несуществовавшие люди, способные понять, что мы бедны от великих затрат на социализм, способные заплатить годами за века и работать с напряжением ревности друг к другу и со страхом за судьбу всего пролетарского дела (л. 136).

Т. М. Вахитова

Оборотная сторона «Котлована».
Очерк Андрея Платонова «В поисках будущего
(Путешествие на Каменскую писчебумажную фабрику)»

Автограф «Котлована», хранящийся в РО ИРЛИ (ф. 780, ед. хр. 7), представляет собой рукопись, исполненную карандашом на тонкой некачественной бумаге разного формата. Некоторые страницы рукописи написаны на обороте машинописных текстов самого автора.

Среди них можно обнаружить разрозненные страницы трех редакций повести «Город Градов» с правкой редактора, начальные страницы очерка «Огни Волховстроя», фрагменты киносценария «Песчаная учительница», маленький рассказ «Ночное чтение», начало статьи «О постройке нового человека», технические таблицы, литературоведческие задания по сравнительной характеристике повести А. С. Пушкина «Выстрел» и повести И. С. Тургенева «Отцы и дети», обращение в сценарный отдел фабрики «Совкино». На обороте л. 10 рукописи «Котлована» записано название новеллы «Смысл жизни» и приведен эпитаф: «“Сюжет не нов, повторено страданье” (Н. Воицкий. 1867)». И весь этот текст зачеркнут рукою автора.

Особое место в этом материале занимает машинопись целого, законченного и подписанного Платоновым произведения. На обороте л. 136—147 авторской пагинации и л. 100—112 архивного хранения находится очерк «В поисках будущего (Путешествие на Каменскую писчебумажную фабрику)». Очерк, судя по датировке некоторых фактов, приведенных в тексте, написан в мае 1929 года. (На с. 8 очерка автором указано, что «за первую четверть 1928—29 года ... Каменская фабрика произвела бумаги на 38% больше задания и на 28 рублей дешевле за тонну»).¹

Весь корпус материалов, расположенных на обороте автографа Платонова, представляет уникальную ценность для исследования биографии писателя, литературного быта, творческой истории отдельных произведений и, самое главное, для уяснения контекста «Котлована», зарождения и формирования его замысла из сложного переплетения сопутствующих и предвещающих работу вещей самого разного (публицистического, технического, литературоведческого) характера.

Для данной публикации очерк «В поисках будущего» выбран не случайно. Во-первых, это самый большой и законченный текст из всех обнаруженных на обороте рукописи. До настоящего времени он был неизвестен исследователям творчества Платонова. Во-вторых, этот очерк помогает прояснить общественную и

¹ РО ИРЛИ, ф. 780, ед. хр. 7, л. 104 (с. 8).

социальную позицию писателя в 1929 году, о которой много спорят платоноведы. В-третьих, публикация этого материала позволяет сделать выводы об особенностях идейного замысла и поэтики «Котлована», которая во многом представляется загадочной и странной.

Очерк Андрея Платонова создавался в разгар очередной политической кампании, организованной под руководством партии в «Литературной газете». Ее девизом был лозунг: «Писатели – на фабрики и заводы».¹ Именно с этого времени на советского читателя обрушился шквал производственного очерка. Как известно, писательские бригады выезжали на новые промышленные стройки, посещали старые заводы, сумевшие наладить работу по новым социалистическим принципам. «Литературная газета» постоянно информировала общественность о создании писательских бригад из представителей разных литературных групп и объединений, публиковала лучшие, по ее мнению, очерки под рубрикой «Писатели на фронте социалистического соревнования». С июня по октябрь 1929 года появились на ее страницах очерки Н. Огнева, В. Катаева, П. Павленко, А. Караваевой, А. Исбаха и др. Очерки М. Горького, Вс. Иванова, М. Шагинян, Ф. Гладкова украшали газетные полосы официальных «Известий».

Имя Платонова не упоминается в этих сообщениях, а очерк «В поисках будущего» так и не появился на страницах центральной прессы. До сих пор не ясно, кто командировал писателя в Тверскую губернию на Каменскую бумажную фабрику и для какого издания предназначался этот очерк. Возможно, Платонов весной 1929 года намеревался принять участие в литературном конкурсе рассказов и очерка, проводимом журналом «Смена» на тему «Молодежь в социалистическом строительстве». Срок предоставления рукописей, как было указано в объявлении о конкурсе,² ограничивался 1 июля 1929 года. Правдоподобность этой версии подтверждается тем, что в состав жюри конкурса входил Г. З. Литвин-Молотов, учитель Платонова, его первый редактор, выступивший в Москве в издательстве «Молодая гвардия» два его сборника: «Епифанские шлюзы» (1927) и «Сокровенный человек» (1928).³ В жюри конкурса входили А. В. Луначарский, Г. Лебедев (АППО ЦК ВЛКСМ), Я. Ильин (редактор «Комсомольской правды»), И. Найдис (АППО МК ВЛКСМ), В. Ашмарин, Г. Ярцев (редактор журнала «Смена»), Ник. Богданов и Марк Колосов (комсомольские писатели).⁴

Весьма интересна история этого конкурса. Как сообщалось в журнале «Смена», по просьбе авторов срок предоставления рукописей был продлен до 1 октября 1929 года.⁵ Однако после 1 октября до конца года итоги этого конкурса так и не были подведены, и в тексте журнала не обнаруживаются никаких следов столь рекламируемого в начале года «творческого смотра молодых сил». Очерк Платонова после октября 1929 года становился вовсе неконкурентоспособным, ибо после опубликования «Усомнившегося Макара» (Октябрь. 1929. № 9) и разгромной критики, последовавшей после публикации, писатель находился в опале. По-видимому, очерк «В поисках будущего» оказался погребенным в архивах «Смены» наряду с другими материалами «периода реконструкции».

¹ Литературная газета. 1929. 22 апр.

² См.: Смена. 1929. № 5; Правда. 1929. 19 апр.

³ См.: «Меня убьет только прямое попадание по башке» (Материалы к творческой биографии Андрея Платонова 1927–1932: Очерк творчества Н. В. Корниенко) // Новый мир. 1993. № 4. С. 104.

⁴ Смена. 1929. № 5.

⁵ Там же. № 13.

Возвращенный из небытия, этот текст Платонова обнаруживает удивительную близость с производственным очерком тех лет. Любопытно, что новая модификация очерка на производственную тему в большинстве своем повторяла композиционные черты очерка традиционного – этнографического. Производственный очерк, как правило, был построен в жанре «путешествия» (по фабрике, заводу, стройке). Б. М. Эйхенбаум, размышляя о движении литературы в то время, писал: «Современный быт должен предварительно пройти сквозь литературное оформление вне фабулы, в виде очерков и фельетонов, чтобы стать сюжетоспособным. Недаром наши газеты заполняются сейчас своего рода “письмами русского путешественника”, в которых описываются “глазами проезжего” не только страны далекие, как Ташкент, Сибирь, Кавказ, но и хорошо нам знакомые — Псков, Киев, Полтава, Волга. Целый поток этнографических и нравоописательных очерков — и в лодке, и пешком, и на лошадах».¹

«Оформление» рабочего быта происходило в традиционных рамках, поэтому писатели пользовались устоявшимися, стандартными приемами. Почти каждый очерк начинался с описания индустриального пейзажа, затем шли диалоги с рабочими, инженерами, профактивистами, ударниками соревнования в разных точках этого пейзажа, сообщались «этнографические» сведения о новом рабочем быте, демонстрировались цифры и диаграммы, а в заключение формулировался общий вывод в духе «боевого напряжения и плановости». Менялись производственные объекты, которые посещали писатели, но тип очерка оставался неизменным. Иногда, в лихорадке почина, он и вовсе превращался в схему, тиражируемую прессой под разными названиями. Против такого утилитарно-описательного очерка выступала М. Шагинян, отмечая негативные «традиции» «внешнего собирания материала», «неточности, порождаемой полужнанием», «воспевания нутра против системы, всякий раз тщателью замакированного в защитный цвет “бодрости”, “оптимизма”, “героического подъема”».²

И вместе с тем устоявшаяся традиционная форма давала широкий простор писателям для проявления своей творческой индивидуальности. Несмотря на жесткую конструкцию, все определял своеобразный угол зрения писателя (от земли, «сверху», «сбоку»), умение выбрать своего героя, построить диалог в неожиданном ракурсе, стремление ввести в текст свои излюбленные мотивы и темы. Успех очерка на заданную тему не в последнюю очередь зависел от языка и стилистики автора, способного перевести производственные и бытовые проблемы на уровень художественного и исторического осмысления.

Жесткий социальный заказ, который ввергал писателей всех группировок, вплоть до попутчиков, в очерковую стихию, в целом, разумеется, регламентировал литературу. Горький, к примеру, требовал от авторов журнала «Наши достижения» статей только одного определенного типа, «типа упрощенного очерка, сжатого, фактического, без излишних украшений от беллетристики, без крикливых газетных заголовков».³ Сложные человеческие судьбы, противоречивые общественные процессы плохо вмещались в «тип упрощенного очерка», и текст Платонова со всей очевидностью и наглядностью это доказывает.

Очерк Платонова был посвящен рабочим Каменской бумажной фабрики, известным в то время всей стране своим социалистическим почином. Они первыми отклик-

¹ Эйхенбаум Б. М. Мой современник. Л., 1929. С. 126.

² Шагинян М. О пятилетке и писательском соревновании // Литературная газета 1929. 5 авг.

³ Горький М. О том, как надобно писать для журнала «Наши достижения» // Известия. 1929. 23 авг.

нулись на вызов представителей ленинградского завода «Красный выборжец» принять участие в социалистическом соревновании. 19 марта 1929 года в газете «Правда» появилось письмо рабочих Каменской фабрики, в котором, в частности, говорилось: «Мы, рабочие, служащие и инженерно-технический персонал, обращаемся с вызовом ко всем писчебумажным фабрикам СССР последовать нашему примеру — снизить себестоимость и дать Союзу Советских Республик первомайский подарок — 7% снижение себестоимости и 17% повышение производительности труда. В первую очередь вызываем фабрику “Сокол” и “Балахнинскую”».

Каменцы сдержали свое слово, и за успехи в соцсоревновании получили в подарок радиостановку и 100 000 рублей на постройку жилого дома.¹ Эти факты лежали в основе очерка Платонова, хотя он и не обмолвился об этих событиях в тексте, рассчитывая, что читатель знаком с ними по газетной периодике.

Нетрудно заметить, что Платоновым был точно соблюден канонический жанр производственного очерка тех лет. Он также был построен по принципу «путешествия», как, впрочем, и все другие его произведения рубежа 20—30-х годов, начиная с «Сокровенного человека» и до «Ювенильного моря». В процессе этого путешествия автор встречался и с отрицательным героем (Лазенков) и находил своего положительного (Свешников), рассказывал читателю о молодой смене («башковитых» пионеров и энтузиастах-фабзавучниках) и беседах с «пожилым инженером». В очерке затронуты постоянные для этого периода жизни темы бюрократизма, рационализации и изобретательства, содержатся размышления о труде и «социалистической оценке» действительности, о машинном производстве и рутинном крестьянском земледелии. В заключении очерка, как и положено, был сделан вывод о том, что «революция <...> создала высокий образец рабочего человека — с чувством труда как телесной надобности и с отношением к фабрике как к своему двору, средству связи коллектива и драгоценного источника жизни, взамен бесплодного земельного надела».

Загнорнутые Платоновым «темы дня» существовали как бы в формальных рамках тех лозунгов, о которых говорил в апреле 1929 года в речи на пленуме ЦК «О правом уклоне в ВКП(б)» И. Сталин, таких как «лозунг самокритики, лозунг заострения борьбы с бюрократизмом и чистки советского аппарата, лозунг организации новых хозяйственных кадров и красных специалистов, лозунг усиления колхозного и совхозного движения, лозунг наступления на кулака, лозунг снижения себестоимости продукции и коренного улучшения практики профсоюзной работы, лозунг чистки партии и т. д.».²

По мнению вождя, «они — эти лозунги — составляют необходимые звенья одной неразрывной цепи, называемой наступлением социализма против элементов капитализма».³ В цепи этого «наступления», осуществляемого самыми жесткими и кровавыми методами, не последнюю роль играла идея соцсоревнования как фактор воспитания и организации массы. В то время эта идея носила живой, творческий характер, отражая во многом наивное стремление людей сделать труд творческим, созидательным, целенаправленным, способным принести благо каждому рабочему, целому коллективу, предприятию, которое они считали своим, всей стране. Сталин лично держал под контролем соцсоревнование и следил за отражением его успехов в печати. В предисловии к книге Е. Микулиной «Соревнование масс», которое было

¹ Колпинский А. Пятилетка Каменской бумажной фабрики. М.; Смоленск, 1931. С. 17.

² Сталин И. В. Соч. М., 1949. Т. 12. С. 11.

³ Там же. С. 13—14.

незамедлительно напечатано в «Правде»,¹ он писал: «В последнее время участились в нашей печати статьи и заметки о соревновании. Пишут о философии соревнования, о возможных результатах соревнования и т.д. Но редко можно встретить такие заметки, которые изображали бы сколько-нибудь связно картину того, как проводится соревнование самими массами, картину того, что переживают миллионные массы рабочих, осуществляя соревнование и подписывая договоры, картину того, что массы рабочих считают дело соревнования своим собственным, родным делом».²

Самая задушевная идея очерка Платонова связана со стремлением показать именно таких рабочих, для которых труд, дело, профессия, свой завод составляют смысл «существования», кровную необходимость, родственную обязанность. Не случайно он упоминает о том, что рабочие относились к фабрике «как к своему двору», а главный герой и вовсе «окончательно женился на фабрике».

Очерк Платонова с характерным для такого времени названием «В поисках будущего» волею судьбы или случая оказался помещенным на обороте самых мрачных страниц «Котлована». На одной из них (последней странице очерка) были размышления о «высоком образце рабочего человека», о «драгоценном источнике жизни», «судьбе всего пролетарского дела», а на ее обороте – рассказ о еще теплом мужике, лежащем в гробу под лампадой, в которую он самолично изредка подливал масло. «Мужик, – писал Платонов твердым, уверенным почерком, – изо всех темных своих сил останавливал внутреннее убиение жизни, а жизнь от долготетного разгона не могла в нем прекратиться».

Факт этого парадоксального соседства, разумеется, случаен, но и он требует своего объяснения. Почему в творчестве Платонова в 1929 году происходит такое резкое эмоциональное, идейное, эстетическое разделение публицистики и художественного текста? Почему при столь очевидной, даже физической близости очерка и повести столь различен их пафос?

Ответ на эти вопросы содержится в самом очерке, который лишь на первый взгляд представляет собой полную противоположность «Котловану». Оставаясь в границах жанровой нормы, соблюдая тематику времени, учитывая социальный заказ и руководящие указания партии, Платонов как бы изнутри взрывает традиционное содержание введением нетрадиционных тем, мотивов, образов. Этот диссонирующий слой легко и наивно захватывает в свое поле многие болезненные, сложные и просто опасные в те времена проблемы, которые любой доброжелательной критике уже было не под силу рассматривать по разряду самокритики.

Только что отзвучала речь Сталина на апрельском пленуме ЦК и ЦКК, где были намечены стратегические линии наступления на капиталистические элементы, определены главные точки приложения силы, и тотчас же эта программа оказалась пародией в устах «артиста устного слова» Лазенкова, который заявил: «Дайте мне чертеж социализма и сырье – я вам в одну смену сделаю и обликую его...». Большая часть речи Сталина была посвящена идейному разгрому «правого уклона» в лице Бухарина, Рыкова и Томского. И на этот факт откликнулся Лазенков: «Раз уклон — катись под откос, нервная стерва!». В таком же ерническом стиле возникает в монологе этого героя и страшная тема Лубянки, куда приносят сведения об оппозиции. Лазенков обнаружил ее с «задней» стороны, «потому что революция — вождь

¹ Правда. 1929. 22 мая.

² Сталин И.В. Соч. Т.12. С. 111.

отсталости и смерть измене!». Сталин обнаружил оппозицию рядом с собой «справа», а Лазенков считает, что она находится «сзади», за ним, видимо, в самой гуще народной жизни. Не случайно он кричит: «Да здравствует оппозиция!» — на трамвайной остановке, «где стоит хороший народ». И на этот «хороший народ» он побежал доносить в «монолитный дом» на Лубянке, за что и получил свои «сребреники» — пятнадцать копеек на дорогу.

Этот «опасный» текст завуалирован рассказом героя о мешке угля, который он по просьбе своей «бабы» украл с производства. История похищения и перевозки злополучного мешка отвлекает внимание читателя от политических сопоставлений и придает монологу исключительно бытовой и наивно-комический характер. Для усиления этого эффекта Платонов вводит в заключительные строки эпизода рассуждения персонажа о том, любил ли Карл Маркс рыбу и можно ли довести до Москвы «пепел на папиросе целиком». После отвлекающего маневра автор очерка дает оценку Лазенкову — «явный лодырь, сочинитель, профессиональный безработный и артист устного слова». За словами этой общей характеристики остаются без авторского комментария как политическое ерничанье Лазенкова, так и главное его открытие о том, что оппозиция находится с «задней» стороны. Тщательное сокрытие этих крамольных мыслей, балагурная, двусмысленная лексика, отсутствие авторской оценки позволяют сделать предположение о том, что в уста лодыря и проходимца Платонов вкладывает свои сокровенные размышления.

Уже тогда, в начале 1929 года, писатель иронично относился к партийной борьбе, прожектерской политике руководства, ощущая мощный напор оппозиционных настроений народа. Сейчас, когда опубликованы некоторые из многочисленных обращений крестьян и рабочих в самые высокие инстанции, понятно, что каждый простой труженик, обладавший определенным здравым смыслом, в те годы уже понимал антинародную сущность власти, ее демагогию, цинизм и жестокость. «Скажите, что вы сделали за 11 лет? — обращался один из корреспондентов в газету «Правда» в апреле 1929 года. — Безработица, миллионы людей гибнут на биржах, голодные, выброшены из заводов, и учреждений, весь народ за исключением коммунистов стонет под гнетом большевиков, ни писать, ни говорить правды нельзя — посадят в тюрьму, а потом еще и расстреляют. Это факт. Гнет царизма бледнеет перед гнетом большевизма, так говорят все крестьяне и рабочие».¹ Об этом Платонов, разумеется, знал, и знал не понаслышке, работая в 1929 году в Наркомате земледелия. Возможно, что и в Тверской губернии он побывал по мелиоративным делам.

Первый эпизод платоновского очерка — встреча с Лазенковым — является своеобразным эпиграфом, где выдуманный, «чужой» персонаж, окариатурируя и опошляя главные тезисы сталинской речи, иносказательно утверждает мысль о народной оппозиции власти. Известно, что Платонов любил придумывать эпиграфы к своим произведениям, пряча свое авторство за цитатами из несуществующих текстов. Монолог Лазенкова, не связанный с темой и сюжетом самого очерка, написан в иной стилистической манере, манере «Котлована», поэтому его значение не исчерпывается прагматическими задачами — показать отрицательного героя, а приобретает более глубокий, обобщенно-философский смысл.

Не приходит ли в противоречие этот «эпиграф» с дальнейшим текстом очерка, где рассказывается о социалистическом труде на Каменской фабрике? На этот вопрос

¹ «Проклятия крестьян падут на вашу голову...»: Секретные обзоры крестьянских писем в газету «Правда» в 1928–1930 годах / Публ. Т. М. Вахитовой, В. А. Прокофьева // Новый мир. 1993. № 4. С. 171.

с уверенностью можно ответить отрицательно, ибо Платонов нашел удивительное предприятие, работа которого определялась не бюрократами, не администрацией, не партийными лидерами, а исключительно рабочей инициативой. Фабрика привлекла внимание писателя не только потому, что о ней сообщала центральная пресса как об организаторе социалистического соревнования, но и потому, что сами рабочие, наперекор власти, сумели отстоять предприятие и не позволили его закрыть. Трудно поверить, что так могло случиться, но трудовой коллектив взял дело в свои руки, наладил производство бумаги, организовал работу самым рациональным способом. На этом «отдельно взятом предприятии» рабочие являлись не мифическими, а реальными хозяевами завода и своей жизни. «Там, где половина рабочих оставила тридцать лет самой благородной поры своей жизни, — замечал Платонов, — там дело не только в зарплате — там дело в хозяйском чувстве к фабрике и полном праве на нее». Если простого труженика не понукать, не дергать, не «администрировать», то он спокойно и обстоятельно сумеет обустроить жизнь вокруг себя. Для этого нужно еще одно важное условие – «дать ему средства в виде целого государства». Платонов в очерке утверждает, что рабочему такие средства «дали». Однако из дальнейшего текста ясно, что средства могут в любой момент отнять, фабрику закрыть, людей выкинуть на улицу, лишив хлеба, «хозяйского чувства», «чувства смысла жизни из сердца».

Писатель на рубеже 20–30-х годов четко понимал, что в советской России происходит процесс «отчуждения» собственности, считаемой общей и социалистической, от мира реальных тружеников в пользу чиновничьей бюрократической верхушки. Позже, в записных книжках 1934–1936 годов встречается такая запись: «Горе великого врем(ени) в том, что пролетариат завоевал власть (частично, смешанно, но едко, отравленно) для оригинальной, удивительной формации буржуазно-аппаратной демократии...».¹ Эта «буржуазно-аппаратная демократия» пользовалась плодами труда рабочих и крестьян, вершила их судьбы, ввергая их в хаос бессмысленного существования.

Опасность такого течения событий подметил и запечатлел Платонов в очерке 1929 года. Свешников, положительный герой очерка, боится, что его насильно «отправят в деревню» и он «выйдет с мертвой душой — вместе с номером у него отнимут в проходной будке чувство смысла жизни из сердца, последний способ сообщения с людьми. Он вновь очутится среди сырой, голодной природы, как в юности очутился без бога и покоя». Страх Свешникова оказался напрасным, фабрику не закрыли. Однако проблема осталась без разрешения, ибо закрывались другие заводы и фабрики, разорялись из-за непомерных налогов крестьянские хозяйства, и в зону вселенской заброшенности, экзистенциального одиночества погружалась ранее трудоспособная и активная часть народа. Эта тема представлялась Платонову самой важной в то время, он слегка ее коснулся в очерке и сделал предметом художественного анализа в «Котловане». Очерк, несмотря на социалистический пафос, обнаруживает парадоксальную близость с «Котлованом».

В очерке вдруг возникают такие знакомые по «Котловану» темы самоубийства и смерти, поиска веры и истины. Оказываются в чем-то очень близкими герои очерка и повести. Рабочий Свешников с Каменской фабрики, опасющийся, что, если его уволят с работы, он потеряет «чувство смысла жизни», удивительно напоминает Вошева, уже потерявшего и работу, и истину. Инженер, с которым беседует автор очерка об улучшении производительности труда, рассуждает о человеке, у которого

¹ Платонов А. Деревянное растение: Из записных книжек 1927–1950 // Огонек. 1989. № 33. С. 14.

есть ум, сердце и настроение, с той нотой грусти и печали, которая сближает его с Прушевским. И даже летун и рвач Лазенков своей хитрой терминологией схож с мастером научного разговора о социализме — Сафроновым. Размышления Платонова о «пустой душе крестьянина», о земле, «не отвечающей человеку плодом и урожаем на его труд», предвзвывают деревенские сцены «Котлована». Возникнут на страницах «Котлована» и пионеры, побывавшие на экскурсии на Каменской фабрике.

В недрах производственного очерка о людях, нашедших смысл существования в коллективном, социалистическом труде, уже реально ощущается замысел повести о людях, потерявших этот смысл в связи с утратой или неимением возможности приобщиться к такому созидательному творчеству. «Человек же без труда, — пишет Платонов в очерке, — без узла жизни, связавшего его с человечеством и природой, делается сухой былинкой, колеблемой ветром нужды и теснотой одиночества». Именно такие люди являются героями «Котлована».

При жизни писателя ни очерк, ни повесть не увидели свет. И это весьма показательно. Платонов обладал каким-то удивительным, «опережающим», художественным мышлением. В очерке о победителях соцсоревнования присутствовал метафизический замысел противоположного характера, и это присутствие осложняло восприятие текста, затрудняло постижение простых и ясных вещей.

Повесть «Котлован», лишенная предыстории, казалась неясной, мрачной, не соответствующей пафосу эпохи. И только сейчас публикация очерка «В поисках будущего» дает исследователям возможность детального сопоставительного анализа этих текстов для выявления замысла и концепции «загадочной» повести Платонова. Выявление и публикация других архивных материалов представляется первоочередной задачей современной науки.

Содержание

От редакции	3
<i>В. Ю. Вьюгин. Повесть «Котлован» в контексте творчества Андрея Платонова</i>	5
Котлован	
Андрей Платонов. «Котлован». Повесть (<i>Подготовка текста И. И. Долгова</i>)	21
Источники текста	117
Варианты машинописных текстов (<i>Подготовлено И. И. Долговым</i>)	119
Наброски к повести «Котлован» в «Записных книжках» (<i>Подготовлено В. Ю. Вьюгиным</i>)	126
Примечания (<i>Подготовлено В. Ю. Вьюгиным при участии Т. М. Вахитовой и В. А. Прокофьева</i>)	140
Материалы творческой истории	
Динамическая транскрипция рукописи «Котлована» (<i>Подготовка текста И. И. Долгова</i>)	165
Андрей Платонов. Машинист (либретто) (<i>Подготовка текста Н. В. Корниенко</i>)	309
<i>Н. В. Корниенко. Киносценарии в творческой истории «Котлована»</i>	323
Андрей Платонов. В поисках будущего (Путешествие на Каменскую писчебумажную фабрику) (<i>Подготовка текста Т. М. Вахитовой</i>)	364
<i>Т. М. Вахитова. Обратная сторона «Котлована»</i>	372

Андрей Платонов

КОТЛОВАН

Текст. Материалы творческой истории

*Утверждено к печати
Институтом русской литературы
(Пушкинский Дом)
Российской Академии наук*

Редактор издательства А. И. Строева
Художник Л. А. Яценко

Лицензия № 020297 от 23 июня 1997 г.
Подписано к печати 30.10.2000. Формат 70×90 1/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 29.4.
Уч.-изд. л. 27.9. Тираж 4000 экз. Тип. зак. № 3559. С 255

Санкт-Петербургская издательская фирма «Наука» РАН
199034, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 1
наука@aspid.nw.ru

Санкт-Петербургская типография «Наука» РАН
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12

220.

~~Земли Насоса была~~ ^{березня} ~~открыта, а под гряде~~
~~местом для~~ ~~устройства~~ ~~ограждения~~ ~~насоса.~~

Роней.

220.

*Копия
 1/1
 2/1
 3/1
 4/1
 5/1*

шум жизни с поверхности земли. Трудовые люди
 писали вглубь в великие камни и ~~в~~
~~свои~~ ~~на~~ ~~самые~~ ~~камен~~ ~~крупности~~ ~~свои~~ ~~особую~~,
 в виде камней, гранитную плиту, дабы на
 обложку на лету пролетит все почтенное
 праха.

~~Роней~~ Ондохтув, ~~писали~~ ^в ~~на~~ ~~Насос~~
 на руну ~~в~~ ~~на~~ ~~самые~~ ~~камен~~ ~~крупности~~ ~~свои~~ ~~особую~~
~~у~~ ~~и~~ ~~березня~~ ~~после~~ ~~ее~~ ~~закапавать~~. Врели
 было почтенное, все колхоз ~~она~~ в баране ^и ~~у~~ ~~на~~ ~~камен~~
~~на~~ ~~самые~~ ~~камен~~ ~~крупности~~ ~~свои~~ ~~особую~~, ~~после~~ ~~ее~~ ~~закапавать~~,
 и писали что ~~она~~ ~~принадлежит~~ ~~к~~ ~~Насосу~~ ~~на~~
 прощание.

Роней.